

МИРОВОЙ **М** БЕСТСЕЛЛЕР

ЭРУК ПАСТБЕЙДЕР

КАИСЁ

Новості

МИРОВОЙ **МБ** БЕСТСЕЛЛЕР

ЭРИК ЛАСТБЕЙДЕР КАК СЕ

НОВОСТИ

МИРОВОЙ **МБ** БЕСТСЕЛЛЕР

Eric Lustbader

The Kaisho

МИРОВОЙ **МБ** БЕСТСЕЛЛЕР

ЭРИК
ЛАСТБЕЙДЕР

КАК СЕ

Новости

Москва, 1994

*Перевод с английского Леовида АЛИЕВА,
Владимира КЛАВДИНА*

Исключительное право публикации книг, выходящих в серии „Мировой бестселлер“, принадлежит Издательству „Новости“. Выпуск произведений серии без разрешения Издательства считается противоправным и преследуется по закону.

По вопросам оптовой закупки книг серии „Мировой бестселлер“ обращаться по телефонам 265-50-53 и 265-56-62.

Copyright © 1993 by Eric Lustbader

© АО «Издательство „Новости“», издание на русском языке, 1994

© Л.Н.Алиев (стр.5—284), В.Н.Клавдин (стр.285—590), перевод, 1994

© В.Г.Прохоров, художественное оформление, 1994

**Майку,
моему зятю и другу,
который ушел из жизни
слишком рано.
Мы помним о нем —
сейчас и всегда.**

***Надуманное очарование
с легкостью может
растянуться на всю жизнь.***

В.Х.ОДЕН

***Я вовсе не против жизни
в мире мужчин — до тех пор,
пока ощущаю себя в нем
женщиной.***

МЭРИЛИН МОНРО

ИНЕРЦИЯ ПАМЯТИ

*Нельзя сказать,
что цивилизация
не прогрессирует,
ибо в каждой новой войне
людей убивают по-новому.*

УИЛЛ РОДЖЕРС

ГОЛЛИВУД / НЬЮ-Йорк ОСЕНЬ

Его имя было До Дук Фудзигу, но все, кто знал его в Голливуде и Флориде, звали его Дональд Трак, поскольку именно эта фамилия была записана во всех его фальшивых документах. До Дук, мужчина угрожающего телосложения, утверждал, что свои мускулы он позаимствовал от отца — специалиста по боевым искусствам Вьетнама, в то время как духовную сущность ему передала мать. Однако духовная сущность человека не интересовала никого в Голливуде. И уж во всяком случае, никого в гараже, где он работал. К тому же отец его вовсе не был вьетнамцем.

По возрасту — а ему было тридцать восемь — он был самым старым механиком в гараже. В то время, когда его молодые коллеги проводили свободное время на пляже, До Дук в гимнастическом зале отрабатывал приемы боевого искусства *додзё*. Хотя данная система, на взгляд До Дука, и не была самой эффективной, это все же было лучше, чем ничего.

Он был исключительно красив какой-то необычной, экзотической восточной красотой, неотразимой для женщин, пугающей для мужчин. У него были жесткие, иссиня-черные волосы и решительные глаза человека, привыкшего к опасности. Резко очерченное лицо создавало вокруг себя как бы ауру, которой он, казалось, мог управлять, когда считал это необходимым. Для чего ему нужно было тратить свое время, работая в гараже, люди могли лишь догадываться — основываясь только на его страсти к автомобилям. Ему не составляло труда переделать любой двигатель так, что он по всем показателям превосходил серийный образец.

В общем-то До Дук обосновался в Голливуде, потому

что в его многоликой и многонациональной толпе было легче раствориться и не привлекать к себе внимания на торговых улицах, в жилых кварталах и на автострадах побережья.

Уже два года он был женат на красивой стопроцентной американке, которую звали Хоуп, высокой, грациозной голубоглазой блондинке, родившейся и выросшей в Форт-Лодердэйле. Помимо того что она обожала До Дука, Хоуп была также влюблена в спортивные автомобили, дешевые ресторанички и беззаботную жизнь.

Для До Дука, привыкшего добросовестно выполнять свои обязанности, жена представлялась необычайным и редкостным созданием, которое он тащил в постель, когда ему только вздумается. Слушая ее неистовые стоны, чувствуя под собой ее извивающееся в экстазе крепкое тело, До Дук готов был признать, что жить в Америке можно.

Однако, по правде говоря, такие мысли приходили к нему нечасто.

Он услышал звонок в дверь в тот момент, когда натягивал на себя в спальне промасленный комбинезон. Стояло ясное теплое утро конца октября. Солнце просто слепило глаза. Он бросил взгляд на спящую на животе жену, на смятые простыни. Его охватило внезапное чувство отвращения, при виде ее голых ягодич вся страсть улетучилась.

Ощущение это не было для него новым. Его можно было сравнить с зубной болью, если и не ноющей, то напоминающей о себе неожиданными приступами. В дверь позвонили вторично, более настойчиво, однако Хоуп даже не пошевелилась.

Издав какой-то шипящий горловой звук, До Дук босиком проследовал в прихожую через кухню и гостиную.

В дверях стоял молодой почтальон — доставщик экспресс-корреспонденции. Он дал До Дуку расписаться в квитанции и вручил ему бандероль. На мгновение внимание молодого человека привлекла татуировка на левом запястье До Дука. Изображение лица человека. Левая половина — телесного цвета и глаз открыт, правая же — голубая, а вместо правого глаза вытянутый по вертикали крест.

Невольно вздрогнув, юноша взял себя в руки и потопился выйти. До Дук взглянул на адрес отправителя. Лондонский магазин фирмы „Авалон Лтд“. Со странной улыбкой на лице он обвел прихожую взглядом.

Закрыв дверь, он распечатал бандероль, извлек мато-

вую голубую коробочку, внутри которой лежала пара носков, завернутых в зеленую бумагу. Помимо белых и зеленых полос носки были украшены еще каким-то рисунком. До Дук вошел в кухню, ярко освещенную солнечными лучами, падавшими через выходившее на восток окно.

Только теперь он увидел в узоре рисунка слова. Расположенные по вертикали буквы складывались в слова ПРИМО ДЗАННИ*.

Коробка выпала из его руки, и он услышал глухие удары собственного сердца. Усевшись на пластиковый стул, он принялся растягивать руками носки, рассматривая их внимательнее. Затем поднялся, прошел по дому, заглядывая в каждую комнату, как бы запоминая обстановку.

Наконец он вернулся в спальню. Подошел к шкафу, вытащил свою сумку, побросал в нее самые необходимые вещи. Их оказалось немного. Добавил к ним туалетные принадлежности из ванной.

Вновь вернулся в спальню. Окинул спящую жену беглым взглядом, затем из ящика шкафа достал складной карманный нож, подsunул лезвие под ковер и подцепил острием доску пола.

Этот тайник он оборудовал сразу после того, как въехал в дом, еще до женитьбы на Хоуп. До Дук вынул оттуда старую зеленую металлическую коробку из-под патронов. В ней лежали пачки новеньких банкнот, а под ними — карнавальная маска. Она была старая, раскрашенная от руки в черный цвет, желтым и зеленым были обозначены глаза, щеки и рот. Изготовленная из папьемаше, она являла собой лицо мужчины с большим носом, огромными бровями, выдающимися скулами и покатым лбом. Нижний обрез маски заканчивался там, где у человека находится рот. До Дук держал маску с такой нежностью, как будто в руках у него было тельце ребенка.

— Что это?

Он вздрогнул, повернулся и увидел жену, сидящую голый на краю постели.

— Чем ты занят?

Привычным движением она запустила руку в свои длинные белокурые волосы.

— Ничем, — торопливо ответил он, быстро пряча маску в коробку.

*Персонаж итальянской „комедии масок“. — Здесь и далее примечания переводчиков.

— Как это ничем, Дональд? — сказала она, поднимаясь. — Ты же знаешь, я ненавижу всякие тайны.

Она быстро подошла к мужу. В лучах утреннего солнца он увидел тоненькие золотистые волоски на изгибе ее руки, фигура жены казалась окруженной радужным ореолом. Исходящая от нее аура пульсировала в такт каждому биению сердца. Губы До Дука слегка приоткрылись, как будто он хотел попробовать эту ауру на вкус.

— Мы должны доверять друг другу. Разве мы не договаривались... — По лицу Хоуп скользнула робкая улыбка.

До Дук вогнал лезвие ножа в нижнюю часть ее живота и, распрямляясь, рассек нежное тело, доведя нож до самого сердца.

С напряженным интересом он следил за тем, как на лице ее поочередно сменялись изумление, неверие, растерянность и ужас. Душа его с наслаждением впитывала в себя каждый тончайший оттепок ее предсмертных ощущений.

Хлынувший поток крови заставил До Дука отступить назад. В спальне повис сладкий запах смерти.

Тишина. Ни единого вскрика. Именно так его и учили убивать.

До Дук стоял, уставившись на вывалившиеся внутренности своей жены, сизо отсвечивающие в солнечных лучах. От них поднимался парок. По своей красочности зрелище казалось ему дивным; ощущения, которые он при виде его испытывал, вряд ли можно было передать какими-либо словами.

Эта картина и стоящий в комнате запах были для него все равно что старые приятели. Кровь напоминала о том, куда ему уже надлежит спешить.

В самолете, следующем в Нью-Йорк, у До Дука было время подумать. Он достал собственные цветные фотографии, которые сделал в киоске с автоматической съемкой по дороге в аэропорт в Лодердэйле. Затем отложил их в сторону вместе с контрольным талоном на авиабилет, оформленный на имя Роберта Асуко, и открыл номер „Форбс“. Уставившись глазами в страницу журнала, он восстановил в памяти ту информацию, которую получил сразу по приезде в Голливуд. Ее прислали ему в альбоме с репродукциями картин Джона Сингера Сарджента, который славился глубиной проникновения в женскую психологию и изысканностью пейзажей.

Информация содержалась на странице с репродукцией известного полотна художника „Мадам Х“ — для До Дука ее образ явился воплощением обольстительной чувственности женщин прошлого века.

Расшифровав и запомнив сообщение, он сжег страницу, а пепел спустил в унитаз. Альбом же оставил, для того чтобы просматривать время от времени. Он сожалел, что не смог захватить его с собой в эту поездку, поскольку книга была слишком уж тяжела и объемиста.

Сойдя с борта самолета в аэропорту Кеннеди, он сразу же направился к камерам хранения, расположенным в главном зале ожидания. Предъявив ключ с выбитым на нем номером, он открыл одну из ячеек и извлек содержимое — нечто похожее на черный докторский чемоданчик.

Затем взял напрокат машину. Как обычно, он воспользовался фальшивыми кредитными карточками и водительскими правами, будучи в полной уверенности в том, что ни то, ни другое не наведет на его личность и не находится в розыске. Ему и раньше приходилось бывать в Нью-Йорке, поэтому, даже сквозь царившую в аэропорту неразбериху, он без всякого труда смог добраться до автострады Белт Паркуэй. В нескольких милях к востоку, в округе Нассау, эта дорога вливалась в Саузерн Стейт Паркуэй.

Время близилось к вечеру, и на шоссе то и дело возникали бесконечные пробки. Идущий впереди тяжелый грузовик с гравием врзался в выскочивший через разделительную полосу „фольксваген“, а уже в них — „тойота“ и „шевроле“. Задержка несколько не огорчила До Дука — ему все равно нужно было убить время, и он с интересом смотрел на искореженные автомобили. Он равнодушно прикидывал скорость, при которой произошло столкновение. Затем попытался представить себе, что осталось от водителей.

Смерть, быстрая или медленная, была его пищей, и никогда она не давала ему чувства насыщения.

Он готов был слушать крики и стоны жертв до тех пор, пока пальцы его не начинали дрожать от возбуждения. Перед глазами плясали вспышки болотных огней. В этот момент в До Дуке было трудно узнать цивилизованного человека. Это был зверь в первобытном лесу, бесстрашный и свирепый. В его сознании пронеслась мысль о Хоуп — но не о ее жизни, а о ее смерти — он вновь испытал острое наслаждение.

Свернув на Уантау Стейт Паркуэй, До Дук погнал

машину к развилке. Сейчас он ехал вдоль Олд Кантри-роуд. К этому времени он уже вернулся в реальность. И только слабая аура вокруг фигур проезжавших мимо людей свидетельствовала о том, как обострены были его чувства.

Подъехав к Хиксвиллю, справа от дороги он увидел здание компании „Лилко“. На первый взгляд могло показаться, что это школа: двухэтажное строение из красного кирпича. Он развернул перед собой план здания. На нем было четко отмечено все то, что его интересовало. Запомнив схему, он поднес к ее уголку горящую спичку и дождался, пока бумага не превратится в пепел, который он затем размял пальцами в пепельнице, вышел из машины и быстро перешел через дорогу.

Ему потребовалось всего семь минут для того, чтобы прихватить обувь, рубашку, комбинезон, кожаный ремень и, самое главное, нагрудный знак служащего компании. Фотография человека на знаке, некоего Роджера Бурке, не имела ничего общего с внешностью До Дука, но это его и не беспокоило.

Отъехав от красного здания мили на три, До Дук остановил машину и переоделся в униформу „Лилко“. Действуя своим ножом, как хирург скальпелем, он осторожно снял со знака защитную целлулоидную пленку, убрал фотографию Бурке, заменив ее своей, прихваченной из Лодердэйла. После этого он аккуратно вставил удостоверение в пластиковую обложку. Долго пользоваться таким документом было нельзя, однако он и требовался До Дуку всего на один раз.

Он взглянул на часы: начало восьмого. Время ужина. Невдалеке он заметил китайский ресторанчик, торговавший навынос, купил там пластиковый пакет с едой и вернулся в машину. Достав из пакета картонные коробочки, он двумя пальцами принялся с жадностью поглощать рис и кусочки рыбы, сдобренные соусом. Запил свой ужин он несколькими глотками крепкого чая. Утолив таким образом голод, он был готов продолжить свой путь.

Вернувшись на Уантау Паркуэй, он направился в сторону уехавшей на запад Нозери Стэйт Паркуэй. У указателя на Пост-авеню он свернул и, проехав через Джерихо Терипайк, оказался в Олд Вестбюри. Проехав под скоростной автострадой, До Дук вырулил на вспомогательную дорогу, ведущую на север. Он оставил позади себя полицейский участок Олд Вестбюри, завернул направо, на Уитли-роуд. Местность здесь разительно отличалась от

бурлящего промышленного Хиксвилля: машина До Дука медленно катила мимо респектабельных особняков, обнесенных стенами из белого кирпича, вдоль которых росли вековые дубы, вились дорожки, ведущие к строениям с колоннами, сложенными из белого камня.

Дом, который он искал, стоял в стороне от дороги, его окружала трехметровая стена из красного кирпича. В опоре стальных ворот виднелся микрофон интеркома. Поравнявшись с ним, До Дук притормозил.

— Роджер Бурке из компании „Лилко“, — проговорил он в решетку микрофонного устройства в ответ на искаженный электроникой запрос. Для этого ему пришлось чуть ли не по пояс высунуться из кабины машины. Зато он получил прекрасную возможность обозреть подходы к выкрашенному темно-зелепой краской зданию. Он также заметил за изгородью огромного палевого ротвейлера. Свирепые твари, раньше они в Древнем Риме бегали за стадами овец. В наши же дни эта порода из-за своего дикого нрава и силы стала излюбленной в полиции и у богатых хозяев для охраны частных домов.

Он проговорил в интерком номер своего служебного удостоверения, а также сообщил, что его прислали сюда затем, чтобы проверить напряжение в сети, поскольку в районе обнаружены какие-то неполадки с электроэнергией. Его учили, что чем проще ложь, тем легче ей поверят, а перспектива получить удар током не улыбалась даже людям с самыми крепкими нервами. Минутой позже сработал электронный замок, и створки ворот начали медленно раскрываться.

До Дук натянул толстые резиновые перчатки на подкладке и медленно проехал в ворота. Руль он держал левой рукой, правая же покоилась на замке черного докторского чемоданчика.

Увидев приближающегося к нему вооруженного охранника, он послушно остановил машину. Невдалеке спущенный с цепи ротвейлер мочился в специальный ящичек с песком, нервно кося на нежданного гостя глазом.

Охранник подошел вплотную и потребовал у До Дука документы. Одет этот человек был в джинсы, рабочую рубашку, на ногах — кроссовки, вельветовую куртку оттопыривала кобура мощного кольта. Боевик из мафии либо отставной полицейский, прикинул До Дук, в наши дни это трудно определить.

Как бы то ни было, дураком он явно не выглядел, и До Дук первым сделал свой ход, не дав ему времени обратить внимание на руку, уже скользнувшую в чемоданчик. Левой рукой он ухватил его за ворот куртки и подтянул к себе. Охранник не успел дотянуться до кобуры с оружием, как в воздухе сверкнуло лезвие.

Удар ножа пришелся прямо в горло, и тело охранника конвульсивно содрогнулось. До Дук был готов к этому, и все же охранник, будучи человеком тренированным, чуть было не вырвался. До Дуку пришлось привстать, чтобы резким движением руки пробить лезвием небо и вонзить нож в мозг.

Охранник начал оседать.

Находившийся с подветренной стороны ротвейлер, почуввав запах крови, вначале завыл, а потом начал рычать.

— Вот так-то, приятель, — бросил До Дук, будто старому знакомому. Увидев несущегося на него пса, он выскочил из машины.

Свирепое чудовище, прижав уши и оскалив зубы, уже было готово наброситься на него, из раскрытой пасти тонкой струйкой стекала слюна. Молниеносным движением До Дук сунул защищенную толстой перчаткой руку меж оскаленных клыков и, когда собака сжала челюсти, переброшил ее через капот автомобиля.

Зубы пса впились в резину, и в этот момент До Дук вонзил окровавленное лезвие ножа ему в ухо, пробив череп насквозь.

Перчатка была почти насквозь прокушена, сжатые челюсти не позволяли ему высвободить руку. Стараясь не запачкаться кровью, До Дук поднял руку на уровень груди, наслаждаясь силой своих мускулов, способных удерживать на весу такую тяжелую тварь.

Тряхнув рукой, он вынужден был оставить перчатку в сомкнутых челюстях животного, поскольку знал, что ротвейлеры даже в смерти не ослабят своей хватки. Он извлек из уха собаки нож и вытер его о джинсы охранника, забрался в машину и подрулил к массивному портику особняка.

Очутившись в тени огромных колонн, он выключил зажигание. До Дук подхватил докторский чемоданчик и поднялся по лестнице к входной двери.

— Мистер Гольдони?

Шикарно одетый мужчина, стоявший в дверях, отрицательно покачал головой.

— Доминик Гольдони... э-э... отсутствует.

До Дук нахмурился, вытащил какие-то бумаги и принялся рассматривать их.

— Этот особняк принадлежит семье Гольдони?

— Да, — ответил шикарно одетый мужчина.

Лицо с крупными чертами было красивым и выдавало в нем уроженца Средиземноморья. Карие выразительные влажные глаза. Ему было под пятьдесят, явно не американец. На нем прекрасно сидел костюм от Бриони, итальянская шелковая рубашка, на ногах — туфли, не меньше чем тысяча долларов за пару.

— Вы из компании „Лилко“?

— Да, — ответил До Дук, небрежно махнув своим удостоверением и проходя в дверь.

Взгляд мужчины скользнул по пластиковой поверхности удостоверения.

— Я — Тони де Камилло, шурин мистера Гольдони.

— Известное дело, — усмехнулся До Дук, впечатывая свой кулак ему в солнечное сплетение.

Тони начал хватать ртом воздух, и в этот момент До Дук, поддерживая его почти нежно, нанес коленом удар в челюсть.

Бесчувственное тело Тони сползло на пол. До Дук наклонился над ним и оценивающим взглядом окинул кольцо с бриллиантом, дорогие часы, запонки, булавку для галстука. Затем он подхватил Тони под мышки и втащил по мраморному полу вестибюля в гардероб для верхней одежды. Колени и локти его он перехватил эластичным жгутом. Затем снял с полки шарф и запишал его целиком в рот Тони, заклеив губы пластырем.

Кухарок в доме не было; Маргарита де Камилло сама считала себя прекрасной поварихой. Но была живущая в доме прислуга — До Дук обнаружил ее в кухне, за приготовлением собственного ужина. Он неслышно подошел к ней сзади, набросил ей на шею жгут и затянул. Женщина раскрыла рот, пытаясь закричать. Ее скрюченные пальцы хватали воздух, она опарапала ими руку До Дука. Но тут воздух в ее легких кончился, и она рухнула на банки с томатами. Он оставил лежать ее там, где она упала.

Вернувшись в вестибюль, До Дук начал подниматься по ступенькам широкой, красного дерева лестнице. Доски под его ногами были отполированы так, что он мог видеть в них свое отражение. Толстый персидский ковер заглушал звуки шагов.

Маргарита де Камилло блаженствовала в горячей ванне. Ее голова покоилась на специальной резиновой подушечке; с полузакрытыми глазами она наслаждалась теплом, проникающим сквозь поры. Это было ее излюбленное время дня, когда она могла позволить себе отключиться от внешнего мира, расслабиться и ни о чем не думать. Дополнительная ответственность, которую возложил на себя ее муж, сделала его совсем неузнаваемым. Она знала, что он занят выше головы и сейчас, по-видимому, у него какие-то неприятности.

Знала она и то, что была единственной в мире, кто мог бы помочь ему, но, принимая во внимание его происхождение — сицилиец, она отдавала себе отчет в том, что действовать должна очень осторожно. Не следовало напоминать ему о тех деятелях шоу-бизнеса, которые стали его клиентами благодаря ей.

„Серениссима“, ее детище, косметическая фирма, которая поставляла свою продукцию исключительно кинозвездам Голливуда и Нью-Йорка, процветала благодаря ее фантазийному творческому характеру. Вся эта публика искала с ней знакомств, многих из них она спихивала своему мужу.

Предаваясь всем этим размышлениям, она непринужденно массируя пальцами свое тело — особенно синяки и ссадины. Тепло воды успокаивало боль, она расслабилась.

Неожиданно, как это всегда бывает, мысли ее вернулись к Франсине. Пятнадцать лет — трудный возраст. Еще не женщина, но уже и не девочка. Ее рано сформировавшееся тело только осложняло ситуацию. Уже несколько раз, еще до того как ее брат попал под опеку ФПЗС — Федеральной программы по защите свидетелей, она обращалась к его помощи, чтобы решить кое-какие школьные проблемы дочери или избавить ее от слишком назойливых великовозрастных ухажеров.

Маргарита вздохнула. Больше всего на свете она любила свою дочь. Это чувство переполняло ее. Она разрывалась между своей работой и одиночеством Франсины. Она вполне отдавала себе отчет в том, что ей никогда не удавалось уделять достаточно времени дочери. А что же было ей делать? Она бы содрогнулась и умерла, если бы была слишком привязана к дому. У Тони тоже не было времени и терпения заниматься ребенком женского пола.

Маргарита чувствовала, что Тони явно недоволен тем, что у него нет сына — его наследника, о котором он все время мечтал. Но случилось так, что больше детей Маргарита иметь не могла. Одна Франсина. Из-за этого-то Тони все время и хмурится.

Ванна была вырезана из огромного цельного куска черного оникса; теплая вода в ее овале, благоухающая ароматами бальзамов, приготовленных по рецептам самой Маргариты, действовала успокаивающе на ее ноющее тело. Кран был из чистого золота, формой он напоминал лебединую шею. Ниша, в которой располагалась ванна, была от пола до потолка выложена зеркалами, неожиданно отразившими фигуру До Дука, появившуюся на пороге.

Маргарита вадрогнула, инстинктивно прикрывая груди руками. Глаза ее от удивления расширились.

— Кто вы такой? Что вам здесь нужно?

— У меня есть к вам предложение. — Голос До Дука звучал мягко.

Маргарита не могла вымолвить ни слова.

Тем не менее спустя секунду она, собравшись с силами и глядя на незваного гостя, произнесла:

— Как вы сюда попали? Что вы сделали с моим мужем?

— Он еще жив. Если вы это имеете в виду.

Он медленно приблизился к ней.

Маргарита смотрела на него, как кролик на удава: обьятая ужасом, но не в силах отвести взгляд.

— Он даже не ранен. Просто спит.

Наклонившись над краем ванны, До Дук в упор рассматривал Маргариту. Она была исключительно красива, даже в свои тридцать с лишним. Высокие скулы, правильный овал лица, прямой нос, ясные глаза, вьющиеся темные волосы, сейчас мокрые, ниспадающие на великолепной лепки плечи. Однако в лице ее явственно читался вызов. Такая не сдастся. Подобный взгляд До Дук неоднократно видел у удачливых игроков. Маргарита пришла в себя от первоначального испуга, и румянец вернулся на ее щеки.

До Дука поразило то, что она не выказала того ужаса, который, казалось, должна была бы испытывать.

— Вы сказали что-то насчет предложения?

До Дук кивнул головой, отметив про себя хладнокровие, звучавшее в ее голосе.

— Именно так. У каждого из нас есть нечто такое, что

заинтересует другого. — Он позволил себе улыбнуться. — Например, мне бы хотелось знать, где находится Доминик Гольдони.

На лице Маргариты отразилось облегчение, она усмехнулась.

— Тогда вы пришли не по адресу. Обратитесь в ФБР. Я не представляю, где может быть сейчас мой брат. — Она негодуя фыркнула. — А теперь убирайтесь вон, ничтожество.

— А разве вам не интересно, что могу сказать я? — не обратив внимания на ее слова, задал свой вопрос До Дук.

— Интересно было бы... — улыбнулась она.

Он перешагнул через борт ванны, и вода выплеснулась через край на пол. Прижав одну руку к ее лицу, а другую к груди, он погрузил ее резким движением в воду. Через некоторое время он, схватив ее за густые волосы, дал ей глотнуть воздуха. Маргарита кашляла и фыркала. Глаза слезились, груди тяжело вздымались. До Дук убедился, что она наконец поняла серьезность ситуации.

— А сейчас? — спросил он. — Нам все-таки есть о чем поговорить, вы согласны?

— Ублюдок, — простонала она. — Как ты смеешь...

Но ты же еще ничего не видела, детка, довольнo усмехаясь, подумал он про себя.

— Мне нечего тебе сказать, — Маргарита убрала волосы с лица.

Она села на край ванны, не обращая ни малейшего внимания на свою наготу.

— Моя жизнь для меня ничего не значит. Я никогда не предам своего брата. Даже если бы я знала, куда они его дели.

До Дук снял с крючка вешалки купальное полотенце немомверных размеров и бросил ей.

— Завернитесь, — сказал он, выбираясь из ванны. — Не желаете ли взглянуть?

Он за руку вытащил ее из ванной комнаты. Она успела накинуть на себя купальное полотенце — оно скрывало ее от груди до колен.

— Какой же ты идиот! Что бы ты со мной ни делал, я не отвечу. Я не знаю ровным счетом ничего. Об этом позаботились фэбзэровцы.

Он протаскил ее через спальню мимо отделанного мрамором камина. На каминной полке невозмутимо тикали часы.

Когда они очутились в прихожей, Маргарита почув-

ствовала, как горло ее перехватила судорога. Она поняла, куда он ее тащит.

— Нет, нет, ради Бога, нет!

Он разжал пальцы, и она ринулась от него в другую спальню. Следуя за ней по пятам, До Дук едва успел подхватить сваливавшееся с Маргариты длинное полотенце. Его конец он намотал себе на левую руку, появившись на пороге спальни. По-видимому, это была детская — на кровати тут и там валялись разбросанные мягкие игрушки.

— Франсина!

До Дук спокойно смотрел на представшую перед его глазами сцену: обнаженная мать, в отчаянии закрывающая лицо руками, и тем не менее не в силах оторвать взгляд от своей пятнадцатилетней дочери, подвешенной за лодыжки к люстре.

— О Боже, Франсина!

Налитое кровью миловидное личико девочки абсолютно ничего не выражало. Глаза полузакрыты, рот полуоткрыт.

— Она еще не мертва, — произнес До Дук. — Но она непременно умрет, если ты не сделаешь так, как я скажу.

— Ладно, ладно, только опусти ее вниз!

— Только после того, как ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу. И мы снова перейдем на „вы“. Я не желаю ей зла. Но имейте в виду, что ее жизнь в ваших руках. — Он пересек комнату, бросив ей конец полотенца, который держал в руке. — Ну, теперь-то мы понимаем друг друга?

Маргарита бросила на него взгляд — о как хорошо был знаком ему подобный взгляд! — в нем читалось ее желание вонзить ему меж ребер нож для распечатывания писем. На мгновение ему даже стало любопытно — неужели он у нее под рукой, неужели она действительно готова совершить поступок, идущий вразрез с ее естеством? В данную минуту его интересовал только этот вопрос.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она.

Они вместе спустились в библиотеку, там он плеснул в бокалы по глотку бренди. Он даже позволил ей одеться, но только под своим присмотром. Она накинула на себя черную комбинацию, кремового цвета блузку, ноги сунула в расшитые золотой нитью шлепанцы. Он оценил то достоинство и скорость, с которыми она оделась.

И все-таки она сначала отказалась отвечать на его вопросы.

— Выпейте, — обратился До Дук к ней. — Это вас успокоит.

Она приняла от него фужер, сделала медленный глоток. Усаживаясь на диван рядом с ней, До Дук пригубил свой бокал.

— Значит, договорились? Это все, что я от вас требую. Когда ваш брат позвонит, вы уведомите меня о его местонахождении.

Она поставила свой фужер на столик.

— Вы с ума сошли! Этого никогда не произойдет. Никто из них никогда не станет звонить мне по этому вопросу.

— И тем не менее, он позвонит.

Какое-то время Маргарита смотрела на него в упор, перед тем как вытащить из серебряного ящичка сигарету. Она потянулась за ней; блуза на ее груди натянулась. Ага, сказал про себя До Дук, все эти женские провокации были ему хорошо известны. Ну что ж, это только ускорило развязку...

— Ублюдок! ФБР опекает моего брата Доминика уже в течение полугода, а то и больше. Ему разрешили взять с собой жену и детей. И с тех пор я о нем ничего не слышала. Точно так же, как его мать. Ему совершенно недвусмысленно дали понять: никаких контактов с родственниками или друзьями, в противном случае ФБР не гарантирует его безопасности.

В его руке блеснула серебряная зажигалка; чуть поколебавшись, Маргарита все же решилась наклониться к ней, чтобы прикурить. Глубоко затянувшись, она выпустила дым, стараясь, чтобы он заметил ее волнение.

— Хочу еще заметить, что ни один из свидетелей, пользующихся покровительством ФПЗС, за всю ее историю ни разу не соблюдал всех положенных инструкций. Об этом я знаю от мистера Маршалла, заместителя директора программы. А после всего того, что имело место, я знаю, что Доминик запомнил это. Он вовсе не спешит в могилу, совсем наоборот. Ему есть для чего и для кого жить.

Она оборвала себя на полуфразе, и До Дуку стало ясно, с каким нетерпением ждет она хоть какой-то его реакции на ее слова. До Дук понял, что она пытается взять реванш. Он решил промолчать.

Маргарита докурила свою сигарету до конца. Затушила окурки в пепельнице. До Дук ожидал, что она тут же закурит новую, но Маргарита снова удивила его своей силой воли. Сложив руки на коленях, она повернулась к нему.

— Освободи мою дочь, — мягким голосом сказала она.

— Мы говорили о твоём брате Доминике, — ответил ей До Дук.

Он с некоторым волнением наблюдал за тем, как на её лбу выступали капельки пота. Они сливались вместе и скатывались затем по её щекам. Его начинало охватывать знакомое возбуждение, подобное тому, когда он видел ауру вокруг совершенно незнакомых ему людей. В ушах слышался странный звон.

Голова Маргариты клонилась вниз, губы трепетали.

— О'кей, — сказала она, — предположим, Доминик и вправду позвонит. И что?

— Назначишь ему встречу тотчас же, и без всяких штучек со стороны ФПЗС.

— Он не пойдёт ни на какую встречу.

До Дук достал из серебряной коробочки очередную сигарету, прикурил и протянул ей.

— Пойдет, Маргарита, — возразил он. — Мне известно, раньше он уже звонил сюда несколько раз. Последний раз, помнится, не из-за того ли, что некий информатор сообщил ему о том, что сотворил с тобой Тони за закрытыми дверями?

Из уст Маргариты вырвался слабый стон. Она инстинктивно подтянула колени — казалось, его слова доставили ей физическую боль. Она была бледна и тяжело дышала полукрытым ртом.

— На этот раз Доминик получит информацию о том, что твой муж избил Франсину.

Сказано это было таким спокойным тоном, будто он продиктовал ей номер из телефонной книги, и эта его прозаическая манера была наиболее пугающей.

— Он непременно позвонит, не так ли? И тогда наступит твоя очередь сыграть свою роль. Ты изобразишь неподдельную истерику, и, даже если он не среагирует на нее, ты все равно будешь настаивать на встрече.

— Какой же ты подонок!

Она закрыла глаза. *Из-за этого гада все полетит к черту*, подумала Маргарита.

Она чувствовала, что теряет контроль над собой, соленые слезы текли по щекам, казалось, мозг превратился в какое-то размягченное желе — ее охватила паника. Пытаясь придать своим мыслям хоть какую-то последовательность, она спросила:

— Ты хоть знаешь, о чем меня просишь?

До Дук неожиданно хлопнул в ладони, причем удар пришелся по ее бокалу с бренди, который с громким хрустом разлетелся на мелкие осколки, заставив Маргариту подскочить на месте. Ему понравилось, как эта „шутка“ отразилась на выражении ее глаз — в сознании всплыл образ Мадам Х, запечатленный на полотне Сарджента.

Он сказал:

— Я уже убил охранника, ротвейлера и служанку. Не стоит и секунды сомневаться в том, что я убью твою дочь.

Она не могла оторвать взгляда от его мерцающих глаз.

— Как я уже заметил, жизнь Франсины в буквальном смысле находится в твоих руках.

Маргарита ткнула окурок в пепельницу.

— Боже праведный, как ты можешь спать по ночам?

До Дук поднялся:

— Интересный вопрос, услышанный из уст сестры Доминика Гольдони. Разве ты не пользуешься своей девичьей фамилией — *его* фамилией — в своем собственном бизнесе? Несомненно, пользуешься. — По лицу До Дука скользнула доверительная улыбка. — Интересно, что чувствует Тони в связи с твоей известностью под именем Маргариты Гольдони? Не от этого ли он приходит в ярость и изливает ее на тебя?

Она посмотрела на него с каким-то благоговейным ужасом, ощущение некоей внезапной перемены резануло ее, подобно бритве. До Дук обошел диван и остановился у огромного полотна Генри Мартина, на котором был изображен сельский пейзаж: поле, засеянное колосящейся пшеницей. Он наслаждался мастерством композиции и выбором цветовой гаммы.

— Маргарита, ты достаточно умна, чтобы понять — каждый из нас по-своему выбирает наиболее целесообразные пути решения той или иной проблемы, вряд ли здесь уместны фанатизм или справедливость.

Рассматривая ландшафт на картине Мартина, изображенный живописцем с волшебной силой, До Дук ждал ответа. Он думал о том, что с удовольствием бросил бы все, даже свою постоянную игру со смертью, позволяющую ему поддерживать себя в форме, ради способности написать хотя бы одну картину, подобную этой. У него не было детей — по крайней мере, о существовании которых он бы знал, — но подобный шедевр лучше всякого ребенка, поскольку, подобно божеству, воображение и мастерство художника дают возможность как бы остановить

мгновение. Большой награды для себя в этой жизни он бы не пожелал.

— Как интересно, такой зверь — и ценитель высокого искусства, — голос Маргариты прозвучал где-то у его локтя.

Он услышал, как она подошла, вернее сказать, почувствовал это. Интересно, вновь подумал он, хватит ли у нее духу пырнуть его ножом для распечатывания писем? Не поворачивая головы от полотна Мартина, он заметил:

— Доминик позвонит в течение ближайших двух часов. Ты готова выполнить свою половину нашей сделки?

— Подожди минуту, — попросила она. — Раньше мне не доводилось заключать сделки с дьяволом.

— Возможно, — он резко повернулся к ней, — но готов спорить — твой брат делал это столько раз, что, наверное, сбился со счета.

Ты ничего не знаешь о моем брате, хотелось ей крикнуть ему, однако холодящий душу страх при мысли о том, что он в своей обычной спокойной манере начисто опровергнет ее слова, не дал ей раскрыть рта.

Их взгляды встретились, и ее глаза отразили какие-то противоречивые чувства, скрывающиеся за внешней враждебностью ее поведения. До Дук сомневался, догадывается ли она о том, насколько его влечет к ней. Он был уверен, что она не имеет понятия о классической тактике, используемой ведущими допрос, к которой он и прибегнул: вначале подавить, затем расположить к себе — шаблонная схема любых взаимоотношений. Но она могла догадаться о другом его приеме. Несколько лет назад он пришел к выводу: женщин трогает не столько та власть, которую они испытывают над собой, сколько доминирующее влияние в отношении других.

Маргарита облизала пересохшие губы.

— У тебя есть имя?

— Несколько. Можешь звать меня Робертом.

— Роберт. — Она сделала шаг вперед и подошла к нему вплотную, вглядываясь внимательно в черты его лица. — Странно. Имя не восточное, а ты явно родом откуда-то оттуда. — Маргарита взглянула под другим углом. — Не так ли? Какая-то иная раса... Дайте подумать... Полинезия? — Она улыбнулась. — Сама я из Венеции, поэтому знаю, что это такое.

— Что „что это такое“?

— Быть чужаком. — Повернувшись, Маргарита напра-

вилась к дивану. — Мне приходится жить среди сицилийцев. Никто тебе не доверяет, абсолютно никто. — Она села, скрестив ноги. — Тебя всегда ставят в такое положение, когда приходится доказывать свою лояльность, даже близким.

До Дук про себя улыбнулся. Ему нравилось в ней это, интриговало. С вожделением он устался на ее длинные стройные ноги — сделать это было весьма просто — с тем чтобы придать ей мужества. Поскольку же это вожделение было преднамеренным, то его не следовало акцентировать. Он хотел — нет, откровенно говоря, он *жаждал* знать, насколько долго ее хватит, на что она будет способна в самых экстремальных ситуациях. Сейчас он был уверен в одном: она даст ему эту возможность.

— У тебя есть семья?

Вопрос пронзил его подобно лезвию ножа, тем не менее он одарил ее одной из своих очаровательных улыбок из комедии масок.

— Это было очень давно, — голос прозвучал неестественно глухо и неискренне даже для его собственного уха, Маргарита же была достаточно проницательна, чтобы тоже уловить фальшь.

— Ты сирота?

— Зерна разложения были посеяны во мне в ранней юности.

— Странную мысль ты высказал. Это правда? У тебя нет семьи? — Маргарита выдержала его взгляд.

Он пожал плечами, дескать, какое это имеет значение. Его бесила фраза, сорвавшаяся с языка. Он что, рехнулся?

Он решил порвать ту связующую их нить, которая начала раздражать его в не меньшей степени, чем и Маргариту.

— Что тебе нужно от Доминика? — откуда-то из-за спины раздался голос Маргариты.

— Информация, — ответил До Дук. — Только он способен ее предоставить.

— Это упрощает дело. Когда он позвонит, я получу ее от него и сообщу тебе.

Губы До Дука скривились в такой холодной усмешке, что Маргарита поняла: этот человек — не более чем оружие.

— Маргарита, я хочу еще раз напомнить тебе, что, если ты хоть на йоту отступишь от намеченного сценария, Франсина умрет, и ты будешь тому виной.

— Да-да! — по ее телу пробежала судорога, и она

спрятала лицо в ладонях. — Только не повторяй больше этого. Я не желаю, чтобы ты даже думал об этом.

Она подняла голову и посмотрела на него, сквозь слезы она изучающе вглядывалась в его лицо.

— А тебе известно, что, несмотря на все то, что сделал Доминик, у него еще достаточно друзей, которых он спас от фэбзэровцев и которые сильны и влиятельны.

— Да, я знаю, насколько они сильны и влиятельны, — согласился До Дук. — А кто, ты думаешь, меня послал?

Это был рассчитанный риск, но, чтобы сохранить свой контроль над ней, приходилось блефовать.

— Господи, этого не может быть! — в ужасе воскликнула Маргарита. — Это убьет его.

До Дук пожал плечами, подошел к ней и сел рядом на диван.

— Жизнь полна неожиданностей — даже моя.

— Нет, нет, нет, — еле дыша, повторяла Маргарита, — ты все лжешь. — Она вадрогнула. — Я знаю друзей Доминика. Им можно полностью доверять. Если ты причинишь ему вред, они достанут тебя. Это тебя не беспокоит?

— Наоборот. Я буду это только приветствовать.

Он наблюдал, как целая волна эмоций прокатилась по ее лицу.

— Боже, кто же ты такой, — прошептала она. — Какие грехи я совершила, что вынуждена общаться с тобой.

— Скажи, ты настолько же невиновна, насколько твой брат виновен?

Маргарита не обращала внимания на слезы, медленно текущие по щекам.

— Нет абсолютно невинных, но я... Сегодня какой-то Судный день. Что бы я ни сделала, его кровь будет на моих руках.

— В конце концов, все мы — животные, — заключил До Дук. — Иногда приходится вываливаться в грязь. Сейчас твоя очередь.

Она вынула новую сигарету:

— Уподобиться тебе? Никогда.

— Надеюсь, этого не произойдет, — улыбнулся До Дук.

Маргарита взялась за зажигалку, затем, очевидно, передумала и положила сигарету обратно.

— Меня пугает то, что ты знаешь о предстоящем звонке Доминика.

— Да. Знаю.

— Его друзья...

— У него нет больше друзей.

Он наклонился к тому месту, куда упал разбитый бокал с бренди, и, подняв кусок стекла, сжимал в руке до тех пор, пока на пальцах не выступила кровь; наблюдая, как стекло прокалывает кожу, Маргарита осознала, что в этом стремлении к боли — в той или иной форме — заключен важнейший компонент сущности этого человека. Она не придавала этому выводу особого значения, будучи не в состоянии понять его важности.

Ее удивляло, почему он не напал на нее. Для этого у него были все возможности: когда она обнаженной лежала в ванне, когда она одевалась, а он наблюдал, в любой момент на этой софе в библиотеке. Действительно, после того как прошел первый шок от его внезапного вторжения, она предоставляла ему все возможности, хорошо зная, что, зажатый между ее бедер и переполненный тестостероном, он лишится способности здраво мыслить.

Необходимо что-то предпринять, чтобы выбраться из этого кошмара. Она передвинулась на диване, задирая юбку еще выше — к самому основанию бедер. До Дук перевел взгляд с окровавленных пальцев на ее обнаженную плоть. Казалось, этот взгляд имеет вес и источает тепло. Она почувствовала, что ее щеки начинают гореть.

— Что с тобой происходит? — она не узнала своего голоса.

До Дук посмотрел на нее. Его палец оставил кровавый след в форме полумесяца на трепещущей плоти внутренней поверхности ее бедра. Он повел пальцами выше, к теплоте даже сейчас лону. Маргарита, почувствовав этот порыв, сделала все возможное, чтобы повалить его на себя, разжечь огонь в его крови.

Резкий звонок телефона заставил ее остолбенеть. Она уставилась на аппарат, как на ядовитую змею. До Дук убрал руку, ее последний шанс канул в Лету.

— Возьми трубку, — приказал До Дук, глядя в ее расширившиеся от ужаса зрачки.

Маргарита медлила, ее била дрожь. Она уговаривала себя, что это вовсе и не Доминик, звонить может кто угодно. Пожалуйста, пусть это будет любой другой, только не он.

Конвульсивным движением Маргарита вцепилась в трубку. Она сглотнула, затем с надеждой выдохнула:

— Алло?

— Маргарита, *bellissima*, — прозвучал голос Доминика, и она медленно закрыла глаза.

КНИГА 1: СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

*Год за годом
На рожице обезьянки
Все та же обезьянья маска*
МАЦУО БАСЁ

ТОКИО / МАРИН-ОН-САНТА-КЛАУД, МИННЕСОТА / НЬЮ-ИОРК

Столь ранним утром Токио пахнет рыбой. Причиной тому, возможно, река Сумида, до сих пор земля обетованная для многих рыбаков. Или же, подумал Николас Линнер, это из-за того, что стального оттенка облака давят на город, подобно усевшемуся на татами нежданному и прожорливому гостю.

Где-то далеко за горизонтом над вершинами гор уже всходило солнце, но здесь, в центре столицы, было еще темно. На небе обозначился лишь намек на утреннюю зарю.

Поднимаясь наверх в безостановочном персональном лифте в свой офис компании „Суйрю“ в районе Синдзюку, Николас размышлял о трудном разговоре и трудных решениях, ждущих его в „Сато интернэшнл“; этим промышленным гигантом, *кэйрэцу*, он заправлял вместе с Нанги Тандзаном.

Нанги, осмотрительный японец, раньше занимал пост первого заместителя министра международной торговли и промышленности. Сейчас же они с Николасом, решив объединить усилия, договорились о слиянии своих компаний — „Томкин индастриз“ и „Нанги Сато интернэшнл“.

Примечательно, что в прошлом оба унаследовали высшие посты в руководстве своих компаний. Нанги — от умершего брата лучшего друга, Николас — от покойного тестя. По этой и по многим другим причинам между ними сложились такие отношения, которым были не страшны любые испытания.

Николас вышел из кабины лифта на пятьдесят втором

этаже, прошел через пустынный отделанный тиком и хромом холл, миновал безлюдные кабинеты и офисы и очутился в своей конторе, которая вместе с рабочими апартаментами Нанги занимала все западное крыло этажа.

Он подошел к низкому дивану, стоявшему у широкого окна, и уселся, глядя на раскрывавшуюся под ним панораму города. В дымке смога, по цвету напоминавшей слабый зеленый чай, на горизонте смутно виднелись очертания горы Фудзи.

Он знал, что очень скоро ему придется вернуться в Америку, и не только для того, чтобы сидеть лицом к лицу с Харли Гаунтом и вести с ним разговоры, его ждали в основном встречи с влиятельными чиновниками в Вашингтоне, настроенными враждебно против возрастающей мощи Японии. Гаунт нанял человека по имени Терренс Макнотон, профессионального лоббиста, с тем чтобы тот защищал его интересы, однако Николас начинал ощущать, что в такое беспокойное время одного доверенного лица маловато. Уже несколько лет подряд Николас собирался слетать в Вашингтон, но Нанги до сих пор удавалось убедить его в том, что его присутствие здесь необходимо, — отстаивать интересы фирмы уже от проамерикански настроенных японцев.

С неоспоримой логикой Нанги настаивал: японцы, дескать, не увидят в нем *итэки*, чужака-варвара.

Отец Николаса, истый англичанин, полковник Дэнис Линнер в сердцах японцев старого поколения занимал особое место: в свое время, а именно после второй мировой войны, будучи старшим офицером штаба генерала Макарута, он оказал ему неоценимую помощь в установлении контактов с высшими японскими сановниками и выработке демократической Конституции, действующей до сих пор. Смерть полковника широко освещалась в национальной печати; на похороны его пришло не меньше народу, чем если бы это были похороны императора.

Присутствие Нанги Тандзана Николас ощутил прежде, чем увидел его. Сейчас Нанги было чуть за пятьдесят. Облик его обращал на себя внимание: невидящий правый глаз был полуприкрыт навсегда вывернутым наружу веком. Если бы не это, то его лицо было бы лицом дипломата, постигшего все тонкости мироздания и умевшего найти выход из любого сложного положения.

Нанги негромко постучал концом своей трости, рукоятку которой украшала вырезанная голова дракона, в дверь кабинета Николаса. В зависимости от времени су-

ток, самочувствия и погоды походка Нанги менялась: давали знать себя изувеченные на тихоокеанском театре войны ноги.

Мужчины приветствовали друг друга тепло, лишь для приличия соблюдая минимум официальности. Встреча выглядела бы совсем иной, если бы в помещении присутствовал кто-то третий.

В дружеской атмосфере они молча наслаждались зеленым чаем, затем перешли к деловым проблемам — они хотели обсудить стратегическую линию своей компании до того, как придут остальные сотрудники.

— Новости весьма паршивые, — начал Нанги. — Я не смог достать того количества денег, которое, как ты считаешь, даст нам возможность развернуться во Вьетнаме.

Николас вздохнул.

— Какая ирония — дела-то ведь идут очень даже неплохо. Посмотри отчеты за прошедший квартал. Спрос на Сфинкс Т-ПРАМ значительно превышает наши нынешние производственные возможности.

Т-ПРАМ являлся запатентованной компанией „Сато интернэшнл“ компьютерным чипом — единственным на рынке чипом с защищенной программируемой памятью.

— Вот почему, — продолжал Николас, — нам необходимо как можно быстрее разворачивать наше дело во Вьетнаме. Налаживать новое производство, расширять производственные мощности, отвечающие требованиям наших стандартов, — это, конечно, изнуряющий марафон, но с этим нельзя медлить.

Нанги пригубил свой чай.

— К сожалению, Сфинкс — это только один *кобун* в огромной структуре бизнеса *кэйрэцу*. Не все филиалы работают так хорошо.

Кобун являлись дочерними компаниями в системе *кэйрэцу* — конгломерата.

Николас понял намек компаньона. В отличие от компании „Томки индастриз“, „Нанги Сато интернэшнл“ и до слияния всегда имела доступ к капиталу. Сейчас же в Японии неожиданно были введены новые основополагающие правила. За последние годы баланс японских корпораций, в отличие от американских, крутанулся от значительного актива к угрожающему пассиву. Коммерческие банки наложили лапу на все основные *кэйрэцу*. В случае с компанией „Сато“ это был Банк развития Даймё. Задуманные отношения внутри самих *кэйрэцу* давали возможность брать займы по низким ставкам и на очень выгодных условиях.

Сейчас же обстановка изменилась — экономика Японии трещала по швам, такого еще не было со времен ужасов послевоенного периода. Все началось в 1988 году с ошибочных усилий правительства поднять экономику, испытывающую первые болезненные приступы от чрезмерного усиления иены, путем искусственно раздутого земельного бума. Министры рассудили, что инвестиции внутри самой страны ослабят, по крайней мере до определенного предела, достоинство иены. Теория сработала — но до поры до времени. Затем цены выскочили за пределы реальности. И все равно японские бизнесмены — тугие кошельки, упивающиеся своим мнимым успехом, — продолжали вкладывать деньги в недвижимость. Неминуемо пузырь лопнул. Перегруженные своей же собственностью, эти дельцы не могли больше сбывать акции даже с изрядной скидкой и буквально в одночасье теряли свои огромные состояния.

Бойня продолжалась, расширяясь подобно кругам на воде. Банки, выдававшие практически неограниченные кредиты под казавшуюся абсолютно надежной недвижимостью, остались с собственностью без права пользования ею и, следовательно, без достаточного количества капитала. Чтобы хоть как-то возместить огромные убытки, банки были вынуждены сбывать собственность должников, но и тем не менее в течение года их приходно-расходные книги были заляпаны красными пятнами*, кровью, единственно признаваемой банкирами.

Банк Даймё не был исключением. В отличие от многих других банков он выдержал удар, однако переживал исключительно трудный период, и его потери в значительной мере отражались на деятельности „Сато интернэшнл“. Не далее чем шесть месяцев тому назад Нанги был вынужден заменить председателя правления Банка развития Даймё, однако, тем не менее, ситуация по-прежнему оставалась неподконтрольной. Это заставляло его испытывать чувство унижения, поскольку он сам когда-то в свое время был управляющим банком.

— Однако, так или иначе, изыскать капитал нам просто необходимо, — настаивал Николас. — Если мы не завоюем вьетнамский рынок, и как можно быстрее, то нас обойдут другие конкуренты.

— Мне требуется еще некоторое время, чтобы обдумать ситуацию, — в последний раз напомнил Нанги. — Мы

*То есть с пассивным балансом.

только открываем для себя Вьетнам, и я не до конца доверяю его правительству.

— Ты хочешь сказать, что вовсе не доверяешь вьетнамцам.

Нанги, покачивая рукой, задумчиво глядел на чайники в стакане. Он не любил, когда между ними возникала напряженность. Даже тогда, когда Николас несколько лет назад первый раз поехал в Сайгон, чтобы нанять этого парня Винсента Тиня в качестве директора их вьетнамского филиала, Нанги и то был обеспокоен. Тинь был вьетнамец, и Нанги подумал, что, говоря о недоверии к вьетнамцам, Николас был прав. Уже столько денег вгрозали в этот странный новокапиталистический Вьетнам, а Николас подбивает его на новые расходы. А что будет, если вернуться коммунисты и национализировать весь частный бизнес? Они с Николасом в таком случае потеряют все.

— Эти люди представляют для меня загадку, — сказал Нанги, поднимая глаза.

— И вьетнамцы бывают разные.

Нанги покачал головой.

— Китайцы в Гонконге тоже разные, однако я не боюсь иметь с ними дело. Они изворотливы, но, должен признаться, мне нравятся их интриги. А к вьетнамцам у меня такого чувства нет.

— Именно поэтому вьетнамцами занимаюсь я, — возразил Николас. — Ты только взгляни на наш баланс — доход от производства небольшого количества товаров, который мы имеем благодаря распорядительности Винсента в Сайгоне, просто астрономический. Подумай сам, что будут значить низкие затраты на производство для тех *хобум*, чья прибыль все время снижается.

Конечно, Николас прав, думал Нанги, в этих делах он дока. Кроме того, нельзя не отдать должное его способностям предвидеть дальнейший ход событий в бизнесе.

— Хорошо, — кивнул Нанги, — я сделаю все возможное, чтобы разыскать необходимые средства.

— Великолепно, — согласился Николас, вновь разливая чай по чашкам. — Ты не пожалеешь о своем решении.

— Надеюсь. Я собираюсь возобновить свои контакты с якудза, я буду вынужден сделать это.

— Если только ты знаком с Кайсё, — заметил Николас без малейшего сарказма.

— Мне известно, что ты не испытываешь уважения к

якудза, но ведь ты и не пытался даже понять их. Меня удивляет, каких трудов тебе стоит осознавать каждый новый аспект японского стиля жизни.

— Якудза — это гангстеры, — сухо заметил Николас. — О каком понимании можно тут говорить?

— На этот вопрос я не могу ответить, — сказал Нанги. — Никто не может, успокойся.

— Чего я *не могу* понять, так это твоих связей с ними. Оставь их вместе с их грязным бизнесом.

— Это все равно что сказать: не вдыхай азот вместе с кислородом. Невозможно.

— Неудачное сравнение. Ты считаешь, что терять с ними связь не невозможно, а непрактично.

Нанги вздохнул — он знал, что этот его аргумент не явится решающим в споре с другом, в спорах он всегда проигрывал.

— Тогда отправляйся к своему Кайсё, — заявил Николас, — или как его там.

Нанги покачал головой.

— Кайсё — это *оябун* над всеми оябун. Босс над всеми боссами семейных кланов якудза. Но смею тебя уверить, что такого человека не существует. Этот термин состряпал какой-то умный якудза для того, чтобы полиция знала свое место и не высывалась. Под Кайсё подразумевают таинственного главнокомандующего. До тех пор, пока в сознании чужаков будет витать мысль о существовании некоего квазимифического босса над всеми оябун, в иерархии якудза будет сохраняться некий не доступный ни для кого уровень. Это позволяет им окружать себя мистическим ореолом и повышать свой авторитет всякий раз, когда полиция инсценирует для обывателей рейды по игорным притонам. — Он подался вперед на своем кресле. — Все мои контакты с якудза и полученные мною сведения говорят о том, что Кайсё — это миф.

Их разговор постепенно переключился на излюбленное детище Николаса — проект разработки компьютера „Хайв“, который оказался крепким орешком: американская фирма „Хайротек инкорпорейтед“ под эгидой правительства вела переговоры с Николасом по вопросу его разработки, но позже отказалась от всяких обязательств.

— Меня больше всего беспокоит то, что „Хайротек“ не отвечает на телефонные запросы Харли Гаунта. Я разрешил ему возбудить судебное дело относительно несоблюдения компанией „Хайротек“ условий контракта. Кроме того, я дал ему указание упомянуть в качестве соответчика и правительство США.

— Правительство? — обеспокоенно переспросил Нанги.

— Да. По-моему, за всем этим именно оно и стоит. Не компании, а члены правительства всегда были сильны в обструкции.

Он рассказал Нанги о том, как продвигаются дела с проектом „Ти“. Николас не случайно выбрал это название: по-японски это означает мудрость. Именно ему принадлежала идея ориентировать целый *кобун* — подразделение компании — на разработку проекта Ти. Он представлял собой создание совершенно нового поколения компьютеров, которому не требовалось никакое программное обеспечение: его возможности в буквальном смысле ограничивались только возможностями пользователя. А программное обеспечение машине не требовалось потому, что действовала она по принципу взаимодействия нейронов человеческого мозга. Экспериментальная модель компьютера содержала более тысячи крошечных „кубиков“, заменивших чипы, и каждый из них состоял из шестидесяти четырех электронных нейронов, механизм функционирования которых был подобен работе головного мозга человека. Машина должна была работать по принципу аналога: правильное решение, как его определяет пользователь информации, возбуждает в нейронной сети импульс тока одной величины, ошибочное — иной. Таким образом, компьютер сам обучается тем функциям, которые от него требуются, и никакое программное обеспечение ему уже не нужно.

— Хотя на первый взгляд и может показаться, что „Рико“ первой выбросит на рынок свои нейронные компьютеры, — заметил Николас, — тем не менее я уверен, что наш „Ти“ значительно опередит их по технологии.

Их утренняя встреча тет-а-тет на этом закончилась. Нанги поднялся, взял трость и направился по коридору в свой кабинет.

Следующие без малого два часа Николас провел за телефонными разговорами с ответственными за производство директорами фирмы в Бангкоке, Сингапуре, Сайгоне, Куала-Лумпуре и Гуанчжоу. Если бы не такая отвратительная связь, он затратил бы на эти звонки гораздо меньше времени. Он уже привык к тому, что его обрывали на середине фразы, долго не соединяли или соединяли ошибочно. Однако звонки в эти некогда бывшие захолустными города становились все более необходимыми для бизнеса.

Наконец мучительные переговоры с „третьим миром“ были закончены. Он взглянул на часы и решил заварить себе еще чаю.

Не успел он встать за ручку тяжелого железного чайника, как раздался звонок его личного прямого телефона. Он уставился на аппарат. Слишком рано для прямой линии, пронеслось у него в мозгу. Исполненный самых дурных предчувствий, Николас поднял трубку.

— *Moshi-moshi*?

— Мистер Линнер? Николас Линнер? — Голос ему был незнаком.

— С кем я говорю?

— Я представляю интересы Микко Оками. Вам говорит о чем-нибудь это имя?

Николас почувствовал, как тяжелые удары сердца отдались у него прямо в горле.

— Откуда у вас номер моего телефона? — Он с трудом контролировал свое дыхание.

— Микко Оками шлет вам свои наилучшие пожелания, — прозвучало в трубке. — Оками-сан привык предусматривать все.

Его собеседник сделал некоторую паузу. Николас мог отчетливо слышать его ровное дыхание.

— Оками-сан желает...

— Перезвоните по этому телефону. — Николас быстро продиктовал восемь цифр. — Жду звонка через десять минут.

После того как он положил трубку, ему потребовалось шестьдесят секунд, чтобы привести дыхание в норму. Затем в течение пяти минут он занимался гимнастикой *дзадзен*. Но даже медитация не смогла удержать его от нежелательных воспоминаний.

Перед смертью отец сообщил ему, что Микко Оками был его другом, и другом весьма необычным. Полковник рассказал сыну, что обязан японцу жизнью и что если тот когда-либо свяжется с ним, то Николас должен знать, что никто кроме него не в состоянии Оками помочь.

И вот, после всех этих лет, раздался звонок.

Николас вышел из кабинета, направился по коридору к лифтам. Президентская кабина ждала его. Войдя, он нажал кнопку первого этажа, не отдавая еще себе отчета в том, куда именно он хочет отправиться.

В конце прошлого года Николас и Нанги ринули купить первый этаж в здании Суйри-билдинг — после того

как прогорел располагавшийся там до этого ресторан французской кухни. У них была идея: превратить это огромное пространство в три этажа высотой в роскошный ночной клуб под названием „Индиго“.

Как только он вышел из лифта, в носдри ему ударила смесь запахов штукатурки, лака, красок, разогретого клея. Старший над строгательными рабочими сразу же узнал его, поклонился и протянул Николасу каску, которую тот без лишних слов надел, и тут же направился к висевшему на стене телефону.

Звонок раздался ровно через тридцать секунд.

— Слушаю.

— Мистер Линнер?

— Говорите.

— Так вот. — В этой короткой фразе звучала сложная гамма чувств. — Теперь, как я понимаю, мы можем говорить спокойно. Хорошо, что нас соединили так быстро.

Николас смотрел в пространство, которое вскоре в соответствии с прихотливым замыслом архитектора должно было стать интерьером модного ресторана.

— С кем я все-таки имею честь? Вы меня знаете, а я...

— Я являюсь служащим у Микио Оками. Мое имя вам ничего не скажет. Вы помните о своем обещании?

— Да, конечно.

— Оками-сан нуждается в вашей неотложной помощи.

— Понимаю.

— Он хочет, чтобы вы поехали в Венецию. Билет первого класса ждет вас в представительстве „Эр Франс“ в аэропорту Нарита. Поторопитесь, вам нужно быть там по меньшей мере за два часа до вылета, рейс назначен на девять сорок.

— *Сегодня* вечером? Не могу же я бросить... — Николас вдруг осознал, что на том конце провода трубка уже мертва.

Он отошел от телефона. Пыль от штукатурки сверкала в лучах мощных вольфрамовых ламп, которые позволяли видеть все трещины и неровности на стенах отделяемого помещения.

Он думал о том, как мало рассказал ему в свое время отец о загадочном Микио Оками. *Иногда, Николас, случается так, что человек, стремящийся к достижению своей цели, идет до конца*, говорил Дэниел Линнер своему сыну, когда тому не было еще и тринадцати лет. *Значит, эта цель должна быть достигнута во что бы то ни стало. Сейчас ты еще слишком молод, но, поверь мне,*

цель бывает подчас настолько важна, что средствами должно пренебречь. Невозможно всю жизнь прожить святым; часто приходится идти на компромиссы, каким бы тяжелым и горьким это ни казалось. Поэтому надо быть благодарным судьбе, когда она сводит тебя с такими людьми, как Микио Оками.

После этого телефонного разговора слова отца показались Николасу неожиданно исполненными какого-то зловещего смысла. Даже тогда, еще будучи ребенком, Николас понял, что Микио Оками был якудза. Сейчас он уже понимал, что в то сложное послевоенное время отец в своей деятельности не мог не столкнуться с влиятельными и подчас темными силами японского общества. Николас помнил слухи о том, что гангстеров якудза нанимало командование американской оккупационной армии для подавления рабочих забастовок в 1947–1948 годах, якобы инспирированных и финансируемых коммунистами. Безжалостные якудза вполне подходили для этой междоусобной войны, поскольку являли собой ярых сторонников капиталистического устройства общества, готовых умереть за свободу своей страны и злобно ненавидящих левых экстремистов.

Но если уже в то время Микио Оками был главарем якудза, а в послевоенные годы, по расчетам Николаса, ему было не менее тридцати, то сейчас ему, по всей видимости, уже около восьмидесяти. Это слишком почтенный возраст для того, чтобы продолжать дирижировать оркестром, состоящим из гангстеров, полиции, правительства и бюрократов. А может быть, ему просто требуется подмога, чтобы противостоять силе и влиянию других могущественных кланов?

Ни в том, ни в другом случае перспективы Николаса не радовали.

Вернувшись в офис, Николас быстро продиктовал своей секретарше Сэйко Ито две памятные записки: одну, подтверждающую его отъезд, и другую — относительно самых неотложных дел, включавших в себя ответы на срочную корреспонденцию, личную переписку, звонки и факсы. Он послал факс в Сайгон Тиню, уведомляя его о том, что не сможет приехать по меньшей мере в течение недели, а затем сделал еще несколько телефонных звонков.

С этим все, подумал он. А как быть с Джастиной? Ей это не понравится. Уже одно то, что он отказался отвезти ее в Штаты, было само по себе плохо, а теперь он был

вынужден оставить ее одну в Японии. Как же случилось так, что она столь ненавидит эту страну? Может, причиной тому ее нежелание учить язык, тоска по дому, отвращение к японской нации? Скорее всего, и то, и другое, и третье. Кроме Нанги у нее в Токио почти не было знакомых, она сама заточила себя в добровольную изоляцию. А может быть, и не сама? Может быть, он был несправедлив к ней? Или его просто раздражали ее вечные придирки?

Естественно, всему этому можно было найти свои объяснения. Джастина была беременна дважды. Первый ребенок, девочка, умерла вскоре после родов. А менее года назад, когда она была на шестом месяце, у нее случился выкидыш. В своем отчаянии она не могла найти никакого утешения.

Николас обхватил голову руками, перед его глазами встал образ трехнедельной дочери — посиневшее личико в окошке кислородной палатки.

Из коридора до его ушей начали доноситься звуки — сотрудники компании спешили на свои рабочие места. В тот момент у него не было желания никого видеть, поэтому он выскользнул из офиса через боковую дверь, по винтовой лестнице спустился на один пролет вниз и очутился в прекрасно оборудованном гимнастическом зале. Там он переоделся в спортивную рубашку, шорты и кроссовки и три часа посвятил вначале аэробике, затем выполнил упражнения для укрепления мышц живота, далее последовала тренировка с гирями и под конец — отработка техники излюбленных боевых систем: айкидо, кендо и различных вариантов Аксхара — древнейшего искусства, название которого даже не имеет эквивалента в японском языке. В результате всех этих действий он вначале очистил свое тело, затем сознание и на завершающем этапе — дух от плаков и токсинов, которыми так богата окружающая среда в современном мире.

Николас был широкоплечим и мускулистым мужчиной. Однако не столько атлетическое сложение, сколько необыкновенное присутствие духа делало его исключительно грозной фигурой. Передвигался он так мягко, будто его ноги являлись частью пола или земли. При первом взгляде на него появлялось явственное ощущение того, что никакие, даже самые исключительные, меры не сдвинут его с намеченного пути. У него были необычные, слегка раскосые глаза, доставшиеся от матери; щеки, нос и подбородок были отцовские — суровое и одновременно далекое от плакатности обаятельное лицо, черные выщипанные волосы с легкой проседью.

Сам он не замечал этого, однако те, кто был еще жив, из хорошо знавших полковника Линнера отмечали удивительное сходство между отцом и сыном, проявляющееся в овале лица, форме носа, линии губ и подбородка. Его отец, в жилах которого была замешана кровь римлян и кельтов в большей степени, чем варваров-саксонцев, обладал исключительным даром быть одновременно и воином и дипломатом. Знавшие их обоих утверждали, что сын унаследовал все эти качества.

Мать Николаса Чонг была родом из Юго-Восточной Азии, и Николас только совсем недавно смог репить загадку ее происхождения. Она была таньцзян, так же как и дед Николаса, китаец, удочеривший ее.

Обученные волшебству и тайнам Тау-тау таньцзян, чьи предки восходили к покрытому мифическим покровом Древнему Китаю, были колдунами-воинами, владели искусством настолько опасным и начиненным такими потенциальными возможностями, что хранили его в секрете и в течение многих веков почти никто не знал о его существовании.

Основу Тау-тау составляла *кокоро*, сердцевина космоса. *Кокоро* — это оболочка жизни. Как в физике возбуждение элементарных частиц ведет к различным энергетическим реакциям — свету, теплу и звуку, так и возбуждение космической оболочки возвещает о рождении ее собственной неземной энергии.

Аксхара и Ксира — Дорога Света и Путь Тьмы — являлись двумя основными понятиями Тау-тау. Николас, который совсем недавно начал обучаться на основе Аксхара, тем не менее приобрел уже достаточный опыт и даже одержал победу над двумя приверженцами Ксира. Отчасти это ему удалось потому, что он использовал дар, переданный ему его дедом Со Пэном, — драгоценные мистические тайны таньцзян. Они явились своего рода психическим оружием, под разрушительное воздействие которого попал даже Кансацу, равнодушный к Ксира.

Кансацу обучал Николаса Аксхара, однако сам все это время был тайным приверженцем Ксира, и именно Ксира чуть не погубила Николаса. В полном смысле слова Ксира погубила Кансацу. Он уверил себя в том, что сможет удерживать в себе две эти противоположности, а также в том, что у него хватит сил, чтобы держать Ксира под контролем, используя только в исключительных случаях, но он ошибался. Скверна начала сочиться, причем так медленно, что он сам не был в состоянии осознавать это;

она отравила его, отведя от добра и повернув в сторону зла.

Чем больше Николас изучал Аксхара, тем больше ему становилось понятным искушение Кансацу, поскольку он пришел к выводу, что по некоторым аспектам одной Дороги Света недостаточно. Хотя никаких свидетельств с тех древнейших времен не сохранилось, Николас подозревал, что некогда эти две противоположности являлись частями единого целого. На каком этапе это целое раскололось и почему — на этот вопрос он не находил ответа. Возможно, в какие-то давно забытые времена сознание человека, даже такого человека, как таньцзян, уже не могло больше использовать знания Ксира во благо, возможно, соблазн проявить силу стал так велик, что его не смогли укротить даже эти древние маги и колдуны.

В любом случае то, что когда-то было единым, сейчас навечно разделено такой философической пропастью, что сторонникам Аксхара запрещено вникать в мрачные тайны Ксира.

Однажды Кансацу упомянул о *корёку* — Освященной энергии, причем говорил с таким благоговением, будто беседа касалась какого-либо божества. Если когда-либо и существовала точка соприкосновения — реальная или воображаемая — между Аксхара и Ксира, уверял Кансацу, то находиться она должна была в *корёку*. Он не подавал виду, но осознание того, что, несмотря на все его величайшее мастерство в Тау-тау, он не смог овладеть Освященной Энергией, должно быть, причиняло ему сильнейшую боль и наносило сокрушительные удары по его самолюбию.

После смерти Кансацу Николас в своих изысканиях пришел к еще одному выводу: *корёку* — это, скорее всего, Путь, крошечная точка опоры, позволяющая целому раскрываться подобно распускающемуся цветку.

Он назвал это целое Сюкэн — Владычество, где в сознании человека могут существовать Аксхара и Ксира, обе полусферы Тау-тау, без разрушающего влияния последней.

Однако *корёку* — это не разновидность глубокой медитации. И как ни мало у него было сведений, ему было абсолютно ясно, что *корёку* доступен лишь избранным — тем, кто родился с некоей психической особенностью. Без нее никакие занятия, медитации и заклинания не помогут достичь *корёку*.

Николас никогда не сталкивался с тем, кто постиг

корёку, и поэтому не имел возможности проверить свои теории на практике. К тому же он и сам не знал, есть ли у него самого эта особенность, дающая доступ к *корёку*. Только кто-либо другой, настолько же одаренный, мог сказать ему об этом.

Иногда, просыпаясь среди ночи, Николас ловил себя на мысли, что в своих сновидениях он существует в Сюкэн и, подобно своим предкам, владеет всеми секретами Тау-тау без каких-либо ограничений — вся сфера Аксхара-Ксира послушна его командам. Основываясь на своих снах, Николас все больше утверждался в мысли, что *корёку* — это единственный путь к Сюкэн.

Но и наяву, отделившись от сновидений, он чувствовал, что, стоит ему протянуть руку, и... вот *корёку*, доступ в неведомое, еще одна секунда...

Однако утром, когда он окончательно просыпался, эта уверенность покидала его, он испытывал жгучее чувство потери чего-то важного, и слезы наворачивались на глаза.

Тем не менее Николас осознавал, что перед ним лежит целый еще не исследованный мир. И желание познать эту тэrra инкогнита более всего и удерживало его в Японии, хотя в значительной мере усложняло взаимоотношения с женой Джастиной, которая мечтала вернуться в Америку.

Мысли о тоскующей по дому жене были очень болезненны. Николас опустил веки и прикрыл глаза руками. Даже сейчас, у себя в офисе, вдали от дома, ее боль передавалась ему, и душа его страдала подобно тому, как страдает душа человека, слышащего плач ребенка. И все же какая-то мрачная бездонная пропасть пролегла между ними. Когда началось это отчуждение? Николас увлекся Тау-тау, попробовал на вкус, примерил на себя и обнаружил, что чувствует себя в ней, как в старом добром пиджаке. Разлад, видимо, начался тогда, когда Николас обнаружил, что он таньдзян. А может быть, он слишком далеко отошел от того мира, в котором живет большинство людей? Может быть, его изыскания в Тау-тау дали толчок к развитию своего рода аномалии, от которой он никак не может избавиться? Он не думал, что это так, однако преодолеть эту пропасть отчуждения был не в состоянии.

Иногда он испытывал явственное чувство гнева по отношению к жене. Вот уже сколько лет она живет в Японии, но не сделала ни малейшей попытки освоиться в этой стране. Своих друзей, кроме Нанги, у нее не было, да и с тем она подружилась в результате его настоятельных

и продолжительных усилий. До сих пор она выражала типичное для западного человека недоумение по поводу нравов и обычаев коренных жителей, их церемониальности и вежливости. А хуже всего было то, что она начала высказывать слепую нетерпимость и открытое негодование в отношении японцев, — Николас не раз замечал это в ходе своих деловых контактов.

Следуя науке, преподанной ему Кансапу, Николас начал погружаться в себя, пока не достиг *кохоро* — сердцевины всего сущего. Затем, выбрав нужный ритм, начал воздействовать на оболочку *кохоро*, создавая психический резонанс, трансформирующий мысли в дела.

Чем глубже он погружался в Аксхара, тем плотнее его окружало отражение *кохоро*; сознание Николаса росло до тех пор, пока не заполнило всего пространства гимнастического зала и не вырвалось сквозь стены наружу. Он увидел раскинувшийся перед ним город, затем Николас как бы на огромной скорости пронесся через него, и образ городской суматохи начал затуманиваться. Одновременно с выбросом психической энергии спало ощущение каких-либо ограничений, и Николас вырвался из тисков Времени.

Снаружи, в блестящей темноте, прошлое, настоящее и будущее существовали лишь как бессмысленные определения несуществующих понятий. Он еще не знал, какой выбрать путь в этом пространстве или как лучше использовать его необозримые горизонты. На это уйдут многие годы испытаний и ошибок. Разумеется, хорошо было бы иметь советчика, но единственный другой танцзэн умер у него на руках, раздавленный безжалостными силами Тау-тау.

Трудно сказать, как долго Николас исследовал этот свой новый мир, поскольку в таком состоянии понятия времени для людей не существует, ощущается лишь привкус того, что ты где-то снаружи, в окружении сновидений, в состоянии, когда часы и даже целые дни могут быть спрессованы до уровня микросекунд.

Когда Николас вновь открыл глаза, он чувствовал себя бодрым и освеженным; призраки несчастий Джастины еще слабо витали в воздухе, но вскоре полностью рассеялись.

Во время его тренировки несколько раз принимался звонить стоящий в углу гимнастического зала радиотелефон, и, хотя Николас знал, что звонят именно ему, он не обращал на него внимания. Персонал привык к его непо-

стоянному графику работы, сотрудники понимали, что, если он не берет трубку, действительно беспокоить его следует лишь в случае крайней необходимости.

Николас постоял под холодным душем, затем попарился, вновь принял душ и переоделся. Даже образ его испускающей последний вздох малышки был на время вычеркнут из памяти.

За дверью гимнастического зала его ждала Сэйко. Верная своей рабочей этике, она захватила с собой папку с бумагами и, сидя на ступеньке винтовой лестницы, делала какие-то заметки, вносила исправления, словом, не прекращала трудиться на своего босса.

— Сэйко, — позвал Николас.

Она вскочила, захлопнула папку, низко поклонилась и, распрямляясь, отбросила назад свои блестящие черные волосы. Ее красота, кажущаяся из-за прозрачной кожи такой хрупкой, стала еще более заметной за то время, что она работала его секретаршей.

— Линнер-сан, — сказала она. — Я приняла два факса с исковыми заявлениями наших нью-йоркских адвокатов против „Хайротек инкорпорейтед“. Мне кажется, вам перед отъездом следует их просмотреть.

— А ты сама их просматривала? — спросил Николас, когда они поднимались по винтовой лестнице к нему в офис.

— Да, сэр. У меня есть сомнения относительно пунктов „6-а“ и „13-с“.

— Сэйко, я не знаю, как долго буду отсутствовать, — сказал он, когда они поднялись на этаж. — Тебе придется привыкать полагаться на собственное мнение и самой принимать решения. Запомни, я тебе доверяю. — Входя в кабинет, Николас улыбнулся ей. — А сейчас расскажи мне о твоих сомнениях по поводу подготовленных заявлений.

По ее ясному и четкому ответу Николас понял, что она неплохо разбирается во всей этой юридической чертовщине.

— Согласен, — заключил он, когда она закончила. — Внеси необходимые исправления и перед уходом дай мне проглядеть проекты новых заявлений. Посмотрю, как ты справишься с этой проблемой. Если у меня не будет замечаний, мы отправим их по официальным каналам в Нью-Йорк. — Перед тем как она ушла, он добавил: — И скажи Нанги-сан, что мне необходимо с ним срочно увидеться.

И вот я в этом гнусном мотеле на автостраде 95, подумала Маргарита Гольдони. Что я здесь делаю? Должно быть, я потеряла голову. Нет, не голову, напомнила она себе самой. Свободу.

Они остановились в десяти милях от небольшого городка в штате Миннесота. Именно это место в своей безграничной мудрости ФПЭС избрала в качестве убежища для Доминика Гольдони. Ему были выданы новые документы, выделен дом, два автомобиля, числился он инженером-конструктором — консультантом одной из фирм. Все было сделано — комар носа не подточит.

Роберт настоял на том, чтобы она ваяла вместе с ними Франсину; это требование привело ее в ужас, однако она вполне ясно понимала его соображения. Имея ее и Франсину в заложниках, он мог не опасаться Тони.

Вполне естественно, первой реакцией Доминика было желание убить Тони. *Медленно*, сказал он тогда ей. *Я буду убивать этого сукина сына так медленно, что у него глаза вылезут из орбит от боли.* Очень по-венециански. Однако Маргарита возразила: *„Дом, Тони нужен нам обоим“* — и он успокоился, раздумывая о том, что она сама разберется в своем чувстве ненависти и уязвленного самолюбия. А когда она предложила встретиться наедине и поговорить, он согласился. При таких обстоятельствах, посчитал он, в этом есть смысл.

На протяжении всего пути в Миннесоту она умоляла Роберта отпустить Франсину. И каждый раз тот поворачивал к ней голову и мило улыбался, будто он не похититель, а ее любовник.

Если бы их было двое, то они могли бы полететь на самолете, рассуждала она, но следовало думать и о Франсине — поэтому он заставил ее отправиться в путь на ее же „БМВ“. Кроме того, ей было ясно, что любой другой вид транспорта неминуемо оставит след. В автомобиле же Роберт всегда сумеет увидеть преследователей и принять соответствующие меры. С другой стороны, он вынудил ее оставить мужу послание, в котором она написала, что, если похититель заметит за собой наблюдение, он немедленно убьет Франсину. Такое сообщение заставит задуматься любого человека, а сицилийца в особенности.

Откровенно говоря, ее не раздражало бесконечное сидение за рулем, наоборот, каждая новая миля пути вселяла в нее ложное чувство безопасности. Здесь, на бескрайних американских дорогах, они очутились как бы вне

временных рамок, затерявшись среди мелькающих то тут, то там парков, магазинчиков, кафе, автомобильных стоянок; ей казалось, что она уже и сама забыла, куда они едут, иногда же ловила себя на мысли, что теряет ощущение реальности, воспринимая происходящее как ночной кошмар. Кроме того, она ощущала облегчение, явственное, как приступ боли, от того, что рассталась с Тони.

Когда они пересекли границу штата Миннесота, Маргарита осознала неотвратимость дальнейших событий.

В придорожном мотеле она горько расплакалась. Изнуряющее жужжание насекомых заглушалось лишь шумом проезжающих мимо автомобилей. Для нее уже не имело значения, в городе она или в сельской местности, поскольку ее существование замкнулось в каком-то сумрачном мире, подобно застывшей в янтаре мухе.

Франсина, которую в течение всего пути Роберт пичкал наркотиками, спала на кушетке, которую принес хозяин мотеля. Роберт, сидя на кровати, читал номер „Форбс“ с таким видом, будто не Тони, а он — ее муж. Она вытерла слезы и замерла; когда же начала забираться под одеяло, он отложил журнал и проговорил:

— Завтра увидим твоего брата, и на этом все закончится.

— Что произойдет? — Маргарита так дрожала, что натянула одеяло до самого подбородка.

Роберт долго не отвечал. Она чувствовала его, его тепло, слышала его медленное и ровное дыхание, вдыхала его своеобразный, но приятный запах, но поднять на него глаза не могла.

— Постарайся заснуть, — говорил он мягко, почти нежно, и Маргарита наконец осмелилась взглянуть на него. В бледном фиолетово-голубом свете неоновых ламп и светящихся насекомых, пролетающих в комнату сквозь оконную сетку, подобно пеплу, его лицо было красиво. В ее воображении пронеслась мысль, что он ее любовник и стоит ей погасить свет, как он нежно повернется к ней.

Она закрыла глаза, тщетно пытаясь выдать это навязанное за реальность, как будто усилием воли, словно колдовскими чарами, можно было разрушить ловушку, в которую она попала.

В ту последнюю, переломную для нее ночь Маргарита не переставала думать о возможных путях спасения. Естественно, Доминик настоял, чтобы она взяла Франсину с собой. Роберт явно предвидел это, сам требовал того

же, ибо прекрасно знал, что побег с девочкой, находящейся в наркотическом состоянии, невозможен.

Он знал, о чем Маргарита думает.

У нее оставался единственный шанс: чтобы спастись, она должна его убить.

Она не представляла, как это может произойти, — у нее вполне бы хватило мужества пустить ему пулю в висок или вонзить нож в сердце, — ее мучил вопрос, сможет ли она умело воспользоваться оружием, если оно попадет ей в руки.

У Роберта была старомодная опасная бритва. Она привела ее в их первую ночь на пути в Миннесоту. Привязанная к кровати, она видела в зеркале ванной его отражение — он брил руки. На его теле почти не было волос, но и от последних он явно старался избавляться.

Единственным местом, куда он разрешал ей ходить, была ванная, однако полностью закрывать дверь, не говоря о том, чтобы запереться, было невозможно. Даже сидя на унитазе, она хоть и не видела его самого, однако всегда чувствовала его присутствие. Также ее мучили постоянные мысли о Франсине, которой Роберт каждое утро вливал в рот какое-то снадобье. У него был целый пакет с аккуратно уложенными в нем коробочками и флакончиками. Прятал он его в чемоданчик, там же он хранил и бритву — последнюю надежду на спасение.

Каждый вечер он примерно в течение часа молил в ступке какие-то корешки и травы, добавляя затем в полученный порошок жидкость из своих флакончиков. Чем он занимался? Запахи, которыми наполнялся номер гостиницы после его алхимических опытов, действовали на нее устрашающе. Маргарита явственно ощущала тепло, воспринимаемое ее обонянием, и эти неведомые ей трансформации также пугали ее.

По своей природе она не была суеверной, тем не менее его каббалистические священнодействия нервировали ее. Он как бы владеет способностью превращать реальность в кошмар. Она вполне могла представить его стоящим в темном углу и выворачивающим наизнанку тень, материализуя ее.

— Я гашу свет, — сказал он, потянувшись к выключателю ночной лампы.

— Подожди, — прошептала она. — Мне нужно в туалет.

С перекошенным от страха лицом она пересекла комнату и, прикрыв за собой дверь, зашла в ванную. Снимая

ночную рубашку, она слышала, как он встает с кровати и вслед за ней, сдерживая дыхание, идет к дверям ванной. Слышать его, но не видеть — в этой ситуации Маргарита чувствовала себя еще хуже, чем если бы он был перед ней, поскольку ее воображение репродуцировало перед глазами его облик, облик злого приврака, опосредованного проходом сквозь стены и в любой момент добравшись до нее.

Намеренно громко Маргарита помочилась, вытерлась, спустила воду. После этих скудных маневров, направленных на то, чтобы ввести его в заблуждение, она повернулась к раковине и левой рукой открыла кран. Одновременно правой рукой достала из открытого чемоданчика опасную бритву.

В этот момент она с ужасом поняла, что не все до конца продумала. Где она будет прятать от него эту бритву? Маргарита могла вообразить только одно место, поэтому, не теряя ни секунды, она, согнув колени и раздвинув ноги, начала затискивать бритву в свою плоть. Это было непросто, однако она воспринимала боль как осязаемое подтверждение своего желания осуществить задуманное.

Дрожащей рукой она выключила воду и вышла из ванной. За дверью в полутьме ее дожидался Роберт.

— Закончила?

Она кивнула. Ей было страшно вымолвить даже слово. В кровати она нырнула под одеяло и отвернулась от него. Роберт выключил свет. Маргарита не переставала чувствовать его, ей казалось, что это ощущение будет продолжаться вечно: странная смесь страха и возбуждения, смущающая и пугающая.

Она положила руку на покрытый волосами лобок и указательным пальцем нащупала бритву. Маргарита еле сдерживала дрожь. Она прикрыла глаза, пытаясь унять готовое выскочить из груди сердце, разлитое в воображении напуганной ей, что сердцебиение может ее выдать.

Почувствовав его руку у себя на плече, Маргарита вздрогнула.

— Ты дрожишь.

Из ее груди вырвался слабый стон.

Он знал, о чем она думает.

— Что ты имеешь в виду?

— Я вижу, как ты вся дымишься от полыхающей в тебе энергии.

В темноте Маргарита повернулась к нему лицом.

— Ты видишь... что?

— Я способен видеть ауры. Это возможно. Меня обучали.

— Хорошо. Значит, ты видишь, что я напугана. А что ты ожидал? Одна с ребенком...

Кажется, ее голос дрогнул. Она облизала пересохшие губы, пытаясь взять себя в руки. Маргарита почувствовала, как при мысли о том, что он способен видеть внутри нее, читать ее самые сокровенные мысли, под мышками и по спине потекли струйки пота.

— В конце концов, все мы одни в этом мире наедине с нашими грехами.

Маргарита вздрогнула.

— Я никогда не была одна. С тех пор, как я себя помню, мне всегда доводилось быть в компании мужчин: отец, брат, затем приятели, возлюбленные, муж. Что значит быть одиноким? Свобода не сводится...

— Я всегда был одинок, — в задумчивости персбил ее Роберт. — Даже на самой людной улице большого города я чувствую себя одиноким.

— Разве у тебя нет *каких-нибудь* родственников... друзей?

— Тот, на кого я могу по-настоящему рассчитывать, — ответил он, — так это я сам.

Впервые, подумала Маргарита, он приоткрыл свою угрожающую оболочку. Этот человек *ущербен*, мелькнула у нее мысль.

— Все мои родственники мертвы. Это опасно.

Маргарита взглянула на него с явным недоумением.

— Что опасно?

Он продолжал рассматривать потолок, разукрашенный бликами бледного фосфоресцирующего света.

— Семейю... — ответил он после некоторой паузы, — семью иметь опасно.

— Нет, нет. Ты ошибаешься. Когда на душе тяжело — семья это единственное утешение. Случись какая-нибудь трагедия, семья всегда придет на помощь.

— Трагедии разрушают семьи.

— Ты утратил способность по-настоящему любить.

Ущербен.

— Мы встаем с рассветом. Спи, — сказал он.

Она наблюдала за ним, теперь уже боясь повернуться на другой бок.

— Боже Всемогущий! Неужели ты думаешь, что я смогу заснуть.

Что испытывает человек, думала она, когда на его глазах погибают мать, отец, сестра? Даже в мыслях трудно представить. Будь она, к примеру, актрисой, ей ничего бы не стоило проливать горькие слезы, глядя на распростертые перед ней залитые красной краской, имитирующей кровь, тела, проливать до тех пор, пока режиссер не крикнул бы: „Стоп, камера“. Но в реальной жизни? Нет, никогда.

— Иди ко мне, — прошептал он, однако для нее его голос прозвучал подобно грохоту камнепада в горах.

Ей потребовались считанные секунды, чтобы осознать: руки Роберта потянулись к ней.

Ей захотелось рассмеяться, плюнуть ему в лицо, но она чувствовала внутри себя бритву, нагрешуюся от ее тепла, кроме того, к ее ощущениям подмешивалось и нечто иное — непостижимое, легкое, как дуновение ветерка, эмоциональное возбуждение, которое не дало возможности ее губам раскрыться.

Позже Маргарита будет вспоминать и удивляться тому, как быстро она очутилась в его объятиях, прижавшись к нему, подобно ребенку, и тому, что в его руках она чувствовала себя такой защищенной, какой не чувствовала себя никогда в жизни.

Что с ней происходит? Она не находила ответа. Может быть, ему удалось очаровать ее, оповив своим магическим зельем? Она начала вспоминать, когда последнее время ела и пила. Не подмешал ли он ей чего-нибудь в еду? В ужасе Маргарита не могла вымолвить ни слова.

— Как похожи эти ссадины на подпись, сделанную его рукой.

Он наложил кончики пальцев на поврежденную кожу; сознание Маргариты как бы отключилось от исходящего от него тепла, которое по каким-то таинственным каналам вливалось туда, где было больше всего боли.

Он наклонился к ней, и она почувствовала давление его языка в тех местах, где были эти ссадины, затем боль исчезла, исчезло даже представление о том, что эти места когда-то болели.

Маргарита вздрогнула, ощутив его язык у себя на шее, там, где мягко пульсировала сонная артерия. Затем его язык сделал нечто такое, от чего Маргариту захлестнула волна желания. Она почувствовала, как напряглись

ее соски и стало мокро между бедер. Ее рука моментально скользнула вниз. Вся в ее смазке, бритва, теперь уже свободно, покинула место своего хранения и очутилась у нее в ладони. Теплое от ее соков орудие смерти.

Маргарита сжала бритву в кулаке, ее губы приоткрылись, давая выход скопившемуся в груди воздуху. Указательным пальцем она вытащила лезвие и приготовилась.

Его язык скользнул в ложбинку между грудей, в точку, всегда являвшуюся для нее зоной наивысшего возбуждения. *Он знает*, подумала Маргарита.

Лезвие начало свой путь, как будто по собственному желанию; голодный зверь, жаждущий крови, стремящийся кромсать мясо и рвать сухожилия.

Убей его немедленно, сказал ей внутренний голос. *Ведь именно этого ты хочешь. Его смерть позволит вам выбраться из ловушки.*

Она быстро закрыла глаза и, натужно выдохнув, полоснула его бритвой в том месте, где их тела не соприкасались и была возможность для замаха.

Смертоносная сталь прошлась по его телу, но, вместо того чтобы ранить или убить, не оставила на его животе даже царапины.

Маргарита увидела, как он усмехнулся, обнажив даже в темноте хорошо заметные крепкие белые зубы. Одну руку он сомкнул вокруг ее запястья, а другой крепко сжал лезвие бритвы.

Маргарита онемела от изумления, когда он разжал пальцы, — ни капельки крови.

— Потрогай, — сказал он, — лезвие не заточено. Бритва, которой я пользуюсь, находится в другом месте.

Он еще шире раскрыл в улыбке рот.

— Я чувствовал, что ты наблюдаешь за мной; в тот раз, когда я брил волосы, ты так и впилась глазами в бритву. Я знаю, что такое алчность, и я чувствовал, чего ты так страстно желаешь. Тебе нужна была бритва... я тебе ее дал.

— Нет, — в изнеможении прошептала Маргарита, роняя бритву на полоску простыни между ними. — Ты мне ничего не дал.

Во рту она ощутила резкий вкус желчи. Маргарита подумала, что ее должно стошнить.

— Напротив, — возразил он, вновь заключая ее в

объятия. — Я дал тебе то, что более всего важно, — вкус мести.

Он вновь дотронулся языком до ее кожи.

— Мне интересно, Маргарита, как ты нашла этот вкус? Лучше или хуже, чем ожидала? Приятный вкус, не так ли?

Она не отвечала и только постоянно сглатывала слюну, пытаясь избавиться от этого ужасного привкуса желчи. И вновь подумала она, *он знает*.

— Отвечай мне! — этот неожиданный громкий воеглас ошеломил ее.

— Да, — пролепетала она.

— Я так и думал, — заключил Роберт с каким-то непонятным удовлетворением, удивившим Маргариту. — Ты бы непременно меня убила. У тебя есть это в крови.

Она ощущала запах его дыхания — запах каких-то пряностей, чувствовала стук его сердца.

— Я не хочу это слышать.

— Что же еще я тебе дал, Маргарита? Есть необходимость рассказать тебе? Благодаря мне ты познала намерение... намерения сделать *все, что угодно*, — он дотронулся до ее сосков, вливая в них огнедышащую лаву. — Сейчас ты убедилась, что я знаю тебя лучше, чем ты сама.

Маргарита лежала неподвижно, не обращая внимания на закрытую бритву, оказавшуюся у нее под ягодицей, и пыталась разобраться в своем отношении к нему и избавиться от этого непонятного всеиспепеляющего страстного желания, не с ужасом осознавая, что сделать этого не сможет.

Медленно, словно ее тело весило тысячу фунтов, Маргарита повернулась на другой бок, спиной к нему.

За окном проносились автомобили, моторы жужжали, подобно насекомым.

Дом. Когда-то Николасу кроме дома ничего другого и не нужно было. Его коттедж был расположен на окраине Токио. Поначалу, когда он только выкупил его — в свое время дом являлся собственностью его покойной тетки Итами, — это строение снаружи и изнутри являло собой образец чистого японского архитектурного стиля; постепенно усилиями Джастины японский интерьер кардинально изменился: она выписывала из Штатов, Италии и

Франции облицовочную плитку, обои, настилы, мебель до тех пор, пока он уже не смог узнавать столь близкое когда-то его сердцу жилище.

Снаружи дом, построенный из камфорного дерева, и окружающий ландшафт не претерпели существенных изменений — Джастина еще не успела приложить к ним руки, хотя неоднократно высказывалась в том плане, что неплохо было бы ликвидировать всю эту тщательно от-маникюренную карликовую флору и разбить сад с много-летними растениями в традиционном английском стиле. Отказывая ей в том, чего она в действительности хоте-ла, — вернуться назад в Штаты, Николас был не в силах отказать ей в этой маленькой компенсации, дающей хоть какое-то ощущение дома.

Делая крутой поворот на опасном участке дороги при подъезде к дому, Николас думал о том, что все эти ухищ-рения в конечном счете ни к чему не привели — жена как была, так и осталась в постоянном напряжении, а он лишился обстановки, в которой чувствовал себя уютно и спокойно. Даже стройка, ведущаяся недалеко от дома, не могла заглушить в нем любви к этому месту. Послед-ние полмили он ехал на малой скорости. И это не было лишено здравого смысла — не успел он свернуть на подъездную дорожку, как перед ним вырос гигантский скрепер, расчищающий место для фундамента будущего дома. Николас был вынужден отъехать на дорожку свое-го соседа, чтобы дать возможность проехать этому чудо-вищу.

Джастина ждала его. Он увидел ее сразу, как только вышел из машины и ступил на усыпанную гравием до-рожку в саду. Когда она расстраивалась или сердилась, ее карие глаза становились зелеными, а в левом глазу плясали какие-то загадочные красные чертики.

Он не успел ее еще поцеловать, как она сообщила:

— Звонила Сайю. Неужели ты был так занят, что не мог позвонить сам?

Повернувшись на наблуках, она направилась к дому. Он последовал за ней.

Когда они пришли на кухню, Николас сказал:

— По правде говоря, я был не в своей тарелке. Мне было необходимо заняться тренировкой, чтобы успоко-иться.

Он протсел мимо нее к столу и начал готовить зеленый чай.

— О Господи! Ты стал точно таким же, как и твои японские друзья. Как только дело доходит до разговора, ты начинаешь готовить это зеленое пойдю.

— Я всегда рад поговорить с тобой, — возразил Николас, отмеривая порцию тщательно нарезанных чайных листьев.

— Зачем ты просил Сэйко звонить мне?

— Я не просил. Она посчитала это своей обязанностью.

— Значит, она ошиблась.

В керамическом чайнике закипела вода. Он снял чайник и аккуратно налил кипятка в чашку.

— Ну как ты не можешь понять? Здесь добросовестность ценится превыше всего...

— Черт возьми! — Разъяренная Джастина смахнула чашку со стола. Чашка ударилась об стену и разбилась вдребезги. — Я устала слушать твои рассказы о том, что важнее всего для японцев! — Она не обращала внимания на красное пятно, растекшееся по ее запястью там, куда попал кипяток. — А что важнее всего для *американца*?! Почему *мне* нужно приспосабливаться к *их* обычаям?

— Ты живешь в их стране, и ты...

— Но я не хочу здесь жить! — По ее щекам потекли слезы. — Я больше не могу этого выносить — чувствовать себя чужаком и ощущать их скрытую враждебность. Я устала от всего этого, Ник! Я не могу запомнить ни одного их обычая. Меня тошнит от всех этих ритуалов, формальностей, церемоний. Я сыта по горло тем, что меня пихают на улицах, выталкивают из очереди, когда я хочу воспользоваться общественным туалетом, толкают локтями на платформах метро. Как могут люди с такой гипертрофированной вежливостью у себя дома быть такими хамами в общественных местах? Это выше моего понимания.

— Я уже говорил тебе, Джастина, что если место не принадлежит кому-то конкретно, являясь общественным, то японцы считают: нет необходимости проявлять вежливость.

Джастина плакала и вся дрожала.

— Эти люди ненормальные, Ник! — Она повернулась к нему. — Если ты собираешься оставить меня наедине с этими психопатами, то мог бы, по крайней мере, сам сообщить мне об этом.

— Извини. Сэйко просто выполняла свою работу.

— Чересчур уж она старательная.

— Как ты можешь сердиться на нее за ее добросовестность? — Он внимательно посмотрел на жену и неожиданно был поражен странной метаморфозой, произошедшей с его домом. Так бывает с вещами, которые в магазине выглядят хорошо, а при дневном свете — паршиво. — Дело ведь не в звонке Сэйко, не так ли?

Она отвернулась и положила ладони на стол. Ее волосы растрепались, спина была болезненно худая.

— Нет, не в звонке, — ее голос звучал как-то странно. — А в самой Сэйко.

По линии ее плеч, по широко расставленным ногам Николас определил, что она находится в диком напряжении. Сама того не ведая, она заняла стойку, свойственную ярмарочным борцам, призывающим кого-нибудь из зрителей померяться с ними силами.

Николас хотел было ответить, но, поразмыслив, поняв, что каждое его новое слово она будет использовать для продолжения скандала.

Джастина повернулась, ее лицо потемнело от гнева, который она слишком долго сдерживала.

— У тебя что, роман с Сэйко?

— О чем ты говоришь?

— Скажи мне, черт побери, правду! Даже неприятная правда будет лучше этого ада недоверительности.

— Джастина, Сэйко — моя секретарша. И не более того. — Он сделал шаг в ее направлении.

— Это истинная правда? Покопайся получше в своей душе, прежде чем ответить.

— У тебя есть какие-то основания мне не верить?

Глядя на ее искаженное душевной болью лицо, Николас не выдержал, его сердце смягчилось:

— Джастина...

— Ты постоянно был вместе с ней.

— Это было необходимо.

— Возил ее в Сайгон... — плечи Джастины вздрогнули.

— Она знает Вьетнам значительно лучше, чем Нанги и я. Без ее помощи мне не удалось бы развязаться со своими делами в Сайгоне.

Николас подошел к жене и нежно ее обнял.

— О Господи, Ник, извини. Я не знаю...

От его прикосновения все ее напряжение улетучилось, и теплая волна прокатилась через нее к нему. Он

наклонился к уже готовым для поцелуя губам Джастины, и ее рот с жадностью овладел его языком. Она заливала Николаса своим теплом, отогревала его тело, размораживала, казалось, в буквальном смысле слова, смерзшиеся от горечи ее обвинений кости мужа.

С ее стороны было несправедливо подозревать его в измене. Он это знал, однако сам с горечью осознавал, что и с его стороны несправедливо вынуждать жену жить в стране, которую она презирает и неспособна понять.

Николас расстегнул на ней блузку и начал ласкать ее груди — соски напряглись и потеплели. Ее рот не желал расставаться с его языком, и Николас, скользнув руками по ее талии, сначала расстегнул ковбойский ремень, а затем помог ей спустить джинсы с бедер.

Его мужская стать восстала с неодолимой силой, и он с нетерпением попытался прижать жену плотнее к себе, однако Джастина с какой-то удивительной силой оттолкнула его и опустилась перед ним на колени. Брюки она сняла с него с большим знанием дела.

— Джастина...

Ее пальцы сомкнулись вокруг основания его изнемогающей от желания плоти, а рот прильнул к вершине. Он попытался поднять жену, но Джастина не позволила ему это сделать. Сейчас он не хотел этого, не хотел видеть ее покорность, замешанную на страхе потерять его; Николасу было досадно, что ради того, чтобы удержать его в своих руках, она готова на все. Ему всего-навсего хотелось затеряться в глубине ее недр, забыть обо всем, слиться с ней в единое целое и тем самым доказать жене свою преданность и невозможность жизни порознь. Однако ее деловитый язык и жадные губы вскоре лишили его возможности здраво рассуждать, и он, утопив пальцы в волосах Джастины, чувствовал лишь движения ее головы, которая то приближалась к нему, то вновь удалялась.

Наконец он все-таки нашел в себе силы оторвать ее от себя. Николас приподнял ее, как ребенка, и ее ноги сомкнулись вокруг него. Целуя жену, Николас ощущал запах секса на ее губах, рукой он чувствовал, что она раскрылась и ждет. Хриплый стон вырвался из ее груди, когда она проглотила его до самого основания. Ее движения были настолько бешеными, что ему ничего не оставалось, как подстраиваться под предложенный ритм. Он чувствовал пульсацию ее живота в моменты, когда соски скользили взад-вперед по его груди, дрожь ее сокровен-

ных мускулов, между которыми он сейчас обитал, слышал тяжелые, на грани изнеможения, всхлипы.

В этом акте не было никакой техники, лишь подобие звериной схватки — стремление к наслаждению и, естественно, к боли: Джастина укусила его так, что на теле выступила кровь. Это явилось стимулом к началу оргазма — импульс, рожденный меж ее бедер, прошелся по всему телу, и она задрожала как в лихорадке, затем громко вскрикнула, и слезы потекли из уголков ее плотно запахнутых глаз. Под тучей ее волос Николас мог лишь чувствовать ее, осязая все стадии ее секса — оргазм следовал за оргазмом — эти ее содрогания переполнили и его самого, и он последовал за ней. Николас ощутил ее нетерпеливую руку у себя на мошонке и услышал над ухом ее бессвязное бормотание.

Прижав Джастину к себе, Николас опустился на пол.

Она судорожно всхлипывала, а он не переставал целовать ее в губы, щеки, глаза, лоб и виски.

— Джастина, Джастина, как только я вернусь из Венеции, обещаю тебе, мы уедем в Нью-Йорк.

Долгое время она молчала, ее голова покоилась у него на плече, полуоткрытый рот вдыхал запах его пота и крови. Когда наконец она взглянула на него, он увидел в ее глазах безнадежное отчаяние. На душе его стало муторно.

— Пожалуйста, Ник, не уезжай.

— Я... Джастина, у меня нет выбора.

— Умоляю тебя, останься со мной хотя бы еще на несколько дней. Отвлекись от своей работы, от... всего. Мы уедем из города, съездим на природу, в Нару, ведь ты так это любишь.

— Звучит это все прекрасно, но никуда поехать я не смогу, не в моих силах...

— Тогда расскажи мне, какие такие важные дела у тебя в Венеции. Клянусь, я постараюсь понять.

— Старшему другу моего отца требуется помощь.

— Кто он?

— Не представляю.

— Ты хочешь сказать, что даже не знаешь его?

— Джастина, перед смертью моего отца я дал ему слово. Мой долг его поддержать.

Она покачала головой, но щечкам вновь потекли слезы.

— О, вновь мы вернулись к тому же. Твой долг. А в отношении меня у тебя разве нет обязанностей?

— Пожалуйста, постарайся понять.

— Видит Бог, я старалась, но этого японского понятия *гири*, долга обязанности, я не могу осмыслить. И ты знаешь, к какому выводу я пришла? Не желаю больше постигать всю эту ахинею. — Она медленно поднялась и опустила на него глаза. — Вначале был твой бизнес, затем дружба с Нанги, затем поездка с Сэйко в Сайгон. Сейчас этот... долг перед отцом, который скончался много лет тому назад, и необходимость помогать кому-то, кого ты даже не знаешь. Господи, ведь ты такой же ненормальный, как все они.

— Джастина...

Он потянулся к ней, но Джастина, повернувшись, быстро выскользнула на кухне в прихожую. Он услышал звук захлопнувшейся двери, но не сделал ни малейшей попытки последовать за ней. Какой смысл?

Преисполненный горестными раздумьями, Николас встал и неторопливо одеревеневшими пальцами натянул брюки, затем, стараясь не шуметь, через черный ход вышел на улицу. От низко стелющихся облаков исходил туман, окутывающий землю, подобно полам халата призрачных *даймё*, древних чародеев. Он пересек сад и, сам того не заметив, очутился на склоне сопки, в рощице, аккуратно посаженной деревьями гингко, древнейшими из древнейших; белые стволы напоминали вытянувшихся во фронт стражников, бронзового цвета двудольные листочки трепетали на ветру, как пальцы оракула.

Он не имел ни малейшего представления, куда идет, до тех пор пока не достиг вершины сопки и не заметил едва видневшегося в клубящемся перламутровом тумане лежащего у подножия озера.

Отец, подумал Николас.

Ступив на заболоченный берег, Николас, согнувшись, долго вглядывался в гладь озера, будто смотрел в волшебное зеркало, способное раздвигать рамки времени. В этом зеркале он увидел полковника и себя самого, юного и несмышленного. Старший Линнер преподносил ему в подарок *Исс-хогай*, настоящий *дай-катана*, длинный самурайский меч. Много лет спустя Николас бросил меч в это озеро.

Сейчас он явственно осязал этот меч, будто вернулся в тот далекий день, когда решил расстаться со смертоносным оружием. Перед глазами промелькнула картина вертикально падающего в воду клинка. Прошлое и настоя-

щее слились воедино, казалось, протяни руку — и вот он, меч, у тебя в ладони.

Тогда Николасу казалось, что ему не нужна сила, способная нести смерть. Сейчас же он ни в чем не был уверен — в его прошлой жизни с отцом и в нынешней жизни с Джастиной постоянно существовало нечто неуловимое, непознанное, не дающее покоя.

У полковника, которого Николас любил и боготворил, была, тем не менее, своя особая жизнь, не имеющая ничего общего ни с ним, ни с Чонг. Через много лет после смерти полковника Николас узнал, что тот убил опасного политического радикала по имени Сацугай. Сацугай был мужем тетки Николаса, Итами, и, хотя та его презирала, все же оставалась его женой. Этот поступок полковника чуть не стоил Николасу жизни — сын Сацугая Сайго охотился за ним, чтобы убить и отомстить за отца.

Телефонный звонок от Микио Оками всколыхнул до-селе тихую заводь.

Тайная жизнь полковника. Что их связывало с Микио Оками? Почему он завел друзей среди гангстеров якудза? У Николаса не было ответов на эти вопросы. Он лишь явственно осознавал, что в поисках этих ответов ему придется вновь окунуться в прошлое.

Наконец он поднялся и так же тихо, как и пришел сюда, отправился домой. Его путь лежал через лес и поляну, через сады и каменистые тропинки, проложенные много веков тому назад. Очутившись у себя на кухне, он долго смотрел в окно, разглядывая криптомерии и карликовые клены, чьи веточки плавно колыхались на ветру.

Отойдя от окна, он подошел к столику, достал чашку, отмерил порцию зеленого чая *матя*.

Вертя в руках бамбуковую мешалку*, он ждал, когда закипит вода.

*Атрибут чайной церемонии. Служит для размешивания заварки.

Харли Гаунт пребывал в состоянии кризиса, масштабы которого могли сравниться разве что с масштабами кризиса, охватившего Бробдингнег*. Плохо уже то, что компания „Томкин-Сато индастриз“ несла убытки из-за уступчивости демократов, поддерживающих пагубную изоляционистскую экономику, наряду с ревностными христианами-неофитами; сейчас же положение совсем усложнилось — штаб-квартира компании, расположенная в Манхэттене, в буквальном смысле слова была осаждена обывателями, введенными в заблуждение развешенными по улицам плакатами, возвещавшими о „примирении неприятелей“.

Да падет проклятие на голову проклиняющего, подумал Гаунт, мрачно глядя из окна своего офиса на собиравшихся демонстрантов. Подобно горному орлу, наблюдал он со своей высоты за тем, как передвижная телестанция компании Си-эн-эн медленно въезжала в расступающуюся толпу. Спустя несколько минут подъехали машины и местных телевизионщиков. Самыми последними, как обычно, подтянулись радиорепортеры.

Господи, подумал он, как мне не хватает Николаса. Объединение с компанией „Сато интернэшнл“ занесло их так высоко, что падение с этой вершины представлялось Гаунту немислимой катастрофой.

Неожиданно раздался мелодичный гудок интеркома.

— Сьюзи, это мистер Линнер? — вежливо спросил он секретаршу.

— Боюсь, что нет, мистер Гаунт. Но у вас была назначена встреча на десять часов.

— Что за встреча?

— Ну как же, этот человек звонил вам вчера вечером. Перед уходом я еще доложила вам, что занесла эту информацию в ваш компьютер.

— Я не...

Гаунт оторвал свой живот от подоконника и взглянул на дисплей.

— Кто такой, черт побери, этот Эдвард Минтон?

— Он из Вашингтона, — ответила Сьюзи так, как будто это могло ему что-то объяснить. — Он прилетел первым утренним рейсом, чтобы увидеться с вами.

*Название вымышленной страны в „Путешествии Гулливера“ Д.Свифта.

Гаунт почувствовал, как у него похолодело в животе. Он никогда не любил подобного рода ощущений. Эти демократы просто заикнулись на японской тематике. Судя по их высказываниям, экономическая война готова была вот-вот разразиться, и вся Америка жила якобы только надеждами на благотворительную помощь демократической партии — единственной силы, способной защитить страну от неслыханного унижения, замышлявшегося в тайных покоях Императорского дворца в Токио.

Он вспомнил, что в последнее время уже неоднократно замечал символ Японии — восходящее солнце, перечеркнутый диагональной красной полосой...

В этой мечте работников рекламы, способных свести самые сложные проблемы к примитиву, он видел всего лишь признак морального банкротства собственной державы.

На секунду Гаунт прикрыл глаза. Он был крупным мужчиной, в котором жира было ничуть не меньше, чем мускулов. Выйдя из колледжа, он пришел к довольно распространенному мнению, что, раз обретя хорошую спортивную форму, ее вовсе нет нужды поддерживать постоянными упражнениями. Появляясь на бейсбольной площадке, он в свое время наводил ужас на соперников, и только травма плеча не позволила ему сделать карьеру в профессиональном спорте.

К счастью для него, даже несмотря на то что кошелек его становился все более пухлым, он не потерял способности здраво мыслить. В своей сфере деятельности Гаунт обладал редкостным профессиональным нюхом. Он умел вникнуть в суть дела и мастерски подобрать необходимых сотрудников. Именно этими своими качествами он обратил на себя внимание Николаса Линнера, и тот выдвинул его на должность директора-распорядителя филиала компании „Томкин-Сато индастриз“ в США.

Теперь эта же интуиция подсказывала ему, что десятичасовая встреча не сулит ничего хорошего. Он поднес руку ко лбу, прикрыл на мгновение глаза, как бы пытаясь силой своей воли заставить Эдварда Минтона исчезнуть из приемной.

— Мистер Гаунт?

— Да, Сьюзи?

— Уже четверть одиннадцатого.

— В таком случае пригласите мистера Минтона, — вздохнул Гаунт.

Хотя его тело и несколько оплыло, лицо Гаунта осталось тем же, что было в колледже. Волевой подбородок, никаких складок под щеками, которые он замечал у своих бывших однокашников, густые каштановые волосы, слегка тронутые сединой, гармонирующие с карим цветом его глаз. Любой скульптор почел бы для себя за честь вылепить это лицо, исполненное силы и одухотворенности.

Вошедший в его кабинет Эдвард Минтон являл собою полную ему противоположность. Его высокая и худощавая фигура была сутуловатой, что довольно часто встречается у людей, которые в молодые годы стеснялись своего роста. Кожа у него была нездорово бледной, и этот оттенок подтвердил худшие опасения Гаунта: Минтон оказался чиновником, а в данный момент это было столь же несчастливым предзнаменованием, как черная кошка, перебежавшая дорогу.

Одет он был в костюм-тройку, ткань на локтях блестя, обшлага потерты, а цвет материала и его качество не поддавались определению. Он был похож на отставного пожарного. Тонкие губы, на прямом носу очки в металлической оправе. Глаза, скрывавшиеся за их стеклами, могли бы принадлежать какому-нибудь хищному животному. Гаунт несколько не удивился при виде свисающего из жилетного кармана на золотой цепочке брелока с греческой монограммой Фи-Бета-Каппа*. Все политики чем-то похожи на собак, подумал про себя Гаунт. К чужой породе они привыкли относиться свысока.

— Мистер Минтон, — сказал он, скривив губы в улыбке, — не угодно ли присесть? Чем могу быть полезен?

Минтон, обдав его волной какого-то затхлого воздуха, уселся в кожаное кресло, стоявшее рядом с отделанным под красное дерево столом Гаунта.

— А у вас внизу собралась целая толпа, — заметил Минтон тоном заботливой мамашы.

— Все преходяще, — ответил Гаунт. — Завтра днем их больше всего будет волновать война в Югославии.

— Ну это вряд ли.

Минтон поигрывал своим брелоком с тем таинственным видом, который напускает на себя мужчина в обществе женщины, с которой намерен провести ночь.

— Для Штатов сейчас наступили сложные времена, люди чувствуют себя не в своей тарелке.

*Привилегированное общество студентов и выпускников престижных высших учебных заведений.

Он слегка повернул голову, стекла очков при этом блеснули. А он неплохо владеет тактикой запугивания, подумал Гаунт, раскусив его маневр.

— Такое впечатление, что стоишь на рельсах перед несущимся на тебя поездом, — продолжил Минтон, подбрасывая на ладони брелок.

Тешься, тешься своей игрушкой, подумал Гаунт, тебе, ублюдок, наверняка известно, что я-то колледжа не закончил.

— И мне становится очень жаль человека — или компанию, которая стоит между рельсами.

Гаунт сглотнул, но ничего не ответил. У него было такое ощущение, что на него вот-вот обрушится нож гильотины. Он вспомнил Марию Антуанетту.

— У себя на Капитолийском холме мы заботимся об интересах Америки и ее граждан.

— Но более всего о своих, конечно, — выдохнул Гаунт.

— Что? — напрягшись, подался вперед Минтон, как охотничья собака, почуявшая дичь. — Что вы сказали?

— Я всего лишь прочистил горло.

Минтон застыл.

— Американский народ хочет одного — чтобы японские компании убрались из их страны. И это стремление народа является для конгресса законом.

С этими словами он выложил на стол лист бумаги.

„Я, в качестве прокурора министерства юстиции, по поручению Сената США, сообщаю вам, Харли Гаунту, директору-распорядителю компании „Томкин-Сато индастриз“, что вы и некий Николас Линнер, сопрезидент вышеозначенной компании, настоящей повесткой вызываетесь на сенатское слушание. Вы также уведомляетесь о том, что против вашей компании сенатской Комиссией по экономическому надзору в соответствии с запросом сенатора Рэнса Бэйна возбуждено расследование. Настоящим вы обязываетесь явиться в комиссию для дачи показаний в следующий четверг ровно в десять часов утра“.

Сенатор Рэнс Бэйн, повторил про себя Гаунт. Сосредоточившись на этом имени, дальнейших слов Минтона Гаунт уже не слышал.

Бэйн, демократ от штата Техас, в мечтах видел себя хозяином Белого дома. Вне зависимости от того, кто сидел в президентском кресле — демократы или республи-

канцы, государственный долг страны на протяжении десятилетий ничуть не уменьшался. Но это его и не волновало.

Рэнс Бэйн привык держать нос по ветру. Он был выходцем с юго-запада, из самого сердца Америки, из штата, который не только обошли серьезные экономические потрясения, но который олицетворял собой ковбойский дух свободомыслия и предпринимательства.

Рэнс Бэйн, ярый противник президента, претендовал на роль самого верного защитника интересов Соединенных Штатов и коренных американцев. Америка „Первая, Передовая и Единственная“, любил повторять он. Бэйн, этакий рубаха-парень, был ловким и „телегеничным“, он хорошо разбирался в современной политике, раскладе сил и знал, как лучше всего умаслить обывателей с помощью рекламы и средств массовой информации. Его штат среди других штатов юга Америки занимал исключительно протекционистскую позицию. Проникновение японских компаний на американский рынок грозило жителям Штатов потерей рабочих мест, и Бэйн, незаурядный психолог, сумел раздуть страх якобы грядущей безработицы до параноидальных масштабов. Самое же страшное заключалось в том, что у него было много сторонников.

Его усердие распространилось на Голливуд, Детройт и Нью-Йорк, и не без результатов — даже в этих самобытных регионах ему начали доверять. Рать, которую он подобрал для презентации собственной персоны, была объединена какой-то стереотипной энергией. Гаунт прекрасно знал, что их роднит, — все они жили и умирали на рынке. Они умели выгодно сбывать товар: и на голубых экранах, и на дорогах Америки, и на Уолл-стрит, и на Мэдисон-авеню.

И они делали ему рекламу, делали до тех пор, пока он не стал-таки восходящей звездой на политическом горизонте, надеждой многих американцев на возрождение после многих лет упадка.

Его магнетическая улыбка почти ежедневно мелькала на экранах телевизоров и на страницах газет: курчавые рыжеватые волосы, широкий лоб, острый взгляд, сердечные рукопожатия. У него была стройная худощавая фигура, и он чем-то напоминал молодого Линдона Джонсона, но без выпячивающихся губ. Причастный не только к нефти, но и к скотоводству, он оказывал влия-

пис на фермеров и нефтедобытчиков, а те в немалой степени определяли политику демократов и даже, в определенной мере, республиканцев.

В стране раскручивался виток неомаккартизма — на сей раз под лозунгом спасения от японского проникновения и под маской возвращения к старым добрым американским ценностям.

— Что, черт побери, представляет собой эта Комиссия по экономическому надзору? — спросил Гаунт, хотя подзревал, что сам знает ответ.

— Комиссия — это детище сенатора Бэйна, — с каким-то раболепием в голосе ответил Минтон. Это его вопиющее низкопоклонство перед Бэйном было просто тошнотворным. — Она была создана для осуществления надзора за всеми компаниями, чей совместный бизнес с японцами приносит более пятидесяти процентов общего годового дохода, а также за всеми совместными американо-японскими корпорациями.

— Для чего это делается?

Вопрос был явно излишним, разве что Гаунт хотел потешить себя всем этим параноидальным бредом от начала и до конца.

— В распоряжение сенатора Бэйна поступила информация, что некоторые из совместных сделок могут нанести ущерб интересам Соединенных Штатов и национальной безопасности.

— Национальной безопасности? — Гаунт чуть не рассмеялся ему в лицо. — Должно быть, вы шутите.

Однако по выражению лица Минтона он понял, что ни прокурор, ни его новый кумир Рэнс Бэйн вовсе не собираются шутить.

— Что за информация? — переспросил Гаунт.

— В настоящее время я не уполномочен сообщать вам это. — Минтон неожиданно вскочил со стула с таким видом, будто его дальнейшее пребывание здесь невозможно из-за повышающегося уровня смертоносной радиации.

— Повестка вам вручена, мистер Гаунт, — он вновь подбросил брелок. — Члены Комиссии будут ждать вас в назначенное время.

— Как быть с Николасом Линнером? Он находится в постоянных разъездах.

— Официальный запрос с требованием прибыть на

слушания уже послан в штаб-квартиру вашей компании в Токио, — Минтон оскалил в улыбке свои желтые зубы гончего пса. — Мы уведомили вас, уведомим и его.

Слегка поклонившись, Минтон исчез, унеся с собой этот отвратительный запах тухлых яиц и неделями не стиранных носков, но оставив в душе Гаунта ощущение неодолимости надвигающихся неприятностей.

Гаунт размышлял над словами этого как с луны свалившегося на его голову прокурора, и ему уже не хотелось рассмеяться кому-нибудь в лицо. Более того, он испытывал омерзительное ощущение, будто попал в челюсти какого-то гаргантюанского робота, не имеющего иного намерения, как только разжевать его, а затем выплюнуть. Мало того, перед глазами пронеслась еще более мрачная картина: как в кошмарном сне, он представил себе, что через несколько месяцев может *исчезнуть* — буквальный перевод с аргентинского варианта испанского языка; увлечение фашизмом, подобно вирусу, распространилось на северные штаты.

Сэйко дожидалась Николаса в аэропорту Нарита. Он увидел ее в толпе пассажиров, заполнивших зал ожидания. Когда Николай подошел, она улыбнулась и поклонилась ему, затем протянула изящный саквояж. Получив билет в представительстве компании „Эр Франс“, они отошли от стойки.

— Я захватила с собой кое-какие документы, чтобы вы просмотрели их после полета, — сообщила Сэйко. — Среди прочих закодированный факс от Винсента Тиня.

Опять Сайгон, подумал Николай. Тинь, директор-распорядитель их компании во Вьетнаме, имел далеко идущие цели, однако зачастую слишком зарывался и переоценивал свои возможности. Именно он настаивал на вложении дополнительного капитала для расширения производственных мощностей.

— Спасибо, Сэйко-сан.

Она заметила в его глазах печаль, но, верная своей натуре, никак на это не отреагировала. Она лишь спросила:

— Вы захватили паспорт?

— *Хай*. Да.

— До вылета у вас в запасе есть еще немного времени. Николай всегда понимал намеки с полуслова.

— Почему бы нам не зайти в буфет и не выпить по чашке чая?

Сэйко кивнула. Они пересекли запруженный людьми зал и остановились у изогнутой стойки кафе. Зеленый чай им подали в бумажных стаканчиках.

Запах рыбы был очень резким, и Николас, глядя в стаканчик с чаем, вспомнил, с каким омерзением Джастина всегда отзывалась об этом национальном напитке, говоря, что он воняет рыбой.

— Эта поездка, — после некоторого колебания начала свой вопрос Сэйко, — очень важна для вас?

— Да.

— Такое почтение к отцу... это очень... по-японски.

— Спасибо.

Сэйко, которая даже в самые тяжелые минуты жизни никогда не выказывала своих чувств и внешне всегда оставалась спокойной, сейчас, казалось, была наполнена какой-то необъяснимой энергией.

— Сэйко-сан, что-то случилось?

— У меня... — запнувшись, она облизала пересохшие губы, — у меня предчувствие. Это было... Помните, в свое время я знала все о Винсенте Тине — тоже результат моего предчувствия. Мы встретились с ним, и он оказался точь-в-точь таким, как я его вам обрисовала... более того, совпали даже некоторые цифры его отчетов.

Ее маленькая рука так сжала бумажный стаканчик, что чай потек через край.

— Тогда я оказалась права, и я... — запинаясь продолжала Сэйко. — Эта поездка будет очень опасной. Умоляю вас быть осторожным.

Она начала говорить очень быстро, слова цеплялись одно за другое, казалось, она боится, что ее предчувствия покинут ее до того, как она успеет выговориться.

— Может быть, я вас больше не увижу. У меня такое чувство... что бы я ни сделала, это все равно ни к чему не приведет, произойдут необратимые перемены. Я уже не буду такой, как прежде, и вы, несомненно, будете другим... настолько другим, что никто вас не будет узнавать.

Инстинктивно, будучи западным человеком, он чуть было не рассмеялся над ее мелодраматическими переживаниями, но, почувствовав мурашки, бегущие по спине, моментально осекся — ему вспомнились собственные недобрые ощущения, которые он испытал после неожиданного звонка от Микио Оками.

— Даже если сказанное тобой — правда, я все равно должен ехать. Существует старый долг, который отец обязал меня оплатить.

Она сделала быстрый глоток и поперхнулась.

Николас, положив руку ей на спину, начал массировать мускулы, пытаясь унять спазматический кашель. Она повернулась и взглянула на него, ее лицо покраснелось, но явно не только от приступов кашля.

Не следовало ему дотрагиваться до женщины в присутствии посторонних, даже в такой невинной манере.

— Извини, — пробормотал он, отдергивая руку.

Рука Сэйко вновь потянулась к стаканчику. Николас чувствовал, как от нее исходят мощные энергетические волны беспокойства, озабоченности и желания.

— Сэйко-сан, что произошло? — вновь спросил он.

Она плотно сцепила руки, покоящиеся на буфетной стойке, будто боясь, что больше не сможет управлять ими.

— Я дурная, эгоистичная женщина.

— Сэйко-сан...

— Разрешите мне закончить. Прошу вас, — она сделала глубокий вдох. — Уже с того момента, как по рекомендации Напги-сан я начала работать у вас, мне... я уже знала, что питаю к вам неоднозначное чувство.

После этих слов сознание Николаса очутилось как бы посреди минного поля: с одной стороны это неожиданное признание, с другой — недавние обвинения Джастины, вновь прокрутившиеся в мозгу.

Она посмотрела ему прямо в глаза, Николас тоже не мог отвести взгляда от ее лица.

— Я влюбилась в вас против моего желания. Знала, что вы женаты, знала, что никогда не будете моим. Но ничего не могла с собой поделать. Боюсь, в сердечных делах рассудок и здравый смысл ничего не значат, им просто там нет места.

Наступила длительная пауза. Высказав наболевшее, Сэйко как-то сникла, будто из нее выпустили дух.

— Я никогда бы не призналась... никогда, никогда, никогда. Но это предчувствие... если это правда, что я никогда больше вас не увижу... держать в себе эту тайну было выше моих сил. Видите, не такая уж я сильная, — она облизала губы. — Прошу извинить меня, хотя прощения и не заслуживаю. Я слабая женщина, потакающая

своим желаниям. Моя любовь должна остаться только моей, личной мукой. — Она опустила голову. — Теперь вы видите, как оплачивается доброта. Но что поделать — я беспомощна, и я люблю вас, Николас.

Даже несмотря на все сказанное выше, Николас никак не ожидал, что она назовет его по имени. У него появилось ощущение, будто с твердого грунта он ступил в зыбучие пески, из которых нет возврата.

Царица Небесная, Джастина, должно быть, видела... должно быть, догадывалась, читая эту тайну на лице Сэйко. Значит, неудивительно, что она ревновала и устраивала сцены. Николас разрывался — одна его часть хотела немедленно броситься домой, обнять жену, сказать, что любит ее и больше никогда не оставит ее одну, другая его часть не имела ничего против того, чтобы посидеть за стойкой залитого неоновым светом кафе в многолюдном аэропорту Нарита вместе с красивой женщиной, которая призналась, что любит его. И вот тут-то он впервые отчетливо понял то, что до этого только подсознательно ощущал, услышав по телефону имя Микио Оками: он вступает на неизведанный путь противоречий, с которого не сможет сойти без ущерба для себя.

Вы будете другим, настолько другим, что никто вас не будет узнавать, сказала ему Сэйко, и сейчас его передернуло от этих слов, потому что он начал подозревать их реальность, хотя не имел ни малейшего понятия, что они могли бы означать.

— Пожалуйста, ничего не говорите, — прошептала Сэйко. — Если вы меня не любите, это не имеет значения. Что хорошего это может принести в конечном счете? Вы женаты и любите свою жену. Я была предана собственным сердцем, и сейчас не рассчитываю, что вы оставите меня вашим секретарем.

— Если ты полагаешь, что я собираюсь наказывать тебя, то глубоко заблуждаешься, — возразил Николас. Он абсолютно не представлял, как ему реагировать на все ею сказанное, однако ему совершенно не хотелось терять лучшую помощницу из всех, которые когда-либо с ним работали. — Твои чувства ко мне не имеют никакого отношения к делу. Ты понимаешь меня с полуслова, прекрасно справляешься со служебными обязанностями, и я уверен, что через год ты будешь занимать более высокий пост в фирме. Не знаю, осознаешь ли ты это сама, но в „Сато интернэшнл“ ты сделаешь быструю карьеру. Я

слишком дорожу тобой, чтобы идти на риск потерять тебя. Ты работаешь у меня и будешь работать, точка.

Сэйко слегка поклонилась.

— Я вновь благодарю вас, Линнер-сан, за вашу бесконечную доброту. Не представляю, как сложилась бы моя жизнь, не встретить я вас.

Она взглянула на часы и соскользнула со стула.

— Вам пора проходить иммиграционный контроль. Через пять минут начинается посадка.

Сэйко проводила его почти до самого контрольного пункта. Она вновь обрела хладнокровие и выглядела вполне успокоившейся после столь бурного эмоционального всплеска.

— Вы оставите мне свой контактный телефон в Венеции?

Николас раскрыл тонкий темно-желтого цвета буклет, выданный ему в представительстве „Эр Франс“, посмотрел в него и сказал:

— Мне забронирован номер в палаццо „Ди Мачере Венециано“.

Он показал ей номера телефона и факса, напечатанные на регистрационной карточке оформления заказа. Сэйко аккуратно переписала цифры в миниатюрный кожаный блокнот, который Николай подарил ей по случаю ее первого дня работы в компании.

— Ну вот и все, — заключил он, когда они подошли к очереди на прохождение иммиграционного и контроля безопасности. Он смотрел на Сэйко, стоящую поодаль, такую красивую и одинокую. Он почувствовал сердцем ее боль, хотел что-то сказать, но она приложила указательный палец к губам.

— Никаких прощаний, — попросила Сэйко. — Мы увидимся снова.

Перед самым выходом на летное поле Николай выкроил пару минут, чтобы позвонить Джастине. После девятого гудка он положил трубку — никто не отвечал. Сейчас он сожалел, что не провел последние часы перед отлетом вместе с ней, и явственно ощущал реальность физического расставания. Ему хотелось поговорить с женой, сказать, как он страдает, попросить прощения. Однако, направляясь на посадку, он уговорил себя, что подобные разговоры лучше вести с глазу на глаз и у него будет для этого масса времени после возвращения.

Тандаан Нанги как раз диктовал письма своей секретарше Уми, когда в его офис зашла Сэйко. Он оторвался от своего занятия и молча поднял на нее глаза. Затем спросил:

— Какие у тебя новости?

— Не очень хорошие, — ответила Сэйко. Она раскрыла папку и протянула Нанги несколько отпечатанных на машинке листов. — Только сейчас получили. Это официальный запрос сената Соединенных Штатов. Линнер-сан обязан предстать перед Комиссией по экономическому надзору, чтобы ответить на вопросы относительно объединения „Томкин индастриз“ и „Сато интернэшнл“.

— Час от часу не легче. Это уже попахивает очередной охотой на ведьм, — заметил Нанги, просматривая бумаги. — Я читал комментарии, посвященные этому сенатору Бэйну. В последнее время он стал притчей во языцех всей мировой прессы. Видел его и по телевизору — он давал интервью компании Си-эн-эн, даже „Тайм“ на прошлой неделе поместил большую статью о нем. Этот запрос пришел по почте?

— Нет, сэр, — с тревогой в голосе ответила Сэйко. — Его принесли из американского посольства. Мне сообщили, что он пришел сегодня утром по дипломатическим каналам.

Нанги аккуратно сложил бумаги и вернул их Сэйко.

— Ну что ж, поскольку мы не знаем, где находится Николас, следовательно, и требование это мы выполнить не сможем. Сэйко, подготовь черновой вариант ответа и не скупись на слова, обрисовывая наше нынешнее положение. Не тебе объяснять, как это делается, дескать, Линнер-сан уехал по срочным делам, находится где-то в Европе, связи с ним у нас нет, ну и дальше в таком духе.

— Сделаю, сэр.

После того как она ушла, Нанги, казалось, забыл о своих деловых письмах, которые он диктовал до ее появления. Его мысли переключились на сенатора Бэйна и на его Комиссию. По мере того как этот деятель укреплял свои позиции, Нанги испытывал все больший страх. Кто-то ведь должен стать объектом его „праведного гнева“, и Нанги осознавал, что „Томкин-Сато“ — вполне логичный выбор.

Дело осложнялось еще и тем, что положение Николаса было очень шатким. Он был чужаком, лишь по заве-

щанию своего тестя, после того как Томкин скоропостижно скончался, Николас вступил во владение компанией. Нанги полагал, что Бэйну не составит труда состряпать дело против Николаса, обвинив его в чрезмерной зависимости от японского участия в деятельности корпорации и, тем самым, в причинении ущерба Штатам. Проклятье, выругался про себя Нанги, это же элементарно; ему и *самому* ничего бы не стоило обвинить Николаса в этом — достаточно взглянуть, где он жил последние восемь лет. Ведь не в Нью-Йорке же, а в Токио.

Нанги остро почувствовал свою вину. Ведь именно он отговаривал Николаса от возвращения в Нью-Йорк, когда тот порывался поехать туда, чтобы именно в Штатах отстаивать интересы их корпорации. Нанги клял себя за свою эгоистичность, которую проявил в сфере бизнеса, где участие Николаса способствовало неслыханным результатам как в производстве, так и в научных изысканиях, а также за то, что Николас всегда был его лучшим другом.

Что я наделал? — молча спрашивал себя Нанги. В своем стремлении всегда иметь его под рукой я обрек его — и всех нас — на забвение.

**МАРКО-АЙЛЕНД / ВЕНЕЦИЯ / ТОКИО / МАРИН-ОН-
САНТА-КЛАУД, МИННЕСОТА**

Лью Кроукер прищурился от слепящего глаза тропического солнца и, вдохнув, негромко выругался. На горизонте, в дымном мареве, возник катер морской пограничной службы, держащий курс прямо на его судно.

Лью стоял на борту великолепно приспособленной для спортивного рыболовства яхты „Капитан Сумо“. Он зафрахтовал ее за непомерную цену, ибо лучшего судна не было на всем западном побережье Флориды. Он не часто выходил так далеко в море, сейчас же ему хотелось не только избавиться от неприятных воспоминаний недавнего прошлого, но и побыть одному в мире и покое. Подходя к рубке управления, он с раздражением думал о том, что меньше всего ему сейчас хочется в очередной раз принимать этих полуофициальных визитеров из пограничной службы.

Когда-то он служил детективом в полицейском департаменте Нью-Йорка. После того как он подал в отставку, они жили вместе с Эликс Логан, бывшей фотомodelью, которая, к его вящему удивлению и восхищению, влюбилась в него. Недавно она сбежала от него, вновь вознесясь в сферы блестящей светской жизни, стремление витать в которых оказалось сильнее ее любви к нему. Где она сейчас? В Нью-Йорке... или в Париже? Этот ее поступок расшатал нервы Кроукера, и, хотя она регулярно звонила ему, он не питал иллюзий относительно ее преданности и неизменной вечной любви. Перед ней всегда витали картины прежней салонной жизни с ее атрибутами беспечности и перманентного веселья, она настолько при-

выкла ко всему этому, что отказаться от этой мишуры было выше ее сил. И как только ему пришло в голову, что она удовольствуется им, широкоплечим, несколько мрачноватым сорокапятилетним мужчиной с задубленным ветрами лицом ковбоя? Кроукер не считал себя красавцем, и, хотя у него были густые черные волосы, он никогда не стриг их по последней моде, не говоря уже о том, чтобы прилизывать их назад, подобно дружкам-коллегам своей бывшей возлюбленной.

Ты напоминаешь мне Роберта Митчема, сказала как-то Эликс в один из первых дней их знакомства. Столько характера, столько жизненных коллизий отразилось у тебя на лице.

В тот вечер, когда она покинула его, он сидел за штурвалом устаревшего, серийного выпуска 1969 года „тандерберда“, тщательно и любовно восстановленного собственными руками и покрытого светло-голубой краской. Взгляд его был прикован к самолету, который, рассекая тяжелый от нестерпимо палящего солнца воздух, уносил на борту его Эликс. Охваченный внезапным приступом отчаяния, он хотел было немедленно позвонить своему другу Николасу Линнеру, с которым они побывали не в одной опасной переделке. Однако не в характере Кроукера было плакать кому-либо в жилетку, даже такому близкому другу, как Николас. Тогда он вспомнил западную окраину Манхэттена, эту дьявольскую преисподнюю, своего отца, полицейского, застреленного на одной из темных улочек этой клоаки, мать, сошедшую с ума от горя. Жизнь научила его умению переносить трудности и постоять за себя. И хотя сейчас ему было больно, он решил, что возврата к прошлому не будет.

Катер береговой пограничной службы уменьшил ход. Лью также поставил рычаг управления в нейтральное положение, а через некоторое время перевел его до позиции „Стоп машина“, затем включил автоматическую лебедку и услышал всплеск — якорь начал опускаться на дно.

Пока Лью готовился к приему гостей, он не переставал думать о том, какой черт дернул его согласиться с предложением пограничной службы время от времени сотрудничать с ними в осуществлении контроля за торговцами наркотиками, морским путем доставляющими во Флориду огромные партии этой отравы. Скорее всего, в

нем продолжал сидеть полицейский, хотя, переехав сюда, он всячески пытался убедить себя в обратном.

От пограничного катера, плавно покачивающегося на волнах, отплыла небольшая шлюпка.

Кроукер ловко поймал брошенный ему со шлюпки конец, закрепил его, спустил трап и принялся внимательно рассматривать поднимающихся мужчин.

Он предполагал увидеть своего приятеля лейтенанта Макдональда, через которого держал связь с пограничниками, однако вместо него на борт ступили два младших лейтенанта флота, у обоих на бедрах болтались табельные револьверы, вид у них был очень серьезный. Затем возник некто третий, которого лейтенанты явно сопровождали и которого Николас вообще никогда раньше не видел. Взглянув на него повнимательнее, Николас поразился пронизательности его ясных голубых глаз. Выглядел он чрезвычайно молодо, хотя, как прикинул Кроукер, ему было уже где-то под пятьдесят. Высокий, худой, как гончая, черные брови, впалые щеки. В руках он держал чемоданчик, который, казалось, был вырезан из фантастических размеров куска черного алмаза.

Офицеры держались очень официально. Они отдали честь Кроукеру и застыли по команде „вольно“ по обеим сторонам трапа.

— Мистер Кроукер, — сказал незнакомец, протягивая руку, — рад встрече с вами. Меня зовут Уилл Лиллехаммер. — Его глаза прищурились, но рот улыбнуться отказался. — Очень любезно с вашей стороны, что вы разрешили нам подняться на борт.

Казалось, его голубые глаза, подобно рентгеновским лучам, просвечивают все насквозь и делают безошибочные измерения.

— Я выполняю специальное задание по поручению президента США.

Он не вдавался в подробности, но Кроукер как-то сразу решил, что это задание никак не связано с береговой службой, хотя этот человек и был одет в форму лейтенанта береговой пограничной охраны.

— Здесь есть какое-нибудь место, где мы могли бы поговорить наедине?

Кроукер посмотрел по сторонам. Кроме пограничного катера, находящегося в относительной близости, он разглядел рыбачий баркас, несколько вздрагивающих под порывами ветра парусников и плывущий в сторону бере-

га окурков. Все лодки находились на значительном удалении. Лью развел руками.

Лиллехаммер наконец улыбнулся, и что-то жутковатое было в этой улыбке. Она обнажила целую паутину бледных шрамов по обоим уголкам его рта.

— Вы будете поражены, если узнаете, как далеко вперед шагнули средства электронной разведки с тех пор, как вы вышли в отставку, — заметил Лиллехаммер.

Выходит, ему известна история моей жизни, думал Кроузер, провожая его в каюту. Он достал из холодильника пару бутылок ледяного пива, и они уселись на скамейку с виниловым покрытием. Лиллехаммер поднял свою бутылку и, сказав: „За знакомство!“ — сделал солидный глоток. Затем он уместил на скамейке свой чемоданчик, покрутил шифр и открыл его. Содержимое чемоданчика напоминало чем-то начинку компьютера, но без наборной клавиатуры. Лиллехаммер вставил в недра своей ноши выдавший виды ключик, повернул его влево, затем вправо.

Кроузер поморщился.

— Немного заболела голова? — спросил Лиллехаммер и протянул ему таблетку. Голова сразу же прояснилась.

Лью уже давно заметил, что говорит он с легким, но явным британским акцентом.

— Что это, черт побери, такое?

Он взял таблетку, положил в рот и запил глотком пива.

— Электронные средства подслушивания совершенствуются настолько быстро, что мы вынуждены прибегать к контрмерам, но не бывает розы без шипов, — он протянул руку к чемоданчику. — Этот мальчик сделает свое дело, но и на мозги будет капать. Это связано с вибрацией, которую он генерирует. Я уже, кажется, привык к этому подонку.

Он допил пиво и облизал губы.

— Кстати, вам поклон от лейтенанта Макдональда. Думаю, он сожалеет, что я занял его место в ковчеге.

— Еще пива?

— Все хорошо в меру. Одной достаточно. Спасибо.

— А англичанин вы в какой мере? — спросил Кроузер, открывая себе вторую бутылку.

Лиллехаммер рассмеялся.

— В известной мере. Однако я настолько привык к американским идиоматическим выражениям, что иногда

даже беспокоюсь за мою английскую половину. Когда я нахожусь вне офиса, я чувствую всеиспепеляющее желание стать истым британцем. Вот что значит быть зачатым английской мамой и американским папой.

— А где расположен ваш офис?

— У меня его нет.

— Как нет?

Лиллехаммер поднял вверх указательный палец.

— Если бы у меня был офис, все бы знали, чем я занимаюсь. Не один год потребовался ЦРУ, чтобы дойти до этого.

Кроукер заметил, как рентгеновские лучи глаз Лиллехаммера сфокусировались на кисти его левой руки. Лью растопырил пальцы, сработанные из титана и пластика.

— Представляю, как вы поражены. Это всех удивляет.

— С вашего позволения, — уважительно согласился Лиллехаммер.

— Я уже давно перестал стесняться своей искусственной руки.

Он показал протез — точную копию левой кисти, — выполненный в Токио бригадой биотехников и хирургов.

Это был не протез, а произведение искусства: мастерски сработанные пальцеобразные отростки уверенно сгибались в сочленениях, подобно суставам живой человеческой кисти. Скелетную основу их составлял титано-боровый сплав, покрытый матовым полимолекулярным пластиком. Ладонь, тыльная ее сторона, запястье — все было как у живого существа.

— Мне даже самому непонятно, как она функционирует, — пояснил Кроукер, — но вся эта система подсоединена каким-то образом к нервным окончаниям. Энергию же поддерживают литиевые батарейки.

Лиллехаммер разглядывал протез, подобно археологу, нашедшему экспонат, имеющий историческую ценность.

— А могу я попросить вас рассказать, что все-таки произошло?

Кроукер ждал этого вопроса:

— Я сцепился с одним хорошо тренированным ублюдком. Чемпионом по сумо. Ох и здоров же он был. К тому же прекрасно владел искусством кендо. Вы знаете, что это такое? Японская техника фехтования мечом.

— Мне доводилось весьма близко наблюдать поединки *катана*, и я не жалею об этом.

— Тогда вы должны знать, насколько остро заточены эти мечи. В бою лезвия даже не видно. Вот моя рука и наскочила на такой клинок.

— Насколько эффективно работает этот протез? — спросил Лиллехаммер, ощупывая один из искусственных пальцев.

Кроукер сжал пальцы в кулак, затем медленно распрямил, демонстрируя титановую ладонь.

— Это вторая, улучшенная модификация. И первая была великолепной, но эта...

Кроукер поднялся, взял одну из пустых бутылок. Удерживая ее в правой руке, он приложил искусственный палец к стеклу. Раздался странный звук, напоминающий треск разрываемого полотна. Острый как бритва кончик „пальца“ надрезал бутылку, и через секунду она развалилась на две равные части.

— Удивительное сочетание силы и изящества, — прокомментировал Лиллехаммер.

Кроукер вновь уселся на стул и, указывая на чемоданчик Лиллехаммера, спросил:

— Из чего сварганили этот предмет?

— Именно, что сварганили. Какой-то фантастический пластик, легче и прочнее закаленной стали. Его даже пуля не берет — проверено в лаборатории.

Кроукер протянул своему гостю протез, чтобы тот еще раз взглянул на него, — пальцы, подобно складному охотничьему стаканчику, сократились до размеров одной фаланги. Подхватив чемоданчик, он, как пинцетом, зажал его между отростками большого и указательного пальцев. Затем надавил.

Ф-х-р-р-р!

Прорвав пластик, его титановые пальцы соединились.

Лиллехаммер с удивлением уставился на дырку в своем, доселе казавшемся непробиваемым, чемоданчике.

— Пожалуй, сейчас я не отказался бы и от второй бутылочки. Благодарю вас, — мягко сказал он.

Лиллехаммер молча тянул пиво, а Кроукер в иллюминатор наблюдал за игрой света и тени. Усиливался ветер. Надвигается шторм, подумал он, почувствовав в воздухе запах фосфора. Однако время еще есть. Но для чего? Кроукер принялся терпеливо ждать, когда же наконец Лиллехаммер объяснит истинную цель своего визита.

Поднялась волна, яхту, удерживаемую якорем, раскачивало из стороны в сторону. Кроукер, почувствовав приступ дурноты, резко поднялся и вышел из каюты. Склонившись над поручнями, он боковым зрением видел, как, стараясь не потерять достоинства, у противоположного борта травили в воду младшие лейтенанты.

— Прошу прощения и за это, — подал голос Лиллехаммер, когда Лью вернулся в каюту. — Боюсь, что и у этих таблеток тоже есть шипы.

— Будьте любезны, в следующий раз, приходя ко мне, не таскать это дерьмо с собой, — попросил Кроукер, прополаскивая рот пивом.

— Я вас вполне понимаю. Примите мои извинения.

— De nada*, — ответил Кроукер.

Лиллехаммер поставил на столик пивную бутылку, приблизился к Кроукеру и спокойно спросил:

— Вам что-нибудь говорит имя Доминик Гольдони?

— Разумеется. Большой босс. Он прекрасно спел для ФБР свою арию, и те арестовали двух его злейших врагов. За это ФБР и не посадило его самого за решетку, наоборот, взяло под покровительство ФПЗС. С тех пор он правит всем Восточным побережьем через своего шурина, добропорядочного адвоката Энтони де Камилло, более известного под именем Тони Ди. Я также слышал, что заклятый враг Гольдони, некто Молчаливый...

— Вы имеете в виду Чезаре Леонфорте?

— Именно. Молчаливый — так они его называют. И этого Молчаливого душит алоба, что он не может орудовать на территории, контролируемой Гольдони.

Лиллехаммер кивнул.

— Похвально. Вы располагаете информацией, мало кому известной. Тем не менее доказать деловые взаимоотношения между Гольдони и Энтони де Камилло, этим новоявленным адвокатом, практически не представляется возможным. Уж это мне известно. Деятели из ФПЗС на этот счет постарались. — Он вновь метнул на Кроукера пронизывающий взгляд своих сверхъестественных глаз. — Я смотрю, вы не утратили прежних знакомств.

— Кое-какие остались. Новых же не могу себе позволить.

На лице Лиллехаммера вновь появилась эта внушающая ужас улыбка.

— Очень изящно сказано.

*Не за что (исп.).

— Но не отражает всей гаммы моих чувств, — отреагировал Кроукер на комплимент своего гостя.

Лиллехаммер еще шире раскрыл рот в улыбке, и Кроукер ясно увидел следы швов, пересекающих шрамы в уголках рта этого человека. Операцию, подумал Кроукер, делали явно на скорую руку, без надлежащих инструментов и уж наверняка не в таком очаге цивилизации, в котором мастерили его протез. А тот факт, что швы были наложены по *обеим* сторонам рта, свидетельствовал либо о катастрофе, либо о стычке с врагом. Такие отметины вполне могли быть и результатом пытки, ибо таили в себе намек на чье-то садистское наслаждение.

— Когда-то я предпочел молчать, вот они и постарались сделать так, чтобы мое молчание продолжалось вечно, — пояснил Лиллехаммер, как бы читая мысли Лью, и, глядя куда-то в сторону, продолжил. — Им ничего не стоило перерезать мне глотку, но это шло несколько вразрез с их планами. Я им был нужен живой, поэтому они ограничились только этим. Идея заключалась в том, чтобы перерезать мускулы и сухожилия, управляющие артикуляцией губ, но что-то не сработало. Так что я считаю — мне повезло.

Кроукер хотел было спросить, *что это были за люди*, но, подумав, решил умерить свое любопытство. Какое это имеет значение? В свое время он сам неоднократно сталкивался с *подобным зверьем*. Выходило так, что у него и Лиллехаммера было много общего.

Лиллехаммер оттопырил пальцем верхнюю губу.

— Обидно, что я не могу отрастить усы. Омертвление волосяных мешочков.

— Ладно, — Лиллехаммер пожал плечами, — пора вновь переходить к делу. Ветер усиливается, и нам скоро придется отчаливать.

Он выглянул в иллюминатор — лодки снялись с места и на всех парусах неслись в тихую бухту Марко-Айленда. Поблизости не осталось ни одного суденышка.

— Вернемся к Доминику Гольдони. Ваших сведений о нем на сегодняшний день недостаточно. А дело вот в чем: вчера Гольдони неожиданно, никого не предупредив, нарушил условия своего договора с Федеральным правительством Соединенных Штатов.

— Что он натворил?

— Позволил себя убить — вот что он натворил.

— Доминик Гольдони мертв, — не поверил своим ушам Кроукер. — Трудно себе представить.

— Он не просто убит, с ним сотворили такое, что даже самые стойкие сотрудники ФПЗС пришли в ужас.

— Вы можете ответить, для чего понадобилось это делать?

— Можно только гадать. Для этого я и пришел к вам: не согласились бы вы сотрудничать со мной в установлении истины?

На секунду Кроукер задумался.

— Почему, черт побери, я? Судя по всему, вы сами занимаете высокий пост в ФБР. Вы можете подобрать целую кучу оперов, которые моложе меня и лучше подготовлены. — Он протянул руку к чемоданчику. — Я ведь даже и не подозревал о существовании подобных игрушек.

— Давайте не будем прибедняться. На меня это не действует. Ваше имя мне выдал компьютер. Когда-то вы работали вместе с Николасом Линнером под началом Гордона Минка в Красном департаменте, нашей секции, занимающейся изучением Советского Союза. Вы тогда превосходно вытравили всех хорьков из этого минковского курятника. — Лиллехаммер нахмурился. — Правда заключается в том, что я не могу доверять никому у себя в конторе до тех пор, пока не выясню один вопрос: как им, несмотря на все меры предосторожности, предпринятые ФПЗС, все-таки удалось добраться до Доминика Гольдони? Откровенно говоря, я нуждаюсь в помощи, — продолжал Лиллехаммер. — Гольдони были даны секретные инструкции, категорически запрещающие звонить домой или встречаться с кем-либо без санкции ФПЗС. Как же все это произошло? До случая с Домиником у ФПЗС проколов не было, впрочем, не было и нарушений инструкций.

— Но ведь кто-то нашел лазейку.

Лиллехаммер долго смотрел куда-то в сторону. Затем устремил взгляд своих пронизывающих глаз на собеседника.

— Мне представляется, что его предал кто-то из домашних, кто-то из тех, кому он абсолютно доверял. Уверяю вас, не нарушь он правил ФПЗС, его безопасность была бы гарантирована на сто процентов.

Прокрутив в голове возможные варианты решения этой проблемы, Кроукер заметил:

— Вам, несомненно, потребуется помощь. Но лично я вряд ли смогу ее оказать, поскольку все эти дразги меня

мало интересуют. К тому же я всегда был слаб в юриспруденции и делал все по-своему.

Лиллехаммер не сводил с него глаз.

— Ответьте мне прямо. Вас заинтересовало мое предложение? Вы согласны стать моей правой рукой? Или же вам больше по душе шоферить в этой „заводи“ и поить пивом разожравшихся дельцов?

— А вы *убедительно* орудуете словами, — рассмеялся Кроукер.

— Зовите меня Уилл.

Прежде чем пожать протянутую ему руку, Кроукер некоторое время молча ее разглядывал.

— У меня такое ощущение, какое, наверное, было у ветхозаветного мученика Исмаила.

Откуда-то из живота Лиллехаммера вырвался добродушный смешок, однако на сей раз ужасные шрамы оказались скрытыми в складках его загорелого лица.

— Я рад нашему предстоящему сотрудничеству, Лью. Можно я буду называть вас по имени? Тем более это будет случаться довольно редко, поскольку в нашей работе пользоваться настоящими именами крайне небезопасно. Итак, Исмаил и Агав*. Команда мастеров.

В лучах висящего в зените солнечного диска Венеция в этот осенний день была как бы увенчана короной, сверкающей золотом и изумрудами.

До этого Николас ни разу не был в Венеции, поэтому не знал, что можно ожидать от этого города. Гнилой город, утопающий, подобно Атлантиде, в бесконечных лагунах, окружающих его со всех сторон. Многовековой процесс разложения наложил отпечаток на штукатурку колонн его дворцов, наполнил воздух запахом сырости, а из густого лабиринта бесконечных улочек, казалось, невозможно было выбраться.

Николасу доводилось слышать воспоминания тех, кто побывал в Венеции и, пройдя сквозь муки круговращения в безжалостной толпе под палящими лучами летнего солнца, уехал оттуда, чтобы никогда больше не вернуться.

Мрачные, неприятные воспоминания людей, которым не улыбнулась Фортуна. Эти инстинктивные непрощен-

*В мусульманской мифологии пророки и посланники.

ные мысли крутились у него в голове, в то время как он на свежеевыкрашенном катере, *motoscafo*, пересекал лагуну, держа курс на город, который, казалось, покоится не на грунте, а на чем-то эфемерном, чутком, как сон.

Николас стоял на верхней палубе рядом с капитаном и явно не сожалел о том, что на нем плотная замшевая коричневая куртка, надежно предохраняющая от ветра и холодных брызг.

Катер на большой скорости рассекал воду цвета вороной стали, и перед взором Николаса как бы из перламутровой пучины вырастал город.

Сверху над городом нависал небесный свод, такой ясный и прозрачный, что захватывало дух от ощущения его бесконечности. Источаемые этой бесконечностью солнечные лучи играли в золотых куполах соборов и темно-коричневых башнях замков, которые, казалось, как по волшебству сохранились со времен Тысячи и одной ночи.

Катер начал замедлять ход, вибрация уменьшилась, и резкий гул мотора сменился мягким урчанием. *Motoscafo* вышел из пределов лагуны и, по широкой дуге обогнув деревянные предупредительные столбы, с какой-то ритуальной торжественностью вошел в Гранд-канал.

Сейчас катер находился где-то в районе Сан-Джорджо Маджоре, а прямо по курсу над горизонтом вздымался красновато-коричневый, подобно застывшей крови, тускло поблескивающий и величественный купол собора Санта-Мария делла Салуте, на который с небес нисходил всадник на крылатом коне.

При мысли о том, что нога его вот-вот ступит на брусчатку площади Святого Марка, Николас почувствовал, как его охватывает возбуждение: ему казалось, что когда-то он уже ходил по ней, одетый в длинный черный плащ, высокие черные ботфорты; черная маска скрывала его глаза и лоб, на голове — жесткая треуголка. Где-то в вышине ветер развеивал незнакомые ему флаги, которые яснее всяких слов говорили ему, что война уже началась. У Николаса было такое чувство, что он возвращается домой.

Он прикрыл глаза, как бы желая защитить их от слепящего осеннего солнца. *Motoscafo* сделал очередной разворот, и взгляду Николаса начала медленно раскрываться панорама площади Святого Марка с Дворцом дождей по правую руку и статуей Меркурия, посланца

богов, а по левую руку возвышалась каменная фигура Крылатого льва — покровителя Венеции. Вторично его охватило сильнейшее ощущение того, что когда-то он уже это видел. Николас вздрогнул, ему даже пришлось ухватиться за медные поручни трапа, чтобы не свалиться в воду. Он смотрел на площадь, и ему казалось, что в воздухе по-прежнему витает неистребимый запах давно отгремевших войн.

Дворец ди Мачере Венециано располагался между Пунто делла Догана с собором Санта-Мария делла Салуте и Кампо Карита, где находилась Академия изящных искусств в окружении феерического архитектурного ансамбля.

Когда-то отель служил летней резиденцией дожей. Из окон его открывался захватывающий дух вид на Рио де Сан-Маурицио, собственно, тот же канал, но, как Николас уяснил себе, в Венеции Каналом называли только Гранд-канал. Он также открыл для себя, что исполинские здания, именуемые горожанами палаццо, на самом деле были просто жилыми домами. В те времена, когда республикой правили дожи, только их дворцы соответствовали понятию палаццо.

Отель имел свою собственную пристань, где Николаса уже ждали швейцары в распятих золотом зеленых livreaх. Подхватив его чемоданы, они провели Николаса мимо сервированных на открытой террасе столиков.

Интерьеры отеля были выполнены в прихотливом, традиционном для Венеции стиле: арки, сводчатые потолки, затянутые муаром стены и фантастическая игра красок — голубой, зеленой, желтой и темно-оранжевой. Мебель рококо с позолотой, багеты, массивные часы, подсвечники и канделябры из муранского* стекла, украшенные изящными подвесками.

Процедура регистрации была обставлена с большой помпой — Николаса встречали как дорогого гостя, прибывшего с высокой миссией. Над стойкой из полированного дерева висела огромная белая маска с гротескным по своим размерам носом и агрессивно вздернутой верхней широкой губой. Заинтригованный Николас осведомился у служащего о том, что она означает.

— А! Синьор, Венеция — это город масок. По крайней мере, так было на протяжении столетий. Название нашего отеля — „Дворец ди Мачере Венециано“ — буквально

*Мурано — остров в Венецианской лагуне, известный высоким мастерством своих стеклодувов.

означает „Дворец Венецианской Маски“. Дож, построивший этот дворец и обитавший в нем, слыл известным греховодником, скрывавшим свое лицо под маской Баута*, когда он шел, как бы это сказать по деликатнее, на поиски любовных приключений. — Здесь клерк облизнулся. — Сдается мне, что под ее прикрытием дож надевал изрядное количество своих незаконнорожденных отпрысков и сплел немало политических интриг. — Он взглядом указал на маску. — Баута была излюбленным средством могущественных дожей, судейских и принцев, стремящихся сохранить свое инкогнито. Под видом простодушных они могли посещать самые сомнительные уголки города, не рискуя быть узнаваемыми.

— Неужели никому ни разу не удавалось узнать истину?

— Никому, синьор, уж вы поверьте. Венеция умеет хранить свои секреты.

Номер, который был забронирован для Николаса, располагался на втором этаже и поражал своими размерами. Поставив на пол его чемоданы, носильщик по персидскому ковру подошел к окну, раскрыл высокие четырехметровые ставни — комната моментально наполнилась запахами улицы, городским шумом и отраженным водами Гранд-канала солнечным светом. В лучах этого мерцающего света изысканно обставленный номер выглядел так же, как, видимо, и триста лет назад, при дожах, когда снаружи сюда доносились протяжные песни гондольеров и ароматы цветов.

Оставшись один, Николас прошел в отделанную мрамором ванную комнату, чтобы принять душ и смыть с себя дорожную усталость. Бреясь, он замечал в зеркале, что в лице его произошли какие-то неуловимые перемены, и в памяти вновь всплывали слова, сказанные Сэйко: *„Вы несомненно будете другим... настолько другим, что никто вас не узнает“*.

Ополоснув лицо холодной водой, с полотенцем в руке Николас вернулся в комнату. Он встал у окна и смотрел на то, как уже вечерние тени тянули свои длинные пальцы к Гранд-каналу. Слева в свете зажигающихся уличных фонарей белел собор Санта-Мария делла Салуте, а справа внизу у причала покачивались на воде четыре пустые гондолы: голубая, зеленая, черная и красная. Их плавно выгнутые высокие корпуса, украшенные шестью декоративными зубцами, которые символизировали

*Персонаж итальянской „комедии масок“.

шесть *sestieri* — городских районов, в опускавшихся сумерках представлялись Николасу какими-то музыкальными инструментами, полными мелодий и гармонии.

Вытерев лицо, Николас повернул голову и только сейчас увидел, что на широкой, королевских размеров постели лежит картонная коробка. Он твердо помнил, что, когда носильщик ввел его в номер, на постели ничего не было. Сняв трубку, он позвонил вниз дежурному. Тот подтвердил, что никаких посылок на его имя в отель не поступало.

Николас раскрыл коробку, заглянул в нее и застыл как статуя. Он вновь ощутил, как у основания затылка неприятно зашевелились волоски, а по спине потекла тонкая струйка пота.

Из коробки он извлек длинный черный плащ, который был на нем в его видениях. Под плащом лежала маска ручной работы из папье-маше. Она представляла собой точную копию Бауты, висевшей в вестибюле отеля: глянцева белая поверхность, выдающийся нос и еще более агрессивный изгиб губ — настоящая обезьянья морда. Именно под такой скрывали свое высокородное происхождение венецианские аристократы.

На дне коробки лежал бирюзового цвета конверт с золотой каймой. В конверте Николас обнаружил единственный лист плотной бумаги, на котором витиеватым каллиграфическим почерком с левым наклоном крупными буквами была выписана фраза:

„НАДЕВ ПЛАЩ И МАСКУ, ВАМ НЕОБХОДИМО ЯВИТЬСЯ К КАМПИЕЛЛО ДИ САН-БЕЛИЗАРИО В ДЕСЯТЬ ТРИДЦАТЬ ВЕЧЕРА“.

Николас взглянул на часы. Без четверти семь, ужинать еще рано. Сняв с себя дорожный наряд, он переоделся и открыл саквояж, который ему в аэропорту передала Сэйко. В полете у Николаса не было ни малейшего желания разбирать лежащие в нем бумаги.

Он устроился в кресле и в смешанном свете уличных фонарей и гостиничной лампы углубился в чтение последнего шифрованного отчета Винсента Тиня. Тинь родился и вырос во Вьетнаме. Позже он закончил в Австралии колледж и некоторое время там работал. Он был экспертом по международному деловому праву и даже прошел годичную стажировку на Уолл-стрит.

Вместе с Тинем Николасу пришлось долгое время работать в Токио и Сайгоне, он обнаружил в Винсенте деловую хватку и развитый интеллект — весьма редкое

сочетание. Несмотря на то, что Николаса несколько настораживало в Тинь его налипшее умение лавировать — абсолютно необходимое для успешного ведения бизнеса в Юго-Восточной Азии, он был вполне убежден в том, что Тинь управляет. Именно поэтому он и планировал свою поездку в Сайгон, которую теперь пришлось отложить.

Он бегом пробежал глазами цифры предполагаемых расходов и доходов компании „Сато интернэшнл“ на следующий квартал, данные, свидетельствующие о повышении качества подготовки будущих сотрудников компании, ознакомился с неутешительным прогнозом цен на нефтепродукты. В одном только Вьетнаме японцы закупали почти девяносто процентов добываемой там нефти, и мысль о том, что страна могла испытывать недостаток нефтепродуктов, представлялась Николасу просто нелепой. Тинь сообщал также о политической ситуации во Вьетнаме и о положении дел в бизнесе. Более внимательно Николас отнесся к информации Тиня о его последних контактах с ключевыми фигурами в той и другой сфере. Один из пунктов отчета вызвал чувство тревоги. По Тиню получалось так, что по стране циркулируют неподтвержденные слухи о формировании какого-то теневого кабинета, полностью независимого от вьетнамского правительства. Тинь не располагал никакими сведениями относительно того, что это за кабинет, упоминая лишь о растущих изо дня в день его силе и влиянии. Тинь обещал приложить все усилия для того, чтобы раздобыть необходимую информацию раньше, чем это сделают их конкуренты.

Тиню необходимо послать факс, заметил про себя Николас. Что это еще за шутки?! Сайгон всегда был наводнен слухами подобного рода. Да и кому в голову взбрет поддерживать такой режим? Кто приложил усилия к тому, чтобы этот кабинет появился на свет? За счет чего он держится? И если он набирает силу, то кто-то же должен его финансировать?

Если ситуация в стране вновь дестабилизируется, то сотни миллионов долларов, вложенные во вьетнамский бизнес их компанией, могут вылететь в трубу. Видимо, Тинь слишком долго пробыл в джунглях и действительно нуждается в указаниях человека из цивилизованной страны. Делая пометки на полях отчета, Николас вновь пришел к выводу, что следует быстрее заканчивать дела в Венеции и немедленно вылетать в Сайгон.

К тому времени как Николас спустился в ресторан отеля, он уже явственно испытывал чувство голода. Проходя в глубину роскошного голубого зала, он наблюдал, как за окнами сновали туда-сюда *vaporetti* — речные трамвайчики; их огни металась подобно фантастическим светлякам. По каналу также тихо скользили гондолы, перевозя туристов из Японии и Германии — все они были увешаны фотокамерами и разноцветными сувенирами из Мурано.

Он заказал *spaghetti con vongole*, изысканнейшее блюдо из макарон и крошечных нежных съедобных моллюсков, которые таяли во рту, как икринки, отдал должное он и *sepe in tecia*, тоже какой-то морской экзотике, приготовленной в собственном соку, не отказался и от фирменного вина, однако ограничил себя одним стаканом. Десерту Николас предпочел двойной кофе. Когда он подписывал чек, было уже около десяти. Николас спросил у официанта, как лучше добраться к месту назначенного свидания, — адрес на записке он помнил наизусть.

Тот вручил ему маленькую брошюру с картой города, пометил карандашом местонахождение отеля и показал несколько вариантов подхода к Кампиелло ди Сан-Белизарио.

— Конечно, лучше всего пойти пешком, — посоветовал официант в лучших венецианских традициях. — Это, естественно, не самый быстрый путь, но, несомненно, самый прекрасный. Вы располагаете временем для двадцатиминутной прогулки?

— Думаю, что располагаю.

Ответ привел официанта в восторг.

— *Vene*, великолепно. Каждый новый час дня и ночи имеет свою неповторимую прелесть в нашем городе, — распылся он в улыбке.

Наверху, у себя в номере, Николас вновь попытался дозвониться до Джастины, но телефон молчал. Где она может быть? Сейчас в Токио четыре часа утра. Отложив трубку, он натянул толстый свитер, затем, чувствуя себя несколько идиотски, набросил на плечи длинный черный плащ, повертел в руках маску, сунул ее под мышку и вышел из номера.

Ни с чем не сравнимая атмосфера города немедленно окутала его, он как бы очутился в неведомом мире тончайших звуков и шорохов — воистину диковинная комбинация шумов и эха, отражаемого от поверхности бес-

численных улочек и ютившихся у *rios*, каналов, домишек. Даже звук шагов был какой-то неземной, и что-то призрачное слышалось в гулком буханье кожаных туфель по булыжной мостовой.

Проходя мимо ночного бара, он услышал чей-то смех и обрывок разговора, и эти слова почему-то постоянно прокручивались у него в голове, пока он шел по аллеям и непрерывно встречающимся мостикам. Его мысли, подобно забытью, прерывались легким плеском воды у деревянных переправ, причалов гондол и замшелых фундаментов домов.

За очередным поворотом Николас наткнулся на *rio*, забитое гондолами. Старик в черном, стоя на последней лодке всего этого флота, запел песню. Его чистый высокий голос, отраженный от каменных фасадов, был хорошо слышен Николасу, когда гондола проходила под мостом, на котором Николас в задумчивости остановился.

Пересекая очередную площадь, он заметил крохотную лужайку, усеянную пышными диковинными цветами бугенвиллей, с растущей на ней сучковатой и изогнутой смоковницей, сочные листья которой казались бронзовыми в огнях уличных фонарей. Он увидел цельнокованую железную скамейку и живо представил себе на ней молодую красотку, воздевшую очи к ночному небу, и Казанову, преклонившего колена и пытающегося соблазнить ее.

Николас, хорошо обученный и подготовленный в *синки* — способности чувствовать взаимообусловленность пересечения времени и человека, приближаясь к месту таинственной встречи с Микио Оками, все больше начинал понимать метафизическую загадочность Венеции. Уникальное географическое положение — город не на воде, но и не на суше, пропитан каким-то внеземным светом и звуком, невосприимчив к разрушающему воздействию времени. Автомобили, автобусы, поезда, метро — все эти чудеса цивилизации не сумели пробраться в это магическое место. Передвигаясь, люди вдыхают воздух, а не выхлопные газы — все, как много веков назад. Дома реставрируются в традиционной венецианской манере, по технологии древних мастеров. Николас шел вдоль *calles*, улочек, пересекал *pontes*, мостики из камня, металла, дерева, останавливался у *fondamentas*, набережных *rios*, сработанных сотни лет назад и не потерявших своего изначального вида. Если бы Николас перенесся в XVII век, его взору предстала бы точно такая же Венеция, какую он видел сейчас.

По мере того как он продвигался вперед, Венеция как бы брала его на руки, нежно прижимала к груди, как поступала уже много раз в свое время не с одним путешественником. Николас не столько затерялся в этом обилии улочек, закоулков, мостков, каналов, причалов, сколько не мог разобраться в том ощущении сердечности, которое они ему дарили. Как ящерица, сбрасывающая свой хвост, он избавлялся от понятия времени, только осознавал, что город дарит ему долгожданный подарок: покой усталым костям и жизнь больному сердцу.

Даже его переживания, связанные с Джастиной, улетучились; свой гнев по отношению к ней из-за потери двоих детей он начал воспринимать как нечто должное; он забыл о своей последней встрече с Сэйко и о ее головокружительном признании. Чудесным образом его уже не так беспокоила предстоящая, не сулившая ничего хорошего, встреча с Микио Оками.

Николас находился под воздействием этого восторженного настроения и тогда, когда подошел к Кампиелло ди Сан-Белизарио. Это оказалась небольшая площадь, мощенная булыжником, чистенькая, но без каких-либо украшений: ни деревьев, ни фонтанов, ни скамеек и только, как, в сущности, и на большинстве венецианских площадей, с трех сторон песочного цвета здания, а с четвертой — церковь с внушительных размеров белым фасадом. Когда Николас приблизился к храму, то увидел, что называется он так же, как и сама площадь. Николас никогда не слышал о святом Белизарио, но, кажется, итальянцы, в особенности жители Венеции, чтут огромное количество неизвестных остальному миру святых.

Площадь была пустынна. Николас напряг слух, и до его ушей донесся тихий звук удаляющихся шагов. Голуби простучали коготками по карнизам, устраиваясь поудобнее на ночь, и где-то вдаль Николас уловил рокот плывущего по каналу невидимого катера. Легкая дымка ползла над мостовой, цепляясь, словно пьяный бродяга, за фундаменты построек.

Николас ждал, и венецианская ночь, непохожая на ночь в других городах, покрывала его с головой, подобно второму плащу. Вдруг он вспомнил про Бауту и, вынув ее из-под мышки, где инстинктивно держал ее весь свой путь, натянул на голову так, что маска накрыла его лицо. Чувство было и новым и удивительно в то же время

знакомым; он вспомнил свои видения при пересечении площади Святого Марка. То же острое ощущение *deja vu**.

„Кто же я, — удивился он. — Почему я чувствую себя как дома?“

— Баута!

Николас обернулся и увидел человека в монашеском одеянии, приоткрывшего дверцу сбоку от украшенного бронзой главного входа в Чиеза Сан-Белизарио.

— Баута! — крикнул священник странным хриплым голосом. — Вы опаздываете на мессу.

Священник сделал нетерпеливый жест рукой.

— Скорее! Скорее!

Обойдя священника, накинувшего капюшон, Николас по истертым каменным ступеням поднялся к входной двери и, перешагнув порог, очутился в промозглом чреве храма. За его спиной резко лязгнула дверь.

Воздух в помещении церкви был насыщен изобилием запахов: ладан, свечной воск, плесень, мраморная пыль, тлен и прах веков.

Священник, захлопнувший за ним дверь, как-то суетливо обогнал Николаса.

— Сюда, пожалуйста, — выдохнул он. — Следуйте за мной!

Николас ступил в полумрак. В мерцающем пламени тонких свечей виднелись сводчатые потолки, расписанные фресками стены, замысловатой работы мозаичные полы в византийском стиле и инкрустированные золотом иконы. Храм представлял собой настоящую сокровищницу драгоценных предметов культа и исторических реликвий. Между потолочными балками из обожженного дерева виднелись древние своды, украшенные мозаичными панно на библейские темы. Царивший в церкви аромат благовоний придавал атмосфере какой-то восточный колорит.

Где-то неподалеку послышались негромкие голоса, свидетельствовавшие о том, что вот-вот должна начаться торжественная литургия. Странно, подумал Николас, неужели литургию можно служить в такое позднее время.

— Это очень старая церковь, — прошептал священник, пока они спускались по каменному переходу. Его странный хриловатый голос не давал никаких указаний

*Уже виденное (фр.).

ни на возраст, ни на пол. Лишенный всякой интонационной окраски, он, казалось, принадлежал бесконечности. — Некоторые считают, что это древнейший храм Венеции. Кое-какие особенности его архитектуры свидетельствуют о том, что когда-то здесь еще греки отправляли свои обряды.

Голоса мессы затихали, и теперь до них доносилось лишь отдаленное эхо.

— А что было до греков? Кто знает? — продолжал святой отец. — Может, скифы, а может, и финикийцы. А до них? Возможно, давно забытые даже самыми старыми венецианцами боги.

Николас был удивлен. Такая философия никак не вязалась с тем, что он когда-либо слышал от других служителей культа или читал в теологических исследованиях. Он собрался уже расспросить этого человека о его своеобразных теориях, но как раз в этот момент они подошли к не очень глубокой, но поражающей богатством отделки ниши.

— *Schola cantorum**, — прошептал священник с таким видом, как будто эти слова все объясняли Николасу.

В тот же момент он отступил в тень, в прихотливом танце пляшущую на стенах в неверном пламени свечей.

Николас вошел в каменную келью. Двинулся вдоль стен, ощупывая руками их неровную поверхность.

Несомненно, это помещение намного древнее, чем сам храм, подумал он. По крайней мере, та его часть, которая была выполнена византийскими мастерами.

А может быть, это действительно часть греческой постройки? Ядро, вокруг которого выросло все остальное. Подняв голову к потолку, Николас обратил внимание на то, что тот был разделен двумя необычными арками, сходящимися под прямым углом.

— Именно здесь и пел священный хор, — неожиданно раздался мелодичный голос. — Было это много веков назад.

Повернувшись, Николас увидел высокую женщину в светящейся в полумраке маске. Одета женщина была в черное одеяние, которое могло принадлежать либо священнику, либо, по крайней мере, простому монаху, — древняя церковная традиция скрывать под рясой не только одежду, но и формы тела. У нее был тот тип лица, который можно иногда встретить на античных камнях,

*Школа пения (лат.).

кожа цветом напоминала песок североафриканских пустынь. Несмотря на то, что черты этого лица были далеки от совершенства или хотя бы простой симметрии, в них было нечто притягивающее, магнетическое.

— *Schola cantorum*, — произнесла она. — Секрет этой ниши заключается в том, что она придает более богатую окраску человеческому голосу. Тогда, в те далекие времена... здесь было основное святилище, здесь билось сердце храма.

— А теперь все вернулось на круги своя, — заметил Николас. — Как я понял, каждодневные литургии сейчас служат совсем в другом месте.

— Но менее святым оно от этого не стало, — ответила она.

Широкая улыбка скользнула по ее губам. Ее глубоко посаженные глаза сверкнули. Казалось, в них отразилось все внутреннее убранство храма со всеми его древними реликвиями:

— Я не назвала вам своего имени. Меня зовут Челеста.

— Мое же вам известно, если вы сумели распознать меня под маской.

Челеста рассмеялась; благодаря необычной акустике смех ее словно рассыпался по помещению.

— Да, я знаю, кто вы.

— А где же... — начал было Николас, но осекся по сигналу Челесты, приложившей длинный изящный указательный палец к губам.

— Пожалуйста... Не упоминайте его имени даже здесь, под этими сводами — святыми сводами.

Она приблизилась к нему, шорох ее одежд походил на стрекот цикад в теплую летнюю ночь. Когда она проходила мимо канделябра, Николас заметил, что у Челесты на голове был надет шелковый тюрбан. Он был цвета венецианского неба в момент захода солнца, его украшали выложенные белыми и черными жемчужинами полумесяцы, по краям свисали бледно-зеленые небольшие камни. Надо лбом блестела исключительно тонкой работы золотая диадема, в которой было закреплено страусовое перо.

— Значит, вы должны быть осведомлены о маске, которую я выбрала для вас.

— Да. Баута. Это почти все, что я знаю.

— Я же ношу Домино, — мягким голосом сказала она. — Имя дано из латинского „*Benedictio Domini*“, или

„благослови тебя Господь“, — как видите, довольно избито.

— Так вы и были тем святым отцом, который привел меня сюда, — полуутвердительно произнес Николас с внезапным внутренним озарением.

— Именно я. Мне необходимо было увериться, что за вами никто не следит.

— А кто бы мог за мной следить?

Челеста уклонилась от прямого ответа. Вместо этого она произнесла:

— Вы знаете, что сегодня за ночь?

— Конец октября, начало ноября. Со всеми этими переездами я запутался в часовых поясах.

— Это канун дня всех святых, — прошептала в ответ Челеста. — Единственная ночь в году кроме карнаваль-ной, когда маски являются нормой. Поэтому было так важно, чтобы мы встретились именно в эту ночь. Маски защитят нас, точно так же как они защищали наших предков.

— Вас ваша, может, и защитит. Что касается моей, то я не уверен, что она сделана в Венеции.

На губах Челесты появилась какая-то загадочная улыбка.

— Добро пожаловать в Безмятежность, — едва слышно выдохнула она. — В Безмятежную Республику.

Где я раньше мог видеть эту улыбку? Николас задумался.

— Не пора ли нам уходить? Как я понял, меня вызвали сюда по срочному делу.

— Вы правы. И для такой срочности есть весьма веские причины. Но даже и в этом случае предосторожность превыше всего. Ею и продиктована эта наша встреча.

Она взяла его под руку, и до Николаса донесся аромат ее духов, чувственный и тонкий, этот запах был ему совершенно незнаком.

— Надеюсь, вы не найдете мою компанию слишком тягостной.

Она вывела его из храма через боковой вход, и они оказались под аркой каменного моста. Было очень темно, мрачные воды канала едва слышно плескались о замше-лые плиты причала. Согнувшись под низким сводом, Николас в тусклом свете видел, что Челеста закрыла на

ключ старинную деревянную дверь, укрепленную железными скобами.

— Это очень примечательное место, — сказала Челеста, поворачиваясь к Николасу. — В 535 году византийский император Юстиниан пересек море и вместе со своими войсками вторгся в Италию, чтобы взять вновь под свой контроль бывшую часть своей империи, некогда захваченную гуннами. Во главе этого похода стоял блестящий военачальник Белизарий.

Николас различил слабую тень улыбки, мелькнувшей на ее губах.

— И то, что этот храм называется сейчас церковью Сан-Белизарио, звучит просто насмешкой над историей.

— Неужели вы хотите сказать, что речь идет об одном и том же историческом лице, — возразил Николас. — Не может такого быть, чтобы византийский вояка превратился вдруг в христианского святого.

— Это же Венеция. Если вы знакомы с ее историей, вам должно быть известно, что в ее истории нет ничего невозможного.

Они вышли из-под свода моста. У небольшого частного причала их уже ждала гондола, покрашенная золотым и зеленым. Николас уселся, следом за ним на лодку ступила Челеста. Она оттолкнулась от причала, затем взяла длинный шест и направила гондолу в канал. В рясе с капюшоном она походила на иллюстрацию из жизни древней Венеции.

— Венеция — это своего рода Шангри-Ла, надежное укрытие от варваров — готтов, гуннов и им подобных, которые не давали Италии покоя. Как бы то ни было, об этом свидетельствует еще Гомер, Венецию основали не коренные жители Западной Европы, а скорее всего, выходцы из Восточного Средиземноморья. Неизвестно, были ли они потомками тех, кто пал при осаде Трои, как об этом пишет Гомер, либо это были более древние мореплаватели, финикийцы, например, — суть заключается в том, что Венеция была основана благодаря своему исключительно благоприятному географическому положению, позволявшему держать длительную оборону.

Негромкий ее голос стелился над водами канала подобно туману. Николас воспринял ее увлекательное повествование как неотъемлемую часть волнующей истории древнего города с его каналами, гондолами, узорчатыми литыми металлическими решетками балконов, крошеч-

пыми романтическими садиками, крутыми сводами в восточном стиле и окнами, в которые смотрели многие поколения жителей Венеции.

— Как бы то ни было, — продолжала Челеста, — основателями нашей Безмятежной Республики были мыслители, спасавшиеся от бедствий войны, насилия, жестокостей — от уничтожения. И здесь-то они изощрялись в своих химерических искусствах — равно как и в хитросплетениях политических интриг. Именно здесь золотой век греческой культуры сменился, уступил дорогу жестоким обычаям кровной мести.

— Отсюда и пошли маски, — заметил Николас.

— Вы правы.

Отталкиваясь шестом, Челеста направила гондолу к какому-то причалу, выжидая, пока ночной *motoscafo* минует их.

— Можно сказать, что маски, в общем-то, были сплошным обманом. С какой целью? Цели могли быть разными: политики ими пользовались, когда хотели предать своих противников в руки Святой инквизиции, любовники же — от высокородного принца до последнего торговца рыбой — утоляли с их помощью свои нескромные желания. — Она налегла на шест. — Однако все это можно отнести к баллетристике. А что же на самом деле? Припимая во внимание человеческую натуру, маски служили прикрытием для всеобщего разложения, которое, как зараза, охватило город.

Как только *motoscafo* скрылся в низко стелющемся тумане, она вновь взялась за шест.

— Все эти маски — Баута, Домино, Ганья, Примо Дзанин, Доктор Чума — это вовсе не персонажи „комедии масок“, как принято думать. Скорее уж они являются неотъемлемой частью венецианского образа жизни и имеют своих прототипов в политике в большей степени, нежели в театре.

Они проплыли мимо гондолы с сиденьями, обтянутыми пурпурным бархатом, и выкрашенными в золотой цвет поручнями. Закутанный в мохеровый плед мужчина спал, положив голову на колени своей дочери, черноволосой девочки не более десяти лет, которая, поглаживая голову отца, улыбнулась им.

Как только они вновь оказались одни, Челеста продолжила свой рассказ:

— Маски стали символом Венеции, под ними, как за

парадным сказочным фасадом, скрыты глубокие тайны. Венецию можно сравнить с волшебной раковиной, в которой сокрыта диковинная жемчужина.

— Вы прожили здесь всю жизнь?

— Иногда мне самой так кажется, — загадочно ответила Челеста. — Во всяком случае, я здесь родилась. Вот что самое главное.

Их лодка вошла в Гранд-канал, и справа по борту Николас увидел величественное здание Академии. Челеста повернула направо, и гондола мягко заскользила по сверкающей глади канала. В ночной тишине Николас слышал лишь плеск воды и ритмичное дыхание Челесты, направляющей гондолу к илистому берегу. Эти звуки сливались в какую-то загадочную мелодию, исполняемую на волшебной флейте воображения.

Наконец они плавно подошли к богато украшенному причалу, у которого уже были пришвартованы две гондолы. Неожиданно Николаса как бы ударило током — ведь именно эти две гондолы он видел из окна отеля! Сегодня вечером он сделал большой круг, вернувшись туда же, откуда начал свой путь.

Гондола мягко стукнулась о доски причала. Дерево было раскрашено зелеными и золотыми полосами. Николас выпрыгнул из лодки, поймал брошенный Челестой швартовочный линь и привязал к опоре их утлое суденышко.

Палаццо, в который они вошли, был зелено-желтого цвета: море и земля — символ Венеции. Сводчатые арки были украшены орнаментом в восточном стиле. Во внутреннем дворе Николас заметил лужайку, очень похожую на ту, которую он видел на пути к *campiello*. Даже в это время года воздух был насыщен запахами бугенвиллей и роз.

В вестибюле самого здания на низком помосте покоился сверкающий тиком и нержавеющей сталью *motoscafo*. Как это и принято в подобного рода особняках, пол был выложен потрескавшимся каттранским мрамором и истрийским камнем — влага только подчеркивает цвет этих материалов.

По широкой каменной лестнице они поднялись на первый этаж в европейском понимании, *piano nobile*. Бельэтаж, объяснила Челеста, не ремонтируется специально, ибо это бессмысленно из-за высоких приливов, и используется лишь в качестве дока для частных моторных лодок.

Комнаты наверху поражали своей роскошью. Потолки были сделаны из потемневшего от времени индонезийского тика, стены раскрашены настоящим венецианским ультрамарином, исключительно дорогим веществом, содержащим в своей основе ляпис-лазурь; мало того, все потолочное панно было украшено мозаичными узорами в византийском стиле. На полах лежали старинные персидские ковры, а от мраморных античных скульптур времен древнего Константинополя нельзя было оторвать глаз.

В тех местах, где обычно стоят диваны и стулья, были разбросаны вышитые шелком алмазно-голубого цвета подушки. В дальнем углу гостиной виднелась мраморная лесенка, ведущая к некоему пространству со множеством еще более роскошных подушек у стены и расположенному рядом с двустворчатым окном, выходящим на *rio*. Какой-то волшебный свет струился сквозь стекла, наполняя комнату отражением сияющих потоков воды.

Все предметы в гостиной, кончая серебряными коробочками для спичек и цветами в вазах муранского стекла, как бы взаимодействовали между собой — создавалось впечатление, что хозяин этих владений обладает недюжинным математическим складом ума.

Когда Николас и Челеста прошли в центр гостиной, Николас более явственно начал различать фигуру человека, сидящего у окна.

— Микио Оками, — шепнула Челеста и моментально исчезла в одной из боковых дверей.

— Челеста, подождите!..

— Вот ты и приехал.

Николас инстинктивно пошел на звук голоса. Даже в свои годы Микио Оками был способен повелевать. Сняв маску, Николас поднялся по мраморным ступеням.

Перед ним был Микио Оками, старинный друг и соратник полковника Линпера. А может быть, их встреча — это просто воля случая? Война, оккупация... смутное время. И сейчас смутное время... и надо сквозь него как-то пробираться. Чрезвычайные меры тогда... чрезвычайные меры и нынче... Николас почувствовал, что именно ему придется их принимать.

— А ты очень похож на своего отца!

Лысая, заостренная голова, круглое лицо человека, привыкшего диктовать свои условия, под маской доброжелательности: близко посаженные глаза, массивный нос и губы, никогда не расстающиеся с улыбкой; плотно при-

жатые уши и родинка на щеке; в европейском костюме он выглядел ниже своего вполне среднего роста; да, он был не молод, но в азиатском понимании этого определения: желтая кожа, как бы изъеденная ржавчиной, кажущаяся худоба из-за просвечивающих на висках вен — таков был Микио Оками.

— Странно, как будто я вновь встретился с ним.

В знак приветствия он в японской манере поднял руку, и Николас пожал ее.

— Хорошо, что ты приехал, Линнер-сан, — сказал он на японском. — Представляю, какое недоумение вызвал мой звонок. Надеюсь, я не был чересчур назойливым.

— Совсем наоборот. Мне и самому требовалось отдохнуть от работы.

Губы Оками продолжали улыбаться. Отдавая дань японской традиции, он кивнул головой.

— А как ты ощущал себя в черном плаще?

— Мне не стоило труда представить себя Казановой.

Оками оценивающе взглянул на Николаса и неожиданно спросил:

— Могу я предложить тебе чего-нибудь выпить, чтобы согреться? Самбукка? Наполеон? Кофе?

— Кофе, если можно.

— Прекрасно. Я присоединяюсь к твоему выбору.

Оками подошел к кофеварке „эспresso“, сияющей нержавеющей сталью сквозь стекла бутылок с ликерами и аперитивами, и начал колдовать, — ему явно доставляло удовольствие готовить кофе самому. Его маленькие сухощавые пальцы манипулировали с исключительной уверенностью, и, хотя ему было явно за восемьдесят, Николас не заметил в них и тени дрожи.

Оками принес две крохотные чашечки с плавающими в недрах кофе кусочками лимона. Они сидели на подушках, и отраженный от вод канала изумрудный свет играл на их лицах.

— Я по-настоящему люблю свой „эспresso“, — продолжил Оками, делая первый глоток. Затем неожиданно рассмеялся. — Ты, наверное, думал, что я предложу тебе зеленый чай и *татами*.

— Откровенно говоря, я приучил себя ничему не удивляться и не заглядывать вперед. Так легче сохранить здравый рассудок и быструю реакцию.

— Инстинкт, нет? — кивнул Оками. — Не исключено, что все мною о тебе услышанное — правда.

Николас, скрестив ноги, молча тянул ароматный итальянский кофе, приготовленный этим якудза. Где-то не-вдалеке звякнула цепь — продуктовый катер, подумал Николас, и не исключено, что везет он провиант в мой отель.

— Представляю, тебе не терпится узнать, что я делаю в Вснецни.

Николас молча изучал изрытое морщинами, по волевое лицо своего собеседника.

— Действительно, это весьма необычная история, — допив кофе, Оками отставил чашечку. — Прежде всего тебе нужно немножко понять тот мир, в котором я живу, и сущность его изменений. В течение многих лет якудза интересовалась лишь тем, что происходило в Японии. Я был первым, кто понял всю близорукость этой политики. — Он склонил голову набок. — Бизнес есть бизнес — везде. Настали времена, когда мы в Японии уже не смогли делать деньги.

Он поднял руку и плавным жестом опустил ее на свое бедро:

— Может быть, я выразился не совсем точно. Я имел в виду то, что мы не смогли сделать *достаточного* количества денег. Поэтому я собрал всех своих центурионов — то есть *оябун* — и сказал им излюбленную фразу своего отца: „*И дом нам теперь весь мир*“.

Откинувшись назад, Оками скрестил руки на своем маленьком круглом животике:

— Естественно, они не поняли меня, по крайней мере, сразу. Я был вынужден представить им доказательства. Поэтому — то я и уехал из Японии. С того времени, уже в течение двадцати лет, я возвращаюсь на родину только наездами. И в течение всех этих лет я был вынужден следить за тем, чтобы все шло как надо. — Он кивнул головой. — Хотя нам и удастся находить общий язык, — он употребил японское слово, которое не имеет прямого соответствия в английском, а может быть лишь приблизительно переведено как „молчаливое согласие“, — с полицией, политическими кругами и чиновничеством, а также с другими промышленниками; отношения наши хороши, но не настолько, как мне бы того хотелось. Правда заключается в том, что все эти новоявленные самураи никак не могут забыть, из какой грязи мы вышли — ведь почти все мы родом из низших слоев общества, — эти

министры-аристократы плевать на нас хотели. Да нас боялись, они и до сих пор соглашаются с нашей. Мы им нужны. Но если они увидят другую возможность, то постараются как можно быстрее избавиться от нас. — На его лице вновь промелькнула полуулыбка. — Поэтому я и сделал Венецию своей штаб-квартирой.

Николас вспомнил короткий, но довольно наглядный рассказ Челесты о Венеции. Вспомнил и осознал, словах ее не было ни капли наигрыша.

— Я поступил правильно и с точки зрения перспективы, — продолжал Оками. — Ведь Венеция со времен Медичи так и не изменилась. И хотя формально мы считаемся Италией, Венеция, тем не менее, государство в государстве. И всегда нужно помнить о том, что, будучи в Венеции, можно ощущать себя одновременно мало того что вне Италии, но и даже вне Европы.

Он расслабленно откинулся на подушки:

— А вот сейчас я начинаю задумываться о том не сделал ли я стратегическую ошибку?

— Что-то случилось. — По тону Николаса невозможно было понять, спрашивает он или утверждает.

— Да. — Глаза Оками затуманились; он поднялся, чтобы долить в пустые чашечки кофе, и долго стоял у окна, наблюдая за мигающими огнями катеров и моторных лодок, скользящих по глади каналов.

Он резко повернулся, как бы приняв какое-то тяжелое и болезненное для него решение, посмотрел на Николаса долгим взглядом и выдал:

— Кое-кому очень хочется, чтобы я отошел от дел. Но я вовсе не собираюсь этого делать.

— Оками-сан, вам ведь не составит никакого труда мобилизовать всю вашу охрану.

Бровь Оками поползла вверх.

— Более того, — отсутствующим голосом заметил он. — Мои-то поднялись бы. Но этот... которого прислали за мной...

Он приблизился к Николасу почти вплотную, забыв о своем кофе. Выражение беспокойства явно читалось на его лице.

— Дело даже не в этом, — сказал он. — Один из моих *олбун* предал меня, с тех пор я не могу никому доверять. Разумеется, я верю Челесте, и, говоря тебе все это, я отдаю себя в твои руки.

Впервые за все время беседы он повысил голос.

— Именно в твои, — более мягко добавил он.
Установилось молчание.

— Позвал же я тебя сюда ради того, чтобы ты исполнил долг отца, — хмуро проговорил Оками. — Мне требуются твои навыки в боевых искусствах и твое знание Востока. Без тебя я не смогу найти предателя среди моих *оябун*.

Николас, сохраняя на лице полную безмятежность, ловил каждое произнесенное Микио Оками слово. Наконец он промолвил:

— Вы уже дважды упомянули *ваших оябун*.

— Да. А ты разве не знал? Пора бы тебе уже знать, чем оплачиваются долги. Твой отец сделал меня тем, что я есть, а я, в свою очередь, достигнув своего положения, отплатил ему *сцолна*.

Полуулыбка.

— Так что смотри, Линнер-сан, теперь ты знаешь истину: Я — КАЙСЁ, глава всех *оябун*, босс боссов.

Джастина сняла номер в „Хилтоне“ — самой американской по духу гостинице Токио. За тяжелыми порттьерами, не видя ночного города, она могла представить себе, что находится в Штатах — в Нью-Йорке или Чикаго, или в Англии — в „Гайд-парк отеле“, или в Африке — в долине Серенгети.

Она сидела сгорбившись, скрестив руки между коленей, бессмысленно уставившись на огромный ковер, висевший на стене. Казалось, она не могла заставить себя двинуться с места или осмыслить свое положение. Ее сознание было заполнено множеством эмоций и напоминало своего рода котел, давление в котором приближалось к критическому.

Над ней витало какое-то пречувствие.

Джастину охватило отчаяние, которого она не испытывала уже в течение долгих лет. После встречи с Николасом ничего подобного с ней не происходило.

В те времена он был ее спасителем: он всегда приходил на помощь, когда ей было особенно плохо и она не находила себе места от терзавших ее душу волнений. У Джастины было такое ощущение, будто она находится в тюрьме либо на необитаемом острове, лишенная всякой возможности на спасение. И все это сделал Николас: его всеиспепеляющая любовь к Японии, его страсть к япон-

ским ритуалам, которым несть числа и которые, в ее понимании, только разъединяли людей — даже связанных родственными узами.

И это ее неприятие японского мышления начало довлеть над ней с того момента, когда она в первый раз забеременела. Ее преследовали видения — кошмары, в которых Николас отправлял их ребенка в дзэн-буддийский монастырь или в школу боевых искусств *dodzё*, где тот проникся бы канонами восточной религии и философии, столь чуждыми ей, — и был бы для нее навсегда потерян. Эта мысль, неуловимая и почти параноидально преследовавшая ее, стала для Джастины абсолютно невыносимой. Страх стать матерью чуждого ей по духу ребенка отравлял ей жизнь и рушил веру в единственного человека, которого она любила в этом мире, — Николаса.

В конечном итоге она начала бояться и его. Если раньше она чувствовала себя с ним как за каменной стеной, то теперь, видимо, вследствие каких-то таинственных алхимических процессов он стал пугать ее своей все возрастающей одержимостью; его кровные узы с таньцзян вселяли в нее чувство неподдельного страха. И чем глубже он погружался в загадочные мистерии Таутау, тем меньше она ощущала в нем живого человека.

И теперь, после того как она решилась взглянуть на все это раскрытыми глазами, ощутив гнев и страх, Джастина вдруг почувствовала, что после смерти дочери стала другим человеком. Она не находила себе покоя ни днем ни ночью, как бы самой судьбой гонимая на поиски той единственной нити, которой рано умершая дочь смогла бы удержать Николаса подле нее. Она отдавала себе отчет в том, что надежды вновь соединить концы этой нити в Японии у нее нет.

Даже находясь в номере, оформленном в подчеркнуто американском стиле, который действовал на ее нервы более успокаивающе, чем интерьер ее собственного японского жилища, исполненного, как ей казалось, магических чар, удушающе действующих на всякого входящего в дом европейца, она разразилась слезами.

Когда же она наконец пришла к осознанию того, что идти больше некуда? Может, в тот момент, когда Николас покинул ее, несмотря на все ее мольбы? Или же в тот момент, когда они в последний раз занимались любовью? И она чувствовала себя униженной? Или же значительно

раньше? Когда она потеряла второго ребенка и тайно поблагодарила за это Господа Бога?

Сейчас она очень страдала от этой мысли!

Я слаба и себялюбива.

Этой мыслью Джастина то укоряла себя, то успокаивала. Трудно описать тот ужас, который переполнил ее, когда она забеременела второй раз. Сама мысль о том, что она принесет миру вторую жизнь и тем самым доставит Николасу какие-то проблемы с его одержимостью Таутау, внушала ей жуткий страх. *Во мне что-то умирает*, простионала она. *И скоро во мне нечего будет спасать.*

После того как услышала звук отъезжающей машины, Джастина упаковала сумку, которую обычно брала с собой на выходные, и махнула в город. Что-то помимо ее собственной воли заставляло Джастину гнать машину по правой стороне дороги — и это с правым-то расположением руля, — никогда раньше ей не приходилось делать ничего подобного, тем более что на дорожных знаках не было никаких поясняющих надписей на английском. Она полностью положила на свою память, которая, принимая во внимание ее теперешнее возбужденное состояние, была далеко не надежной.

К счастью, ей удалось наконец въехать в лабиринт токийских улочек, и, руководствуясь исключительно инстинктом, она умудрилась подъехать прямо к „Хилтону“. Именно в нем останавливались ее американские друзья во время своих нечастых приездов в Токио — слишком уж далеко располагался их дом.

Уже сколько часов она сидела в одной и той же позе, сменив ее только раз — чтобы позвонить Тапдзану Нанги, другу Николаса и ее собственному. Время от времени ее пробирала дрожь, как будто бы приступ внезапной болезни, — но она и в самом деле была больна — отчаянием.

Дозвониться до Нанги она не смогла, но его секретарша Уми, узнав голос Джастины еще до того, как та успела представиться, обещала передать своему боссу, что звонила Джастина из отеля „Хилтон“. Положив трубку, она поймала себя на мысли, что даже не знает, что станет говорить, когда он войдет в ее номер. Она и на самом деле не отдавала себе отчета, зачем звонила ему. Видимо, все ее поведение было продиктовано инстинктом самосохранения, который настоятельно требовал от нее отыскать точку отсчета, позволившую бы вновь обрести способность логически мыслить.

Негромкий стук в дверь отвлек Джастину от ее невеселых размышлений. Она ожидала увидеть Нанги, но, раскрыв дверь, застыла от неожиданности.

Рослый красивый американец с черными волосами, голубыми глазами и широкой улыбкой стоял на пороге. Правда, загар его поблек по сравнению с тем, который запомнился ей в Мауи. Однако одет мужчина был с иголочки, темно-синий костюм удивительно шел ему.

Улыбнувшись, он пересек прихожую и вошел в комнату. Ни слова не говоря, обнял Джастину и запечатлел на ее лбу долгий поцелуй.

— Всеблагой Боже! Как я рад снова видеть тебя! — сказал Рик Миллар, не выпуская ее из своих объятий.

Ощувив прикосновение его губ, она сразу же вспомнила, как с его подачи стала вице-президентом рекламной компании „Миллар, Сомс энд Робертс“ в Мауи. Она была вынуждена расстаться с Риком после того, как узнала — ради того, чтобы дать ей эту должность, ему пришлось уволить ее собственную подругу. В Мауи она была почти влюблена в него. Почти. Сейчас, видя его столь блестящим и представительным, Джастина чувствовала, как сердце ее рвется из груди, а в горле пересохло. Она готова была расплакаться, и, когда слезы вплотную подступили к ее глазам, она подумала: *О Боже! Я же сейчас разревусь.*

— Рик! Что ты здесь делаешь? — Голос ее был высоким и срывающимся.

— Я находился в кабинете мистера Нанги, когда вошла его секретарша и сообщила о твоём звонке. Он собирался приехать сам, но мне удалось убедить его в том, что самое лучшее в твоём состоянии — это увидеть родное лицо.

Он казался искренне озабоченным.

— Он рассказал мне кое-что о том, с каким трудом ты привыкала к местной жизни. Нанги очень волнуется за тебя, но больше всего его беспокоит невозможность помочь тебе чем-то.

Джастина покачала головой, все еще не в силах отделаться от чувства растерянности.

— Но как получилось, что ты оказался здесь, в Японии?

Он удержал ее в своих объятиях, глядя прямо в ее наполненные болью глаза; Джастину сотрясала легкая дрожь.

— Я мог бы солгать тебе, Джастина, и сказать, что

занимаюсь тут нашими дальневосточными контактами или что я приехал сюда провести отпуск. Но я не стану врать. Правда заключается в том, что я приехал в Токио для того, чтобы найти тебя и убедить — я еще и сам не знаю как — вернуться в Нью-Йорк, где бы ты смогла работать в нашей компании на постоянной основе.

Джастине показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Сколько раз, еще будучи девочкой, строила она в своих мечтах различные планы, раздумывая над тем, что случится, если они вдруг воплотятся в реальность.

— Ты это серьезно?

— Слушай, Джастина, компания собирается расширять сферу своей деятельности. После некоторого общего спада в экономике дела наши сейчас идут как нельзя более успешно. Проблема заключается в том, что мне все приходится делать самому. И как бы я ни пытался, я не могу найти тебе замену. Поверишь, с тех пор как ты уехала, мне пришлось сменить четырех вице-президентов. Сам же я уже не в состоянии тянуть семидесятидвухчасовую рабочую неделю. — Он подмигнул ей. — Ты нужна мне. Я не делаю из этого секрета. Если ты вернешься, сама можешь ставить условия. Говорю тебе это серьезно. Я готов предоставить тебе долю в бизнесе. Предположим, четвертую часть.

Его энтузиазм был настолько заразителен, что передался ей и начал также лихорадочно пульсировать и в ее жилах.

— Скажи просто „да“.

Джастина прикрыла глаза. Она уже знала, что скажет, прежде чем услышала короткое слово, сорвавшееся с ее губ; Джастина почувствовала, как ее окутывает волна какого-то невиданного тепла, будто с треском разломился жесткий панцирь и она наконец вырвалась на долгожданную свободу, и уже навсегда.

— Да!

— Господи, что все это значит?

Кроукер поднял глаза и взглянул на воскового цвета труп, подвешенный за ноги к потолку кухни. За окном грязно-серые облака с каким-то багровым отсветом висели над просыпающимся и начинающим свою суматошную

жизнь городом — знакомый, но почему-то вызывающий чувство страха пейзаж.

Казалось бы, чего особенного? Вряд ли в Америке удивить кого-либо подобными видами городских улиц, но все дело заключалось в том, что дом, из окна которого открывался этот вид, располагался в предместье городка в Миннесоте.

Кроузер перевел взгляд на кровь, все еще стекающую в бачок из нержавеющей стали; свертываясь, она из карминной становилась темно-багровой.

Кроузер заставил себя вновь посмотреть на труп, ибо физически ощущал его вес, и это чувство постоянно преследовало бывшего полицейского, подобно острой колючке, засевшей под кожей.

В свое время будучи детективом — лейтенантом департамента полиции Нью-Йорка, Кроузер повидал немало зверски изуродованных трупов на заваленных отбросами городских улицах. Но с подобным изуверством встретился впервые.

Все кости рук и ног покойного дона были переломаны. Подобного рода пытка не была Кроузеру в диковинку, но остальное... С хирургической скрупулезностью из груди было вырезано сердце, теперь оно уютно покоилось на животе покойника в области пупка. Кроузер подошел ближе и только тогда увидел странную вещь.

— Сердце, — сказал он, — аккуратно пришито к его пупку. — Взгляд Кроузера скользнул по пальцам рук дона. — Ему также переломали все фаланги, с тем чтобы вывернуть их на 180 градусов.

— Все это более чем странно. Смахивает на какой-то ритуал.

О господи, подумал Кроузер, многое я бы отдал, окажись рядом Ник. Тайные ритуалы — это его конек. Кроузеру пришла в голову даже мысль позвонить ему, позвать на помощь, однако вскоре он отказался от этой идеи. Раньше Кроузер ни секунды бы не сомневался, но сейчас... Ник управляет огромной корпорацией, у него жена, ему необходимо обзаводиться потомством. Его приоритеты поменялись. У Ника больше нет времени на то, чтобы мотаться на самолете через весь Тихий океан ради решения каких-то мистических загадок. При этих мыслях Кроузер испытал глубокое разочарование. Он никогда не страдал ностальгией по старым добрым временам, в основном потому, что эти времена были не такими уж

добрыми, но сейчас ему вдруг захотелось запустить назад машину времени и как по волшебству в мгновение ока очутиться рядом с Ником, как в те далекие дни. Неразлучный тандем, рвущийся навстречу опасностям.

Вспоминая Ника, он даже закрыл глаза. Когда же вновь открыл, то увидел рядом с собой лишь одного Лиллехаммера.

Исключительная худоба Лиллехаммера казалась просто ужасающей в этой мерзкой берлоге. Кроукеру было известно, что Лиллехаммер на самолете ВВС США облетел всю страну, а возможно, и весь мир. Когда они через специальную секцию с надписью „Только для штатных сотрудников“ вышли на летное поле аэропорта в Неаполе, их уже ждал новенький, направленный горячим самолет. Почтительность военных летчиков, членов экипажа, проявляемая ими в отношении Лиллехаммера, свидетельствовала о том, что перед ними не обычный гражданский пассажир.

Какая-то тень мелькнула в поле зрения Кроукера, и он воспринял это как некий символ. Он восхищался Лиллехаммером, его властью и энергией. Было совершенно очевидно, что ни ФБР, ни полиция штата, ни тем более местные ищейки не смогли сюда пробраться. Впрочем, дом был оцеплен таким количеством полицейских, что, казалось, они способны подавить небольшой бунт. Требуется немалое влияние, подумал Кроукер, чтобы скрыть от посторонних взглядов сцену подобного убийства.

Во время полета в Миннесоту Кроукер прочитал досье ФБР на семейство Гольдони. Оно было на редкость неполным, расплывчатым. Доминик родился в 1947 году, его матерью была некая Фэйс Маттачино, которая через семнадцать лет стала второй миссис Гольдони. Об отце никаких сведений не было, даже о том, была ли Фэйс в законном браке с ним.

Правительственные архивные материалы не содержали почти никаких сведений и о самой Фэйс Гольдони, за исключением того, что она была американкой итальянского происхождения и родилась в 1923 году. Через год после того, как она вышла замуж за Энрико Гольдони, она уговорила последнего усыновить ее сына Доминика. У Энрико было две дочери от первого брака, одна из которых — Маргарита — проживает в Нью-Йорке и замужем за адвокатом Тони Д., де Камилло. Фэйс погибла, перевернувшись в лодке неподалеку от Лидо, пляжного курорта Венеции.

Что касается Энрико Гольдони, то он ко времени своей женитьбы на Фэйс уже по уши завяз в делах мафии. Неизвестно, каким образом венецианцу удалось добиться вершин власти в исключительно сицилийской подпольной организации, однако вполне очевидно, что через его компанию, производящую шелковые изделия и парчу ручной работы, ничего не стоило перевозить морскими путями контрабанду по всему миру.

Одиннадцатого декабря прошлого года его труп, прицепленный к крючьям деревянной опоры, подобно мешку с отходами, был извлечен властями из Гранд-канала. Убийцы найдены не были, мотивы остались невыясненными.

Несомненно, над семейством Гольдони довлеет какая-то тайна и витает призрак смерти, однако ничто из прочитанного Кроукером не давало ключа к разгадке причин страшной смерти Доминика.

Лиллехаммер, обойдя труп, вновь подошел к Кроукеру.

— Вы уже освоились в этом зловонии? — Рот Лиллехаммера дернулся.

Кроукер улыбнулся, вынул из пазухи специальные тампончики и моментально вернул их на прежние места.

— Хотелось бы знать, что случилось с головой, — сказал он.

— Возможно, убийца предал ее погребению.

— Для чего бы это ему делать?

— Для чего он все это сделал? Этот тип явный психопат, — пожал плечами Лиллехаммер.

— Вы так думаете?

— А какой еще можно сделать вывод?

— Не знаю. Но мой опыт подсказывает, что здесь возможны различные варианты и их очень много.

Из кухни они спустились в гостиную. Сквозь грязные стекла окна Кроукер мог видеть, как еще ниже опускаются облака. Он почувствовал, что напряжение спало, однако весь ужас, увиденный в кухне, все еще маячил перед глазами. Кроукер напрягал всю свою волю, чтобы отвлечься, переключить мозг на что-нибудь другое, избавиться от этого наваждения. Он начал думать о том, что им повезло, — самолет, на котором они летели в Штаты, успел приземлиться до начала шторма.

— Это и есть тот дом, который ФПЗС купила для Доминика?

— Разумеется, нет, — ответил Лиллехаммер. — Сюда его привезли... умирать.

Он достал записную книжку в обложке из крокодиловой кожи, раскрыл ее:

— Это место выставлено на продажу... сейчас скажу... вот, уже в течение восьми месяцев. После того как банк прибрал его к рукам, здесь никого не было.

— За исключением Доминика и его убийцы.

Лиллехаммер вынул миниатюрный карманный фонарик, и лучик света забегал по всем имеющимся поверхностям. Белые стены и потолки как бы бросали на них ответные взгляды и злорадно усмехались.

— А это что такое?

Кроукер замер на месте. Кружок света высвечивал влажное пятно, темневшее на белой стене. Мужчины принялись внимательно его рассматривать.

— Похоже, что это...

— Именно, — за Лиллехаммера ответил Кроукер, — следы пота.

Он вновь ощутил во рту привкус страха, впрочем, то же, видимо, творилось и с Лиллехаммером — комната как бы наполнилась зловонным дыханием зверя, привыкшего к крови и к бесчисленным жертвам.

И хотя сейчас они находились вдали от кухни, физическое напряжение, почти болезненное, стало невыносимым.

— Что-то здесь произошло, — заметил Кроукер. — Что-то ужасное... зловещее.

— Зловещее? — лукаво взглянул на него Лиллехаммер. — Что вы имеете в виду? Что может быть ужасней того, что подвешено там, на кухне?

— Не знаю... пока.

Кроукер провел лучом фонарика по всему пространству помещения. Пятно, эллипсообразное и почти полностью симметричное, напоминало указатель, подобно тому как воткнутое в землю копьё показывало древним тропу в джунглях Юго-Восточной Азии.

Луч скользнул по плинтусам, по плоскости пола. Почти у самых своих ног Кроукер заметил еще одно пятно, на этот раз меньшего размера, но более густое и вязкое.

— А это, несомненно, сперма, — раздался голос Лиллехаммера. — Не исключено, что убийца, перед тем как обезглавить и повесить, изнасиловал Гольдони.

— Нет, — возразил Кроукер. — Как вы сами отметили, здесь дело идет о ритуальном действе в отношении Гольдони — нечто вроде жертвоприношения. — Он взглянул на Лиллехаммера. — Насиловать жертву не разрешается.

— Откуда, черт побери, такая уверенность?

— Не знаю... Просто... чувствую.

— Да. Мне приходилось бывать в джунглях. Там чувства и ощущения — это все. Какие-то призрачные предчувствия могут спасти шкуру... Впрочем, и сбить с толку тоже.

Лиллехаммер вновь улыбнулся, обнажив хорошо видимые в свете фонаря шрамы в уголках рта со следами крестообразно наложенных швов — не самая приятная улыбка.

— Мне нужен этот ублюдок, понимаете? Мне просто необходимо до него добраться.

— Необходимо? Ну, раз вы выбрали псевдоним Агав, будем надеяться, что ваше стремление осуществится.

Лиллехаммер резко, с каким-то металлическим призвуком, усмехнулся, и его немалых размеров зубы клацнули, как челюсти у крокодила.

— Sure*, — согласился он, употребляя один из своих американизмов. — Как-нибудь я вам все расскажу.

Вот это будет денек, подумал Кроукер. Он молча наблюдал, как Лиллехаммер наклонился, открыл свой маленький черный чемоданчик, достал оттуда пару резиновых хирургических перчаток и принялся собирать сперму.

— Я отдам это на анализ. Возможно, это и пустое дело, но при нынешнем уровне лабораторного оборудования вероятность удачи нельзя сбрасывать со счетов. Может быть, лаборанты определят по сперме какое-нибудь генетическое отклонение у этого типа, и это поможет нам выйти на его след.

Лиллехаммер являл собой сплошную загадку, и именно поэтому, подумал Кроукер, он согласился с ним работать. Объяснялось это просто — Кроукер сам любил все таинственное. Убийство его отца заставило сына выбрать профессию полицейского, а его собственное обостренное желание познать самые сокровенные закоулки человеческого бытия привело его в отдел по расследованию убийств.

*Непременно — в английском варианте английского языка употребляется редко.

— И до сих пор, тем не менее, — продолжал Лиллехаммер, закончив свое дело, — у нас нет ни малейшей догадки о том, что же здесь произошло.

— Не совсем, — возразил Кроуер. — Убийца участвовал в половом акте, и, наиболее вероятно, сразу же после того, как он убил Гольдони. Совершенно очевидно, что Гольдони был убит в кухне, там же ему выпустили кровь.

— Допустим. Возможно, он так возбудился от убийства, что мастурбировал до самой эякуляции. Это вполне увязывается с типичным поведением убийцы-психопата. Как правило, все эти типы — импотенты. Однако неистовая ярость, заставляющая их убивать, — сам процесс убийства — высвобождает их сексуальную заторможенность.

Угнетенная психика, потемки души.

— Возможно, — сказал Кроуер, — но в данном случае я так не думаю. Вспомните, какую картину мы увидели на кухне. Ни тени ярости — только дотошная и методичная работа. А возьмите аспект жертвоприношения. Одни только колдуны и шаманы исполняют такие ритуалы. Здесь сплошная психическая уравновешенность.

Казалось, Лиллехаммер готов был согласиться с этими доводами. Он вновь обвел взглядом комнату.

— Но если он не насиловал Гольдони и не занимался мастурбацией, то остается только одна гипотеза.

— Верно. Здесь был кто-то еще.

Они продолжили обход дома. Повсюду царил атмосфера затхлости, сырости, разложения, воняло скипидаром и старой краской. Коридор заканчивался допотопной ванной, выложенной кафелем в черную и белую клетку, мойка была вся в пятнах и подтеках, сидячая ванна, квадратная раковина с облупившейся эмалью, ни полотенце, ни коврика, только шуршание тараканов — давно уже Кроуер не видел такого убожества и запустения.

Рот Лиллехаммера вновь дернулся.

— Чувствуете запах?

Кроуер вынул из пазухи тампончики.

— *Господи!* — воскликнул Кроуер, бросаясь к противоположной двери.

Она оказалась запертой. Кроуер поднял левую руку до уровня замка. Тонкий металлический стержень показался из кончика указательного пальца. Он ввел его в замочную скважину.

С неподдельным удивлением Лиллехаммер наблюдал, как Кроукер двигает стержень взад-вперед. Наконец раздался звучный щелчок.

— Красиво сделано! — воскликнул Лиллехаммер.

Кроукер повернул ручку замка и открыл дверь.

— Проклятье! Это что еще такое? — Лиллехаммер вытащил носовой платок и прижал его к носу и рту. — Здесь зловоние еще похлеще, чем на кухне.

— Кажется, мы нашли нашего третьего, — заметил Кроукер, входя в комнату.

На кровати лежала молодая женщина, или, точнее сказать, то, что когда-то было молодой женщиной. Ее кто-то распластал в форме звезды: руки, ноги и голова составляли пять ее лучей. На груди женщины зияли разрезы; сделаны они были так аккуратно, как будто тут потрудился хирург.

Кроукер, обойдя кровать, подсчитал количество разрезов — их было семь. Из седьмого торчало испачканное кровью белое птичье перо.

Лиллехаммер, идя следом за Кроукером, негромко сказал:

— Видит Господь, а ведь когда-то она была хорошенькой.

— Еще один ритуал, — буркнул Кроукер.

— Взгляните сюда!

В центре лба они увидели вертикальный надрез в форме полумесяца, багрового от запекшейся крови. Там, где полагалось быть пупку, темнело круглое отверстие, украшенное по краям каким-то узором, как показалось им на первый взгляд. Присмотревшись, мужчины обнаружили, что на самом деле это такое же перо, некогда белое, а теперь ставшее бурым от крови.

— Интересно, это перья одной птицы? — тихо спросил Кроукер.

— Похоже на то. После того как мы здесь закончим, я отдам перья на анализ орнитологу.

Казалось, он не мог оторвать взгляда от этих перьев.

— Сейчас самое лучшее — как можно быстрее вызвать судебно-медицинскую бригаду.

— Я всегда был сторонником старомодной пунктуальной полицейской работы, — сказал Кроукер, — но в этом случае сомневаюсь, что она принесет какие-нибудь плоды. Кто нам сейчас нужен, так это волшебник. Наш под-

опечный явно не собирался оставлять здесь отпечатки пальцев.

— Он оставил сперму, — напомнил Лиллехаммер.

— Да, конечно, — задумчиво сказал Кроукер, продолжая разглядывать кровавый полумесяц на лбу жертвы. — Это был указатель, и смотрите, куда он нас привел.

Он повернулся и пристально посмотрел на Лиллехаммера:

— Однако есть еще один вопрос, требующий ответа. Что, черт побери, произошло с головой Доминика Гольдони?

Микно Оками промолвил:

— Видишь ли, Линнер-сан, я приехал в Венецию много лет назад с весьма специфическими намерениями. Здесь я работал над тем, чтобы отмыть старые деньги якудза и запустить их в законный бизнес, который позволил бы нам спокойно переползти в двадцать первый век.

Как тебе должно быть известно, якудза была официально поставлена вне закона в апреле 1992 года. Исчезла уверенность, что статус-кво будет восстановлен. Поползли слухи, и даже очень близкие к якудза и влиятельные люди клюнули на эту липу.

Около года тому назад все у меня переменилось: друзья, враги, союзники, с которыми я имел дело не один год. Эти перемены особенно наглядно проявлялись в растущих разногласиях среди членов моего личного внутреннего совета и давлении на меня. Это привело к множеству плачевных результатов. Один из моих старейших партнеров был убит, и сейчас у меня есть очень могущественный противник. Он член организации, которая величает себя Годайсю.

— Пять континентов, — машинально бросил Николас, переводя с японского.

Оками кивнул.

— Философия Годайсю диаметрально противоположна моей. *Оябун* приходят в ужас от моего плана поставить их в рамки закона. Эти люди и существуют только благодаря беззаконию, ибо оно их объединяет, дает им положение и влияние. Без всего этого, им кажется, они будут низведены до уровня пешек, и страх потерять свое положение и уже завоеванные привилегии понстине всеобъемлющ и не знает границ. Эти люди помешались на

власти и силе, им претит сама мысль, что кто-то сможет лишить их денег, влияния и прелестей жизни. Мир должен лежать у их ног, и никак иначе. „Каков смысл жизни без лезвия бритвы?“ — я неоднократно слышал эту фразу из уст этих типов.

Жизненно важно, совершенно необходимо усиливать влияние якудза — этого требуют интересы дела. И именно поэтому я не желаю повторения ошибок. Исторически мы многому научились у американской мафии. Но сейчас все солидные доны стары и больны, а пришедшее им на смену поколение — это новая кровь; эта молодежь даже отходит от законов *omerta** и других категорий чести, а без этого у них не хватит пороку возродиться. Они стучат друг на друга при малейшем давлении ФБР.

Оками как-то по-колдовски и одновременно благословляюще поднял руку, и это движение где-то в подсознании напомнило Николасу литургию в храме Сан-Белизарно.

— А сейчас, я думаю, стоит поговорить о моральной стороне деятельности якудза. Плод, как говорится, созрел. Оставим мафию в покое.

— Именно. Я сейчас и говорю о законном бизнесе, который мы частично контролируем или хотели бы контролировать. Внедриться в такие конгломераты не так уж просто. У нас есть определенные связи с американскими службами, а также с немалым количеством банковских агентств. Нам приходится быть очень осмотрительными в наших торгово-закупочных делах, чтобы на нас не легла и тень подозрения. Нельзя привлекать внимание.

— Для чего вы все это мне говорите, Оками-сан? — удивился Николас. — Вам должно быть известно, что я не симпатизирую якудза. Мне кажется предосудительным то, как они наживаются на слабостях простых людей.

— Ты высказался откровенно, — сказал Оками. — Позволь и мне. Ты ничего не знаешь о том, что мы делаем, чем занимаемся, что намереваемся сделать. Ты обвиняешь нас безосновательно и в этом ушел недалеко от наших врагов.

— Совсем наоборот, — холодно улынулся Николас. — По крайней мере, я кое-что знаю о личной жизни *оябун*.

— Но не о моей.

*Закон молчания (*итал.*).

Видя, что Николас молчит, Оками сам был вынужден продолжить беседу:

— Ты вовсе не надеешься на успех нашего предприятия?

— Успех вашего, да.

— Твой отец совсем не так подходил к рассмотрению дел.

Николас отставил чашку.

— Мой отец жил в иное время. Он всегда чувствовал себя, как на войне, даже когда участвовал в работе по возрождению Японии, уже после капитуляции.

— В воспоминаниях нет необходимости, — мягко сказал Оками. — Ведь я был вместе с ним.

Мягкая улыбка Оками сменилась пристальным прямым взглядом:

— Твои резкие слова причиняют мне боль. Уж нам с тобой не следует воевать.

— Будем считать, что боевые действия явились результатом неведения. Я ведь до сих пор не знаю истоков и происхождения долга моего отца вам.

— Мы поклялись, что эта тайна останется между нами.

Николас промолчал; нависшая тишина стала настолько тягостной, что Оками понял — пора уже выходить из этого натового положения.

— Ты бы смог отречься от клятвы, данной своему отцу? — неожиданно и резко спросил Оками. — И ты хочешь, чтобы я отрекся от клятвы, данной ему?

— Ваши отношения с моим отцом имели, так сказать, свою собственную жизнь. Сейчас вам предстоит иметь дело со мной. Вы и я должны найти пути к нашему собственному взаимопониманию. Только на этой основе можно надеяться на развитие отношений.

Оками, казалось, удивился.

— Ты говоришь о... союзнчестве?

Николас кивнул.

— Возможно, да. Но как бы ни сложились наши отношения, вам не следует рассчитывать на то, что меня можно будет использовать в качестве слепого орудия.

— Но твой отец...

— Оками-сан, постарайтесь понять. Я ведь не только сын своего отца.

Оками поднялся и, повернувшись спиной к Николасу, подошел к окну и принялся рассматривать канал, гля-

дываясь куда-то в даль. Задумавшись над возникшей проблемой, он машинально похлопывал в ладони. А о чем собственно думать — Николас выразился достаточно ясно, почти ультимативно: расскажите мне о происхождении долга, иначе разговор окончен.

Сейчас, размышлял Николас, для Оками весь вопрос упирается в то, чтобы не потерять лица.

— Твой отец был экстраординарным мужчиной, — без лишних вступительных слов начал Оками. — И эта его исключительность проявлялась во многих сферах, о некоторых даже ты не имеешь понятия. В некотором смысле твой отец был художником. То, что он видел, не было в прямом смысле реальностью; это было в большей степени то, что *лежало вне* этой реальности. Проще говоря, твой отец угадывал потенциальные возможности в любой ситуации и знал, каким образом разработать эту ситуацию так, чтобы эти потенциальные возможности были реализованы в самом ближайшем будущем.

Николас заметил, как распрямилась спина Оками; казалось, воспоминания о тех годах, когда он работал рука об руку с полковником Денисом Линнером, стряхнули с него груз прожитых лет.

— С твоим отцом мы встретились при довольно странных обстоятельствах, не имеющих никакого отношения к бизнесу. Дело в том, что моя сестра сходила по нему с ума, и именно она свела меня с твоим отцом. Она настояла, чтобы я встретился с ним, — думаю, простой атрибут вежливости *итэки*. Я тогда еще подумал, что, увидев его, сразу же возненавижу. Но это было до того, как я его узнал.

Оками сделал глубокий вдох, будто подзаряжаясь энергией.

— Ты, несомненно, знаешь, что специальное подразделение армейской полиции генерала Макартура нередко вступало в контакт с определенной группой людей из якудза. Мы были нужны им для борьбы с коммунистами, предотвращения коммунистического проникновения в Японию и помощи в установлении нового демократического порядка по американскому образцу. Вначале я и другие вроде меня чувствовали себя как между Сциллой и Харибдой, зажатыми между двумя союзническими политическими системами, каждая из которых могла извратить основу японского образа жизни. Но, естественно, из этих двух различных систем коммунизм пагонял больше

страха и был более ненавистен — поэтому мы и примкнули к американцам. А что еще нам оставалось делать? Этот вопрос в то время мы постоянно задавали сами себе, и именно его бесконечно дебатировали с твоим отцом.

Но коммунизм был не просто угрозой. Коммунисты были открытыми врагами, поэтому специальному полицейскому подразделению американцев не стоило особого труда их опознавать. Все это так, но твой отец вышел на опаснейшую группу, занимающуюся подрывной деятельностью, глубоко законспирированную и не примыкающую ни к той, ни к другой политической группировке. И вот именно этих людей твой отец выследил и нанял меня к себе в помощь — необходимо было уничтожить эту мразь.

Оками наконец повернулся лицом к Николасу и уселся на одну из подушек. Он скрестил ноги и откинул руку на подоконник.

— Ты должен понять, Линнер-сан, то были времена беззакония. В стране процветал черный рынок, и любой предприимчивый тип мог заработать состояние в считанные месяцы — естественно, при наличии связей и товара.

Совсем просто это было сделать в том случае, если, к примеру, ты был офицером американской военной полиции. В этом случае вся страна, считай, была у тебя в руках. И ты был ее законом.

Твой отец начал разрабатывать связи токийского черного рынка и обнаружил, что им заправляет некий капитан по имени Джонатан Леонард из военной полиции, человек насколько безжалостный, настолько и неразборчивый в средствах. Кроме того, у него была исключительно надежная крыша, и сколько твой отец ни старался, никакого компрометирующего материала так и не нашел. А тем временем капитан Леонард наводнял город всякой ненужной дрянью: стрелковым оружием, боеприпасами, другим самым разнообразным вооружением и... наркотиками. Огромным количеством наркотиков.

Откуда он брал всю эту контрабанду? Где хранил? Как была организована сеть распространителей? К моему величайшему удивлению, я обнаружил, что некий *кобун* из якудза вовлечен в торговлю на уличном уровне. Этим занимались разочарованные беспринципные солдаты, готовые за подачку или, что еще противней, за обещание новой, более высокой ступени на иерархической лестнице травить свой народ. Гневу моему не было предела.

Но кто стоял за ними? Капитан Леонард? Почему бы нет. Он был один из тех, у кого имелись связи. Твой отец начал копать еще глубже и обнаружил, что перед самым вступлением в армию Леонард официально поменял имя. Данное ему при рождении имя было Джон Леонфорте.

Оками кивнул.

— Совершенно верно, Линнер-сан. Он был младшим братом Альфонсе Леонфорте, видного дона мафии, которая терроризировала Штаты как во время войны, так и после. Альфонсе единолично консолидировал группировки мафии по всему Восточному побережью, ваял под контроль нью-йоркский морской порт, строительную промышленность и транспортные перевозки между штатами, то есть ключевые, наиболее быстро набиравшие силы в пятидесятых годах отрасли и сферы.

— По-моему, я читал в биографии, опубликованной несколько лет тому назад, что младший брат Ала Леонфорте умер во время службы в армии.

— Правильно, — согласился Оками. — Я убил его.

Некоторое время Николас изучающе смотрел на Оками. Затем встал, подошел к буфету и налил себе бренди. Он выпил его залпом, дождался, пока согревающая влага прольется в желудок, и только после этого вновь повернулся к Оками.

— Вы хотите сказать, что убили Джонни Леонфорте по приказу моего отца?

Оками сделал последний глоток кофе и отложил чашку.

— Здесь есть нечто, чего ты не читал в биографии. Последним приказом Альфонсе Леонфорте, прежде чем он ушел на покой, был приказ убить Джеймса Хоффу. А ты знаешь, почему не нашли его труп? Я расскажу тебе. В то время у Леонфорте был хороший друг — высокопоставленный сенатор из Нью-Йорка. Забыл его имя, но это не важно. Если хочешь, можешь найти его имя в биографии. У этого сенатора был дом, летний дом, если мне не изменяет память, на Шелтер-Айленд. Ты знаешь это место, Линнер-сан?

— Очень хорошо знаю, — ответил Николас, испытывая чувство, будто что-то оседает у него в животе.

Оками кивнул.

— Мне не доводилось там бывать, но хотелось бы выбраться туда в один прекрасный денек. Должно быть, очень красивое, очень уединенное место.

— Все так, и даже больше.

Оками вновь наклонил голову.

— Как я уже сказал, у сенатора был дом, куда он приезжал отдохнуть и расслабиться. Леонфорте любил это место, но в дневные часы появляться там ему было запрещено. Видимо, слишком опасно для сенатора. На территории росли два японских клена — замечательные экземпляры, даже в то время. Леонфорте безумно нравились эти деревья, особенно осенью, когда листья становились алыми.

Так вот, возможно, сенатор несколько запустил деревья, и Леонфорте решил, что они нуждаются в несколько необычном компосте; возможно, он своеобразно подпудрил над своим другом. Кто знает? Столько лет прошло. Но именно туда направил Леонфорте своих громил, чтобы они закопали Хоффу под корнями кленов сенатора. Мне говорили, что деревья до сих пор там и еще великолепнее, чем прежде.

Николас потер лоб и спросил:

— И это тот парень, младшего брата которого вы убили?

— Не убил, — поправил Оками. — Не совсем так. Мы вступили в единоборство, он и я. Меня можно обвинить только в том, что я спровоцировал этот поединок, да. Помнится, он был крутым и сильным и, несомненно, имел инстинкт к выживанию. Но я в те годы прекрасно владел боевыми искусствами, а ведь все эти виды борьбы... — он пожал плечами. — Трудно держать такие удары. Впрочем, не тебе объяснять.

Николас взглянул на свои собственные руки, прекрасно понимая, что имеет в виду Оками. На моих ведь тоже, подумал Николас, не одна смерть. Он перевел взгляд на Оками. Он хотел спросить старика, приказывал ли отец ему убить Джонни Леонфорте, однако посчитал, что тот все равно откровенно не ответит. На секунду задумавшись, он задал другой вопрос:

— После смерти капитана Леонарда что-нибудь изменилось? Перестал действовать черный рынок? Прекратилась контрабанда?

Оками медлил с ответом.

— На некоторое время, — наконец произнес он, и Нику показалось, что после этого признания он с удовольствием поставил бы точку. — Но затем, к удивлению твоего отца, все началось сначала. И на этот раз ни он, ни я не смогли выйти на источник.

— Вы тоже были этому удивлены? — зашевелился на своей подушке Николас.

По губам Оками скользнула улыбка, свойственная профессорам в те моменты, когда студенты-отличники задают им подковыристые вопросы.

— Хочешь верь, а хочешь не верь, я знаю об американской мафии больше, чем когда-либо знал твой отец. Я изучал этот вопрос, даже совершил поездку на Сицилию, — он махнул рукой, — впрочем, это уже другая история. Определенно известно то, что там, где замешан один Леонфорте, замешаны и остальные члены этого семейства.

— Вы имеете в виду Альфонсе?

Оками покачал головой.

— Их было четыре брата. Один погиб в катастрофе — утонул, перевернувшись в лодке, еще будучи студентом колледжа. Хотя... слова „катастрофа“, „инцидент“ вряд ли употребляются в прямом значении среди этих людей, в особенности если это относится к человеку, чье место должен был унаследовать Альфонсе. В любом случае Пол Леонфорте умер молодым, и осталась темная лошадка Фрэнсис. Он переехал в Сан-Франциско и там остался — несмотря на энергичные возражения Альфонсе. Но Фрэнк всегда был себе на уме. Он прекрасно представлял, что, сколько бы личной власти у него ни было, ему все равно придется исполнять чьи-то приказы столь долго, сколько он будет оставаться на Восточном побережье. Он не желал иметь дело со старшим братом, поэтому все его возражения пропустил мимо ушей. На Западном побережье он решил создать собственную империю, и это ему блестяще удалось. У него было трое детей: дочь и два сына. Один из сыновей, Мишель, заслуженный и увенчанный наградами ветеран войны во Вьетнаме, умер. Другой, Чезаре, благодаря отцу, сейчас является доном западной части Соединенных Штатов. Он основной соперник дона Восточного побережья Доминика Гольдони.

Оками что-то промышчал и усмехнулся.

— Чезаре называют Дрянным Моллюском. Тебе кажется, что это шутка, но это не так. Знаешь, как он начал завоевывать авторитет и добиваться положения в организации? Его послали убить соперника своего отца. Этот парень сидел в местном ресторанчике и уплетал спагетти с сырыми съедобными моллюсками — венерками. Рассказывают, что, после того как Чезаре выстрелом из пи-

столе́та разнес ему череп, забрызгав мозгами весь костюм-тройку, он наклонился над ним с еще дымящимся револьвером и пошутил: „Посмотри, что сделали с тобой эти дрянные моллюски“.

Оками издал лающий смехок, но тут же оборвал себя.

— Но я отклонился от темы. Рассуждая логически, мы тогда с твоим отцом думали, что Фрэнк являлся основным поставщиком Джона, но, для того чтобы подтвердить эту теорию, либо твоему отцу, либо мне нужно было отправиться в Сан-Франциско, где в то время у нас не было никаких связей. Кроме того, как раз в тот период в Токио начались инспирированные коммунистами забастовки докеров, и эти события отвлекли наше внимание.

Николас налил себе еще бренди, затем подошел к Оками и сел рядом с ним. Они смотрели на темные воды Гранд-канала с отраженными в них видами окружающих площадей.

— Значит, тайна так и не была раскрыта, — наконец произнес Николас.

— Нет. Но сейчас я чувствую, что значительно приблизился к ее разгадке, — задумчиво сказал Оками.

— Что вы имеете в виду?

Оками повернул голову и внимательно посмотрел на Николаса.

— Вот что. В то время как я пытался легализовать якудза, кто-то, кого я не знаю, налаживал связи с мафией, и сейчас я подозреваю, взаимопонимание было достигнуто, и сделано все это было в тот период, когда в Японии служил Джонни Леонфорте.

Глаза Оками блеснули, поймав отражение воды в канале.

— Линнер-сан, я убежден, что этот „кто-то“ — *явно блестящий ум* — стоит за недавней перестройкой мафии. Все старые доны с их понятиями чести, семьи оказались не у дел, им на смену пришли продажные шакалы, хлыщеватые выскочки, единственно что умеющие делать, так это считать деньги, готовые продать душу за лишний миллион дохода — и выходит так, что продали они душу этому самому типу, который каким-то дьявольским образом сколотил международный конгломерат.

Подобного рода конгломерат — это долевое разделение подпольных связей и ресурсов как на востоке, так и на западе; своеобразный гигант, криминальный *кэйрэцу*, с лапищами, способными обхватить весь земной шар.

Этот монстр сможет оказывать большее влияние на всю мировую экономику, чем нынешние правительства США и Германии. Ты представляешь, к какому хаосу и опустошению все это может привести? Мировой легальный бизнес будет в прямом смысле кормить их, позволяя им становиться все более могущественными.

— Но ведь существуют же правительственные структуры — ЦРУ, например, — они могут противостоять этой угрозе.

— Допустим, что это так, — сказал Оками. — Однако недавно я по своим каналам сделал несколько запросов. Оказывается, тайна, связанная с тем, что случилось с Леонфорте в послевоенной Японии, лежит глубже, чем твой отец и я могли себе представить; я уверен, связи, которые установил Леонфорте, были, *по меньшей мере*, полуофициальными. Ужасно то, что Леонфорте действовал под эгидой некоторых деятелей внутри двух правительств — Японии и Америки. Годайсю — это конечный результат. Ты даже не можешь себе представить, насколько они влиятельны. Их щупальца могут дотянуться до самых высоких коридоров власти в Вашингтоне и Токио.

— Вы упомянули, что вам требуется время на разработку собственного плана.

— Да. В прошлом году я пытался собрать силы, способные положить конец бесчинствам Годайсю. Я взвалил на себя огромную ношу, исчерпал последние силы, использовал все резервы своего могущественного влияния Кайсё. Сейчас наступила завершающая фаза, и я знаю: либо я добьюсь всего, либо все потеряю. Если я выживу, то уничтожу Годайсю, в противном случае они станут силой, которую никто и ничто не остановит. Ты должен обеспечить меня необходимым временем для завершения моего плана. Ни у кого другого нет твоего опыта, ни к кому другому я не стал бы обращаться.

Оками зажег сигарету, но очень быстро загасил ее, не чувствуя вкуса.

— Откровенно говоря, Линнер-сан, мое нетерпение покончить с Годайсю привело к тому, что я вошел в контакт с некоторыми людьми, которых я не могу в открытую контролировать и которым не могу до конца доверять. И я не знаю, сделал ли я удачный ход или сморозил глупость.

Он прошел по комнате, и свет площадей вокруг канала

играл у него на лице, делая его чем-то похожим на портрет кисти Тициана.

— Определенно мне известно одно — я подвергаю себя смертельной опасности. Мне уже сообщили, что один из моих союзников, Доминик Гольдони, единственный, кому я мог доверять, уже убит. И сейчас я убежден, что мое доскональное знание Годайсю и мои попытки ликвидировать эту организацию поставили и на мне метку смерти.

НЬЮ-ИОРК / ТОКИО / ВАШИНГТОН

Маргарита Гольдони, вернувшись домой со спящей дочкой на руках, нашла там своего мужа в окружении целой когорты телохранителей, готовых выступить на поиски Роберта. Тони был приверженцем старой школы — очень методичен. Поэтому-то Доминик и назначил его стражем семейного бизнеса.

Честно говоря, Маргарита боялась возвращаться домой. Однако все ее страхи улетучились в тот момент, как Тони распахнул дверь. Он не спросил ее ни о том, куда ее увозили, не поинтересовался мерой ее вины в смерти брата и даже тем, как она добралась до дома. Он задал ей всего лишь один вопрос:

— Тебя трогали?

Даже не *„трогал ли он тебя“* — поскольку личность гипотетического насильника его нисколько не волновала.

По большому счету, ответы жены вообще для него ничего не значили. Он уже решил ее судьбу, не в силах внутренне примириться с тем, во что она, по его мнению, превратилась.

Он всегда хотел видеть в ней Мадонну, но теперь вся ее святость была для него утрачена навеки.

Она сказала ему, что нет.

Она сказала, что Франсину постоянно поили наркотиками, что было правдой, а также то, что ее саму везли с завязанными глазами, — это уже было ложью. Но в силах ли она объяснить кому-нибудь, в особенности же ему, что произошло на самом деле? Совершить дьявольское действие — это одно, а позже признаться в нем — это уже совсем другое, чего бы она никогда не вынесла.

Он пропустил ее слова мимо ушей; его это не интересовало. Он не захотел даже подойти к ней, стоял в стороне, глаза холодные, неверящие, как будто она подцепила проказу после этой странной поездки.

Несмотря на то, что она была в отчаянии и на грани эмоционального стресса, Тони не давал ей возможности отдохнуть и требовал помощи. Он жаждал мести.

— Боже милостивый, Тони, мы даже не знаем его настоящего имени! — воскликнула она.

У Тони был злобный вид, который появлялся у него в те моменты, когда ему хотелось запереть контракт в глотку своего конкурента.

— Но ты нам нужна, Маргарита. Сейчас, когда ребенок в безопасности, ты в деталях опишешь художнику внешность этого негодяя. Нам требуется только его лицо. Этот тип ведь азиат; думаешь, мы не сможем найти его?

Она сделала глубокий вдох и медленно, отдельно сказала:

— Тони, я хочу, чтобы ты выслушал меня. Он сказал, что будет следить за нами, что, если мы что-нибудь предпримем, он похитит Франсину.

На это Тони лишь махнул рукой.

— Слова, одни слова. Он пытался запугать тебя, вот и все. Сама подумай, Маргарита, каким, черт побери, образом он сможет наблюдать за тем, что делается у нас? Даже фэбзэровцы не так уж сильны в этом, а уж в их-то распоряжении целая армия агентов.

Он покачал головой почти жалостливо.

— Ты — женщина, и ему известно, что тебя можно запугать. Подобного рода типы делают это постоянно. Позволь мне заняться этим вопросом. Мы схватим ублюдка еще до того, как он отправится в сортир.

Она приложила руку к виску, будто этим надеялась успокоить свой пульс и унять поднимающуюся в душе волну ужаса. Она чувствовала себя маленькой беспомощной девочкой, обожавшей посидеть на коленях у отца.

В отчаянии она воскликнула:

— Ты не знаешь его! Он похитит ее. Он сможет это сделать.

Она старалась говорить спокойно, но голос ее сломался, а из глаз хлынули слезы.

— Франсина с нами, цела и невредима. Во имя Иисуса, оставь все как есть.

— Оставить все как есть? Ты, должно быть, бестолко-

вая дура, у тебя напрочь отсутствуют мозги. Этот сукин сын ворвался в мой дом, напал на меня, унизил меня, заставил уничтожать следы той резни, которую он учинил в моем доме. Этот дом, Маргарита, — святое место. Даже этот долбаный Дрянной Моллоск Леонфорте — и тот не решился осквернить дом. — Его лицо налилось кровью. — Святая дева! Маргарита, ведь он убил твоего брата.

Подавленная его силой и праведным гневом, она молчала — такое бывало, когда в ярость приходил ее отец.

Тони подозвал телохранителей к себе, дал им какие-то указания. Затем подошел к телефону и сделал несколько звонков, после чего вошел в ванную, где она принимала душ, и сказал:

— Укладывай вещи. Вы с Франсиной отправляетесь в путешествие.

Маргарита уставилась на него:

— Она и так пропустила много занятий в школе. Мне бы не хотелось...

— Делай, что я говорю!

Она подчинилась.

Тони закончил свои приготовления и вновь появился в спальне в тот момент, когда она одевалась.

— Никто не знает, куда вы едете. За исключением нескольких наиболее доверенных людей здесь и человека, с которым я говорил по телефону. Это его дом, и это наш человек, поэтому у тебя нет причин для беспокойства.

Один из людей Тони отнес вниз унакованный ею чемодан. Тони взял на руки спящую Франсину и спустился вслед за ними. Он пытался вынуть из пальцев девочки Ригана — ее любимого медвежонка — но та не выпускала игрушку. Этот потрепанный медвежонок был воспоминанием ее детства, и, даже превратившись в почти девушку, она не расставалась с ним.

Во дворе Маргарита забралась в „линкольн“, и Тони передал ей Франсину. Рядом сели телохранители, за и перед „линкольном“ ехали автомобили с охраной.

— Увидимся, когда все это закончится, — сказал Тони, хлопнув ладонью по крыше машины.

Только после того как они миновали жилые дома, Маргарита осознала, что он не поцеловал ее, он вообще не притронулся к ней с того момента, как она вошла в дом.

Франсина тихо спала на коленях матери, прижав к

груди Риана, а Маргарита ласково поглаживала дочь по голове, точно так же, как гладила ее в детстве, когда та болела. Пока они мчались в ночи, она не переставала думать о том, что же задумал Тони, и беспокойство ее росло. Она утешала себя мыслью, что без ее помощи мужу не удастся заполучить портрет Роберта, но во тьме, которая ее окружала, утешение это было весьма слабым.

Они подъехали к каменному особняку в Нью-Гемпшире за час до рассвета. Охранник из первой машины вошел в дом, включил свет, осмотрел самым тщательным образом помещение и только затем дал сигнал шоферу „линкольна“.

Маргарита сама внесла Франсину в спальню и уложила девочку в постель. Риана прислонила к стене так, чтобы дочь, если проснется, сразу увидела бы его. Затем отправилась в спальню, предназначенную для нее.

Засни она — сон избавил бы ее от жутких мыслей и видений. Но, находясь в каком-то пограничном состоянии, она видела себя идущей по дороге к смерти, свою дочь — в наркотическом ступоре, их паническое бегство. Все это представляло перед ней как в волшебном зеркале, образы всплывали из глубин ее подсознания, занятого одной-единственной мыслью — как уберечь дочь от грозящей ей смертельной опасности. Вызванные ее иступленным состоянием кошмары заняли место сна.

Очнувшись около полудня, она долго не могла разлепить слипшиеся глаза, у нее было такое ощущение, что она только минуту назад погрузилась в сон. Выброшенный нервным приступом в кровь адреналин заставил ее болезненно вздрогнуть; Маргарита бросилась в ванную, едва успела согнуться над унитазом, как ее вырвало, а из глаз потекли слезы.

Позже она взглянула на Франсину, которая все еще спала, приняла душ и оделась. На кухне она бесцельно слонялась вокруг стола с накрытым на нем завтраком, который приготовил телохранитель, дюжий мужчина с глазами енота и доброй улыбкой. Наконец, усевшись, долго катала вареные яйца по тарелке, размышляя о том, насколько широко распространяется ее отвращение к мужу.

Наконец появилась Франсина, взъерошенная, с замутненными глазами. Маргарите пришлось объяснить дочери, где они находятся и по какой причине.

— Конечно, — вяло проговорила Франсина. — Тони.

Девочке хотелось домой, она соскучилась по друзьям. Маргарита сделала максимум возможного, чтобы утешить дочь, но это оказалось бесполезным занятием — ей так и не удалось найти подхода и вывести Франсину из состояния отчужденности. Но, по крайней мере, матери удалось убедить дочь в необходимости хоть что-нибудь съесть на завтрак. Странное дело, снадобья, которые готовил Роберт и давал пить Франсине, оказалось, не имеют стойкого эффекта.

Часом позже на кухню зашел еще один охранник и что-то сказал тому мощному телохранителю, который готовил им завтрак.

— Что случилось? — спросила Маргарита с беспокойством, переходящим в панику.

— Возможно, ничего, — сказал телохранитель, однако улыбка исчезла с его лица. — Они нашли посылку во дворе. Адресована Франсине.

Франсина выглядела ошеломленной. Подскочив на стуле, Маргарита вскрикнула:

— Я хочу ее видеть.

Телохранитель отрицательно покачал головой.

— Этого не следует делать, миссис де Камилло. Мне кажется, что вам с дочерью пока будет лучше отправить-ся в мою комнату. Сол побудет с вами.

Из маленькой спальни ей было слышно, как телохранитель разговаривает по телефону с Тони.

Не прошло и двух часов, как тот появился сам. Вначале Маргарита услышала звук *твуп, твуп, твуп*, издаваемый вращающимся несущим винтом вертолета; высота и сила звука усиливались по мере его приближения.

Через некоторое время ей разрешили выйти из комнаты, однако Франсину она оставила вместе с Солом.

Коробка лежала на буфете в прихожей. Тони, не сказав ни слова, сделал знак одному из своих людей, чтобы тот открыл ее. Внутри оказался сверток, смешно обернутый розовой лентой с бантом. Когда подручный Тони развернул сверток, глаза присутствующих застыли на его содержимом.

Маргарита пронзительно вскрикнула.

На розовой гофрированной бумаге покоился Риан — любимый игрушечный медвежонок Франсины.

Она бросилась в спальню, где спала Франсина, и бессмысленно остановила свой взгляд на неубранной кровати и на том месте, куда она вчера положила Риана. Игрушка исчезала.

— Пресвятая дева Мария!

Услышав шаги Тони, Маргарита, чтобы не сорваться на крик, зажала зубами согнутые пальцы.

— Тони, он был в доме, он был совсем рядом с ней, — ее голос сорвался, и ей пришлось сделать паузу, чтобы хоть как-нибудь взять себя в руки. — Я сама положила игрушку на ее кровать прошлой ночью.

Она повернулась, и ее широко раскрытые глаза уставились на мужа:

— Теперь ты понимаешь, о чем я тебе говорила? Это предупреждение. Что толку в нашем приезде сюда? Какой толк от охраны? Ведь ты не послушал меня. Вся охрана мира не спасет нас. От него нельзя спрятаться. Если мы не согласимся на его условия, то мы потеряем Франсину.

— Успокойся, — автоматически пробормотал Тони, но Маргарита заметила бледность его лица даже под кварцевым загаром.

— Пожалуйста, послушай меня, Тони. Я больше не вынесу мыслей о том, что Франсине грозят еще более жестокие испытания, нежели те, которые она уже перенесла. Одному Господу известно, что ей запомнилось из всего этого кошмара: она никогда не заведет со мной об этом разговор. Умоляю тебя ради нашей дочери. Оставь все, как есть.

Неужели отчаяние, сквозившее в ее словах, было настолько убедительным, что смогло заставить Тони отказаться от своих намерений?

Что же еще я тебе дал, Маргарита? Сейчас ты познала, что у тебя есть сила воли... сделать все, что пожелаешь.

— Хорошо, — наконец согласился он. — Будь потвоему. Собирайтесь, и быстрее в вертолет. Мы убираемся отсюда к чертовой матери.

Все идет именно к этому, подумала Джастина, чувствуя, как мускулистое бедро Рика Миллара прижимается к ее ноге под ресторанным столиком. Он хочет меня — хочет всю, без остатка.

Затем вновь пришла непрошенная мысль: *давно мужчина не приводил меня в такое состояние.*

Горячие слезы жгли ей глаза, и ей пришлось отвернуться и быстрым движением тыльной стороны руки

вытереть лицо. Джастина всегда боялась признаться в своей чувствительности. Для чего ей было защищаться — она прекрасно осознавала, что, когда он положит ей руку на плечо, она не найдет в себе сил противиться ему.

Но не сегодня, не здесь. Он настоящий мужчина, будет только лучше, если она еще немного запасется терпением. Ощущая рядом с собой его присутствие, Джастина представляла себя лихорадочно бредущей в течение многих дней по пустыне и неожиданно падающей в изнеможении у оазиса. Вот она, вода, — рядом. Холодная, чистая. Кто обвинит ее в том, что она напьется из этого источника.

— Кажется, сегодня вечером нам удалось преодолеть разделявшую нас дистанцию, — заметил Рик, разливая в бокалы вино. — Неужели тебе было так плохо с того дня, как мы расстались?

— Неужели я была такой недотрогой?

Наклонившись, он поцеловал ее. Она почувствовала его вкус на своих губах, а легкое прикосновение его языка заставило ее тело совсем расслабиться.

— Да, именно. — Рик перевел дыхание. — Больше не буду спрашивать. Когда сама захочешь рассказать — сделаешь это. С удовольствием послушаю.

— Интересно, — сказала Джастина, отстраняясь от него. — Ты приехал сюда, чтобы соблазнить меня?

Рик рассмеялся.

— Боже мой, я даже и не помышлял об этом. Ты же — Снежная Королева?

— Это так меня называли в конторе?

— Насколько мне известно, так тебя звали только те парни, которые облизывались тебе в след, собственно говоря, все, кто не был гомиком.

Теперь наступила очередь Джастины рассмеяться, но, тем не менее, внутренне она была польщена.

Она наклонила голову и переменила тему.

— Мне кажется, что я побывала на другой планете.

— В этом нет ничего удивительного. Насколько мне известно, Токио и есть другая планета.

Он сжал ее руку в своей и продолжил:

— Тебе уже пора возвращаться в отель.

Когда он проводил ее в „Хилтон“ и они поднялись на этаж, Джастина поняла, что ей не хочется с ним расставаться. Эта мысль не удивила ее. Все время их обеда она

чувствовала, что желание отведать все эти кулинарные изыски не идет ни в какое сравнение с желанием иного рода... Даже по тону своего голоса, игре глаз, податливости своего тела она прекрасно осознавала, что соблазняет его. Это было хорошее чувство. После многих лет жизни в чуждой ей среде, после пугающих предчувствий, которые ей навевал Николас своим таньцзянским происхождением, она наконец почувствовала себя полностью освобожденной и способной проявить самую себя. Наконец она поняла, насколько долго пребывала в заложниках у страха перед тем, в кого может превратиться ее муж. Сейчас она четко знала, что абсолютно не нуждается в его таинственной энергетике. Вся эта мистика раздражала ее, и, лежа в бессоннице рядом с ним, она чувствовала, как сменяемое беспокойством сердце вновь и вновь выбрасывает в кровь адреналин.

— Останься со мной сегодня, — прошептала Джастина на ухо Рiku, когда дверь ее номера закрылась за ними.

— Ты уверена, что этого хочешь?

Уверена, сказала Джастина про себя. Мне нужна нормальная жизнь, нормальная работа, я хочу вечером приходить домой, любить своего мужа, по субботам видеть друзей, дважды в год ездить в отпуск.

Она подняла голову и прильнула к его губам. Ощувив у себя во рту его язык, она негромко застонала от наслаждения. Джастина чувствовала, как его руки расстегивают блузку, стягивают ее с плеч, ласково проходятся по пуговицам юбки, которая плавно спадает с бедер.

Он упала в его объятия так, будто ноги отказали ей. Желание переполняло ее. Он подхватил Джастину и понес к постели. В спальне горела лишь одна лампа, и сощуренными от страсти глазами Джастина наблюдала, как его тело обнажается под ее нежными руками. Она помнила его по тем временам в Мауи. Потом она видела его в плавках, оставляющих мало места для воображения, и тем не менее она не думала, что ее сердце начнет колотиться так сильно после того, как она снимет с него и трусы. Обнаженный, он стоял у края постели, опустив на нее взгляд.

Прекрасное тело, узкие бедра, подобранный живот. Конечно, у него не было такой уникальной мускулатуры, как у Николаса, однако она напонила себе, что это обычный, нормальный мужчина, и это было все, что ей нужно.

— Иди ко мне, дорогой, — протянула она руки.

Наклонившись над кроватью и нежно целуя ее, Рик расстегнул бюстгальтер и медленно снял с нее трусики. Почувствовав на себе тяжесть его тела, Джастина смогла сдержать слез. Она уже очень давно не занималась любовью ни с кем другим, кроме Николаса, и непривычность веса Рика, его фигуры и запаха настолько возбудила ее, что Джастина, прижимаясь лбом к паху Рика, невольно вцепилась зубами в его плечо.

Она едва могла дышать, единственными звуками, посящими до нее сквозь грохот водопада ее желаний, были звуки ее бешено колотящегося сердца. Джастина раскинула ноги и, почувствовав его восставшую плоть задыхаясь, прижала голову Рика к своей груди. Когда он начал ласкать языком ее соски, глаза Джастины сузились и она принялась делать плавные волнообразные движения бедрами, давая понять, насколько он ей желанен.

Рик моментально все понял и, немного приподнявшись, позволил ее руке направить себя к ней в лоно. Пальцы Джастины сомкнулись вокруг основания его члена, затем, не в силах больше сдерживаться, она зажала в кулаке крайнюю плоть. Услышав стон Рика, Джастина содрогнулась, приподняла ноги, подстраиваясь под него.

Она была очень мокрая, и он вошел в нее почти наполовину всего одним движением.

— Охх! — воскликнула Джастина, еще выше приподнимая бедра; ее тело уже содрогалось от страсти, и, когда следующим движением он вошел в нее весь, до основания, она, не в силах больше сдерживаться, сорвалась на крик, и в этот момент нахлынул всезатопляющий оргазм. Она лизала его тело, желая до конца проникнуться его вкусом.

— О боже, о боже! — восклицала Джастина после каждого его движения внутри нее. Где-то в подсознании роились мысли, что все это произошло благодаря ей, ее страстному желанию, требовавшему этого выхода, этого безумства. Бедра Джастины задрожали, и она почувствовала приближение нового оргазма. Приподняв голову, Джастина стонала и что-то бессвязно шептала ему в ухо; неожиданно она почувствовала, как напряглись и изогнулись вовнутрь бедра Рика, и через секунду его соки уже хлынули в нее.

Джастина также испытала очередной оргазм, однако

на этот раз ощущения были несколько иными: менее бурными, но более интенсивными, вытекающими откуда-то из самой глубины.

Потом, когда все было кончено, она в каком-то самозабвении лежала рядом с ним, закинув ногу на его бедро, и впервые за много долгих месяцев заснула, как невинное дитя, и спала глубоким сном без сновидений.

* * *

Призраки. _

Есть в Вашингтоне что-то такое, думал Харли Гаунт, чего нет в других городах Америки. Радиальная планировка, широта, тенистые бульвары, солидные строения — все это больше напоминало ему Париж или Лондон, то есть в большей мере Старый Свет, чем Новый.

Кроме того, город буквально гудел от избытка энергии и жажды власти. У Гаунта было такое ощущение, будто столица увита жужжащими троллейбусными проводами. И вся эта энергия, подобно широким тенистым бульварам, направлялась в одну сторону — к Пенсильвания-авеню, 1600. Белый дом покоился в центре Вашингтона, как паук в центре своей паутины.

Этот город был полон призраков.

Гаунт хорошо знал Капитолий, в конгрессе у него было много друзей. Будучи сыном бывшего сенатора-демократа от штата Мэриленд, он, можно сказать, с детства лицезрел Капитолийский холм и привык к безудержной жажде власти здешних заправил, к чему его отец так и не смог привыкнуть. Отец был слишком щепетилен, воспринимал все чересчур серьезно; умер он у себя в офисе.

Гаунт прекрасно понимал, что власть может быть столь же опасной, как проникающая радиация, и вся возня с заключением сделок отдает зловонным духом торговли властью. В Вашингтоне либо ты у власти, либо ты никто. Элита, находящаяся у власти, правит страной — единственной оставшейся в мире супердержавой, — и этот факт служит достаточным основанием для лжи, обмана, вымогательства, нарушения всех святых заповедей. Жажда власти неистребима.

Эта власть, подобно вирусу, проникшему в кровь, разъедает души и определяет мотивы принятия решений. Гаунт настолько часто встречался с действием этого вируса, что сейчас уже мог определить его наличие просто

по лихорадочному блеску в глазах. На этот счет у него был богатый опыт. Гаунт был убежден, что его отец умер от этой лихорадки, а не от старости или чрезмерной работы. Его отец, исключительно добропорядочный мужчина и в отличие от других удачливых политиков никогда не крививший душой, постепенно начал меняться. У него не оказалось иммунитета к этому вирусу, относительно же себя Гаунт был уверен, что он у него есть. Его мать и сестра оплакивали отца на похоронах, сам же Гаунт начал оплакивать его гораздо раньше.

Каждый раз, возвращаясь в Вашингтон, Гаунт чувствовал призраков в шорохе влажного ветра с Потомака, в шелесте вишневых деревьев у водоемов, слышал, как они смеются над ним с высот Капитолийского холма. В определенном смысле его отец никогда и не покидал этого города — власть удерживала его здесь даже после смерти.

Лоббист, на котором Гаунт остановил свой выбор для ведения дела по политическому урегулированию вопроса о будущем компании „Томкин индастриз“, в предыдущей администрации занимал пост государственного секретаря. Он был умеренным консерватором, всеми глубоко уважаемым, — в высших коридорах власти перед ним всегда горел зеленый свет. В отличие от большинства других политиков он выиграл свою битву с вирусом.

Офисы Терренса Макнотона располагались на респектабельной Джи-стрит в здании, которое благодаря своему викторианскому архитектурному стилю ночью казалось обиталищем призраков и, несомненно, было им, но не призраков из фильмов ужасов, а влачащих почти призрачное существование чиновников из нынешней администрации, стряпающих свои тайные директивы с грифом „Особой важности“.

Впрочем, импозантный фасад дома, в котором Макнотон вершил свои дела, мало чем отличался от других фасадов на Капитолии, за которыми также заключались сделки, делались деньги, процветали сила и власть.

Макнотон был высоким техасцем с бронзовым от загара лицом, голубыми, слегка раскосыми глазами и густой серебристой шевелюрой. Его продолговатое, с печальным выражением глаз лицо украшал римский нос, да еще оно иногда озарялось искренней улыбкой, отработанной в ходе многих предвыборных кампаний в дни его молодости. Он был как старая перчатка, хорошо подогнанная к руке.

Как только ему доложили о прибытии Гаунта, он ментально вышел из офиса, протягивая руку для крепкого рукопожатия. На нем был темный костюм, белая рубашка и тонкий галстук с булавкой ручной работы, выполненной в форме кривого ножа из серебра и бирюзы.

— Проходи, — сказал он сочным баритоном. — Рад тебя снова видеть, Харли...

Когда они вошли в офис, Терренс захлопнул дверь ударом каблука своего ковбойского сапожка.

— ... впрочем, черт возьми, было бы лучше встретиться при более благоприятных обстоятельствах.

Гаунт выбрал покрытый чехлом стул и уселся.

— Так *каковы же* обстоятельства?

Макнотон что-то проворчал, предпочтя сесть на диван напротив Гаунта, чем спрятаться за своим огромным овальным столом, настолько старинным, что уже вновь ставшим модным.

— Обстоятельства, — повторил он, пытаясь придать своему длинному телу подобие сидячего положения. — Их можно выразить в трех словах: сенатор Рэнс Бэйн.

— Сенатору нужен я.

— Ему нужен Николас Линнер, но сенатор не может его найти. Ты знаешь, где он?

— Его нет в Токио. Не имею представления, где он может быть, — ответил Гаунт.

— Надеюсь, что это так, — Макнотон распрямил свои длинные пальцы, взглянув на потолок. — Я знаю Рэнса целую вечность. Мы росли в соседних городках. Мой брат почти целый год бегал на свидания к его сестре. Я долго и с беспокойством следил за его карьерой. Этот человек подвержен различным маниям, и сейчас его обуревают идеи выкинуть японцев из американского большого бизнеса. Для него объединение „Томкин индастриз“ с „Сато интернэшнл“ стало молниеотводом, своего рода символом, если хочешь, всего того, что он считает неправильным в международных деловых отношениях.

Макнотон вытянул ноги. Расслабившись, он снял напряжение и со своего гостя.

— То, что компания Линнера вовлечена в разработку перспективного проекта создания новейших компьютеров, довело сенатора до белого каления. Он хочет задать Линнера обвинениями, он хочет покончить с этой совместной компанией раз и навсегда.

— Какого рода обвинения он может выдвинуть против Линнера? — тревожно спросил Гаунт. — Ник не сделал ничего незаконного.

— Ты уверен, что это заявление чего-нибудь стоит? Ты можешь поклясться в том, что тебе известно все, что происходит в „Томкин-Сато“?

— Нет, но я... знаю Ника. Он не мог...

— Не так все просто, сынок. Я слышал сплетни. Нечто вроде того, что „Томкин-Сато“ использует технологию, полученную от „Хайротек инкорпорейтед“ для производства своей модификации компьютера „Хайв“ и сейчас гонит свою продукцию за рубеж по завышенным ценам. „Хайв“ — это собственность правительства США. Неправильное пользование этой собственностью пахнет изменой.

Гаунт холодно посмотрел на сидящего перед ним пожилого мужчину.

— Продолжай, Терри. Я все равно не верю в это дерьмо.

— Дэвис Манч думает иначе. Это следователь из Пентагона, прикрепленный к Комиссии Рэнса.

— Параноидальный бред в чистом виде.

— Зависит от того, что накопает Манч и его ищейки...

— Ничего дурного там накопать нельзя.

— На все можно взглянуть под разным углом зрения. А уж они постараются придать своим находкам зловеющий оттенок.

— Эй, мы же в Америке, Терри. Здесь не принято подобным образом помыкать людьми. Я имею в виду, не на этом уровне, а в общенациональном плане.

Терренс язвительно посмотрел на своего гостя.

— Довольно сомнительное заявление, сынок, особенно странно слышать его из твоих уст, но даже если и принять его к рассмотрению, нам все равно никуда не уйти от Рэнса Бэйна, а ведь у руля стоит он, и подобной личности у нас не было со времен... ну, как это однозвучно звучит, сенатора Маккарти.

Уровень обеспокоенности Гаунта угрожающе пополз вверх.

— Так что же ты предлагаешь, — спросил он, — подвести черту?

Макнотон наклонился вперед и вдавил кнопку на пристенном столике, выполненном из пластика под слоновью кость.

— Марси, мы бы не отказались от кофе.

Несколько секунд он сидел молча, отбивая пальцами какой-то одному ему известный ритм. Вскоре дверь открылась, и на пороге появилась длинноногая секретарша с изысканнейшим серебряным кофейным сервизом и блюдом с пирожными.

— Премного благодарен, Марси, — сказал Макнотон, глядя, как она располагает всю эту прелесть на кофейном столике. Секретарша, спросив, будут ли еще какие-нибудь указания и получив ответ „нет“, молча удалась.

Макнотон с нежностью рассматривал сервиз.

— Память о давно минувших днях, — пояснил он. — Его мне подарила Тэтчер. — Он мягко улыбнулся. — Но нет, даже сейчас я не могу говорить об этом.

Терренс принялся разливать кофе. Гаунту он добавил в напиток сливки и положил чайную ложку сахару — Макнотон никогда ничего не забывал. Сам он предпочитал черный кофе.

— Пирожное? — спросил он, протягивая гостю чашку. — Эти с черносливом исключительно хороши.

Гаунт покачал головой. В этот момент он сомневался, способен ли его желудок вообще что-либо выдержать. Молча пригубив кофе, он наблюдал за тем, как Макнотон выбрал пирожное и впился в него здоровыми белыми зубами.

Только после того как были съедены пирожные и налита вторая чашка кофе, Макнотон ответил на вопрос Гаунта.

— Как подвести эту черту — вот в чем проблема. Видишь ли, вопрос моего имиджа в твоих глазах меня абсолютно не интересует. Подобные дела — это мой хлеб, и нечто похожее я проворачивал без особых трудностей. Но в вашем случае коса нашла на камень; поверь мне, я пытался, но Рэнс настолько глубоко запустил когти в „Томки“, что не успокоится до тех пор, пока не разорвет ее на части.

— Мы должны остановить его.

Макнотон уставился на Гаунта, затем медленно произнес:

— Ты же родился и вырос в этом городе, сынок. Подумай над тем, что ты сейчас сморозил.

— Но...

Макнотон покачал головой.

— Никаких „но“ в этом деле быть не может, Харли. У

меня есть власть и множество друзей, также облеченных властью, но Бэйн нам не по зубам. Господь с тобой, он даже не подотчетен президенту. Этот человек запугал весь город до безудержного поноса, поскольку пользуется неограниченной поддержкой протестантов; даже влиятельные и наиболее защищенные политики не хотят связываться с ним. Сейчас это не человек, а Джаггернаут*, несущийся вперед на всех парах, и они понимают, что лучше отрулить в сторону, чем очутиться в морской пучине.

В наступившей после этих слов тишине Гаунт слышал, как Марси или кто-то другой из секретарей печатал на электронной машинке. За стеной в приемной раздался телефонный звонок, донеслись обрывки разговора. Хлопнула дверь.

Наконец торпение Гаунта лопнуло.

— Терри, поскольку это очень важно, — начал он, — я хочу, чтобы ты коротко и ясно, по буквам, изложил бы мне суть дела.

Макнотон кивнул, подтянул ноги, царапая пол каблуками.

— Хорошо, сынок, дело обстоит следующим образом. Ты, а точнее, „Томкин индастриз“ выплатили мне определенную сумму за то, чтобы я сделал все возможное, отстаивая в кулуарах ваши интересы, и я, уверяю тебя, это сделал.

Но сейчас я хочу дать тебе один совет, учти, исключительно личного плана. Вспомни, когда твой отец не смог пойти на твой торжественный выпуск в колледже, туда пошел я. На Капитолийском холме я всегда отстаивал его интересы. О нем у меня остались самые приятные воспоминания, и, мне кажется, я был неплохим тебе другом.

Он наклонился вперед.

— Представляется, у тебя есть только две возможности. Первая — предстать перед Комиссией и отвечать на нудные вопросы Бэйна, заранее зная, что тебя все равно потопят. Не обольщайся, „Томкин-Сато“ обречена, это так же очевидно, как то, что мы сейчас сидим здесь и беседуем.

В горле Гаунта пересохло, и он сделал последний

*В индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну; в переносном значении неумолимая, безжалостная сила, уничтожающая все на своем пути и требующая слепой веры от служащих ей.

глоток остывшего кофе, чуть не поперхнувшись кофейной гущей.

— Какова же вторая возможность? — спросил он, хотя ответ ему уже был известен.

— Второй возможностью, на мой взгляд, тебе следует воспользоваться, — размеренным тоном ответил Макнотон. Его глаза горели лихорадочным блеском, казалось, он утратил способность улыбаться. — Катапультируйся. Выйди из этого дела. Не лезь на рожон. Пусть Джаггернаут делает свое дело, гибель „Томкин индастриз“ и Николаса Линнера неминуема.

Глаза Маргариты Гольдони широко распахнулись, а в груди болезненно заколотилось сердце. Пальцы судорожно вцепились в батистовую простыню. Опять то же самое, в ужасе подумала она, опять это ужасное ощущение падения.

Она лежала в постели рядом со своим мужем, сжав пальцы до белизны в суставах, бессмысленно уставившись в потолок. Тони слегка посапывал во сне. На протяжении всей последней недели она каждую ночь просыпалась с подобным ощущением.

Ужасное чувство падения.

Падения не с лестницы, не с выпки для прыжков в бассейн, а падение в неизвестность — в пустоту, наполненную ее собственными страхами.

И уже нет возможности заснуть — как сейчас, а только лежать в холодном поту, зная, что прошлого не вернуть.

Поначалу ее ночные кошмары были лишь вспышками воспоминаний этого дичайшего путешествия по дорогам Америки в поисках смерти собственного брата, подобно пятнам краски, небрежно разбрызганной по стенам комнаты. Она постоянно видела перед собой Доминика, а если быть точнее, его похороны, море цветов, бесконечные вереницы лимузинов, фэбзэровцев, снимающих на пленку все происходящее. И эти разверзшиеся в немом крике рты в тот момент, когда она стояла рядом с блестящим, красного дерева гробом. И не было уже сил выносить обращенные на нее взгляды, а оставалась только возможность бросить взор в вырытую яму, где лежал Доминик, изувеченный и обезглавленный, пытающийся подняться, тянущийся к ней и царапающий глинистую

землю перебитыми пальцами. Все эти видения наполняли страхом ее легкие, горло и рот.

Очнувшись от этих кошмаров, дрожащая и вся в поту, Маргарита, тем не менее, отдавала себе отчет в том, что она не могла ничего сделать, чтобы предотвратить эту потерю.

Но при ясном свете дня, в своем офисе или вечером в кухне, когда она кормила Франсину, из глубины души ее поднималось какое-то чувство, которое было сильнее ощущения горя и вины. И от этого чувства избавиться она не могла.

Вся бледная, в напряжении, Маргарита лежала, прислушиваясь к собственному дыханию, вновь и вновь переживая ощущение потери.

Эти мысли вернули Маргариту к тем временам, когда ей было всего одиннадцать. Отец и мачеха повезли ее к бабушке — матери отца, которая была при смерти.

Пожилая леди была так скрючена болезнью, как будто каждый прожитый год неимоверной тяжестью лежал на ее плечах. Седые волосы, стянутые в тугий пучок. Простое черное платье. Более всего Маргариту удивило то, что в такую жару на лбу бабки не было ни капли пота. Она плохо слышала, у нее почти не было зубов. Какое-то время назад ей удалили гортань, и голос ее теперь исходил из маленькой коробочки; Маргарите приходилось наклоняться к ней, чтобы услышать хоть что-то.

Накормив их, бабушка подала ей тайный знак. Она провела ее в свою спальню, увешанную ретушированными фотографиями, на которых она была запечатлена еще ребенком, снимками ее родителей, ее конфирмации и брачной церемонии в Венеции. Маргарита увидела фотографии своего отца и его сестры, умершей от холеры еще в младенчестве.

После того как бабушка рассказала ей о каждом избраженном лице, Маргарита увидела — старуха подошла к шкафу и что-то из него вытащила, протягивая ей.

— Это тебе, — прошептала она ей в ухо, касаясь его губами. — Когда-то это принадлежало моей прапрапрабабушке. Много веков тому назад она привезла это в Венецию, будучи беженкой, спасаясь от бедствий войны, которая длилась двадцать лет.

По дороге домой Маргарита разжала свою маленькую ладошку и увидела вырезанную из янтаря женщину небывалой красоты. Никогда и никому она не говорила об

этом подарке, и несколько месяцев спустя, стоя у могилы бабушки, она сжимала свое сокровище, пытаясь избавиться от ощущения безвозвратной потери.

Нечто подобное она испытывала и сейчас, лежа в своей постели. Смерть брата явилась для нее ударом, а ее собственная роль в ней, хоть и вынужденная, продолжала терзать душу.

Мужчина, о котором она знала лишь, что его имя было Роберт, вынудил Маргариту сделать этот мучительный выбор между братом и дочерью. Дьявольский выбор, воспоминания о котором будут преследовать ее всю жизнь.

Но что она могла сделать, кроме того, как навести на Доминика Гольдони? Франсину нужно было спасти во что бы то ни стало, и, как ни странно, она сразу поверила обещанию Роберта, что он не тронет девочку, если Маргарита правильно сыграет свою роль. Роберт сдержал свое слово, исчезнув, будто его никогда и не было, после той ночи в мерзком мотеле в Миннесоте.

Чем же он меня очаровал, вновь и вновь спрашивала она себя. Со все возрастающим чувством ужаса она вспоминала свою страсть, и, хотя сейчас он был далеко от нее, даже тяжесть его тела, его тепло и его запах будили в ней чувственные воспоминания.

Нет, я не могу думать о том, о чем нельзя думать. Бессознательным движением она положила себе руки между ног. Мокро. Боже, какой грех, пронеслось у нее в голове. Усилием воли она заставила себя мысленно вернуться к Доминику. *Но как же быть с Робертом? Что он взял у нее такого и что дал ей взамен этого?*

Доминик был единственным мужчиной, который ценил в ней не только женственность, но и ум, прятавшийся за этой женственностью, подобно монашке, скрывающейся за увитыми плющом стенами монастыря.

Все эти мужчины подобны детям, думала она, *изображают из себя святош. А знают ли они, что живут в реальном мире?* Лежавший рядом муж крепко спал, слегка посапывая.

Насколько он далек от нее!

Маргарита и не подозревала о той бездне презрения по отношению к мужу до тех пор, пока Доминик не поделился с ней планами относительно назначения Тони своим преемником в качестве *капо*. Тони моментально проникся идеей стать главой клана. В этом не было ничего удивительного. Он всегда мечтал повелевать — голли-

вудский менталитет, закваска шоу-бизнеса. Власть была самым острым ощущением, которое дарил ему этот мир. Когда же Доминик раскрыл перед ним иные перспективы, он сломя голову бросился навстречу новым соблазнам. Он не имел ни малейшего представления о том, чем ему предстоит заниматься. Только она и Доминик знали. Доминик сообщил мужу, что Маргарита будет выступать в качестве посредника между ними двумя, поскольку видится с братом более или менее регулярно. А общение Тони с Домиником — даже в рамках светской жизни — должно быть сведено до минимума из-за адвокатской практики Тони.

Затем Дома убили.

Маргарите пришла на память та минута, когда она была вынуждена сообщить Тони о том, что все его устремления и амбиции стали чистой воды иллюзией. Позже она поняла, что его реакцию на это можно было предвидеть. В нем разыгрался его сицилийский нрав, в участвовавших вспышках неконтролируемого гнева он бил ее так, что в конце концов она перестала ощущать боль.

Маргарита облизала пересохшие губы.

Много ли этих родительских сцен видела Франсина? Имеет ли это какое-нибудь значение? Даже если только половину — и того более чем достаточно.

Зачем Доминику потребовалось делать меня своим единственным доверенным лицом? — спрашивала она себя. Она испытывала гордость за оказанное доверие, но одновременно с этим ее мучило чувство ответственности за его безопасность. На мгновение Маргариту охватило отчаяние — то, к которому она уже давно привыкла.

Вновь в сознании, подобно легкому морскому ветерку, возник образ Роберта.

И сейчас, лежа в постели, прислушиваясь к ночной тишине и фонограмме фильма, прокручиваемого у нее в голове, Маргарита явственно почувствовала, что какой-то собственный Рубикон ею уже пережден. Как-то все разом изменилось с тех пор, как она вернулась домой; сейчас ее постоянно преследовал голос Роберта, шептавшего ей на ухо: *„Что же я еще тебе дал, Маргарита? Сейчас ты познала, что у тебя есть сила воли... сделать все, что пожелаешь.“*

Нравится тебе это или нет, но именно он явился причиной всех этих глубоких перемен, думала Маргарита.

та. Вне всякого сомнения, он что-то отнял у меня, и за это я его ненавижу, но, Боже милостивый, как расценить то, что он оставил мне взамен?

Неожиданно, подобно джинну, выскочившему из бутылки, облик Роберта заполнил все ее сознание, и где-то в глубине своих ощущений, как сквозь толщу воды, она узрела камень — грех в закоулках своей души.

Вот он — лежит рядом с ней, и она содрогается от какого-то ранее неизведанного эмоционального возбуждения. Сейчас Маргарита прекрасно понимала, что именно Роберт придал ей силы для продолжения совместного существования с Тони; она гнала от себя эти гнетущие мысли о муже, и, хотя она не могла до конца от них избавиться, новая Маргарита, родившаяся в ней, была готова взвалить себе на плечи груз того опасного наследства, которое оставил ей Доминик.

И все это благодаря Роберту. С едва слышным стоном она предалась воспоминаниям.

Она хотела видеть его вновь.

ВЬЕТНАМ, ЛЕТО, 1965

Своего отца До Дук никогда не видел. Судя по тем вещам, которые были в доме, он сделал вывод, что отец был японцем, однако ни мать, ни кто другой не могли подтвердить этого. Мать До Дука ни разу не рассказывала сыну о его рождении, наивно полагая, будто молчание станет означать, что его, этого рождения, и вовсе не было. До Дук привык считать своего отца японцем — поскольку все другие варианты представлялись ему еще более отвратительными.

Дом, где они жили, являлся компаундом*, расположенным в Сайгоне, — там работала мать До Дука. Владельцем был однорукий француз. Территорию окружала стена со светло-зеленой штукатуркой. Вилла была выстроена в форме подковы, с черепичной крышей и буйной растительностью во внутренних двориках. Вокруг виллы простирались сады, заросшие бугенвиллеями и тамариндами, которые, будучи мальчишкой, До Дук должен был ежедневно подстригать, повинаясь прихотливому вкусу домовладельца. В выложенном тесаным камнем патио был и бассейн, своей асимметричной формой напоминавший До Дуку голову бегемота.

До Дук любил этот бассейн. В те немногие часы, которые предназначались ему для сна, он частенько сползал с тюфяка, раздевался донага и нырял в прозрачную воду. Затем он переворачивался на спину и подолгу смотрел в бездонное небо, наслаждаясь окружавшей его ти-

*Огороженная территория предприятия или фирмы, включающая в себя жилые дома (преимущественно европейцев в азиатских странах).

пиной. Мысли, не дававшие ему спать, улетучивались в никуда.

Здесь, на вилле этого француза, почти не была слышна шумная суeta Сайгона, сюда не доносились звуки войны. И только изредка раздававшийся в небе рев истребителей, отдающийся рябью на водной глади, напоминал о том, что где-то далеко за оштукатуренными стенами кто-то с кем-то воюет.

Будучи мальчиком, До Дук не смог до конца разобратся во французе. Домовладелец казался ему человеком добрым, по-своему религиозным, — он постоянно напевал себе под нос какие-то псалмы и молитвы и каждый вечер учил им До Дука.

Упокой, Всевышний, душу раба твоего, и пусть почитает она в мире...

Для того чтобы расположить До Дука к совместному пению — слова для мальчика были сложны и непонятны, — француз закармливал его сладостями, приготовленными по его собственным загадочным рецептам, пахнущими медом, корицей, чесноком и луком.

Но все это происходило очень давно, когда До Дуку было всего пять лет; именно в этом его возрасте француз решил, что он уже достаточно взрослый для того, чтобы исполнять работу по дому.

Став подростком, До Дук утвердился в мысли, что француз в своем подвале печатает деньги — столь часто он видел их переходящими из рук в руки. Позже он понял, что француз занимается торговлей оружием и наркотиками, и если даже не по прямой санкции Дяди Сахара — так вьетнамцы цинично окрестили Дядюшку Сэма, то есть правительство США, — то по крайней мере благодаря той загадочной и непонятной жизни Сайгона военного времени.

Частенько, хлебнув лишнего, он приказывал До Дуку производить учет той военной контрабанды, которой он приторговывал. Однажды поставщик, недовольный тем, что француз не желает снизить цену, прицепил проволокой гранату за чеку к пустому ящику из-под боеприпасов, которые тот продал ему. В те времена француз, весьма педантичный во всем, что касалось его собственности и безопасности, всегда все проверял сам. Вот тогда-то он и расстался со своей рукой. Наученный горьким опытом, теперь он посылал проверять товар туземцев. До Дук обнаружил, что стал третьим вьетнамцем, которому поручалась эта работа.

Значительно позже, прислуживая в качестве официанта на одной из грандиозных и экстравагантных вечеринок своего хозяина, он услышал от двух легкомысленных шведок историю о том, в каком амплуа выступала раньше на подобных оргиях его мать, до тех пор пока ее лицо не обезобразили морщины. Тогда До Дук впервые понял, что он способен воспринимать чужие ауры.

Пока хозяин, накачавшись шампанским и наркотиками, пребывал в бесчувственном состоянии, две подружки, ничуть не стесняясь, откровенно поведали До Дуку — причем было ясно, что они ничего не выдумывали, — то, что происходило в этом доме двадцать лет назад. А в это самое время его мать продолжала подливать им в бокалы спиртное, храня на лице невозмутимое выражение, отсутствующим взором глядя поверх их голов.

До Дук никак не мог разобраться, было ли это с их стороны ностальгическими воспоминаниями либо намеренным садизмом. В самом деле, ведь не могли же они не знать, кто он такой, что именно над его матерью они насмеялись? Похоже, все эти белые имеют отвратительную склонность видеть в азиатах всего лишь деталь экзотического восточного пейзажа — наряду с пальмами, рисовыми полями и мангровыми болотами.

И чем явственнее До Дук ощущал чужую ауру, тем отчетливее он осознавал происходящие в глубине его собственной души перемены. Это было похоже на то, как если бы некто срывал с людей их оболочку внешней добропорядочности и цивилизованности и нырял в мрачные бездны их подсознания.

Всякий раз, когда он видел перед собой чью-то ауру, его охватывало возбуждение. И неожиданно он пришел к выводу, что выход безудержного гнева сродни состоянию благодати, ибо чистота его помыслов в тот момент дарила ему чувство истинного облегчения, как если бы он сбрасывал со своих плеч груз грехов предыдущих поколений.

Именно подобным образом До Дук видел ауру и француза. Ведь не кто иной, как француз, вернул его мать к жизни после того, как ее любимого мужчину убил какой-то пьяный вояка за то, что тот осмелился вступить за честь своего народа.

И тем не менее этот мужчина отнял у нее все, что она могла бы иметь по уровню образования, социальному статусу, — чего не сделает женщина ради любимого человека! И это падение с высоты всей той благодати оказа-

лось для матери фатальным. В отличие от своих товаров она никогда не обольщалась перспективами дальнейшей жизни.

Уставившись, подобно кошке, мутными глазами в пустоту и прислонив голову к холодильнику, она коротала свободные минуты.

Вся ее жизнь сводилась к нескольким мятым денежным бумажкам да к тюфяку, на котором она спала (мать постоянно обитала на кухне в постоянной готовности кормить гостей — когда бы они ни пришли). Впрочем, надо отдать должное и француз — будучи весьма влиятельным человеком в то смутное время, он все-таки опекал ее и время от времени что-то подбрасывал.

И тем не менее относился он к матери с той долей презрения, которая уместна разве что по отношению к завшивевшей дворняжке. Сам француз явно не понимал, насколько унижает ее и втоптывает в грязь; его тешило сознание того, что он спас эту вьетнамку от ловли клиентов на задворках парков и в конечном счете от туберкулеза или наркотического отравления. Взамен он сделал ее проституткой в своем доме и предоставил в услужение всем своим гостям, какой бы национальности они ни были.

До Дук часто думал о жизни. Какая жизнь? По первому требованию ложиться под обожравшихся собутыльников француз? Этот француз даже гордился своим гостеприимством, тем, что благодаря дружбе с прессой его еще не выперли из Вьетнама.

Как бы то ни было, этот француз являлся ангелом-хранителем его матери — без него она уже бы давно очутилась на улице и умерла где-нибудь под забором. А что стало бы с До Дуком? Его бы просто не было. Всем своим существованием — жалким и мерзким, — вне всякого сомнения, он был обязан этому человеку. Обязан всем, что для До Дука имело хоть малейшее значение. И все же...

Оказалось, что у француз была иная, чем у других людей, аура. Она высвечивалась резко голубой, с каким-то металлическим оттенком. Позже, основываясь на своем богатом опыте, До Дук пришел к пониманию, что подобный цвет свидетельствует о близкой и неминуемой смерти.

— Групповое изнасилование, — выдохнул До Дук,

приставляя острие кухонного ножа к загорелой груди хозяина.

Вечеринка, подобно слишком высоко взошедшему солнцу, быстро склонилась к закату. Часть гостей разошлась, остальные спали, накачавшись наркотиками.

— Они рассказали мне все... в том числе и о том, как вы подсчитывали, скольких мужчин она сможет принять перед тем, как отрубится.

Нож мелькнул в воздухе, подобно баклану в солнечном сиянии, и лезвие с каким-то жутким звуком где-то исчезло.

— Именно это вы сделали с моей матерью.

Кровь стекала по рукам француза, напоминая своим цветом вино из его заветной бутылки.

— И как я родился. Похабный анекдот паскудной вечеринки. — Влага на ладонях До Дука пылала жаром. — Ты способен осознать унижительное положение моей матери? Она ведь стесняется рассказать мне о моем рождении.

Тонкая хлопчатобумажная рубашка До Дука набухла от крови, брызнувшей из раны француза.

Расширившиеся и остекленевшие глаза француза покрывались мутной пеленой по мере того, как до него доходил смысл происходящего. Жизнь вытекала из него вместе с кровью из ран, которые не переставал наносить ему До Дук.

— Каждый ее взгляд — это напоминание мне о том, во что ты ее превратил.

Рот француза безвольно открылся.

— Благодаря тебе она познала всю подлость и горечь этой жизни.

До Дук отдернул от него свою окровавленную руку, оставив нож в его теле; ладонь судорожно то сжималась, то вновь разжималась, отплясывая какой-то бешеный рок-н-ролл.

— Твое слово было для нее законом; в большей мере, чем слово Божье или заветы Будды. Они ведь неодушевлены, а ты всегда был здесь — живая плоть и кровь. Властитель душ.

Француз повалился на колени и сквозь хлынувшую горлом кровь прошептал:

— Я не сделал ничего, что ты... я спас ее.

Не доверяя самому себе и не пытаясь лицемерить, До Дук с ужасом ощутил правду, содержащуюся в его сло-

вах. В тот момент эта истина вызвала в нем еще большую вспышку гнева, однако позже, когда умолкли ауры и он бился в тисках эмоций, присущих взрослому человеку, к которым был абсолютно не подготовлен, последняя фраза его бывшего хозяина постоянно преследовала его и не давала покоя, ибо в душе До Дук осознавал, что француз был абсолютно искренен.

— Ты спас ее для *этого* — убогости и вырождения. Она не осмеливалась поднять на тебя руку, даже плохо о тебе подумать. Это ее путь. Но не мой. Я совсем другой... другой... другой...

„Упокой, Всевышний, душу раба твоего...“

На последнем слове псалма „мир“ он осекся, не в силах или не желая его произносить, — все эти возвышенные фразы никак не могли примирить его с роскошью одних и постоянной юдолью печали других.

Задыхаясь от свертывающейся крови и желчи, чувствуя неизбежно приближающуюся смерть, заплетающимся языком француз прошептал:

— Нет... в мире дурных намерений, — постоянные спазмы тошноты мешали ему говорить. — Есть только дурные... деяния.

Эта сентенция, видимо, отняла у него последние силы, поскольку затем глаза закатились, а нога судорожно задергалась. Спустя мгновение ослаб и разжался сфинктер, оставив „эпитафию“, которую До Дук посчитал весьма уместной.

Тем не менее слова француз запали ему в душу.

Опасаясь за свою жизнь, До Дук был вынужден бежать из Сайгона. Он знал, каким влиянием обладал француз, и прекрасно отдавал себе отчет, что, если не ляжет на дно, в живых себя лучше не числить.

Более всего он желал воевать, оказаться в кабине реактивного самолета — До Дук уже давно представлял себя пилотом истребителя, хотя и видел эти ревущие машины лишь издали.

Он ненавидел коммунистов точно так же, как ненавидел французов и американцев, впрочем, коммунистов он ненавидел даже в большей мере, ибо те, будучи частью своего народа, повернули против него оружие. Какие бредовые идеи заставляли их творить геноцид? поганить уникальную историю нации? — эти вопросы были вне его понимания. Единственное, в чем он был уверен наверняка, так это в том, что эти люди являют собой скопище

бешеных скотов, которых необходимо уничтожать со всей беспощадностью.

Однако вступать в ряды ЮАВ — Армии Южного Вьетнама — было опасно, поскольку полиция легко смогла бы напасть на его след, просмотрев списки недавних новобранцев. Поэтому До Дук предпочел уйти в горы и навсегда изменить свою жизнь.

В те времена горы были не самым подходящим местом для двенадцатилетнего мальчика. Там формировались отряды из различного отребья горных племен; там же сосредоточивались банды вьетконговцев — кровь лилась рекой в любое время дня и ночи. Тем не менее в горах До Дук чувствовал себя в меньшей опасности, чем за оштукатуренной стеной компаунда, принадлежащего французу.

Но в горах обитали и другие люди, которых война и коммунисты вынудили покинуть родные места в высокогорных районах Северного Вьетнама и перебраться на юг. Это были нунги, дикие, почти первобытные люди китайского происхождения, сохранившие свои туземные обычаи, примитивное мировосприятие и собственные старинные способы самозащиты.

Даже свирепые вьетконговцы побаивались нунги и старались держаться от них подальше, обходя стороной возможные места их проживания. Ходили страшные слухи, возможно и преувеличенные, что нунги обладают магическими способностями, что, облачившись в содранную кожу своих врагов и склонившись над очагом, они поедают их жареное мясо.

До Дук тоже слышал об этом, однако все эти страшные истории не столько испугали его, сколько возбудили любопытство. Его всегда интересовали люди, способные нагнать страх на коммунистов. За время пребывания в доме француза он извлек всего один стоящий урок — истину, которую необходимо постоянно помнить, живя в Азии: деньги — это не самое главное в жизни, власть и сила — вот чего необходимо добиваться. Нунги обладали этой силой, До Дук же был ее лишен. Именно поэтому он решил найти этих людей.

Чего я в конечном счете могу лишиться, рассуждал До Дук, только жизни, которая в данный момент не стоит и ломаного гроша; в случае удачи смогу обрести неограниченные возможности.

Это было наилучшим решением, которое он когда-

либо принимал, и — наихудшим. Прежний До Дук, вне зависимости от того, кем он был и кем бы мог стать, растворился среди нунги, и родился совершенно новый До Дук. Воскрешение, должно быть, слишком слабое определение, но после периода ассимиляции у него зародилось пристрастие к уединению, и он, забравшись высоко в горы и глядя на сгущающиеся сапфирового оттенка сумерки, сам того не ведая, напевал про себя разученные у француза псалмы.

Даже после того как старый нунги Ао, обследовав его, сообщил, что До Дук одно время был пристрастен к наркотикам, он не прекратил своих ежевечерних молитвенных песнопений. И даже догадавшись, что ему подмешивал француз в те сласти, пахнувшие медом, хорицей, чесноком и луком, и размышляя над тем, до какой низости дошел тот в своем стремлении обеспечить преданность ему своих слуг, До Дук все равно продолжал мурлыкать засевшие в голове строки.

„Упокой, Всевышний, душу раба твоего, и пусть почиет она в мире согласно твоему слову“.

Эти молитвы, значение слов которых он понимал весьма смутно, действовали на него настолько облегчающе и успокаивающе, что он не мог позволить себе забыть их. Конечно, у него были родители, которые произвели его на свет; он знал свою мать, пусть даже и поверхностно; она же никогда не приближала мальчика к себе, поскольку в его глазах читала бессмысленность прожитой и бесперспективность дальнейшей жизни.

Церковные гимны давали ему ощущение безопасности и тепла, которого он раньше никогда не испытывал. Он не смог вычеркнуть их из памяти даже после того, как нунги начали работать с ним — тренировать по своей системе.

Им, нунги, пришлось по душе, что он изгой, скрывающийся от правосудия. В ту первую ночь, когда он набрел на них, перебравшись через гребень высокой горы, они смеялись, слушая историю его злоключений, хлопали по плечу и плевали на землю, выражая этим одобрение его поступку. Не выказывал никаких эмоций лишь Ао, старейший и самый уважаемый человек в племени. Согнувшись, он молча сидел, поглощенный какими-то думами; его необычные, красновато-желтые глаза были сощурены, как будто слова До Дука, подобно солнечным лучам, слепили старца.

Во время своего рассказа До Дук не переставал наблюдать за Ао, и у него сложилось впечатление, что старик ощущает его душевную боль, гнев, горечь, внезапные изменения чувств и даже затаившуюся где-то в глубине подсознания, подобно рыбе в илистом дне, нежность по отношению к убитому им человеку.

После того как все разошлись, растаяв в прохладной горной ночи, Ао приоткрыл глаза и молча принялся разглядывать До Дука в свете догорающего костра. Внезапный треск разломившегося в огне полена нарушил уставившуюся тишину.

— О нунги ходят самые удивительные слухи, — неожиданно вздрогнув, сказал До Дук и каким-то защищающимся жестом прикрыл ладонями согнутые колени. — Говорят, что вы жарите мясо своих врагов и едите его.

— Лично я предпочитаю есть это мясо сырым, — заметил Ао.

Выдержав довольно длительную паузу, старик хрипло рассмеялся и, только после того как его лицо приняло прежнее выражение, добавил:

— С нами ты в безопасности, младший брат.

Вот таким образом Ао, стойки, протянув До Дуку руки, начал воздействовать на его психику и вести за собой по пути Тьмы.

Ао был на редкость крупным мужчиной с выраженным даром повелевать. Ему были известны все Тайны Востока, так же хорошо он разбирался и в секретах белых. Старику, например, ничего не стоило в темноте разобрать, вычистить и вновь собрать американскую автоматическую винтовку М-60. Он знал все типы взрывчатых веществ, умел стрелять из миномета, пользоваться гранатами, начиненными отравляющим веществом CS, прекрасно ориентировался в тактике действий авиации.

Однажды ночью он взял До Дука с собой, и они спустились с гор в серо-зеленый массив джунглей. Было так сыро и влажно, что, казалось, они не идут по земле, а плывут под водой. До Дук отметил, что Ао, хотя и был человеком пожилым, ни разу не сбил дыхания и не остановился, чтобы передохнуть. Казалось, он идет по какому-то неведомому следу, но, как До Дук ни старался, ему не удалось что-либо заметить, даже обычных в подобных условиях отметин на стволах деревьев, служащих указателями тропы.

Старик и мальчик продолжали свой путь в кромешной

тьме. До Дуку, шедшему за Ао, чтобы не потеряться, пришлось даже положить руку на его плечо. Воздух вокруг них был наполнен звуками ночных джунглей: каким-то чириканьем и завыванием. Запах мха и разлагающейся растительности по своей силе не уступал запаху свежесваренного черного чая, собранного на отрогах гор Цзиньганшань в Китае.

Кружащие вокруг них гигантские насекомые мгновенно искусают лицо и руки До Дука. Неожиданно где-то вдали послышался приглушенный рев явно не малых размеров хищника.

Рельеф постепенно начал меняться — плоская, горизонтальная поверхность перешла в отлогий спуск, и наконец глаза До Дука ощутили слабые проблески света, источаемые бледной луной, плывущей над начинающимися редеть зарослями джунглей.

Ао остановился и, наклонившись, не говоря ни слова, указал рукой прямо вперед. Поначалу До Дук ничего не увидел, когда же направление ветра изменилось, до него донеслись мелодичные, напоминающие колокольный звон звуки медленно струящейся воды.

Он взглянул в направлении, откуда доносились звуки, и постепенно начал различать берег, на который они вышли, и горный поток, журчащий прямо под ними. Неожиданно раздался громкий всплеск, и какая-то огромная туша медленно ушла под воду.

Ао издал характерный для него гортанный вскрик, от которого по телу До Дука пробежали мурашки. Вскоре над поверхностью воды появилась чья-то пушистая морда: черный леопард, догадался До Дук.

Ему доводилось слушать рассказы об этих хищниках, о том, насколько редко они встречаются, но никто из тех, кого он знал, никогда не видели подобного зверя. Считалось, что эти звери обладают магической силой, которая как бы опадала присущие леопардам оранжевые полосы, окрасив их шкуры в сплошной черный цвет.

Ао вновь издал свой гортанный вскрик, и До Дук вздрогнул. Леопард неторопливо выбрался из воды и двинулся по направлению к ним. До Дук почувствовал иссушающее нервное напряжение и непроизвольное подергивание мускулов. Его голова дрожала так, что он никак не мог сфокусировать глаза на приближавшемся хищнике. От испуга по телу пробежал озноб, кровь оттекла от конечностей и болезненно пролилась куда-то в низ живота.

Сейчас черный леопард настолько близко подошел к ним, что вполне мог сбить До Дука с ног одним ударом своей массивной лапы. В длину он тянул на верные одиннадцать футов*, а его беспрерывно виляющий туда-сюда массивный хвост прибавлял еще три фута.

От животного исходил тяжелый мускусный запах, запах силы и смерти. У До Дука настолько пересохло во рту, что, казалось, язык намертво приварился к верхнему небу. Хищник, не двигаясь с места и глубоко, с каким-то мурлыкающим рокотом дыша, неотрывно смотрел на них.

Ао плотно прижал ладонь своей руки к плечу До Дука, давая понять, чтобы тот не двигался. Затем неожиданно, к ужасу До Дука, молниеносно исчез в джунглях.

Зверь был потрясающих размеров. Его мощная грудь то вздымалась, то вдоль опадала. Огромные золотистые глаза леопарда вглядывались в До Дука в какой-то особенной, оценивающей манере, однако вряд ли это создание природы можно было заподозрить в близорукости. Один американский полковник, часто бывавший на вилле француза, как-то сказал До Дуку, что у леопардов слабое зрение и неважный слух и что эти животные в основном полагаются и ориентируются на запах.

Леопард моргнул, и, несмотря на все усилия, До Дук вздрогнул. Из глубины глотки зверя вырвался низкий рык, и морда зверя опустилась. До Дуку показалось, что все его внутренности превратились в воду, и он самым пошлым образом обмочился.

Вскоре вернулся Ао, держа левую руку прямо перед собой. Когда он наклонился к До Дуку, тот увидел свернувшуюся вокруг его предплечья гадюку. Ее треугольную голову старик зажимал между большим и указательным пальцами.

Каким-то предлагающим жестом он протянул руку в сторону леопарда, и До Дук заметил, как раздулись ноздри хищника, почувствовавшего запах змеи. Затем зверь так молниеносно мотнул головой, что До Дук усомнился, сумеет ли Ао увернуться от оскалившейся морды на таком близком расстоянии.

Гигантские челюсти сомкнулись, проглотив как гадюку, так и руку Ао. Но не прошло и секунды, как Ао вытащил руку. Змеинного клубка на ней уже не было.

*1 фут равен 0,3048 м.

Тихое чавканье жующего леопарда — в течение некоторого времени никаких иных звуков слышно не было. Затем хищник потянул носом воздух, и Ао издал свою жуткую гортанную руладу.

Старик, положив руки на плечи мальчика, принялся подталкивать До Дука вперед по склону, ближе к этому черному чудовищу, которое, в свою очередь, как бы близорукую щуря свои жуткие глаза, опять принялось оценивающе рассматривать нового гостя. По ногам До Дука текла моча, и леопард вновь потянул воздух носом, явно проявляя больший интерес к запаху незнакомца.

До Дук ощущал тепло, волнами исходящее от хищника. Резкий мускусный запах поднимался вверх, проникал в ноздри, вызывая головокружение.

Глянув поверх леопарда, До Дук увидел, как лунный свет, отражаясь в воде, превращал ее как бы в ляпис-лазурь, по которой, вообразил он, можно пройти, как по земле.

До Дук вновь перевел свое внимание на хищника и окаменел, моргая глазами от неподдельного изумления. Черный леопард куда-то исчез. Вместо него он увидел стройную женщину с прелестным лицом, ниспадающие на плечи густые длинные черные волосы были подобны потокам воды в лунном свете. Внешний облик женщины не оставлял сомнений в том, что это живое существо, однако ее длинные пальцы являли собой искривленные корни деревьев, а когда она пошевелилась, До Дук ужаснулся: ниже пояса вырисовывались блестящие в свете полной луны лишь кости скелета — ни кожи, ни плоти.

— Кто... кто вы? — До Дук ничего не мог с собой поделать; он должен был задать этот вопрос.

— Разве ты меня не узнаешь? — спросила женщина с прекрасным лицом.

Она рассматривала его широко распахнутыми золотистыми глазами.

— Я твоя мать.

Сердце До Дука так сильно заколотилось в груди, что его охватило странное чувство — будто именно он, а не леопард проглотил гадюку.

— Этого не может быть, — в ужасе промямлил он. — Моя мать гораздо старше вас.

— Нет, — ответила красивая женщина. — Я мертва.

— Что?

— Гости француза убили меня, потому что я не хотела рассказать им, куда ты убежал.

— Но ведь ты и не знала! — воскликнул До Дук. — Ты не могла знать.

— И тем не менее сердцу моему это было известно. Для тебя существовало лишь одно место, куда бы ты мог убежать. Ты, которому вообще не следовало появляться на свет и жизнь которого была ужасной ошибкой. Для того чтобы жить, ты должен умереть и возродиться. Твоя первая жизнь была недоразумением; теперь у тебя есть шанс испытать себя во второй.

Сейчас он узрел, какой она была, ибо предстала перед ним молодой и прекрасной, и ему уже не надо было объяснять, насколько нетерпеливо они все ее желали — пусть даже на одну ночь, — все эти проходимцы, подобно сорокам слетавшиеся под крышу француза.

— Мама, — позвал он, чувствуя в глазах непривычную влагу. Никогда прежде он не пролил ни одной слезы — ни по матери, ни по кому-либо другому.

— Не называй меня так. Я никогда не была тебе мамой, — грустно заметила она. — Я была дурной, бессердечной женщиной и никогда не находила в своей душе любящего материнского чувства. Для меня ты был пария; француз, вне всяких сомнений, любил тебя больше, чем я.

Ее голова опустилась, и черные волосы рассыпались по, казалось, выточенному из серебра лицу.

— Это хорошо, что меня уже нет в живых. Я каждый день умоляла Будду вдохнуть в мое сердце чувство любви, которое должна испытывать мать к своему ребенку, но все молитвы остались без ответа. Мое сердце давно ссохлось, остался какой-то омертвевший ком в груди.

— Мама, но ведь не ты же в этом виновата.

Она откинула назад голову, и черная волна волос вновь отхлынула на плечи. В ее глазах сверкнуло неистовствующее пламя, а в искажившей лицо гримасе можно было прочесть ярость черного леопарда, оскалившего желтые зубы в готовности убивать.

— Нет, виновата, — с надрывом прошипела она. — Виновата в том, что я Азия, вынужденная покорно раздвигать ноги, чтобы меня насиловали любые другие нации: французы, русские, китайцы, американцы. Они варварски эксплуатировали нас, приучили к опиуму, превратили в рабочий скот — вот мы и стали похожи на бешеных собак, способных в приступе безумия отгрызть собственную лапу.

Она распрямилась, хватая сучковатыми пальцами воздух.

— И я тоже безумна, безумна настолько, что утратила способность любить то, что следует лелеять и боготворить. Ты моя кровь, До Дук, а ведь я смотрела на тебя теми же глазами, которыми все *они* смотрели на нас, — она покачала головой. — Нет, не трать зря времени на оплакивание. У меня своя карма, и я с радостью принимаю ее. Сейчас я являю собой одну из причин разорения Азии. Это, может быть, и ужасно, но, по крайней мере, хоть что-то.

— Но я убил тебя! — воскликнул До Дук. — Ведь это из-за меня...

Прекрасное лицо женщины просветлело.

— Я бы никогда не сказала им, где ты прячешься. Я сохранила твою тайну, До Дук. Разве ты не думал о том, что я знала, каковы будут последствия? Да, да. Я сделала это с охотой, мне было приятно не поддаваться ни на какие их угрозы. В конечном счете, ох! — она вздохнула, — это был единственный значимый поступок в моей жизни. Даже умирая, я чувствовала, что мое сердце все еще бьется, бьется ради тебя.

Отсвечивающие золотом глаза матери поймали До Дука в свои сети.

— Теперь настало твое время, мой сын. Не растеряй его зря.

Должно быть, по небу в этот момент проплыло облако, ибо лунный свет поблек, и вновь сгустились сумерки; проморгавшись, До Дук не поверил своим глазам — прямо перед ним лежал черный леопард. От его мускусного запаха До Дук вновь ощутил приступ головокружения и на секунду смежил веки; когда же он их разомкнул, зверь уже был в воде и быстро плыл вниз по течению, все больше удаляясь от него.

До Дук опустил голову, и из его глаз хлынули слезы. До этого ему было неизвестно чувство любви, и сейчас, ощутив, насколько болезненно его прикосновение, он решил во что бы то ни стало не допускать подобного рода прикосновений.

Рука на его плечо легла твердо и уверенно.

— Да, младший брат, — прошептал ему на ухо Ао. — Укрепляй свое сердце до тех пор, пока оно не превратится в камень, покоящийся в твоей груди, ибо тебе предстоит извилистый и рискованный путь.

До Дук, сидевший согнувшись на берегу горного потока, не столько услышал, сколько почувствовал эти слова, и они заполнили это его внутреннее небытие, эту пустоту, которую в свое время, будучи в услужении у француза, он прогонял, окунаясь в прохладную и безмолвную глубину бассейна.

Когда он наконец поднял голову, наступил уже тот особый предрассветный час, в котором мир лишен красок, заволочен сырым туманом и никак не желающими униматься ночными тенями.

— Мы провели здесь целую ночь?

— Сейчас время не имеет значения, — ответил Ао. — Забудь о времени.

— Что произошло? — До Дук повернулся к старику. — Черный леопард, гадюка, призрак моей матери. Это все было во сне?

Губы Ао скривились в сардонической улыбке.

— Это Нго-май-ут, Лунный Серп. А сейчас послушай меня, и я расскажу тебе о Танце Паау.

В старые времена, когда цивилизация нунги находилась в зените расцвета, в некоторых наших городах-государствах существовал культ почитания леопарда. Нунги называли животное Паау и верили в его божественное происхождение. Но были и такие, которые жаждали божественной силы и власти, — вот они и решились поймать леопарда Паау. Сделали они это с редким мужеством, хладнокровием и хитростью, заманив животное в замаскированную ловушку их собственного изобретения.

У Ао была почти гипнотическая манера разговаривать, будто одним только своим голосом он извлекал магию из самой атмосферы.

— Прежде всего, — продолжал старик, — они перебили леопарду лапы, чтобы он не смог убежать, — все-таки даже их злодейство имело пределы, ибо они не осмелились посадить зверя в клетку, рискуя навлечь гнев Богов. Но, ломая ему кости, люди были уверены, что душа леопарда останется невредимой и, несомненно, перейдет к ним.

В несломанных костях человека или животного — здесь нет разницы — сохраняются остатки „души“, из которых соответствующими ритуальными действиями и молитвами можно реконструировать новую жизнь.

Что же происходило затем? Они кормили леопарда

мясом своих еще живых врагов, с тем чтобы тот стал еще сильнее и увеличил присущие ему божественные возможности. Через девять дней животному вскрыли грудную клетку и извлекли еще бьющееся сердце. Съев этот орган, они, обнаженные, забирались во взрезанную и выпотрошенную тушу, дабы пропитаться кровью Паау. Говорят, этот ужасный покров содрогался, приликая к их обнаженным плечам. Это и был Танец Паау.

Предраассветный туман, стелющийся над берегом, постепенно опускался, окутывая своим покрывалом струящуюся гладь воды, даже мелодичные звуки потока терялись в этом опаловом мареве. До Дук ощущал себя вне пространства и времени.

— Они, эти люди, благодаря этому нелепому ритуалу, тем не менее, сумели объединиться, и их сила и власть — реальная или воображаемая — возрастала. Врагов этих безумцев непременно находили обнаженными, со сломанными и вывернутыми назад конечностями — то есть этих несчастных прежде всего лишали возможности как сопротивляться, так и спастись бегством.

Красновато-желтые глаза Ао приобрели какой-то особенный оттенок.

— И, что самое важное, их сердца, вырванные из груди, привязывались к пупкам, для того чтобы души жертв не могли покидать тела в момент смерти.

Ао на секунду повернул голову, и До Дуку представилось, что сквозь пелену тумана старик видит совершенно иные земли в совершенно иные времена.

— Танец Паау, — сказал он. — Вход к обретению власти и еще большей власти — вот чему я буду тебя учить, ибо именно за этим ты поднялся ко мне в горы. — Он поднял руку. — Сейчас ты должен выбрать какое-нибудь существо, которое будет представлять тебя, название которого станет твоим духовным именем. Выбери!

— Белая сорока, — бросил До Дук первое, что пришло ему на ум.

— Белая сорока, — повторил Ао и повернул голову в сторону До Дука.

До Дук почувствовал резь в глазах.

— Ты уверен? — спросил Ао.

До Дук кивнул. Как ни странно, он *был уверен* — впервые за всю свою жизнь.

— Ты сказал. Пусть будет так. Отныне ты станешь

Белой Сорокой. — Выражение лица Ао было очень серьезным.

Слова Ао, казалось, пронзили тело До Дука, подобно сотне дротиков, заставив его содрогнуться от неожиданной вспышки боли.

Глаза Ао напоминали черные камни на дне реки, гладкие и загадочные. После некоторого колебания старик воскликнул:

— Свершилось! Ты станешь Нго-май-ут, и никто кроме Нго-май-ут не сможет тебя выследить.

— Что это значит? — прошептал До Дук.

На губах Ао вновь заиграла сардоническая улыбка.

— Ты станешь другим человеком. Это тебя пугает? Нет? Хорошо. У тебя будет жаждущая душа, а к пище и питью — скоро, очень скоро — станешь совершенно равнодушен.

— А чем же я буду поддерживать силы?

— Это будет зависеть, — серьезно начал Ао, — от того, что останется после того, как ты превратишься в Нго-май-ут.

— Но я буду смертным?

Ао ответил не сразу. Наконец он произнес:

— Если ты получишь смертельную рану, то, да, можешь погибнуть. В этом смысле ты будешь смертен. Но ты будешь Нго-май-ут, и твое тело будет обладать замечательными способностями к рекуперации и регенерации.

— Значит, я буду близок к бессмертию.

Глаза Ао были прикрыты.

— Это уж ты сам определишь.

Сейчас До Дук был уверен, что Ао изучает его самым пристальным образом. Старик, вытянув руку, держал ее между ними ладонью вверх.

Пронзительный крик какой-то птицы пронесся эхом сквозь заросли джунглей и завесу тумана.

Ао ждал, когда До Дук положит свою руку на его ладонь. Наконец их ладони соединились, и мальчик всем телом ощутилжатие своей руки. И когда Ао заговорил, его голос уже звучал иначе, будто проникая сквозь какую-то завесу или пелену.

— Ты готов продолжать свой путь из одного мира в другой?

До Дук открыл рот, чтобы ответить, но Ао закивал головой, будто уже знал ответ, сформулированный в голове младшего брата.

ВЕНЕЦИЯ /ТОКИО/ НЬЮ-ЙОРК

Николаса разбудил глухой рокот моторных лодок на Гранд-канале. Он открыл глаза — было темно. Взглянул на часы — время рассвета еще не наступило. Пройдясь по комнате, он заметил какой-то тонкий лучик света, пробивавшийся сквозь створку деревянных жалюзи. Раздвинув их, Николас увидел, что по мраморным фасадам строений вдоль *rio* струится бледный свет, оттенки которого он не смог бы ни определить, ни описать. В воде отражался силуэт какой-то морской птицы, который вскоре исчез из виду и больше не отвлекал внимание Николаса, залюбовавшегося четким видом величественных очертаний Санта-Мария делла Салуте.

Он прошел в туалет, затем в ванную, ополоснул там лицо холодной водой, вернулся в комнату, оделся и вышел из номера. Николас не имел ни малейшего представления, куда направляется, уверен он был в одном: ему необходимо пройтись по улицам, подышать воздухом и как бы примерить к себе этот город, как примеряют одеяния из золотой парчи, ощутить его своей кожей.

Первый же порыв ветра с *rio* больно хлестнул по лицу, и Николас, подняв воротник куртки, постарался укрыть им и щеки.

Он пересек небольшую площадь и спустился к *ruga*, торговой улице с магазинами. Людей в такой ранний час еще не было, и большинство магазинов было закрыто. Нюх вывел его к маленькой булочной, в которой он купил кофе и изумительного вкуса рогалики. Наслаждаясь хлебным ароматом своей покупки, Николас направился в сторону мостика, ведущего к площади Святого Марка.

На мостике он на секунду задержался — ему нравилось любоваться с высоты игрой света на шелковой поверхности воды канала. Привязанные к причалам торговые лодки слегка покачивались, терпеливо дожидаясь своих живущих поблизости владельцев.

Не встретив ни души, он прошел еще через два моста и спустился под арку, выходящую на площадь. Прямо перед ним высился Дворец дождей, слева располагалась кампанила, часы на которой и по сей день били, как и несколько веков назад. Огромное пространство, со всех сторон окруженное бесконечными магазинчиками и кафе с верандами и вынесенными на воздух столиками, в этот ранний час казалось таким таинственным, будто это и не городская площадь, а чертоги Богов, в которые случайно забрел Николас.

Он выбрался на булыжную мостовую и вскоре услышал воркование раскормленных голубей, ожидающих предленчевого набега туристов и ассоциируемой с ними очередной кормежки.

Вдруг до него донесся голос, исполняющий песню. Николас так и застыл на месте, прислушиваясь: ария принца Калафа из блестящей оперы Джакомо Пуччини „Турандот“.

„И никто не уснет“, — пел баритон. Подойдя к уличному певцу поближе, Николас увидел, что это дворник, одной рукой кативший за собой тележку с мусором, а другой — ритмично густой метлой разметающий пыль перед собой. Исполняя арию, он откинул назад голову, и Николас, вслушиваясь в эту вечно живую мелодию на фоне величественного амфитеатра дождей Венеции, проникся ощущением, что, независимо от того, какие проблемы он оставил нерешенными в Токио и какие опасности его подстерегают здесь, сейчас, в это утро, в этот час, стоило жить.

Проходя мимо певца-любителя, Николас поприветствовал его, а тот, мужчина весьма дородный, улыбнулся в ответ и, не сбившись с такта, продолжил свои занятия; его страстный голос, казалось, заполнял всю площадь.

Повернув за угол, Николас прошел через Пьяцетту в направлении к пристани и Гранд-каналу. Рожденные рассветом цвета, вздымаясь из груди океана к небу и скользя по домам вдоль канала, придавали всему видимому над горизонтом пространству те же самые оттенки, будто бы и не было разницы между морем и сушей.

Набережная — Рива-дегли-Счиавони — начала заполняться школьниками, набивающимися в *vaporetti*, чтобы успеть к утренним занятиям. Покупая билеты и забираясь на паром, они громко переговаривались, и их высокие голоса звенели по всей Пьядette. Очутившись внутри, они громко смеялись, шалили, толкали друг друга, отвоёвывая свободные места, в то время как в каютах рабочие с тусклыми глазами разворачивали местные утренние газеты, чтобы до самого конца пути не поднимать от них голов.

К счастью для Николаса, туристов еще не было. Сейчас они, видимо, только выбирались из кроватей, чтобы заказать себе горячие круассоны и крепкий черный кофе со сливками. Николас направился в сторону *traghetto**, откуда только что отчалили *vaporetti*. Справа виднелась статуя Меркурия, слева готовился взлететь знаменитый Крылатый лев. Николас не находил ничего предосудительного в том, что дожи Венеции в качестве символа их города выбрали мифическое животное, — ему это даже нравилось.

Отправляя в рот последний рогалик и допивая кофе, Николас размышлял о том, что чем дольше он находится здесь, тем лучше понимает, почему Венеция по сей день является не на словах, а на деле городом-государством. Живущие здесь люди могут быть итальянцами, но на этом все и кончается. В различных районах внутри страны всегда обычно говорят на своем местном наречии — здесь Венеция не исключение, однако нигде нет такого дробления в манере мышления, как в Венеции. Их образ жизни уникален — даже для них самих. Раздумывая над всем этим, Николас обнаружил, что это иконоборство вызывает в нем реакцию на самом глубинном уровне.

Подойдя ближе к Крылатому льву, он увидел сидящую на постаменте статуи женщину в коротком жакете с меховым воротником. Первая волна школьников схлынула, и набережная вновь обезлюдела.

Внешность женщины поражала своей оригинальностью. В ее характерном для уроженцев Средиземноморья лице — удлиненный нос и широкий рот — были унаследованы в равной мере черты как финикийян, так и римлян. Густые рыжие волосы были зачесаны назад, что давало возможность видеть ее открытое лицо, своей овальной формой напоминающее камю. Поравнявшись с ней, Ни-

* Паром (итал.).

колес увидел глубоко посаженные зеленовато-голубого цвета глаза. Уперевшись локтями в согнутые колени, она с видимым удовольствием уплетала пирожное с шоколадной начинкой.

Женщина подняла голову сразу же, как только ее коснулась тень проходящего мимо Николаса, солнечный свет полыхал в голубизне ее глаз, улыбка же подсказала Николасу, кто она такая и где они виделись.

— Вы не могли бы отодвинуться? Я наслаждаюсь этим видом, — в уголках рта виднелись коричневые пятнышки от шоколада.

Говорила она по-английски, однако какой-то едва заметный намек на акцент убеждал Николаса в том, что это не ее родной язык.

Николас присел рядом с ней.

— Я ждала вас, — сказала она.

— Надеюсь, не слишком долго. Приятная неожиданность увидеть вас без маски.

Широко улыбаясь, она вновь принялась за пирожное.

— Капун дня всех святых уже позади, — заметила она. — При дневном свете мы вновь можем быть самими собой.

— Даже Микио Оками?

Она бросила на него резкий пронзительный взгляд.

— Оками-сан находится в невероятном напряжении. Человек меньшего масштаба, вне всяких сомнений, не выдержал бы такой жизни.

Николас промолчал, зябко потирая заочечневшие на утреннем холодке руки.

— Вы *будете* помогать ему?

— Какие у него были общие дела с Домиником Гольдони, всемогущим доном американской мафии?

— Что вы знаете о Гольдони кроме того, что он был доном американской мафии? — спросила Челеста.

— А что еще требуется знать?

Она печально улыбнулась.

— Прежде всего Гольдони был полувенецианец и, единственный среди всех капо, несицилийского происхождения. Кроме того, он обладал той особой интуицией, о которой остальные члены мафии могли только мечтать. Он предвидел, что дни Сэма Джанкано и подобных ему уже сочтены, и в мозгу его зрели планы относительно новой эры деятельности мафии. Связи дона в Америке имели решающее значение для Микио Оками в деле ре-

лизации его замыслов относительно того, как уничтожить Годайсю. — Она оценивающе посмотрела на него. — Надеюсь, эта дополнительная информация не поколеблет вас в вашем решении помочь Оками-сан?

Николас уловил озабоченность в ее голосе.

— Скажите мне, что для вас значит Оками-сан? Работодатель? Нечто вроде отца? Любовник? Или, возможно, все вместе?

Челеста рассмеялась.

— Какое чувство гордости испытал бы Оками-сан, услышь он ваши слова. Вам известно, что ему почти девяносто?

— Этого я не знал.

— Гм, он уже давно живет в Венеции, но и до приезда сюда... м-м... он поддерживал связи с наиболее влиятельными венецианскими семействами.

— Полагаю, одним из них было ваше.

— Мой отец пожертвовал своей жизнью за Оками-сан. — Она вытерла руки клочком бумаги. — Допускаю, что это может звучать для вас несколько неожиданно и непривычно.

— Вовсе нет. Я ведь наполовину азиат и понимаю, что значит долг.

— Да, конечно.

Чуть повернув голову в сторону, она смотрела, как из вод лагуны медленно поднимается солнце. Справа, на противоположной стороне Гранд-канала, в нежно-розовом свете виднелся собор Санта-Мария делла Салуте, а крылья венецианского льва над их головами казались охваченными огнем.

— Мои предки, или, по крайней мере, некоторые из них, прибыли сюда из Карфагена, — сказала она после некоторой паузы. — Они были мореплавателями, но также и философами, а еще, как говорят, великими учеными. Их очаг был разрушен, город превращен в руины, поэтому им осталось полагаться только на единственного надежного друга. И другом этим было море. Вот так наконец они оказались здесь, в Венеции. — Она повела головой по сторонам, а потом взглянула ему прямо в лицо. — Эти истории любил мне рассказывать дед. Он клялся в их правдивости, точно так же как клялся в том, что знает, где покинется лодка, на которой они прибыли. Он клялся, что она находится под фундаментом дворца, где вы были в прошлую ночь.

— Этот дворец был вашим домом?

— Теперь там живет Оками-сан, — ответила Челеста, причем в голосе ее не звучало ни грусти, ни горечи. — Я же сейчас обитаю в другом месте, более уединенном, вдали от Гранд-канала.

— А остальные члены вашей семьи?

— Оками-сан купил моей матери собственную квартиру — такую, что ей по силам содержать самой. Что касается моей сестры, то она больше не живет в Венеции.

Челеста повернулась в профиль, и, глядя на ее высокий с горбинкой нос, Николас представил ее на носу галеры, отплывающей из Карфагена через Средиземное море в поисках убежища, которым впоследствии окажется Венеция.

— Полагаю, что в свете истории судьба моей семьи совершенно типична. Мы научились привыкать ко всему: к меняющимся временам, к неизбежности и, что самое важное, к политике. Мой отец занимался производством тканей: бархата, кружев, шелка и тому подобных. А дед мой разработал технологию выработки особой муаровой парчи, и эта технология до сих пор является монополией нашей семьи. Предки Оками-сан родом из Осаки, и в свое время они занимались галантерейным бизнесом. Оками-сан и мой отец моментально нашли общий язык, оба были в равной мере горды и прагматичны. По своим взглядам родственники моего отца были очень близки людям с Востока, и им не составило большого труда понять, почему Оками-сан хочет купить их компанию. В конце концов, они остановились на партнерстве.

Значит, партнерство было абсолютно законным и являлось прекрасным предложением для пребывания Оками в Венеции, — по некотором размышлении добавила она.

— Меня же интересует только один вопрос — что Оками сделал для *моей* семьи. — Николас почувствовал, что Челесте не было дела до того, с какой интонацией была сказана эта фраза.

— Пожалуйста, ответьте на мой вопрос. Вы можете ему? — Она мягко перевела разговор на волнующую ее тему.

Мысли же Николаса вернулись к той ночи, когда Оками рассказал ему о грозящей опасности.

— *Дело тут вот в чем,* — сказал тогда Николас Оками. — *Весь вопрос в опознании — ведь мы даже не знаем, кого пошлют, чтобы убить вас. Существует*

также вопрос времени: следует признать, что у нас его мало. В этих исключительных условиях наш выбор очень ограничен. Не будет ничего хорошего в том, что вы вдруг ляжете на дно, — поскольку вы должны продолжать работу над своим планом, а не имея возможности маневра, вы ничего не сделаете. Так же не будет ничего хорошего и в том, если мы приставим к вам круглосуточную охрану, — потому что тот, кого пришлют, просто воспользуется точным хронометражем вашего времени и к тому же вполне сможет вычислить место, где мы вас прячем. Я же окажусь в невыгодном положении. В подобных безнадёжных условиях я не могу позволить себе этого. Моя задача уже осложнена тем, что я не представляю себе, с кем мне придется вести борьбу.

— Таким образом, ты хочешь сказать, что нам объявили шаг? — холодно посмотрел на него Оками.

— Вовсе нет. Я хочу лишь сказать, что экстремальные условия требуют экстремальных мер.

Предавшись этим воспоминаниям, Николас вдруг вдрогнул, как будто его пронзил холодный ветер с площади, однако тот вечер никак не хотел уходить из памяти.

— Для того чтобы помочь вам, я должен стать магнитом.

— Магнитом?

— Да. Можете назвать это живым щитом. То, что мне необходимо, так это переориентировать действия убийцы с вас на себя.

— Я сделаю то, что в моих силах, — вернулся Николас к действительности.

— Да, я знаю, — кивнула Челеста. — Вчера, после того как вы ушли, мы детально обсудили с Оками-сан все наши возможности. Оками-сан был в вас уверен, но мне самой хотелось услышать это от вас лично.

Она бросила взгляд на море.

— Мне необходимо рассказать вам о трех людях, составляющих внутренний совет Кайсё, — потому что один из них оказался предателем, желающим смерти Оками-сан. Во внутренний совет входят оябун, стоящие во главе трех основных кланов якудза. Тэцуо Акинага, Акира Тёса и Томоо Кодзо. — Она предъявила ему три фотографии. — Всех троих следует считать виновными до тех пор, пока вы не докажете их невиновность. Предупреждаю вас: вы не должны доверять ни одному из них.

Николас принялся разглядывать фотографии, запоминая лица. Затем взглянул на нее.

— Оками-сан — не ваш любовник, но вам он очень дорог, поскольку раньше вы говорили, что на грузки, которые он выдерживает, давно бы убили человека меньшего масштаба.

— Все верно.

— А тем не менее он дожил до девяноста.

Она резко поднялась.

— Давайте пройдемся. Я замерзла.

Челеста спрятала руки в карманы жакета, и они пошли вниз по набережной. Над головами их с громким воркованием кружили голуби, слышались крики уличных зазывал, соблазнявших бесплатной поездкой на Мурано в гости к всемирно известным стеклодувам. Их голоса перекрывали даже тарахтенье лодочных моторов. Временами голуби пролетали так низко, что в прохладном воздухе слышалось хлопанье их крыльев.

— А сейчас я скажу вам то, о чем не знают даже члены внутреннего совета: открою вам тайну Кайсё: он владеет *корёку*.

Корёку — огненной стрелой пронеслось у него в мозгу.

— Микио Оками владеет Освещенной энергией?

— Именно она позволила ему выжить все эти годы, — ответила Челеста. — В этом и заключается ответ почти на все ваши вопросы, не так ли? Девяносто с лишним, а силы и настойчивости, как у пятидесятилетнего.

Чтобы сдержать участвовавшее сардоническое, Николасу пришлось взять под контроль дыхание. Мозг среагировал мгновенно. *Корёку* — ведь это же путь в *Сюкэн*. Если Оками действительно постиг Освещенную энергию, то он сможет дать ответ, способен ли Николас достичь этих высот. *Корёку* — переходное звено, вход в *Сюкэн*. Наконец-то сможет он найти разгадку тайны своих древних предков — возможность сочетаемости Аксхара и Ксира, Света и Тьмы, двух противоположных полусфер Таутау, — неужели ему предоставляется такой случай?

Да, но только если он обеспечит безопасность Оками.

— Наконец-то мне удалось задеть вас за живое, — подала голос Челеста.

— Боюсь, что да.

Она резко повернулась и бросила на Николаса быстрый взгляд.

— Оками-сан не согласен с вашим планом. Он не хочет ставить вас на линию огня.

— Уже поздно говорить об этом.

— Что вы вместе в виду? Мне кажется, он прав.

— Ничего не говорите, идите вперед, только чуть быстрее, — неожиданно проговорил Николас.

Они свернули с набережной на боковую дорожку. Было как раз то время, когда начинали открываться магазины и толпы людей спешили на работу. Вид этих взбудораженных людей удивил Николаса — ему показалось странным и удивительным то, что в этом городе чудес кто-то действительно работает. Трудно было в это поверить. Тем не менее за волшебной оболочкой Венеция продолжала оставаться городом, хотя и весьма своеобразным, в мирском понимании этого слова.

— Сейчас ни у Оками, ни у меня нет выбора, — продолжил Николас. — Мы оба обречены идти этим путем. А с исходом, каков бы он ни был, вам придется в любом случае смириться.

— *Карма*. Это ваша судьба.

В ее голосе Николас уловил иронию.

— Послушайте, Челеста, если вы не верите в *карму*, то, значит, она не существует.

— Вроде *гири*, — улыбнулась Челеста.

Ей нравилось наблюдать за сго недоуменным взглядом.

— Да, — серьезно добавила она, — я все знаю о долге чести, долге, выплатить сполна который невозможно.

Увидев маленькую булочную, Николас увлек ее к витрине, где красовались только что выпеченные батоны хлеба и румяные кексы.

— Вы голодны? По-моему, только что поели.

— Мне бы хотелось знать, не привлекают ли наши персоны чьего-либо внимания.

Челеста следила за тем, как Николас поверх головы продавщицы, добродушной женщины средних лет с розовыми щечками, вглядывается в стекло витрины.

— Что вы там заметили? — спросила она.

— В данный момент меня волнует не то, что я заметил, а то, что я *чувствую*. Кто-то определенно взял нас под наблюдение.

Они пересекли мост и вышли на другую улицу.

— Значит, это *все-таки* началось, — сказала Челеста. — Что будем делать?

— Кто бы он там ни был, дадим ему возможность еще немного понаблюдать за нами.

— Зачем?

— Потому что, чем дольше он будет преследовать нас, тем больше у нас шансов разглядеть его. А именно это мне и нужно, — Николас схватил ее за руку. — Готовы взглянуть в глаза врагу?

Она слабо улыбнулась.

— В данных обстоятельствах только об этом и мечтаю.

— Отдохните, — бросил Лиллехаммер, выходя из кабины пилотов реактивного самолета ВВС США. В руке он держал несколько листов с только что полученным факсом, лицо светилось от возбуждения.

— Что-нибудь об изуродованной девушке? — спросил Кроукер, отставив чашку с кофе и закрепив ее специальным колпачком.

— Угадали, — Лиллехаммер потряс в воздухе своими листками. — У нее был мост. Два коренных зуба, вместо выпавших молочных, появиться не пожелали — дантисту пришлось потрудиться.

Лиллехаммер ухмыльнулся — паутина бледных шрамов обозначилась в уголках рта. Темные облака за стеклами иллюминаторов то сходились, то вновь расходились и хлестали по обшивке самолета, подобно гигантскому конскому хвосту. Уходя от шторма все выше вверх, им даже пришлось глотнуть кислорода над центром Миннесоты, да и сейчас ощущались последствия турбулентности, несмотря на то что самолет вышел из фронта грозы.

— Зубной врач постарался на славу — наши компьютеры моментально вычислили ее имя: Вирджиния Моррис. Она из тех, кого поставляло ему ФБР. Видимо, его чем-то не устраивал фэбээровский выбор, и он сделал свой.

Легкая тряска не мешала Кроукеру наблюдать за пронесившимися над ними облаками.

— Следовательно, она вместе с ним нарушала правила ФПЗС?

— Похоже на то. Это его старая связь. Я разговаривал с федеральными судебными следователями, ведущими

это дело, — у них нет информации, что она сотрудничала с его охранниками, — Лиллехаммер покачал головой. — ФПЗС я вычеркнул из числа подозреваемых. Доминик был всегда неисправимым бабником, его брюк не хватало на ту штуку, что была в них.

— Стало быть, он под носом ФПЗС таскал за собой любовницу до самой Миннесоты? Как ему это удалось?

Лиллехаммер пожал плечами.

— Он командовал легионами. Любой из его подчиненных мог оказаться предателем.

Кроукеру надоело разглядывать тучи за иллюминатором.

— Сомневаюсь. Я знаю этих парней. Они привыкли делать свое дело, им нет необходимости лезть в чужие отношения. Зачем брать на себя лишнюю ответственность?

— Есть какие-нибудь соображения?

— Относительно предателей из его внутреннего окружения?

— Разумеется, — вскинул голову Лиллехаммер, — а кто еще мог навести убийцу на след Доминика?

Кроукер покачал головой.

— Вам кажется, что душок исходит от Федеральной программы, я же придерживаюсь иного мнения. Гольдони убили в *том* доме. А как он там оказался? Его похитили? Сомневаюсь. Он был под постоянным наблюдением. Кроме того, если бы убийца был из внутреннего окружения, то он расправился бы с Гольдони на месте, а не где-то на окраинах Миннесоты. А не кажется ли вам, что он *намеренно* ускользнул от охранников, торопясь на какое-то randevu? Нет ничего проще — сказал жене, дескать, пошел за туалетной бумагой или вдруг захотелось телячьей вырезки — и был таков.

— Я допускаю такую возможность, — Лиллехаммер был явно заинтересован. — Но каковы же мотивы его ухода?

— Видимо, какая-то встреча, как я уже сказал. Причем встреча с лицом, пользовавшимся его абсолютным доверием. — Николас взглянул на часы. — А не изменить ли нам план полета? Если мы, скажем, сядем не в Вашингтоне, а в Нью-Йорке, то каково будет наше расчетное время прибытия?

— Сейчас справлюсь у пилотов, — ответил Лиллехаммер, нажимая кнопку интеркома.

Проснувшись на огромных размерах кровати в токийском отеле „Хилтон“, Джастина первым делом потянулась к мужчине, спавшему этой ночью подле нее. Однако рука ощутила лишь смятые простыни — сердце Джастины оборвалось и на секунду ее залила привычная, как голод, тупая, свинцовая боль.

Приподняв голову с подушки, она услышала, как Рик мочится в уборной. Было что-то успокаивающее в этом истинно мужском звуке — плеске тугой струи, бьющей по фаянсу унитаза.

— Рик?

Голая фигура показалась в дверях ванной, Рик усмехался.

— Наконец-то проснулась? Прекрасно. Я намерен заказать завтрак.

Джастина села на край кровати и потянулась. Она видела, какими жадными, затуманенными страстью глазами он смотрит на нее.

— А ты знаешь, какое влияние оказывает этот твой вид на мою индивидуальность?

Джастина рассмеялась.

— Кажется, твоя индивидуальность приглашает тебя в постель.

Она раскрыла ему свои объятия, он наклонился и, выгнувшись, навис над своей возлюбленной. Глядя снизу вверх ему прямо в глаза, Джастина спросила:

— А как же завтрак?

— Не знаю, как ты, а я уже не такой голодный, каким был до твоего пробуждения.

Потом, приняв душ и одевшись, они спустились в ресторан. Рик заказал яичницу с беконом, картофель, апельсиновый сок, кофе и тосты. Джастина не смогла сдержать улыбки — он был до мозга костей американец. Восхищаясь им, приголовавшаяся Джастина заявила, что будет есть то же самое.

Сок и кофе подали моментально. Рик предпочитал черный кофе. Добавляя в ее чашку сливки и сахар, он спросил:

— Если ты не передумала, то когда сможешь вернуться в Нью-Йорк?

Взглянув на Рика, Джастина положила ладони на его руку.

— Я не передумала. Когда бы ты хотел, чтобы я вернулась?

— Сегодня же, — ответил Рик, прижимая ее руку к своим губам. — Я ждал слишком долго, чтобы еще продолжать ждать.

Джастина улыбалась, захваченная его неистовым энтузиазмом.

— Хорошо. Но мне нужен день, чтобы собраться.

— Зачем? Разве здесь есть что-нибудь такое, в чем ты действительно нуждаешься... или хочешь... захватить с собой?

В этот момент подали заказ, и это дало ей некоторое время, чтобы осмыслить его слова. Рик попросил принести еще земляничного джема. Расправляясь с беконом, Джастина наблюдала, как он намазывает тост маслом и джемом. Наконец она произнесла:

— Я подумала, и мне кажется, здесь нет таких вещей, без которых я не могла бы жить, — она подняла голову. — Я поняла, что ты задумал. Начать все сначала и абсолютно по-новому. — Джастина доела бекон. — И кажется, мне твоя идея очень нравится.

— Потрясающе. — Он вытер губы. — Пойду и прямо сейчас бронирую места.

Она наблюдала за тем, как он проходит между столиков, расспрашивает метрдотеля, где находится телефон, и не могла оторвать взгляд от его лица. Джастина представляла себя в Нью-Йорке, замужем за Риком, занимающейся своим прежним делом. Она чувствовала, как в ней начинают струиться жизнетворные соки, — подобного рода ощущений она не испытывала очень давно и не надеялась, что когда-либо испытает их вновь. Она страстно желала вернуться к работе, самоутвердиться, сделать что-нибудь сногсшибательное, проявить себя незаурядной личностью, дабы обрести прежнее самоуважение.

Ход ее мечтаний прервал подошедший официант. В руке он держал радиотелефон.

— Миссис Линнер, — доложил он. — Вас просят к телефону.

Джастина так и застыла на месте, ее охватил ужас — неужели Николасу удалось узнать, через Нанги, например, где она находится. Холодный кусок льда застрял где-то в желудке, не давая возможности вдохнуть.

— Миссис Линнер?

Она кивнула, выдавила подобие улыбки и взяла трубку.

— Слушаю.

— Джастина, это Нанги.

— Доброе утро, — с облегчением поздоровалась она.

— Тебе уже лучше? Как прошла встреча с Милларом-сан?

— Лучше не придумаешь, — поблагодарила Джастина. Ей было хорошо известно, какими близкими друзьями являются Нанги и Николас. Однако Нанги не был танц-зян, он не владел той особой энергией, позволяющей читать ее чувства и эмоции, тем более по телефону. — Всегда приятно встретиться со старинным другом, приехавшим из Штатов.

— Очень хорошо себе представляю, — согласился Нанги. — Токио — это сердце Японии, однако я частенько испытываю приступы тоски по дому, по тому месту, где родился. Это вполне естественно.

— Спасибо, Нанги-сан, за вашу заботу.

— Возможно, мы скоро увидимся, — в его голосе звучали грустные нотки. — Мне неизвестно, как долго будет отсутствовать Николас.

— Вы разговаривали с ним? — спросила Джастина и сразу же пожалела об этом.

— А вы не звонили ему? — в свою очередь спросил Нанги. — Я просил Ито-сан оставить номер его телефона у портье в отеле.

Получала она какое-либо сообщение от этой несчастливой его помощницы или нет? Джастина не могла вспомнить. Мысли отчаянно кружились в голове. Что бы такое соврать?

— Да, я взяла его номер. Несколько раз пыталась дозвониться, но безуспешно.

— Полагаю, в этом нет ничего удивительного. Мне тоже не удалось до него дозвониться. Будем пытаться еще.

— Да, конечно.

— Звоните мне в любое время, Джастина-сан.

— Хорошо, Нанги-сан. Еще раз вас благодарю.

С огромным чувством облегчения она отключила связь. Ей вовсе не хотелось ему лгать, однако какой еще у нее был выбор? Положив трубку, Джастина ощутила, что она вся мокрая от ее пота.

Вернулся Рик, радостная ухмылка освещала его лицо.

— Все улажено, — бросил он, усаживаясь напротив

Джастины. — Мы вылетаем сегодня вечером. Так что у нас достаточно времени, чтобы ты выступила в роли гида и показала своему туристу город.

— Нет, — возразила Джастина. — Я до смерти устала от Токио. Мы поедем за город, там красиво. В любом случае мне необходимо пригнать машину к дому.

Некоторое время они ели молча, и Джастина подумала, что давно еда не доставляла ей такого удовольствия.

За кофе и новой порцией тостов с земляничным джемом, заказанной Риком, они рассуждали о новой совместной жизни.

— Где бы ты хотела жить? — спросил Рик. — В Манхэттене или где-нибудь за городской чертой, например на Лонг-Айленде?

Джастина задумалась.

— Исходя из того, что я слышала о нынешнем Манхэттене, скажу определенно — там я жить не хочу. — На секунду ее глаза затуманились. — Но и Лонг-Айленд меня не прельщает.

Слишком много воспоминаний о доме на Уэст-Бей Бридж, где они в свое время жили с Нивеласом.

— А как насчет Коннектикута?

— Прекрасная идея, — согласился Рик, пригубив кофе. — Один из вице-президентов нашей фирмы живет в Дариене, там замечательные места. — Он усмехнулся. — К тому же не надо будет платить нью-йоркских муниципальных налогов.

— Но ведь ты не собираешься бросать свою квартиру? — Она вдруг вспомнила, что у Рика есть апартаменты на Пятой авеню.

Он отрицательно покачал головой.

— Разумеется, нет. По правде говоря, моя бывшая жена последнее время доводила меня этой квартирой до белого каления — она ей, видите ли, нужна. — Рик вытер губы. — Одному Богу известно, почему ей нравится жить на Манхэттене. В наши дни, чтобы там жить, нужно носить за поясом кольт 45-го калибра. — Он пожал плечами. — В любом случае это значительно облегчит мою жизнь. Я продам ей квартиру и получу изрядную сумму.

— Тебе не жаль расставаться со своим жильем?

Рик рассмеялся.

— Ты шутишь? Я не могу больше ждать. Как только мы прилетим домой, сразу же займемся поиском подходящего дома.

Эти добрые слова так подействовали на Джастину, что она расплакалась. Домик в Дариене. Америка. Родина. О Боже! Даже не верится, что может быть так хорошо.

Взяв ее руки в свои, Рик перегнулся через стол и нежно поцеловал Джастину в соленые от слез полуприкрытые веки.

— Твои страдания кончились, — шептал он. — Уверяю тебя в этом. — Их губы сомкнулись, и беззвучный плач Джастины эхом отозвался у него в груди.

— Тони, — сказала Маргарита Гольдони, появляясь на пороге спальни, — эта сицилийская еда вовсе не еда, а *morte**.

Энтони де Камилло, новопеченный крестный отец семейства Гольдони, лежал обнаженный — если не принимать в расчет тоненькую полоску нейлоновых плавков — под гудящей кварцевой лампой. Белые защитные очки из пластмассы и причудливая игра света и тени делали сго похожим на дешевого, штампованного из пластика божка — игрушку, которую нью-йоркцы любят цеплять к щиткам своих автомобилей; по крайней мере, так казалось Маргарите.

Раздался звонок таймера, и, как только лампа выключилась, Тони зашевелился на своем ложе. Он приподнялся, сел и снял очки. Уставившись на ее пышные формы, прикрытые облегающей ночной рубашкой, он почувствовал, как начинает твердеть его плоть.

— Удивительное дело, Маргарита, сейчас ты выглядишь лучше, чем десять лет назад. По-моему, я недавно говорил тебе об этом.

— До сегодняшнего дня у тебя не было на то оснований, — заметила Маргарита, приближаясь к нему. Она втирала какой-то увлажняющий крем собственного приготовления в кожу рук.

Тони хмыкнул, моментально отбросив всякие мысли о притворном примирении.

— Тебе ведь известно, что мой брат предупреждал меня: я еще пожалею, что женился не на сицилийке.

— Твой брат — идиот, — спокойно парировала Маргарита.

Тони моментально подался вперед.

* Дрянь (итал.).

— Эй, не смей трогать мою семью! Заткни свою поганую глотку!

— Извини, Тони. — Присев на кровать рядом с ним, она дожидалась, когда он наконец отойдет.

Маргарита испытывала раздвоение личности. Одна ее половинка отчаянно стремилась избавиться от наваждения, связанного с ее похищением, и реабилитировать себя в глазах мужа. Другая же — менее знакомая — часть ее „я“ испытывала к нему непреодолимое отвращение, сродни тому, что переполняло ее в тот момент, когда он отправил ее с Франсиной в Вермонт.

— Мы оба прекрасно знаем, что у тебя трудности, — наконец проговорила она. — Семейство Леонфорте хочет распространить свое влияние на Восточное побережье и наложить лапу на единоличные владения Доминика.

— Если я и столкнулся с трудностями, то только из-за твоего долбаного братца, — гневно возразил он. — У него никогда не было доверенных *consigliere**. Он никогда не доверял своим лейтенантам. Никогда не приближал их к своей персоне. У него был свой Совет. Сейчас же все его тайные рычаги, с помощью которых он управлял многими пишками в Вашингтоне, канули в Лету.

Тони размахивал руками, вычерчивая в воздухе какие-то замысловатые рисунки.

— Святая Мария свидетельница — сколько раз я просил его поделиться со мной этими секретами, во имя нашей же безопасности! Я говорил ему: „Если мне придется занять твое место, то я должен знать все. Ты же связываешь меня по рукам и ногам“.

Он покачал головой, одновременно с гневом и досадой.

— Клянусь, Маргарита, я любил его, как брата. Но он был чертовски упрям. Дом оставил меня в дурацком положении — я уже одурел от этой вони, которая привносится сюда долбаным ветром с Западного побережья от Дрянного Моллюска и всей его братии.

— У тебя есть я, — заметила Маргарита.

— Этот твой ненормальный братец раскрыл тебе все секреты! Гребаная баба! — Он снова замахал руками. — С меня достаточно — я уже насиделся на всех этих встречах с его приближенными, зная, что вы пляшете под одну дудку, и все мною сказанное навязано тобой. Сейчас я вынужден смириться с фактом. Дом выложил тебе все секреты.

*Советник (итал.).

Он встал с кровати и принялся одеваться — белая рубашка, темно-серые брюки.

— Пусть катятся все к чертовой матери, — Тони покачал головой. — Этот сукин сын Чезаре Леонфорте все-таки осуществил свою мечту. Он так желал смерти Дома, что, видимо, обращался с этой просьбой к Богу в своих воскресных молитвах. Но я этого так не оставляю. Мне известно — это он нанял того ублюдка, с которым, как ты считаешь, мы не в силах совладать. Я намереваюсь...

— Нам обоим прекрасно известно, что Чезаре тебя и в грош не ставит. Не обольщайся на тот счет, что ты стал главой клана.

Тони вдевал ремень в петли брюк и не сводил с жены взгляда.

— Послушай, детка. Я должен тебе кое-что сказать. Мне понятны твои переживания — особенно после того как фэбзэровцы вывезли и спрятали где-то на одной из своих баз вдову и детей Дома. Разумеется, им было бы тяжело участвовать в похоронах, да и всем нам пришлось не сладко — делать вид, что в гробу, будь он проклят, который мы вчера предали земле, лежит действительно тело, а не какая-то его часть.

Маргарита ждала, упомянет ли он имя Роберта, даже заключила сама с собой пари, что этого не произойдет... и выиграла.

— Христос свидетель, после твоего Таинственного Турне в Никуда ты совершенно изменилась.

— Несомненно.

— Нет, — покачал головой Тони с отсутствующим видом итальянского бродяги. — Ты меня не поняла. Ты стала совершенно иной. Той Маргариты Гольдони, на которой я когда-то женился, кажется, уже больше не существует.

— У тебя чересчур разыгралось воображение, — сказала Маргарита, а у самой в ушах прозвучал знакомый голос: *„Что же еще я тебе дал, Маргарита? Сейчас ты познала, что у тебя есть сила воли... сделать все, что пожелаешь.*

Маргарита вздрогнула, но уже не столько от страха, сколько от неприязни к мужу.

— Ты так думаешь? Кажется, до этих событий тебе вполне хватало твоего бизнеса?

— Бизнес есть бизнес, Тони. И мой успех доказал, что у меня есть голова на плечах.

Тони фыркнул.

— Нет только печки, где выпекают булочки.

Из глаз Маргариты хлынули слезы.

— Подонок! Бьешь в большое место. Три выкидыша ради того, чтобы подарить тебе долгожданного сына. В чем здесь моя вина? Последний раз я была при смерти.

Тони покачал головой.

— Возможно, это связано с физиологией, — резюмировал он, — а возможно, и с психикой. Ведь ты никогда не хотела связывать себя детьми. Посмотри на нашу дочь. Разве она тебя остановила? Когда она была еще малышкой, ты хоть раз задумалась над тем, что ей нужно постоянное общение с матерью?

— А ты задумывался над тем, что отцу не мешало бы приходить домой вовремя и тоже заниматься ребенком?

— Это совершенно разные вещи, — вскричал Тони. — Я работал до рези в яйцах ради того, чтобы мы купили собственный дом и я не чувствовал бы себя должником твоего брата. И чем все это кончилось? Жизнью в его поместье, будь оно проклято, с дочерью, не знающей, как следует должным образом приветствовать отца.

— Нетрудно понять. Твой статус мужчины даст тебе основания игнорировать семью, не так ли?

— Этого бы разговора не было, — простонал он, — будь у меня жена, чувствующая ответственность перед собственным ребенком! И понимающая, что значит быть матерью!

— Боже Всемиловитый! Как я устала от тебя и твоих придирок.

Бросив на жену свирепый, в сицилийской манере взгляд, Тони буркнул:

— В таком случае убирайся вон.

Маргарита, уронив голову, расплакалась.

— Возьму да уйду.

— Долбаная кошелка, набитая дерьмом!

Маргарита поблуднела и вскинула голову.

— Не смей со мной так разговаривать! В таком тоне ты не говоришь даже со своими прихвостнями!

— Потому что они мужчины, а не долбанные бабы!

Ее взметнувшуюся для пощечины руку Тони без труда отвел в сторону и больно припечатал Маргариту к стене. Очень больно. К этому ей было не привыкать.

Князя от гнева, Тони начал вытаскивать из петель брючный ремень.

— Мне кажется, что необходимо довести все происходящее до логического конца. Слишком давно я не преподавал тебе уроков.

На последнем слове он осекся — направленный в живот ствол револьвера 45-го калибра успокоит любого.

— Вас, чертовых сицилийцев, можно уговорить только одним, — бросила Маргарита, поднимаясь с кровати.

— Маргарита!..

— Я умею им пользоваться: если ты считаешь иначе, то это будет твоя последняя ошибка.

Что она ощутила в тот момент? Ярость? Нет, подобного рода чувства приходили к ней и прежде, но она подавляла их в душе, загоняла их внутрь себя подобно тому, как загоняют джинна в бутылку. Что же теперь? Маргарита чувствовала неведомую доселе, выросшую над гневом и страхом стальную корку — силу воли, способную вырвать ее из водоворота кошмаров ее прежней жизни, и она цеплялась за это новое ощущение, как утопающий за соломинку.

Едва различимый голос нашептывал ей:

„Я ведь так долго... как бы сказать?.. Жила в страхе. В страхе перед тобой. *Страхе*. Я боялась вымолвить слово. Ты бил меня, а я, закусив губу, молчала. Даже брату ничего не говорила. Все потому, что жила в *страхе*“.

Маргарита сделала шаг вперед, и Тони попятился назад.

— Послушай, детка. Остынь. У тебя был жуткий стресс после смерти брата, а потом этот неизвестно кто...

— И ни единого доброго слова, когда я вернулась с дочерью на руках, ни намска на сочувствие. В твоих глазах была только ненависть, Тони. Ты думал... впрочем, нет, ты был *уверен*, что он изнасиловал меня. Ты смотрел на меня, как на вывалившуюся в грязь. Потому что я *была* с ним. У тебя было такое выражение лица, о Господи, не знаю, как выразить словами, но во мне все застыло, и я чувствовала себя подобно...

— Детка...

Тони попытался приблизиться к ней, но Маргарита угрожающе повела стволом. Дистанция, разделявшая их, не давала возможности Тони применить мужскую силу. Кроме того, его пугал какой-то непонятный блеск в ее глазах.

— Маргарита, ты сказала свое слово. Почему бы не убрать теперь эту штуку... пока никто не пострадал.

— Нет, Тони. И довольно „деток“, довольно издевательств и побоев. С этим покончено, раз и навсегда. Отныне будет новый порядок. У сегодняшней Маргариты хватит сил убить тебя. Я *смогу* нажать на курок — дай мне только повод, и мой палец не дрогнет. *Вот так* я изменилась — обрела силу... нет, вернее сказать, вернула ее себе. И, Бог мне в помощь, вновь стала уважать себя.

Тони облизал пересохшие губы, блеск его глаз от ствола револьвера отражался на ее лице.

— Давай поговорим нормально. Ты, видимо, не совсем понимаешь, что здесь произошло за последние несколько дней. Конечно, ты беспокоилась за ребенка. И это убийство Дома...

— Послушай, ублюдок, мне прекрасно известно, что здесь произошло — и с Домиником, и с Франсиной, и со мной. В неведении пребываешь лишь только ты.

— Я понимаю, что всех нас оскорбили. Мой дом... мою семью...

Маргарита приложила пальцы к виску, и ее глаза сверкнули:

— Теперь я все поняла. Плевать ты хотел на Франсину, моего брата и меня. Все упирается в тебя, долбаного ишака! Тебя заботит то, что он сделал с *тобой*.

Сказав это, Маргарита ощутила, что ее уста произносят не собственные слова, а слова покойного брата. Одна ее половинка не верила в это, другая же, как в волшебной сказке, перенеслась в воспоминания: вот он, Доминик, живой, приставил дуло пистолета ко лбу Рича Купера, ее делового партнера. Когда-то Маргарита хотела расширить компанию „Серениссима“, ее собственное детище, и выйти на мировой косметический рынок, однако Рич посчитал это рискованным предприятием. Доминик полдня убеждал ее в необходимости этого шага, тот не желал ничего слушать, и тогда Доминик прибег к последнему аргументу. Позже, уже с подписанным контрактом во внутреннем кармане пиджака, он пояснил ей:

— *Видишь ли, Маргарита, существует средство, которым можно убедить любого мужчину.*

И вот сейчас, глядя на своего мужа, уважительно глядящего на револьвер в ее уверенной руке, она убеждалась в справедливости слов своего брата.

— Единственное, что нам необходимо, — сказал Николас, — так это зеркало.

— Зеркало? — переспросила Челеста, когда они выскочили на набережную.

— Да, именно. Место, где бы мы могли незамеченными наблюдать за нашим преследователем.

Челеста улыбнулась.

— Мне кажется, я знаю такое место.

Челеста подхватила его под руку и вывела на Понте-делла-Паглиа, Соломенный мост, где века назад разгружали солому, затем они оказались на мосту Вадохов, под которым узники дождей гнили и умирали в темницах. Затем, через *sottoportego*, арочный мост, они нырнули в подземный переход и вышли во двор с каменным храмом не совсем в венецианском стиле, окруженным вспомогательными постройками.

— Это женский монастырь Святого Захария, — пояснила Челеста, когда они миновали единственную калитку, ведущую к храму. — Эта обитель имеет давнюю историю, — продолжила Челеста. — Здешие сестры — так уж исторически повелось — вышивали церемониальные головные уборы для дождей.

Свернув направо, они почти бегом пересекли небольшую площадку и выскочили на скрюченную, подобно спине древней старухе, улочку.

— Начиная с девятого века царствующие дожди совершали раз от раза сюда паломничество — отслужить вечерню.

Истертые ступеньки привели их вниз — там расстился широкий настил. Справа — склады и свалки, слева — стальная ограда, а за ней канал с двумя крохотными каменными мостами.

— Именно поэтому храм выглядит как суперзащищенный средневековый замок, — продолжила Челеста. — Иного входа в храм или в монастырь найти невозможно.

Спускаясь вниз по настилу, они натолкнулись на оштукатуренное здание с табличкой на фронтоне: НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА АРМАНДО ДИАЗА.

Обернувшись назад, Челеста окинула взглядом пересеченный ими настил, и они вновь устремились вниз через ворота в ограде.

Пробежав сквозь зловонную подворотню, они очутились на заросшем травой дворе, окруженном с трех сто-

рон кирпичными зданиями современной архитектуры. В воздухе звенел детский гомон.

Челеста провела его через площадку с детскими качелями и каруселями. Николас не поверил своим глазам, когда за безликим фасадом увидел заднюю стену собора Святого Захария.

Челеста втянула его под кирпичные своды. Там пахло гарью и мочой. Толкнув массивную деревянную дверь, они вошли в помещение бойлерной. В носдри Николасу ударил запах речной воды. При их появлении, поблескивая крошечными глазками, с отвратительным шуршанием в стороны метнулись крысы.

Меракий звук отразился от древних стен, и Николасу почудилось, что они находятся в лабиринте каких-то катакомб.

Челеста подтвердила его невысказанную догадку.

— Дожи Венеции были одержимы параноидальным страхом, — пояснила она. — Полагаю, этот их страх был вызван обстоятельствами. Поэтому-то они и приказали вырыть здесь три тоннеля — для того чтобы без опаски входить и выходить из собора. Спустя столетия здесь с позволения монахинь была построена школа. Они не захотели расставаться с традицией.

Окружавший их полумрак казался живым: он был полон пылью веков и источал дух истории. Блеск волос Челесты, который видел перед собой Николас, представлялся ему отсветом лампы, освещавшим ему путь по коридору времени.

Тоннель заканчивался небольшой деревянной дверцей, обшитой металлическими скобами. Челеста постучала в нее условным стуком, и дверь перед ними моментально отворилась. Увлекая за собой Николаса, она проскользнула внутрь — створка за ними захлопнулась.

Во вспыхнувшем луче фонарика Николас успел заметить женщину в монашеском одеянии. Скороговоркой Челеста обменялась с ней парой фраз на венецианском наречии, так что, даже если бы Николас и расслышал их, он ничего не смог бы понять. Затем монахиня без слов сделала им знак следовать за нею. Они поднимались за ней по вытертым временем плитам ступенек.

— Где мы сейчас находимся?

Челеста повернулась к нему.

— Вам требовалось зеркало? Сейчас вы его получите. — Она сделала движение головой. — Вот оно, перед вами.

Она подвела его к забранному жалюзи окну, стекло которого было покрыто снаружи тончайшим слоем свинцовой амальгамы, дававшей возможность видеть только изнутри.

— Взгляните. Это площадка, где мы только что с вами были.

Николас посмотрел вниз и действительно увидел перед собой портал женского монастыря.

— Все венецианские политики страдали паранойей, — сказала Челеста. — Некоторые из первых дождей так никогда и не вернулись отсюда в свои палаццо — кинжал наемного убийцы подстерегал их у самых ворот храма. Венецианцы, когда они войдут в раж, могут быть удивительно кровожадны.

Загадочный город эта Венеция, подумал Николас, даже мрак здесь смешивается со светом. Продолжая глядеть в окно, он увидел внизу фигуру человека. Одет он был как всякий современный венецианец, за единственным исключением — на голове его красовалась широкополая старомодная шляпа, отбрасывавшая тень на лицо. Находясь наверху, Николас никак не мог рассмотреть его черты.

— Это и есть тот тип, что следил за нами? — спросила Челеста.

Пропустив мимо ушей ее вопрос, Николас продолжал наблюдать за мужчиной. Профессиональными движениями рук тот ощупывал двери и окна. Жесты были настолько естественными, что сторонний наблюдатель не смог бы ничего заподозрить.

— Да, это он. Убедитесь сами.

Они вновь спустились вниз по лестнице в помещение перед маленькой деревянной дверью. Положив руку на засов, Николас легонько толкнул створку. Наступило время пойти по следу охотника.

Проделав обратный путь по тоннелю, через школьный двор и подворотню, они вновь оказались за пределами монастыря.

Николас старался не упускать из виду фигуру мужчины, осторожно подвигавшегося где-то впереди по лабиринту улиц.

Этот парень знает свое дело, подумал Николас, слишком уж грамотно он использует каждую витрину, чтобы убедиться в отсутствии слежки. Сам же он едва не опло-

шал, в последний момент едва успев вместе с Челестой нырнуть за выступ стены.

Разгадав в этом типе профессионала, Николас почувствовал себя увереннее. Когда этот парень поймет, что охота не удалась, он постарается как можно быстрее вернуться к своему хозяину, чтобы доложить ему: добыча ускользнула. Значит, стоит поднапрячься — ведь в случае удачи они смогут выследить его.

Мужчина в шляпе вновь вывел их на площадь Святого Марка, заполненную туристами и детьми, кормившими ворковавших голубей.

Пройдя под аркой, располагавшейся справа от часовни Торредель-Оролоджио в северной части площади, неизвестный свернул в узкие и переполненные людьми улочки квартала Мерсерие. Когда-то в этом торговом районе города продавались только фантастических расцветок венецианские ткани, теперь же здесь по обеим сторонам улиц тянулась бесконечная вереница ресторанов и дорогих магазинов.

В отличие от ярко освещенной лучами солнца площади, здесь царил таинственный полумрак, как будто свет пробивался сюда через пелену времен. Но даже само время, казалось, было не властно над витринами, оформленными Джанфранко Ферри и Франко Занкано.

Незнакомец остановился у антикварного магазина и, взглядываясь в витрину, о чем-то заговорил с хозяйкой. Николас с трудом успел втолкнуть Челесту в салон известного модельера Роберто ди Камерино. Он предложил Челесте подобрать что-нибудь себе по вкусу из широчайшего выбора шерстяных тканей излюбленных венецианских цветов — от небесно-голубого до темно-зеленого, в то время как сам, стоя у углового окна, не спускал взгляда со входа в антикварную лавку.

— Он остановился, чтобы проверить, нет ли за ним слежки, — шепнул на ухо Челесте Николас. — Ловкости ему не занимать.

С шиком одетая продавщица вывалила перед Челестой ворох туалетов.

— Вы разглядели его? — спросила Челеста.

— Никак не удастся рассмотреть его лицо, — ответил Николас, в то время как его спутница отошла от прилавка. — Мы все время видим его только со спины, а он использует каждую возможность, чтобы держаться в тени.

— А физиономию его неплохо было бы рассмотреть, — задумчиво продолжил Николас свою мысль.

Он сконцентрировал свою внутреннюю энергию, ощутив слабое биение *кохоро* — центра мироздания.

Неожиданный порыв ветра задрал полу пиджака незнакомца и сорвал с него шляпу, которая покатилась по тротуару.

Вот оно — его лицо! Смуглая кожа, восточные черты, но не типичного японца, а какого-то метиса, с примесью то ли бирманской, то ли кхмерской, то ли тибетской крови. Губы твердо сжаты, в углу рта родинка. Запоминающееся лицо, насколько Николас мог судить.

Механически, неосторожно наклонившись, человек поднял упавшую шляпу, на мгновение представ перед Николасом в своем подлинном облике: свившиеся в жгуты тренированные мышцы плеч и рук, всякое отсутствие жира, абсолютно невозмутимое лицо. Когда незнакомец вновь надел шляпу, Николас скомандовал:

— Пошли.

Они снова устремились за шляпой по хитросплетению венецианских улочек. В одном месте незнакомец резко свернул налево. Добравшись до угла, Николас и Челеста увидели перед собой выложенный камнем дворик с бугенвиллеями, а за ними — вход в ресторан. Стены, покрытые бархатом, напомнили чем-то интерьер вагона-ресторана. Левую сторону помещения занимала красного дерева стойка бара, справа же располагались три небольших банкетных зала.

— Здесь есть второй выход, — предупредила Челеста.

Пройдя по служебному проходу через весь ресторан, они вышли на другую улицу.

— Вон он, — сказал Николас, указывая направо.

Быстрым шагом они устремились вдоль узкой улочки.

— Дьявол! Он поперся в направлении Риальто, — воскликнула Челеста, — это не сулит нам ничего хорошего. Вокруг моста там всегда такие толпы народа, что он без всякого труда затеряется в них.

И действительно, через несколько минут они очутились на набережной, плавным изгибом подходящей к прославленному мосту, бывшему до XIX века единственным, переброшенным через Гранд-канал. Благодаря своему расположению, мост Риальто являлся средоточием торговой жизни города, а многообразие товаров и разно-

языкая речь делали это место скорее похожим на восточный базар, а не на образчик европейской архитектуры.

Вновь впереди мелькнула шляпа, и Николас побежал вниз к *rio*, Челеста держалась справа и сзади от него. Они высочили к причалу как раз в тот момент, когда незнакомец уже ступал на *imbarcadero**, готовясь взойти на борт *vaporetto* №1, берущего курс к Арсеналу.

Не обращая внимания на очередь, Николас и Челеста едва успели, не выпустив из поля зрения незнакомца, втиснуться в уже отдающий концы речной трамвай.

Они пристроились у борта, с тем чтобы у Николаса была возможность маневра в случае, если потребуется действовать мгновенно. *Vaporetto* прошел по курсу мимо Фондачо-дей-Тедесчи, огромного дворца, насчитывающего сто шестьдесят внутренних помещений: когда-то семейство Тедесчи использовало эту махину в качестве склада товаров и своего рода гостиницы для заезжих купцов.

Катер держал направление на Волта-дел-Канал — излучину Гранд-канала. Здесь же, как бы командуя всей инфраструктурой Гранд-канала, располагались четыре Палаццо Мончениго — дворцы семейства, давшего Венеции семерых дождей. Челеста без умолку рассказывала Николасу об истории Венеции, изображая добросовестного экскурсовода, сопровождающего богатого туриста.

Не успел *vaporetto* толком пришвартоваться у пристани Сант-Анжело, как незнакомец уже соскочил на землю. Пробираясь сквозь толпу, Николас и Челеста бросились вдогонку. Пробегая мимо фасада еще какого-то дворца, Челеста бросила, что это здание построено в наиболее характерном для Венеции стиле, нежели другие дворцы.

Неизвестный быстрым шагом обогнул Палаццо Корнер-Спинелли и, спустившись по узенькой дорожке, вышел на другую улицу. Завидев небольшой старинный особнячок, он толкнул боковую дверь и исчез за нею.

На секунду Николас и Челеста замерли. Николас чувствовал волнение стоявшей в тени рядом с ним женщины. Каменный фасад особняка был отделан облицовочным кирпичом и мраморной крошкой, отчего здание имело богатый рубиновый оттенок, столь характерный для Венеции.

Наконец Николас подал знак, и они приблизились к двери. Приложив ухо к створке, он прислушался — ти-

*Причал (итал.).

шина. Что ждет их там, внутри? Николас сделал глубокий вдох и открыл дверь.

Пройдя несколько шагов, они очутились на небольшой лужайке с цветущими розами и сучковатой плакучей ивой, чей ствол напоминал мраморную колонну. Из угла площадки за ними наблюдал лев из истрийского камня.

Откуда-то сверху до Николаса донесся слабый звук. Подняв голову, он увидел открытую лоджию, мало отличающуюся от той, что была во Дворце Дожей. Боковая лестница с каменными ступеньками, отделанными веронским мрамором, вилась сквозь несколько помпезных арок в вычурном византийском стиле и выводила к *piano nobile*, который на изящных византийских колоннах, казалось, висел между небом и землей.

Они поднялись на лоджию. Пол был выложен причудливо чередующимися плитками темно-оранжевого и бледно-зеленого цвета опять же в явно византийской манере. Оштукатуренные поверхности стен были цвета сладкого картофеля с маслом. Полукругом располагались искусной работы тонкие колонны из темно-зеленого камня.

Николас и Челеста огляделись — казалось, они здесь одни.

Челеста стояла очень близко, и Николас почувствовал, как по ее телу прокатилась слабая волна дрожи. Они прошли в ту часть лоджии, где не было ни окон, ни дверей, — это не совсем вязалось с общим венецианско-византийским архитектурным стилем, характерным для подобного рода особняков. Лоджии следовало быть более открытой.

Николас и Челеста прошли по всей галерее. Слева, в проемах между резными колоннами, виднелась площадка с деревьями, ветви которых раскачивались под порывами усиливавшегося ветра. Небо заволокло облаками. Перламутровый свет заливал лоджию, предметы вне потока солнечных лучей перестали отбрасывать тень. Это не совсем устраивало Николаса, ибо затрудняло ориентировку.

Они свернули за угол. В просвете между виднеющимися вдали домишками струились воды излучины *rio*. Вода была темной, какой-то бездонно-серой; казалось, она всосала весь свет сегодняшнего утра и похоронила в своих глубинах. На канале протарахтел *motoscifo*, но

вскоре звук мотора перестал быть слышен, и Николаса с Челестой вновь окружила тишина.

Продолжая свой обход, они подошли к массивной дубовой двери с бронзовыми скобами, покрытыми патинной ядовито-зеленого цвета. Эта дверь являла собой единственный проем в општукатуренной стене, продолжающееся же отсутствие окон становилось все более странным.

Николас потянулся к дверной ручке, но Челеста перехватила его руку.

— Подождите, — убежденно прошептала она. — Я не хочу туда заходить!

— Придется, — отмахнулся Николас. — Мы должны узнать, кто нас преследует.

Слегка вздрагивая, она прижалась к нему.

— Здесь наверняка должен быть и другой вход. Мне страшно. Что нас ждет за этой дверью?

— Возьмите меня за руку.

Ее ладонь приютилась в его руке, и Николас, повернув ручку, открыл створку. Затаив дыхание, абсолютно бесшумно они впрорхнули внутрь, прикрыв за собой дверь.

Глаза никак не могли привыкнуть к крошечной тьме, моментально окутавшей их. Кроме того, воздух был насыщен запахом гниля и каким-то терпким миазмом, происхождение которого Челеста никак не могла определить. Они сделали несколько шагов вперед, испытывая при этом усталость, будто отмахали добрый десяток миль. Ощущение пребывания в комнате — вообще пребывания где-то *внутри* закрытого помещения — начисто исчезло. Их как бы подхватил порыв ветра, бушующего над дикими и промерзшими прериями, и Николас с Челестой одновременно содрогнулись от подступившего к горлу судорожного приступа тошноты и головокружения.

Они слышали, а точнее сказать, ощущали непонятное воздействие на барабанные перепонки, какую-то вибрацию, то усиливающуюся, то затихающую, но одновременно становящуюся более четкой.

Вскоре этот ритм несколько стабилизировался и припел в определенное соответствие с пульсацией их сердечных мышц.

Челеста едва не задохнулась, сдерживая рвущийся из груди пронзительный крик.

В мутной пелене перед их глазами нависал арочный мост, казалось, сооруженный из костей, которые тускло

отсвечивали в полумраке, а какие-то красные разводы на них навевали мысль, что с них только что содрали мясо.

Мост как бы пролегал между двумя полюсами тьмы и являлся связующим звеном, единственно реальным, в этой аморфной и ужасающей пустоте.

Челеста, зажав зубами кулак, повернулась и двинулась к выходу, однако Николас успел в последний момент вернуть ее назад.

— Я знаю это место, — выдохнул он. — Или, по крайней мере, узнаю его.

— У меня раскалывается голова, — сказала Челеста. — Мне нечем дышать, будто мы под водой.

Николас стоял молча, концентрируя энергию. Какая-то освежающая волна прокатилась в сознании Челесты, и она испытала ощущение полярника, выползшего на белый солнечный свет после долгой и суровой зимы. Голова постепенно прояснялась. Челеста хотела спросить его, что же все-таки произошло, но Николас, ублекая ее за собой, бросился вперед, к ближней оконечности моста.

Ужасающий артефакт*, мелькнула догадка у Челесты, но, несмотря на это, кости-то настоящие, человеческие.

Приблизившись к мостку, они увидели, что он крайне узок. Пробираясь по нему придется след в след, и весьма осторожно, поскольку „поручни“ являли собой ребра, концы которых были заточены подобно лезвию бритвы.

Казалось, начался дождь — по крайней мере откуда-то снаружи начал доноситься звук падающих капель, однако тот, реальный мир оказался вне досягаемости их ощущений, и они никак на это не среагировали.

— Где мы? — спросила Челеста. — Мы спим или это галлюцинации?

— Ни то и ни другое.

— Тогда, — Челеста покачала головой, — я отказываюсь верить в существование этого моста, построенного из костей.

— Он вполне реален, — возразил Николас, беря ее под руку. — И это не значит, что он не исчезнет в любой момент. Вы помните тот запах, когда мы вошли сюда? Это пары, выделяемые при нагревании неким грибом, *Агарикус мускариус*.

— Все понятно. Явная галлюцинация.

— Не совсем. Использование галлюциногенов немину-

*От лат. *arte* — искусственно и *factus* — сделанный.

емо ведет к извращению, истинные чародеи никогда к ним не прибегают, их транс естествен и проистекает исключительно из глубины хорошо тренированной и организованной души. Здесь важна сила воли, а не наркотическое опьянение.

Придерживая Челесту, он ступил на зыбкий мосток.

— Пары этого гриба используются в неких ритуальных действиях. Они концентрируют внеземную силу черного мага, вызывающего души умерших, кроме того, материализуют временно предметы, в реальной жизни еще существующие, но уже невидимые.

„Настил“ моста был шириной всего в девять костей, наспех уложенных друг под друга, края же ребер просто вызвали какой-то панический страх — они как бы манили к себе, давая ощущение кого-то третьего, наблюдающего за ними, готового в любую секунду наколоть их, как бабочек, па эти жуткие заточки.

Необходимо отвлечь ее от этих кошмаров, подумал Николас. Она этого не вытерпит.

— Челеста, — мягко начал он. — Я не шутил, когда сказал о том, что представляю, где сейчас находимся. Волею судеб мы оказался на мосту Канфа — в центральной точке Мироздания, в месте, где соединяются небо и земля, где жизнь борется со смертью.

Челеста, не переставая слушать его пояснения, медленно и осторожно двигалась вслед за Николасом.

— На переходе Канфа время перестает существовать, по крайней мере, в нашем понимании. Секунды и минуты больше не отстукивают свой счет только вперед; время может переноситься в каком угодно направлении.

Пройдя еще одну ступеньку, Николас по ее тяжкому вздоху понял, что Челеста поскользнулась и напоролась случайно щекою на торчащую реберную кость.

Николас остановился и плотнее сжал ее руку в своей.

— Здесь время перестает подчиняться законам бытия, оно способно двигаться и в будущее и в прошлое, всякая сущность прерывается, окунувшись в его бездонные глубины.

Он, стремясь побыстрее преодолеть этот мост и пытаясь не увеличивать темпа шага, вел Челесту вперед. Когда же она обернулась, он едва нашел силы прошептать:

— Не смотрите вниз. Под нами бездна, по глубине равная суммарному росту сотни здоровенных парней. Эту

пучину христиане называют преисподней, отцы же Тау-тау более древним названием.

Челеста не сводила глаз с его затылка.

— Неужели этот мост еще одно из таинств Тау-тау?

Эта ее фраза несколько ошарашила Николаса, откуда она знает о Тау-тау и его возможной принадлежности к таньцзян?

Он на секунду задумался, затем произнес:

— Да, но в весьма отдаленном смысле.

Снова пауза.

— Мост Канфа — это создание древнейших психонекроманов. Происхождение их неизвестно. Впрочем, значения это не имеет, поскольку они были кочевниками и странствовали по необъятным просторам пустыни Гоби и бескрайним заснеженным степям Сибири, взбирались на недоступные простому человеку вершины гор Тибета и Бутана.

Сухие кости, лишенные плоти и сухожилий, трещали и ломались под их ногами.

— У них были скошенные назад лбы и прямые черные волосы — подобный тип лица можно встретить сейчас на севере Китая, в Камбодже, Лаосе, Бирме и в странах Полинезии. Но единственным отличительным знаком принадлежности к племени был вытатуированный голубым цветом полумесяц с внутренней стороны запястья левой руки.

Мост Канфа становился все уже, кости трещали все сильнее, примитивное сознание и память умерших, казалось, были готовы вселиться в их души.

— Название этого племени, после многочисленных переводов с одного языка на другой, в конечном итоге трансформировалось в имя одного человека — Мессулете, так же как Мафусаил сейчас фигурирует в Библии как олицетворение древнего мудреца.

Они подходили к верхушке моста, и продвигаться стало тяжелее, поскольку тот начал раскачиваться.

— Много веков спустя персидский мистик Заратустра* натолкнулся на сведения о Канфа и привнес их в свое учение. Согласно его догматам, верующие в него праведники пересекут мост и вознесутся волею хранителя душ на небеса.

— А неверующие? — спросила Челеста.

*Зороастр, Заратустра (умер в 563 г. до н.э.) — основатель религии огнепоклонников, согласно которой Бог света борется с Богом тьмы.

— Проход через мост, по Заратустре, — это испытание. Нечто вроде посвящения в веру. Символ борьбы за душу человека. Остальное легко домыслить самому. Нечестивцам не дано пройти этот мост. В центральном пролете их должен встретить демон из Ада и сбросить вниз.

Впереди что-то мелькнуло, и Челеста слабо вскрикнула.

На их пути выросла мужская фигура в маске — выпяченные, навывкате, глаза, надбровные дуги неандертальца и отвратительно искривленные в улыбке губы. Было в нем что-то от насекомоядного, вызывающее непроизвольный страх и брезгливость у всех нормальных людей. Рука Челесты напряглась в ладони Николаса. Он сжал ее сильнее, инстинктивно чувствуя, что, потеряв непосредственный контакт, они лишатся каких-либо шансов перебраться через мост Канфа.

По пульсации Тау-тау Николас, еще до того как они ступили на лестницу, ведущую к лоджии, был почти полностью уверен, что их ожидает. Это ни в коей мере не страшило его — наоборот, он был заинтригован и ему не терпелось разрешить эту загадку. В свое время, читая размышления мистиков об основах Канфа, он считал их доказательства относительно связи Канфа с Тау-тау или другими формами магии, известными по настоящий момент, не совсем убедительными. Секта в Мессулете была объектом пристального изучения адептов Тау-тау, однако сведения об этих древних магах были весьма расплывчаты и противоречивы.

Его заинтересовал также тот факт, каким образом это привидение — мост Канфа — появилось здесь, в Венеции. Загадочно и непостижимо. А не вспоминала ли Челеста скифов во время их той первой встречи в Кампиелло ди Сап-Белизарио? Ведь скифы тоже, еще до времен Заратустры, практиковали древние магические ритуалы Месалофа. Судя по ее словам, скифские племена были одними из основателей Венеции.

Николас взглянул на демона в маске:

— Я знаю, чего ты хочешь, — бросил он. — Но ты этого не получишь.

— Ты абсолютно ничего не знаешь, — донесся глухой и гулкий голос из прорези маски, символизирующей рот. В мрачной атмосфере особняка звук был настолько мерзок, что неприятные мурашки пробежали по коже Николаса и Челесты.

Николас начал концентрировать ментальную энер-

гию, затем резко оборвал ее поток. Сработал инстинкт — он нащупал причину возникновения моста Канфа. Силы Аксхара, полученные им во время учебы у своего *сенсея* Тау-тау Кансацу — учителя и непримиримого врага, обреченного им же, Николасом, на неминуемую гибель, необходимо было запрятать поглубже. Как бы ему сейчас хотелось владеть *Сюкэн*, ощущать в себе обе полусферы Тау-тау — Аксхара и Ксира, ибо в этом случае он был бы лучше подготовлен к грозящим им смертельным опасностям.

Отпустив руку Челесты и пригнувшись, Николас ринулся на демона. Имитировав атаку справа, он провел стремительную атаку *атеми* — основной боевой прием в айкидо, удар ногой с разворотом и выпрямлением корпуса.

Демон ловко увернулся.

Николас провел еще один *атеми*, целясь правой ногой в пах. Как только незнакомец наклонился, чтобы парировать удар, Николас перенес вес тела и вlepил ботинок во внутреннюю часть его колена. Одновременно локоть Николаса вписался в правую почку демона.

Теперь Николас оказался за спиной своего противника. Как только тот вновь повернулся к нему лицом, Николас попытался нанести удар прямой правой, но промахнулся, однако все же сумел затем достать противника еще одним *атеми* по незащищенным нижним ребрам.

Незнакомец оделал резкий выдох, и Николасу показалось, что его с головой окунули под воду. Легкие судорожно хватали воздух, казавшийся гуще ила. Барабанные перепонки вот-вот должны были разорваться.

Николас понял, что произошло. Адепт Тау-тау сконцентрировал психическую энергию, дав импульс мембране *кохоро* в центре мироздания. И именно колебания этой мембраны они „слышали“, заходя в особняк, подспудно ощущали ту магическую силу, в результате действия которой и возник мост Канфа.

Все встало на свои места — не было никакого демона из Зороастрийского ада, был таньцзян, последователь Тау-тау, которого, как правильно и предполагала Челеста, послали убить Оками.

И, что самое странное, он владел некоторыми тайными чарами Мессулете.

Николас ощущал непрерывный ритм биения Тау-тау, ритм, гипнотически действующий даже на него, однако

он не хотел пока подключать собственную энергию, решив придерживаться методов физического воздействия на преследователя, одновременно с этим перекрывая каналы, через которые тот мог бы влиять на его психику.

Однако кроме Тау-тау сюда примешивалось еще нечто, и сквозь биение коконо Николас явственно чувствовал присутствие какого-то паразита — растения, питающегося соками своего „хозяина“, — видимо, древняя магия Мессулете и являет собой подобие ползучего, жиреющего организма, источающего мерзкий запах разложения.

Челеста в ужасе взглянула на вцепившихся друг в друга мужчин — мускулы, вскрики, пот, неимоверное напряжение сил. Она очнулась от оцепенения и бросилась на помощь Николасу. Приблизившись к ним, Челеста ощутила порыв холодного ветра, но не кожей, а сознанием. Отпрянув, она догадалась — это поединок не только физических, но и духовных сил.

Новый вихревой поток воздуха свалил ее с ног, и она упала на колени посреди моста. Вспышка холодного зеленого света ослепила ее, она вскрикнула, чувствуя, что тело перестает повиноваться, а душа вырывается из груди. Вновь что-то полыхнуло в мозгу, и Челеста потеряла сознание.

* * *

Над Токио, подобно фюзеляжу гигантского НЛО, нависал купол рассеянного света. Тепи, бледные, как бы готовые исчезнуть по первому требованию, преследовали Джастину и Рика Миллара, когда они выбирались из запруженного автомобилями центра города.

Но, видимо, не только тепи преследовали их. В то время как Рик распространялся о взаимоотношениях между старшим и младшим персоналом в компании и о том, как они изменятся с ее приходом, Джастина в зеркальце заднего обзора наблюдала за невзрачной „тойотой“, неотступно державшейся за ними, пропустив вперед три машины.

Особых причин для волнения не было — пусть даже и заприметила она ее довольно давно на одном из бесчисленных перекрестков Токио — вполне не исключено, что их маршруты просто совпадают.

И тем не менее что-то в этой белой „тойоте“ ее настораживало. Не паранойя ли это? Но что может питать этот

страх? Явно не обостренное чувство вины. Только прошлое. *Нет ничего удивительного в том, что разыгрались нервы*, рассуждала про себя Джастина, не отрывая взгляда от белой „тойоты“. *Вынужденная общаться с такими опасными людьми, с которыми имел дело Ник, я бы вполне могла нанять постоянного телохранителя.* Впрочем, Николас и сам несколько раз затрагивал эту тему. Естественно, она отказалась. Не было никакого желания находиться под чьим-то неусыпным, к тому же чужим, оком. Тем не менее, бывая в Токио, Джастина не забывала время от времени оглядываться по сторонам; может быть, в этом причина того, что ей так не нравится белая „тойота“?

Не совсем уверенно, но все же выдерживая правильное направление, пересезжая с автострады на автостраду, они приближались к се загородному дому, где должны были оставить машину и дожидаться такси, чтобы ехать в аэропорт, — о такси Джастина позаботилась еще в отеле.

Она вновь взглянула в зеркальце заднего обзора, однако в рассеянном солнечном свете лицо водителя за ветровым стеклом разглядеть было невозможно.

— Что-то случилось, милая? — спросил Рик, видя, что выражение сосредоточенности на ее лице сменяется маской явной озабоченности.

— Возможно, все в порядке, — ответила Джастина, перестраиваясь в крайний правый ряд и резко вдавливая педаль газа.

Секундой позже она увидела, как из-за черного „БМВ“ выскочила „тойота“ и тоже увеличила скорость.

— Не хочу раньше времени поднимать тревогу, — добавила Джастина, — но, не исключено, что кто-то нас преследует.

— Что? — Рик повернул голову назад. — Кто?

— Видишь ту белую „тойоту“? Она следует за нами от самого центра Токио. Я в этом уверена.

Рик посмотрел на „тойоту“, повернулся к Джастине и, оправив пиджак, спросил:

— Но это же абсурд; кому понадобилось нас преследовать?

— Не знаю. Возможно, это имеет какое-нибудь отношение к тому, чем Ник занимается в Венеции. Он всегда являлся предвестником беды.

Рик фыркнул.

— Мне кажется, у тебя просто разыгралось воображение, и, чтобы успокоить тебя, предлагаю проверить твою теорию. У следующего светофора поверни направо. Посмотрим за поведением этой „тойоты“.

Джастина кивнула, однако не успела вовремя перестроиться в нужный ряд.

— Что ты делаешь? — воскликнул Рик. — Разве можно на такой скорости... мы же перевернемся... Господи Иисусе!

Не пытаясь притормозить, Джастина выскочила на соседний ряд, проскрежетав задним крылом по бамперу огромного грузовика. В крайнем левом ряду совсем перед поворотом едва тащился седан „ниссан“. Джастина успела обогнать его, ударила по тормозам, и их автомобиль на скорости, вдвое превышающей позволенную, оставляя за собой дымный шлейф паленой резины, все-таки сумел вписаться в поворот.

Машину несколько занесло, но Джастина выровняла ее, сбавила скорость, и они покатали по тихой автострате.

— Ну, ты заметил, пошла за нами „тойота“ или нет?

— Ты шутишь? — На лице Рика появилось подобие улыбки. — Я был слишком поглощен размышлениями о том, сработает мой мочевого пузырь или нет.

Рик обернулся. Джастина в этот момент как раз поворачивала вправо, и он убедился, что на дороге позади них машин нет.

— Чисто, — сказал Рик, целуя Джастину в щеку. — Но, Бог свидетель, все это можно было проделать с нужного ряда и на нормальной скорости.

— О нет! — Джастина откинулась на спинку сиденья.

— Что с тобой?

Рик заметил, что она вновь уставилась в зеркальце, и, бросив взгляд назад, увидел знакомый силуэт белой „тойоты“.

— Та же самая?

Джастина мрачно кивнула.

— Что же сейчас ты думаешь о моей теории?

— Стоит подумать, как мы сможем оторваться.

Джастина вновь кивнула.

— Мы сейчас находимся вблизи дома, а этот район я знаю лучше любого япопца. Если мы, выходя на подъездную дорогу, окажемся вне поля зрения этого типа, то я оставляю его в дураках.

Скрип покрышек об асфальт, и новый поворот нале-

по — автомобиль на опасной скорости промчался сквозь очередной перекресток, визг тормозов — и новый поворот налево. Рик понял, что она ведет машину по кругу, фиксируя положение „тойоты“, пытаясь выйти ей в хвост и лишиться возможности преследования.

После шестого круга у Рика начала кружиться голова. „Тойоты“ в зоне видимости не было, и он как-то невзначай подумал, что часть ее вины за измену мужу легла и на его плечи.

— Выходим на нужную нам дорогу, — бросила Джастина. — Как там белая „тойота“?

— Чисто, — ответил Рик.

Сейчас его волновал вопрос иного рода. Она, вне всяких сомнений, великолепно ведет машину, но ведь ей приходится одновременно концентрироваться на нескольких вещах сразу: следить за дорогой, за нужным поворотом и за белой „тойотой“. К тому же наверняка думает о Николасе.

— Сбрось скорость, — попросил он. — „Тойота“ исчезла, будто ее и в помине не было.

— Нет. Мы уже на дороге. Я должна быть уверена, что мы оторвались от погони.

Дорога была узкой и извилистой. По краям ее окружала живая изгородь из огромных криптомерий Ёсино и других вечнозеленых деревьев. Никаких разграничительных линий, естественно, не было. У Рика было такое ощущение, что он очутился в гигантском лабиринте. Ему стало понятно, почему Джастина чувствовала себя здесь в безопасности. После стали и бетона гигантского Токио это местечко могло показаться Эдемом.

Не дорога, а американские горки. Многие домовладельцы даже крепили к стволам деревьев выпуклые круглые зеркала, чтобы водители могли видеть за поворотом впереди идущий транспорт.

От бесконечных поворотов у Рика начало мельтешить в глазах.

— Джастина, именем Господа, прошу тебя, сбавь скорость!

Джастина, не отрываясь, вглядывалась в зеркальце заднего обзора; у нее было такое выражение лица, что, казалось, их преследует сама ярость богов.

— Еще немного, пока я не буду уверена в полной безопасности.

Они свернули в очередной совсем узкий переулок, и Рик пережил момент сродни тому, что он испытал, пер-

вый раз прыгая с парашютом. Зияющая пустота и летящая на тебя земля.

Он услышал глухой рык дизельного двигателя гигантского скрепера еще до того, как мозг среагировал на увиденное. Громко вскрикнув, Рик перехватил руль у Джастины, все внимание которой было сосредоточено на их преследователе.

Ревущая машина неумолимо приближалась к ним, и Джастина, взвизгнув, ударила по тормозам. Тишину дня разорвал надсадный гудок скрепера, и было в этом гудке что-то напоминавшее погребальную мелодию.

Рик перевалился на водительское сиденье, судорожно вцепившись в руль, но в этот момент расстояние до скрепера было менее двух футов.

О чем думают люди, заключенные в оболочку подобного бесконечного мгновения? В сознании Джастины образовалась пустота. Она успела заметить красшек голубого неба и светящееся, непонятное пятно на капоте кроваво-красного скрепера. В этом светящемся оконце как бы уместилось все ее существование, как будто его вовсе и не было — так, облачко пара из уст Господа Бога.

Два фута, сотая доля секунды — и вся жизнь. Автомобиль буквально сплющило от столкновения со стальным навесным оборудованием скрепера. Корпус хрустнул, как спичечный коробок, — осколки ветрового стекла, обломки двигателя и приборного щитка, подобно Джаггернауту, влетели в салон.

То, что осталось от автомобиля, напоминало тело несчастного матадора, подброшенного рогами быка и еще парящего в воздухе. От жуткого удара сломались две ветхие криптомерии и усыпали покореженный остов. Постепенно зеленый покров начал влажнеть от вытекающего из бака, как кровь из артерии, бензина.

Ошеломленный водитель скрепера, почувствовав запах бензина, выскочил из кабины и со всех ног понесся прочь. Но и этим он не спасся от взрывной волны — она свалила его с ног и отбросила к дереву, ствол которого был изувечен то ли в результате столкновения, то ли той же взрывной волной. Привалившись к нему спиной, водитель в полуобморочном состоянии наблюдал за тем, как огненный шар охватывает автомобиль, голубое небо и его собственное сознание.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ ВЬЕТНАМ, ОСЕНЬ, 1971

Научная фантастика — название этого литературного жанра прочно прилипло к войскам специального назначения Вооруженных сил США во Вьетнаме*. И эта шутка имела под собой основания: парни из спецназа выполняли всю ту грязную работу, о которой никто не желал даже говорить, сведения об их операциях не публиковались даже в еженедельных разведывательных сводках, рассылаемых по спискам в специальный отдел Пентагона, ведающий странами Юго-Восточной Азии, и в главный штаб американских войск, расквартированных во Вьетнаме. Занимались они НБО — такое сокращение закрепилось за их действиями среди армейских солдат и офицеров — необычные боевые операции, то есть действия с применением специальных видов оружия и техники.

Но даже и среди подобного рода головорезов До Дук являл собой исключение из правил. Официально он состоял в чине главного сержанта ВСРВ — Вооруженных сил Республики Вьетнам — и проходил службу в 3-м диверсионно-разведывательном отряде, где получил отличную практику как в молниеносных поисковых, так и в диверсионных операциях. Его усердие не осталось без внимания — и он, естественно, попал в поле зрения „Научной фантастики“.

В ряды ВСРВ он вступил в шестнадцать лет, скрыв свой истинный возраст и смешанное национальное происхождение. Проще было сказать чистокровным вьетнамцем, поэтому До Дук придумал себе другую фами-

*Игра слов: термин „специальное назначение“ и „научная фантастика“ в английском написании пишутся с одних и тех же начальных букв.

лю. Проверять было некогда. Южный Вьетнам боролся за свое существование — нужны были солдаты, а не бумажки.

Чин главного сержанта являлся высшим неофицерским званием. По отношению к подчиненным он, несомненно, являлся старшим, однако в душе не испытывал абсолютно никакого удовольствия от этого превосходства.

В этой кровавой мясорубке выковывались новые черты его характера. Он не находил в войне чего-либо из ряда вон выходящего. Все вполне банально — мужики посылают убивать себе подобных, а в перерывах между акциями, что же... женщины должны выживших ублажать в постели.

Нет ничего удивительного в том, что в этой адской атмосфере человеческое существование утратило всякую ценность. Жизнь свелась к предметам потребления: хочешь — покупай, не хочешь — продавай, нужно — оставляй, не нужно — выбрасывай. Здесь сердца затвердевали настолько быстро, что чье-то жалкое существование перестало стоять даже выеденного яйца.

Джунгли Вьетнама имеют удивительное свойство лишать человека всего человеческого, и среди всех ужасов, подстерегающих любого, оказавшегося там, постепенно утрачивается ощущение цивилизации и, подобно обнаженным нервам, начинает выползать наружу пакость и дрянь, скопившаяся в душах людей за всю их многовековую историю. Исчезает само понятие Добра, и в конечном счете человек начинает сомневаться: гуманность — это реальность или миф? Поэтому неудивительно, что любимой песней До Дука стал шлягер „Роллинг стоунз“ „Симпатия к дьяволу“.

Подобного рода размышления иногда сменялись полудремотным состоянием, и перед глазами возникало лицо командира, всегда требовавшего двигаться только вперед. А это означало продолжение новых стычек: неизведанные тропы в джунглях, где можно оступиться и лишиться ног либо заполучить из самострела в спину заточенную и отравленную нервно-паралитическим ядом стрелу. Солдаты в подразделении До Дука неоднократно жаловались ему, что эти стрелы преследуют их в ночных кошмарах.

И тем не менее рейды продолжались, и те же солдаты снова без особого страха забирались в джунгли — даже добровольно.

А что их ждало в перерывах между операциями? Их вопросами отдыха ведал командир. Можно было заняться сексом, но это надоедало, да и не всегда находился подходящий контингент; наркотики тоже давали какое-то временное успокоение, однако До Дуку требовалось большее... значительно большее.

И как раз в этот момент он натолкнулся на парня — странный случай даже в те странные дни его жизни.

Все началось с того, что в его подразделение определили капрала по имени Рок. Будучи рядовым усиленного взвода, входящего в Большую Смертельную — такое название получила 1-я пехотная дивизия, части которой первой вошли во Вьетнам, и он одним из первых ворвался на позицию вьетконговцев. За этот поступок получил звание капрала вне очереди. Он сжег сразу пятерых, прежде чем нарвался на пулю, угодившую ему в руку. Брошенная им граната позволила ему убежать. Таким вот образом он и удостоился повышения и личного знакомства с командующим.

Но все это произошло до знакомства с До Дуком, до того, как Рок лично попросил перевести его в подразделение До Дука. Мотивировалось это стремлением чаще принимать участие в боевых операциях подразделений „Научной фантастики“.

Парни из подразделений „Научной фантастики“ еще называли себя „оборотнями“. Они одевались, как простые крестьяне, следовали всем их обычаям, даже в еде, — их практически невозможно было отличить от обычных жителей севера. „Оборотни“ являли собой отряд полуфанатиков, способный выполнять задачи, на которые не решилась бы группа самых тренированных рейнджеров. Деяний „оборотней“, знай о них президент — До Дук был в этом уверен, — не вытерпел бы даже он.

Кем был отдан приказ о формировании подобного рода подразделений, До Дук не сумел выяснить, командовал же всей этой частью „оборотней“ суровый полковник по имени Бад Пауэлл, родом откуда-то из центральных штатов. В 60-х он занимал должность профессора в одном из колледжей, потом ему, видимо, вся эта преподавательская рутина и необходимость выслушивать чьи-то замечания надоела, и он предпочел военную стезю. В нем было трудно распознать бывшего учителя, впрочем, может быть, именно навыки психолога позволяли ему уметь и без особого труда, какими-то хитроумными подхода-

ми, влезать в души новобранцев и бросать их добровольно в бойню. Недаром за ним закрепилась кличка Бауэл*.

Именно Бауэл впервые свел До Дука с этим кисло-сладким Роком.

— Ты должен будешь раскусить этого парня, — шепнул Бауэл до начала операции. — Мне нужно знать, что он за птица. Я слышал, он в совершенстве владеет М-72, полагаю, тебе известен этот РПГ, ручной противотанковый гранатомет, разносящий вдребезги укрепленные сооружения вьетконговцев.

— Вроде парень-то свой.

Бауэл ухмыльнулся.

— Мне тоже так кажется. Вот и пройдитеесь рейдом, чтобы не было сомнений.

Им двоим поручалось уничтожить патрульный отряд „вампиров“, входящих в состав НФОЮВ — Национально-го фронта освобождения Южного Вьетнама, которые рыскали по ночам и вырезали спящих американских солдат. Подобные методы ведения войны в Пентагоне считались „нетерпимыми“. Так говорил Бауэл, а ему можно было верить — связь с соответствующим отделом министерства обороны у него была отлажена.

Пентагон распорядился прекратить устрашающие акции, поскольку психологический эффект от них был адекватен соответствующей реакции с противоборствующей стороны.

Тем не менее Бауэл приказывал им не просто ликвидировать патруль.

— Я хочу, чтобы вы ликвидировали их *наглядно*, в назидание другим. А как вы это сделаете, мне безразлично, сами решайте.

— Существуют ли какие-нибудь границы, в пределах которых мы должны действовать? — спросил Рок.

Бауэл повернулся к ним спиной и буркнул:

— Сынок, я не понимаю, о каком долбаном дерьме ты говоришь?

Вот так началась охота на „вампиров“.

— Действительно ли Бауэл имел в виду то, что сказал? — спросил Рок после того, как они в серебристом свете луны вышли из расположения лагеря.

— Он всегда имеет в виду то, что говорит, — ответил До Дук. — И одновременно с этим — то, что *не говорит*. Рок ухмыльнулся.

*Игра слов, построенная на созвучии: Бауэл в прямом переводе означает „Потрошитель“.

— Я смотрю, вы, парни, ведете здесь совсем иную войну, и, кажется, она должна мне понравиться.

Когда они углубились в джунгли, До Дук тихо сказал:

— Я не хочу тратить пули на этих ублюдков, понял меня?

— Успокойся, — ответил Рок. — У меня у самого в башке вертится тысяча и один способ, как лучше разделиться с ними без стрельбы.

Чередуясь — два часа сна, два часа бодрствования, они заночевали в джунглях.

„Вампиров“ они засекли примерно за час до рассвета — четырех вьетконговцев, возвращавшихся после ночного патрулирования.

На временной базе отдыхала смена — еще четверо. Всех восьмерых До Дук с Роком ликвидировали без единого выстрела. Повесив их за ноги, они затем ножами распорили их тела от подбородка до низа живота — пусть другие полюбуются на силу людской ненависти и извращенность человеческой природы, на разрушительное, но реальное воздействие войны на самую идею гуманности, вне зависимости от воюющих сторон.

Рок продемонстрировал абсолютное бесстрашие. Можно было даже подумать, что он просто равнодушен к собственной жизни. Как бы не так! Вскоре До Дук убедился — Рок схватывает все на лету, владеет уверенными навыками мгновенно оценивать обстановку и принимать тактически грамотные решения.

Правда же заключалась в том, что Рок был подобен огромному таракану — обитателю квартир в больших городах, готовому месяц существовать на протеине лишь раз укушенного им человека. Рок питался страхом. Убийства — основной фактор, мотивирующий действия „оборотней“, он воспринимал как нечто само собой разумеющееся, просто не придавал этому никакого значения.

После рейда требовалась разрядка. Чтобы не тронуться умом или, по крайней мере, не слишком часто вспоминать о содеянном. Алкоголь успокаивал — двое суток беспробудного пьянства. Выход же из скотского состояния требовал новой операции.

До Дук развлекался с сухощавой вьетнамкой, которой на вид не было и четырнадцати лет. Он гладил ее иссиня-черные волосы и так нежно ласкал своими огрубевшими ладонями ее бархатистую кожу, что та, в знак благодар-

ности, приподнявшись с циновки, все глубже запускала свой язык ему в рот.

Из соседней комнаты, где отдыхал со своей подружкой Рок, донесся какой-то странный шум.

„Это чарли“, — подумал До Дук и, схватив свой десантный нож, выскочил из двери.

От увиденного у него застыла кровь в жилах. Девушка Рока лежала, туго перетянутая гибким шпагатом, из-под веревок бесстыдно выпирала ее плоть. Тут и там на теле виднелись кровавые подтеки.

Прямо перед ней стоял Рок, обнаженный, с бамбуковой тростью в руке. Между ног алым светом сияла его мужская сила.

Наблюдая за происходящим, за тем, как он охаживает ее этой тростью, До Дук испытал чувство сродни тому, что испытывал в джунглях. Он стоял очень тихо — сквозь хлесткие звуки ударов бамбука о живую плоть ощущал даже биение собственного сердца.

— В чем дело? — раздался за спиной До Дука голос его девушки.

— Посмотри на эту кровь.

— Ну и что? Обычное явление.

С этими словами вьетнамка обхватила его за бедра.

— О... Твоя пушка готова к бою. Чего же ты ждешь? Пойдем. Самое время потрахаться.

Девушка повисла на плече До Дука, и он бросил последний взгляд на Рока и его окровавленную подругу — было в этой сцене что-то от древних, но сохранившихся по сей день, покрытых пылью веков загадочных фресок. Сознание резанула какая-то боль, как от тяжелой, но давно забытой раны.

Пройдет много лет, а До Дук будет вспоминать эту жуткую сцену, ощущать запах крови и слышать последнюю фразу той девочки: *„Самое время потрахаться“*.

Через двое суток их группу из основного лагеря перебросили в район боевых действий — пять часов на транспортном самолете — и вновь пот, пыль, грязь и бесконечные рисовые поля.

Шесть человек: До Дук, Рок, чернокожий, весь в та-туировках гигант по имени Риггс, молодой подрывник и

*Прозвище бойцов НФОЮВ.

локаторщик Дональдсон, то и дело мусоливший комикс „Доктор Стрэндж — профессор магии“, выше которого его интеллектуальный уровень не поднимался, и двое солдат из ополчения — парней, прошедших специальную подготовку в „Научной фантастике“. Вербовали этот контингент из местных племен, хорошо ориентирующихся в джунглях. Эти же двое были ярыми антикоммунистами из племен нунги, знавшими всю эту местность вдоль и поперек. Они принадлежали к племени, кочующему по высокогорным районам Северного Вьетнама, люди из него часто использовались „Научной фантастикой“ в качестве проводников и разведчиков.

Эти худющие, с запавшими глазами нунги напоминали До Дуку жалких недочеловеков — обитателей Острова доктора Моро*, но их помощь была необходима для того, чтобы успешнее срывать разрушающие страну эксперименты коммунистов. Он плохо был знаком с ними, однако понимал: вырванные из привычной среды, они были не менее беспомощны, чем большинство американцев. Нунги вызывали в нем чувство жалости.

До Дук пилотировал десантно-транспортный самолет У-8Ф „Семинол“ со снятым с него вооружением, но снабженный бортовой радиолокационной станцией кругового обзора. Никто не знал, где Бауэлу удалось раздобыть этот борт.

Перед вылетом у До Дука состоялся разговор с полковником, и До Дук выразил недоумение: почему их отправляют на транспорте, а не на хорошо вооруженном боевом самолете. Бауэл несколько прояснил причину.

— Это будет Божественная миссия.

Такая шутка была расхожей среди „оборотней“. Означала она то, что миссии вроде как бы и не будет.

— Я не хочу, чтобы эти занюханные ковбои из авромобильных войск сунули носы в наши дела, дошло?

— Вполне.

Бауэл покосился на До Дука.

— Что мне в тебе нравится, До Дук, так это то, что ты всегда знаешь, когда наступает время потрудиться на Дядюшку Сэма.

Полковник вынул изо рта окурок сигары, который мусолил уже несколько месяцев. Окурочек вот-вот должен был рассыпаться, однако Бауэл с завидным постоянством продолжал его жевать.

*Имеется в виду одноименный роман Г.Уэллса.

— Хорошо, — заключил он. — Однако, помимо того что это Божественная миссия, она может оказаться чертовски трудной. Речь идет о судьбе одного человека. Официально он числится пропавшим без вести. Его либо убили, либо он попал в плен к чарли — точно нам это неизвестно.

Бауэл вновь принялся за свой мерзкий окурок, ожидая вопросов. Когда же их не последовало, он продолжил:

— Что бы там ни произошло, но я чувствую: нам придется покопаться в изрядной куче дерьма.

— Нам не привыкать. Справлялись и с более трудными задачами.

— Да? Подожди, пока не приземлишься. Тебе придется садиться в мертвой зоне.

Это, действительно, очень плохо. Мертвая зона — это пространство, где невозможно вести прикрывающий огонь и осуществлять круговое наблюдение. Судя по наличию в составе группы нунги, рассудил До Дук, это будет где-то в Северном Вьетнаме.

— Имя этого пропавшего Мишель Леонфорте, — Бауэл сделал паузу, как будто был уверен, что последует реакция со стороны До Дука.

Реакция вновь не последовало, и Бауэл добавил:

— У этого парня особый взгляд на жизнь. Он ветеран дивизии „Айви“ („Плющ“), 4-й пехотной дивизии. Это солдат до мозга костей, отмечен многими благодарностями, однако, тем не менее, дважды оказывался в тюрьме Лонг Бинь: первый раз за то, что избил местного мирного жителя до состояния комы, а второй раз за то, что всадил нож в девушку, уверенный в ее принадлежности к вьетконговцам.

— Это подтвердилось?

Рот Бауэла скривился в улыбке.

— Хотели выяснить, но только к тому времени девушка уже окоченела.

— Интересный тип, этот Мик. А как ему удавалось выбираться из тюрьмы?

— Он был не последней фигурой в Пентагоне, там в нем были заинтересованы. Его назначили командиром специального подразделения, и их группу забросили в тыл врага — куда, скоро сам выяснишь. Пять дней с ними поддерживался прямой радиоконтакт, затем связь прервалась, и все попытки вновь ее установить оказались бесполезными.

Бауэл опустил глаза на глянцевый лист бумаги с грифом „Особой важности“.

— С тех пор минуло примерно три месяца. После того как было сообщено о том, что он пропал без вести, ошалевшие деятели из Пентагона разродились дерьмовой директивой, где предусматривались мероприятия по его розыску, было усилено тщательное наблюдение за действиями противника в определенных секторах. Они мобилизовали целую долбаную дивизию — вот так-то.

— Только ради того, чтобы найти одного Мишеля Леонфорте?

Бауэл хмыкнул и протянул До Дуку черно-белую фотографию. Со снимка на него смотрел приятной наружности молодой лейтенант с несколько удлиненным лицом и застывшим взглядом широко открытых черных глаз — в этом хмуром взгляде было что-то напоминавшее бездонные глубины Гранд-Каньона. Даже по фотографии До Дук сумел ощутить энергию, исходящую от этого лица.

— Не слабая внешность.

— Именно, — Бауэл забрал снимок. — Дает представление о молодом Мике.

— Но у него наверняка должны быть покровители в Пентагоне, — заметил До Дук. — Почему они не послали специальную группу на его поиски?

— Это тоже было сделано, — хмуро буркнул Бауэл. — Группа не вернулась. Исчезла, как и группа Мика.

До Дук некоторое время прокручивал в уме все то, что сказал полковник.

— А почему в Пентагоне так обтрухались, когда узнали о его исчезновении? У него, что, был доступ к секретной разведывательной информации?

— Возможно. А возможно, он был им нужен для выполнения еще каких-нибудь заданий, и они делали на него ставку.

Голос Бауэла звучал абсолютно беспристрастно.

— Не исключено также, — после некоторой паузы добавил он, — вся эта ретивость каким-то образом связана с тем, что Мик является сыном Фрэнка Леонфорте, всемогущего босса долбаной мафии.

Несколько секунд До Дук молчал. У этого парня особый взгляд на жизнь. До Дук разглядывал ухмыляющегося Бауэла и прикидывал, что еще известно полковнику о Мике Леонфорте, о чем тот умалчивает.

— Что делать после того, как мы выйдем на этого мудозвона?

— Если он окажется мертвым, то вы приволокете его труп. Если же он жив, то вам надлежит вырвать его из вражеского окружения и...

— Господи Иисусе, сэр!

— Именно в этих выражениях, сынок, мне самому были даны указания, я всего-навсего цитирую. Хочу быть точен в передаче слов. Никаких письменных инструкций относительно Божественной миссии, естественно, нет. Абсолютно никаких.

— Хорошо. Допустим, он жив, — сказал До Дук. — Я обнаружил его и захватил. Что дальше?

— Доставишь его ко мне. Вот и все.

Возможно, именно в этот момент До Дук начал понимать: здесь кроется подвох. Как бы то ни было, он промолчал.

Бауэл внимательно посмотрел на него.

— Мне он нужен живым, живым; ты меня понял?

До Дук ответил, что понял.

— Я включил в вашу группу проводников из местных горцев. В тех местах, куда вы отправитесь, вам потребуется их помощь. Мой тебе совет — не стесняйся пользоваться их услугами, обращай к ним в каждой затруднительной ситуации. Да, кстати, в рейд вы отправитесь без любимой всеми нами легкой полевой радиостанции. Ни к чему, чтобы нас подслушивали.

Бауэл пристально глядел на До Дука.

— Как я уже сказал, это крайне опасная миссия, — он прочистил горло. — Вот так. И, До Дук, ради всего святого, не гробани этот долбаный „Семинол“. Нам не нужны свидетельства наличия отсутствия, лучше пусть будет отсутствие всякого наличия.

Подобного рода двусмысленности были очень в ходу среди вьетнамцев. Игра в оксюмороны распространилась довольно быстро и среди американцев.

— И последнее, сэр, — сказал До Дук, уже взявшись за ручку двери. — Как быть, если клиент откажется от... как вы выразились, „вырывания“ и доставки к вам?

Бауэл долго не отвечал. Он смотрел сквозь До Дука, будто того и не существовало.

— В этом случае, — наконец медленно проговорил он, — ты сам свободен в своем решении.

— Сэр!

Глаза Бауэла сфокусировались на лице До Дука.

— Ты приволочешь этого засранца ко мне, сюда, сержант, живым или мертвым.

Ночью они поднялись в воздух. До Дук даже не знал, куда конкретно они держат курс. Перед вылетом Бауэл сообщил ему лишь начальное направление. Когда самолет набрал высоту, Дональдсон, более напряженный, чем обычно, так и прилип к экрану локатора кругового обзора, солдат и прибор как бы слились в единое целое. Справа от Дональдсона расположился Рок. До Дук передал ему секретный конверт с инструкциями, напечатанными на листе специальной бумаги, способной таять во рту. При необходимости после ознакомления с информацией такую бумагу можно было без какого-либо вреда съесть. Через каждые несколько минут Рок запрашивал у локаторщика корректировочные данные и передавал их До Дуку. Риггс неотрывно смотрел в затылок Дональдсону, представляя, что того загнипотизировал доктор Стрейндж. Нунги все время спали. Вооружения на борту самолета не было, отсюда становился совершенно очевидным факт, что их вывели на курс, проложенный в коридоре над районами, где авиации противника было мало либо вовсе не было, а также отсутствовали наземные РЛС. Все это подозрительно смахивало на воздушное пространство Камбоджи. Чарли частенько вторгались на территорию этого соседнего государства, чтобы перевооружиться, запастись продовольствием и с новыми силами, перейдя границу в обратном направлении, продолжать борьбу с подразделениями ВС США.

Хотя перед вылетом он и не получил детального полетного плана, До Дук, сопоставив кое-какие детали, пришел к определенному выводу и примерно представлял конечный пункт их приземления. Поэтому, когда они сели посреди зеленого посадочного поля, хорошо замаскированного от любого вида наблюдений, все встало на свои места — удивления До Дук не испытал. Стал понятен и выбор „Семинола“, имеющего большую дальность полета, — самолет с тяжелым вооружением сюда бы просто не долетел. Насколько До Дук мог судить, они находились в центре неизвестно чего. На карте, которую он хорошо запомнил перед тем, как съесть, был отмечен всего один ориентир, не считая реки Меконг: какая-то задрипанная деревушка Срае Самбо, в трех милях на северо-запад от места посадки.

— Мы пролетели половину Камбоджи, — в некотором изумлении заметил Рок. — Что, черт побери, здесь понадобилось этому Мишелю Леонфорте?

Камбоджа, как было известно До Дуку, официально считалась в этой войне нейтральным государством, однако давнишние политические неурядицы с более могущественным Вьетнамом заставляли принца Сиапука закрывать глаза на нарушения вьетнамской стороной суверенитета его королевства. Как и подозревал До Дук, их сразу бросили в горячую зону, а без радиостанции им оставалось полагаться только на самих себя.

„Крайне опасно“, — вспомнил он слова полковника.

Стоял сезон дождей. Вода лила с небес непрерывно целых двенадцать дней, только когда немного прояснилось, им дали „добро“ на вылет. Сезон дождей — До Дук это хорошо понимал — не самое лучшее время для ведения любых наступательных действий, тот же факт, что они отправились в рейд именно в это время года, свидетельствовал о важности и срочности того дела, которое им предстояло выполнить.

Полоса, где До Дуку было приказано посадить самолет, не имела даже капонира. Одному Богу известно, как ее вообще кто-то обнаружил. Ничего даже отдаленно напоминавшего в этой взлетно-посадочной полосе военный объект До Дук не заметил, тем не менее она была грамотно построена и содержалась в хорошем состоянии. Кто ее обслуживал? Этот вопрос не давал До Дуку покоя.

Полоса была проложена по краю огромного пространства с насыпью — внизу, к востоку, простирались бесконечные рисовые поля.

Забрав из самолета необходимое снаряжение, группа двинулась на север, в направлении реки Меконг. Едва передвигая ноги в болотной жиже, До Дук обернулся и с сожалением отметил про себя, что „Семинол“ быстро исчез в густом тумане.

Проход через рисовые поля требовал невероятного напряжения физических сил. Пока они не встретили ни одного вьетконговского патруля. Это вызывало у До Дука искреннее недоумение — ни одного.

В полном одиночестве они продолжали свой путь по вязкой, тягучей поверхности заболоченных полей и скользких насыпей — такого рода местность искажала перспективу и затрудняла круговой обзор.

Старшим среди нунги был парень изнуренного вида

по имени Динь. Именно с ним наиболее часто советовался До Дук, к нему же он обращался и в тех случаях, когда возникали разногласия. Рок был не согласен с такими действиями До Дука, и однажды это стало предметом крупного разговора между ними.

— Что же, твою мать, ты делаешь? — сказал Рок, когда впервые услышал, как До Дук о чем-то спросил Диня и согласился с его мнением.

— Ради Христа, говори потише. В джунглях голоса разносятся, как в кафедральном соборе. Во все стороны, на многие ярды.

Рок бросил злобный взгляд в сторону нунги, но голос понизил.

— Мне они кажутся подозрительными. Если эти типы нас продали, чарли уже знает, что мы здесь.

— Остынь. Или ты забыл: ведь мы сами не знали, куда полетим, до тех пор пока не оказались в воздухе.

— Возможно, ты и прав, но эти жалкие ублюдки, чем смотреть на тебя, с большим удовольствием пообедуют тобой.

— Ты глубоко заблуждаешься, — возразил До Дук. — Они не варвары.

— К черту! Ты только взгляни на них!

— Их цивилизация значительно древнее вашей и даже моей.

Рок фыркнул.

— Какая цивилизация? Все эти говнюки на протяжении веков только и занимались тем, что убивали друг друга.

— А чем занимались твои цивилизованные страны?

Рок бросил на До Дука тяжелый взгляд.

— Чуть. Взгляни на себя! Ты такой же долбаный дикарь, как и они! Проклятье, ты даже болтаешь на их диалекте, — он усмехнулся. — Впрочем, ладно, может быть, ты и в самом деле лучше меня разбираешься в этих засранцах.

— Наконец-то до тебя дошло. Прекрасно.

Где-то вдалеке, за нижним горизонтом, были видны всполохи продолжающейся войны. На таком большом расстоянии звуков бомбежки, естественно, слышно не было. Сверкали лишь искусственные молнии разрывающихся снарядов, а из-за того что нижние кромки облаков были опалены горьким дождем напалма, восход в этом царстве проклятых наступал очень рано.

До наступления настоящего восхода они успели разбить стоянку.

Рок работал за троих, однако в его глазах затаилось какое-то загнанное выражение. После того как они приняли по лошадиной дозе хинина и закусили сухим пайком, Рок обратился к До Дуку:

— Где этот гребаный мистер Чарльз?

Уверенным движением он приложил трубу противотанкового гранатомета к бедру:

— Мне не терпится отправить его на небеса.

— Терпение, — сказал До Дук. — У меня отвратное предчувствие, что мы вот-вот очутимся в его пасти. Твой шанс от тебя никуда не уйдет.

— Слишком уж здесь спокойно, — Рок сплюнул и покачал головой. — Мы очутились в каком-то замкнутом пространстве, будто умерли и сами того не осознаем.

В какой-то мере, подумал До Дук, он прав.

— Динь говорит, что мы находимся в горячей зоне, мне это не совсем понятно, но Динь уверяет, что это именно так, и больше ему добавить нечего, — До Дук пожал плечами. — Скоро все сами выясним. Как только стемнеет, выступаем.

— Должен сказать, что все происходит не так быстро, как мне бы хотелось, — заметил Рок, выплевывая сухомытку. — Ну и гадость. Лучше съесть руку врага.

Первый большой привал они устроили на холме, несколько возвышавшемся над уровнем воды рисового поля. Спали в кучах сырой листвы. Рок, взявшийся первым наблюдать за обстановкой, спал очень плохо. На нем не осталось и сухой нитки, и тело начало чесаться в самых неподходящих местах. *Где же вы, мистер Чарльз?*

С наступлением сумерек они вновь отправились в путь. В той местности, по которой они теперь шли, чувство дистанции абсолютно утрачивалось. Динь посоветовал не смотреть вдаль, а сосредоточить внимание на предметах, расположенных в непосредственной близости; пейзаж был настолько уныл и однообразен, что Рок, пробираясь сквозь бесконечную болотную грязь, ловил себя на мысли — еще немного, и он начнет дремать на ходу.

Ближе к полуночи они сделали небольшой привал и слегка перекусили. В чистом небе ярко горели звезды, а прозрачные лучи света, исходяемые неполной луной, падали на них, подобно пригоршням бриллиантов.

Рок отошел облегчиться и, присев, устался в мутную воду. Когда он возвращался, каким-то образом прекратилась круговерть света и тени, глаза начали явно различать предметы.

Боже Всемилостивый!

— Вы только посмотрите на это!

До Дук и Динь, находившиеся ближе всех, быстро подошли к Року и посмотрели вниз на воду.

Череп.

Рок ходил кругами по затопленному рисовому полю, круша ногами черепа, устлавшие илстое дно. Тысячи черепов лежали в несколько рядов — одни над другими. В воде также блестели груды костей: бедренных, локтевых, крестцовых, лопаточных... Рок стоял посреди настоящего кладбища.

Сейчас До Дук уже не сомневался в истинности слов Диня — они находились в горячей зоне.

— Спроси нунги, что здесь, черт возьми, произошло? — сказал Рок, отплясывая джигу на костях, бывших некогда чьими-то ребрами и тазом. Близость к такому большому количеству смертей равносильна уколу адреналина.

— Тебе следует самому выучить их язык, — отрезал До Дук, поворачиваясь к Диню и что-то ему говоря.

Лицо Диня было абсолютно бесстрастным.

— Вьетнамцы чинят массовые расправы над жителями Камбоджи в той же мере, как и над нами, — ответил Динь на диалекте.

Голос его был спокоен, однако за внешней выдержкой До Дук заметил кипящие в нем страсти.

— Такова наша история, — продолжал он. — И вот что останется нашим детям — тем, которые выживут в этой войне. Я часто спрашиваю себя: будут ли они счастливее нас?

До Дук перевел слова Диня Року, и тот, задумавшись, прекратил свою джигу.

— В таком случае мистер Чарльз где-то здесь, поблизости, — сказал Рок, проверяя спусковой механизм своего гранатомета.

Они быстро снялись со стоянки и, ускорив шаг, подгоняемые думами о скелетах, по костям которых шли, — До Дук был в этом абсолютно уверен, хоть никто не проронил ни слова, — вновь продолжили свой путь. Напоминающий об ужасах войны страшный настил дна хрустел под подошвами их ботинок.

Когда уже почти рассвело, они увидели, что рисовые поля скоро должны кончиться. Вновь начал накрапывать дождь, впрочем, и все время их перехода он то лил, то прекращался. Теплые капли при порывах ветра в их сторону слепили глаза, сводя видимость к нескольким сотням футов.

Уровень воды значительно понизился. В пелене дождя пейзаж казался еще более отвратительным. Неожиданно у бережка последнего рисового поля, мимо которого они проходили, До Дук заметил какое-то темное пятно. Где-то в этом районе должна пролегать излучина реки Меконг, вверх по которой им предстояло продолжать свой путь. До этого они двигались строго на восток, река же должна была вывести их точно на север, к границам с Лаосом. Лаос, подобно наложнице, свернулся клубочком на спине Вьетнама, причем изгиб начинался с головы — с южных районов, границы которых выходили к восточной оконечности провинции Юньнань в Южном Китае и к восточным границам Бирмы. Двигаясь в северо-западном направлении, группа как раз выходила к этому стыку, получившему название Золотого Треугольника, поскольку именно из этого региона контрабандой вывозился опиум, получаемый из мака, выращиваемого на обширных горных плато Треугольника.

До Дук вспомнил об отделе Пентагона, ведающем странами ЮВА, и ему стала понятна причина той паники, которая охватила его сотрудников, когда они узнали, что Мишель Леонфорте пропал без вести именно в этом районе. Подумал он также и о первой группе спасателей, также бесследно исчезнувшей. Мелькнули в памяти слова Бауэла, требовавшего *вырвать* Леонфорте и *доставить* к нему, именно к нему, а не к его шефам из Пентагона. Это становится все более интересным, размышлял До Дук.

Он прибавил ходу и подошел вплотную к темному пятну, которое оказалось не чем иным, как импровизированным пирсом: три прогнивших деревянных бревна на распатанных опорах, врытых в илистое дно реки.

— Это должно нам подойти, — предположил До Дук, и шедший рядом Динь согласно кивнул.

Они распаковали черную резиновую лодку „Зодиак“ и отвинтили две заглушки. Лодка моментально наполнилась воздухом. Затем столкнули ее с пирса в воду.

— Не опускайте руки в воду, — предупредил Динь. — Здесь полно крокодилов. При таком свете их не отличишь от плавающих бревен.

Четыре дня продолжалось их путешествие по реке, причем плыли только ночью, а днем, спрятав лодку на берегу в густой тени деревьев, поочередно спали. Один раз наблюдатель засек лодку с солдатами-кхмерами, однако те их не заметили. На свое счастье.

— Где чарли? — негодовал Рок. Ему не терпелось пролить кровь.

Ответа он не получил, поскольку никто этого не знал.

Пытались они рыбой, которую в этой грязной воде ухитрялись вылавливать Динь и его люди. Несколько раз нунги указывали на шершавые пупырчатые спины крокодилов, плавно скользящих в потоках реки. До Дук наблюдал за этими рептилиями с каким-то особым выражением на лице, и Року никак не удавалось определить смысл этого взгляда.

Река казалась До Дуку знакомой, но не оттого, что он когда-либо бывал в тех местах, а потому что хорошо запомнил карту, которую в опечатанном конверте перед вылетом передал ему Бауэл. Вместе с картой, тоже исполненной на специальной бумаге, он съел листок с сопроводительной запиской и инструкциями.

На рассвете четвертых суток пути он приказал подгребсти к левому берегу. Было достаточно светло — смело можно было гравировать и рисовать, но передать цветовую гамму было еще невозможно.

— Мы уже почти у цели, — сказал он Року, после того как они надежно замаскировали лодку. — Чарли должны быть где-то здесь.

Они находились менее чем в миле от границы с Лаосом. Это был конечный пункт, оговоренный в инструкции. Где-то там, впереди, Мишель Леонфорте и другие восемь солдат пропали без вести.

До Дук и Динь отправились в круговое патрулирование, остальные занялись разбивкой лагеря в тени деревьев. Когда все было готово, Рок заметил, что До Дук с Динем еще не вернулись. Прихватив неразлучный гранатомет, он отправился на их поиски. Много времени у него это не отняло. Они стояли с противоположной стороны небольшого лесочка.

— В чем дело? — спросил Рок.

— Хрустящий гренок, — кивнул головой До Дук куда-то вперед и вниз.

Впечатление было такое, будто ты несешься в автомобиле на скорости шестьдесят миль в час, и вдруг из тумана на тебя выскакивает трейлер. Перед ними в неестественной, изогнутой позе, словно сорвавшаяся с гвоздей, которыми она была прибита к сырому стволу дерева, лежала обнаженная девочка. Не старше десяти лет, прикинул Рок. Две трети ее тела представляли собой сплошную обуглившуюся корку; ноги были сломаны — сквозь кожу торчали острые края костей, являя собой какую-то нелепую намеренную композицию. Кисти рук отсутствовали.

— Гребаный случай, — выругался Рок. — Что здесь, черт побери, произошло?

До Дук не отрываясь смотрел на распростертое перед ними тело.

Снова начался дождь — жирные капли, как пот с бровей Будды. Воздух был тяжел и плотен, подобно сотканной из стальных колец кольчуге. Каждый вдох и выдох давался с трудом.

— Наверняка ее обдали напалмом, — сказал подошедший сзади Риггс, перебрасывая с руки на руку пулемет М60. — А вот остальное...

— Никогда не видел ничего подобного, — заметил Дональдсон, до боли в суставах сжимая свою автоматическую винтовку М16А1. — Волосы становятся дыбом.

— Гребаные чарли, — бросил Рок.

— Здесь поработали не вьетконговцы, — на хорошем английском языке возразил Динь.

Рок широко раскрыл глаза, а До Дук усмехнулся.

— Ты всю дорогу знал, что он говорит по-английски?

— Я советовал тебе выучить его язык, — ответил До Дук. — Ведь он-то твой выучил.

— Сукин сын!

До Дук сделал знак рукой, чтобы Рок замолчал. Сам же обратился к Диню:

— Кто же тогда, если не чарли?

Динь дотронулся до мертвой девочки стволом АК-47, автомата советского производства, и До Дуку показалось, что губы Диня шевелятся в беззвучной молитве.

До Дук приказал всем оставаться на месте, а сам с Динем отошел в сторону. На холме нунги, пристроив автомат между коленей, сел на землю. До Дук располо-

жился рядом, вытряхнул из пачки пару сигарет. Некоторое время они молча курили. Наконец До Дук утопил свой окуроч в грязи и мягко сказал:

— Мне хотелось бы все же знать, что, в конце концов, там произошло?

Долгое время Динь не отвечал. Он молча смотрел на простирающийся перед ними треугольник джунглей. Заговаривал он только тогда, когда дождь полил в полную силу:

— Когда я был подростком, то часами играл в саду моей бабушки. Как прекрасны были распускающиеся цветы в ярких солнечных лучах! Как мне нравилось бегать среди ровных ухоженных грядок и круглых клумб!

Он глубоко затаился и с шумом выпустил струю дыма.

— Примерно через год, после того как ее убили вьетконговцы, я по делам службы вновь оказался в родных местах, заглянул в свое бывшее жилище. Дом остался нетронутым, но сад зарос жирными сорняками и какими-то ползучими растениями. Он стал уродлив.

Его цвета красного дерева рука раскрылась, подобно цветку, ладонью вверх.

— Хотелось бы верить, что в один прекрасный день я смогу вернуться домой, не нуждаясь в этом, — он хлопнул ладонью по цевью автомата. — Но чем дольше я воюю, тем меньше у меня уверенности в том, что этот день когда-нибудь настанет. Все новые жестокости и зверства, подобно сорнякам в моем саду, заразили мою некогда цветущую страну.

— Динь, я скорблю вместе с тобой, — сказал До Дук, — но мне необходимо знать, что случилось с той девочкой.

— Спроси у гуай.

До Дук бросил быстрый взгляд по сторонам.

— Гуай? — на диалекте нунги это слово буквально переводилось как „демон“.

— Гуай — это тоже нунги, как и я, но совсем не такие, как я. Это сделали они.

Несмотря на все свое буддийское самообладание, Динь не смог скрыть своей горечи — голос выдал его.

— Мне никогда не доводилось слышать о гуай.

— Сами они себя так не называют, это их тайное прозвище среди других нунги.

День выглядел очень расстроенным. До Дук удивился этой его внезапной перемене. Сейчас, из-за смерти одной девочки, он выказывал больше эмоций, нежели несколько дней назад, когда они шли по хрустевшим под ногами костям тысяч убитых кхмеров.

Одна из сект нунги — гуаи — замучили девочку? До Дук вновь, как и в ходе их последней беседы с Бауэлом, уловил в ушах какой-то предупредительный звоночек. Лаос. Южные ворота из Золотого Треугольника. Ощущение подвоха, смутно промелькнувшее у него при разговоре с полковником, начало приобретать вполне реальные формы.

— Гуаи знают, где находится объект наших поисков? — спросил До Дук. — Может быть, они захватили его ради выкупа?

Этим в какой-то мере можно было бы объяснить истерику, охватившую сотрудников отдела ЮВА в Пентагоне после того, как они узнали об исчезновении Мишеля Леонфорте.

— Не знаю, — ответил День.

Поднявшись, он направился в сторону лесочка — хоть какое-то укрытие от дождя.

Утренний свет и неистребимый запах страха. Ощущение изоляции от внешнего мира неожиданно исчезло. Низвергающиеся потоки воды заглушали все потусторонние звуки — стихия бушевала.

Они заснули, но это забытие вряд ли можно было назвать сном.

Стоило До Дуку смежить веки, и перед ним возникал образ девочки, лежащей под гнилым деревом, подобно ягненку, отданному на заклание. Его не смущал сам факт убийства — жертвой больше, жертвой меньше, какое это имеет значение? В этой мясорубке сгинет еще бесчисленное количество людей. Но зачем нужно было демонстрировать эту изуверскую жестокость? Он размышлял и запоминал.

До Дук то поднимался, то вновь ложился. Мысленно он вновь и вновь возвращался к этой убитой девочке, в голове ройлся хоровод мыслей. Бесконечная лента кинофильма, прокручиваемая перед глазами. Жуткое произведение искусства убивать. Фраза „ягненок, отданный на заклание“ прокручивалась в сознании подобно ротору вечного двигателя. Действительно ли ее принесли в жертву?

Реакция всегда хладнокровного Дипя говорила о многом.

До Дук участвовал во многих операциях, после которых испытывал разве что учащенное сердцебиение — с видом смерти он свыхся так же, как и с ощущением страха; тем не менее сейчас, До Дук был в этом уверен, в его сознании что-то перевернулось, и он не знал, радоваться этому или огорчаться.

Сознание До Дука было загипнотизировано видом жертвы, а подсознание как бы покрылось слоем окалины какого-то таинственного, внеземного происхождения. Весь день он балансировал между сном и явью, и в этом полудремотном состоянии все его видения, воспоминания и грезы сливались воедино, приобретая специфические очертания какой-то новой реальности: вечной войны, с которой он не желал возвращаться.

Воображение рисовало смертельную битву двух армий, потоки крови из тяжелейших ран сраженных и затапываемых своими же продолжающими наступать войсками солдат.

В зное блеклого дня начали сгущаться изумрудные сумерки. Когда они спали, дождь ненадолго прекратился, однако, стоило им проснуться, полил вновь. Они облегчились, торопливо поели, прилежно проглотили таблетки хинина и покинули стоянку. Через час группа вышла из джунглей. Невдалеке они заметили хорошо видимые на серо-зеленом фоне россыпи сверкающих бриллиантов. Бриллиантами оказались островки пламени.

— Лаос, — услышал До Дук голос Диня.

До Дук кивнул и подал команду:

— Бабочка.

Группа рассредоточилась. Команда „бабочка“ предполагала вариант походного построения, позволяющего осуществлять круговое прикрытие при действиях на незнакомой местности или во вражеском окружении. Несмотря на всю их бдительность, противника они не заметили.

Оголь был уже совсем близко — это догорала некогда цветущая большая деревня. Группа остановилась. То здесь, то там растекались раскаленные добела ручейки пламени. Подобный накал при таком сильном дожде возможен лишь в одном случае — если это пламя химического происхождения. В ушах стоял нестерпимый зуд от роящихся в воздухе несметных полчищ насекомых. Вскоре все их впечатления затмил зловонный запах горелого человеческого мяса.

— Напали, — буркнул До Дук.

Он представлял себе действие напалма. Сейчас же убедился в этом воочию: море трупов, какой-то немой укор в выжженных глазницах, и над всем этим — тучи насекомых, почувствовавших запах падали. До Дук изучающим взглядом рассматривал тела убитых, будто они могли ему что-то рассказать. Вьетконговцы или лаотяне — даже нунги не могли различить их по внешности.

— Что, по-твоему, здесь произошло? — спросил Рок. — Армия США предприняла генеральную уборку?

До Дук пожал плечами. Он понял, что имеет в виду Рок: не произошло ли здесь нечто подобное тому, что сотворил лейтенант Колли со своей бригадой мясников в деревне Сангми?

— Насколько мне известно, в Лаосе наших войск нет.

— Не строй из себя саму невинность. Мы просто не знаем, чем занимается военная разведка.

Эти слова заставили До Дука задуматься: а не военная ли разведка в структуре отдела Пентагона, ведающего странами ЮВА, послала сюда Мишеля Леонфорте?

Нунги, взяв автоматы на изготовку, с мрачными лицами патрулировали вдоль расходящихся улиц деревни. Мысленно До Дук вернулся к утверждению Диня, что гуаи действуют и на территории Камбоджи. Что им мешает проявить активность и в Лаосе? Каждый новый вопрос, который он задавал сам себе, неизбежно направлял его на север, в сердцевину Золотого Треугольника. Скрытый подвох, слабый привкус которого он ощутил в кабинете полковника Бауэла, приобрел вполне реальный запах — запах джунглей.

Размышления До Дука прервал возглас Риггса. Все бросились к восточной окраине деревни. До Дук поспешил за ними и увидел бетонный бункер. Вместе с Роком они спустились в естественную низину, чтобы рассмотреть его получше. Удивительное дело: бункер не был заглублен, однако совсем не пострадал, в то время как все вокруг было разрушено.

До Дук подал знак Року, и тот, направив ствол гранатомета на запертую дверь, спустил курок. К проему в бетонной стене моментально бросился Дональдсон и швырнул в него гранату с CS. Все отпрянули назад, чтобы не надыхаться газом, молча бросились на землю, дожидаясь, когда пары рассеются.

Через некоторое время До Дук с Роком вырнули в бункер и осмотрелись. Там никто не прятался, это был

склад вооружения. И самое странное заключалось в том, что набит он был автоматами К-50, произведенными в коммунистическом Китае. С учетом предупреждения Диня это было важным обстоятельством.

Они обследовали весь бункер, там было и другое оружие, но все китайского производства.

— Не похоже, что все это спрятал мистер Чарли, — прокомментировал Рок. — Автоматы настолько чисты, что в смазке я вижу собственное отражение. Чарли не так хорошо вооружены.

— Ты что-нибудь знаешь о нунги?

Рок кивнул.

— Ходил с ними в дозор. Когда еще служил в нашей Большой Смертельной номер один. Мы всегда балансировали на самом заточенном острие войны, — он усмехнулся, — в прямом смысле слова „заточенный“.

— Это не их хозяйство?

— Чуть. Откуда бы эти говнюки взяли столько денег, чтобы купить такую кучу оружия?

— Ты что-нибудь слышал о гуан — красной группировке племени нунги?

— Нет. — Рок покачал головой.

— Динь рассказал мне о них. И если ему верить, с ними лучше не встречаться.

— Долбаные нунги, — фыркнул Рок.

До Дук пожал плечами. Запах денег становился все более ощутимым.

— Кто же тогда так расщедрился?

— Нет ничего проще. Советский Союз. Или Дядюшка Сэм.

Долгое время они молча смотрели друг на друга. Наконец Рок сказал:

— Ты считаешь, что все это дерьмо имеет какое-то отношение к Мишелю Леонфорте?

— Не исключено. Кто знает, что было на уме у тех деятелей из Пентагона.

— Если мы все это купили, то кого собирались вооружать?

— Интересный вопрос, — задумчиво произнес До Дук. — На него, полагаю, может ответить лишь один мистер Леонфорте.

— Если мы его найдем.

— За этим нас и послали, — заметил До Дук. — А окажется он мертвым, мы вернемся сюда и „освободим“

этот бункер. За его содержимое нам отвалят изрядную сумму.

— Решено.

На выходе из бункера Рок положил руку на плечо До Дука.

— Кто бы ни был хозяином всего этого, он должен быть где-то поблизости; не исключено, что нас уже взяли под наблюдение.

И на свежем воздухе головная боль продолжалась — видимо, газ CS выветрился не полностью. До Дук разделил их группу на два отряда и приказал вести разведку по системе „Клевер“ — обшаривать местность по кругу, не выпуская друг друга из виду.

До Дук с Роком исследовали местность вокруг бункера. Ничего интересного они не обнаружили. Через десять минут возвратились Риггс и Дональдсон — они обходили пепелище, оставшееся от деревни.

Как раз в этот момент с завыванием начали падать и рваться мины, и небо над ними померкло, съжившись в предчувствии новых смертей.

Под одну из мин первого или второго залпа угодил Дональдсон. Он словно испарился в огненной вспышке. До Дук, бросившийся на землю подле Рока, высматривал Риггса, но сквозь чад рвущихся снарядов ничего не видел. Нунги куда-то исчезли. До Дук с надеждой подумал, что они потом объяснят ему, откуда велся этот огонь.

Тишина, наступившая после атаки, была особенно мрачна. До Дук приподнял голову и взглянул на то, что осталось от Дональдсона, — темное пятно на серой траве. Рядом он заметил могучую фигуру Риггса, который стоял, прислонившись к стене уцелевшего здания. Риггс, опустив голову, рассматривал красное пятно, расплывшееся по куртке. Грудь его тяжело вздымалась.

— Проклятье, — выругался До Дук, глядя на поднимающегося Рока.

Тишина. Он не представлял себе, куда делся Динь и нунги и откуда в конечном счете по ним вели огонь. Взгляд До Дука сфокусировался на окровавленной груди Риггса, и одна мысль сверлила голову — поскорее добраться до него.

— Прикрой меня, — бросил он Року.

Сделав глубокий вдох, он выскочил из укрытия и, петляя, бросился к Риггсу. Пуля снайпера его не сразила, никаких следов присутствия пехоты противника он не

заметил. Не увидел он и нунги — плохой знак. Что с ними случилось? Ушли на разведку или просто-напросто дезертировали?

До Дук склонился над Ригтсом.

— Все будет о'кей, великан, — прошептал он, вскрывая ампулу с морфием. — Успокойся.

Не успел До Дук расстегнуть на нем куртку, как новый залп сотряс воздух. Он отскочил к стене полуразрушенного здания, привалился к ней, всем телом ощущая удары бьющих по ней осколков.

Где же эти чертовы нунги?

Это было его последней мыслью, затем с пронзительным криком и воем мир над ним перевернулся, земля ушла из-под ног и навалилась на живот.

Некоторое время он лежал без сознания, а перед глазами — придя в себя, До Дук будет готов в этом поклиться — прокручивались сцены вчерашнего кошмара, причем в каком-то средневековом исполнении: мечи, доспехи, сыплющаяся из-под копий листва, и он сам, в шлеме и маске, бегущий за горизонт в лучах заходящего солнца.

До Дук очнулся. Над ухом он увидел перекошенный рот Рока, тот отчаянно тряс его и что-то орал.

— Что? — До Дук разжал губы. — Что?

— Пора сматываться, — кричал Рок. — Я нашел этих нунги, вернее то, что от них осталось. — Он помог До Дуку подняться и обрести равновесие. — Черт возьми, приятель, включи мотор у себя в заднице!

До Дук кивнул. В этот момент вновь начался обстрел, и они поползли на северо-западную окраину деревни, все глубже проникая на территорию Лаоса, и в этом был свой смысл — снаряды здесь рвались значительно реже.

Потом До Дук провалился в сон. Он лежал под пальмой, скрюченный от боли и выжатый как лимон. Каменная глыба, расцарапав все тело, упиралась ему в живот. Все тело ныло, но он воспринимал это как хорошее предзнаменование — значит, еще жив.

До Дук спал... и видел сны, даже не сны, а какой-то калейдоскоп образов, меняющихся так быстро, будто адреналин войны переключил его сознание на самую высокую передачу.

Он разговаривал с изувеченной девочкой на холме рядом с рисовым полем. У нее не было глаз, но она улыбалась ему самым обезоруживающим образом. Ее пу-

стые глазницы источали свет воспоминаний, подобно лучам зенитных прожекторов.

Конечно, не ее воспоминаний, а воспоминаний До Дука: сцены безрадостного детства, вновь прокрученные в подсознании, так надорвали его душу, что, когда он на рассвете разлепил глаза, в ней не осталось почти ничего живого, ни малейшей пристани, куда бы можно было причалить. Только война, и ничего кроме войны — он сам выбрал этот путь, и только в его хитросплетениях решил забыться и не вспоминать мучительную дорогу домой.

Так все и произошло.

До Дук сам вызвался первым заступить на пост в качестве наблюдателя, однако его постоянно клонило ко сну, и он погружался в дремоту. Счастье, что их не вырезали ночью.

Горизонт заволокло облаками. Видимость была практически равна нулю, как будто они находились не на равнине, а где-то в Кордильерах, на высоте тысяч футов над уровнем моря.

— Где мы, черт возьми, находимся? — спросил Рок.

— Не знаю, — ответил До Дук, разминая колени и спину. Сделав несколько приседаний и наклонов, он почувствовал себя лучше. — В таком густом тумане я не отличу запада от востока.

До Дук достал из кармана компас, но его можно было смело выбрасывать: то ли во время их рейда, то ли во время обстрела прибор вышел из строя. Он взглянул на Рока. Тот сидел на стволе поваленного дерева, верный гранатомет покоился на его правом бедре.

— Сейчас мы с тобой одни, поэтому мне бы хотелось расставить все точки над „і“, — сказал Рок. — Меня не очень беспокоит, вернусь я назад или нет. Откровенно говоря, чем больше я думаю, тем меньше мне хочется, будь они все неладны, туда возвращаться. Вне этой дерьмовой армейской бюрократии я чувствую себя уверенней. — Рок сплюнул. — Тебе не хуже меня известны все прелести этой войны, — продолжал он. — За любым кустом может сидеть и гадить чарли. Патронов на них не напасешься.

— А поддержка? Без нее не обходится ни одна война.

— Положи ты на нее. Вся поддержка Пентагона сведется к тому, что они угробят нас. Имей это в виду. Какая-нибудь уловка с огнем противника или с собственным, неправильно координированным огнем по засаде вьетконговцев — и мы на небесах.

— В этом с тобой трудно спорить.

— Зачем тогда возвращаться? Мне в этих глухих местах нравится, и я думаю, чем дольше я здесь пробуду, чем глубже залезу в эту глушь, тем лучше буду себя чувствовать. Почему, как думаешь? Потому что здесь я в безопасности. Здесь я могу полагаться только на себя и на тебя, а не на тех говнюков из Пентагона, которые даже задницей не нюхали войны. Мы же этого дерьма нанюхались вволю. Отсюда следует и исходить.

До Дук вновь задумался.

— Свое дело мы обязаны выполнить, — наконец произнес он.

— Пошли ты это дело куда-нибудь подальше. Нас осталось двое. Зачем лицемерить? Поговорим откровенно.

— Что ты имеешь в виду? — До Дук прекрасно представлял себе ответ, однако хотел выслушать его из уст Рока.

— Мне кажется, что нас послали расхлебывать большой чан с воюющей кашей, сваренной в недрах военной разведки.

До Дук кивнул.

— Согласен. Но, тем не менее, я хочу добраться до нашего клиента.

— Мишеля Леонфюрте. Конечно, почему бы и нет? Если он еще жив, — в течение минуты Рок в задумчивости давил муху между большим и указательным пальцами. — Ты же понимаешь, что вся эта наша операция сейчас перешла в совсем иную фазу.

— А мне представляется, она никогда и не была такой, какой предполагалась.

— Еще лучше, — ухмыльнулся Рок, поднимаясь. — Следовательно, пусть она катится к чертям собачьим.

К полудню они добрались до небольшого сухого участка между двумя полосами заболоченного грунта — судя по всему, до войны здесь была чья-то ферма. До Дука всего ломило от боли.

Туман настолько сгустился, что в полуметре ничего не было видно. Эта влажная пелена даже заглушала звуки, впрочем, сказать по правде, и слышать было почти нечего. До Дуку казалось, что они передвигаются по местности, вообще лишенной всякой жизни, будто бы превратились в каких-то порхающих призрачных существ, обитающих в неведомом мире, где невозможно ни приземлиться, ни что-либо изменить.

В подобной глуши и при такой нулевой видимости всякое чувственное восприятие теряло смысл, даже шелест листьев буйной субтропической растительности, окружавшей их, слышался откуда-то издалека, будто тоже таял в густом тумане.

Но даже в этом состоянии, где-то между сном и явью, напряжение нервов было настолько велико, что позволяло оценивать сиюминутные изменения в окружающей обстановке.

До Дук остановился.

— Мы здесь не одни.

— Во всем этом дерьме нас невозможно заметить даже с помощью инфракрасной техники и всяких там пеленгаторов.

Тем не менее он не преминул взять на изготовку свой неразлучный гранатомет.

— Хочу сказать тебе одну вещь — если чарли здесь, то свою дермовую могилу они найдут именно здесь.

До Дук попридержал его за руку.

— Не пори горячку. А то вместе с чарли мы отправим к праотцам и мистера Леонфорте.

— Если чарли, или гуаи, или кто-то еще, будь они все трижды неладны, и держат его в заложниках, то, полагаю, они в любом случае всерьез беспокоились о том, чтобы этого типа нельзя было освободить.

До Дук не сомневался в этом утверждении Рока, смущало то, что предварительные правила игры давно уже изменились.

До Дук указал в сторону скрытых в туманной дымке деревьев.

— Сюда.

Липкий, влажный и тревожащий душу воздух висел над ними. Шли они очень медленно, будто не по земле, а по дну океана либо по планете, где гравитация во много раз превышала земную. Дышать становилось все труднее.

— Полагаю, весь этот путь вы проделали, чтобы найти меня.

До Дук с Роком остановились как вкопанные, глядя на вышедшего из кустов мужчину. Шестеро следовавших за ним материализовались как будто из стволов деревьев. До Дук бросил на них быстрый взгляд — а не гуаи ли они? Он тут же быстро обратил свой взор на мужчину, стоявшего впереди них.

— Мишель Леонфорте?

Мужчина усмехнулся.

— Просто Мик. Ты явно узнал меня по тем карточкам, которые тебе показывали в Пентагоне. Сам-то ты наверняка оттуда.

— Не совсем, — сразу на оба вопроса ответил До Дук.

Мишель Леонфорте, которого он видел сейчас наяву, несколько отличался от того мужчины, который был изображен на фотоснимке, показанном ему полковником Бауэлом при их последней встрече. Хотя чем больше До Дук вглядывался в Мишеля, тем больше сходство бросалось ему в глаза.

— Мы не из той группы, которую прислал сюда Пентагон, мы — „оборотни“.

Мик Леонфорте усмехнулся.

— „Научная фантастика“. „Оборотни“? Я слышал о вас.

Со всех сторон До Дука с Роком окружали плоские желтые лица нунги, одетых в маскировочные костюмы, высокие десантные ботинки; талии перетянуты ремнями времен второй мировой войны. Вооружены они были автоматами К-50 китайского производства явно из того склада, что До Дук обнаружил в бункере. На их форменной одежде не было знаков различия, но, когда Леонфорте поднял правую руку, требуя внимания, До Дук заметил на внутренней стороне запястья странную татуировку: человеческое лицо, у которого левая половина была естественного цвета и с открытым глазом, а правая выкрашена в голубой цвет, а на месте глазницы — вертикальный полумесяц.

Мгновенно опустившаяся вниз рука Мика, маленькая, но сильная, заставила До Дука вспомнить о прошлом — оно как бы молнией пронзило его мозг.

— Вы, парни, в свое время разгребли приличную кучу дерьма, — сказал Мик. — Было бы чертовски обидно вас убивать.

До Дук почувствовал, что Рок приближается к нему, однако не сказал ни слова. Он продолжал изучающе смотреть на Леонфорте, пытаясь определить, что же все-таки случилось с ним. Когда-то До Дук слышал историю о двух офицерах морской пехоты, ставших своими среди дикарей, однако он подозревал, что это было бы слишком простым объяснением загадки Мишеля. Что же с ним произошло? Где найти ключи к разгадке? А по напряженным лицам нунги До Дук видел, что те куда-то спешат.

— Мой полковник послал нас сюда, чтобы спасти тебя.

— Не вижу в этом ничего удивительного.

Он отпустил себе бородку, волосы у него были такие же темные и блестящие, как и у окружающей его охраны из горцев. Бородка была холеной, но не совсем вписывалась в требования армейских уставов. Щеки немного запали, а бездонная голубизна глаз, выдававшая в нем человека, давно отвыкшего от общества, ввела бы в ужас любого офицера военной разведки.

— Мои хозяева пытались отозвать меня отсюда, как только поняли, что послали не того человека не в то место.

— А тебя насильно вперли в эту военную разведку? — спросил Рок.

— Как вперли, так и выпрут, — ответил Леонфорте. — Я пошел своим путем — как Алиса в Стране чудес, очарованная словами Болванщика. — Он усмехнулся. — Чертовы сказочные герои. У всех у них имена типа Болванщика, Безумного Шляпника, Червонной Королевы...

— Мы собирались вызволить тебя из плена! — воскликнул Рок. — Какого же черта...

— Забудь разведку, помни о сказочных героях, — перебил Рока До Дук. — Поэтому-то они и вытащили тебя из тюрьмы и думали, что ты будешь теперь у них вечно на крючке. Либо ты их слушаешься — либо твоя задница снова на тюремной койке.

— И ты потеряешь доступ к Тысяче и одной ночи, так мне сказал Болванщик.

Леонфорте засмеялся, придирчиво глядя на До Дука.

— Да, ты более или менее правильно передал его смысл. Но он приставил дуло револьвера не к тому виску. Я не привык выслушивать угрозы, тем более — унижаться. Мой папа с детства учил меня не пасовать перед высокомерными ничтожествами.

Он невозмутимо пожал плечами.

— Какая, черт побери, разница? Они послали тебя за моим скальпом; мне же этого не хотелось бы.

Нунги навели автоматы на До Дука с Роком.

— Молитесь, говнюки!

До Дук понял, что пришла пора сблефовать.

— У нас и не было намерений тащить тебя обратно в штаб.

— Смешно слышать.

Леонфорте подошел к До Дуку и провел пальцем по его лбу.

— А ты вспотел, парнишка? — издал он какой-то горловой звук. — Что же могло привести тебя сюда, в мои владения?

Вот оно, наконец, то подтверждение, которого так дожидался До Дук. *Мои владения.*

— Зачем нам нужно было бы волочь тебя назад? — спросил До Дук. — Резать курицу, несущую золотые яйца?

Лицо Леонфорте вмиг помрачнело. Наступившая затем тишина длилась ровно столько, сколько потребовалось для того, чтобы волосы на загривке у До Дука встали дыбом.

— Курочка, несущая золотые яйца, — сказал Леонфорте таким тоном, каким Аладдин мог бы сказать „Сезам, откройся!“.

— Разумеется. Именно этим ты и занимаешься, возглавляя секту красных гуан.

Глаза Леонфорте раскрылись в изумлении.

— А что ты-то можешь знать о секте гуан, кроме болтовни и сплетен? Это глубоко религиозные люди.

— Сейчас меня больше интересует эта золотая курочка, — ответил До Дук. — Она должна принадлежать мужчине, у которого хватило мужества пробраться сквозь все заслоны вьетконговцев, чтобы очутиться в Золотом Треугольнике. Сколько эта наркота приносит в год? Мы бы с Роком не отказались от доли. Это лучше, чем тащиться назад.

Леонфорте повернулся к своим гуан.

— Вы только послушайте! Верите ему? Какой говорун! Туда же — о мужестве!..

Повернувшись к До Дуку, он приставил ствол пистолета армейского образца сорок пятого калибра к его виску.

Рок было шелохнулся, но в спину ему тут же уперся автомат К-50.

— Забудь думать об этом, — молвил Леонфорте, поворачивая головы. — Занавес.

Кроме щелчка курка по бойку иного звука не последовало.

Глядя прямо в лицо До Дуку, Мик глумливо усмехнулся. Затем отвел ствол от головы До Дука и с чувством расцеловал его в обе щеки.

Гуан отвели оружие в стороны и расхохотались.

— Добро пожаловать, — сказал Мишель, — в Страну мертвецов.

В тот краткий миг между тем, как палец начал жать спусковой крючок армейского пистолета, и резким звуком курка по бойку в воспоминаниях До Дука со скоростью курьерского поезда, сошедшего с рельсов, промелькнули его молодые годы.

Все началось с ауры, которую он видел вокруг людей, окружавших его, и которые были лишены своей плоти; он вновь начал пробираться сквозь глубины своего подсознания. Их нематериальные символы как бы пульсировали у него перед глазами.

Где-то в ушах прозвенел и отдался эхом крик тропической птицы — казалось, она села ему на голову.

Ему вспомнился белый какаду, огромный, как ребенок, сидевший у него на плече, распластав длинные золотистые крылья, и с нескрываемым интересом уставивший на него свои красные, с поволокой глаза. Прошлое и настоящее смешалось в сознании До Дука. У него в голове пронеслась мысль, что если попугай заговорит, то все его сомнения лопнут как мыльный пузырь и он пробудится от этого кошмара. Ничего подобного не произошло, и его вновь начали преследовать ауры.

Ао, старейшина нунги, главный шаман племени, часто уводил До Дука в межгорное ущелье, где в широкой мутной реке нунги ловили рыбу. И было в этих походах нечто идиллическое, в большей мере свойственное взаимоотношениям между отцом и сыном, чем между наставником и учеником.

В один из таких дней, когда солнце, казалось, было готово растопить обнаженное тело До Дука, Ао подстроил ловушку на крокодила и „оседлал“ его — мальчик с гипнотическим ужасом наблюдал, как старик заставил того разжать пасть и вставил в нее распорку из куса очищенной от коры ветки, — жуткое чудовище стало почти безопасным.

Затем Ао усадил на спину крокодила До Дука, заставив его вцепиться ладонями в бронированную шею этой гадины. Душа До Дука ушла в пятки, биение сердца, подобно ударам грома, сотрясало грудь, пульсация крови разрывала барабанные перепонки. И вдруг, неожиданно, без всякого предупреждения, Ао подтолкнул его еще вперед, так что голова До Дука оказалась вровень с мордой крокодила. Отвратительные глаза рептилии смотрели прямо на него.

Зачем Ао сделал это? Даже сейчас, отчетливо вспоминая этот момент, До Дук не смог бы ответить на вопрос. Догадки, конечно же, были: лишний раз напомнить, что, не найдя себя среди людей, не исключен вариант обрести свое „я“ среди диких зверей.

Другие бы ужаснулись этому предположению, но только не До Дук. Он был единственным свидетелем того, как Ао вонзил нож в мозг крокодила, как раз между глаз, которые за несколько минут до этого разглядывали До Дука если и не с особым любопытством, то, по крайней мере, с интересом.

В ночь того же дня, наблюдая за тризной племени, наслаждавшегося жареным мясом убитого крокодила, которое До Дук помогал Ао отделять от костей, он вновь ощутил видение ауры и вспомнил того какаду, его почти человеческий крик, будто он сам душил его своими окровавленными в трухе крокодила руками.

И с тех пор как он впервые очутился у нунги, этот неистовый крик птицы стал значить для него больше, чем заслуженное и почти желаемое наказание от его наставника.

Именно в этот момент До Дук явственно ощутил чувство греха, но не того греха, о котором безапелляционно, с каким-то истовым усердием толковали миссионеры — ненавистные его сердцу католики, — а греха перед самой матерью-природой. Не в их глазах, а в красном свете зрачков какаду До Дук узрел ореол страсти, какое-то внезапное сияние и упоение собственным грехом.

И даже когда старейшины окончательно признали его своим и он сам обрел статус шамана, крик этой птицы не давал ему покоя, выворачивая сердце наизнанку.

По собственной инициативе он вызвался поймать и убить крокодила, как это сделал Ао тринадцать месяцев назад, — возражений не последовало. Ему предстояло разделать тушу и принести окровавленные куски мяса, чтобы все — старые и молодые — смогли убедиться в его силе.

Как ему и было предписано, До Дук вышел на охоту один. Крокодила он обнаружил довольно быстро — огромная туша, подобная стволу срубленного гигантского дерева, отдыхала в тихих водах реки Сонгба. Вряд ли кто-либо решился перешагнуть этот естественный барьер, чтобы перебраться на противоположный берег.

Сила и спокойствие: именно эта мысль, подумал До

Дук, приходила ему в голову, когда кричал какаду, будто птица имела власть над его сознанием. Способен ли человек, будь то шаман или священник, властвовать над волей себе подобного? Нет.

Вместо того чтобы вонзить нож в крокодила, До Дук, что-то ласково наговаривая, ваобразя ему на спину и заглянул в его подернутые красной пеленой глаза — сразу вспомнился первый урок Ао. По мутным водам речонки он плыл на шее чудовища, пока не увидел на берегу миссионеров, вдальбливающих в местных жителей — обитателей низин католические истины о Боге, Дьяволе, адском огне и всеобщем проклятии. Эти миссионеры почти не обращали внимания на своих слушателей, на окружающие их леса и первобытные дебри. Их сознание витало в Риме, и нигде, кроме Рима.

Один из них, прервав тираду, спустился к илистому берегу, чтобы окунуться и немного освежиться, — крокодил моментально рванулся вперед и, ухватив его за колено, потащил вниз по течению. Чтобы прекратить крики служителя Бога, До Дук заколол его; затем освежевал миссионера, отделил мясо от костей — крокодил терпеливо наблюдал за всей этой процедурой, когда же дело было закончено, зеленое чудовище нырнуло в воду, вышвырнув До Дука с его добычей на берег.

Какая-то неведомая энергия вливалась в старейшину племени, когда они пировали, наслаждаясь человечной, которую им торжественно вручил До Дук. В его же запах продолжал эхом отдаваться крик какаду, и он, улыбаясь, вместе со всеми хватал руками сочное ароматное жареное мясо.

— Я бы мог убить вас обоих, — отрезал Мик Леонфорте. — Возможно, мне и следовало именно так поступить.

— Ты не пожалеешь, что мы присоединились к тебе.

Рок сказал эту фразу с такой убежденностью в голосе, что Леонфорте как-то сразу умолк и долго рассматривал его. Наконец он произнес:

— Вам ведь почти ничего не известно. Когда же вы кое-что узнаете, тогда посмотрим.

— Стало быть, ты хочешь нас испытать? — спросил Рок.

— Прежде всего вы должны понять, что законы здесь диктую я. Если же эта истина окажется вам не по зубам,

можете считать себя покойниками. Это уже доказано на практике.

— Уже доказано, — промолвил До Дук. — Ты имеешь в виду предыдущую группу из Пентагона.

— Здесь я царь и бог, — несколько иначе высказал свою мысль Леонфорте, будто не замечая реплики До Дука.

Он подал знак, и из кустов появились гуан. Они жевали вяленую рыбу и холодный сухой рис. Даже эта неприхотливая еда после сухого пайка показалась Року с До Дуком манной небесной.

— Можете спросить у моих ребят, — добавил он.

Вновь До Дук убедился, что кому-нибудь в Пентагоне не составило бы особого труда прилепить к Леонфорте ярлык психопата. ОЭУ — существовала такая аббревиатура, и До Дук не сомневался — именно так его рассматривали все хорошо знавшие Мика в Сайтоне — опасен в экстремальных условиях. Такой вывод напрашивался сам собой, был весьма логичен, но и чрезвычайно опасен. Видимо, именно подобные умозаключения и угробили тех парней из первой спасательной группы. До Дук понял, что, если будет чрезмерно разговорчив, они с Роком моментально окажутся на небесах.

— Мне понравилось то, что ты сказал о золотой курочке, — подал голос Леонфорте. — Что же тебе известно об этом трубопроводе из Золотого Треугольника?

— Только то, о чем мог догадаться. Мой командир был нем как рыба, следовательно, он в курсе всех этих дел.

— Почему ты так в этом уверен?

— Прежде всего, у него отлично палажена связь с отделом Пентагона, ведающим странами ЮВА. — До Дук на секунду задумался. — К тому же он не кадровый. Бывший профессор из колледжа. Ему обрыдло на гражданке, и он прыгнул в полковники. На короткой ноге с воротилами из высших штабов.

До Дук слизнул соль с кончиков пальцев.

— Во-вторых, приказ, который я получил, заключался в том, чтобы освободить тебя и доставить именно к нему, а не в структуры Пентагона, — До Дук ухмыльнулся. — Тоже приказик из серии, папахивающей дерьмом. Когда же я встретил тебя, все встало на свои места — дружба моего „гражданского“ полковника с шишками из Пентагона и его указания доставить тебя именно к нему стали для меня секретом Полишинеля.

Лицо Леонфорте озарилось улыбкой:

— Чем больше я смотрю на тебя, До Дук, тем больше ты мне нравишься. Видимо, я сделал правильный выбор, не вышибив тебе из сорок пятого калибра мозги.

Мик поднялся, стряхнул с брюк крошки риса. Гуан взяла автоматы на изготовку.

До Дук, медленно расправляя затекшие ноги, более чем когда либо чувствовал себя во власти Леонфорте.

— Пойдем, — бросил Мик. — Я должен показать тебе еще кое-что на базе.

Солнце еще не успело зайти, как они добрались до стоянки. Сквозь дымку облаков светились верхушки деревьев. В гуще кустов слышался звонкий клекот птиц, а где-то вдали раздавался предупреждающий рокот какого-то большого хищника — наверняка тигр, подумал До Дук.

Лагерь Леонфорте примерно соответствовал той стоянке, которую воображал себе До Дук. И хотя люди там жили не в палатках, а в домишках, вся ее инфраструктура свидетельствовала о бедности и невзгодах, о которых европейцам было бы весьма трудно судить. Запах помойки и гниющей рыбной требухи застревал в горле.

В одно мгновение и без какого-либо знака Леонфорте — До Дук, по крайней мере, его не заметил — гуан рассеялись. Остался лишь один, который сопровождал их к наиболее презентабельному домику. До Дук предположил, что это резиденция самого Леонфорте, но ошибся и с этого момента принял окончательное решение относительно иллюзорности своего мнения раскусить этого человека с палету.

Как оказалось, в постройке располагалась тюрьма, и в ней был заключен только один мужчина: явный европеец в темной форме вьетконговцев; на его куртке не было знаков различия, но выправка и манера держаться выдавала в нем явного военного.

— Один из твоих дерьмовых шефов? — спросил Рок.

Леонфорте кивнул:

— Безумный Шляпник.

Узник был загорел и хорошо сложен. Строен и высок — его голова почти упиралась в потолок импровизированной камеры. Пронзительные голубые глаза без видимого предубеждения изучающе смотрели на пришедших. До Дуку хорошо была знакома эта маска безразличия.

— Он возглавлял первую группу, охотящуюся за мной, — пояснил Леонфорте.

До Дук хотел было спросить, что случилось с остальными, но вовремя осекся — этот старший группы и есть ответ. Он единственный в этом лагере, других нет. Мик о них даже не упомянул. Следовательно, они мертвы.

До Дук понял, что Леонфорте уже пересек тот роковой рубеж, который им с Роком только предстояло миновать, решишь они связать свою дальнейшую жизнь с этим человеком. Для себя эту проблему До Дук решил без особых угрызений совести: законы, принятые в человеческом обществе, уже давно перестали быть для него нормой и его не очень тяготил новый шаг, который поставит его вообще вне закона.

— Что ты собираешься с ним делать? — нежным голосом, но с убийственной интонацией, хорошо известной До Дуку, спросил Рок.

— Еще не решил.

Рок сделал шаг в направлении Шляпника. Глядя ему прямо в глаза, он произнес:

— У меня есть идея.

До Дук не стал возражать против того, что задумал Рок, поскольку план Рока только укреплял их взаимоотношения с Миком Леонфорте. Предложение Рока произвело положительное впечатление и на самого Леонфорте, ибо он сразу же удваивал свою власть над гуай и, следовательно, над собственно „золотым“ трубопроводом; кроме того, эти двое оказывались повязанными с ним одной ниточкой — на всю оставшуюся жизнь. Неплохое послание придумал Рок Болванщику, подумал Мик.

— Когда они получают нашу посылку, — как бы продолжил его мысль Рок, — то дважды задумаются, прежде чем послать кого-нибудь за нами.

Рок приказал гуай привязать Шляпника к бамбуковой изгороди. Затем, склонившись над ним, начал задавать вопросы. В этом заключалась уловка.

Допрос должен был убедить Шляпника в том, что им необходимо выведать известные ему секретные сведения военной разведки. Основной же замысел заключался в том, чтобы подставить его, сделать живой дезинформацией. Появление Шляпника в дверях Пентагона должно было вызвать ответную реакцию со стороны Червонной Королевы.

— Мы можем убить его, — пояснил Рок, — это самое

простое решение вопроса, но в этом случае никакого послания не получится. Его смерть просто спишут на счет чарли. Мы же отправим более ценную посылку: инсценируем его освобождение, и тогда он напоеет Червонной Королеве много полезных для нас песен, а сольная ария будет о том, что мы честно исполняем свой воинский долг.

До Дука поразила дальновидность Рока. Пусть пердуны из Пентагона лишний раз убедятся, что война важнее золота. Во всем мире всех власть имущих интересует лишь запах золота — вне зависимости, будь ты капиталист, марксист, фашист или анархист. Непреложная истина — коммерция выше всякой идеологии.

До Дук и Мишель Леонфорте смотрели, как Рок обрабатывает Шляпника, чередуя яркий свет фонаря, крик и удары плеткой. Делал он это настолько методично — любая медсестра в регистратуре госпиталя могла бы позавидовать ему, — что даже у До Дука по спине пробежали мурашки.

Откуда у Рока такие навыки? В Первой пехотной такому не учат. Не человек, а раздраженный питбуль, впевнившийся в живую плоть.

Видимо, и у Леонфорте это зрелище вызвало подобные же ассоциации:

— Этому дерьму он научился у „оборотней“?

— Никогда не видел ничего подобного. Меня этому не обучали, — буркнул До Дук.

Разговор происходил в низинке, служащей отхожим местом.

— Твой старший офицер наверняка большой дока в подобного рода делах?

— Бауэл? Не замечал. Не понимаю, какого черта он торчит в этой задрипанной „Научной фантастике“, вместо того чтобы пригреться в Пентагоне.

— В этом нет ничего удивительного. Стереотипное мышление власть имущих: здесь он повелевает и не обязан отвечать на вопросы. Нет никому дела до того, кто он на самом деле, — предположил Мик, застегивая ширинку.

— Возможно, — До Дук также застегнул брюки. — Но по-моему, эти пердуны видятся тебе на каждом дереве. Они же не бананы.

— Позволю тебе заметить, — сказал Леонфорте, когда они возвращались к площадке, где Рок приводил в сознание измученного Шляпника, — что в этом деле тебе и

твоему приятелю придется высматривать всякую нечисть и на банановых деревьях. В противном случае вы окажетесь на электрическом стуле еще до того, как придумаете себе оправдание.

В воздухе витал запах страха, пота и фекалий. Перед ними тугими буграми мышц дыбилась спина Рока. Работая над своим пленником, он даже скинул куртку.

До Дук разглядел в руке Рока лезвие опасной бритвы. С ловкостью хирурга Рок уродовал ею лицо Шляпника.

Услышав звук приближающихся шагов, он прокомментировал:

— Хочу быть уверенным в том, что он не забудет о допросе и необходимой нам информации.

Вехлипы и стоны смешивались с рычанием какого-то хищника. Подойдя к Року, До Дук узрел всю операцию. Сжатый рот пленника расширился по мере того, как лезвие взрезало уголки губы; из-под щек пузырилась кровь.

До Дуку опротивело смотреть на истязание. Он сделал знак Леонфорте, и они отошли в сторону от этой бойни. Над ними радостно вновь засияло солнышко.

— Твой друг явный трудоголик.

— Ты не знаешь его даже наполовину, — ответил До Дук. — Но янки более других чувствительны к запаху денег.

Леонфорте усмехнулся.

— Ты прямо как мой отец. Тот всегда говорил, что запах денег перешибить невозможно.

— Рок же, как мне кажется, жаждет либо власти, либо денег.

Леонфорте вытер пот со лба.

— Для него это вопрос веры: нечто вроде чаши Святого Грааля, — закончил свою мысль До Дук.

— Твоя идея мне абсолютно ясна. По-моему, над Безумным Шляпником он поработает еще пару дней.

— Я не думаю, чтобы в этом была какая-либо нужда, — заметил До Дук. — Какой в этом смысл?

— По правде говоря, мне это абсолютно безразлично, — бросил Леонфорте.

Допрос закончился. Леонфорте, гуан и их пленник отправились по своим местам. Шляпника предполагалось отпустить завтра утром.

— Пора заняться делом, парни, — сказал он, когда Леонфорте отпустил гуан. — Мне бы хотелось знать, когда ты сможешь оторвать чарли от этой золотой жилы.

Откинув голову назад, Леонфорте расхохотался.

— Неужели до тебя так и не дошло, а?

— Дойти и до дурака сможет, — с досадой на себя бросил До Дук.

— Ты принял очень серьезное решение, До Дук. Из Золотого Треугольника путь ведет только в Штаты. Чарли к нему и носа не совали. Всем этим треугольным дерьмом заправлял долбаный Дядя Сэм. Вся война держится на этом золоте и на наркоте.

— Ты хочешь сказать, что правительство Соединенных Штатов проложило этот опиумный путепровод? Ты что, рехнулся?

— Если под правительством ты имеешь в виду Конгресс или Комитет начальников штабов — то нет, — ответил ему Леонфорте. — Всем этим делом заправляют шишки из разных министерств: обороны, юстиции — одним словом, из исполнительных органов, у которых есть власть тащить все, что они могут.

— То есть?

— Власть. Сила, — ответил Леонфорте. — Этих говнюков только власть и беспокоит: манипуляция правительством, событиями, людьми, состоянием экономики. Власть и игры с законом. У этого клана есть даже собственное имя — Сеть.

— Откуда тебе все это известно?

— Именно эта Сеть меня сюда закинула, но, оглядевшись, я понял, что поставленная передо мной задача слишком масштабна, поэтому я решил выполнять ее, сообразуясь только со своим собственным мнением.

Леонфорте вновь усмехнулся.

— Я сам возьму от этой Сети больше, чем она от меня. Именно поэтому Болванщик так ищет меня в джунглях и хочет вернуть назад.

— Какое дерьмо, — бросил До Дук. — Неужели Сеть, зная о тебе все, положила именно на тебя в деле транспортировки наркотиков в Штаты?

Блеснув глазами, Леонфорте рассмеялся.

— У меня есть кое-какие высокопоставленные друзья. Во всяком случае, были. К тому же и братец у меня — ангел-хранитель.

С лица неподвижно стоящего До Дука градом катил пот. На некоторое время мозг его был парализован. Услышанное поразило его, особенно то, что вместо слова „отец“, которого он ждал, прозвучало „брат“. Имена мно-

гих Леонфорте перемешались у него в голове, — кто же из них главарь мафии?

— А сейчас ты обманываешь своих же людей. Для чего?

Леонфорте пожал плечами.

— Не тебе говорить про джунгли. Ты же вьетнамец и прожил в них всю жизнь. В этих горах только *сила и власть* что-либо значат. Это как укусы вампира. И я подумал, для чего мне быть каким-то мальчиком на посылах у Сети, в то время как я сам смогу править своей империей. — Он опять засмеялся. — К тому же, До Дук, это просто глупо — имея свою голову на плечах, зависеть от безмозглых толстосумов.

— Если все то, что ты мне говоришь, — правда, то Сеть не оставит тебя в покое. Они готовят против тебя целую дивизию.

Леонфорте фыркнул.

— Неужели? И сколько же именно батальонов они выплут? Сколько дураков-офицеров найдется, чтобы возглавить эти подразделения? Особенно в такой горячей точке, как Лаос? Сомневаюсь.

На его губах появилась кривая улыбка.

— К тому же я должен решить кое-что с братом. Это меня не очень обременит.

До Дук тщательно обдумывал услышанное. Он размышлял: каким образом военная разведка вышла на досье Леонфорте и сделала ставку именно на этого лейтенанта? Как случилось, что Бауэл, возглавивший „оборотней“, послал его, чтобы вызвать Леонфорте? До Дуку вновь вспомнилась инструкция полковника о том, что Мика необходимо приволочь к нему живым или мертвым.

Он вздохнул и признался:

— Хочу тебе кое-что сказать. Мне было приказано доставить тебя назад, на базу, — хотя бы и мертвого.

Леонфорте кивнул.

— Сеть и до тебя посылала за мной. Ну и что из этого?

— Первая группа, может быть, и была Сетью, — сказал До Дук. — Мой же полковник Бад Пауэлл выразился совершенно однозначно: он приказал мне доставить тебя лично *к нему*, а не в отдел Пентагона по ЮВА, мне показалось это странным в...

Леонфорте, задумавшись, посмотрел на До Дука. Поморгал, как бы не веря своим ушам. Наконец негромко сказал:

— И кто же давал тебе эти приказы?

— Мой полковник. Бад Пауэлл.

— Брат. — Прозвучало это так, будто Леонфорте произнес имя Бога. — Пауэлл работает на моего брата в Сети. Значит, братец пошел против меня.

Он отвернулся в сторону; плечи его вдрогнули как бы от порыва ветра, озноб от которого ощутил только он. Когда он вновь повернулся к До Дуку, глаза его неестественно блестели, и До Дук услышал:

— Это все меняет. В том числе и твою роль в этом деле.

Таких слов До Дук не ожидал.

КНИГА 2: СТАРЫЕ ВРАГИ

*Правда о человеке
заключается прежде всего
и именно в том,
что он пытается скрыть.*

АНДРЕ МАЛЬРО

ВЕНЕЦИЯ / ТОКИО / ВАШИНГТОН / ПАРИЖ

Когда Челеста пришла в сознание, то ни демона, ни моста Канфа уже не было. Она глубоко и судорожно вздохнула, как бы пробуждаясь от ночного кошмара. Очнувшись она на сыром полу в огромной холодной комнате без окон, находившейся, казалось, в самом центре здания. Никакой мебели в помещении не было, только семь огромных медных канделябров, в воздухе витал отвратительный запах ядовитого гриба, о котором ей рассказывал Николас.

Наконец она увидела его — сгорбившуюся спину на том месте, где в видениях им представлялся этот ужасный мост из костей и черепов. Николас был обнажен по пояс — будто рубашку и куртку он потерял в этой схватке.

Челесту удивил его могучий торс, увитый сплошными спиралями тугих мышц.

— Николас?

Ответа не последовало.

Наконец ей удалось восстановить дыхание. На одном из пожухлых от времени гобеленов, которыми была увешана комната, Челеста смогла рассмотреть вытканые на нем сцены охоты, восходящие к древности: несущийся в серебряном ореоле единорог и рогатый дракон, изрыгающий ядовитые огненные струи.

Как зачарованная, она долго вглядывалась в глаза охотников, затуманенные пеленой страха и запахом крови.

Особенно трагично то, думал Тандзан Нанги, что все это так страшно закончилось в Токио, в стране, которую она не понимала и которая в конечном счете стала причиной их разрыва с Николасом.

Нанги молча смотрел на закрытый гроб, установленный в храме Святой Терезы — единственной римско-католической церкви в районе Синдзюку, расположенной в пяти кварталах к западу от Мэйдзи-дори. Именно в этот храм, когда Джастине стало совсем невмоготу, Нанги впервые привел ее.

С тех пор церквушка стала ее постоянным местом, где она молилась своему Богу; в ней же ее и отпоют. Вместе с Риком Милларом.

Как сквозь туман, перед глазами Нанги проплывало ее лицо — вечно напряженное в жизни и успокоившееся после смерти. Сверлили мозг воспоминания рева полицейских машин, свет их фар и фигуры санитаров, извлекающих из покоренного автомобиля то, что осталось от Джастины и Рика.

Кто бы мог подумать, что Рик Миллар, обратившись к нему с просьбой разыскать Джастину, имел тайное намерение увезти ее назад в Америку? Откуда было знать, что, переспав с ним, та согласится?

Вновь перед глазами Нанги возникло лицо Джастины — это было как наваждение.

Он гнал от себя ее образ — слишком много страданий она причинила его другу, — но не мог. Нанги не был истовым синтоистом, тем паче христианином, он просто умел хорошо понимать человеческие взаимоотношения, и его самого немного корбило от стремления Николаса обратить в другую веру свою жену.

На секунду звук ритуальных псалмов прервал ход его мыслей.

Отчасти Нанги понимал Николаса: Тау-тау. Он чувствовал, что стоит Николасу убедить себя в своей причастности к таньдзян — происхождение его матери не оставляло в этом сомнений — и он станет другим человеком. Именно эта мысль приводила Джастину в ужас.

Даже Нанги почти ничего не знал о тех тайнах, в которые посвящал Николаса его наставник и враг Кансацу на заснеженных просторах Ходаки, этих японских Альп. Нанги был уверен лишь в одном: что бы там ни происходило, вернулся оттуда уже не прежний Николас.

Теперь тот был всецело поглощен познанием секретов его предков, какими бы мрачными и жуткими эти тайны ни были. Нанги с Николасом часто говорили о многих вещах, были друзьями, вместе радовались успехам и разделяли горечь неудач, у них не было секретов друг от друга, лишь одна тема была запретной — Тау-тау. Непосвященные туда не допускались.

Нанги понимал это, даже восхищался внутренней дисциплиной Николаса, позволявшей ему не раскрывать своей сущности даже самым близким друзьям и жене. Джастина же этого явно осознать не могла. Николас доверял ей как никому другому и поэтому считал само собой разумеющимся, что она поймет его, он также был уверен — рано или поздно она полюбит Японию, как любил эту страну он сам. То, что Николас ошибался в обоих случаях, было не столько неожиданным, сколько трагичным.

И вот закономерный результат, глядя на гроб, размышляя Нанги. Такова ее карма. Этого и следовало ожидать. Он почувствовал, как слезы обожгли его глаза, но не сделал ни малейшего движения, чтобы вытереть их. Нанги хотел чувствовать их тепло, их вес, их горечь на своих щеках, ему было обидно за себя, но в большей мере жалко Николаса, которого не было в Японии и который никогда не узнает истину о последних тридцати часах жизни своей жены.

Он тяжело оперся на палку, в ладонь врезалась вырезанная в форме головы дракона мощная рукоятка. Я ведь все это видел, подумал он, но ведь ничего не предпринял. А что я мог сделать? Кто бы меня послушал? Разве можно предвидеть свою судьбу? Случилось то, что и должно было случиться.

Звуки хора, усиленные блестящей акустикой храма, нарастали крещендо — слишком громко даже для привычных ушей святых отцов и кающихся грешников.

Неожиданно Нанги ощутил, что кроме него с Джастиной в церкви есть еще кто-то. Он повернулся, испытыв приступ боли в ноге, и увидел Сэйко, помощницу Николаса. Ее присутствие каким-то образом напомнило ему о Гельде — сестре Джестины и ее единственной из живых родственнице. Все утро Нанги пытался дозвониться до нее в Штаты, но безрезультатно. Видимо, она куда-то переехала.

Только убедившись в том, что Нанги узнал ее, Сэйко медленно подошла к нему.

— Извините, что беспокою вас, Нанги-сан, — сказала она, поклонившись, — но вы желали знать все новости о Линнере-сан, если таковые появятся.

Внимательно ее слушая, Нанги заметил, что Сэйко отводит глаза от гроба. Было ли в этом неприятие буддистами предания тел умерших земле вместо очистительной кремации, или же здесь крылось нечто иное? Поскольку Нанги был другом Джастины и та делилась с ним своими сомнениями, он знал о ее подозрениях относительно связи Николаса с Сэйко. Нанги всячески разубеждал ее, убеждал в верности мужа, но сейчас, видя и чувствуя беспокойство и тревогу Сэйко, не мог не задуматься об истинном положении дел.

— Линнера-сан больше нет в Венеции.

— Что?

— Он выписался из отеля и куда-то поспешно уехал.

— Какой адрес он оставил?

— Никакого, — нижняя губа Сэйко мелко дрожала, обнажая маленькие белые зубки. — Портъё гостиницы ответил, что не имеет понятия, куда он отправился.

Некоторое время Нанги молча смотрел на нее, и этот испытующий взгляд заставлял Сэйко нервничать еще сильнее. Ей явно хотелось продолжить разговор на солнечной улице, однако Нанги, только сейчас осознавший, сколь многое из-за постоянной поглощенности работой оказалось вне поля его зрения, не предлагал ей выйти из храма. Напряжение, всегда замечал он, — самая плодотворная среда для нечаянных оплошностей, позволяющих получить неожиданную информацию.

— Сколько раз ты пыталась связаться с ним?

— Три.

— И он ни разу не ответил?

— Нет, сэр.

— Следовательно, последний раз ты беседовала с ним перед его уходом из офиса, когда он вылетал в Венецию?

Нанги уловил в ее взгляде некоторое замешательство и попытался оценить его, подобно знатоку, пригубливающему дорогое вино.

— Нет, сэр. Перед вылетом я встречалась с Николасом-сан в аэропорту.

— Он сам потребовал этого?

— Нет, сэр.

Сэйко переминалась с ноги на ногу. Ее глубокие карие

глаза забегали, и Нанги еще глубже осознал, какая стена пролежала между ней и Джастиной.

— В день отъезда Линнера-сан я получила зашифрованный факс от Винсента Тиня из Сайгона. Сообщение было срочным и важным — перед отъездом Линнера-сан в Венецию он должен был с ним ознакомиться.

Нанги заметил, как на лбу девушки выступил пот, хотя в храме не было жарко, скорее даже прохладно.

Сэйко протянула ему копию факса. Он прочитал его два раза, никак не прокомментировав, впрочем, он никогда не комментировал никаких документов. Собственно, особых причин для паники нет. Николас наверняка согласился, хоть и не имел возможности проконсультироваться с Нанги.

— Что ты с этим сделала? — неожиданно спросил он.

На сей раз Сэйко была готова к этому вопросу.

— В отсутствии Линнера-сан я отправила факс Винсенту Тиню с просьбой уточнить этот пункт относительно теневого правительства в Сайгоне, — шепнула она. — Ответа не получила.

— Это меня не удивляет, — сказал Нанги, оценив про себя ее инициативность. Именно подобному стилю работы учил ее Николас. — Слишком мало времени для того, чтобы раздобыть достоверную информацию. Не будет же он кормить нас слухами.

— Я не это имела в виду, — заметила Сэйко, облизывая губы. — От него вообще не пришло ответного факса.

Голоса певчих, теперь все сопрано, вновь начали нарастать крещендо, затем звуки стали постепенно затихать, и наконец в стенах храма ненадолго воцарилось лишь эхо.

Некоторое время Нанги переваривал услышанную новость и искал возможные пути решения возникшей проблемы.

— Мне кажется, лучше нам немедленно возвратиться в офис и попытаться связаться с Тинем.

Выбравшись на залитую светом улицу — на небе не было ни облачка — они как бы очутились в гигантской стеклянной сфере постмодернового мегаполиса, окруженные стеклом и сталью небоскребов.

Тем не менее они были рады короткой прогулке к припаркованному у обочины „БМВ“ с шофером; Нанги терпеливо ждал, пока водитель откроет заднюю дверцу.

Джастина откровенно говорила Нанги, что ее постоянно мучает мысль о возможном романе Николаса с Сэйко.

Нанги делал все возможное, чтобы разубедить ее в этом, но, похоже, Джастина не хотела прислушиваться к голосу здравого смысла.

А, собственно, почему она должна была принимать на веру все его аргументы? Из собственного опыта Нанги знал, что любовь не такая уж эфемерная штукавина, как считает большинство людей. Это нечто цельное, даже весомое, ко многому обязывающее, ненасытное. Прикосновение любви подобно поцелую ангела, невидимому, но подсознательно осязаемому, нечто вроде намека на приобщение к чему-то очень возвышенному.

Внешняя невозмутимость в выражении лица Сэйко вовсе не свидетельствовала о ее внутреннем спокойствии — навык, выработанный годами. Ему как-то сразу стали понятны все переживания Джастины. В отношении Сэйко к Николасу лежало нечто большее, чем просто преданность своему боссу. Что именно? На этот вопрос он был бессилён ответить. Впрочем, и сам Николас был чрезмерно учтив и внимателен по отношению к ней.

Нанги повернул голову в ее сторону.

— Если в Сайгоне возникли какие-нибудь проблемы, то мне потребуется твоя помощь как эксперта. Будь к этому готова.

С любопытством в глазах она вежливо поклонилась.

— Сочту за честь, Нанги-сан.

Автомобиль бесшумно скользил по улицам Токио. Неожиданно Нанги протянул Сэйко небольшую изящную, но довольно увесистую серебряную коробочку для пилуль. Она была изготовлена в Англии и являла собой блестящий пример филигранной работы серебряных дел мастеров прошлых веков. Это был подарок Николаса, и Нанги им очень дорожил. Но в любом случае человеческая жизнь дороже.

Держа коробочку на ладони, Сэйко наслаждалась ее красотой. Она знала о существовании этой вещицы, ей было даже кое-что известно из предыстории этого подарка, и ее рука слегка подрагивала.

— Сэйко-сан, — пояснил Нанги. — Мне хочется, чтобы ты сохранила ее для меня. — Увидев вопрос в ее глазах, он продолжил. — Эта коробочка уже давно пуста. Мне больше не нужны пилули, которые я в ней держал, и, думаю, ты со мной согласишься, — без содержимого она многое теряет.

В густом потоке машин их автомобиль замедлил ско-

рость. Яркий свет дня начинал сменяться туманом ранних зимних сумерек — новые краски уже господствовали над городом: голубые, серые, коричневые. Где-то неподалеку раздался вой полицейской сирены, отзвуки которой просочились даже сквозь надежную звуконепроницаемую систему, которой был оборудован „БМВ“.

— Мне думается, тебе есть чем ее заполнить, — после некоторого молчания вновь прозвучал в тишине голос Нанги. — Драгоценностями или просто дорогими для тебя вещами, которые следует отложить до поры до времени или даже спрятать, но не забыть где.

По выражению лица Сэйко Нанги понял — она догадалась, что он имеет в виду: разделяет ее любовь к Николасу, не осуждает, и все это никак не связано с ее продолжением работы в „Сато интернэшл“... с ним и Николасом.

Сэйко благоговейно, медленно раскрыла коробочку, долго смотрела на нее, затем захлопнула. Осторожно отложила в сторону.

— Я не нахожу слов, чтобы выразить свои чувства, Нанги-сан, — тихо поблагодарила она.

Оба были настолько захвачены торжественностью момента, что не заметили, как у перекрестка Мэйдзи-дори к ним в хвост пристроилась белая „тойота“ и не отставала от них до Синдзюку Суйрю билдинг, штаб-квартиры „Сато интернэшл“.

Не так уж легко добраться до этого Дэвиса Манча, подумал Гаунт по истечении третьего часа бесплодных попыток пробиться сквозь федеральные бюрократические препоны. Даже при всей своей энергичности и обширных знакомствах с нужными людьми ему никак не удавалось прорвать заслон.

Манч, специальный следователь, прикомандированный Пентагоном к комиссии Рэнса Бэйна, был занятым человеком. Гаунт понимал, что в явном решении Манча отказать ему во встрече кроется еще и тактический замысел — запугать его, однако, тем не менее, он дал клятву во что бы то ни стало увидеться с ним.

После обстоятельной неприятной беседы с Терри Макнотом Гаунт долго обдумывал варианты решений, которые предложил ему лоббист. Выйдя из его офиса, он направился в сторону реки — к своему налюбленному

месту, выбранному им для того, чтобы прочистить мозги от двусмысленностей политиканов и самому выбрать угол атаки.

Он вспоминал те блаженные времена, когда все его помыслы были устремлены на то, чтобы забраться на более высокую ступеньку в правительственной иерархии, и как день за днем эти его мечты становились все безосновательней. Вашингтон охватила эпидемия жажды власти, город превратился в стаю акул, где даже тот, кого ты считал другом, предавал тебя при малейшем давлении сверху.

В глубокой задумчивости Гаунт брел вдоль набережной Потомака. Несмотря на все недвусмысленные предупреждения Макнотона, Гаунту претяла сама мысль бежать с тонущего корабля. Бросить друга — а он по-прежнему считал Николаса своим другом — на растерзание своре волков, это было не в его правилах. С одной стороны — что сказал бы об этом его отец? С другой — он многим обязан Николасу за то, что тот поверил в него, когда к горлу подступало отчаяние и казалось, что нет выхода. С Николасом они встретились вскоре после какой-то отвратительной очередной политической чистки, в результате которой Гаунта лишили уютной синекуры в Белом доме.

Глупо, конечно, но тогда он воспринял это как личную обиду. И вновь, вопреки здравому смыслу и разумным советам, он попытался перейти в контратаку. В ходе этих боевых действий он нажил нескольких очень влиятельных врагов, и перед ним закрылись даже двери департамента по делам штатов и торговли — единственного места, куда могли еще взять его, оказавшегося политическим сиротой. Оставался один незначительный пост в военном отделе, который ему и предложили: какой-то бухгалтерский учет поставок оружия странам „третьего мира“. О том, чтобы принять эту унижительную должность, не могло быть и речи.

В те времена, насколько Гаунт помнил, Вашингтон он считал единственным городом, который что-то значит. Николас доказал ему ошибочность такого мнения. Естественно, о политической карьере пришлось забыть: впрочем, еще до того как Николас предложил ему переехать в Нью-Йорк, у него было ощущение, что ниточка, связывающая его с Вашингтоном, уже оборвалась. Как это ни

парадоксально, чтобы спасти Николаса, ему вновь пришлось приехать в столицу.

Гаунт остановившимся взглядом наблюдал за медленно текущими водами Потомака и уже точно знал — тонущий корабль он не бросит. Так же точно он знал, что этот выбор приведет его вместе с кораблем на дно. Что же ему остается?

Путь перед ним один, и он вступил на этот путь: искать Дэвиса Манча.

В конечном счете он все-таки вышел на Манча. Тот скрывался во вьетнамском ресторанчике на Фоллс Черч, Виргиния. После того как в Пентагоне Гаунту сказали, что у Манча сегодня в полдень деловая встреча, Гаунт обратился к своему старинному другу Джози Рэнду, одному из мириад вторых помощников. Тот сумел выяснить, что у Манча встреча с заместителем секретаря по вопросам стран ЮВА и региона Тихого океана, однако, насколько ему удалось определить, в здании министерства их нет.

Добрых двадцать минут ушло у Гаунта на обдумывание подходов к офису заместителя секретаря и на необходимые приготовления. Здание являло собой подобие средневекового феодального замка; мудрые правители, обитающие в этих хоромах, явно не могли отказать себе в роскоши — это было признаком их влияния и власти. На визитеров здесь смотрели либо с насмешкой, либо с презрением, либо — и чаще всего — с презрительной насмешкой.

Второй помощник заместителя секретаря оказался молодым человеком, блондином со свеженьким личиком. Все его мысли, видимо, были заняты проблемой, как вовремя уловить направление ветра — ход мыслей своего начальства. Для Гаунта он был просто находкой. Вальяжной походкой человека, привыкшего к коридорам власти, он подошел к чиновнику. Властную манеру говорить, слегка подзабытую во время работы в Нью-Йорке, Гаунт припомнил тоже весьма быстро.

— Брок Питерс, специальный представитель президента, — бросил он, протягивая второму помощнику руку и одновременно сверля его стальными глазами.

Затем постучал пальцем по изящному „дипломату“, позаимствованному у Джози Рэнда.

— Бумаги заместителю секретаря от ПСШ.

Аббревиатура ПСШ — Президент Соединенных Шта-

тов — употреблялась только высокопоставленными сотрудниками Белого дома и людьми, близкими к президенту.

Второй помощник так резко вскочил со стула, что Гаунт с трудом сдержал усмешку.

— Э... Заместитель секретаря в настоящий момент временно отсутствует. Материалы вы можете оставить у меня.

Сталь, вновь блеснувшая в глазах Гаунта, казалось, обратила служащего в ледяную статую.

— Сынок, эти бумаги с грифом „Особой важности“. Немедленно свяжи меня с заместителем секретаря. *Быстро.*

Второй секретарь с трудом проглотил слюну.

— Но его временно нет в здании. У меня не было информации из Белого дома, извещающей, что...

— Документы особой важности? Не выставляй себя на посмешище, сынок, — усмехнулся Гаунт. — Белый дом не привык трезвонить о директивах с подобным грифом.

Второй помощник, подобно ретивому солдату, выслушивал наставления Гаунта. Он был очень напуган.

— Да, сэр. Но я не...

— Перевари в своих хилых мозгах все то, что я сказал, сынок. Когда ПСИП рассылает документы особой важности, то он предполагает, что их будут читать и принимать к сведению. Немедленно. Я достаточно ясно выражаюсь?

Гаунт добился своего. Через пятнадцать секунд он уже знал название и адрес вьетнамского ресторанчика, где завтракали заместитель секретаря и Дэвис Манч.

Ресторан — увитое плющом каменное здание некогда было, видимо, мельницей — располагался в живописном местечке среди липовых и ольховых деревьев, невдалеке весело журчал ручей, скрытый кустами и ветками, только сквозь невысокую живую изгородь из туи можно было заметить лопасть водяного колеса. Проход от места парковки к входу в ресторан был усажен олеандрами и ломоносами.

В самом зале с низкими сводчатыми потолками и каменным полом царил необычный полумрак. На стенах расположились фигурки Будды и других восточных божеств.

К Гаунту скользнул вьетнамец-метрлотель, и он спросил его, где сидит Манч, — не было сомнений, что заказ

был сделан заранее. Большинство посетителей уже закончили завтрак и приступили к кофе и десерту. Официанты убрали со столов грязную посуду.

— Прошу меня простить. Мистера Манча нельзя беспокоить, — ответил метрдотель с ужасающим акцентом.

Особого сожаления в голосе метрдотеля Гаунт не уловил.

— Со мной он увидится, — сказал Гаунт, просовывая в ладонь вьетнамца пятидесятидолларовую бумажку.

— Несомненно, — улыбнулся тот, кивнул в сторону столика в дальнем левом углу и мгновенно исчез на кухне.

Гаунт остановился у стойки, заказал пиво и, медленно потягивая его, принялся рассматривать мужчин. Заместителя секретаря узнать было легко. Лощеный вид, весьма типичный для их Конторы: высокий, коротко стриженный, орлиный нос, голубые глаза патриция. Его собеседник — Дэвис Манч — был невысоким брюнетом с мрачным выражением лица и фигурой профессионального борца. Когда он говорил, то немного горбился и вытягивал голову. Исходящую от него энергию Гаунт ощутил сразу, еще не успев подойти к стойке. Лучше уж иметь дело с заместителем секретаря, мелькнула у него мысль.

Он ждал, скрестив ноги, как тот Будда в ресторанной нише недалеко от столика, где беседовали двое мужчин. В какое-то мгновение Гаунт заметил, как заместитель секретаря вытащил из дипломата пачку тонких листов бумаги, расчерченных по вертикали голубыми линиями. Гаунт сразу понял, что это документы под грифом „Особой важности“.

Заместитель секретаря протянул пачку следовательно, тот быстро просмотрел их. Гаунт заметил, что четвертую страницу Манч прочитал более внимательно.

В следующее мгновение на заместителя секретаря обрушилась лавина вопросов.

Наконец завтрак был закончен. Манч отложил документы и попросил официанта принести счет. Он расплатился наличными и листок со счетом положил в карман. Поднявшись, мужчины пожали друг другу руки. Заместитель секретаря направился в туалет, а Манч пошел к выходу, где была припаркована его машина.

Гаунт проследовал за ним до самых дверей. На пороге он окликнул его. Манч остановился и посмотрел на мужчину, который неторопливо приближался к нему.

Гаунт представился. Услышав его имя, Манч выдавил из себя улыбку — в ней было что-то змеиное.

— Что занесло тебя сюда, Гаунт, в Вашингтон, за неделю до того, как Комиссия начнет обсуждать ситуацию с вашей конторой?

Гаунт почувствовал, что Манча будет трудно раскусить. Но этого и следовало ожидать. У парня большой опыт тыкать людей носом в их собственное дерьмо. Может быть, он даже думал, что в этом и заключается основной смысл его работы.

— Необходимость разговора с вами не в последнюю очередь, — ответил ему Гаунт.

Манч нахмурился, хмыкнул, повернулся и заспешил к своей машине.

— Боюсь, ты выбрал неудачное время для беседы. Я спешу на важное совещание в Пентагоне. Продолжим разговор в моем офисе.

— Вы же прекрасно понимаете, что это безнадежно. Ваш секретарь уже который раз пичкает меня отговорками, что вы, дескать, все время заняты на каких-то совещаниях.

— Стало быть, слушай моего секретаря.

Стоянка была безлюдной. В неподвижном воздухе была разлита какая-то сонливость, будто время повернулось вспять и поздняя осень сменилась летом. Однако отсутствие щебета птиц или хотя бы звона комаров делало общую картину почти сюрреалистичной.

— Но я ослушался его, и вот я — здесь.

— Интересно, как ты проделал этот трюк, впрочем, не имеет значения.

Манч вынул из кармана ключи зажигания правительственного „форда“.

— Разыскивая меня, ты просто потратил время зря. Больше мне сказать нечего.

Он открыл дверцу. Гаунт перегнулся и захлопнул ее.

— Пошел вон, — процедил Манч.

Гаунт встал между следователем и лимузином.

— Не раньше чем я получу ответы на кое-какие свои вопросы.

— Ты что, собираешься вступить со мной в рукопашный бой? Я был армейским чемпионом по боксу, „Золотая перчатка“. — Манч занял стойку.

— Только если я буду вынужден, — ответил Гаунт. — А вообще-то я предпочел бы угостить вас пивом.

Пригнувшись, из низкой стойки Манч попытался провести удар. Гаунт успел поставить блок, и предплечье его тут же заняло от боли. В это же мгновение он резким апперкотом заставил голову Манча откинуться назад. „Неплохо“, — подумал он про себя.

Но, видимо, кулак его не достиг цели, так как Манч, нырнув вправо, нанес сокрушительный удар ему по ребрам. Гаунту показалось, что из него вышел весь воздух, тем не менее он не прекращал драки, не обращая внимания на явное превосходство Манча в силе и технике. Внезапно он обнаружил, что, лежа на спине, видит над собой лицо Манча. Он не помнил удара, что послал его на землю, он ощущал только сильную боль в челюсти.

Манч засмеялся; напряжение спало, он протянул распростертому у его ног Гаунту свою сильную мускулистую руку, помогая подняться.

— Ладно, парень, какого черта, — сказал он. — Не прошло и пяти минут, как я вышел из кабака, а меня снова мучает жажда. Кажется, ты предлагал пива?

Они прошли в бар.

— Скажу тебе, Гаунт, что уже давно не находилось желающего помериться со мной силой. Поверь мне, сейчас в правительстве заседают одни бабы.

Гаунт потерял онемевшую скулу.

— В мое время было все иначе.

— Тоже из аппарата Белого дома?

Гаунт кивнул и невольно поморщился, отхлебывая пиво.

— Я тоже вполне неплохо себя там чувствовал — до тех пор пока не поцапался с боссами и меня не вышибли оттуда.

— Мне нетрудно тебя понять, — отозвался Манч. — Моя сестра служила в ВМС. Спуталась с пьянчугами, потом ее поймали под каким-то начальником и все такое, — он хрипло рассмеялся. — Ее тоже вышвырнули, вроде тебя. Против случая не попрешь. Не лезь на рожон. Теперь-то ты это уже понял.

Медленными глотками потягивая пиво, они какое-то время просидели молча. Течение их мыслей не нарушалось даже звоном столовых приборов, раскладываемых официантами, и шумом улицы.

Неожиданно Гаунт снова почувствовал боль в том месте, куда, по его предположению, ткнулся кулак Манча. Проведя рукой по подбородку, он ощутил пальцами

кровь. Извинившись, поднялся и направился в туалет, чтобы прополоскать рот и взглянуть на себя в зеркало. Одного из зубов явно придется лишиться. Скула распухла.

— С тобой все в порядке?

— Зуб чуть-чуть кровоточит, — ответил Гаунт, массируя щеку. — Нет причин для беспокойства.

Манч заказал еще пива.

— Тебе виднее. Мне прекрасно известно, зачем ты искал меня. Вообще-то, я не собирался говорить тебе ни слова, но, поскольку между тобой и мной есть нечто общее, я решил все же посоветовать тебе свернуть хвост и убраться к чертовой матери из этой конторы, пока не поздно.

Манч предостерегающе поднял руку.

— Нет, не перебивай меня. Я не буду отвечать на вопросы.

Допив пиво, он уставился на висевшую на стене фотографию Сайгона 50-х годов.

— Вот что я хочу тебе сказать. Ходят упрямые слухи, что модель компьютера „Хайв“, над которой работала ваша компания вместе с „Хайротек инкорпорейтед“, появилась на черном рынке Тайваня, Бангкока и Сингапура. Нам в руки попал один экземпляр, и я установил, что собран он был в Сайгоне. Там след потерялся. К сожалению, у меня нет там контактов — да и ни у кого в нашем долбаном правительстве их нет. Напи проблемы.

Увидев, что Гаунт продолжает массировать челюсть, он протянул ему платок.

— На, прижми. К тому же в „Хайротек“ мы прощупали всех — концерн это небольшой, проблем особых с этим не было. Эта компания не имеет ни средств, ни возможностей изготавливать подобного рода компьютеры здесь, не говоря уже о странах Юго-Восточной Азии, где даже нет ее филиалов.

Манч нахмурился.

— Таким образом, остается только „Сато-Томкин“, этот американско-японский конгломерат с его представительствами, которые он недавно открыл в Сайгоне.

— Год назад, если быть точными, — перебил его Гаунт. — За такое время вряд ли можно успеть наладить выпуск сколь-нибудь конкурентоспособного на международном рынке компьютера. — Задумавшись, он продолжил: — Не говоря уже об аналоге „Хайва“ — компьютера самого последнего поколения.

Манч оставил его слова без внимания.

— Моя встреча с заместителем секретаря по странам Юго-Восточной Азии и региона Тихого океана не оставляет никаких шансов компании „Сато-Томкин“. Он дал мне возможность ознакомиться с шифрованными факсами из штаб-квартиры этой компании в Сайгоне главному предприятию в Токио. Шесть дней мы разгадывали код. Речь в них шла только о модели компьютера „Хайв“, которую „Сато-Томкин“ собирался выдать за проект „Ти“.

Манч посмотрел на Гаунта и добавил:

— Мне не нужны твои подтверждения того, что я и так уже знаю: программу „Ти“ единолично возглавляет Николас Линнер.

ВЕНЕЦИЯ / ТОКИО

Голова покоилась на изящной тумбочке работы мастеров XVIII века, вдумчивые карие глаза в упор взирали на мужчину, который, заложив руки в карманы, склонившись, пристально разглядывал сей предмет.

— Доминик Гольдони, — с нотками даже какого-то благоговения в голосе произнес Леон Ваксман. — Мадонна, как я мечтал лицезреть тебя в таком виде: успокоившегося, лишенного жизненных соков, забальзамированного, подобно музейному экспонату... впрочем, Господь свидетель, ты и стал экспонатом, трофеем! Доминик, видел бы ты метку у себя на лбу — священный полумесяц! — От смеха Леона чуть не посыпалась штукатурка на стенах гостиничного номера.

— Ты рассказывал мне об этой метке, До Дук, когда смылся из джунглей от Мишеля и Рока, а ведь эти волки продолжают пожирать в Лаосе плоды, которые по праву принадлежат только мне! Когда я возглавил Сеть, мне казалось, что я смогу вновь прищучить всех эти изменников, — Ваксман на секунду замолк, тело его сотрясало от гнева. — Мишель и Рок хозяйничают в моих владениях. И даже ты сейчас их там не найдешь.

Леон прикусил нижнюю губу.

— Мне потребовалась чертова уйма времени, чтобы притащить ее сюда, — заметил До Дук, указывая на голову. Он явно пытался сменить тему — кому хочется говорить о собственных оплошностях. — Эта штукovina ехала в ящике из-под гвоздей — довольно оригинально, не так ли?

Леон повернулся, и на его лице медленно расплылась странная улыбка.

— Примо Дзанни. Доминику понравился бы псевдоним, которым я наградил тебя, — хитрый и оборотистый слуга из итальянской комедии масок. Маски в нашей Организации играют не последнюю роль.

Странное дело, лицо Ваксмана напоминало подобие останков древнего человека, случайно найденных в каком-нибудь заброшенном монастыре или замке. Большие круглые глаза настолько глубоко запади в орбиты, что, казалось, покоились в каком-то розовом ореоле. Над узким покатым лбом треугольным выступом росли волосы, черные как смоль, причем этот хохол торчал так же агрессивно, как и выдающаяся вперед челюсть.

— А Флорида пошла тебе явно на пользу — солнце, пляж, девочки. Впрочем, ты заслужил все это.

— Лучше бы я оставался в Лаосе.

— Да. В Голливуде ты наделал немало дел.

Несмотря на преклонный возраст, глубоко посаженные глаза Ваксмана сохранили свою пронзительность, в выражении его лица по-прежнему чувствовалась сила, и тем не менее, это было лицо-гротеск с дергающимися жилками на щеке.

— Та, на которой я женился, была лишь прикрытием. Я сделал все, что было необходимо.

Судя по всему, Ваксмана удовлетворило это объяснение.

— До Гольдони ты добрался без особых затруднений?

— Это оказалось довольно просто.

— Когда речь идет о Доминике Гольдони, слово „просто“ не подходит, — Ваксман сверкнул глазами. — Впредь имей это в виду.

— А в чем дело? Какие могут быть проблемы с покойниками? — До Дук облокотился на огромный, покрытый позолотой алтарь времен Людовика XV. В подобного рода роскошных отелях он чувствовал себя неловко.

— Покойник, да! — сказал Ваксман. — Но это только полдела. До тех пор, пока я не доберусь до той власти, которой располагал он, покоя мне не будет.

Он вытянул руку: на запястье, обнажившемся из-под манжета рубашки, виднелась татуировка: человеческое лицо с открытым левым глазом, вместо правого глаза голубого цвета полумесяц.

— Это долбаное семейство Гольдони не желает сдаваться, — Ваксман убрал руку. — Он был последний из этого клана. Кто остался? Сестра и его дочери. Ерунда.

Ваксман вновь принялся рассказывать по комнате, подходя к тумбочке то с одной, то с другой стороны.

— Ракурс, когда он смотрит прямо на меня, наиболее предпочтителен.

До Дук промолчал. Он все понял. Эта чертова голова имела ауру. Она блекла, но тем не менее... несмотря на то что шутовина эта мертва.

— Доминик был убийцей... и предателем, сам подписал себе смертный приговор. — Он пожал плечами. — Но какое это имеет значение сейчас? — Зубы его щелкнули. — Я сделал всего-навсего то, что и должно было быть сделанным. И несмотря на все разговоры его окружения, я знал, что он больше всех привязан к своей сестре Маргарите и племяннице — гораздо больше, чем к своим детям. Удивительное дело, но таков уж был этот Доминик. Я бы отдал пять лет собственной жизни, чтобы увидеть его лицо в тот момент, когда наш информатор сообщил ему, что Тони Д. избивает не только Маргариту, но и Франсину.

Ваксман хрюкнул.

— Нам еще повезло, что его при этом тут же не хватил удар, — продолжал он. — Но ради своей сестры и племянницы он предпочел нарушить правила ФПЭС. Я знал это, я это чувствовал, — он потыкал себя пальцем в грудь, указывая, где именно гнезилось это чувство. — Я это *знал*. — Он повернулся, чтобы еще раз бросить взгляд на голову. — Здесь-то, Дом, ублюдок, я тебя и поймал. Любовь тебя погубила.

До Дук молчал, лишь изредка посверкивая глазами на своего собеседника.

— Ты чего-нибудь от него добился? — с неожиданностью, раздражавшей даже его старых знакомых, сменил тему Ваксман.

— Как бы то ни было, мне все же удалось узнать настоящее имя его источника, — сказал До Дук, а когда Ваксман бросил на него взгляд, добавил: — Я выжал его как лимон. Он рассказал мне все, что знал.

— Одобряю, — усмехнулся Ваксман, вновь обращая свой взор к голове. — Подумать только! Секрет Гольдони — ключ к его тайной власти, — вновь благоговейно прошептал он.

— Достать его оказалось делом несложным.

— Это гребаное семейство Гольдони, — впечатление

было такое, что Ваксман выплюнул это имя. — Им вечно всего не хватало. Сукин сын Доминик что-то явно замышлял против нашей Сети. Что он, интересно, наплел фэбзэровцам? Дом, по сути дела, воткнул мне нож в спину — связался с Микио Оками, и оба этих говнюка решили поставить Организацию на колени.

Ваксман устался на До Дука.

— Но вынужден признать, что этот чертов Доминик был в своем роде гениален. Морочил нам головы, заставил нас поверить в то, что он один из нас, что он член Организации, часть Годайсю.

Ярость искажила его лицо.

Развернувшись, он нанес по голове мощный удар, пославший ее в угол комнаты, где она, гротескно качнувшись, устала мертвыми глазами в потолок.

— Ну так зачем же ты, ублюдок, нас предал и связался с этим Оками?

Ненависть сотрясала Ваксмана, он дрожал как в лихорадке. В отвращении он отвернулся, не желая смотреть на то, как До Дук вновь водружает голову на тумбочку.

До Дук вновь почувствовал ауру, окружавшую мертвую голову, и это покорило его.

Совершенно неожиданно выражение лица Ваксмана смягчилось.

— По этой метке на его лбу, — сказал он, поворачиваясь и вглядываясь в умные карие глаза Доминика Гольдони, — я могу судить, что ты поработал над ним в своем излюбленном стиле.

— Точно.

Ваксман хихикнул.

— Должно быть, Лиллехаммер сейчас писает кипятком от страха и злобы.

— Не сомневаюсь, — согласился До Дук.

— Остерегайся его. Если попадешься, он с тебя живого сдерет шкуру.

— Я учитываю это.

— Знаю. Именно поэтому я и выбрал его для расследования этого дела. Вам необходимо вновь встретиться, — хмыкнул Ваксман. — Впрочем, ты уже вволю порезвился, хотя, полагаю, это ничего не меняет.

— Нет.

— Все эти ритуалы... — махнул рукой Ваксман, — лишь атрибут власти и... мера удовольствия.

— Вы ошибаетесь, — возразил До Дук. — Я не нуждаюсь в особых удовольствиях и комфорте.

Ваксман поджал губы.

— Все мы в этом нуждаемся, так было и будет всегда. Только покойникам комфорт уже не нужен. Могут обходиться без него.

Разумеется, он был прав. Ведь там была еще и девушка. До Дук не обмолвился и словом о ее существовании, это было бы глупо. Она явилась для него источником риска, излюбленным источником силы и энергии. Он насыщался им, блаженствовал в нем, подобно тому как другие блаженствуют в мире и покое. Она не была целью концентрации его усилий, ему не нужно было „анатомизировать“ ее мозг и извлекать оттуда информацию, поэтому к ней был применен не такой ритуал, как к Доминику Гольдони. Она стала Ксирой: Путем. Ритуальное действие над Гольдони должно было умиротворить богов, успокоить внутреннюю энергию. В случае же с девушкой ритуал предусматривал обратный результат: он увеличивал запас своих внутренних сил.

— Кровь еще прольется, и немалая, — сказал До Дук, — прежде чем я доберусь до того, кто снабжал Гольдони информацией.

— Послушай, мне абсолютно наплевать на то, что ты там будешь вытворять, но найти его ты должен быстро. — Ваксман бросил на До Дука предупреждающий взгляд. — Запомни, даже мертвых нельзя считать бесильными.

— Вам известно все о силе и власти, — польстил Ваксману До Дук.

Ваксман кивнул. Затем осторожно, будто держа в руке смертельно ядовитую змею, обхватил запястье До Дука.

— Нам обоим известно.

Обхватив его плотнее — в этот момент они были похожи на двух римских центурионов, — Ваксман слегка повернул руку До Дука внутренней стороной запястья вверх. Татуировка: лицо с открытым, как у Доминика Гольдони, правым глазом, вместо левого глаза священный полумесяц.

Их глаза встретились в долгом взгляде.

— А сейчас скажи мне, кто был источником Доминика? — наконец спросил Ваксман. — Кто подпитывал его

информацией, которую тот использовал для своих контактов с правительством и деловыми кругами?

— Линнер. Николас Линнер.

— Ему было необходимо испытать меня, мою силу, — сказал Николас.

Челеста, с рассыпавшимися по щекам длинными рыжими волосами, стояла рядом.

— Не понимаю.

— А мне кажется, понимаете, — Николас обнял ее.

На верхней палубе *vaporetto* было очень холодно, над змеящимся Гранд-каналом завывал порывистый ветер. Рубашка и куртка, которые они купили Николасу, были явно не для такой погоды, но он не хотел спускаться вниз — его манила загадочная зелень воды тех же оттенков, что и стекло лучших работ стеклодувов Мурано.

Но был ли холод единственной причиной, чтобы взять у Челесты частичку ее тепла? Ему не хотелось об этом думать в той же мере, как и звонить в свой офис или разговаривать с Джастиной. В чем же тут дело? В своем нынешнем состоянии, поглощенный думами о тайнах Оками и загадочном Мессулете, он не принесет ни какой-либо пользы Оками, ни радости и спокойствия Джастине. Лучше подождать. Если у Тиня затруднения, то Нанги получит всю необходимую помощь от Сэйко. Что же касается Джастины... чем дольше она ждет, тем слабее чувства, а это и к лучшему.

Солнечные лучи, пробившись сквозь свинцовые облака, превратили воду канала в подобие древнего медного зеркала. Челеста молчала. Она рассматривала строения, высящиеся по обоим берегам. Мимо них пронесся полицейский катер, находившееся невдалеке почтовое суденышко чуть не перевернулось от пробежавшей за ним высокой и быстрой волны. По воде забарабанил дождь, в крупных каплях которого играли лучики света.

Глядя на лицо Челесты, Николас никак не мог определить ее реакцию на его прикосновение. Было такое впечатление, что она оставила часть себя в том особняке, где произошла стычка с последователем Тау-тау, и никак не может обрести ее вновь.

— Вы молчите, Челеста. О чем вы думаете?

— Вы еще спрашиваете? Удивительно! — Ее глаза сверкнули. — Боже милостивый, нас ведь там чуть не убили!

— Возможно, вы правы.

Ее била крупная дрожь, на лице же играла насмешка, скорее, это была маска, под которой она скрывала свой страх.

— Глядя на вас, такого спокойного, можно подумать, что мы возвращаемся с прогулки по пляжу Лидо! Кто вы такой на самом деле? Разве происшедшее в порядке вещей в вашем мире? Если это так, я не хочу иметь с вами никаких дел.

— Начав сотрудничать с Оками-сан, вы должны были предвидеть, что вступаете на опасный путь.

— О да. Пули и лезвия мечей. С подобного рода опасностями я могу смириться. Но это... — Челеста покачала головой. — Это выше моих сил и понимания.

Когда *varopetto* начал причаливать, она повернула к Николасу лицо.

— Откровенно говоря, я была напугана до смерти. Какой-то подонок, обладающий одному Богу известно какими силами, почти убил нас... С помощью чего? Магии? — Она вадрогнула и отвернулась от Николаса; когда подали трап, Челеста быстро сбежала на берег, пытаясь обрести хотя бы временную безопасность в толпе людей.

Николас поспешил за ней. Прямо перед ними возвышалось здание Академии с прилегающим к нему изумительным деревянным мостом. Но сейчас этот мост напомнил ему о Канфа и Мессулете.

Они находились неподалеку от дворца Оками, именно туда спешила Челеста.

— Да, — сказал Николас, догоняя ее. — Тау-тау — это вид магии, но вполне объяснимый, основанный на психических процессах.

— Нет, мне этого не понять.

— Челеста, выслушайте меня. Я намеренно завлек нас в ловушку.

Наконец до нее дошел смысл происшедшего. Она остановилась, внимательно глядя на него.

— Вы сделали что?

Капли дождя блестели на ее лице, пряди густых волос прилипли к одной щеке. Она была прекрасна, но в тот момент выглядела бесконечно уязвимой.

— Я почувствовал, что он там, в том особняке. На таком ограниченном пространстве он не мог скрыть от меня, кем является на самом деле. Он уже копил энергию, помните те странные ритмичные пульсирующие звуки?

Челеста обхватила себя руками, будто защищаясь от холодного ветра.

— Даже если я попытаюсь, этого вовеки не забудешь.

Николас увлек ее под своды Академии, там они спрятались от дождя. Бесконечного утреннего хвоста туристов уже не было. Доступ прекращался сразу после ленча. Лишь несколько школьников и студентов, обняв неразлучные ранцы, сидели на ступеньках, спасаясь от дождя.

— Вы должны понять меня: я обязан был выяснить, с кем нам придется иметь дело, кто нам противостоит. Мне необходимо было испытать его точно так же, как и он пробовал испытать меня. Ему нужно было определить уровень моих сил. Я не дал ему такой возможности.

— Бог вам судья.

Челеста хотела повернуться, но Николас подхватил ее за локоть.

— Вы не понимаете.

— Черт возьми, не понимаю, — вспыхнула Челеста. — Вы сделали так, что мы оказались в ловушке. Вы не имеете ни малейшего представления о том, насколько он силен. Этот человек мог изувечить вас, мог убить нас обоих. Господи Иисусе, что вы за человек, что заставляет вас идти на такой отчаянный риск?!

— Этот риск стоил того, что я узнал.

— Ни один риск не стоит...

— Прошу вас, послушайте, — осторожно начал Нико-лас. — За Микио Оками охотится не простой убийца из якудза. — Энергией своего сознания Николас заставлял ее сосредоточиваться на его словах. — В одном вы правы. Этот человек в особняке очень опасен. Он владеет знаниями Мессулете, самой древнейшей секты колдунов. Конкретная форма колдовства исходит из сознания. Они психонекроманы. Вы понимаете, о чем я говорю.

В ее глазах сиял огонь, сродни вспышке перед тем, как солнце пересекает линию горизонта.

— Согласно преданиям, Мессулете обладали способностью черпать энергию из космоса, ту божественную материю, из которой создавалась Вселенная.

Казалось, Челеста вся дрожит.

— Вы в своем уме? Говорите о богах.

Николас кивнул.

— Сейчас мы так близки к богам, что вы даже себе

представить не можете. — Николас взял ее за руку. — И одного из Мессулете прислали сюда. Для чего? Если Оками-сан прав, то, значит, для того чтобы расправиться с ним.

— О... Господи!

До дворца Оками-сан они весь путь бежали бегом. Челеста своим ключом открыла переднюю калитку, и они пронеслись по двору. Канал был совсем рядом, вода чернела, подобно льду в ночи. Холодный дождь тяжестью своих капель напоминал крупную дробь, ветер срывал с грушевого дерева листья и гонял их взад-вперед. Двор был как бы залит кровавыми каплями лепестков роз и бугенвиллей.

Когда Челеста отворяла входную дверь, ее руки дрожали.

— Оками-сан, — крикнула она с порога. Света в доме не было. — Боже, — простонала она, — мы опоздали!

По лестнице они взбежали на второй этаж с его выходящими на Гранд-канал огромными окнами. В гостиной было прохладно, все окна были открыты, слышался звук хлопающей рамы.

Челеста подошла к окну в дальнем углу комнаты и, опустившись на колени на одну из подушек, выглянула наружу, всматриваясь в даль.

Он мог бы, конечно, спросить: „Вы его видите?“, но понял, что в этом нет необходимости.

Конвульсивным движением Челеста отпрянула от окна и прикрыла фрамугу. Затем повернулась к нему.

— Его там нет, — сказала она. — Но вы уже об этом знали? Ведь знали? — в голосе Челесты слышались какие-то обвиняющие потки.

Николас кивнул.

— Если бы здесь побывал Мессулете, я бы ощутил это. Убийство Оками-сан не осталось бы для меня незамеченным — была бы иная атмосфера, атмосфера возбуждения, некоего магнитного поля.

— Как сухо вы об этом говорите.

— Челеста, но это *факт*.

Некоторое время она смотрела на него холодным взглядом, и Николас никак не мог до конца постичь смысл этого взгляда.

— Я осматриваю этот этаж, а вы проверьте внизу, — сказала она.

— В этом нет необходимости, — возразил Николас, наблюдая за ней. — Его здесь нет, Челеста.

Кровь бросилась ей в лицо, а руки сжались так, что побелели суставы.

— Так он жив или мертв? Что об этом говорит ваша магия?

Так вот оно в чем дело. Оказывается, не только Тау-тау приводило ее в ужас. Он сам вселял в нее страх.

— Вы не понимаете, — ответил Николас. — Я не знаю.

— Послушайте, ведь вы же абсолютно уверены, что раз узнаете о том, что здесь произошло, гораздо быстрее, чем я.

Ее трясло, на длинной шее вздулись вены.

Николас приблизился к ней и встал рядом.

— Мы раз узнаем вместе.

Он посмотрела на него каким-то загадочным взглядом.

— Такая огромная власть, — произнесла Челеста. — Почему я все время доверяю вам?

Из гостиной они прежде всего направились в спальню Оками-сан, но ничего наводящего на след там не обнаружили. Кровать была застелена, одежда аккуратно развешена в шкафу, тщательно сложенное белье лежало в комод, личные вещи на своих обычных местах.

— Ну, по крайней мере, он не сбежал, — заметила Челеста, указывая на дорожный чемодан, мирно покоящийся на верхней полке встроенного шкафа.

— Но его могли похитить, — предположил Николас, когда они обследовали кладовку. — У Оками-сан были телохранители?

— Чтобы привлекать к нему внимание? — Челеста покачала головой. — Кроме того, несмотря на свой возраст, он по-прежнему был в хорошей форме и мог защитить себя.

Они прошли в холл, и Челеста добавила:

— Одному Богу известно, откуда у него были такие навыки в боевом искусстве. Впрочем, он занимался этим всю свою жизнь.

Николас бросил на нее оценивающий взгляд.

— К тому же у него были вы.

— Да, у него была я, — согласилась она, толкая дверь, ведущую в кабинет. — Ему пришлось долго выламывать мне руки, прежде чем я согласилась на встречу с вами.

— Утешительно.

— Я не хотела оставлять его.

— Сейчас я понимаю почему.

Следом за Челестой Николас вошел в разгромленный кабинет Микио Оками. Казалось, по комнате пронеслось цунами: все бумаги разбросаны, страницы из книг вырваны, массивный рабочий стол перевернут, задняя крышка отодрана, ящики вытащены и разломаны, картины в рамах сброшены со стен, холсты отделены от подкладок, азияющие дыры темнели на општукатуренных стенах, где они когда-то висели.

— Боже милостивый, — выдохнула Челеста.

Николас, опустившийся на колено за перевернутым столом, спросил:

— Какого черта они здесь искали?

— Не знаю, — она присела рядом с ним, отпихнув от себя кипу бумаг. — Насколько мне известно, все, над чем работал Оками-сан, он держал в голове. Он был слишком опытен и умен, чтобы доверять бумаге свои мысли и идеи. — Челеста посмотрела на него. — Вы думаете, его похитили?

Николас был занят тем, что пытался сдвинуть стол.

— Что это такое?

Из-под ножки стола он извлек сложенный вдвое тонкий квадратик бумаги. Черно-белая фотография. Крупнозернистая, нечеткая. Изображена на ней была Челеста в костюме Домино. На заднем плане четко вырисовывался интерьер храма Сан-Белизарно и как раз за *schola cantorum*, в том месте, где ее ждал Николас.

Компьютер был уже вскрыт, и электронщики копались в нем, подобно тому как патологоанатомы потрошат внутренности трупа. Уже и так ясно, что сходство оптимальное, подумал Нанги, облачаясь в стерильно чистый халат и новые ботинки, — этого требовал этикет, принятый между теми, кто работал на пятидесятом этаже.

Проект "Тн".

Сам Масамото Гоэи дожидался Нанги. Занят он был исключительно тем, что в отчаянии стискивал руки.

— Где раскопали эту штуковину? — с ходу спросил Нанги, направляясь к оцинкованному столику, на котором были разложены некоторые из деталей "анатомированного" компьютера: волокнистая оптика, силиконовые чипсы, медная оболочка, таймер на алмазиках.

— На черном рынке в Азии, — ответил Гоэи, едва

успевая догнать Нанги, который, постукивая своей тростью, быстро шел к дальнему углу комнаты.

Масамото Гоэи был одним из директоров, возглавлявших проект „Ти“, специалист в области лингвистики, электронщик, один из тех, кто задумал создать компьютер без программного обеспечения.

— Это и есть „Ти“?

Они подошли к столу и принялись разглядывать разложенную на нем путаницу „внутренностей“.

— Мм... да... и нет, — ответил Гоэи, указывая влево. — Вот там три платы, изготовленные по принципу нейронной сети, — эти детали являются нашей приоритетной технологией, но вот остальное... не знаю, что это такое. С уверенностью могу сказать одно: к нашей фирме это не имеет отношения.

— Но платы-то наши. Как они смогли оказаться там... ну, где эта штука была собрана? Кто несет за это ответственность?

Ответом ему было молчание. Даже технари, продолжавшие заниматься „вскрытием“, прекратили работу и устали на двух мужчин.

Нанги сделал знак Гоэи, и они вышли из лаборатории. В коридоре он снял халат и спросил:

— Что там еще?

— Клон, впрочем, если быть точным, это не совсем правильный термин, был собран где-нибудь в Юго-Восточной Азии. Мои люди в этом уверены. Скорее всего, в Гонконге. Какое-нибудь маленькое предприятие... открылось, поработало месячишко и вновь закрылось. За этим трудно уследить. В принципе, там любой может снять производственную площадь, не привлекая особого внимания.

Дерьмо, подумал Нанги, Николас исчез из поля зрения, а его любимое детище лопнуло как мыльный пузырь. Он решил пойти в свой офис. Сейчас необходимость поговорить с Тинем возросла вдвое. В Сайгоне ему будет проще всего раскопать что-нибудь, относящееся к этому делу. Тиню давно бы уже следовало обнаружить эту ублюдочную машинку на черном рынке. Почему же он этого не сделал?

— Держите меня в курсе дела, — коротко бросил он Гоэи. — Сейчас для нас это самое главное.

На президентском лифте он поднялся к себе на этаж.

— Есть что-нибудь от Винсента Тиня? — спросил он, проходя мимо рабочего стола Уми.

— Нет, сэр, — ответила секретарша, складывая в папку какие-то бумаги и направляясь вслед за Сэйко и Нанги в его кабинет.

— Линнер-сан не объявился?

— Нет, сэр, — ответила Сэйко и, дождавшись, когда он усядется и отложит свою трость, добавила: — Но есть кое-какие новости, имеющие к нему отношение.

— О? — Нанги поднял руку. — Прежде чем ты продолжишь, я попрошу тебя, Уми, по электронной связи известить всех исполнительных директоров, что с сегодняшнего дня Сэйко Ито назначается директором Корпорации по взаимодействию. Следовательно, все указания, полученные от нее, должны рассматриваться всеми членами организации как распоряжения, отданные лично мною.

Уми бросила быстрый взгляд на Сэйко, затем вновь склонилась над блокнотом, продолжая стенографировать.

— Проследи, чтобы это было отправлено немедленно. Уми кивнула.

— Да, вот что еще я хотел, чтобы ты сделала...

Раздался телефонный звонок, Уми подняла трубку.

— У меня совещание, — бросил Нанги.

Несколько секунд она разговаривала с абонентом. Нанги, беседовавший с Сэйко, сделал паузу. Лицо Уми посерело.

Трясущейся рукой она придала кнопку временного прекращения связи и сказала:

— Мне кажется, Нанги-сан, вам лучше поговорить самому.

Любопытно, подумал Нанги и взял у нее трубку.

— *Moshi-moshi*, — отрывисто произнес он.

— Тандзаан Нанги?

— У телефона.

— С вами говорит старший инспектор Ханг Ван Кьет. Мистер Нанги, я являюсь офицером полиции Сайгона. С сожалением вынужден сообщить вам, что с вашим сотрудником Винсентом Тинем произошел несчастный случай.

Нанги так крепко сжал трубку, что, казалось, она вот-вот хрустнет. В желудке появился какой-то холодный ком.

— Насколько серьезно он пострадал?

— Соболезную, но он мертв.

Трубка молчала, слышалось лишь какое-то отдаленное потрескивание на линии, почти ирреальное. Тинь мертв. Нанги напрягся, пытаясь осознать значение этих слов. Он про себя прочитал молитву, затем включил свой аналитический ум.

— Господин инспектор, а могу ли я узнать, какой именно несчастный случай с ним произошел?

— Довольно странный. Судя по всему, мистер Тинь осматривал товарный склад в северном районе и...

— У нас нет в северном районе складов.

— Конечно, — согласился Ван Кьет.

По интонации этого одного слова Нанги понял, что инспектору это уже известно.

— Ваш сотрудник, мистер Тинь, оказался на территории чужих владений.

— Кому принадлежит склад?

— Здесь небольшая загвоздка. Мы ведем расследование.

Нанги приложил ко лбу пальцы над тем местом, где начинала формироваться боль. Он знал этих людей, ему было известно об их местничестве и клановости, особенно во времена кризисов. Чужаков они не признавали. Из ответа инспектора Нанги понял, что вряд ли он когда-либо узнает правду.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Осмотр места происшествия позволяет сделать вывод, что мистер Тинь находился на деревянном рабочем помосте. Он наступил на прогнившую доску, которая надломилась, и потерял равновесие.

Вновь в трубке установилась тишина, наполненная тихим электронным пением дальней связи.

— Да и?..

— Он упал, — продолжил Ван Кьет, — в бочку с серной кислотой.

— Вы сказали, с серной кислотой?

— Да, сэр.

— И эта бочка оказалась как раз в том месте, где он упал?

— На том складе было много бочек, мистер Нанги.

— И что же в них было?

Ван Кьет на секунду замялся, и Нанги показалось, что он слышит шелест перебираемых бумаг.

— Поваренная соль, бикарбонат натрия, перманганат

калия, — в голосе старшего инспектора можно было услышать какую-то полифонию из гнева и разочарования.

Нанги чувствовал, как с каждым ударом сердца усиливается головная боль.

— Иными словами, этот склад оказался цехом по производству наркотиков?

— Трудно сделать иной вывод, — согласился Ван Киет. — Есть ли у вас какие-нибудь сведения относительно того...

— Мои сотрудники не занимаются наркотиками, — жестко оборвал инспектора Нанги.

— Вам легко так говорить, находясь далеко, в Токио, — сухо сказал Ван Киет.

Менее всего Нанги был расположен вступать в словесную перепалку с этим полицейским чиновником. К тому же на данный момент это была его единственная ниточка, связывающая с Сайгеном и загадочной смертью Винсента Тиня.

— Из чего вы заключили, что это несчастный случай? — переменял тему Нанги.

— Простите?

— При данных обстоятельствах вполне можно предположить убийство.

— Откровенно говоря, мистер Нанги, я не делал вывода о несчастном случае. Тем не менее вердиктом будет именно „несчастный случай“. Свидетелей нет, следов того, что на складе в то время, когда там был мистер Тинь, находился еще кто-то, тоже нет, и, естественно, учтите сами обстоятельства его гибели — останки мистера Тиня не дают ключа к разгадке происшествия. — Он вздохнул. — С сожалением вынужден признать: денежные ассигнования мизерные и у меня ужасающий недокомплект сотрудников. По любым меркам уровень преступности здесь превосходит все мыслимые пределы, и она продолжает расти. Из окна моего кабинета я ясно вижу, что капитализм воспитывает презрение к закону. Это прискорбно, но, боюсь, что это факт, мистер Нанги.

— Вы клоните к тому, что бессильны что-либо сделать?

— Мне пора отключать линию связи, мистер Нанги. Сожалею о гибели вашего сотрудника.

— Если вы уделите мне еще минуту, инспектор, то я передам трубку моей секретарше. Необходимо позаботиться о прахе покойного.

— Но мой дорогой сэр, об этом уже позаботились родственники мистера Тиня.

— У мистера Тиня *не было* родственников, — удивился Нанги. — Кто приезжал за останками?

— Сейчас посмотрю. Мужчина, представившийся братом мистера Тиня. Отрекомендовался сотрудником фирмы „Авалон Лтд“ в Лондоне. — С этими словами Ван Кнет хмыкнул и добавил: — Теперь я уж точно просрочил время разговора. До свидания, мистер Нанги.

Нанги уставился на телефонную трубку, в этот момент такую же мертвую, как и Винсент Тинь.

— Похоже на то, что этот снимок сделали той ночью, когда мы встретились, — заметил Николас, разглядывая фотографию Челесты в костюме Домино. — Вы знали, что вас будут фотографировать?

— Нет. В тот момент я готова была поклясться жизнью, что мы там одни. — Голос ее дрожал.

— Этот снимок сделан наблюдателем, — пояснил Николас. — Взгляните, фотография крупнозернистая и в пятнышках. Это оттого, что использовался длиннофокусный объектив плюс высокая скорость съемки.

— Но как она здесь очутилась? — спросила Челеста. — Оками-сан знал о ней?

— Возможно, или, правильнее сказать, — вероятно.

Николас поднялся; после того как он закончил тщательный осмотр кабинета, вновь подошел к тому месту, где лежала фотография, и опять принялся изучать ее.

— Здесь что-то не так. Все в комнате перевернуто вверх дном, разломано, разорвано. За исключением этого снимка, — он взглянул на Челесту. — Не могу поверить, что ее не заметили. — Его пальцы ощущали сгиб. — Посмотрите, как аккуратно она сложена: прямо произведение искусства в стиле *оригами*.

— Следовательно, единственным объяснением может быть то, что ее оставили здесь намеренно.

— Именно.

Он свернул и вновь развернул фотографию.

— А что, если ее оставил... Оками-сан. Предположим, его похитили, а он ухитрился оставить нам ключ — эту фотографию, по которой мы сможем определить, куда его увезли.

— Откуда он мог знать?

— Челеста, он знал, что за ним идет охота. Мне даже начинает казаться, он даже знал, кого за ним пошлют. Я почти уверен: Оками-сан предполагал, куда его могут увезти.

Челеста посмотрела на фотографию.

— Но что можно прочитать по этому снимку? Кроме меня самой, я ничего и никого другого не вижу.

— Не посылал ли вас куда-нибудь недавно Оками-сан?

— Он поддерживал кое-какие деловые контакты с друзьями на Мурано и иногда посылал меня туда.

— Хорошо. Уже какая-то зацепка.

— Боюсь, не самая лучшая. У Оками-сан там слишком много приятелей. К тому же островок небольшой. Все рыбаки знают друг друга. Я не поверю, что кто-нибудь сможет его там спрятать.

— Что еще вы видите на фото?

— Я нахожусь в храме Сан-Белизарно.

— Верно. Не мешает пройти туда.

Им понадобилось всего двадцать минут, чтобы добраться до Кампиелло ди Сан-Белизарно. Их путь пролегал через еврейский квартал, о котором Николас слышал, что это самая бедная часть города. Николасу же больше бросилась в глаза какая-то суровая простота, но в этом не было ничего удивительного. По сравнению с дворцами и храмами, построенными в готическом и византийском стилях, жилые дома и синагоги этого квартала были лишены вычурности. Но пенять людям за то, что роскошь и богатство у них не лезет из всех щелей, могли только те, кто имел весьма относительное представление об исторической обреченности евреев к вечным миграциям и необходимости приспосабливаться к условиям жизни других наций. Даже в самой священной для евреев книге, Торе, содержится предупреждение против публичной демонстрации своего благосостояния.

Здесь, вне готических и византийских древностей, чувствовалось биение пульса живых людей. Груз веков в этом квартале ассоциировался с белоснежным полотном, вытканым изображениями их бесконечных странствий.

Небольшая площадь Сан-Белизарно была пустынна. Лишь на противоположной от храма стороне какой-то изможденный старик взглянул на них, улыбнулся и тут же исчез за деревянной дверью.

— Одно могу с уверенностью сказать: за нами никто

не следил, — сказал Николас. — Что же касается вопроса, там ли Оками-сан, то...

Николас пожал плечами.

— Сюда, — позвала Челеста.

По проходу они спустились к *rio* с мостиком. Николас вспомнил, что в прошлый раз они выбирались из храма именно через ту потайную дверь под мостком, куда сейчас вела его Челеста. Это был самый старинный вход в храм.

Снова навалился груз веков, в ноздри ударил запах мирры, ладана и сырой штукатурки. Было довольно прохладно — они находились совсем рядом с каналом, пол в некоторых местах позеленел от ила.

Челеста повела его по узкому коридору с балочными перекрытиями, безошибочно ориентируясь во всех его поворотах, затем по каменным ступенькам они поднялись на один пролет вверх, нырнули под какой-то свод и очутились совсем рядом с *schola cantorum*. Они шли еще некоторое время, пока Челеста не остановилась и не достала фотографию. Взглянув на нее, она протянула ее Николасу.

— Вот то место, где я стояла, когда меня сфотографировали, — прошептала она.

Николас кивнул.

— Что вы чувствуете? Есть какие-нибудь признаки присутствия Оками-сан... или того, кто преследовал нас в прошлый раз? — спросила она.

Он долго стоял, не шевелясь, подстраивая себя под ритм вибрации храма. У него было такое ощущение, что кто-то включил проектор и показывает ему слайды, он видел, когда и как возводился этот храм, людей, строящих его и восстанавливающих из руин: каледонцев, финикийцев, греков, римлян; мириады людей, выходцев из Малой Азии, которые потом стали называть себя венецианцами, прошли перед его мысленным взором.

Для всех них это место было святым; Николас чувствовал силовые линии, сходящиеся именно сюда, причем ассоциировалось у него это с круговертью спиц катящегося колеса. Древние предки давно позабыты, даже нынешними святыми отцами, служителями Бога. Тем не менее это место не стало менее святым, чем тысячелетия назад. Сила его, пахнущая спелыми фруктами и дымящимися угольками, как дыхание спящего Левиафана, сохранилась и по сей день.

Его приводили сюда. Произошел всплеск в сознании. Он тоже чувствовал силу и хотел стать частью ее.

— Кровь, — неожиданно сказал Николас. — Я вижу кровь.

Челеста резко вдохнула.

— Где?

— Идемте сюда.

Николас провел ее через *schola cantorum* к трем небольшим комнаткам, похожим на кельи и выложенным из камней гигантских размеров. По мере того как они переходили из комнаты в комнату, мерцающий свет камышовых факелов становился все более тусклым. В первой комнате стояла койка с набитым соломой матрасом, застланная некрашеными муслиновыми простынями и тонким шерстяным одеялом. Действительно, келья. Следующая комната представляла собой нечто вроде хранилища: сборники церковных гимнов, партитуры для песнопений, свечи, просфоры, бутылки с вином для святого причастия. Третья комната оказалась пустой, если не считать каких-то тонких перегородок вдоль стен. Здесь не чувствовался этот всепроникающий запах плесени, однако вместо него в ноздри ударило тягучее зловоние сильного дезинфицирующего средства.

— Здесь ничего нет, — сказала Челеста.

Николас прикрыл глаза.

— Тем не менее запах крови ощущается здесь сильнее.

— Поэтому здесь и напыскали этой гадости?

— Возможно, — кивнул Николас.

Неожиданно он повернулся и отошел от нее. Челеста некоторое время стояла посреди комнаты, затем обернулась по сторонам. Николаса нигде не было. Казалось, он исчез где-то в дальнем углу в тени перегородки.

— Николас?

От гнетущей тишины у нее по телу пробежали мурашки.

— Челеста, идите сюда.

Голос звучал неестественно расплывчато и глухо, как будто говорил он откуда-то издалека. Она пошла на звук и увидела его у дальней стены. Ей показалось, что это не человек, а его отражение. Через секунду Челеста была подле него, но впечатление было такое, будто она прошла сквозь просвечивающее отверстие в радужной оболочке гигантского глаза. Когда она обернулась, ей

показалось, что противоположная стена комнаты отъехала на многие ярды назад.

Подняв руки, Николас ладонями ощупывал один из гигантских камней.

— Здесь что-то есть.

Она услышала, как Николас, что-то промычав, сдвинул камень с места. Челеста бросилась к нему — часть стены медленно выдвигалась наружу. Секундой позже они уже выходили через эту потайную дверь.

Их взору предстал небольшой сад. Цветущие ломоносы обрамляли каменные стены, розово-голубые цветочки радовали глаз, виноградная лоза ползла вверх. На дереве гнилого, верхушка которого виднелась за дальней оградой, чирикали птички.

Земля была влажной и вязкой, насыщенной теплым ароматом осени; дождь, однако, прекратился. Сквозь облака пробивались разрозненные, пепельно-серого цвета солнечные лучи. Складывалось впечатление, что они находятся в глухом лесу, которого почти не коснулась цивилизация.

Посреди сада, спинкой к ним, стояла старинная металлическая скамейка. Почва под ногами была зеленой, однако Челеста сразу поняла, что идут они не по траве, а по мху. Где-то рядом заклекотала птица, но мгновенно умолкла. Наступила такая тишина, что стали даже слышны ласковые звуки течения *rio*, где-то невдалеке от ограды и ниже ее уровня.

— Поглядите!

Николас протянул руку, когда они подошли к скамейке. На сиденье лежала венецианская маска, разорванная пополам. Бурые пятна на маске не оставляли никаких сомнений в том, что это запекшаяся кровь.

Челеста вскрикнула и прошептала:

— Это маска Домино, та самая, которую мне велел надеть Оками-сан, когда я отправилась встречать вас.

— Как вы определили, что это именно та самая маска? Масок Домино в Венеции десятки тысяч.

— Моя маска не ширпотреб. Сделана по специальному заказу, — возмутилась Челеста. — Посмотрите вот на эту метку с внутренней стороны.

Николас взгляделся в фирменный знак, на который показала Челеста.

— Николас, что означает эта кровь? Чья она? Оками-сан?

— Мне бы самому хотелось это знать.

Наклонившись, он взял у Челесты фотографию, найденную в кабинете Оками. Челеста тоже склонилась над снимком рядом с Николасом.

— Вы здесь в костюме Домино, и сейчас мы натолкнлись именно на такую же маску, — сказал Николас. — Может быть, именно в Домино и заключается ответ на вопрос, куда похитители увезли Оками-сан?

Он на секунду задумался и спросил:

— Что вы говорили мне об этой маске в ту ночь?

— Дайте вспомнить. Я сказала, что название восходит к латинскому *Benedictio Domini*, что значит „благословен Господь Бог“. Мне кажется, что это своего рода шутка, которую придумали древние венецианцы, чтобы высмеивать похотливую папскую камарилью. В конечном счете все карнавалы обычно заканчиваются поголовным распутством.

— Латинскому... Выходит, Домино — это один из прототипов характера итальянцев.

— Не думаю, — засомневалась Челеста, — впрочем, боюсь что-либо утверждать, поскольку плохо разбираюсь в истории *maschere**. Но есть человек, который сможет рассказать нам все о венецианских масках, и в частности о моей маске Домино. Это мастер, который ее изготовил.

*Маска (итал.).

ОЛД ВЕСТБЮРИ / ВЕНЕЦИЯ / ПАРИЖ

Лью Кроукер вначале заметил Маргариту Гольдони де Камилло на другом конце большой подстриженной лужайки, все еще по-летнему зеленой. Яркий, пылающий под полуденным солнцем цвет этот, придавая всему окружающему необыкновенную глубину и воздушность, напоминался как нечто нереальное, отрицающее закон тяготения.

Его внимание привлекли ее густые темные вьющиеся волосы, воскресившие в памяти спокойную музыку джаза и запах крепкого кофе в одном из давно забытых клубов в Гринвич Виллидж. Когда она повернулась, услышав его шаги на дорожке, выложенной плиткой, он отметил, что очертания ее подбородка и крупный нос свидетельствуют о присущей ей силе воли и упорстве. Она окинула его холодным взглядом, в котором не было враждебности или подозрительности, как он ожидал, а только искреннее любопытство.

— Вам не повезло, — бросила она, когда Лью подошел ближе.

На Маргарите был вязаный пестрый шерстяной жакет, черные лосины и короткие сапожки. Уши украшали сережки из старинных римских монет, на безымянном пальце левой руки сверкало кольцо с крупным бриллиантом.

— Почему же не повезло? — поинтересовался Лью.

— Моего мужа нет дома.

— Он заверил сотрудников моего офиса, которые с ним связались, что будет здесь.

Маргарита пожала плечами:

— Тони сицилиец. Он или уважает человека, или нет. Кроукер посмотрел на нее, пытаясь понять ее отношение к мужу. Она произнесла слово „сицилиец“ сквозь стиснутые зубы, как если бы это было не совсем приличной характеристикой.

— Вы хотите сказать, что он не уважает меня?

— Вы — коп*.

— Был раньше, — произнес он с улыбкой. — Работал в департаменте полиции Нью-Йорка. Но это было давно. Маргарита вздернула голову:

— И что вы делали в то время?

— Был детективом по расследованию убийств.

— Так это ваша кормушка.

— Что вы имеете в виду?

Маргарита рассмеялась прямо ему в лицо.

— Бросьте валять дурака, детектив вы или, черт побери, кем вы сейчас называетесь. Вы хотите поговорить с Тони об убийстве моего брата.

— Но его здесь нет. Нельзя ли встретиться с вами?

— Мне нечего сказать по этому поводу. Дом мертв, и на этом поставим точку.

— И тем не менее мне необходимо кое-что выяснить.

Кроукер проследил за парнем, который ходил вдоль границ усадьбы. Это был молодой человек крепкого телосложения, который краем глаза наблюдал за пришельцем.

— Мне поручено найти убийцу и передать в руки правосудия.

— Живым или мертвым? — спросила Маргарита, устремив взгляд на его биомеханическую руку.

— Ну, это будет зависеть от того, как он себя поведет, когда я его найду, — заявил Лью, подняв руку и сжимая искусственные пальцы.

Маргарита осмотрела каждый палец взглядом скульптора, изучающего каркас незаконченного произведения и пытающегося представить впечатление, которое получит зритель после того, как работа будет завершена.

— В них скрыта смертельная угроза.

— Я могу выполнять ими также и самую тонкую работу, — похвалился Кроукер, выбросив из кончика одного из пальцев стальное лезвие.

Маргарита посмотрела ему в глаза:

— Это изменило вас?

*Полицейский (разговорная, грубая форма).

— Что „это“?

— Эта... рука.

— Каким образом?

Что-то отвлекло внимание Маргариты, и момент был упущен. Она смотрела на парня, который прикуривал сигарету.

— Эй! — крикнула она. — Не забудь положить окурок в свой карман.

Потом снова обратилась к Кроузеру:

— Вы действительно уверены, что найдете его — человека, который убил Дома?

— Я найду его.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Солнце светило ей прямо в глаза, и он не мог определить, был ли вопрос задан из простого любопытства или за этим скрывалось нечто большее.

— Думаю, что я еще задержусь на некоторое время, — сказал он.

Маргарита повернулась и пошла по плиточной дорожке, проходившей вдоль дома.

— Не ожидайте приглашения в дом. Там рабочие циклюют новый паркетный пол и все завалено листами пластика и опилками.

— Не беспокойтесь.

Она спрятала руки в карманы жакета.

— Вы упомянули в начале разговора свой департамент. На кого же вы сейчас работаете?

— Черт побери, если бы я знал, — произнес Лью, затем усмехнулся, увидев испуг на ее лице. — ФБР, — добавил он уклончиво. — Этот случай затрагивает национальные интересы.

— Не вешайте мне лапшу на уши, — заявила она, резко повернувшись к нему. — Мой брат затрагивал национальные интересы? ФБР годами лизало ему зад.

— Забавно. Мне казалось, что в конечном счете все было как раз наоборот.

— Ха! — Она остановилась посмотреть на подстриженную азалию, которая выглядела далеко не блестяще. Ее изящные руки с ловкостью и умело продвигались через переплетенные ветви куста. Лью подумал, что таким образом она делает все, за что берется.

— Для человека из ФБР вы, несомненно, знаете немало.

— Может быть, но я горю желанием знать больше.

Маргарита выпрямилась и как-то странно посмотрела на него.

— Этого я не могу сказать о большинстве людей из ФБР. — Они вновь пошли по дорожке. — Я заметила, что все они закомплексованы.

— Вы имеете в виду что-то вроде межведомственной внутренней борьбы?

— Нет, дьявол их побери, — ответила Маргарита, приглаживая пальцами волосы. — У них это все личное. Они видят, как эти нахальные молодчики, за которыми они следят дено и попно, расхаживают в костюмах стоимостью в три тысячи долларов, ездят в машинах „БМВ“, живут, не считаясь с расходами, и это задевает их за живое. И они репают, что им следует сбить спесь с того или иного молодчика. — Ее лицо исказила усмешка. — Вы знаете, это напоминает спортивные соревнования: они кажутся вам скучными, если вы не примете ту или иную сторону и не станете болеть за нее. Сделайте победу избранной стороны вашим личным делом. Вот так и поступают фэбээровцы. Чтобы не скучать, они выбирают себе жертву. И она становится для них первоочередной личной целью. — Она взглянула на Лью. — Вы думаете, я все это выдумываю?

— Нет, я так не думаю.

Они дошли до задней стены дома. В отдалении, за крытым бассейном, Кроукер заметил среди деревьев двух мужчин. Они казались двойниками пары, которая остановила его перед входом в усадьбу: молодчики с крепкими мускулами, по всей вероятности бывшие полицейские, с циничным взглядом и быстрыми рефлексами, подготовленные к выполнению обязанностей охранников. Один из них держал на толстой цепи из нержавеющей стали молодого ротвейлера. Собака натянула поводок, сосредоточив все внимание на Кроукере, который был так близко к той, защищать которую пес был специально обучен.

Наблюдая за собакой, Кроукер вспоминал досье на семью де Камилло, которое он получил из компьютера в реактивном самолете военно-воздушных сил от Лиллехамма.

В воздухе ощущался запах, который не был связан с наступившей осенью и которого не мог полностью заглушить парфюмерный аромат опавших листьев. Кроукер

— Это не та собака, не так ли?

— Простите?

— У вас был ротвейлер по кличке Цезарь, но эта собака... там — другая?

— И что из этого?

— Что случилось с Цезарем?

Маргарита не сказала ни слова, но смотрела на ротвейлера со странным выражением.

— Цезарь умер, — произнесла она. — Я думаю, что он, видимо, съел отравленную полевую мышь.

— Это, должно быть, тяжелая утрата.

Она повернулась к нему, ее щеки внезапно покраснели.

— Убийство моего брата было тяжелой утратой. А это... — Она подняла руку, затем безвольно опустила ее. — Это была только паршивая собака.

Ротвейлер остановился на их пути, мотая головой. Его внимание привлек резкий тон слов Маргариты, злобные желтые глаза были устремлены на Кроукера.

Маргарита перевела взгляд с собаки на Кроукера и вдруг веселым тоном заметила:

— Если вы сделаете сейчас хоть одно движение, вы — мертвец.

— Спасибо за предупреждение.

Она издала какой-то гортанный звук, и ротвейлер отступил. Его бока все еще вздрагивали, и Кроукер не испытывал большого желания посмотреть в полные злобы глаза.

— Теперь все в порядке, — сказала Маргарита, двинувшись дальше. — Но вам необходимо проявлять большую осторожность.

— Я буду помнить, что нельзя раздражать вас в присутствии собаки.

Они пошли дальше по территории усадьбы, через небольшой холм, в направлении к беседке, увитой глицинией. Миновали каменную статую греческого бога Посейдона, владыки морского. Концы его трезубца выглядели очень острыми. Молодчики и ротвейлер следовали за ними на допустимом приличии расстоянии, подобно мадридской дуэнье, идущей за своей высокородной подопечной.

— Я не думаю, что мой муж захочет разговаривать с вами.

— По-видимому, нет. Но я не виню его за это.

Маргарита и Кроукер дошли до беседки. Солнечные лучи пробивались через отверстия в переплетенных стволах глициний и падали на каменные скамьи, покрытые у оснований зеленым мхом.

— Но вы храбрее, чем он. Вы разговариваете со мной. Маргарита рассмеялась.

— Это судьба. Вы застали меня дома.

Она опустилась на одну из скамеек, Кроукер прислонился к стволу глицинии.

— Я полагаю, что, будучи теперь *капо*, мистер де Камилло считает, что он может провести самостоятельное расследование и найти того, кто убил его шурина.

— Мой муж признанный юрист. Спросите любого из его клиентов.

— Нет необходимости. Половина всех юристов и ФБР уже занимались этим вопросом.

Маргарита искоса посмотрела на него, выглядела она более уязвимой, чем это было на самом деле.

— Тогда чего же вы хотите?

— Я уже говорил вам. Я хочу найти убийцу вашего брата.

— Зачем? Для чего это вам? Влезать сапожищами в чужое горе? Или вы входите в мафиозную группировку, подобно трем четвертям фэбзэровцев?

— Ну что же, я скажу вам совершенно откровенно. Всякий раз, когда мне делается скучно, я люблю исправлять несправедливость.

— Мы в Нью-Йорке, городе, где совершается убийство каждую минуту. Возьмите и займитесь одним из них. Зачем вам лезть именно сюда.

— Нет, — произнес Кроукер тихо. — Убийство вашего брата — дело особенного сорта.

— А, вот в чем дело! Известность! — произнесла она с негодованием. — Он был доном мафии, самым крупным за все время существования ФПЗС. Я могу понять ваш интерес.

— Нет. Вам не понять.

Маргарита пристально посмотрела на него. Кроукер смог разглядеть за ее спиной ротвейлера, натянувшего удерживающую его цепь. Молодчика, в руках которого находился другой конец цепи, в данный момент видно не было, так как его скрывало большое буковое дерево.

— Кто-нибудь говорил вам, как был убит ваш брат?

Наступила гнетущая, действующая на нервы тишина, как после выстрела из ружья.

— Кто-нибудь показывал вам фотографии?..

— Заткнитесь!

Она резко встала, и ротвейлер заскулил.

Осторожно, не делая резких движений, Кроукер достал из кармана пиджака коричневый бумажный конверт.

— Я думаю, вам следует посмотреть эти фото.

— Нет! Я...

Ротвейлер резко бил передними лапами по твердой земле и рвался вперед.

— Нет! — повторила Маргарита. Но она не могла отвести взгляда от конверта. — Не думаете ли вы, что я хочу, чтобы убийцу моего брата привлекли к суду?

Кроукер понял, что теперь ему надо быть очень осторожным.

— Именно этот вопрос я и задавал себе, когда начал разговор с вами. А теперь я думаю, что знаю и ответ.

Она была более ловкой, чем он ожидал. Когда она брала конверт, он заметил, что ее рука даже не дрогнула. Маргарита вновь села, положила конверт на колени и скрестила на нем руки.

— Я это говорила, не правда ли? — заметила она почти про себя. — Это судьба, что я оказалась здесь, когда вы пришли.

Кроукеру следовало бы не спускать глаз с ротвейлера, но вместо этого он все внимание сконцентрировал на Маргарите.

Ее руки непроизвольно, как если бы они принадлежали другому человеку, открыли конверт и вытащили фотографии. Она бросила взгляд на Кроукера, как ему показалось, как бы ища у него поддержки. Затем судорожным жестом опустила голову.

Это была первая фотография, изображавшая его сердце, пришитое к пуповине.

У Маргариты вырвался слабый вскрик.

Ротвейлер зарычал и, таща за собой стражника, стал приближаться к своей хозяйке, полагая, что она в беде. Собака была права.

— Миссис Д.?

— Все в порядке, Джон. Оставьте нас.

До Кроукера донесся звон цепи, которую резко дернул стражник. Ротвейлер вновь заскулил.

На поверхности фотографии отчетливо виднелись капельки слез, блестевшие в солнечных лучах. Маргарита

просмотрела все эти ужасные снимки. Она казалась парализованной. Медленно перебирая их снова и снова, она никак не могла решиться отдать их. Это означало бы еще раз сказать „прощай“ своему брату.

— Зачем вы показали мне их? — прошептала она наконец. — Это выходит за пределы логики человеческого поведения.

— Да, — подтвердил он. — Теперь вы знаете, почему я здесь.

Кроузер заметил, что пальцы ее рук побелели.

— Я согласилась разговаривать с вами только потому, что...

— Потому, что я полицейский?

Маргарита покачала головой.

— Фэбзэровцы, по-видимому, считают, что я у них как бы в долгу за то, что они взяли Дома в ФПЭС. Но они ошибаются, так как они не выполнили свои обязательства по сделке. Они не защитили его.

— Это только одна сторона дела, — заметил Лью. — Другая состоит в том, что Доминик Гольдони нарушил правила ФПЭС, и именно это привело к его гибели. Вы забываете, что никогда никто не трогал человека, находящегося под защитой ФПЭС, если он не нарушал контракта.

— Мой брат никогда раньше не был в ФПЭС.

„*Touche*“, — подумал Кроузер.

— Вы знаете, мой детектив, как устроен современный мир? — спросила Маргарита менее суровым голосом. — Никто не хочет взять на себя ответственность. Тогда я никак не ожидала, что фэбзэровцы заявят мне: „Извини, но мы выдохлись“. Это в принципе слишком вредно для программы. Свои жертвы они будут запугивать, те попытаются бежать, и некоторым из них разобьют головы, а их мозги разлетятся во все стороны.

По мнению Кроузера, Маргарита была права.

— Вот в этом все и дело. Что сделал Доминик Гольдони такого, что его понадобилось убивать? — Он внимательно следил за ее реакцией, так, как если бы она была ротвейлером, приготовившимся к нападению. — Он привез из Куинса свою любовницу по имени Жинни, или, точнее, Вирджиния Моррис, чтобы быть с ней там, куда укрыли его люди из ФПЭС, — продолжал Кроузер.

*Укол (в фехтовании) (*фр.*).

Маргарита опустила голову. Медленно, одну за другой, она вытирала слезинки с фотографий умершего брата.

— Жинни была также убита вместе с ним.

Маргарита резко вскинула голову, так что даже был слышен хруст ее шейных позвонков.

— Я здесь потому, что пытаюсь выяснить, что заставило Доминика нарушить правила ФПЗС. Моя версия — он хотел прекратить связь с Жинни, а она была против этого. И в этой щекотливой для него ситуации, я думаю, он обратился к кому-то, вероятно к вашему мужу, чтобы он помог ему разрешить возникшую проблему. И может быть, именно это и послужило причиной его гибели. Кто-то проследил за ним и обнаружил, где он скрывается.

— Тони вам не поможет. Он не помог бы даже полицейскому-калеке перейти через улицу.

— А вы знали Жинни?

— Что?

Нечто в словах Маргариты или же в тоне, каким она их произносила, вызвало в сознании Кроукера мысль о том, что она и ее брат были очень близки друг к другу.

— Вы должны были знать, что ваш брат „шалил“ на стороне, ведь он очень доверял вам, — сказал он.

Она резко поднялась, так что фотографии соскользнули на землю. Кроукер нагнулся, собрал их, вложил обратно в конверт и поспешил догнать ее.

— Послушайте, может быть, все и не так... — продолжил он, поравнявшись с ней. — Эти сицилийские штучки. Женщины и дела никогда не смешиваются.

— Сексуальные склонности Дома не имеют ничего общего с бизнесом, — резко бросила она. — Кроме того, семейство Гольдони не состоит из сицилийцев, чего я не могу сказать о своем муже. Наша семья родом из Венеции.

— Но вы и ваш брат наполовину сицилийцы.

— Его мать, но не моя.

Ротвейлер бросился в сторону так быстро, что чуть не свалил с ног державшего цепь молодчика. Потом он остановился, расставив задние лапы. В передних он держал небольшого зверька — бурундучка или, вероятнее, полевую мышь. Ротвейлер начал его жадно пожирать. Послышался негромкий, но явственный хруст разгрызаемого черепа зверька. Маргарита стояла и смотрела на это зрелище без особого волнения или отвращения, просто с

любопытством. Такое же выражение было у нее и тогда, когда она увидела Кроукера.

— Итак, вы знали Жинни Моррис, — заключил он.

— Я этого не говорила. — Она посмотрела вокруг себя, как если бы в этой так надежно охраняемой усадьбе ее мог кто-либо подслушивать. — Однако и в самом деле я ее знала. Я знала всех его любовниц. Я была единственным человеком, которому он мог довериться полностью.

— Тогда вы знаете, куда ФПЭС поместила вашего брата?

— Нет. Я только подготовила Жинни к переезду. Остальное все Дом делал сам.

— Боже милостивый! — Кроукер понял, почему она плакала над фотографией, — она помогла своему брату нарушить правила ФПЭС, а за это нарушение он и был убит.

— Доминик был... необычный во многих отношениях, — произнесла Маргарита. — Что же касается его любви к женщинам, то он был подобен Джону Кеннеди — он просто не мог удержаться себя. Кажется, существует медицинский термин того, чем страдали они оба, это „сатириаз“.

— Вы имеете в виду, что ваш брат был болезненно-сексуален?

— Я уже слышала подобные высказывания раньше, — заявила она, наблюдая, как ротвейлер наконец расправился со своей жертвой. Затем она повернулась к Лью и произнесла с холодным выражением лица: — Вы находитесь сейчас здесь как мой гость, детектив, и я прошу вас в будущем с уважением относиться к памяти моего брата.

Кроукер собирался вновь прибегнуть к шоку как средству вызвать непроизвольную реакцию с ее стороны. Когда он впервые подъехал сюда, он был готов отвести к ней как к простому экспонату итальянской магазинной витрины. Но она оказалась совсем не такой простой. Теперь он начал понимать, что его основные представления об этой тройке — Доминике, Тони и Маргарите — были, пожалуй, совершенно неосновательны.

Он предполагал, что парни остаются парнями, и поэтому доверенным лицом Доминика Гольдони должен был быть Тони де Камилло. С первого взгляда такой типичный сценарий был логичен — именно Тони был выбран Домом в качестве своего преемника. Но чем больше Кроукер говорил с Маргаритой, тем больше убеждался в том,

что на самом деле эти двое мужчин никогда не были близки друг другу. Теперь его преследовал другой вопрос: если Доминик посвящал Маргариту в свои амурные дела, доверял ли он ей что-либо еще?

— Я жил один слишком долго. Наверное, мои манеры стали совсем не те, что были прежде.

— Вы имеете в виду жизнь детектива на улицах Нью-Йорка?

Услышав это, он не мог удержаться от смеха.

— Я понимаю ваш намек, миссис де Камилло. Принимаю свои извинения. Но я хотел бы, чтобы вы называли меня Лью, „детектив“ звучит так...

— Формально?

Он снова засмеялся, почувствовав удовольствие от пребывания в ее компании.

Маргарита повернулась к нему:

— В самом деле, почему бы мне не называть вас Лью, а вы могли бы называть меня Маргаритой.

— Превосходно.

— Я голодна. Давайте перекусим чего-нибудь.

Она пригласила его в свой двухместный „лексус“. Всю дорогу за ними вплотную следовал „форд таурус“. Кроу-кер посматривал в зеркало заднего обзора, надеясь убедиться, что молодчики оставили дома ротвейлера.

Маргарита вела машину быстро и очень профессионально. Ей были известны все места, где стояли на боковых дорожках и площадках для мелкого ремонта полицейские патрули, готовые в любой момент перехватить машины, превышающие установленную скорость. Через десять минут они остановились у одного из тех придорожных ресторанов с фасадом, сделанным под камень и покрашенным золотой краской, в которых вам подадут громадное меню на шести страницах и еду, которая, по-видимому, готовится на какой-то крупной центральной кухне, обслуживающей все подобные заведения в Кунисе и на Лонг-Айленде.

Хозяин заведения, человек со смуглой кожей, который мог быть родом практически из любой средиземноморской страны, подошел к ним сразу, как только они вошли в покрытую бирюзовым пластиком громадную кабину, где могли разместиться полдюжины крупногабаритных взрослых персон.

— Добрый день, миссис Д., — произнес он почтительно. — Что подать вам сегодня?

— Закажите пасту*, — обратилась Маргарита к Кроу-керу, не открывая меню. — Это единственное блюдо, которое готовится здесь.

— И бутылку „Валполицеллы“ за счет ресторана, — просиял хозяин и поспешно удалился.

Они ели пасту „алио’олио“ с горячим итальянским хлебом с хрустящей корочкой. Маргарита положила в свою тарелку горсть молотого красного перца. Кроукер был в Марко-Айленде так давно, что уже забыл вкус действительно хорошей пасты.

Большую часть вина выпила Маргарита.

— Почему вы все-таки позволили мне быть вашим гостем? — поинтересовался Кроукер во время еды.

— Из любопытства, — ответила Маргарита прямо, в присущей ей манере, обезоруживающей ее собеседников. — Когда вы приехали, вы были в моих глазах просто еще одним полицейским, посланным сюда, чтобы причинить нам горе. Но потом я поговорила с вами и поняла, что мои представления о вас совершенно ложны. Я придерживалась стереотипов.

Кроукер рассмеялся.

— Именно так произошло и со мной. Я думал, что, будучи женой Тони Д., вы знаете... — Он внезапно замолчал, смутившись.

— У сицилийцев есть поговорка, Лью. Согласно ей, женщины предназначены для того, чтобы убирать, готовить пищу и производить детей, предпочтительно мальчиков, каждые два года. Я не сицилийка и не соответствую ни одному из этих параметров.

— Однако Тони, будучи сицилийцем, женился на вас? Маргарита стерла масло с уголков рта.

— Я была очень молодой, и он с ума сходил по сексу. Он любил спать со мной.

— А вы? Что любили вы?

— В Тони? Он был как белый рыцарь — сильный, красивый, могущественный. Он был старше меня, и он знал, что ему нужно и как получить это. Для молодой девушки подобная грубая сила может быть сильнодействующим возбудителем — особенно когда все другие парнишки, которых вы знаете, барахтаются и мечутся, не зная даже, кем они хотят стать.

Кроукер подлил ей вина. Маргарита улыбнулась.

— Вы не сможете напоить меня, Лью, даже не пытаться.

*Итальянское блюдо из макарон.

— Итак, вы рано вышли замуж, — отметил он, не обратив внимания на ее замечание. — А что потом?

— Потом... — Она помолчала; нахмурившись, взяла бокал вина и стала разглядывать его.

— Боже. Потом пришла жизнь, не фантазия, а реальная жизнь, которая обрушилась на меня. — Она выпила глоток вина. — Совершенно неожиданно я уже больше не была Маргаритой Гольдони. Я стала миссис Энтони де Камилло, женой Тони. И тогда я поняла, что это все, чего он хотел от меня. Это было ударом для меня...

Она вновь замолчала, отставила бокал и улыбнулась Кроукеру.

— Но у вас есть свой собственный бизнес.

— О да. Но только благодаря любезности моего брата, который ходатайствовал за меня перед Тони. Это было ошибкой, так как Тони потерял превосходство надо мной и с тех пор заставляет меня платить за мой бизнес ежедневно.

— Вы хотите сказать, что он забирает часть прибыли?

— Нет, — холодно ответила она. — Он забирает часть меня.

Лавка по изготовлению масок располагалась недалеко от Гранд-канала. Это было маленькое грязное помещение, наполненное мукой и магией. На потолке разместились тысячи различных масок, висящих вниз лицом, перекрывавших одна другую. Краски на них или гармонировали, или резко контрастировали. В масках скрывалось целое море различных чувств, заключенных в рамки проволоочных костей, плоти из папье-маше и покрытой эмалью кожи. Эти маски, выглядевшие живыми, напомнили Николасу о Кирке, которая помещала души своих визитеров в тела зверей, и они могли составить своеобразную коллекцию всего живого.

Хозяина лавки звали Марин Форново. Это был маленький человек средних лет с рассеянными манерами художника, для пытливого ума которого ограничения светского мира представляются слишком жесткими. Его волосы были редкими, но подобными золотой пряже. Он ходил взад и вперед за выщербленным мраморным прилавком, где были разбросаны принадлежности его ремесла — горшочки с мукой, витки проволоки, сосуды с лаком

и инструменты, которые он использовал для пайки, выгибания, накладывания на маски разных материалов. Свет отражался от круглых стекол его очков в золотой оправе, слепил его глаза и делал мастера смешным и похожим на карикатуру.

— Челеста, *bellissima!* — воскликнул Форново. Он отодвинул в сторону мусор, наклонился через прилавок и расцеловал ее в обе щеки. — Не проходит дня, чтобы я не вспоминал твоего отца и не скучал по нему. Я скажу тебе честно, Венеция стала гораздо хуже после того, как его не стало.

Он говорил медленно и торжественно, как если бы он все еще был членом давно прекратившего свое существование двора дождей.

Челеста представила Николаса. Форново посмотрел на него испытующим взглядом, прежде чем одарить кивком головы и слабой улыбкой. Затем он снова обратился к Челесте.

— В какую беду, дорогая, ты теперь позволила себя втянуть?

Она рассмеялась:

— Я никогда не могла скрыть что-либо от тебя.

— Так же, как и твой отец, — заметил, нахмурясь, хозяин лавки. — Хотел бы я, чтобы он прислушался в тот день к моему совету, *cara mia*. Если бы он это сделал, я полагаю, он был бы жив сегодня.

— Все это уже в прошлом.

— Да, конечно, в прошлом. — Форново глубоко вздохнул. — Но в прошлом спрятаны и все наши грехи. А именно наши грехи в конечном счете и приводят нас к гибели. — Он прищелкнул языком. — Тебе следует хорошо помнить то, о чем забыл твой отец, дитя мое. Я не хотел бы, чтобы ты разделила его судьбу.

— Я буду помнить. Обещаю тебе.

Коротышка хмыкнул, по-видимому, не совсем поверив ей.

— Марин, нам нужна твоя помощь. Ты помнишь ту маску, которую ты сделал недавно для Оками-сан?

— Домино. Конечно, помню. Замечательная работа. — Он нахмурился. — Она не принесла вреда?

— Нам нужны некоторые сведения о самой маске Домино, — ответила Челеста, уклонившись от ответа на его вопрос. — Мне кажется, что она не принадлежала к первоначальным венецианским маскарадным маскам.

— Нет, нет, конечно, нет. Домино появилась в Венеции во второй половине шестнадцатого столетия, — заверил Форново, начав смешивать краски в неглубокой миске. — Фактически она имеет французское происхождение. Словом „домино“ французы называли длинные грубые капюшоны, которые носили монахи и которые ввели в моду в Венеции французские аристократы и послы, прибывавшие сюда.

Краска в миске постепенно становилась чистого небесно-голубого цвета и даже в темной посуде как бы излучала свет.

— Маска сама по себе — это как бы своего рода шутка, — продолжал Форново. — Венецианцы во все времена были непочтительны, когда дело касалось их римских пап. — Он поднял к свету густую слезовидной формы каплю подготовленной краски и придирчиво осмотрел ее. — Вы знаете, что один из римских пап объявил Венецию угрозой остальному миру. — Сильным движением руки он стал втирать краску в щеку белой маски. — Проклятый человек! Но почему мы должны позорить его? Мы, венецианцы, не будем вспоминать прошлое, если оно не связано с каким-либо ритуалом. Но это и делает нас, венецианцев, великими. — Он окрасил другую щеку маски, края отверстий для глаз, губы, и как бы волшебством алхимика маска превратилась в лицо. — *„Morte ai tiranni!“* Таким всегда был наш воинственный клич. Смерть тиранам из Рима! Будь они папы или Цезари. Наша республика была единственной, которая выжила после падения Римской империи. И это не было делом случая! — Форново осторожно отложил в сторону маску, подмигнул Николасу. — Здесь, в Венеции, мы всегда были свободными. Вот почему евреи бежали сюда, спасаясь от преследования в менее просвещенных землях. Гетто было придумано здесь вскоре после 1500 года, и в течение многих лет Венеция была центром подготовки раввинов в Европе. — Он взял другой горшочек, начал смешивать краски, чтобы в итоге получить алый цвет. — Истина заключается в том, что мы понимаем евреев, а они понимают нас. Мы были на самом деле похожими друг на друга: загадочные, с выдающимися способностями, чрезвычайно практичные — знатоки бизнеса. Когда остальной цивилизованный мир был феодальным, мы такими не были. Евреи, которые не могли терпеть феодального мышления, ценили это больше всего. Мы все были капиталистами с незапамятных времен.

Под умелыми руками мастера появилась ярко-алая краска, возбуждающая, как свежая кровь. Он посмотрел на маску, над которой трудился, живая головой, как бы выражая удовлетворение совершенным им волшебством.

— Конечно, мы заставили евреев заплатить за предоставленное убежище. Почему бы и нет? Они могли позволить себе это, и им больше некуда было идти. Мы поместили их, издав декрет об обязательном ношении ими красных шляп. — Форново начал накладывать алую краску. Делал он это бережно, можно даже сказать, с каким-то сожалением. — Было ли это жестоко? — продолжал он. — Почему кто-то так говорит? Мы обращались с ними так же, как и со своим собственным дожем. Мы изолировали евреев в их гетто совершенно так же, как мы сделали дожа заключенным в его великолепном дворце на площади Святого Марка. Клятва, которую он произносил при вступлении в должность, делалась с каждым годом все длиннее, потому что мы постоянно увеличивали список того, что ему запрещалось делать. — Он поднял указательный палец и помахал им. — Конечно, время от времени нам приходилось расплачиваться за наши успехи. Как и евреев, нас часто презирали или завидовали из-за того, что мы были такими. В 1605 году разве мы не доказали папе Павлу Пятому, обвинившему Венецию в ереси, что мы лучшие христиане, чем он сам? Кто сражался с турками во имя Христа, в то время как Рим отсиживался? Конечно же, Венеция.

— Марин, — вежливо прервала его Челеста. — Мы говорили о Домино.

— Да, да, — сказал Форново почти раздраженно. Он опять отложил маску в сторону, чтобы та просохла. — Я подхожу к этому. Ты думаешь, что я забыл? — Он снова быстро окинул взглядом Николаса. — У нас, венецианцев, есть поговорка: когда история недостаточно хороша, сгодится и миф. — Форново улыбнулся своей загадочной шутке. — Существует миф относительно того, как появилась маска Домино на карнавале. Согласно ему, не французские аристократы и послы ввели этот иронический и неверующий типаж в Венеции, а евреи, бежавшие из Франции от преследований антисемитов.

Он резко повернулся и прошел через ширму из нанизанных на нитки шариков в глубь своей лавочки. Через несколько минут он вернулся, держа в руках какой-то предмет так осторожно, как если бы это было что-то

хрупкое или только что родившийся младенец.

— Домино! — воскликнула Челеста. — Но это невозможно!

— Возможно, *cara mia*, — вот она. — Форново хитро улыбнулся ей и протянул им маску. — Но это оригинал, самая старая маска в моей личной коллекции. Я показываю ее сейчас вам, а раньше я показал ее Оками.

— Знал ли Оками-сан историю Домино? — поинтересовался Николас.

— Разумеется, — подтвердил Форново, нахмурив брови. — Не думаете ли вы, что я буду таким неучтивым, что продам ему одну из моих драгоценных масок Домино без того, чтобы ознакомить его с ее историей? За какого венецианца вы меня принимаете? — Он скорчил гримасу. — Кроме того, эта маска Домино особая, потому что она была сделана во Франции, в Париже, и была привезена сюда евреями, бежавшими от преследований. — Он осторожно перевернул маску так, чтобы была видна ее внутренняя сторона.

— Вот здесь имеется имя мастера — А. Алойнс. — Форново указал на метку своим тонким указательным пальцем. — А здесь, несколько ниже, клеймо компании, под эгидой которой работал господин Алойнс. Эта компания по изготовлению масок является самой старой во Франции, и она существует до сих пор.

Он поднял маску ближе к ним, и они смогли прочесть название компании — „Авалон лимитед“.

В наступившей тишине звук разбитой тарелки, выскользнувшей из руки официанта, был ошеломляющим, но взгляд Маргариты не отрывался от глаз Кроукера. В нем ощущался вызов, что позволяло ему сделать заключение, что эта молодая женщина впервые решилась рассказать о пережитом ею ужасе.

— Он избивал меня, и, что еще хуже, я позволяла ему делать это. Я не жаловалась, не пошла к Дому, не забрала свою дочь Франсину и не ушла. Вместо этого я осталась и покорилась.

— Почему?

Она улыбнулась, но все в ней вновь напряглось до предела. У Кроукера создалось впечатление, что, если он протянет к ней руку и потрясет ее, она разлетится на тысячи кусочков.

— Это очень трудный вопрос, не так ли? — Маргарита коснулась салфеткой своих губ, но на них не было ничего, что следовало бы снять или вытереть. — Может быть, я чувствовала, что заслужила все это, выйдя замуж вопреки желанию моего брата.

— Доминик был против этого брака?

— Категорически.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Может быть, он лучше знал Тони, чем я. Но тогда я была настроена решительно. Я думала, что все знаю. Или, может быть, меня черт толкнул поступить наперекор Дому. Кто его знает?

— Однако Доминик назвал Тони в качестве своего преемника?

Маргарита посмотрела на Кроукера широко расставленными темными глазами и произнесла:

— Я снова начну называть вас детективом.

Он улыбнулся.

— Это моя работа, мадам. Детектив сидит у меня в крови.

Его слова рассмешили Маргариту. Хозяин ресторана подошел с новой порцией чесночного хлеба, но она отказалась, и ему пришлось унести тарелки. Она заказала кофе для себя и Кроукера.

Полагая, что Маргарита не собирается отвечать на его последний вопрос, он задал ей другой.

— Не будет ли с моей стороны бестактностью спросить, каково нынешнее состояние вашего брака?

Она задумалась на некоторое время. Ее глаза прямо смотрели на него, и он отметил, что сейчас они были янтарного цвета.

— Мы сосуществуем. Но я полагаю, что в таком же положении находится много семейных пар.

В заведении стало гораздо шумнее, когда туда ввалилась группа школьников — все с обтянутыми джинсами тонкими ножками и с игрушечным оружием. Принесли заказанный кофе и с ним две рюмки коктейля „Самбукка“ в качестве преподношения от хозяина. Маргарита повернулась и послала хозяину воздушный поцелуй, вызвав на его лице такую широкую улыбку, какой Кроукеру еще не приходилось видеть.

Затем она вновь повернулась к Лью и резко произнесла:

— Я думаю, что между Домом и Тони были отношения любви и ненависти. Брат мог восхищаться тем, как Тони сумел своими силами сделать карьеру юриста, и в то же время видеть все его недостатки.

— Какие именно?

Рассеянно передвигая пальцами чашку с кофе, Маргарита задумчиво сказала:

— Он импульсивен, зачастую бывает агрессивным. У него гипертрофированное чувство собственной значимости.

— А что вы можете сказать о своем брате? Каковы были его недостатки?

— Фабзеровцы, с которыми мне пришлось разговаривать, знают больше о нем, чем я, — резко ответила она.

— К счастью для меня, я не подхожу к людям с предубеждением.

Она доверчиво взглянула на него своими янтарными глазами.

— Вы — первый человек после Дома, который считает, что мое мнение стоит хотя бы ломаного гроша. — Она вытащила из рюмки кофейное зерно, положила его в рот и раскусила, не поморщившись. — Дом был дьяволом и ангелом в одно и то же время. Знаете, ни для одного из нас никогда не имело значения, что у нас были разные матери. Когда он был официально усыновлен моим отцом, все встало на свои места. У меня появился брат, и нам было безразлично, что он был на тринадцать лет старше меня.

Ее взгляд скользнул через плечо Кроукера и выражение лица резко изменилось. Соблюдая осторожность, Лью не повернул головы в направлении, куда были устремлены ее глаза. Но вскоре он почувствовал присутствие другого человека.

— Привет, Мом! — услышал он.

Кроукер повернулся и увидел рыжеволосую девушку, столь же красивую, как и Маргарита. Она была похожа на стройного длинноногого жеребенка с неповторимой неуклюжей грацией, присущей исключительно подросткам. Это, должно быть, была Францина. Он не мог себе представить, что эта девушка является дочерью Маргариты. Сколько же лет ей было, когда она родила эту волшебную девочку? Девятнадцать или двадцать, не больше. Он вспомнил рассказ Маргариты о том, как она вышла замуж.

— Франси, что ты здесь делаешь?

— Я с Дугом, Ричи и Мэри, — ответила она, указав на группу подростков, занимавших с шумом одну из кабин ресторана.

— Я тебе говорила, чтобы ты не выходила одна.

Франсина сделала гримасу.

— Я не одна, Мом. Я с ребятами. Кроме того, отец Ричи...

— Я все знаю об отце Ричи, — оборвала ее Маргарита.

Кроукер окинул взглядом другую кабину и заметил, что еще один молодчик занял пост в ресторане.

— Кто это? — поинтересовалась Франси, глядя прямо в лицо Кроукеру.

— Франси, это... мой деловой знакомый, — на раздумывая, быстро ответила Маргарита. — Лью Кроукер.

— Привет, крошка, — обратился он к девочке.

Франсина рассмеялась, а он протянул ей руку, на которую она взглянула с удивлением.

— Что с вами случилось? — бросила она.

— Франси! — воскликнула Маргарита.

— Ничего, — заметил Кроукер, — все в порядке. — Он посмотрел прямо в лицо Франсины. — Я потерял свою руку в бою. Кисть была отрублена напрочь саблей. Хирурги в Токио сделали вместо нее вот эту. Вам она нравится?

Она с осторожностью взяла искусственную руку Кроукера в свою. Рука привела ее в восхищение. Кроукер предложил ей присоединиться к ним на минутку.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — отреагировала на это Маргарита.

Франси бросила на мать быстрый взгляд и уселась около нее.

Вообразил он это или на самом деле Маргарита выглядела стесненной присутствием около себя дочери?

Франси облокотилась на стол и заказала двойной бутерброд с ветчиной и сыром, дополнительно порцию сыра, большую порцию жареного картофеля и кока-колу без сахара. С детской беспечностью она, казалось, уже забыла о руке Кроукера. Франсина наклонилась и глотнула „Самбукки“ из рюмки матери. Как ни странно, Маргарита не произнесла ни слова. Ее беспокойство нарастало.

— Чем вы занимаетесь? — поинтересовалась Франси, пронзая Кроукера большими светлыми глазами.

— Какое это имеет значение?

Франси кивнула головой.

— Никакого. Вы рассмешили маму.

Он поймал на мгновение взгляд Маргариты и отвел глаза.

— По правде говоря, Франси, я пришел поговорить с вашей матерью о вашем дяде Доминике.

Официант принес заказанный Франсиной напиток, и она, отставив рюмку матери, начала потягивать его через соломинку. Через некоторое время принесли и еду, и она набросилась на нее, словно не ела целую неделю.

— Не хотите ли вы рассказать мне о нем?

Беспокойство Маргариты заметно возросло.

— Я не думаю, что это было бы... — произнесла она.

— Я скучаю по нему, — не дав матери закончить фразу, заговорила Франси с набитым ртом. — Он хорошо относился ко мне.

Слушая ее ответ, Кроукер подумал, что она при этом имела в виду: „Я скучаю по нему, он хорошо относился ко мне — не так, как мой отец“.

— Вы часто виделись с ним?

— Конечно, — не задумываясь, ответила Франси, подливая кетчуп на жаренные в масле кусочки картофеля. — Мама обычно брала меня с собой, когда она навещала дядю Дома. — Она продолжала жевать, причмокивая. — У него холодильник был всегда полон мороженого. Он любил пробовать новые его сорта, и оно было такое прохладное.

— Представляю себе, — заметил Кроукер, с удивлением наблюдая отчаяние Маргариты. До того как пришла Франси, она полностью контролировала себя. Хотя нет, это не совсем так, подумал он. Она потеряла самообладание, когда он упомянул о смерти ротвейлера Цезаря, и затем еще раз, когда он показал ей фотографии ее убитого брата.

— Итак, вы все сажались за стол и уплетали мороженое, — обратился он к Франсине.

— Ух-ух, — пробормотала Франси, набивая щеки, и без того полные картофеля. — Я ела мороженое, а мама и дядя Дом разговаривали в библиотеке.

Кроукер бросил быстрый взгляд на Маргариту, но ее внимание было полностью сосредоточено на дочери.

— Бывал ли там когда-либо с вами ваш отец?

— Ух-ух, — сумела только произнести Франси, вытирая салфеткой испачканные губы. Она начала выбирать-ся из кабины. — Извините меня.

Очень быстро она пошла по ресторану. Кроукер заметил, что Маргарита следила глазами, как дочь миновала кабинку, где находились ее друзья, и направилась в женскую уборную.

— Извините меня, Лью, я должна пойти попудрить нос, — сказала Маргарита. Ее лицо побледнело.

Она скрылась в женской уборной. Внезапно тревожная мысль пронеслась в голове Кроукера. Он быстро поднялся и почти побежал по ресторану.

У двери в женскую уборную он несколько задержался, потом со словами „А, черт побери!“ резко открыл ее.

Маргарита стояла на коленях около Франсины, которая почти пополам согнулась над унитазом. Девушку сотрясали сильные приступы рвоты.

Маргарита увидела его, ее лицо выражало отчаяние.

— Убирайтесь отсюда, немедленно! — Она была готова разрыдаться.

Кроукер вошел в помещение, плотно закрыв за собой дверь.

— Она не больна, не так ли? — произнес он. — По крайней мере не гриппом или воспалением легких. Она страдает булимией*.

Маргарита не произнесла ни слова, продолжая поддерживать слегка вздрагивающую голову девушки и что-то тихо шепча ей. Вскоре она вновь посмотрела на него.

— Почему вы все еще здесь?

— Я думаю, что могу помочь ей.

— Оставьте нас одних.

— Я не верю, что вы или она хотите этого сейчас.

Кроукер подошел к ней, осторожно взял Франси за плечи, провел ее к раковине и открыл кран холодной воды. Он услышал, как несколько раз была спущена вода в унитазе. Затем из кабинки вышла Маргарита и остановилась, наблюдая за ними.

— Ее отец не знает, он не должен знать.

— А вы?

Кроукер поддерживал Франси, пока она держала голову под струей холодной воды.

*Неутолимый голод, который наблюдается при эндокринных и некоторых других заболеваниях.

— У нее действительно булимия, Лью. Конечно, я знаю это. Она проходит терапевтическое лечение.

— Оно помогает?

— Такие вещи требуют времени.

По безнадежному тону ее слов Кроукер понимал, что она отвечает абсолютно механически.

— Маргарита, Франси сама должна бороться, а не вы. Необходимо, чтобы она сама захотела вылечиться. Иначе этого никогда не произойдет.

Он вытащил голову Франси из-под струи воды, вытер ей волосы и лицо бумажным полотенцем. Она была так бледна, что на висках ясно проступили голубые вены.

Кроукер наклонился, повернул ее к себе лицом.

— Франси, что?..

Но ему не удалось закончить свой вопрос. Она уставилась на него и закричала:

— Я умираю! Я умираю! Я умираю!

После особенно страстного полового акта с Доугом, его тайной нынешней любовью, Лиллехаммер погрузился в глубокий сон. Доуг был дикий и непредсказуемый, что особенно в нем и привлекало. В действительной жизни, деловой или социальной, у них не было точек соприкосновения. Они сходились друг с другом только как два тела, стремящиеся соединиться самыми экстравагантными способами. В этом отношении Доуг был идеальным партнером. Обладая неутомимым темпераментом, он находил удовольствие в том, чтобы получить что-то отличное от прошлого при каждой их встрече, и чем это было причудливее и диковиннее, тем лучше.

Когда Лиллехаммер погрузился в сон, исчез даже запах Доуга. Осталась одна темнота. И из этого мрака возникло Сновидение.

Лиллехаммер редко видел сны, но, когда это случалось, обычно было именно это Сновидение. Во всяком случае, так он его называл. Не то чтобы Сновидение всегда было одним и тем же, но некоторые основные его темы никогда не менялись.

Всегда были джунгли с тропическими растениями, расположенными в три яруса, с которых капала влага, с роскошными фруктами и с ядовитыми змеями. Несомненно, это было видение рая во сне. И Лиллехаммер знал, что для федерального врача-психиатра, которого он дол-

жен был посетить после возвращения из Вьетнама, было бы просто праздником услышать о его бредовых видениях. Но об этом, конечно, не могло быть и речи.

Сновидение было подобно тому, как если бы он споткнулся о гравитацию, упал вверх, а не вниз, ударился головой о клетку из закаленного на огне бамбука. Это и была вторая основная тема — впечатление, что он находится в зоопарке с его вонью, ограниченным пространством и, самое главное, с угнетающим чувством, что за ним постоянно наблюдают.

В Сновидении, так же как и в своей памяти, он ходил взад и вперед по грязному полу площадки, слишком маленькой даже для того, чтобы вытянуться во всю длину. Он был вынужден спать сидя, что долго ему не удавалось. Все это было частью Сновидения. Темнота, удручающее затишье, жужжание насекомых, а затем яркий свет перед закрытыми глазами и внезапное пробуждение. Это происходило снова и снова, как в Сновидении, так и в памяти. Наконец сон сделался еще одной свободой, которой его лишили.

Замысел был совершенно логичным и вытекал из основополагающих задач допроса: лишить жертву чувства времени, места и, наконец, самого себя. Конечным результатом были уступчивость и покорность. Так же как пекарь месит тесто, доводя его до нужной кондиции, люди, захватившие пленных, стараются сломать их психику.

Неизвестно, в какой степени это им удалось. И эта неизвестность была самым ужасным. Вначале, когда Сновидение только началось, Лиллехаммер надеялся, что оно даст ответ на вопрос, который преследовал его все время после возвращения из Вьетнама, — был ли он сломлен? В госпитале, пока постепенно затягивались его раны, у него было достаточно времени на размышления. Еще больше — по возвращении в Штаты, когда на него напустили врача-психичку.

На самом деле она понравилась ему, эта Мадлен. Он даже слегка влюбился в нее. Этого следовало ожидать, однажды объяснила она ему. Мадлен проявила к нему настоящую доброту впервые за время, прошедшее после заключения в бамбуковом зоопарке где-то в зарослях Лаоса.

Боже, каким дерьмом он был. Но Мадлен не согласилась с ним и фактически убедила его в обратном. Они не

могли сломать его, убеждала она, так как ни один из секретов, которые были ему доверены, не был выдан. Не был провален шифр, не был предан ни один человек, не выявлена цепочка связи.

— Пусть вас не беспокоят воспоминания, — заверила его Мадлен. — В таких случаях на память совершенно нельзя полагаться.

Вот почему ее напустили на него. Чтобы вновь возродить его к жизни, чего он сам, очевидно, не смог бы сделать.

— *С вами все в порядке*, — сказала Мадлен на последнем сеансе. — *Вы живы и способны вернуться к тому, чем вы занимались раньше. Что бы ни произошло, все это в прошлом.*

Ему хотелось верить ей. И он бы так и поступил, конечно, если бы не это Сновидение. Несмотря на то что она была права — ему еще доверяют и он пользуется уважением среди своих лучших соотечественников, — Сновидение застряло у него в памяти как камень.

В Сновидении, так же как и в его памяти, постоянно присутствовал запах крови и испражнений, а холодный пот покрывал его испуганное тело как мерзкая вторая кожа. Они приходили за ним в этот зоопарк и проделывали с ним такие безобразные штуки, о которых он не мог говорить даже Мадлен, которую он любил и которой даже немного доверял.

На большее доверие он был неспособен, хотя Мадлен и уверяла его в обратном. В этом проклятом зоопарке сначала его лишали человеческого облика, затем разрушали его способность доверять своим товарищам.

В Сновидении, равно как и в своей памяти, он был одинок, покинут своими соотечественниками, теми, с кем клялся в вечной дружбе. Подобно легендарным рыцарям Круглого стола, они обещали стоять плечом к плечу. Но вынести все ужасы зоопарка пришлось ему одному. Никто не пробился сквозь густые заросли, покрывающие горные хребты, никто не проник в зоопарк темной ночью, чтобы освободить его.

Он оставался там, подвергаясь бесконечным унижениям и пыткам. Физические страдания сменялись галлюцинациями, возникающими в воспаленном мозгу. На некоторое короткое время его оставляли одного, когда же он приходил в себя, процесс истязаний начинался снова.

Лиллехаммер отличался крепким здоровьем, как фи-

зическим, так и духовным. Его недаром включили в тайное общество, которое приняло его как кровного брата и считало таковым до тех пор, пока он был ему полезен.

Спустя многие годы, снова занимаясь своим делом в Вашингтоне, он узнал, что они были готовы уже начать действовать, когда Лиллехаммера бесцеремонно подбросили к их подъезду во Вьетнаме. Они послали бы одного из рейнджеров, снайпера, которому был бы дан приказ прострелить ему голову, чтобы сохранить в неприкосновенности секреты.

Лиллехаммер не осуждал их. В их положении он, вероятно, поступил бы так же. Но из полученных сведений он сделал для себя вывод об отношении человеческих существ друг к другу. После чего почувствовал, что больше не любит людей.

Он забыл о Мадлсн или, вернее, о своей любви к ней. Это причиняло слишком сильную боль. Он превратился в автомат. Его устраивало то, что, выполняя десятки тысяч обрядов своей профессии, он все их пачкал в грязи. Он испытывал удовольствие от того, что завеса, сплетенная им, не видна его товарищам по работе, что они приняли его в свои ряды, как героя. Он продвинулся по службе, получил большие полномочия и инициативу действий, чем имел когда-либо во Вьетнаме, находясь под командованием Джабберуоки.

В те дни он был известен как Безумный Шляпник — кличка, которая, как он полагал, больше подходила бы ему сейчас, чем тогда. Это было случайное имя военного времени, выброшенное компьютером, в который закладывалось слишком много Льюисов Кэрроллов.

Многое было забыто из того времени, а вот прозвище Червоная Королева осталось в памяти. Он и Червоная Королева неумоимо трудились под начальственным взором Джабберуоки, даже во время поразительной неудачи с Мишелем Леонфорте.

Каким-то образом Червоной Королеве удалось выбраться невредимым после провала и получить даже повышение по службе, так что он теперь занял высокий пост, несколько десятилетий принадлежавший Джабберуоки.

Каким образом сделал это Червоная Королева? Как он сместил Джабберуоки, человека, которого, по твердому убеждению Лиллехаммера, можно было лишить этой ответственной должности, только убрав его из кабинета

погами вперед? Говорили, что у Червонной Королевы был хороший помощник по имени Нишкики. Передаваемые им сведения были столь значительны и верны, что они стали мечом, с помощью которого Червонная Королева наносил удары потрясающей силы, продвигаясь вверх по иерархической лестнице, повергая на своем пути неверующих, политических и идейных противников.

Будучи приспособленцем, Лиллехаммер не терял зря времени. Он ухватился за фалды сюртука Червонной Королевы. И теперь он был его глазами и ушами, единственным человеком, которому, как он сам полагал, полностью доверяет Червонная Королева. Червонная Королева утверждал, что даже он сам не знает, что представляет из себя в действительности Нишкики, какой он национальности. Сведения, которые он ему поставлял, как правило, посылались через разнообразные тайники, которые часто, но через разные промежутки времени, менялись. Но если это все было так, то каковы же были действительные взаимоотношения между Червонной Королевой и Нишкики? Что их связывало? Чем руководствовался Нишкики, поставляя такой поток ценной информации?

Беспокоили ли Лиллехаммера ответы на эти вопросы? В эти сумрачные дни, наполненные воспоминаниями и Сновидениями, для него было удобнее беспрекословно выполнять приказы своего начальника, а не искать ответы на вопросы с политическим подтекстом. Он давно выбрал сторону, которой стоит держаться. Или же она выбрала его, какая разница? И теперь мораль не играла никакой роли в его поступках. Он находил необъяснимое удовольствие в избранной им молчаливой роли.

Произошло как бы короткое замыкание, и он отключился от последствий своих действий. Совершая, как говорил Червонная Королева, правосудие, он не представлял себе, что может существовать какая-то другая реальность. Он был герметично закупорен в своей маске и наблюдал из-под нее за миром равнодушными глазами.

Но человек, даже такой, каким стал Лиллехаммер, не мог существовать, довольствуясь лишь привычным комфортом. Отстранение от окружающего мира не означало еще, что нейроны прекратили свою работу. В конце концов, он продолжал жить. Искалеченный, но живой.

Ему понадобилась уйма времени, чтобы понять, что в действительности руководит им в новой жизни, которую

он создал для себя. И в этом отношении Сновидение основательно ему помогло, проторив дорожку в прошлое в его памяти. Сновидение подсказало ему, почему он все еще дышит, почему он не перерезал себе вены на руках на кровати в филиппинском госпитале или не выпрыгнул из окна своего вашингтонского кабинета. Сновидение донесло до него, как обломки, выброшенные волной на далекий берег, лица тех, кто содержал этот зоопарк. Подобно тому, как кислота вытравляет изображение на металле, в его памяти были навсегда запечатлены эти лица. Они были как-то странно освещены не то прожектором, не то солнечными лучами, наваливались на него гуртом, взбирались как жестокие вампиры на его плечи, втыкали свои длинные бамбуковые ногти в его тело, кривлялись неистово перед ним, когда он ходил, ел или справлял нужду. Все это было в Сновидениях и сохранилось в памяти.

И наконец Лиллехаммер пришел к выводу, что его спасли от смерти с единственной целью — найти тех, кто посадил его в клетку, и уничтожить их, как они уничтожили его самого. И что его сердце бьется только для этого.

ПАРИЖ / ОЛД ВЕСТБЮРИ

Попадая в Париж, как бы выбираешься в спокойные воды из беснующегося вихря водоворота. Божественная красота византийской парчи Венеции сменяется морем огней, устремленных в покрытое облаками небо.

Парижская ночь — это сочетание трепещущих фасадов домов, широких бульваров, массивных фонтанов, охраняемых львами, херувимами и богами, ослепляющих своей белизной и океаном света.

Лучи прожекторов освещали Триумфальную арку, поднимающуюся в центре площади Звезды*, от которой дюжина больших авеню разбегались в разные стороны, как вены на внешней стороне руки. Гейзеры света расплескивались над площадью Конкорд, где Людовик XVI и Мария Антуанетта, Дантон и Робеспьер почувствовали последний поцелуй гильотины Революции, над Вандомской площадью, где воздвигались и разрушались, а потом вновь поднимались памятники Наполеону. Световые арки раскинулись вдоль основной артерии города, соединившей правый берег Сены с левым. На одном ее конце располагались Большой и Малый дворцы, а на другом блестел своим громадным золоченым куполом Дом инвалидов. Между ними освещенный гроздьями лампочек перекинулся через Сену великолепный мост, названный в честь русского царя Александра Третьего. Таким и предстал Париж глазам Николаса и Челесты, когда они ехали от аэропорта Шарль де Голль. Светила полная луна, и все казалось белым как снег. Въезжая в этот полный огней город, они чувствовали себя как пилигри-

*Ныне площадь де Голля.

мы, которых забросили в пустыню за неизвестные и не получившие прощения грехи и которые теперь вновь возвращаются в западную цивилизацию.

Они пересекли Сену и въехали в левую часть города, где все еще витал дух богемы. Конечно, этот район был моложе расположенного по другую сторону реки, где теснилось множество картинных галерей, модных магазинов одежды и продовольственных лавочек.

Они остановились недалеко от бульвара Сен-Жермен в гостинице с бело-черным фасадом из вычищенного песком камня и железа. Комнаты были маленькие, чистенькие, уютные, без претензий на моду, с видом на знаменитые парижские крыши, излучающие нечто зыбкое, непередаваемое, а также на Эйфелеву башню, окруженную энергетическим полем.

В их маленькой, опрятной комнате по видеоприставке к телевизору показывали в черно-белом изображении сцену из фильма „Большой сон“ по Раймонду Чандлеру с участием Хамфри Богарта и Лорен Бакалл. Электронные тени на стене, переливчатые мерцания, напоминающие моргание век, сокращения сердца.

Сон...

„Авалон лимитед“ — компания с интересной историей“, — сказал им Форново. — Вначале это был дом, в котором изготавливались костюмы для бродячих театров. Потом ввиду роста их популярности, как мастеров по поделке масок, они изменили свой профиль. Никто толком не знает когда, вероятнее всего где-то в период, близкий к Французской революции, сами изготовители масок взяли контроль над этой компанией из рук своих хозяев, которые, как говорится в легенде, из-за их знатного происхождения вскоре были гильотинированы на Вандомской площади. Фирма стала называться „Авалон и сын“, потому что мастеровые начали рассматривать компанию как свой собственный дом.

Это название оставалось без изменений все последующие годы вплоть до последних пяти лет, когда наступили тяжелые времена и компания была куплена иностранной фирмой. Тогда она вновь стала называться „Авалон Лтд“.

— Кто купил эту компанию? — спросил Николас.

— Это любопытный случай, — ответил Форново, отложив в сторону Домино. — Никто, по-видимому, этого не знает.

Николаса разбудили солнечные лучи, падавшие на него через окно. Он повернулся в кровати и увидел, что Челеста спала рядом, не раздеваясь. Ее лицо, чрезвычайно красивое, было наполовину освещено солнцем, а наполовину находилось в голубой тени исчезающей ночи. Телевизор был еще включен, но пленка закончилась несколько часов назад, и по экрану пролетали беззвучно брызги серых и белых пятен, напоминавшие выстрелы из какого-то оружия в научно-фантастическом фильме.

Он оглядел себя и обнаружил, что и он полностью одет. Николас даже не помнил, как лег на кровать. Очевидно, сильная усталость свалила их без всякого предупреждения. Он вспомнил, что ему надо позвонить в свой офис. Сэйко, должно быть, сходит с ума. Но почему он должен докладывать ей о своем местонахождении? Она захочет сообщить ему последние данные о положении в Сайгоне, а у него нет никакого желания слышать их. Кроме того, она и Нанги смогут справиться сами со всеми трудностями.

Николас понимал, что эти оправдания не новы и уже теряют смысл. Медленно, мучительно, как неизлечимая болезнь, на него надвигалась правда. Он убегал от семьи, которая развалилась, от отношений, которые настолько сбились с курса, что он был бессилен выправить их. Чувство вины сделало все, чтобы затушевать правду, поддержать глупые выдумки, над которыми можно было только посмеяться в нормальной жизни.

Когда же ему открылась и другая сторона правды, он понял, что она еще более серьезна — он убегал от своей старой жизни: семьи, оседлой работы, мелочной ответственности, которая должна была свалиться на его плечи. Он собирался похоронить себя заживо.

Глубокое чувство свободы, охватившее его как только он надел на себя маску Бауты, было восхитительным. Он не хотел, чтобы оно исчезало. Он захотел, чтобы вернулась его прошлая жизнь.

Николас осторожно повернул голову и смотрел на освещенное солнцем лицо Челесты. Эта чудесная женщина вызывала в нем нарастающее влечение. Он знал, что если бы не был женат, то обязательно влюбился в нее. Затем, корчась и вытягиваясь подобно шраму на теле, правда открылась ему еще одной стороной: какое значение в данном случае имеет факт, что он женат? Само

понятие любви исключает какие-либо внешние обстоятельства. Он *уже* влюбляется в нее.

Николас быстро встал с кровати. Бесшумно прошел в ванную комнату, разделся и минут пять простоял под обжигающим душем. Затем намылился, завернул кран горячей воды и почувствовал, как от потока тонких холодных струй по его коже побежали мурашки, как это бывает при первом порыве ветра надвигающейся грозы. Он поднял вверх лицо, подставив его прямо под поток воды, как бы надеясь, что она сможет очистить его мозги, а не только тело.

Обернув полотенце вокруг бедер, Николас вернулся в комнату. Челеста копалась в своем чемоданчике.

— Боже, я спала как убитая, — произнесла она.

Он быстро прошел мимо нее, не решаясь сказать что-либо или даже находиться в данный момент вблизи нее.

Захватив одежду, Челеста скрылась в наполненной паром ванной. Комната без нее сразу показалась маленькой и безликой. Недолго думая, Николас распахнул дверь в ванную.

Челеста лежала в ванне, наполненной водой. Он *про*-шел к небольшой деревянной табуретке в конце ванной, открыл створки окна и сел.

На лицо Челесты была наложена маска из какой-то лечебной грязи, которую гостиница любезно предоставляла в распоряжение своих клиентов. Ее глаза были закрыты, лицо выражало полное спокойствие.

— Вы вошли, чтобы соблазнить меня?

— Нет, — ответил он, чувствуя, что говорит неправду.

Она открыла глаза, их аквамариновый цвет был еще более поразительным на фоне грязевой маски.

— Вы можете чувствовать Оками-сан?

— Будущее — это чистый лист бумаги, Челеста.

Она молча глядела на него. Казалось, это продолжалось очень долго.

— Я боюсь, Николас.

— Да, я это знаю.

— Я не привыкла к этому.

Он кивнул головой.

— Вероятно, нам нужно просто помочь друг другу.

Челеста отвернула кран горячей воды.

— Я должна смыть эту маску. Если вы останетесь, то намокнете.

Через двадцать минут Челеста вышла из ванной ком-

паты. Ее волосы, влажные после душа, были заплетены в толстую косу по-французски. Этот более спокойный стиль резко отличался от свободно падающих волос, с какими она предпочитала ходить в Венеции, этом городе излишеств. С новой прической она выглядела не такой импульсивной, более сдержанной, грустной. В Венеции, которую многие считают грустным городом, она вся сияла от избытка энергии и была похожа на солнечный зайчик на воде. „Какой она будет здесь?“ — подумал Николас.

Челеста была одета в черные брюки, замшевую блузку цвета сапфира, шелковую куртку с пышными рукавами и вышитой птицей-феникс на спине. На ее ногах красовались скромные черные туфли без каблуков. У них было два с половиной часа до вылета из Венеции, и она хорошо использовала это время, набив свой мягкий чемоданчик, предназначенный для загородных поездок на уик-энд, всем, что, как она считала, может ей понадобиться на этот раз.

— Готовы вы выпить чашечку кофе и съесть булочку? — обратилась она к Николасу, когда они спускались в небольшом лифте. Через стеклянные боковые стенки лифта они видели спираль мраморной лестницы, в центре которой они и двигались вниз. Стоя почти вплотную к Челесте, Николас вдыхал исходящий от нее запах: едва уловимый аромат жасмина и корицы, смешивающийся с запахами розмарина, мяты, туалетного жидкого мыла для ванн и шампуня. Ему представилось, что его тянет к ней морским приливным течением. Приливы и отливы были для него такими же привычными, как пульс крови в его венах.

Удерживая себя от того, чтобы прижаться к ней, Николас подумал о Джастине. Разлука внесла ясность в их отношения. Долго скрываемые печаль и страдание превратились в чувство обиды и злости. Он понимал теперь, что они оба были травмированы смертью их дочери в младенческом возрасте, хотя это и могло проявляться в совершенно различной форме. Он осознавал, что, настаивая на том, чтобы они остались в Японии, он осложнил отношения с женой, хотя его единственным помыслом было сделать ее более счастливой. Но это не вся правда? Какую роль сыграли его эгоизм, его непреклонное стремление достичь *кохоро*, сердца всего сущего? Тайны Таутау поглотили его, он знал это. А теперь он должен

пожинать последствия своей одержимости. Цена правды всегда была высокой.

Спустившись в зал гостиницы, они направились в маленький ресторанчик со столиками светло-пепельного цвета, стульями черного дерева и металлическими диванчиками, покрытыми кожей. Справа от места, где они сели, находился крошечный дворик, в который проникал солнечный свет, не задерживаемый ни веткой дерева, ни стоком крыши. Светлая галька, омываемый водой валун и миниатюрные кипарисы Хиоки создавали ощущение пребывания в Японии. Но все это было задумано и исполнено западным садовником по схеме, придававшей большее значение форме, чем пониманию существа отдельных элементов. И все же это незамысловатое слияние элементов природы вызвало у Николаса ностальгию по Востоку, где эмоции, согласно учению „тао“, скрываются под покровом ритуалов, привычек и символики.

— Мне не очень хочется есть, а вам? — спросила Челеста.

— Мне тоже.

Она сделала заказ. Ее французский был превосходен.

Добравшись до истинной правды, Николай почувствовал облегчение. Вместо печали по поводу своей прошлой жизни или будущих событий в нем медленно нарастало волнующее чувство, что к нему вновь возвращаются его жизненные силы. Толчком послужило это рискованное путешествие. Оно помогло ему осознать, что стоит жить на свете. Только теперь он начал отдавать себе отчет, насколько далеко он удалился за последние годы от своего личного центра во Вселенной.

— Как далеко? — произнесла она.

— Что вы сказали? — переспросил он удивленно.

Мгновенно его внимание вновь вернулось к Челесте.

— Я думала о том, как далеко вы были от меня.

Он улыбнулся, почувствовав облегчение после объяснения Челесты. На какое-то мгновение Николай представил себе, что она читала его мысли. Он разломил булочку и положил на нее джем.

— Я не отказался бы от еще одной чашечки кофе, — сказал он.

У Николаса внезапно возникло ощущение, что она хотела бы растормошить его, распахнуть, как дорогую пудреницу, чтобы взглянуть на себя в новое зеркало. Но ограничивался ли ее интерес к нему простым любопыт-

ством? Было очень странно, что даже после их совместных приключений он чувствовал себя почти таким же далеким от нее, как и в ночь их первой встречи с венецианскими масками на лицах. Николас обычно легко разбирался в людях, проникал через их внешнюю оболочку, но с Челестой дело обстояло иначе — каждый его шаг к сближению вызывал в какой-либо форме отталкивающий шаг с ее стороны.

Он опустил два небольших кусочка сахара в черный кофе, размешал и стал с наслаждением пить маленькими глотками.

Она слизала муку, прилипшую к кончикам ее пальцев, положила локти на светлый ясеневый столик, наклонилась близко к нему и спросила:

— Вы действительно считаете, что эта компания „Авалон Лтд“ является ключом, который дал нам Оками-сан?

Перед его взором возникла Челеста на *vaporetto* в Венеции. Холодный ветер дул ей в лицо с такой силой, что выдавливал из ее глаз слезинки, струились ее роскошные волосы. Вначале гнев овладел ею, потом она обвила его как змея, а он, не зная о ней ничего, раздумывал, является ли это действительно простым распутством.

— Давайте разберем последовательно то, что мы обнаружили в кабинете Оками-сан, и куда шаг за шагом это нас привело. Оками — аккуратный и чрезвычайно умный человек. Я считаю, да, это — преднамеренная подсказка нам.

— А что, если это в самом деле ключ, но его оставил нам не Оками-сан?

— Такая возможность также приходила мне в голову, но мы этого не узнаем, пока не побываем в „Авалон Лтд“.

Челеста взглянула на остатки их завтрака.

— Вы не думаете, что если до него добрался убийца, то теперь Оками-сан уже нет в живых?

— Только в том случае, если враги Оками не хотят от него ничего другого, кроме как избавиться от него.

По ее лицу пробежала дрожь. Николас не мог бы сказать, было это от страха или от радостного возбуждения.

— Вы говорили мне, что Оками никогда ничего не записывал, — обратился он к ней. — Все, над чем он работал, хранилось только в его голове. Поэтому вполне

резонно ожидать, что его врагам, прежде чем убивать его, нужно вытащить из него секреты.

— Вы уверены в этом?

— Это то, что бы я сделал на их месте.

— Бог мой, какой вы хладнокровный! — воскликнула она, отвернувшись от него и уставившись на темно-зеленые маленькие кипарисы. Вновь он почувствовал исходящее от нее странное чередование притяжения и отталкивания, которого он не мог понять.

— Послушайте, Челеста, если мы не сможем рассуждать без эмоций, у нас будет очень мало шансов помочь Оками.

Она молча кивнула головой, но ее взгляд оставался мрачным и непроницаемым.

Николас видел, что наступило время, когда им пора уже идти. При выходе из гостиницы он спросил у швейцара адрес компании „Авалон Лтд“. Тот посмотрел в справочник, записал адрес на листке бумаги и передал его Николасу вместе со сложенной картой города. На обратной стороне карты была схема метро. Швейцар прочертил на схеме путь, по которому должны были следовать Николас и его спутника.

Сойдя на станции метро „Рю дю Бак“, они пересели на линию № 12 и проехали три остановки до площади Согласия. Теперь они находились на правой стороне Парижа. Пересев на линию № 1, они поехали в восточном направлении.

— Что вы знаете о связи якудза с мафией, о которой говорил мне Оками-сан?

— Думаю, что если бы я знала об этом так много, как знает Оками-сан, то за мной также охотились бы.

Челеста повернулась и посмотрела на рекламу „Галери Лафайетт“, известного парижского универмага.

— Он рассказывал вам о Годайсю?

— Да, а что?

— Он говорил, что Годайсю является его собственным созданием? — Николас пристально смотрел на нее.

— Нет, не говорил ничего подобного.

— Название „Пять континентов“ очень подходит к международному конгломерату, опутавшему весь земной шар. Он должен был быть законным во всех отношениях. Это путь, который избрал Оками-сан, для того чтобы сохранить остатки якудза от полного уничтожения в связи с растущим контролем правительства. Силой своего

характера и занимаемого им положения он убеждал узкий совет, состоящий из *оябун*, пойти по предложенному им пути. Но одни проявили колебания, другие враждебно относились к этой идее.

— Да, Оками говорил мне, что они боялись потерять то огромное влияние и власть, которые давало им беззаконие.

Челеста кивнула головой.

— Ходил слух, что Кайсё стал слишком стар и перестал быть полезным, что все в большей степени он ухаживал в мир, создаваемый его собственным воображением.

— Вы хотите сказать, что совет посчитал его слишком дряхлым? — уточнил Николас.

— Во всяком случае, так говорили.

Конечно, она не считала, что Оками одряхлел.

— Растущее с их стороны отчуждение, — продолжала она, — заставило Оками-сан пересмотреть свой план действий. Кто-то постоянно чинил препятствия исполнению его приказов, так что в отчаянии он стал менять свои связи, заключал сделки за спиной Годайсю, начал фактически действовать против их стремления сохранить их незаконную империю. Теперь война идет в открытую.

— У вас есть какие-либо предположения о том, кто отдал приказ убрать Оками?

— Это меня и беспокоит, что я никого не подозреваю. Но мне часто снится один и тот же сон — я обнаруживаю, что *все оябун* Годайсю заключили против него заговор и сам Оками-сан не может справиться с ними.

— Возможно ли это теперь, когда враждебные действия совершаются в открытую?

— Сомневаюсь. Некоторые *оябун* слабее других, существуют подгруппы, основанные на *гири*. Все же я думаю, что есть один *оябун*, который убеждает других в необходимости убийства Оками-сан. Это тот, кто контролирует Годайсю. Несмотря на мои параноидальные сновидения, я не могу представить себе, чтобы все *оябун* из узкого совета выступили против Кайсё, как бы сильно они ни были настроены против его планов.

— Тогда я должен найти того, кто осмелился сделать это, — заявил Николас. — А для этого необходимо вернуться в Японию. Но не раньше чем я удостоверюсь, что с Оками все в порядке.

— Вы сможете определить, что Оками-сан в полном порядке? Вы ведь медиум.

Николас постепенно стал понимать ее подход к нему, и внезапно ему представилось, что он нашел ответ на вопрос, который он раньше задавал себе.

— Давайте сразу уточним — никакой я не медиум, — твердо заявил он. — Я не предсказываю будущее и не занимаюсь изгнанием злых духов, я не вызываю привидений.

— Но вы можете чувствовать вещи, — настаивала Челеста. — Вы знали, что Оками не было в его дворце, вы видели проклятую маску Домино еще до того, как мы нашли ее.

— Все, что я могу делать, — это использовать некоторые основные законы природы. Они находятся на расстоянии световых лет от квантовой физики, трехмерной геометрии или какой-либо другой науки, которую изобрели люди, чтобы внести хоть какой-то порядок в окружающий хаос.

Поезд метро затормозил, подъезжая к остановке. Как обычно, пассажиры входили и выходили, что затруднило на время разговор. Когда поезд снова был в пути, Николас продолжил.

— Вероятно, понятия Тау-тау ближе всего подходят к математике, которую человек создал, бессознательно переведя пульсацию Вселенной в язык, который он был способен понять. Музыка, будучи универсальным видом искусства, также основана на математике.

— Ритм в атмосфере как раз перед тем, как появился мост Канфа, — уточнила Челеста.

— Да, правильно.

Они вышли на станции „Сент-Поль“ и, выйдя на улицу, очутились в центре района Марэ.

Челеста хранила молчание, но Николас мог снова ощущать, что от нее исходят какие-то волны, вызывающие беспокойство, как бывает у водителя, быстро переключающего рычаг автоматического управления автомобиля с позиции „движение“ на „обратный ход“ и снова на „движение“.

У Марэ была любопытная история. Первые поселенцы появились здесь в средние века. Проходивший через район рукав Сены затоплял его. Отсюда и возникло сохранившееся до сих пор название — болото. В районе бушевали болезни. В XIII веке монахам удалось отвести воду и превратить район в пригодный для жизни. Через столетие на какое-то время его занял Чарльз Пятый, и

район стал модным. Но, когда во времена Первой Империи аристократия выехала и перебралась в более дорогие дома в Фабург Сен-Жермен, район пришел в запустение и был занят евреями, превратившими его в торговую часть города.

Все это Николас поведал Челесте, когда они шли к площади Вогезов, наиболее известной части этого района.

— Откуда у вас все эти познания о Париже?

— Я провел здесь год, создавая французское отделение одного рекламного агентства, в котором работал.

— Вы — в рекламе? Трудно себе это представить.

— Поверьте мне, я и сам не могу этого понять.

Некоторое время они шли молча. Затем Челеста обратилась к нему:

— Для вас этот год был тяжелым, не так ли?

Он был поражен точностью ее слов, но потом вспомнил, что люди бессознательно подают различные сигналы тоном своего голоса, выражением лица или жестами. Несомненно, она что-то уловила.

— Да, — подтвердил он задумчиво, — но это не имеет никакого значения для дела.

— Женщина?

Он взглянул на нее.

— Может быть, вы хотите рассказать мне о ней?

Челеста рассмеялась, покраснев.

— Бог мой, конечно нет. Я не представляю себе...

— Вы сказали, что это была женщина.

— Нетрудно догадаться, — заметила Челеста, но при этом она выглядела рассеянной и смущенной.

Они были теперь на расстоянии одного квартала от площади Вогезов, и продовольственные лавки, куда ходил рабочий люд, уступали место магазинчикам с одеждой и обувью, устаревшего вида киоскам, где продавались канцелярские товары, открытки, акварельные рисунки и тому подобное, а также изредка антикварным магазинам.

Внезапно Челеста вздрогнула и ухватила за Николаса.

— Это — он! — сказала она хрипло. — Вон там. Этот человек следил за нами в Венеции. Он прячется в переулке! За этим человеком мы тогда шли, и он чуть не захватил нас на мосту Канфа.

Николас повернулся и поспешил в указанную ею улочку. Он пока не беспокоился, так как был уверен, что

она ошиблась. Конечно, если бы там был тот человек, он почувствовал бы исходящее от него излучение внутренним чутьем, натренированным по системе Тау-тау.

Узкая улочка представляла собой скопление магазинчиков с опущенными на витрины тентами. Солнце освещало только верхние этажи зданий, а сама улица оставалась в глубокой тени. Николас пробирался через поток людей, а его глаза и все внимание были сосредоточены на поиске Мессулете. Его облик хорошо запечатлелся в его памяти. Он видел его лицо, когда ветер сбил с него шляпу и тот наклонился, чтобы поднять ее. Это было типично восточное лицо с ющей цвета бронзы, сжатыми губами, родинкой на губе в уголке рта. Николас не заметил никого, кто подходил бы под это описание. Он не чувствовал ничего, никаких сигналов бедствия ни физически, ни психически.

После того как Николас тщательно исследовал вдоль и поперек всю улочку и никого подозрительного не заметил, он вернулся на место, где стояла Челеста, крепко прижавшая кончики пальцев к своим вискам. Они даже побелели от напряжения.

— Я не смог его найти, — сказал он. — С вами все в порядке?

— Просто небольшая... головная боль. — Она трянула головой. — Извините. Мне, очевидно, видятся призраки.

Однако в ее глазах ощущалось беспокойство то ли от боли, то ли от сомнений. Он не мог этого решить.

Сконцентрировав на ней свои мысли, он почувствовал, что исходящие от нее импульсы ускользали от него как туман, стелющийся по земле в холодное влажное утро. Он так и не смог определить, что она сейчас чувствовала.

Николас взял ее за руку, вывел обратно на широкую улицу Сен-Антуан, где было солнце и веселые толпы людей. Было очевидно, что ее потрясло произошедшее, и ему хотелось каким-то образом отвлечь ее, вернуть ей прежнее настроение. Николас решил рассказать ей о том годе, который он провел когда-то в Париже.

— Женщину, которую я встретил здесь в прошлом, звали Милен, — начал он, когда они пошли по улице. — У нее были такие же, как у вас, рыжие волосы. Я влюбился в нее и чуть не женился.

— Что же случилось? — взглянула она на него.

Николас заметил, что в глазах Челесты вновь появилась какая-то отрешенность. К счастью, ему удалось быстро привлечь к себе ее внимание.

— Наши отношения вышли из-под контроля, — продолжал он. — Мы оба не понимали себя, не говоря уже о других. В результате мы или занимались любовью — в любое время суток, любым воображимым способом... а таких было немало — или же вцеплялись друг другу в горло. В конце концов мы истощили себя эмоционально и физически. Нам уже некуда было идти дальше.

— И чем все это закончилось?

Николас увидел арку, которая вела к величественной площади Вогезов с недавно реставрированным парком, окруженным особняками различных оттенков розового и кирпичного цвета с галереями на уровне улиц, где магазины и рестораны выставляли свою продукцию для покупателей и посетителей.

— Плохо, — ответил он. — Были слезы, махание кулаками, ругань, крики и, наконец, дикое совокупление. Это нельзя охарактеризовать как любовную утеху. С этим чувством мы покончили уже задолго до того. Нами руководила ярость и, думаю, в значительной степени страх перед тем, что мы будем делать друг без друга.

Он улыбнулся ей, хотя воспоминания, которые он долгое время прятал в себе, были мучительными.

— Конечно, мы оба собирались жить. Но в те дни ни один из нас не представлял себе достаточно хорошо, как это делать.

— Звучит как сценарий кинофильма.

— Вероятно, так. Нас как бы оторвал друг от друга ураган.

— И вы никогда больше ничего о ней не слышали?

— Нет.

Они прошли на площадь Вогезов через южный вход.

Сразу весь суетный Париж как бы исчез за ними в тумане. Их окутало умиротворяющее спокойствие окруженного колоннадами парка. По дорожкам бегали, смеясь, детишки. Около одного из фонтанов выстроилась группа людей, и фотограф снимал ее. Молодая парочка в центре хихикнула, когда вспышка осветила их, и все стали хохотать, не обращая внимания на призывы фотографа соблюдать спокойствие.

— Посмотрите! — воскликнула Челеста. — Это молоджены!

С приличного расстояния они стали смотреть, как молодая пара чинно поцеловалась перед камерой, а затем, уступив настойчивым просьбам своих друзей и родственников, молодожены бросились друг другу в объятия, и вспышки фотографа последовали одна за другой.

— Это напомнило мне о свадьбе моей сестры, — заметила Челеста. Она выглядела почти успокоившейся, как будто, спрятавшись здесь, она могла забыть испугавшее ее видение Мессулете.

— Свадьба проходила на открытом воздухе. Я помню, с утра шел дождь, и мы все пришли в отчаяние. Но за час до начала церемонии тучи рассеялись и выглянуло солнце. На какое-то время появилась радуга, и фотографу удалось сделать снимок молодой пары на ее фоне.

Свадебная группа распалась, и ее участники покинули площадь. Николас и Челеста направились к одной из галерей.

— Я часто думаю, что тот золотой день был самым замечательным в жизни моей сестры, — сказала задумчиво Челеста. — Все казались такими беззаботно счастливыми. Но, возможно, теперь я уже не помню всего так, как это было на самом деле. — Она пожала плечами. — Дело в том, что я не считаю, что она очень удачно вышла замуж, — грустно улыбнулась Челеста. — Но надо учесть, что моя сестра очень своенравная, а вы знаете представления итальянских мужчин: женщина должна знать свое место и все прочее. Мой отец обычно говорил, что сестра слишком шикарна и что это не принесет ей ничего хорошего.

— А что он думал о вас? — поинтересовался Николас.

— О, говорил он, ты другая, Челеста. Ты умная. Теперь ум — это такая черта женщины, с которой мужчина может смириться.

Николас рассмеялся, но он видел, что для нее это было не смешно. Впервые у него промелькнула мысль, что ее отношения с отцом не были безоблачными.

— Так что в некотором отношении ваш отец был старомодным итальянцем.

— Нет, он был венецианцем, а это совсем не одно и то же. В нем текла кровь карфагенянина, жителя греческих островов и бог знает еще кого. Из того, что мне удалось узнать от него, я поняла, что он полагался на мнение и советы моей матери. Она была необыкновенной женщиной, так любил говорить мне мой отец, наполняясь гор-

достью за себя... и за нее. — Она опустила голову, но он успел заметить, как затуманились ее глаза. — Она погибла при пожаре. Было много людей: соперников отца, суеверных женщин, которых пугал ее отход от того, что, по их мнению, было естественным порядком, которые верили, что ее лишил жизни Бог или священники, что она умерла, как еретик на костре.

— Когда это случилось?

— Мне еще не было и года.

Тенты, спускавшиеся с колоннад, расцвечивали их лица полосками, бросали длинные тени у их ног. Кругом были закусочные и антикварные магазины, быстро, мелкие фирмы. Тут же находилась и компания „Авалон, Лтд.“.

Николас, посмотрев через площадь, увидел фасад ее здания. В нем не было ничего особенного — просто обычное торговое помещение с надписью на витринном стекле: „Авалон Лтд. Моделирование и ручное изготовление масок“.

Челеста смотрела на дверь, ведущую в помещение фирмы.

— Он может быть там, — заметила она. Затем после длительной паузы спросила: — Вы ничего не чувствуете такого, что бы подсказало нам, жив или нет Оками-сан?

Николас, заметив сильное напряжение в ее голосе, решил было солгать ей. Но что хорошего это могло дать? Он сказал:

— Думайте обо мне, как об охотнике. Иногда, когда дует благоприятный ветер и позволяют другие условия, я могу чувствовать наличие дичи еще до того, как увижу ее, но не каждый раз.

— Тогда, может быть, он уже мертв.

Иногда падали, кружась в воздухе, листья. Через один из переулков на площадь въехала полицейская патрульная машина. Она медленно следовала по окружающей площади улице, на какое-то время остановилась, но мотор продолжал работать, затем поехала дальше и скрылась в воротах на противоположной стороне. Появилась пара средних лет. Женщина стала рассматривать путеводитель, а мужчина делал снимки фонтанов и голубей. Они также не задержались надолго.

Все это время Челеста не отрывала глаз от фасада торгового дома на другой стороне галерей.

— Пора посмотреть, что делается внутри, — предложил Николас.

— Я боюсь. У меня предчувствие, что там Оками-сан и что он мертв.

— Челеста, так или иначе, но мы должны это выяснить.

— Подождите минутку, ладно?

У нее на лице вновь появилось то отсутствующее выражение, которое он заметил раньше, когда ей показалось, что она увидела Мессулете.

Она направилась в ближайшее быстро на углу галереи. Николас задумался о ее загадочной жизни. То, что она рассказала, произвело на него сильное впечатление, и, однако, совершенно неожиданно он почувствовал, что знает о ней так же мало, как и раньше. Это было очень странно.

Он раздумывал об исходящем от нее излучении, то притягивающем, то ускользающем, когда заметил, как она вышла из-под тента с боковой стороны быстро, шмыгнула в боковой выход, даже не посмотрев в его сторону.

Николас быстро пошел за ней следом. Она двигалась к выходу с площади через северную арку. Затем вдруг повернула налево и направилась в сторону улицы Франк-буржуа.

Было предобеденное время, и улицы становились все более оживленными. Челеста пошла быстрее. Потом, как пруттик, захваченный потоком реки, она исчезла за углом. Николас побежал, так как почувствовал мглу, злое пульс безмолвного хора *кохоро*, монотонное пение, которое вызывает черную вибрацию, подобную отчаянному трепетанию мухи, попавшей в сеть паука, отражающей...

„Мессулете!“ — пронеслось в его голове.

Николас бросился за угол, почти столкнулся с жепщиной средних лет, несущей в руках сумки, наполненные продуктами. Он извинился и, не глядя на нее, побежал дальше.

Задыхаясь, он несся по улице, чувствуя, что Челеста приближается к враждебным излучениям. Он следовал за ней, руководствуясь своим внутренним глазом таянцзяп, своим ощущением, применяя положения Тау-тау. Николас знал, что должен так поступить, чтобы спасти ее. Но он также знал, что, расширяя зону своей власти, он тем самым настораживает прячущееся от них существо.

Николас понимал, что он вступил в очень опасную игру. Он выступал раньше только против двух адептов

таньцзян и в обоих случаях был близок к тому, что его могли убить. Сейчас ситуация другая. Он затрагивал лишь власть Мессулете, но и в этом случае глубина неизвестного была подобна зияющей бездне, чьи размеры скрыты в таинственном мраке.

Николас мог ощущать своего противника теперь более четко, и это чувство ритма, безмолвные удары по мембране *кохоро*, сердцу всего сущего, стали заполнять его сознание с ужасающей силой. Прimitивный ритм, который является источником всего происходящего, привносит в физический мир из области сознания то, что другие, непосвященные, рассматривают как волшебство. Возбуждение *кохоро* приводило в движение всю систему, при помощи которой Тау-тау получало свою силу. Это возбуждение мембраны *кохоро* было актом, приводящим к сильному умственному истощению, и только теперь, когда он был так близок к адепту таньцзян, Николае это понял, и кровь застыла в его жилах.

Когда он наконец увидел Челесту на дальнем углу запруженной людьми улицы, он догадался, почему этот адепт иной и так сильно опасен, — он мог бесконечно поддерживать биение *кохоро*, а не только возбуждать его время от времени, когда это ему понадобится. Это было участием тех, кто владел таньцзян в меньшей степени.

Затем ужас от того, что он познал, улетучился. Николае почувствовал усиление напряжения в своем сознании, когда адепт увеличил темп ритма, увидел своим глазом таньцзян расширение Тау-тау, подобное жидкой тени, которая просачивается через все другие тени на улице незаметно для проходящих людей, для самой Челесты, неподвижно стоявшей на углу улицы. Ее голова поворачивалась из стороны в сторону, а глаза дико бежали во всех направлениях.

Николас бросился вперед, лавируя между недовольными пешеходами, задерживавшими его движение. Он заметил Мессулете и был поражен, так как не увидел того лица, которое ожидал. Это был другой Мессулете, не тот, которого он видел в Венеции.

Его путь стал еще более трудным, так как внезапно он натолкнулся на образовавшуюся пробку. Тротуар здесь был уже. Народ проходил по замазанным краской доскам, положенным над ямой, где рабочие ремонтировали газовую магистраль. Миновав ее, он почувствовал, что тень Тау-тау покинула свое укромное место, вспыхнула

черным светом прямо в направлении Челесты. Для Николаса это представляло прямую угрозу. Он понял, что не настигнет Мессулете вовремя. Он уловил едкий запах серы, осознал, что никто другой вокруг него не смог бы распространять этот запах. Его психическое поле расширилось. Оно, подобно какому-то громадному зверю, обхватило Челесту как раз в тот момент, когда тень пала на нее. Ее сила пошатнула Челесту, сбросила ее с тротуара на дорогу, но защита Николааса устояла.

Давление, которое он испытывал в голове, так усилилось, что все стало представляться ему в искаженном виде. Все цвета радуги сливались в нечто подобное ореолу вокруг какого-то живого существа, попавшего в поле его зрения. Он почувствовал неприятное ощущение смещения в сторону, за пределы времени. Ему казалось, что он мог видеть себя борющимся с Мессулете.

Мессулете удвоил усилия, чтобы добраться до Челесты, разрушить ее душу своей внутренней силой. Николас сражался, делая все возможное для того, чтобы защитить ее. Избитый неизвестными силами, он чувствовал, как ветер свистит в его ушах. Он был слеп, без чувства времени, полностью внутри Аксхара.

Если бы только у него была *кореху*, доступ к тому, что, он это знал, однажды существовало и могло быть снова: *Сюхэн*, вся Аксхара и Ксира, могущество власти.

Внезапно свист в его ушах превратился в вой, холодный пот покрыл все тело, по которому бегали мурашки. Он понял, что Аксхара не сможет выиграть эту битву. Вибрация *кохоро*, которую вызвал Мессулете, была такой силы, что она угрожала расчленить его на части. Николасу стало ясно, что он должен отогнать эти вибрирующие волны немедленно, иначе будет покончено и с ним и с Челестой.

Он уже мог чувствовать, как лопается его защита, как она ускользает от Челесты, оставляя ее беспомощной перед нападением Мессулете. Ужасный шум заполнил сознание Николааса, лишив его возможности разумно мыслить. Он знал, что был на самом пределе своих возможностей, почувствовал слабость и беспомощность против этой жестокой силы, которая надвигалась на него, как бульдозер.

Он сознавал, что за какие-то секунды все будет кончено. Он потерпит поражение, а Челеста, лишенная его

защиты, будет убита. Николас сделал единственное, что еще было в его власти. Освободившись от Аксхара, он закрыл свой глаз таньцзян и, вернувшись к действительному времени, открыл свои естественные глаза. Николас увидел Мессулете, стоявшего в напряженной позе. Его лицо было покрыто морщинами и каплями пота от усилий, которые он предпринимал, концентрируя свою волю.

Николас знал, что, лишившись защищавшей его силы, он располагал всего лишь несколькими бесценными мгновениями, чтобы действовать до того, как разум Челесты испарится под безжалостным напором Мессулете.

Он наклонился, схватил кусок бетона с разрытого тротуара и, не раздумывая, запустил его, как если бы это был *шурик*, мечущий стальные стрелы.

Мессулете, должно быть, услышал свист подлетающего к нему камня, но упустил время, так как фокус его видения сузился до диаметра нити от концентрации его психической воли.

Осознание опасности пришло к нему слишком поздно. Кусок бетона ударил его и сбил с ног.

Николас бросился к Челесте, которая стояла на коленях на дороге, не обращая внимания на гудки просажавших машин. Одно такси было совсем близко от нее, когда ее сбросило с тротуара, и продолжало надвигаться, несмотря на отчаянные попытки водителя остановить машину.

Резкий скрип тормозов, запах горелой резины сопровождали Николаса, когда он продрался через толпу и протиснулся между двумя чугунными тумбами, врытыми на дороге, с тем чтобы не дать возможности парижским водителям парковать свои машины на углу. Он упал, так как это был единственный шанс — такси было совсем рядом. Он чувствовал его выхлопные газы, видел, как передние колеса оставляют черный след на дороге. Подогнув голову, он свернулся в клубок и, ускорив движение, подкатился к Челесте, обхватил ее за талию, поднял, перебросил через плечо и устремился к противоположной стороне дороги.

Таксомотор, отчаянно скрипя тормозами, проехал по месту, где только что находилась Челеста, и остановился через несколько футов. К тому времени Николас снова был на ногах, с испуганной Челестой в руках. Он понес

ее прочь от любопытной толпы, от сигналивших автомобилей, пораженного водителя такси и опаляющего психику газа, напоминающего запах цветов греха.

— Я должна идти, мом, не дашь ли мне полсотни? — хихикнула Франси. — Мы зашвырнем потом в кино.

Затем, все еще находясь в руках Кроукера, она начала всхлипывать.

Лицо Маргариты выражало отчаяние.

— Франси, дорогая...

— О боже! О боже! — слезы катились по лицу девушки. — Я не могу больше так.

— Пойдем, Франси. — Маргарита дотронулась до нее. — Я отвезу тебя домой.

— Нет! — отшатнулась она и прильнула к груди Кроукера. — Я не пойду домой. Я умру дома.

— Франси... — начала было Маргарита, но остановилась, глядя в глаза Кроукера. Она понимала его, знала из разговора с психиатром, что иногда посторонний человек может быть полезнее, чем родственник, особенно родителей.

— Франси, я не собираюсь делать ничего против твоей воли, — сказал Кроукер. — Я заберу тебя и увезу отсюда.

— Но мы не поедем домой? — вскричала она. — Я не хочу ехать домой!

— Нет, не домой. Мы поедем куда-нибудь, где ты и я сможем поговорить. Хорошо?

Франси посмотрела на его биомеханическую руку.

— Я хочу поддержать ее, — прошептала она, широко раскрывая глаза.

Кроукер сжал пальцы в твердый кулак, а Франси обхватила его обеими руками.

— Теперь никто не посмеет тронуть меня, — проговорила она тихо, как бы про себя. Она кивнула головой, и Кроукер взял ее на руки.

— Здесь есть черный ход? — обратился он к Маргарите.

Она собиралась протестовать, но увидела, что ее дочь стала успокаиваться.

— Вот сюда. Я расплачусь по счету, и предупредите охранников, чтобы они не поломали вам руки.

Маргарита присоединилась к ним через несколько минут, направившись к своей машине. Охранники держа-

лись на почтительном расстоянии, но еще не забрались в свой автомобиль. Она торопливо подошла, открыла ключом дверцы. Кроузер занял вместе с Франсиной заднее сиденье.

— Куда поедем? — спросила Маргарита.

— Почему бы нам не остаться пока здесь, — предложил Кроузер. — Ты не возражаешь, Франси?

Она кивнула молча, с глазами, полными слез, уткнулась носом в его мускулистое плечо. Потом стала шмыгать носом.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов, — сказал Кроузер тихим, спокойным голосом, — но хочу, чтобы ты запомнила: ты совершенно не обязана отвечать на любой из них.

Маргарита сидела за рулем, повернувшись спиной к нему и наблюдая за Кроузером и своей дочерью через зеркало заднего обзора.

— Можешь ты сказать мне, почему ты уверяла, что чувствуешь себя так, как если бы ты умирала?

— Я еще и сейчас так себя чувствую.

— Правда? Почему?

Она пожала плечами.

— Просто чувствую себя так...

— Хорошо, а в чем состоит это чувство?

— Темнота. Просто... — Она не находила нужных слов и закрыла глаза. Вновь заплакала. На этот раз тихо.

Кроузер прикоснулся к ней, ничем другим не показав, что видит ее отчаяние.

— Франси, а кто твоя любимая актриса?

— Джоди Фостер, — ответила Франси, вытирая нос.

— Хорошо. Представь себе, что ты Джоди Фостер и играешь в кино, скажем, в „Терминаторе-4“.

Девушка хихикнула.

— Это смешно. Джоди Фостер не могла бы быть в „Т-4“. Это была бы Линда Гамильтон.

Она перестала плакать и заметно ожила.

— А что, если бы они не смогли заполучить Линду Гамильтон? Может быть, они взяли бы тебя. Ну как?

— Ладно.

— Теперь представь себе, что то, что произошло только что в ресторане, является сценой из фильма. Подумай о своем чувстве, как о какой-то посторонней вещи, как о чем-то, что испугало тебя, и постарайся вспомнить свое

чувство. Пусть в твоём воображении возникнет вся картина. А теперь опиши мне ее.

Франси зажмурилась.

— Я в машине, не такой, как эта, а в большой. Еду за городом. Ночь и очень темно. Я, кажется, должна... спать, но я не сплю. Я бодрствую, лежу на заднем сиденье, слушаю голоса, гляжу на ночное небо. — Ее веки задрожали. — Это небо, такое близкое и черное... чернее черного, как бывает, когда забираешься под толстое одеяло летом... никаких звезд, никаких облаков... душно.

Она вздохнула и открыла глаза. В них был ужас.

— Все хорошо, — успокоил ее Кроукер, прижав к себе. — Ты в безопасности, со своей мамой и со мной.

Он проследил за взглядом девушки и увидел, что Маргарита сидела с опущенной головой, закрыв лицо руками.

— Мом? — произнесла Франси с трудом. — Это была ты, когда я слышала...

— Замолчи, детка.

— Ты и тот... мужчина.

Пальцы Маргариты сжались в кулаки, и она произнесла придушенным голосом:

— О, мой детектив, как бы я хотела, чтобы вы никогда не появлялись в нашей жизни.

— Он сказал, что знал больше о дяде Доме, чем ты, Мом. — Девушке явно необходимо было теперь выговориться, освободиться от неосознанной травмы, которая искалечила ее. — Он утверждал, что моя жизнь находится в твоих руках, а ты сказала, что он должен прекратить угрожать тебе, что ты понимаешь ситуацию. Затем позднее, когда мы заехали в один из мотелей на автостраде, он сказал, что сейчас ты думаешь о нем, как о дьяволе, но потом, спустя несколько месяцев после того, как все будет кончено, ты узнаешь правду. А когда он вышел из автомашины, ты стала плакать.

Маргарита плакала и теперь. Ее плечи опустились, рыдания вырывались из нее с мучительными спазмами.

Кроукер немного помедлил, затем спросил:

— Что это за мужчина?

— Это из-за него я умру. — Франси взглянула на Кроукера. — Он собирается прийти снова и убить меня. Этот человек убил Цезаря, а затем убил и дядю Дома.

ТОКИО / ПАРИЖ / ВЕНЕЦИЯ / ОЛД ВЕСТБЮРИ /
ВАШИНГТОН

Нанги пытался вспомнить, когда он заметил белую „тойоту“. Было это, когда его водитель нажал на газ, чтобы проскочить светофор в Синдзюки, или же еще до того, когда они были ближе к конторе?

Он прилагал усилия, чтобы освежить все в памяти.

— Скажите мне, что вы знаете о Винсенте Тине, — обратился он к Сэйко.

— Я знаю его уже много лет. Он ухаживал за моей подружкой. Так мы и познакомились. Кажется, это было на вечеринке. В Сингапуре. Хотя прошло уже много времени с тех пор, но я хорошо помню, что он сразу же произвел на меня хорошее впечатление. Он был очень умен и не принадлежал к типу доверчивых людей. В Юго-Восточной Азии нельзя позволять себе быть доверчивым.

— Так что в той или иной степени вы потом следили за его карьерой?

Сэйко покачала головой.

— Фактически нет, но каким-то образом я не могла избежать этого. Его имя все время мелькало в печати. Он, будучи брокером, проворачивал сделки на сотни миллионов долларов — строительство электронной фабрики в Куала-Лумпуре, производство компьютеров на Филиппинах, импорт-экспорт высокотехнической продукции во Вьетнаме. Все солидные сделки, но на грани жульничества. Он был великолепным посредником. Мне казалось, что он не только знал всех нужных людей, но и как обращаться с каждым из них. Так что, когда Линнер-сан попросил меня рекомендовать кого-либо для работы в Сайгоне, я сразу же подумала о Винсенте.

— Вы не слышали о том, что он был замешан в чем-то незаконном?

— Незаконном? — Сэйко, казалось, была поражена. Нанги подтвердил кивком головы.

— Полицейский инспектор в Сайгоне доверительно сказал мне, что Тинь, должно быть, имел дело с наркотиками и что эта его деятельность явилась причиной его смерти.

— Но вы говорили, что смерть Винсента была случайной.

— Так именно полиция охарактеризовала ее, но, читая между строк, главный инспектор Ван Киет пришел к выводу, что произошло убийство.

— Все это так странно, — заключила Сэйко. — То, например, что кто-то, назвавшийся членом его семьи, забрал его тело. Я поступила, как вы сказали: позвонила по телефону в „Авалон Лтд“ в Лондоне. Ответивший мне мужчина заверил, что никогда не слышал об этом человеке.

— Ну, этого следовало ожидать. Чем занимается „Авалон Лтд“?

— Экспорт-импорт высокотехнической продукции.

— Как раз то, чем занимался и Тинь, — задумчиво произнес Нанги. — Любопытно, но я уверен, что это простое совпадение.

Сэйко опустила голову.

— Я несу полную ответственность за Винсента Тиня, Нанги-сан.

— Чепуха. Вы сделали то, что считали правильным. Кроме того, на данный момент нет никаких доказательств того, что Тинь был замешан в чем-то незаконном.

Но его мысли невольно возвращались в офис, где Масамото Гоэи и его группа „Ти“ все еще исследовала нейронную сеть клона компьютера, пытаясь разобраться, какая технология заставляет ее работать наряду с платами „Ти“, которые уже сумели идентифицировать люди Гоэи. Плохое предчувствие омрачало мысли Нанги каждый раз, когда он звонил Гоэи узнать, как идут дела, и получал ответ: дело существенно не продвинулось и единственное, что удалось обнаружить, это то, что другие платы американского происхождения. Откуда поступил этот клон и кто придумал технологию воспроизводства плат „Ти“?

Вдали он увидел движущуюся белую „тойоту“.

— Все же, я... Что случилось? — забеспокоилась Сэйко, заметив странный поворот его головы.

— За нами следят, — сказал Нанги.

Сэйко повернулась и посмотрела через заднее стекло „БМВ“.

— Какая машина?

— Подождите и наблюдайте.

Он наклонился вперед и постучал по плечу водителя условным сигналом. Тут же „БМВ“ свернула на левую полосу и съехала на первом повороте налево со скрежетом тормозов и задымившейся резиной. Через мгновение белая „тойота“ повернула за угол. Нанги сказал:

— Вот она!

— Сможем мы уйти от них? — занервничала Сэйко.

Нанги сложил руки на рукоятке своей трости, выполненной в виде головы дракона, и спокойно произнес:

— А на кой черт нам это нужно?

Сэйко взглянула на него с любопытством. Ее рука нажала на дверную ручку.

— Мы останавливаемся?

— Совершенно верно, — ответил Нанги и открыл дверь, даже не дождавшись полной остановки „БМВ“. — Вероятно, теперь мы начнем получать какие-то ответы.

Белая „тойота“ остановилась перед „БМВ“ под таким углом, чтобы своим корпусом загородить проезд для других машин. Нанги высунулся из „БМВ“ вовремя, чтобы увидеть, как высокий худой человек выбрался из-за руля белой „тойоты“. На нем был темный костюм из акульей кожи и большие черные очки, что делало его похожим на какое-то насекомое. Он остановился так, что его отделяла от Нанги открытая дверца машины. Нанги мог заметить, что под его курткой спрятан пистолет. Якудза!

Показав рукой, чтобы Сэйко оставалась на месте, Нанги поставил конец своей трости на дорогу и вылез из „БМВ“.

Передняя дверца „тойоты“, где сидел пассажир, медленно открылась, и появился дородный человек с рябым лицом, резко очерченным ртом и глазами, которые обшаривали все вокруг каждые пятнадцать секунд.

Он поклонился, отдав уважение в официальной для якудза форме, назвав свое имя, место рождения и клан, к которому он принадлежит.

„Ямаучи, — подумал Нанги. Он встречался с Томоо

Кодзо, *олябун*, только однажды. — Что этот человек хочет от меня?"

Дородный мужчина поднялся и сказал:

— Пожалуйста, отправьте эту женщину с вашим водителем. Сегодня вы поедете в нашей машине.

Шофер Нанги сделал движение, и мгновенно человек-насекомое выхватил пистолет.

— В этом нет необходимости, — заявил Нанги.

— Мне даны инструкции привезти вас, — настаивал толстяк. — Как это будет сделано — целиком зависит от вас.

Нанги кивнул. Он наклонился и что-то сказал водителю, затем захлопнул дверцу своей машины.

Сэйко высунулась в окошко.

— Нанги-сан...

— Поезжайте домой, — прервал он ее, — со мной ничего не случится.

— Как вы можете верить им?

Но Нанги уже шел, прихрамывая, к белой „тойоте“, опираясь на свою трость сильнее, чем это было необходимо. Когда он приблизился к машине, человек-насекомое открыл для него заднюю дверцу. Он забрался внутрь, дородный мужчина присоединился к нему на заднем сиденье. Насекомовидный устроился за рулем, включил зажигание, и белая „тойота“ отъехала.

Нанги сидел, уперевшись спиной в матерчатое сиденье. Его руки охватывали резную ручку трости.

— Куда вы меня везете? — спросил он.

Толстяк повернул к нему изрытое оспой лицо.

— Сегодня не вчера, — заявил он с ухмылкой. — Вашего защитника может уже и не быть в живых. — Он блеснул своим золотым зубом. — Микио Оками исчез.

Челеста пронзительно кричала. Она очнулась, и все ее тело от головы до кончиков пальцев ног содрогалось, как от грубого насилия. Ей казалось, что переход от забытья к сознанию произошел из-за вцепившейся в нее когтистой лапы. Она кричала, сидя на кровати и защищая скрещенными руками лицо от нападения.

Николас подошел и отвел ее руки от лица, с тем чтобы она его видела. Всей силой воли он пытался извлечь ее

от кошмарного образа чудовища с острыми зубами и хвостом, похожим на бритву, который вышел из болота ее подсознания и плавал перед ее взором.

„Челеста“.

Он обратился к ней через свое сознание, пытаясь успокоить ее. Вслух говорить было бесполезно, так как из-за своего крика она все равно бы ничего не услышала. Но, как это ни странно, она пришла в еще большее неистовство.

Николас отпустил ее руки и, когда убедился, что она смотрит на него, отошел от кровати. Он остановился и стоял совершенно неподвижно, медленно дыша, пока она не пришла в себя и ее сознание, затуманенное от перенесенного шока, не освободилось от кошмара.

Когда Челеста успокоилась, он взял трубку телефона и спокойно сказал дневному администратору, что у них все в порядке, что мадемуазель была возбуждена, так как такси чуть не сшибло ее, что сейчас она чувствует себя нормально. Николас добавил, что, вероятно, не плохо бы ей выпить настоя мяты, чтобы окончательно прийти в себя.

Он положил трубку и обратился к Челесте.

— Все в порядке. Теперь вы в безопасности.

Но она покачала головой, ее пугало черное пятно, расширяющееся перед ее глазами:

— Нет, не все в порядке. Вы все еще здесь.

И тогда Николас все понял.

— Челеста, пора вам рассказать мне о себе, — сказал он.

Она отвернулась к стене.

— Вы не можете скрывать это от меня, понимаете?

Она обвила себя руками, чтобы согреться и как бы защититься.

— Челеста, я не враг вам.

— Все — враги.

Он понимал, почему она так думала.

В дверь постучали. Николас подошел, открыл ее, взял у официанта поднос и поставил его на стол. Затем он подписал чек и закрыл дверь в комнату.

Когда Челеста приняла от него чашку с чаем из мяты, Николас обратился к ней.

— Это все так просто, не так ли? Вы знали, какое ужасное время я пережил здесь несколько лет тому назад, и вы знали также, что причиной этому была женщина.

Челеста не проронила ни слова, поднесла чашку к губам. Она не смотрела на него, но это теперь не имело значения.

— Более того, вы предвидели появление адепта Мескулете в Марэ. Ошибочно вы только назвали улицу.

Чашка выпала из безжизненных пальцев Челесты, и горячая жидкость разлилась по покрывалу кровати. Кажалось, что она не воспринимает ничего, кроме звука его голоса. Он направил свое психическое поле на нее, чтобы закрыть и защитить ее, но Челеста ускользнула с криком:

— Не трогайте меня!

Ее голос звучал как скрип напильника.

— Мы оба одинаковы, не так ли?

Челесту охватила дрожь.

— Боже мой! Какая злая ирония, что я обратилась именно к вам за помощью!

— Вы ошибаетесь, — сказал Николас.

Что-то в его голосе заставило ее повернуть к нему голову.

— Вы и я совершенно разные, — продолжил он. — Таланты, которыми мы обладаем...

— Таланты! — В уголках ее глаз заблестели слезинки, а ее тело стало ритмично подрагивать под воздействием серии едва заметных спазмов. — Вы называете это *талантом*, это...

Челеста вновь задрожала и, впервые посмотрев вниз, заметила чашку и грязь на смятом покрывале прямо перед собой на кровати. Ее глаза устремились на Николаса.

— Значит, вы поняли, что я не рассказала вам всей правды о своей матери?

Она вновь опустила глаза на мокрое пятно, потому что не могла смотреть на Николаса, когда ее сознание вновь ушло в прошлое.

— Она умерла, когда мне было шесть лет. У нас были... как лучше выразить это... *трудные* взаимоотношения. Она и мой отец постоянно ссорились, или это мне так казалось в то время. В *то время*. В этом-то все и дело, не так ли? Оглядываясь на прошлое с позиций сегодняшнего дня, я понимаю, каким невыносимым ребенком я была, как жестоко я к ней относилась. Но это сейчас, а не тогда. Тогда я знала только, что она делает больно моему отцу и что за это я должна делать больно ей.

Наступила длительная тишина. Николас слышал ее

дыхание, вероятно, догадывался о том, что происходит внутри нее, но предусмотрительно удерживал в себе свою психическую энергию.

Наконец Челеста глубоко вздохнула и закрыла глаза. Когда она заговорила вновь, то произносимые шепотом слова звучали как исходящие от привидения.

— Я видела, что должно было случиться с ней: пожар, ее смерть, *все*. Я видела все это в своем воображении, как если бы смотрела фильм, и я ничего никому не сказала, не *сделала* ничего, чтобы помочь ей.

Она смотрела на него. В ее глазах было чувство страха, а сами они казались увеличенными от заполнивших их слез.

— Я могла спасти ее. Почему я не сделала этого?

Так вот в чем заключается правда — она не только боялась себя, но и испытывала гнетущее чувство вины.

— Вы были слишком молоды, — заметил Николас в ответ на ее ищущий взгляд. — Посмотрите на себя, Челеста, — добавил он. — Вы все еще слишком молоды, чтобы понять свой талант, не говоря уже о том, чтобы взять его под свой контроль.

— Опять это слово!

Она закрыла глаза и вздрогнула.

— Нельзя взять под контроль дар, которым наделил вас дьявол. Он просто *существует*.

— Чем бы это ни было, — произнес он мягко, — это частица вас.

Николас подошел и сел на край кровати.

— Вам было шесть лет, Челеста. Можете ли вы сказать совершенно честно, знали ли вы тогда, что перед вами открывается будущее, что именно подобное должно случиться с вашей матерью? Или вы могли думать, что это было просто ваше скрытое желание?

— Желание? Да, я...

Слова застревали у нее в горле, она начала захлебываться. Николас притянул ее к себе и только тогда смог разобрать едва слышные фразы, с трудом слетающие с ее губ.

— Но, может быть, это было не пустое желание, мимолетная фантазия, а... греховное желание, которое... обладая этой штукой, этой *силой*... я сама заставила осуществиться.

Она начала всхлипывать. Николас укачивал ее, крепко прижав к себе, страх и напряжение стали покидать ее по мере того, как ее сердце раскрывалось и она выплескивала из себя весь тот мрак, который удерживала в себе все эти долгие годы.

— Челеста, послушайте меня, — прошептал он ей на ухо, — никто, ни вы, ни я или даже Мессулете, повторяю, *никто* не может создавать будущее. Вам было всего шесть лет, Челеста, вы были маленькой девочкой. Подумайте. Если бы вы побежали к своему отцу и рассказали ему то, что вам представилось, разве он поверил бы вам? Почему он должен был поверить? Вы должны признать тот факт, что в шесть лет вы были бессильны помочь вашей матери.

— Но я и не хотела помогать ей.

Ее голова покоилась на его плече, и она снова была ребенком.

— Что же касается ваших чувств, то они реальность. — Николас продолжал поглаживать ее волосы. — Но это совсем другое дело.

— Я не хочу прожить оставшуюся жизнь, ненавидя ее.

Дыхание Челесты замедлялось по мере того, как она успокаивалась.

— Я хочу любить ее.

— Тогда вам надо простить ее... и простить себя.

Челеста заснула, свернувшись клубочком. Ее лицо было повернуто к окнам, через прозрачные занавески просачивались последние лучи заходящего солнца, освещавшего зеленое море крыш. Николас надел легкий хлопчатобумажный черный пиджак и выскользнул в дверь.

Маргарита ехала очень быстро, обгоняя легковые и грузовые машины. Кроукер был рад, что пристегнул себя ремнями безопасности. Он хотел бы узнать, чем она так сильно расстроена.

Она въехала в ворота своей усадьбы, кивнула двум стражникам, которые расположились вблизи, покуривая и стараясь согреть свои руки на случай, как полагал Кроукер, если им понадобится быстро схватиться за оружие. Она не тормозя проскочила последний поворот к дому, оставив позади шлейф из гравия, покрывавшего дорогу.

В тишине, которая наступила после того, как Маргарита выключила зажигание, до Кроукера донесся громкий лай ротвейлера. Стал виден охранник с собакой. Она стояла на задних лапах с раскрытой пастью и высунутым мокрым языком. Как только Маргарита вышла из машины, собака опустилась на все лапы, фыркнула и стала рваться на привязи.

Кроукер смотрел через низкий борт открытого автомобиля, как Маргарита вытащила Франси и поставила ее рядом с собой.

— Я хочу забрать Франси из этого окружения немедленно. Я вижу, что Тони и я губим ее. У меня есть друг в Коннектикуте, у которого она может остановиться.

— Тони это не понравится, — предупредил Кроукер.

— Плевать мне на Тони, — заявила она. Дочь обхватила ее за талию. Поцеловав Франси в голову, Маргарита спокойно обратилась к ней. — Дорогая, войди в дом и попроси Мики помочь тебе уложить вещи. — Однако девушка не решалась покинуть их. — Иди, солнышко, — поторопила ее мать.

Франси пристально смотрела на Кроукера. Помолчав, она спросила:

— Я увижу вас снова?

— Обещаю тебе.

Она бросила на него последний взгляд, повернулась и вбежала по лестнице в дом.

— Ротвейлер должен отправиться в Коннектикут вместе с ней, — заявил Кроукер.

— Зачем это? — спросила Маргарита. — Он уже убил одну собаку и сделает это снова, если ему нужна будет Франси.

— Я не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Она одарила его иронической улыбкой.

— Какие экстраординарные вещи вы говорите, мой детектив.

В дверях дома показался охранник.

— Вы хотите, чтобы Франси собрала свои вещи, миссис Д.?

— Совершенно верно, Мики. Сделайте это сейчас, до того как придет домой мистер де Камилло.

Охранник, казалось, колебался, затем он кивнул головой и вернулся в дом.

Какое-то время Маргарита молчала, пребывая в нерешительности. В ее глазах отражалась происходившая в ней внутренняя борьба. Наконец она произнесла:

— Что мне делать, Лью? Он был здесь. Он убил двух моих стражников и Цезаря.

Кроукер почувствовал, как сильно забилося его сердце.

— Но это еще не все, что он сделал, не так ли, Маргарита?

— Нет, — ответила она хриплым шепотом. — Он пошел за Франси, грозил убить ее. Он бы сделал это. Я видела по его глазам. Боже мой, неудивительно, что она в таком состоянии.

Усадьба погрузилась в сверхъестественную тишину, такую, в какой опытное ухо улавливает первые разряды электрической энергии, предшествующие большой буре.

— Он потащил Франси, подвесил ее за ноги в ее комнате, чтобы показать мне, что не шутит. — Она глухо вздохнула и передернулась. — Потом мы сели и ждали, когда зазвонит телефон. Он сказал мне, что мне должен позвонить Дом и что я обязана устроить встречу с ним без его подручных из ФПЗС. Это было не трудно, так как того же хотел и Доминик, когда позвонил. Ему сказали, что Тони избивает Франси.

Янтарного цвета глаза Маргариты светились, как зеркала.

Было ясно, что она не может продолжать. Тогда Кроукер пришел ей на помощь.

— Затем Роберт заставил вас отвезти его к вашему брату — весь путь до Миннесоты?

Маргарита опустила голову.

— О, Господи, что он сделал со мной! — Ее затрясло от воспоминаний. — Он сделал меня своей сообщницей в убийстве моего собственного брата!

Гаунт дожидался в маленьком баре около Чайнатауна. Перед ним стоял стакан виски „Жак Даниелс“, а сам он чувствовал себя так, как если бы бросился в воды Потомака. Существует ли такое понятие, как смерть от загрязнения окружающей среды? Конечно, такое случается каждый день: смерть от радона, плутония, радарного оружия, микроволн, даже высоковольтных электролиний. Кто сказал, что жизнь в провинции более здоровая, чем в городе?

Гаунт, устроившись в одном из закутков в глубине

бара, глядел не отрываясь на янтарное кукурузное виски и раздумывал над своим нынешним положением. Оно напоминало ему табличку „Выхода нет!“.

Ему было известно достаточно о проекте „Ти“, чтобы не испугаться того, что сообщил ему инспектор из Пентагона Дэвис Манч. Проект „Ти“, вероятно, все еще находился на стадии разработки. Но это могло означать что угодно, начиная с того, что они ничего не достигли, и кончая тем, что они готовы наладить серийное производство, начиная с воскресенья, и победить всех конкурентов. Он также подозревал, что технология „Ти“ грубо повторяет технологию компьютера „Хайв“ компании „Хайротек инкорпорейтед“. А Николас, оценив ситуацию, как всегда, правильно, занялся своим собственным проектом, когда стало ясно, что его попытка приобрести компанию „Хайротек“ будет блокирована. Из ограниченной информации, имевшейся в компании „Сато-Томкин“, Гаунт сделал вывод, что компьютер „Ти“ будет выше на несколько ступеней по сравнению с технологией компьютера „Хайв“.

В это послеобеденное время бар был переполнен. Запах пива, табачного дыма проникали всюду, приглушали все краски, все чувства времени и пространства. Это была как раз та атмосфера, которая привлекала любителей подобных питейных заведений. В нынешнем состоянии Гаунт чувствовал себя здесь совершенно по-домашнему.

Удалось ли Николасу каким-то образом выкрасть ответствующие элементы компьютера „Хайв“ или кто-то ловко пытается подвести его под следствие Комиссии по экономическому надзору сенатора Рэнса Бэйна? Возможно, это был сам сенатор или у Бэйна просто существует план действий, затрагивающий, естественно, и Николаса?

Мужчины в деловых костюмах, женщины в юбках и в брюках слонялись праздно по бару, напоминающему по форме бумеранг, перебрасывались замечаниями, которые заглушались взрывами лошадиного хохота, покачивались из стороны в сторону, сильно и беспечно, как это могут делать только заядлые пьяницы. Гаунт смотрел на них ревностным взглядом, стараясь изо всех сил не вспомнить о матери.

Он знал, что, какой бы из вариантов его размышлений ни оказался правильным, Макнотон был прав, когда уго-

варивал его порвать с „Сато-Томчи“ и с Николасом. Конечно, он фактически уже оказался в неприятном положении, получив вызов на слушание в Комиссии, но он был не новичок в политике и мог расшифровать ход мыслей Макнотона. Если он сейчас порвет упомянутые связи, Макнотон все еще может спасти его. Пока у него есть еще некоторое время, чтобы размять свои политические мускулы до того, как Комиссия соберется на свою первую сессию в начале следующей недели. После этого Гаунт должен будет рассчитывать только на себя. Как только Комиссия возьмется за него, не будет такой спасительной веревочки, за которую Макнотон мог бы потянуть. Гаунт, как сказал Макнотон, потонет вместе с кораблем.

Хотя Гаунт внимательно следил за входной дверью, он не заметил этого человека до того, как тот уже появился в его закутке.

— Для таких людей, как я, делаются пожарные выходы, — произнес человек.

— Тимоти Делакруа?

— Да, я.

Усевшись с правой стороны от Гаунта, он не подал своей руки, не сделал этого и Гаунт. Это был человек приблизительно лет сорока пяти, с волосами песочного цвета, который получил в свое время большую дозу солнца и ветра, чем было ему положено. В результате кожа на его носу, щеках и лбу, очевидно, постоянно лупилась, была красной и прорезанной глубокими морщинами, как если бы ей много раз наносили раны, которым не давали полностью затянуться. Глаза Делакруа казались бесцветными. Он все время облизывал губы. Его лицо свидетельствовало о сильном характере, как лицо Т.Э. Лоуренса*. Оно не было суровым, но на нем отчетливо просматривались следы опасных и трудных приключений.

— Вы — друг Манча, — заявил он.

— Мы знакомы.

— Как бы то ни было, он велел вам позвонить мне, а это означает, что вы, должно быть, находитесь в дерьмовом состоянии.

На полпути в Вашингтон у Гаунта вновь стала кровоточить десна, и он вытащил из кармана носовой платок,

*Лоуренс Томас Эдуард (1888—1935) — известный английский разведчик.

который раньше дал ему Манч для того, чтобы остановить кровь. Что-то вывалилось и упало на пол автомашины.

У него не было возможности свернуть с автострады и остановиться до того, как он въехал в город. Только тогда он нагнулся и обнаружил клочок бумаги, на котором были написаны номер телефона и имя Делакруа. Надо же, подумал он, инспектор более сентиментален, чем он это показывает.

— Ладно, — промычал Делакруа, постукивая указательным пальцем по не особенно чистому столу и облизывая пересохшие губы. — Я получаю призывы о помощи, подобно вашему, семь или восемь раз в году. Это больше, чем вы думали, не так ли? — Он подмигнул. — Не беспокойтесь. Если у вас не пустые карманы, я могу сделать все, что угодно. Я действительно имею в виду все. Вам нужен транспорт, который никто не смог бы задержать? Хотите верьте, хотите нет, но у меня есть новенький „Локхид SR-71“. Он набирает тройную звуковую скорость в то время, как другие реактивные самолеты все еще остаются на взлетной полосе. Или что скажете в отношении самолета „F-15“? Вы слышали правильно. Вонючем „F-15“! Вам нужно добраться до восточноазиатского высокопоставленного человека, летящего в Бангкок, вы хотите взорвать небеса, вам необходимо пробиться в бетонированный и выложенный свинцовыми плитами склад где-либо в Африке, вы хотите поддержать местное восстание в Восточной Европе. — Он широко развел руками. — Пожалуйста, вот вам нужный человек.

— Извините, — произнес Гаунт, ничего не понимая.

Делакруа замахал руками, как если бы собирался в любую минуту оторваться от земли.

— Хорошо. Это не ваше поле деятельности. Я понял. Здесь требуется нечто более тонкое. Я могу сделать и это. Вам нужен ручной миномет „Питон-600“, огнемет с лазерным прицелом? Что именно?

— Ради Бога, чем все-таки вы занимаетесь?

— Вы хотите сказать, что Манч не посвятил вас в это? — Делакруа выглядел обиженным, его желтые зубы кусали кожу на губах. — Я не понимаю. Все другие, которых он направлял ко мне, знали, кто я. Они были очень рады заплатить за мои услуги. — С угрюмым видом он добавил: — Вы знаете, люди моего профиля не растут просто на деревьях.

— А ваш профиль — это?.. — спросил Гаунт с надеждой. Его зубы вновь застучали, и он крепко их сжал, чувствуя во рту вкус крови.

— Боже, приятель! Это — все. Я имею доступ к любому оружию или военной машине, какие можно только представить себе, конечно, в определенных границах. Я не могу достать бомбардировщик-невидимку, но этого не могут и мои конкуренты, несмотря на их утверждения обратного.

— Но мне не нужно... — Гаунт остановился, пытаясь понять, что происходит.

— О, Бог мой, — промолвил Делакруа, вскинув с возмущением руки. — Полагаю, что в результате всего этого я не получу даже бесплатного обеда.

— Не беспокойтесь, — поспешно сказал Гаунт. — Мы отправимся, куда вы захотите, в любое место, которое еще открыто в это позднее время. Я заплачу.

— Черт возьми, я не знаю, — заявил Делакруа, внимательно посмотрев на часы. — В таком деле, как мое, время — деньги.

— У меня есть деньги, — ответил Гаунт, прополаскивая виски поврежденную десну. — Я должен теперь сообразить, каким образом вы собираетесь заработать их.

Он заказал порцию виски для Делакруа, и они одновременно осушили стаканы.

— Первые вещи должны идти первыми, — прагматично высказался Делакруа, когда они устроились в китайском ресторане через два квартала от бара. Казалось, что здесь все относилось к нему, как к давно потерявшемуся брату. — Так что у вас за проблемы?

Не дожидаясь ответа, он повернулся к ожидавшему заказа официанту и обрушил на него длинный поток слов, которые звучали как ругательства, будучи на самом деле кантонским вариантом китайского языка. Если бы Гаунт не видел, что эти два человека относятся друг к другу как близкие приятели, он мог бы посчитать этот разговор спором.

— Нам подадут все самое свежее, так для вас будет лучше, — заявил Делакруа, когда официант поспешно удалился, а он вновь повернулся к Гаунту.

— Это неважно, — возразил Гаунт. — Я не голоден.

— Пока вы за моим столом, вы будете есть, — замахал руками Делакруа.

Гаунт хотел было напомнить, что это он платит за

обед, но энтузиазм этого человека заразил и его. Где-то на пути от бара до ресторана усилилась депрессия, в которой он находился.

— Проблема состоит в следующем, — сказал он. — В течение четырех дней я должен определить, замышляет ли мой шеф громадную аферу с компьютером, во что, должен отметить, я не могу поверить.

Руки Делакруа вновь пришли в движение.

— Плевал я на то, верите вы или нет. Перед вами эта проблема, и вы, вероятно, можете найти детектива, который выяснил бы, чем на самом деле занимается ваш босс.

Гаунту было неприятно признавать, что Делакруа прав.

— Другая вероятность — это что кто-то, вероятно высокопоставленное лицо в правительстве США, пытается запрянуть в тюрьму моего босса, распространив ложную информацию.

— Это все?

— Да, если отбросить лишнее.

— Хм... — размышлял Делакруа, упершись головой в кулаки поставленных на стол рук. — Вам я не нужен. Вам требуется своего рода детектив-волшебник, каким я не являюсь, хотя должен со всей откровенностью сказать, что было время в Сайгоне, когда... — он снова замахал вздернутыми вверх руками. — Но это все не то. Видите ли, это не мой профиль. Я больше занимаюсь такими делами, как „вам-бам! спасибо вам, мадам“. Понимаете, о чем я говорю?

— Огнестрельным оружием.

— Да, верно. Я занимаюсь маленькими войнами. Развал коммунистического блока — это манна небесная для таких людей, как я. Все эти этнические меньшинства, из всех сил стремящиеся защитить свои национальные и религиозные особенности, готовые нанести удар по головам других всем, что попадется им под руку. Тут-то я и вступаю в игру. Я обеспечиваю их боевым оружием и всякими иными средствами разрушения. Например, чем-нибудь вроде ракет, управляемых компьютером, разных современных поганых штучек, какие применялись в войне в Персидском заливе. Меня не интересует то, что осталось неиспользованным во время войны во Вьетнаме. Этим пусть занимаются мои соперники. Моя задача, парень, это вооружить человека таким оружием, которое может действительно нанести сильный ущерб.

— Принимая все это во внимание, — прервал его Гаунт, чтобы не дать ему возможности сделать такое предложение, от которого он не смог бы отказаться, — я не могу понять, почему Манч дал мне номер вашего телефона.

Принесли еду, которая имела весьма неаппетитный вид, — растекающаяся густая масса, разные моллюски. Однако исходящий от них запах понравился Гаунту.

Делакруа начал быстро орудовать ложкой, раскладывая на две тарелки что-то вроде крабов с голубыми спинками в густом белом соусе.

— Вы хотите сказать, что он вам не сказал?

— Хм, хм...

— Тогда, Бога ради, перестаньте делать предположения и прямо спросите у него!

— Это невозможно, — заявил Гаунт, наблюдая, как его тарелка наполняется морскими гребешками, кусочками рыбы, клейким рисом. — Если бы он мог сказать мне, я уверен, он сделал бы это. Нет, он принадлежит к оппозиционной стороне. Я должен все выяснить сам.

По распоряжению Делакруа принесли пиво — целый медный таз, набитый крошенным льдом, в котором охлаждалась по крайней мере дюжина бутылок пива „44“.

Делакруа открыл пару бутылок и вылил содержимое в свою еду.

— Этот босс, о котором вы говорили, имеет, очевидно, крупные неприятности с федеральными властями? — заинтересовался он.

— Можно и так сказать. — Гаунт хмуро уставился в свою тарелку. — Через четыре дня Комиссия сенатора Рэнса Бэйна соберется на сессию, может обвинить его в измене и закрыть американское отделение компании „Томкин индастриз“.

Делакруа оторвал голову от тарелки. Его губы были покрыты жиром, а кусочек клешни голубого краба торчал изо рта. Он поспешно выплюнул его.

— Вы сказали Томкин, тот же Томкин, что и в компании „Сато-Томкин“?

— Да, а что?

Бледные глаза Делакруа округлились и почти вылезли из орбит.

— Бог милостивый, я имею с этими людьми дело постоянно. Вот, черт побери, почему он дал вам мой телефон.

ПАРИЖ / ТОКИО / ВАШИНГТОН

Была ночь. Сверху медленно опускался голубовато-зеленый туман, подобно прозрачным крыльям ангела. Собирался дождь, и это усиливало запахи сажи и выхлопных газов автомобилей.

Николас мог видеть под собой причудливо подрезанные каштаны по четырем углам площади Вогезов. Однако взор его был направлен вверх на парижское небо, наполненное ярким светом от уличных фонарей на больших бульварах и площадях, на красные огни вокруг Эйфелевой башни, которые отражались от низко бегущих облаков и выглядели как мазки помады на напудренных сверх меры лицах проституток.

Когда пошел дождь, то, с одной стороны, он был другом Николасу, так как помогал ему оставаться незамеченным, а с другой стороны, врагом, потому что делал очень скользкими покрытые патиной медные пластины на крыше мансарды.

Осторожно шагая по крыше, Николас замер на месте и низко согнулся, так как увидел, что внизу по площади медленно движется полицейская патрульная машина. В бистро на углу стало оживленнее, чем днем. В галерею и дальше на улицу из трактира выплескивалась молодежь. Кто-то мог бы его заметить, если бы посмотрел вверх. Он не должен давать возможности сделать это.

Крыша располагалась под углом в сорок пять градусов, что было очень хорошо для того, чтобы помещение под ней оставалось сухим, но чрезвычайно затрудняло движение по ней без специальных приспособлений, какими пользуются кровельщики.

Прямо перед ним, но несколько ниже было окно мансарды, которое должно было послужить для него входом в здание, где располагалась компания „Авалон Лтд“. Проблема была в том, что окно находилось ближе к краю крыши, выходящему на площадь, чем это ему хотелось бы. Николас рассчитал, что понадобится от двадцати до тридцати секунд, чтобы открыть окно и влезть в него, но гораздо больше, если там установлена сигнализация. В течение всего этого времени он будет на виду у проходящих по площади людей. Было бы глупо ожидать, что за это время никто не взглянет вверх. Поэтому он исходил из того, что кто-либо сделает это. Трюк состоял в том, чтобы он был как можно менее заметным.

Он был одет во все тускло-черное. Уходя из комнаты гостиницы, Николас взял карандаш Челесты для подкраски ресниц и теперь намазал им щеки, нос, лоб и кончики ушей, а также тыльную часть кистей рук. Достал из кармана два предмета и закрепил их на свои ладони. Это были *некоде*, которые он сам придумал и сделал. Они представляли собой как бы кольчугу из легкой цепочки с бугорками, что позволяло ему цепляться за скользкие поверхности.

Николас лег на крышу головой вперед, прочно уперся руками в кровлю и стал медленно спускаться вниз.

Дождь барабанил по меди, разбрасывая мелкие брызги, блестевшие в свете фонарей. Его ноздри ощущали легкий запах окислившегося металла. Он полз, как его учили в раннем детстве, по методу, известному как Кагирри Нишики, когда в движении находится попеременно только одна рука или нога. Расстояние преодолевалось крайне медленно, так как дыхание должно было быть замедленным и соответствовать медитационному ритму, а все тело расслаблялось соответственно этому ритму. В таком состоянии распростертая человеческая фигура, уже искаженная ночными тенями и наклоном крыши, как бы расплывалась, она полностью теряла очертания человека.

Посмотревшему на крышу понадобилось бы пристально вглядываться какое-то время в то место, где лежал Николас, чтобы увидеть его движение. И даже тогда это едва заметное движение, по всей вероятности, было бы отнесено на счет голубей, прячущихся от сырой погоды, или же на дождь, стекающий по медной крыше.

Для Николаса время потеряло всякое значение. Он

был в полусознательном состоянии, которого достигают тибетские святые, когда они ходят по огню или гвоздям. Их сознание уходит внутрь, а чувствительность притупляется во всем теле.

Таким манером Николас добрался без осложнений до угла мансарды. Лучик его сознания освободился, а правая рука стала исследовать переднюю поверхность окна мансарды в том месте, где рама сходилась с переплетом окна. Мгновенно он насторожился.

Провод!

Система сигнализации! Хотя Николас был фактически слепым и окружен мраком, он почувствовал разломаченный конец изоляции и несколько дальше разрыв, который был неумело исправлен, с тем чтобы создать впечатление, что система сигнализации не повреждена. Он обнаружил затем, что оба конца провода не были соединены вместе, и понял, что, каким бы раньше ни было соединение проводов, его теперь больше не существует.

Применив *шурикен*, заостренную по краям тонкую стальную ленту, он открыл старомодный полукруглый запор на окне. Затем довольно долго лежал неподвижно. Со всех сторон до него доносились звуки городской жизни: голоса людей из бистро по ту сторону площади, хруст шагов по гравию, шипение колес проезжающих за пределами площади автомобилей и совсем близко прерывистое воркование устраивающихся на ночлег голубей.

Николас медленно, по сантиметру за один раз, поднял окно мансарды, затем скользнул в него сам. Его голова и плечи были уже внутри, когда он боковым зрением заметил яркую вспышку. Он замер мгновенно. Оставаясь в том же положении, он дал возможность своим зрачкам приспособиться к темноте. Затем повернул голову влево и снова ощутил вспышку, как бы отраженную от радужной оболочки его глаза. Тогда он догадался.

Его подбородок был в трех сантиметрах от тонкого, как нить, лазерного луча, более чувствительного и надежного, чем инфракрасный. Если какой-либо частью своего тела он прервет луч, включится сигнал тревоги. Неудивительно, что хозяева этого помещения не исправляли устаревшую систему сигнализации с проводами. Подоконник, на который опирался Николас, находился в трех футах от пола. Он видел запыленный стол с отражавшимся на нем уличным светом, падавшим через окно.

Если бы он мог спуститься на пол и растянуться на нем, он бы оказался ниже лазерного луча. Но дело осложнялось тем, что у него не было места для маневра, — он находился прямо перед лучом.

Теперь время было таким же его врагом, как и отсутствие пространства. Наполовину Николас был внутри и наполовину — снаружи, что делало его положение крайне уязвимым. Он не мог спуститься, не мог продвинуться вперед и не мог оставаться там, где находился.

Так что оставался только путь вверх. Николас подтянул торс, упершись ладонями, медленно втянул ноги через открытое окно, прижав колени к груди. Теперь он был похож на клубок. Сделав микроскопическое передвижение, он поместил ступни ног на оконное переплетение. При этом его нос чуть не коснулся лазерного луча. Он замер. Сердце как молот стучало в груди, усилился приток адреналина и вместе с этим смертельная опасность неумышленного движения.

Он обратился к помощи *праны*, медленных очищающих вдохов и выдохов, помогающих кислороду пройти до самых глубин легких. Закрыв глаза, он сконцентрировал все свои внутренние силы на то, что ему предстояло сделать. Николас открыл свой внутренний глаз таньцзян, восстановил в памяти комнату. Ее размеры стали более отчетливы, чем когда он смотрел на нее обычными глазами, так как темнота искажала размеры. Вверху было балочное перекрытие, расстояние от луча лазера до потолка составляло, вероятно, около трех футов.

Каждый раз, когда он применял в прошлом задуманный им маневр, в его распоряжении было по крайней мере такое пространство. Теперь он знал, что он должен будет использовать не более двух с половиной футов, иначе либо лбом, либо ногой он коснется лазерного луча.

Николас собрал все свои силы и углубился в Аксхара. Время распалось на десятки тысяч фрагментов и, подобно лунному отражению на воде, стало иллюзорным. Николас почувствовал биение *жохоро*, когда он вызвал силы Вселенной, глубоко упрятанные в его сущности. Он чувствовал захватившую его вибрацию, как пламя, бегущее по венам. Затем биение постепенно замедлилось и остановилось полностью.

Пора!

Он бросился вверх и вперед. Переворачиваясь, он почувствовал, что его голова коснулась на мгновение

потолка, чего было достаточно, чтобы изменить траекторию полета, укоротив ее. Своим глазом таньцзян он увидел опасность того, что одна из его ног прервет луч лазера.

Николас потянулся вверх, *нехоче*, надетые на его руки, впились в балочное перекрытие. Расставив ноги, он закачался на балке, как безумная обезьяна, затем услышал скрип, почувствовал на себе струйку опилок — это прогибалась балка, за которую он уцепился. Он предпринял отчаянный шаг. Продолжая раскачиваться, собрал силы, чтобы оттолкнуться и полететь снова. Балка, прогнувшись от протекавшей крыши, начала ломаться по-настоящему, опустив немного вниз державшегося за нее Николааса.

Тогда он оторвался от нее, пролетел вперед, кувыркаясь, в темноту комнаты, над лазерным лучом, который сверкнул перед его взором, над рубиновой иглой и очутился по другую сторону лазера, продолжая кувыркаться.

Он слепнулся о доски пола, перекатился на спину. Его голова все еще уходила в плечи, когда он встал на четвереньки.

Николас был в мансарде.

Челеста проснулась в темноте с мыслью: *„Я должна простить не мать, а своего отца“*. Она села на кровати, находясь в том странном переходном состоянии, когда человек, окончательно еще не проснувшись, не может определить, что реально, а что является еще продолжением сна. В этом состоянии она просидела не одну минуту.

Жизнь, в которой она только что жила, была до того, как убили ее отца. Было это жертвой? Так объяснил ей Оками-сан. Челеста не сказала ему, и он никогда бы этого не понял, что никакие объяснения не смогут примирить ее со смертью отца. Она не хотела никаких объяснений, она хотела, чтобы он вернулся.

Ее отец был настолько одержим Востоком, что Оками-сан часто в шутку говорил ему, что он больше японец, чем венецианец. Он видел суть проблем, а не их внешнее проявление, и решения, которые он принимал, часто ставили в тупик его соперников и помогли ему собрать небольшое состояние, которое сохранилось даже исходя из вздутых стандартов сегодняшнего дня.

Челеста сидела в темноте своего номера в парижской гостинице, не желая еще признавать реальность окружающей ее действительности. Многое она отдала бы за то, чтобы ее отец был снова жив и стоял сейчас около нее. Все, что угодно, даже жизнь Оками-сан. Она обязалась защищать его, потому что таким было желание ее отца. Но на самом деле она презирала Оками всей душой. Только настоящему венецианцу понятно, как можно спрятать так глубоко презрение, ничем не выдав его.

Оками пришел в их жизнь много лет тому назад, заманил их в гнездо гадюк, в мир, созданный им самим, который был наполнен враждебностью, старой, как многовековой дуб.

Он сразу увлекся ее мачехой-интриганкой. Челеста никогда не доверяла ей, презирала и одновременно боялась ее. Уроженка Сицилии, она была им чужой, но она обладала темной силой, способностью создать паутину скандала и обмана, в которую втягивался с печальным для него результатом любой, кто стоял на пути ее мужа.

Когда Челеста подросла, она поняла, что Оками помог мачехе. Вместе они приобрели власть, какую не смог бы иметь ее отец в одиночку.

Весь мир Челесты вращался вокруг ее отца. Она росла вместе со своей старшей сестрой, секретничая с ней в темноте до тех пор, пока постепенно она не сделала открытия, которым уже не могла поделиться.

Ей припомнилось, когда это случилось в первый раз. Она и ее сестра лежали на спине на пляже в Лидо. Был знойный летний день, когда толчея людей на площади Святого Марка делает почти невозможным какое-либо продвижение, когда исторические стены почти исчезают за морем человеческих голов.

Ее сестра, уставившись в медленно плывущие облака, улавливала в них очертания грифона, влюбленной парочки, бьющей копытами лошади. Челеста сконцентрировала свое воображение, пытаясь также увидеть фантастические фигуры, которые описывала ей сестра.

Но она увидела тонущего человека — погруженную во мрак маленькую черноволосую голову с лицом, повернутым к небу, которая поднималась вверх и вниз в океане. Потом она увидела набегавшую волну с такой отчетливостью, что у нее захватило дыхание. Челеста почувствовала, что и она не может больше вдохнуть воздух в свои

легкие. Тогда она вскочила и побежала. У нее кружилась голова, ее качало, как пьяную. Она устремилась вдоль мокрой береговой линии, перепрыгивая через купальщиков, которые поворачивали к ней свои потные, намащенные лица, с раскрытыми от изумления ртами и выпученными глазами.

Куда она бежала? Она не имела никакого представления. В ее голове была только одна мысль — чем быстрее она побежит, тем ближе будет к... тому происшествию. Ей казалось, что ее шаги пересекают не пространство, а время, приближая ее к видению тонущего человека.

Вдалеке она заметила волнующуюся толпу людей. Молодые люди забирались в набегавшие волны, что-то крича друг другу, прыгали в попытке перебросить свое тело за линию, где волны, ударяясь, разбрасывали белую пену, и добраться до темного предмета в море. Действительно тонул человек.

Челеста почувствовала, что ее сейчас вырвет. Чувство смерти было так ошутимо, что на какое-то мгновение ей показалось, что смерть более реальна, чем жизнь. Сильнейшее чувство перемещения ударило по ней с такой силой, что она споткнулась, ощутила себя на мгновение в бесконечности, сразу в двух местах и в то же время ни в одном из них целиком. Она упала, ноги и руки ее не слушались, не получая больше нужных команд от ее оцепеневшего мозга...

— Николас!

Челеста, оставаясь в кровати в парижской гостинице, протянула руку в темноте к тому, кто, как она надеялась, находится рядом с ней. Она взглянула на пустое место... вновь ощутила перемещение и увидела его. Она знала точно, где он находится, так как сама была там же. Она почувствовала страх и отвращение. В последнее хрупко-хрупкое мгновение перемещения она ощутила присутствие врага, который находился в городе на расстоянии не более восьми футов от Николаса и, притаившись, дожидался его в темноте.

— Николас!

Николас пробирался в темноте по зданию, где находилась таинственная фирма „Авалон Лтд“. Старое здание, казалось, дышало, как живое, находящееся в полусне, и было опасно разбудить его.

Он выбрался из мансарды, куда проник с крыши. Очутился на узкой деревянной площадке. Открыв свой глаз таньзян, он увидел прямо перед собой лестницу с крутым уклоном. Николас начал спускаться, бесшумно как кошка, повернувшись боком, с тем чтобы ступни его ног вставали целиком на каждую ступеньку, а его вес распределялся равномерно по возможно большей поверхности ступенек и обе ноги несли одновременно одинаковую нагрузку.

Дойдя до середины лестницы, он остановился, затаил дыхание и стал прислушиваться, включив снова свой внутренний глаз таньзян. До него доносились шум дождя, хлеставшего по окнам, хлопки незакрытой ставни, стучавшей от порывов ветра по фасаду здания, и больше ничего.

Николас, однако, испытывал теперь страх. Он вспомнил о сверхъестественной власти Мессулете и понимал, что их силы неравны. Прошлый раз ему повезло, потому что он застал Мессулете врасплох. Теперь же у него не было иллюзий, что он сможет сделать то же и в этот раз.

Было время, когда Николаса ничто не пугало. Но это было еще до постижения Тау-тау, до того, как таньзян превратил его мозг в *широнинья*, заблокировав все его силы. Физически он оправился и фактически узнал благодаря этой процедуре о своем наследии таньзян. В его душе осталась глубокая тень. Теперь он понимал могущество Неизвестного, в отличие от того времени, когда был моложе и более невежествен. Его *сенсей*, единственный человек, которому он доверял всю свою жизнь, оказался врагом, и в самой глубине его существа поселился ужас от мысли, что то, чему научил его Кансацу, в какой-то степени, которую еще предстояло выяснить, является враждебным ему.

Неизвестное!

Мессулете представлял собой Неизвестное, и он поджидал там, где-то под дождем, в парижской ночи. Встреча с ним сегодня днем подтвердила подозрения, которые не покидали Николаса с тех пор, как Мессулете провел его и Челесту в палаццо, где вызвал воображением мост Канфа, а именно, что у Мессулете была другая задача. Вероятно, его в самом деле послали убить Оками, как полагала Челеста. Но, хотя Оками и исчез, пока не было еще никаких данных, свидетельствующих о том, что он убит. Более того, создавалось впечатление, что сейчас

Мессулете свое внимание сконцентрировал на них. Конечно, теперь, когда Оками так или иначе не стоит на пути, было бы естественно полагать, что он займется теми, кто поклялся охранять Оками.

Но случай с мостом Канфа мог произойти до исчезновения Оками. К своему удивлению, Николас не мог избавиться от этой привязавшейся к нему мысли. Чем больше он прокручивал ее в уме, тем меньше смысла в ней оставалось, учитывая общую обстановку, в которой ему приходилось действовать.

Вернемся к самому началу. Если Оками был приговорен к уничтожению предателем *оябуном* якудза, тогда какого черта убийца преследует Николаса и Челесту? Зачем тратить попусту время и подвергать себя потенциальной опасности? Если он спрятал Оками, то почему не убил его и не покончил с этим делом?

Два варианта, вызывающих дрожь, пришли на ум Николаса: или задачей Мессулете не было убийство Оками, или же Мессулете не захватил Оками. В первом случае получалось, что Оками лгал им, во втором — что он совершенно неправильно оценивал ситуацию. Ответы и на тот и на другой вопрос неизбежно приводили к ужасному заключению.

Наполненный мрачным предчувствием, Николас спустил на площадку лежащего ниже этажа и начал тщательно осматривать находящиеся там комнаты. То, что он увидел, удивило его. Здесь не было мастерской по изготовлению масок, не было также никаких принадлежностей, которые предназначались бы для изготовления масок ручной работы. Он без колебаний сказал бы, если бы его спросили, что находится в помещении компании, занимающейся вложением капиталов.

В тусклом свете, проникающем через окна с площади Вогезов, он мог различить ряды телефонов, факсов, компьютеров, выстроившихся как молчаливые и призрачные стражи. Виднелись письменные столы, стулья, все принадлежности, присущие конторам, за одним исключением — здесь не было шкафов с деловыми папками.

Николас подошел к одному из компьютеров, включил его. Какое-то время он молча смотрел на мерцающие оранжевые знаки на экране. Необходим был код-пароль, который следовало ввести в систему. Это само по себе вряд ли было чем-то особенным. Станным было то, что он смотрел на строчку *канжи* — японских иероглифов.

Николас выключил компьютер, убедившись теперь, что „Авалон Лтд“ была не тем, за что она себя выдавала. Он вспомнил, как Форново говорил ему, что эта компания была продана пять лет тому назад какой-то иностранной компании, которую никто не мог назвать точно.

Что же здесь теперь?

Он не имел никакого представления, но было ясно, что компания продана японскому концерну.

Николас замер. Боковым зрением он заметил едва уловимое движение, отразившееся на слегка выпуклом стекле экрана компьютера. Медленно, подобно призраку, он опустился на колени, одновременно поворачиваясь в направлении этого движения. Там ничего не было.

Не торопясь, Николас исследовал взором все пространство, разглядывая каждый предмет, стараясь определить, что это такое; если это ему не удавалось, его взгляд вновь возвращался к этому предмету. Таким образом он оглядел все вокруг, оставаясь в неудобном положении довольно долгое время, и ждал.

Он вновь заметил движение, теперь уже почти в центре его поля зрения. Оно отражалось на темном экране компьютера. На этот раз он мог определить, что это было скользящее по экрану отражение от фар проезжавшего автомобиля. Николас ухватился за край стола, на котором находился пульт управления компьютером, и встал на ноги. Подушечкой большого пальца он почувствовал, что нижняя поверхность стола имела другую структуру. Нагнувшись, он просунул под стол голову и увидел квадратную пластиковую кнопку, врезанную в поверхность стола. Протянув руку, он нажал на кнопку, но она не сдвинулась с места. Тогда он заметил, что рядом с ней находится запор, также укрепленный в столе, который не позволяет кнопке выйти из углубления.

Николас вытащил *шурикен* и вставил стальную полосу в запор. Через мгновение кнопка подалась под его пальцем. Но это не имело никакого результата. Тогда он откатил стул, отодвинул пластиковый коврик и обнаружил отверстие в ковре. Оттуда он вытащил коробку с дюжиной гибких дисков диаметром в три с половиной дюйма. На коробке был написан ряд цифр.

Он включил компьютер, взял первый гибкий диск и вставил его в дисковод „А“. Когда потребовалось ввести код-пароль, он набрал записанный на коробке набор цифр. Система отвергла его. Он набрал цифры в

обратном порядке. Результат был таким же. На экране компьютера появилось предупреждение, что, если не будет введен правильный код в течение тридцати секунд, зазвучит внутренний сигнал тревоги.

Николас выключил компьютер и сел, уставившись на пустой экран и обдумывая, каким образом добраться до вложенной в него информации. Он перевел ряд цифр в буквы латинского алфавита и вновь включил компьютер, чтобы попробовать этот вариант.

Компьютер заработал, на экране стали сменять друг друга изображения. Он забыл вытащить гибкий диск из дисковода „А“, и компьютер стал считывать с него, вместо того чтобы брать информацию с встроенного диска в дисководе „С“. Экран напомнил ему о необходимости срочного введения цифрового ряда, и Николас набрал тот, который был на коробке с гибкими дисками.

На экране появилась картотека вложенной информации. Николас остановился на первой папке. У него было, вероятно, секунд по десять, чтобы прочитывать то, что появлялось на экране: даты доставки для отправки морем китайских истребителей типа „F“, русских бомбардировщиков „Туполев-22М“, танков „Т-72“, противовоздушных ракетных установок „SAM-13“, американских истребителей „F-15“, сверхзвуковых реактивных самолетов „Локхид SR-71“, огнеметов с компьютерным управлением „Баджер“, ракет „Питон-600“, ручных противотанковых базук „Дейраел“... Казалось, что список бесконечен.

Получалось, что компания „Авалон Лтд“ была своего рода агентом, посредником между снабженцами, обозначенными числовыми кодами, и покупателями из Ирана, Ирака, Афганистана, с Балкан, с новых театров военных действий во всем мире, возникающих на этнической почве.

Затем, в самом конце списка, его внимание привлекла краткая строчка странных изображений. Он нажал кнопку „помощь“, и изображения превратились в два слова: „СДЕЛАН ЗАКАЗ“. Это, очевидно, означало, что этих предметов еще не было в наличии.

Николас покрутил до конца набор изображений, нажал входную кнопку и прочитал: „ФАКЕЛ 315“.

Какого дьявола это означало?

Через десять секунд его мир стал разрушаться. Крах был бесшумным, своего рода психический коллапс. У Николаса пронеслось в голове: „Я его не почувствовал“.

Это был Мессулете!

Николас не слышал биения мембраны *кохоро* и был почти уверен, что в данный момент, по крайней мере, он был в безопасности.

Он запатался под натиском врага, развернулся, вращал своим внутренним глазом таянцая в бесплодной попытке обнаружить местонахождение Мессулете. Как и в прошлый раз, он полагал, что его единственный шанс выжить в том, чтобы встреча с врагом состоялась в физической близости к нему. Предпочтительнее было бы, чтобы это произошло на расстоянии вытянутой руки, но достаточно было бы и расстояния, позволяющего запустить в него то, что могло бы поразить его.

Но, как он и подозревал, Мессулете не было поблизости. Николас застонал, опускаясь на четвереньки. Черная тяжесть охватила его сознание, заморозила его чувства, лишила его способности рассуждать. Весь мир в его ощущении пришел в хаотическое состояние, еще больше сжался и превратился в острый клинок блестящей стали, конец которого начал протыкать полушария его мозга.

Он умирал, даже не имея возможности посмотреть в лицо своего противника. Ему не были известны ни его имя, ни то, кем он был на самом деле. Он не мог даже представить себе причину совершаемого на него нападения. Но смерть приближалась, и это стало единственным, в чем он был уверен в этой теснине рухнувшей на него Вселенной.

— *Николас!*

Он попытался сосредоточиться, собрать свои силы на *кохоро*, но дорога туда была заблокирована, перегорожена как бы колючей проволокой, которая отбрасывала его, когда он пытался ударить по мембране в центре Вселенной.

Аксхара была неэффективной, и снова сомнение в себе, коварное, как вирус, пронзило его. Тренировки Кансацу содержали в самой своей сути семена разрушения Николаса. Было похоже, что Кансацу, чья душа была деформирована Ксирой, планировал неизбежность поражения. Кансацу был великим обманщиком, ткачом, который ткал интриги внутри других интриг, и не было ничего удивительного, что он придумал план, как разрушить Николаса, даже находясь в могиле.

— *Николас!*

Аксхара учила, что имеется семь путей к *кохоро*. Все

они блокированы, и теперь страшное давление в голове Николаса сделало его слепым и глухим. Ужасный звук, напоминающий вой стаи голодных волков, вызвал кровотечение из ушей. Дыхание становилось горячим, как если бы он был брошен в горящую печь.

Красные фигуры проносились через черную сетку его искаженного сознания, жуткие изображения существ в капюшонах кривлялись, проходя через его лихорадочный мозг, неестественные картины, vyplывающие из зари человечества, родовые инстинкты проскальзывали через джунгли боли и раскалывающее череп давление.

— *Николас!*

Бежала вода, звуки, подобные звону колоколов, пробивались через завывание, нарастал ураган. Но вот появилась тоненькая ниточка тишины, радужная и иллюзорная, как крыло какого-то насекомого. Ничего не видя, Николас потянулся к ней, но не достал. Вой усилился, неистовство урагана угрожало полностью захватить его, холодная рука смерти протянула свои костяные пальцы к его дыханию, лишая его...

— *Николас!*

Он услышал ее, понял ее намерение, говорил с ней мысленно, хотя испытывал сильное головокружение и смертельно устал.

— *Здесь...*

Это было все, что он мог произнести.

Ниточка опустилась. Она была линией жизни в окружающем его хаосе. Она прошла через его существо, обвилась вокруг него, отбросила руку скелета, уменьшила рев текущей энергии, вытянула его из бездны, которая открылась под ним, бездны, которая была ниже *кохоро*.

Теперь Николас увидел, куда завлекла его, ослепленного, атака неприятеля. Он находился прямо под *кохоро*. Вот почему семь путей к *кохоро* оказались заблокированными. Он потянулся кверху и начал совершать ритуальные позванивания колокольчиками, устанавливая ритм в центре мироздания, который превратит мысль в действие.

Он позволил закрыться и уснуть своему глазу таньзян, зная теперь, что психический ураган, который вызвал Мессулете, сделал его сейчас ненадежным. Открыв естественные глаза, Николас увидел Челесту, притаившуюся и дрожащую от испуга, но тем не менее протягивающую психическую нить, которая и спасла его.

А за ней находился Мессулете.

В этот мучительный момент кризиса заявила о себе та последняя грань правды, которую он тщательно скрывал от себя, — он не мог позволить, чтобы с Челестой случилось что-либо. Он был потрясен, он любил ее.

В это время до его ушей донеслось шуршание, похожее на звуки, издаваемые насекомым, попавшим в паутину. Его внимание отвлеклось на мгновение, а глаза увидели яркую вспышку, отчаянно посылавшую сигналы в его сознание. Из темноты вылетел со свистом кинжал, брошенный прямо в его грудь.

Во всех отношениях Рената Лоти была женщиной, обращающей на себя внимание. Ей было лет семьдесят пять. Она была высокая, стройная, без каких-либо внешних признаков дряхлости, которые обычно годы накладывают на женщин ее возраста. Ее спина не была согнутой, в руках не чувствовалось никакой дрожи, в походке не было никаких признаков слабости. Легкое, но заметное прихрамывание не сказывалось на ее подвижности или выносливости.

— *Она ловкая и умная, —* сказал ему торговец оружием Делакура, *— что редко бывает в людях, особенно в женщинах. Она — пользующийся влиянием продавец, специализирующийся на торговле в Азии. Это то, что вам нужно.*

Гаунт встретился с ней на углу Конститушон-авеню и Семнадцатой улицы, по другую сторону овала, составляющего фасад Белого дома. Он испытывал то странное ощущение, которое охватывает человека в столице, а именно, что ты находишься где-то в загородном парке, а не в центре городской суеы. Широкие открытые пространства создают прекрасную основу Вашингтона, где соперничают друг с другом небо и величественные сооружения из камня и железа.

Позади Гаунта возвышалось здание ОАГ* в стиле ренессанс с тремя арочными входами, массивными бронзовыми воротами и любопытной статусей, представляющей соединение двух Америк, Северной и Южной, и свидетельствующей о полной несовместимости двух культур.

У Ренаты Лоти было лицо сильной и решительной

*Организация американских государств.

женщины, которая знает пути в коридорах власти, имеет четкое представление о себе и своей цели в жизни. Если она когда-либо и перестала быть доверчивой, столкнувшись с жизненными разочарованиями, то с того времени прошло очень много лет. Она никогда не проявляла цинизма уставшего от жизни человека или неубедительного шовинизма, которыми пропитаны политики Вашингтона. С крупным носом, высокими скулами, глубоко посаженными лазоревыми глазами, твердой линией подбородка она была женщиной, с которой должны были считаться всегда и везде. У нее были коротко остриженные волосы цвета платины, что, наверное, было несколько необычным для женщины ее возраста, но соответствовало ее сильному характеру.

Одета она была в черный костюм, спитый из шелкового букле, черные туфли из кожи аллигатора. В ее руке была гармонирующая с одеждой сумка, на плечи накинута модное короткое черное замшевое пальто. На ней не было дорогих украшений, за исключением кольца с неограненным сверкающим рубином на безымянном пальце левой руки, где обычно носят обручальные кольца.

— Мистер Гаунт?

Он кивнул. Рената Лоти улыбнулась, показав на миг мелкие белые зубы.

— Очень любезно с вашей стороны встретиться со мной так быстро.

Он пожал протянутую ею руку.

— Я знала вашего отца. Это был человек, которым можно гордиться. — Она негромко засмеялась. — Кроме того, я была на очень скучном спектакле, когда вы меня вызвали, я уже и сама думала о том, чтобы уйти. Вы предоставили мне хорошее оправдание для ухода.

Ее голова склонилась набок, как у молодой девочки, оценивающей мальчика, впервые пришедшего в класс.

— Вы говорите, что номер моего телефона вам дал Тимоти?

— Да, Тимоти Делакура, — подтвердил Гаунт, и они пошли вдоль тротуара. Рената предложила сесть на скамейку в саду, разбитом около здания ОАГ.

— Он сказал, что вы, может быть, являетесь единственным человеком в Вашингтоне, кто в состоянии помочь мне.

— Очень лестно. — Ее лицо стало серьезным. — Я знаю Тимоти давно. Он никогда не преувеличивает.

Гаунт рассказал ей об интересе, который проявляет сенатор Бэйн к „Томкин индастриз“ и к Николасу, в частности. Закончил он словами:

— Делакруа сообщил мне, что он имеет дела с „Сато-Томкин“ через нашего директора в Сайгоне Винсента Тиня. Если это так, если мы как-то причастны к поставкам оружия, тогда я подозреваю, что у Комиссии Бэйна уже имеются доказательства этого. Эта компания — мертвое дело. Николасу грозит заключение в Федеральную тюрьму на всю оставшуюся ему жизнь.

— Я знаю все относительно Тиня, — заметила Рената. — И считала, что он стал директором „Сато-Томкин“ в Сайгоне в результате какой-то интриги. Всегда хотела выяснить, кто все это подстроил.

Гаунт сразу наострил уши.

— Что вы имеете в виду?

— То, что вы сообщили о Тине очень плохие новости, фактически хуже некуда. Он ловок, умеет проворачивать дела в Юго-Восточной Азии вовремя и правильно. Это впечатляет. Но он настоящий предприниматель в самом плохом значении этого слова — он будет заниматься чем угодно и где угодно, если увидит, что это принесет прибыль.

— Компании?

— Ему самому. — Рената задумалась на минутку. — Я незнакома лично с мистером Линнером, но вы можете догадаться, что в своей области я много слышала о нем от очень большого количества людей. Они говорили, что он обладает тем, что японские самураи называли *буши но насаке* — нежностью воина.

Ее глаза, ясные и блестящие, не поблекшие от времени, посмотрели на движущиеся по Конститушьян-авеню автомобили.

— Мне говорили, — сказала она задумчиво, — что у него прекрасная интуиция. Вы согласны с этим, мистер Гаунт?

— Да, полностью.

Рената кивнула, как если бы получила ответ, который она предвидела.

— Я считаю невероятным, чтобы он нанял на работу Тиня по своей воле, кто-то должен был продать ему Тиня.

— Это интересно, — подтвердил Гаунт с возбуждением. — У меня все время было подозрение, что Николаса и компанию подставили под гильотину Бэйна.

— Рэнс Бэйн подобен раку, распространяющемуся по больному телу, — заметила Рената. — Он сейчас занимает командные позиции несмотря на то, что сенатор Брандинг и оппозиция предпринимают большие усилия, чтобы установить над ним контроль. У него крепкая база власти, даже те, кто презирает его, вынуждены считаться с ним. Так что я бы советовала вам проявлять осторожность в разговорах. У Бэйна много друзей в Вашингтоне в данный момент, и не все они открыто говорят об этом.

Гаунт кивнул головой.

— Спасибо за предупреждение, но я не новичок здесь и знаю, когда надо держать язык за зубами.

— Все же вы подвергаете себя опасности, если намерены продолжать заниматься Винсентом Тинем. Тимоти не знает и половины того, чем занимается Тинь. Поставки краденого оружия — это только верхушка айсберга, если судить по прошлому Тиня. Наркотики, запрещенное химическое оружие, секретные военные технологии — все это входит в круг его деятельности и приносит ему целые состояния.

— Если так обстоят дела, — поинтересовался Гаунт, — зачем ему легальная должность с зарплатой в „Сато-Томкин“?

— Несомненно, это ему удобно. Законность бизнеса и посредническая работа, которую он выполняет для компании, — и я полагаю, что делает он это довольно хорошо, — предоставляют ему прекрасное прикрытие для проворачивания своих собственных дел. Сегодня выгодно не особенно вылезать на свет с делами такого сорта, которые Тинь любит больше всего.

— Если кто-то подставил нас, я должен найти его, — твердо заявил Гаунт. — Это единственный шанс для нас выбраться из всего этого живыми.

Рената молчала так долго, что он забеспокоился.

— О чем вы думаете?

Она вздохнула, повернула голову и посмотрела на него.

— Я знаю, что здесь слишком много посторонних глаз. Давайте пройдемся.

Пошел дождь, но Ренату, казалось, это не беспокоило, она лишь застегнула пальто. Они оставили овал Белого дома позади, пересекли Конститушн-авеню и вошли в Западный парк Потوماка. Когда дорога стала спускаться

вниз, Гаунт сообразил, что они направляются к Вьетнамскому мемориалу. Он почувствовал запах, исходящий от воды приливного бассейна, который был южнее зеркального каскада искусственного бассейна. Он вспомнил все то хорошее и плохое, что испытал во время прошлого пребывания в этом городе.

Шум движения по широкой авеню справа от них постепенно уступил место ночному ветру, шепчущему что-то последним неопавшим листьям на деревьях. Рената Лоти не испытывала каких-либо затруднений от преодоления спуска. Пожалуй, наоборот, она явно получала удовольствие от прогулки, и они шли, не снижая темпа. Опавшие листья под их ногами издавали приятный шелест, который напоминал Гаунту о влажных осенних днях, испарении от земли, покрытой оранжевыми и золотистыми листьями.

Он думал об умершем отце, о своем пребывании в этом городе, о том, что раньше его топтал этот город, а теперь он поднялся, чтобы победить его. Это было своего рода утешением, и впервые со времени своего возвращения он был благодарен судьбе, вопреки его желанию вновь приведшей его сюда.

Рената, с опущенной головой и руками, засунутыми в карманы, казалось, полностью погрузилась в размышления. Капли дождя блестели, как бриллианты, в ее волосах. Наконец она сказала:

— Мне кажется, что для вас самое лучшее пойти прямым путем, так как это единственная возможность выяснить, кто навел Николаса на Винсента Тиня. — Она замолчала, и можно было видеть, как пар выходит из ее полураскрытых губ. — Проблема, однако, в том, что этот путь самый опасный.

Внезапно его осенила мысль, что подсказка Делакруа была хорошей. Рената действительно была необыкновенным человеком. Гаунт почувствовал, что доверяет ей, ее острому уму, и его слегка кольнула зависть к тому, кто был ее мужем или любовником.

— Думаю, что в Вашингтоне есть человек, который это знает, — продолжала она, — но обращение к нему по такому вопросу представит большую опасность.

Они подошли к первому крылу стены из блестящего черного мрамора, на котором были выбиты имена погибших. Дождь хлестал по монументу, отдельные капли стекали по его гладкой поверхности, как слезы по щекам.

Рената остановилась и глядела неподвижно на стену. У ее ног в основание мемориала был вставлен маленький американский флажок, который развевался на ветру. На дорожке, выложенной камнем, были рассыпаны лепестки роз, опавшие от букетов. Рената приблизилась так близко к Гаунту, что выдыхаемый ею воздух падал на него маленькими облачками пара.

— Помните, я говорила вам, что в Вашингтоне есть люди, которые тайно поддерживают Бэйна? Этот человек один из них. Он занимает высокий пост в иерархии Бэйна, но как невидимка. Публично же он проповедует другую философию.

Ее глаза, сейчас темные и отражающие свет, казалось, были высечены из той же вулканической глыбы, что и мемориал позади нее.

— Он может оказаться уязвимым, так как иногда бывает неосмотрительным в сексуальной жизни. Совсем недавно я наткнулась на несколько великолепных фотографий, но ждала подходящего случая, чтобы использовать их против него. Кажется, наша встреча и является тем самым случаем.

Ночью, наполненной дождем, Рената выглядела моложе на много лет. Гаунт находил ее желанной и вдохновляющей, что было сильно действующей на воображение комбинацией. Глядя на нее в этом ночном сиянии, он вспоминал виденный им ранее портрет Лукреции Борджиа, сестры Цезаря. Обе они были незаконнорожденные, а, по популярной теории, этот фактор играет доминирующую роль в появлении у них впоследствии страсти к власти. Гаунт представил себя на мгновение в роли, которую он вообразил для нее.

— Этот человек связан с нервным центром всей машины Рэнса Бэйна, — продолжала Рената, — и, если вы используете информацию, которую я вам дам, вы узнаете у него то, что вам нужно.

Сильным указательным пальцем деловой женщины она смахнула со щеки дождевую воду. Ноготь, обрезанный коротко, как у мужчины, был покрыт бесцветным лаком.

— И кто знает, возможно, из-за этого станет разваливаться вся грязная машина, созданная Бэйном.

„Вот шанс спасти компанию!“ У Гаунта от открывающихся возможностей закружилась голова. Всего несколько часов назад он собирался броситься от отчаяния в

Потомак. А теперь, посмотрите, что дало ему его самостоятельное расследование, — вероятность обнаружить обман и средство доказать это.

— Скажите мне, — проговорил он, слегка задержав дыхание. — Как зовут этого человека?

Дождь, стекавший по ее лицу с бледной кожей, делал его похожим на изваяние из мрамора.

Она коротко ответила:

— Уильям Джастис Лиллехаммер.

НЬЮ-ИОРК / ТОКИО / ВАШИНГТОН / ПАРИЖ

— Я должна признаться во всем, — сказала Маргарита. — Но только вам, а не федеральному правительству. — Она взглянула прямо в лицо Кроукеру. — Из всех людей, которые встречались мне в жизни, я доверяю только вам. — Она прислонилась головой к его плечу. — Боже мой, как патетически это звучит, даже для меня самой. Я почти вас не знаю. Что я сделала со своей жизнью!

— Вы говорили, что, когда вышли замуж, вы точно знали, что вам надо.

— Да, я говорила. Но кто я сейчас? Я не узнаю себя. Все, что я когда-либо хотела, потеряло всякое значение.

Они находились в ее „лексусе“ где-то в сельской местности штата Коннектикут, оставив Франси у приятельницы Маргариты, разведенной и работающей консультантом у себя на дому. Это была умная женщина, шотландка по фамилии Муирфилд. Она была заядлой теннисисткой и обещала научить игре в теннис Франси.

— Я хочу поблагодарить вас, — обратилась к Кроукеру Маргарита. — Вы произвели неизгладимое впечатление на Франси. Я беспокоилась, что она не позволит вам уехать оттуда.

— Она — сильная девушка, — ответил Кроукер. — После всего, через что ей пришлось пройти, она еще хочет жить.

— Боюсь, что я исковеркала обе наши жизни.

Некоторое время они ехали молча. Потом он рассказал о своей дружбе с Николасом, потому что думал о нем. Как они повстречались, когда оба искали следы челове-

ка, который оказался двоюродным братом Николаса, Нинья Сайго, как они вновь встретились в Японии, когда Кроузер потерял руку. Пока он говорил, в его памяти воскрешались события прошлого, которые он как бы переживал заново. Это были противоречивые чувства. Он ощутил почти физическую боль, сознавая, как сильно ему недостает Николаса.

— Я завидую такой дружбе, — с грустью сказала Маргарита. Когда она заметила, что они двигаются в направлении Олд Уэстбюри, она запротестовала. — Нет, я не хочу домой. Я не могу теперь находиться там.

— Но ваш муж?..

— Мой муж не имеет значения, — сказала она, тщательно подбирая слова. — Сейчас я вижу, что так было всегда.

Она откинула волосы со щеки и повернулась к Кроузеру вполоборота.

— Лью, я хочу сказать вам то, чего я никогда не предполагала сказать кому-нибудь. Но тогда я не могла себе представить, что произойдет. Теперь я так напугана, что знаю — мне нужно сделать что-либо *реальное*, чтобы попытаться рассеять охвативший меня ужас. Иначе я знаю, что он погубит меня.

— Вы боитесь, что убийца вашего брата вернется за вами?

— Нет, — проговорила она прерывающимся от волнения голосом. — Я боюсь, что он *не придет* обратно за мной.

Они стояли у светофора в ряду других остановившихся машин, дожидаясь смены сигнальных огней. Когда загорелся зеленый свет, движение восстановилось.

Кроузер с силой выдохнул воздух, чтобы прояснить голову.

— Думаю, вам следует пояснить свои слова.

Маргарита кивнула.

— Это и еще многое другое, — прошептала она. — Но теперь поезжайте, Лью, и двигайтесь, пока не свернете с дороги.

Всю дорогу до Монток-Пойнт она, казалось, спала, погрузившись глубоко в сиденье около него. Ее голова была откинута назад, волосы рассыпались в беспорядке, короткая юбка вздернулась, частично оголив бедро. Она была похожа на девочку из местечка Хеллз-Китчен, за которой он ухаживал однажды летом, когда путем обмани-

на ему удалось попасть в лагерь для обездоленных детей, чтобы спастись от невыносимой августовской жары в городе. Где-то в штате Пенсильвания, около небольшого городка с индейским названием, которое казалось смешным для мальчика его возраста, он натолкнулся на нее в пыльном, наполненном мухами маленьком сельском магазинчике. Они распили пятицентовую бутылку кока-колы, опустив монету в красно-белый автомат. И этот день тогда казался чудесным.

Невинность представляла бесценное сокровище для отчаянного паренька, каким был Лью Кроукер, запросто разбивавший головы и защищавший себя с помощью зазубренной бейсбольной биты на жестокой Западной стороне Нью-Йорка. Невинность для него была как мечта, достоинство, выходящее далеко за пределы его понимания, пока он не встретил Ребекку. И конечно, он тогда, в то лето, не понял, что это и есть невинность. Для этого понадобилось еще много лет.

Кроукер разбудил ее, когда они были к востоку от Амагансетта и проезжали через Нейпанг с его безмолвной величественной картиной из песков, дикой сливы, низкорослых черных сосен и кустов роз. Это был узкий перешеек, соединяющий Ист-Хамптон с Монтоком. Опять индейские названия, подумал он.

— Скоро кончится асфальтовая дорога, — сказал Лью, и Маргарита пошевелилась. — Вы еще не проголодались?

— Подождите, — заметила она, уставившись в окно на захватывающий вид поднимающихся и опускающихся дюн.

Кроукер остановил машину около ветхого бара, торгующего моллюсками, вблизи покрытого камнями поля, где росла дикая слива. Он позвонил Лиллехаммеру, чтобы ввести его более или менее в курс последних событий, а также узнать, получил ли он из лаборатории результаты обследования места преступления. Ответила помощница. Когда он назвал свое оперативное имя, она просила его подождать. У Кроукера сложилось впечатление, что она вызывала Лиллехаммера по радиотелефону и что одному Богу было известно, где он находится и что он там делает.

Наконец он услышал голос Лиллехаммера:

— Вы были правы, когда говорили, что нам понадобится волшебник. Никаких отпечатков, даже смазанных, только те, которые принадлежат двум жертвам.

Его голос имел металлический оттенок, как если бы какой-то электронный аппарат вначале расщеплял на части его речь, а затем вновь собирал их вместе.

— Если бы мы имели дело с научно-фантастическим романом, — продолжал Лиллехаммер, — мы воспроизвели бы этого сукина сына из его генной цепочки, вырастили его ускоренным методом и не только узнали бы, как он выглядит, но и отправили его на поиски оригинала.

— Очень забавно, — сказал на это Кроукер. После событий этого дня он не был расположен к каким-либо шуткам. — Какую пользу нам могут дать эти фокусы с генной инженерией?

— Это шутка. Современная наука не собирается броситься к нам на выручку в этом деле. Но я узнал кое-что интересное о перышке, которое было найдено прилипшим к девушке. Оно принадлежало белой сороке. Согласно заявлению смитсоновского эксперта, которого мне удалось отыскать, эта птица очень редкая. Настолько редкая, что мне пришлось обращаться к шести орнитологам, прежде чем я смог получить ее описание. Она обитает на возвышенных местах в Юго-Восточной Азии. Ни в одном зоопарке, ни у одного человека, занимающегося выращиванием редких птиц, в этой стране нет такой птицы. Каковы ваши успехи?

Кроукер вкратце рассказал ему о своих шагах, принимаемых в отношении Маргариты.

— Это замечательные новости, гораздо большие, чем я ожидал. Продолжайте работать с ней. Она говорит, что этот парень Роберт с Востока, а белая сорока из Юго-Восточной Азии. Совпадает. — Лиллехаммер немного помолчал. В трубке раздавались похожие на тиканье часового механизма бомбы глухие звуки аппарата, исключая возможность подслушивания. — Великий аллах, если эта женщина де Камилло права и убийца испытывает какое-то влечение к ней, она сейчас является нашим лучшим другом. Держитесь крепко за нее. И не обращайтесь внимания на дерьмо, которое может выдавать ее муж. Если Тони Д. будет мешать, я окажу вам всю необходимую поддержку. Он — не Доминик Гольдони, и мы знаем, как обходиться с паршивцами такого сорта.

— Мне понадобится встреча с вами сразу, как я закончу работу с ней. Это будет завтра. Что вы предлагаете?

Наступила краткая пауза. Лиллехаммер обдумывал свои возможности.

— Забронируйте места на самолет коммерческой авиалинии, и я встречу вас обоих сам на вашингтонском аэродроме. Сообщите мне данные о рейсе, хорошо?

Кроукер согласился и повесил трубку. Вернувшись к машине, он повел ее по дороге к деревеньке Монток.

Он и Маргарита решили поехать за городом. Они остановились у бывшего раньше средних размеров ресторана Госмана, с видом на причалы, к которым подходили лодки рыбаков. Теперь он разросся в целый городок с несколькими ресторанами, магазинами, пешеходными дорожками.

Они уселись за стол около одного из огромных зеркальных окон, из которого открывался вид на гавань. В это время года громадный ресторан был почти пуст. Чайки, ставшие наглыми и разжиревшими благодаря подачкам от посетителей Госмана, носились, хрипло крича, над темными водами, как если бы это был разгар лета.

Некоторое время они молча пили заказанные напитки. Несмотря на желание сблизиться с Маргаритой, чтобы добраться до убийцы Доминика Гольдони, Кроукер сдерживал себя. Это было нелегко. Вот здесь, прямо перед ним, сидит тот, кто является единственным связующим звеном с человеком, убившим Гольдони. У Лью было предчувствие — качество, которое родилось в нем в джунглях нью-йоркских улиц, — что, если она не сможет или не захочет помочь ему, этого человека не удастся найти никогда, какие бы усилия ни предприняли он и Лиллехаммер. Он знал, что Маргарите хотелось рассказать ему все, что ей пришлось испытать с тех пор, как она и Франси были похищены, и это были ужасные, трагические происшествия. Кто знал, хватит ли у нее силы воли или глубины веры в него, чтобы вытащить все это снова на свет божий? Он совсем не был уверен, сумел ли бы он сделать это сам, если бы оказался на ее месте.

Маргарита допила свой напиток и оставила на пустой стакан.

— После того как он отпустил нас, — произнесла она медленно, почти отрешенным голосом, — когда все это кончилось... то, что он сделал с Домом... когда я привезла Франси домой... — Ее печальные глаза взглянули на Кроукера. — Я поняла, что это еще не все.

Она глубоко вздохнула, и Кроукеру представилось, что она инстинктивно уперлась пальцами ног в землю,

как это делают отдыхающие на морском пляже, когда на них обрушивается приливная волна, готовая утянуть их за собой в море.

— Видите ли, что-то произошло между ним и мной, что... я не думаю, что он заранее предусмотрел это. Он появился здесь для того, чтобы, используя меня, добратся до Дома, и это ему удалось. Но произошло еще что-то на дороге однажды ночью, своего рода... не знаю, как выразить это... своего рода смена ролей. Он предоставил мне возможность убить его, и я ею воспользовалась. Но ничего не получилось. Он заменил лезвия бритвы, и то, которое я взяла, не имело острого края. Он заявил, что это не имеет значения, и был прав. Я пыталась убить его, и я бы это сделала — именно это и было важно для меня знать. Тот акт... пробудил во мне решимость, о которой я никогда даже не подозревала.

Маргарита облизнула губы. Кроукер заказал еще по порции спиртного. Когда напитки принесли, он напомнил ей:

— Вы сказали что-то о смене ролей?

Она кивнула.

— Да, видите ли. Это как бы он дал мне... силу и взамен отнял у меня что-то.

— Что именно?

Она отпила немного из стакана.

— Я не знаю. По крайней мере, не знала. Теперь я начинаю подозревать, что это могло быть на самом деле, и это пугает меня. — Она сделала еще глоток почти через силу, и Кроукер решил заказать побыстрее еду, как только сможет привлечь внимание официантки.

Маргарита обхватила голову руками.

— Я должна поговорить с кем-либо об этом. Удерживать это в себе для меня больше... невыносимо. Но кто поймет? Ни мой муж, ни моя дочь. И я не могу говорить об этом со своими друзьями. — Она подняла голову, ее глаза изучали его лицо.

„Что она хочет, — думал Кроукер, — понимания или оправдания?“

— Остаетесь вы, Лью, потому что я не знаю, кто вы для меня или кем вы станете. Вы такая же неизвестность, какой стала и вся моя жизнь.

— Маргарита, что это? Что, вы боитесь, он отнял у вас?

— Мою способность ненавидеть его.

Кроукер видел, что она испугалась, не рассмеется ли он прямо ей в лицо. Так почти наверняка сделал бы ее муж, если бы Маргарита доверилась ему. После того как он видел тело Доминика Гольдони, ее страх совсем не казался ему смешным. Наоборот, он вызывал в нем какой-то внутренний холодок.

— Это как если бы мы были теперь с ним связаны духовно. Я не могу выбросить его из головы, я имею в виду не его лицо, а... Глубокой ночью я могу вдруг осязать *его запах, чувствовать его близость*, как если бы он в действительности был рядом со мной.

Кроукер поймал ее взгляд.

— Маргарита, я хочу, чтобы вы поняли кое-что прежде, чем мы продолжим разговор. Этот человек, который похитил вас с Франси и убил вашего брата, чрезвычайно опасен, и я думаю совершенно определенно, что вы единственный человек, кто может помочь мне отыскать его. Без вас я не смогу сделать ничего. Я должен знать, что могу рассчитывать на вас. Если это противоречит вашему...

— Я хочу помочь вам, — заявила она чуть-чуть слишком поспешно. — Мне *нужно* это. Я должна убедиться, что он не...

Она покачала головой, не в силах продолжать.

Кроукер подозвал официантку, заказал приготовленных на пару моллюсков и омаров. Моллюсков принесли почти сразу, в громадных блюдах. Они издавали аромат морской воды и водорослей. Маргарита ела их сладковатую мякоть медленно и с удовольствием. На ее лице вновь появились краски, и казалось, что к ней постепенно возвращается самообладание.

— Я без конца думаю о том, насколько я изменилась с тех пор, как он отпустил меня.

Она покончила со своей порцией моллюсков, оставила от себя блюдо, облизала один за другим пальцы, тщательно, как кошка.

— Откровенно говоря, мой брак был, к сожалению, неудачным. Между Тони и мной нет близости. Оценивая прошлое сегодня, мне не верится, что такая близость вообще была когда-либо. Что касается женщин, то Тони общается с ними только через посредство своего „петушка“ и кулаков. Общение с другими мужчинами ограничивается переговорами — в этом вся его жизнь. Когда я поднимала голос, он бил меня. Думаю, что, поскольку он

сицилиец, ему стало плевать на меня с тех пор, как родилась Франси. Почему не сын?

Она пыталась улыбнуться, но вместо этого получилась гримаса.

Подошла официантка, чтобы забрать посуду. Она дала им пакетики из фольги, в которых были бумажные салфетки. Маргарита захотела пива, и Кроукер заказал его для обоих. Официантка удалилась.

— Беда в том, что вы смирились, — сказал мягко Кроукер. — Я имею в виду с тем, что он бил вас.

Маргарита подняла на него глаза.

— Вы не женщина. Я не думаю, что вы поймете меня.

— Я стараюсь изо всех сил. Я слушаю вас.

Она задумалась. Какое-то время ее взгляд следил, как темнота опускается на воду. По проливу курсировала рыбацья лодка с зажженными огнями, перемещаясь в окне, как на экране телевизора, с одной стороны на другую.

— Дайте мне вашу руку, — спокойно попросила Маргарита. — Нет, не эту, а другую.

Он протянул свою биомеханическую руку.

Она взяла ее и стала смотреть на место, где естественная кожа соединялась с частями, сделанными человеком.

— Мир мужчин жесток, — сказала она, — а мир женщин... женщина недоумевает, почему вообще для равновесия нужно насилие.

— Но пассивность...

— Вы все еще рассуждаете, как мужчина. — Она ласково улыбнулась ему. — Пассивность здесь ни при чем. Мужчины ошибаются, думая, что, если женщины не видят смысла в насилии, они должны быть пассивными существами. Это просто неверно. — Она вскинула голову. — Но по крайней мере в одном важном отношении мужчины пассивны. Когда они стоят перед выбором, они всегда предпочтут статус-кво. Им ненавистны какие-либо перемены, и они ведут постоянную борьбу против них. С другой стороны, и женщины хотят стабильности. Если это желание исчезнет, то вы будете не женщиной, а совсем другим существом.

Принесли омаров и пиво. На Маргариту и Кроукера надели покрытые пластиком фартучки, которые завязывались сзади на шее. Маргарита взяла щипцы и начала раскалывать яркую оранжево-красную скорлупу клешни омара.

— Я стала понимать, что во мне существует что-то еще. Роберт, так он назвал мне себя, доказал мне это. Я была готова убить его. Теперь я здесь с вами. Я наконец способна сказать мужу „плевала я на тебя“ и чувствовать себя правой. Я смогла понять, как исковеркана была моя жизнь, когда я оставалась с ним. Я была не права, ища стабильности для себя и для моей дочери. Она больна булимией, и для этого есть чертовски важная причина. Она не глупая девочка и уже не ребенок. Она понимает, что происходит вокруг нас, чувствует несправедливость сильнее, чем взрослые. Может быть, я нанесла ей больший урон, чем кто-либо другой. Я считаю, что это Роберт помог мне открыть для себя эту важную правду. Можете вы это понять?

Кроузер не проронил ни слова во время ее монолога. Может быть, из-за съеденных моллюсков или от беспокойства в связи с тем, что произошло и что, по всей вероятности, еще произойдет здесь, если он правильно поведет дело, он потерял аппетит.

— Вы должны принять решение, Маргарита. Я полагаю, что вы решили помочь мне найти Роберта. Вы хотите снова с ним увидеться? Что можете вы получить от этого? Он — убийца, безжалостный, хитрый, возможно, не совсем в своем уме, во всяком случае чрезвычайно опасный. Вы остались живы после одной встречи с ним. Кто может сказать, что случится во второй раз?

— Он не причинит мне вреда.

— Как вы можете быть уверены в этом?

Маргарита постучала пальцем по груди, где находилось ее сердце.

— Я знаю это так же, как то, что я ем или дышу. Есть какая-то связь с ним так глубоко во мне, что она не поддается мысли или сознанию. Конечно, в этом нет никакой логики. Однако я в этом уверена.

Как ни странно, но он верил ей. Глядя в ее ясные глаза, он видел в них правду, которая глубоко его тревожила. Он почувствовал, что волосы на его затылке зашевелились, как если бы за его спиной внезапно возник человек, называющий себя Робертом. Кроузер переменял положение на стуле, испытывав внезапно какое-то неудобство.

Думая о том, что он и Лиллехаммер увидели в доме морской пехоты в Санта-Клауде, он обратился к Маргарите.

— Вероятно, вам следует хорошенько осмыслить, что Роберт сделал с Домиником.

— Вы думаете, я могу это забыть?

Она также не хотела больше есть, и Кроукер позвал официантку убрать все со стола. Маргарита подождала, когда та уйдет, затем продолжила.

— Но есть еще что-то, кроме смерти Дома, и я думаю над этим с тех пор, как вернулась из Миннесоты. — Она стерла с рук влагу и крошечные остатки розовато-белого мяса омара. — Я сказала вам, что хочу рассказать все. Это не был театральный жест. Я так решила.

Она наклонилась вперед. В ее лице чувствовалась некоторая напряженность.

— Помните, Франси говорила вам о своих посещениях дяди Дома, что она часто ходила со мной вместе, проводила время на кухне, дегустируя содержимое холодильника, где Дом держал мороженое? Интересно, задавались вы вопросом, что я там делала так часто?

— Вы были братом и сестрой, то есть это — одна семья.

Теперь искренняя улыбка озарила лицо Маргариты.

— О боже, Лью! Это то, что всегда говорил мне Дом, когда я выражала беспокойство, что мы проводим вместе слишком много времени. Он покашливал и говорил: „Конечно, *bellissima*, мы — это семья. Кто будет удивляться, что мы проводим вместе время? Не Тони, и, конечно, не фэбээровцы!“

Она допила пиво, но у Кроукера возникло подозрение, что она замолчала, чтобы собраться с силами. И он был прав.

— Видите ли, Лью, я думаю теперь, что мой брат знал, что он скоро умрет. Он стал готовиться к своей смерти за два года до того, как это случилось.

Кроукер сознавал, что она давала ему ключик для понимания главного, что она хотела посмотреть, сможет ли он отбросить логику, положиться на веру, необходимую для решения загадки. Он понимал, что ей действительно нужно найти человека, который смог бы занять место брата, кто мог бы положиться на нее, такую, какой она была на самом деле, а не увлекся только ее красотой, не дал обмануть себя ее женственностью. Она была от природы так умна, что она...

„Боже мой!“ Кроукер был внезапно поражен как ударом грома промелькнувшей у него мыслью, такой стран-

ной, дикой и противоречившей всякой логике, что у него возникло сомнение в ее правоте.

— Это были вы, — сказал он. — Все время это были вы. Джинни Моррис ничего не значила. Доминик нарушил правила ФПЗС для того, чтобы остаться в контакте с вами.

— Да, — подтвердила Маргарита, получившая явное удовлетворение от того, что он наконец все понял. — Я признаюсь. Это меня Доминик выбрал своим преемником. Он хотел, чтобы я действовала под прикрытием моего мужа, которого Дом официально назвал своим будущим наследником. Вот что означали мои посещения брата. Я знакомилась с его бизнесом, используя свою собственную компанию как прикрытия для его контактов, и при его поддержке переключала на себя объекты его влияния.

— Но женщина в священном мире мужчин, не было ли это на грани невозможного?

— Это был трудный и отнимающий много времени план, поскольку я должна была иметь дело с контактами Дома в бизнесе, политике, правоохранительных органах, используя совершенно другие методы, чем он. Я оставалась женой Тони, потому что Тони был ширмой, за которой мне необходимо было скрываться. Но именно мне доверял Дом свои дела. Я была также тем человеком, который снабжал Тони информацией, необходимой для того, чтобы держать в узде контакты Дома.

Даже после того как Кроузер разобрался в основной сути этого необычного дела, ему нужно было время, чтобы усвоить детали.

— Я не понимаю, — обратился он к Маргарите. — Я полицейский, и вы только что признались...

— Что я продолжаю законную деятельность консультанта, которой занимался мой брат, — прервала его Маргарита с иронической улыбкой. — Нам сейчас не до юридического крючкотворства, мы должны обратиться к более важному аспекту.

— В чем он состоит?

— Будем рассуждать логично. Дом знал, что он обреченный человек и его убийство неизбежно. Я пришла к такому же заключению. Если мы будем исходить из такого предположения, мы согласимся, что он начал планировать будущее еще два года тому назад. Он выбрал меня, женщину, для передачи своей власти. Почему? Это,

пожалуй, был наиболее трудный из имевшихся у него вариантов. В его бизнесе женщина никогда не имела власти, *никогда*. Почему он попытался изменить своим правилам? Ответ состоит в том, что никто в его бизнесе никогда не станет подозревать, что женщина, даже сестра Дома, держит в своих руках секреты его контактов, информацию, грязную, если вы хотите, которую он собирал многие годы и использовал для достижения своих целей.

Ее голова приблизилась к Кроукеру через стол, а голос Маргариты еще более понизился и перешел в шепот.

— Идет война, Лью. Война в коридорах власти, невидимая для большинства людей. И это не просто война мафии — Гольдони против Леонфорте. Хотя я начинаю подозревать, что этот элемент имеет большее значение, чем даже я могу сейчас допустить.

— Не звучит ли это несколько мелодраматично?

— Не забывайте, что я имею доступ ко всей информации Дома. Простой перечень влиятельных людей, которых он мог заставить выполнять его волю, явился бы шоком для вас. Так что я знаю арену, на которой все это разыгрывается.

— Используйте источник, снабжавший вашего брата информацией. Без сомнения, он мог бы помочь нам.

— Но я не знаю имени этого контакта Дома. Я просто периодически получаю информацию через тайники, которые меняются каждый раз. Это — путь с односторонним движением. У меня нет возможности связаться с ним самой. — Маргарита покачала головой. — В чем я уверена — это в том, что идущая война имеет гораздо более широкий охват и затрагивает не только мафию. В нее вовлечены главы крупнейших корпораций, федеральные агентства, следящие за исполнением законов, губернаторы и конгрессмены и даже, вероятно, Белый дом. И сейчас только через Роберта мы можем добраться до центра всего этого дела.

Хлопок рук одна о другую прозвучал как удар грома, зазвенели выступы на металлической сетке *некоде*, когда они ударили по лезвию кинжала. Это были единственные звуки в заполненной тенями комнате.

Челеста пронзительно закричала.

Кончик кинжала находился в трех сантиметрах от сердца Николаса, когда он сомкнул ладони по обе его стороны. Он отшвырнул его, как какое-то насекомое, посмотрел мимо Челесты в окружающую его темноту. Николай узнал лицо, которое он видел мельком в Венеции: резко очерченные восточные черты, родинка в углу сжатых губ. Затем оно пропало во мраке, как луна исчезает за облаками.

Ритм Аксхара увеличивал силы Николаса с каждой секундой. Он стремился к физическому сражению. Понимая, что его противник обладает возможностью использовать Аксхара против него, он держал свой глаз таньцзян плотно закрытым. Николай должен положиться на свою более раннюю подготовку к военному искусству, должен верить в свои руки, свою *те-гатана*.

Его разум был раскрыт, когда он заметил Мессулете в тени. Сделав выпад, он схватил правой рукой запястье правой руки врага. Его открытый разум выбрал прием *сокумен ирими-наге*, так как расправиться с противником нужно было быстро. Психическое нападение на него Мессулете потрясло Николаса до основания, привело его на самую последнюю черту перед смертью. Теперь он не знал, на какое время хватит его резервной силы.

Он вывернул запястье руки Мессулете и применил *сувари-ваца*. Сжав свои пальцы, он выбросил кверху левую руку и нанес ее ребром сильный удар по челюсти противника. Он услышал резкий треск, когда голова врага откинулась назад, махнул левой рукой назад и вниз и, используя собственное движение Мессулете, сбил его с ног.

Мессулете покатился по полу, кувыряясь, а Николай продолжал бить его. Взгляд Николаса упал на внутреннюю сторону запястья руки поверженного противника, который стукнулся об пол подбородком и откинул назад голову.

— Черт побери! — вскричал Николай, нагнувшись над искалеченной фигурой.

— Что случилось? — Челеста подошла и остановилась позади него.

Николай указал ей на запястье левой руки лежавшего человека.

— Это не он. Видите, там нет татуировки с голубым полумесяцем. Он не Мессулете.

Челеста посмотрела на Николаса.

— Вы имеете в виду, что здесь находится кто-то другой, кроме нас?

— Находится, — подтвердил он, опуская руку незнакомого человека, — или, вернее, находился.

Линнер вернулся к монитору компьютера, который он до этого изучал, но его экран потух. Он потянулся к отверстию, где были спрятаны гибкие диски. Он был пуст.

— Будь он проклят, он забрал все материалы компании „Авалон“, которые я нашел.

Николас показал Челесте вырез в полу, где была раньше спрятана коробка с гибкими дисками.

— Что это? — Она вытащила оттуда листок бумаги и протянула его Николасу.

*Что вы хотите узнать? Где находится
Оками? Или почему была необходима
его смерть? Какой вопрос интересует
вас больше всего? Кого контролирует
Оками? Или кем он является?
Сейчас время принять решение.
Приходите один в приходскую
церковь Холма Мучеников. Вечером
будет уже слишком поздно.*

Неудивительно, что записка была без подписи. Николас не сводил глаз с этих слов и повторял их как молитву. Он чувствовал западню даже на расстоянии от указанного в записке места. Но так ли важно это? Важно то, что тот, кто писал записку, знал, какие задать вопросы. Николас понимал, что даже если есть хоть маленький шанс, что он знает ответы на эти вопросы, им необходимо добраться до Холма Мучеников как можно скорее.

— Микио Оками исчез, — сказал человек маленького роста. — Исчез и, вероятно, умер.

Это был Томоо Кодзо, *оябун* клана Ямаучи. Ему было за шестьдесят, но выглядел он много моложе. Он поддерживал форму, соблюдая строгий режим открытой руки и боевого искусства малого меча. У него было длинное, заостренное книзу лицо, как если бы доктор-сидист зажал после рождения его голову в тиски. Вся верхняя часть головы была выбрита, жирно блестела, за исклю-

чением только одного места сзади, где его серебристого цвета волосы были собраны в какое-то подобие ослиного хвостика. На нем были брюки от костюма, поддерживаемые подтяжками, рубашка с открытым воротничком и завернутыми рукавами. На одной руке виднелись очертания крыльев и когтистых лап — яркая *прицуми*, уникальная татуировка якудза. Его маленькие черные глазки, вызывающие в памяти глаза крысы, устремлялись подозрительно на всех и все окружающее, как бы ожидая в любой момент обнаружить новый заговор.

Нанги с интересом смотрел, как этот человечек безостановочно сновал по комнате, которая была такой же необычной, как и ее хозяин, и, несомненно, отражала его индивидуальность. Деревянный пол в комнате был тщательно отполирован, как для тренировок в боевом искусстве *додзэ*. Стены были сделаны из серого железобетона, перехваченного стальными перекладинами, наполовину высовывающимися из стен и напоминающими стражников или спортсменов бодибилдинга. В центре пола было овальное углубление, выложенное стеклом и заполненное водой. В нем плавали водяные лилии, водоросли и удивительный подбор редких кой. Тут были золотистые, черные, цвета меди, белые с крапинками безмятежно спующие рыбки, на которых падал свет из овального кристаллообразного окна на потолке. Солнечные лучи, проходя через стекло, образовывали мощный столб яркого света, опускающийся прямо в бассейн. В комнате не было других окон, и ее углы оставались в тени.

— Я не испытываю особенного огорчения от того, что его не стало, — заявил Кодзо, совершая круги вокруг бассейна, подобно коту, выбирающему момент для прыжка. — Думаю, что он забрал себе слишком много власти. Я всегда считал, что должность Кайсё это просто путь для узурпирования власти. Мы, *оябун*, всегда сглаживали разногласия на совете.

Он устремил свой взгляд в глубину бассейна, на свою драгоценную коллекцию кой, опустил в воду палец, вероятно, проверяя ее температуру. Затем продолжил.

— Да, иногда были разногласия. Но история показывает, что война и кровопролитие оказывают позитивное воздействие на человечество. Выживают те, кто лучше приспособлен. Это должно быть девизом якудза, не так ли?

Кодзо хихикнул, как ребенок, и вытер руки. Они были

неестественно большими. У Нанги в голове промелькнула странная мысль, что эти руки были взяты у американского лесоруба и приделаны к запястьям Кодзо.

Кодзо резко остановился, взглянул на Нанги, как бы вспомнив о его присутствии.

— Появление Кайсё все изменило. Власть, которая находилась у совета, перешла к одному человеку — Ми-кио Оками. Такого рода концентрация власти очень часто приводит к ее собственной гибели.

Он заложил руки за спину, помотал головой.

— Как пользоваться властью — это загадка, которая ставила в тупик человечество многие века, не правда ли?

Нанги стоял, расставив ноги и обхватив руками голову дракона на ручке своей трости. Ему не предложили ни сесть, ни выпить чая. Это был метод Кодзо — допрашивая человека, запугивать его.

Кодзо пожал плечами.

— Вероятно, Оками-сан получил послание. Кто знает?

Вытащив руки из-за спины, он потер их одна о другую.

— Во всяком случае, у меня есть послание для вас, Нанги-сан.

— Оно от вас?

— От меня? Нанги-сан, я просто скромный посыльный.

— Тогда вы избрали странный способ, чтобы организовать нашу встречу.

Нанги посмотрел на людей, которые привели его сюда. Они стояли в тени по углам комнаты. Он не знал еще, каким враждебным может сделаться Кодзо, но факт, что Оками исчез и, вероятно, мертв, был очень плохим знаком.

— Вы могли бы позвонить мне.

— Позвонить вам? — Человечек с длинными руками вновь хихикнул, издав резкий, раздражающий звук. — Нет, этого нельзя было делать. Мы не разглашаем наши отношения, не так ли? И, кроме того, у меня есть старший, для которого строжайшая безопасность имеет чрезвычайно важное значение.

— И кто же это может быть?

— Вы не узнаете? — раздался голос.

Нанги увидел фигуру человека, вышедшего из тени к овалу света, льющегося из окна на потолок. Через мгновение он разглядел невысокого мужчину со стройной вы-

правкой офицера. Падающий сверху свет придавал его облику угрожающий вид.

— Ушида-сан, — произнес Нанги полупшепотом.

Наохиро Ушида слегка поклонился. Ему было на вид около сорока пяти лет. Он был подтянут и суров, с лицом, которое можно было назвать красивым. В других странах его могли бы посчитать женственным, и он мог стать объектом насмешек. В Японии же было наоборот. Существовала легенда о японских героях, известных как *бишоны*, молодых Адописах, которые всегда находились под крылышком более старших покровителей.

Однако Наохиро Ушида, хотя и был во многом похож на *бишона*, не нуждался в старшем покровителе. В японском обществе власть обычно находится в руках общины, а не отдельной личности. Ушида представлял собой, по-видимому, исключение, что, как известно, только доказывает правильность правила.

Он был Дайдзин, главный министр ММТП, Министерства международной торговли и промышленности, которое контролирует и координирует всю экспортную политику Японии. В этом министерстве работал много лет тому назад и сам Нанги, до своей „отставки“ из государственного аппарата и перехода в область бизнеса.

Строгий, почти болезненный педантизм Ушида резко контрастировал с индивидуальностью Кодзо. Он был одет в черный костюм из шерсти и шелка, начищенные до глянца остроносые туфли, белоснежную рубашку с галстуком со стилизованной черно-белой спиралью и красным пятном внизу, который придавал всему его облику праздничный вид. Волосы цвета черного перца с солью были коротко подстрижены по бокам, чуть не до самой макушки. Наконец, его красивое лицо, нежное, как у девушки, совершенно не имело резких или тяжелых черт, которые портили бы его почти хрупкий облик.

— В ММТП еще имеются люди, которые вспоминают о ваших достижениях, Нанги-сан, — сказал Ушида, тщательно подбирая слова, — хотя это и было много лет тому назад.

„Это соответствовало внешности самого Ушида, — подумал Нанги, — спрятать укол под личиной комплимента. Будь осторожен, старина, означали слова Ушида, я знаю, что ты был умен, но это было так давно“.

— Я рад, что то, что я сделал, выдержало проверку временем, — заметил Нанги с улыбкой, сознавая, что только он один понимал искусственность его улыбки.

— Мы давно собирались поговорить с вами, — продолжал Ушида, находясь по другую сторону сверкающего бассейна, — за завтраком, в спокойной обстановке, где-нибудь вдали от шума. — Он передернул плечами. — Но наш распорядок дня настолько насыщен. — Он изобразил на лице чисто японскую улыбку, не открывая зубов. — Вероятно, вы уже забыли, что представляет собой жизнь в министерстве.

Это оскорбление было равносильно удару по лицу. Однако Нанги сдержался, так как знал, что как враг этот человек может создать непреодолимые трудности в его деле.

— Если побывал там однажды, — заметил Нанги, не проявляя эмоций, — то этого никогда не забудешь. — Его улыбка была такой же, как и у Ушида. — Наступит день, у меня в этом нет никакого сомнения, когда Дайдзин будет понимать это лучше, чем он делает сейчас. Могу сказать по своему опыту, что невежество существует как внутри него, так и вне.

Улыбка на лице Ушида расползлась несколько шире, а его красивая голова слегка наклонилась, как бы одобряя ответ Нанги, в котором было умно спрятано жало. „Может быть, он и не является, в конце концов, моим врагом“, — подумал Нанги. Но, посмотрев на Кодзо, устремившего взгляд в глубину бассейна, он осознал, что ошибается.

— Мы можем только согласиться с вами, — произнес Ушида. Улыбка оставалась как бы приклеенной к лицу. — Хотя бы потому, что должны иметь дело с подобным невежеством каждый день.

Как кинозвезда при съемке фильма, Дайдзин выбрал наилучшее для себя освещение. Поток солнечных лучей, проходя через стекла верхнего окна, выгодно выхватывал его фигуру из мрачной атмосферы этой необычной, вызывающей неприятное ощущение комнаты.

— Нам надо о многом поговорить, — продолжал Ушида, сморщив губы. — О проекте „Хайв“, который так важен для нас, и о причинах, почему задерживают его осуществление. Об обвинениях самого серьезного характера, которые выдвигаются против вашей компании и особенно против Линнера-сан.

Казалось, что он специально отвлекает внимание Нанги, и это сразу вызвало у него подозрение. Продолжая слушать Ушида, он боковым зрением наблюдал за Кодзо, так как считал, что реакция *олбун* может сказать ему

гораздо больше о том, что здесь происходит, чем слова главного министра.

— Мы находим все это ужасно неприятным, — заявил Ушида, изобразив на лице боль, которую могла бы испытывать девушка-подросток, обманутая своим ухажером. — На самом деле это позорно. Мы рассчитывали, что Линнер обеспечит для „Сато“ контракт на осуществление американского проекта „Хайв“, а затем поглотит „Хайротек инкорпорейтед“. Это был бы удачный ход для Японии в области международных общественных отношений, а также в развитии технологии. Теперь, однако, мы должны начинать формулировать другие планы, без включения в них „Сато“.

— Но Линнер-сан сделал все это и даже больше, — возразил Нанги.

— Тогда почему правительство Соединенных Штатов заблокировало попытку „Сато“ приобрести „Хайротек“? Почему вашего американского представителя Харли Гаунта вызвала самая могущественная и наводящая страх комиссия конгресса по обвинению в незаконных деловых операциях и измене? Почему сам Линнер прячется от вызова на слушание в комиссию? — Ушида покачал красивой головой. — Эти вопросы имеют исключительно серьезное значение, Нанги-сан. От них нельзя отделаться несколькими умными фразами.

— Линнер-сан не прячется, — заявил Нанги, зная, что его слова так же легковесны, как листочек бумаги.

— Нет? — Ушида склонил набок голову, и солнечный свет озарил его лицо.

— Его выезд из страны не имеет абсолютно никакого отношения к слушанию, проводимому американской комиссией.

Нанги понимал, что никто этому не поверит.

— Я очень рад услышать это, Нанги-сан. Скажите мне, где он находится? Вы знаете это? Можете вы представить его мне сегодня, завтра или даже послезавтра? — Он издал звук, похожий на хрюканье. — Как вы это сможете сделать? Службы американского правительства разыскивают его с тех пор, как ваш офис ответил на их вызов.

Чувство удовлетворения осветило его лицо, прямо как у девушки, которая, гуляя со своим новым ухажером, встречается со старым обожателем.

— Да, кстати, они полностью держат нас в курсе

своих исследований. Почему бы и нет? Я уверен, что комиссии конгресса необходимо наше сотрудничество при расследовании дела „Сато-Томкин“, и я полностью готов пойти на это.

Свет сгладил черты лица Ушида, и оно стало похожим на двухмерное изображение, на иллюстрацию на глянцевой бумаге в каком-либо журнале мод.

— Видите ли, Нанги-сан, мы находимся в процессе чрезвычайно тонкой игры установления взаимопонимания с Соединенными Штатами, и мы твердо намерены победить в ней. А для этого мы вынуждены пожертвовать там или здесь пешкой или даже ладьей или слоном. И мы пойдем на это. В данный момент американцы хотят убрать с дороги „Сато-Томкин“ и Николааса Линнера. Мы согласны — пусть они это делают. А почему бы и нет? Компания „Сато“ разочаровала нас. Она превратила потенциальный удачный ход в полное поражение.

— Вы не учитываете того, что действительно происходит за кулисами, — отреагировал на это Нанги с отчаянием, которого он не хотел проявлять. — Линнер-сан считает, что правительство США...

— Все это меня не касается, — решительно заявил Дайдзин. — Это просто рассуждения. Любой ценой мы должны избегать какой-либо негативной реакции со стороны американцев.

Главный министр принял позу, как перед объективами фотокорреспондентов. Около него Кодзо заметил замечательную кой, которая сразу приковала его внимание.

— Общественные отношения, Нанги-сан, — это игра, в которую мы вступили довольно поздно. Но мы твердо намерены добиться в ней совершенства как можно быстрее. Поверьте мне, что бы ни понадобилось для этого, будет сделано. Фактически это делается сейчас постоянно, даже в то самое время, когда мы беседуем с вами. Американский сенатор Рэнс Бэйн получает все досье с материалами, которые он запросил у нас. И мы передаем их с полной оглаской. — Ушида поднял руку. — Фотографии имеют первостепенное значение в нашей стратегии. Чем откровеннее и полезнее мы будем для сенатора, тем больше ветра мы отвлечем от его антияпонских парусов и покажем всему миру, насколько мы стали другими.

Нанги сделалось страшно. Кровь застыла в его жилах при мысли, что Дайдзин и вся Япония делают с ним и Николасом.

— Так что, вы бросаете мою компанию, всю мою жизнь кошке под хвост?

Это патетическое заявление, такое слабое и беспомощное, наполнило Нанги омерзением и отвращением к самому себе.

Ушида, очевидно, почувствовал это.

— Какие горькие слова вы говорите, Нанги-сан. Конечно, мы позаботимся о вас. Вы — бывший министр ММТП, в конце концов, вы были одним из нас. Линнер, однако, это другое дело.

Дайдзин проявлял ледяное спокойствие. Он был эпицентром циклона, от которого отходили страшные ответвления, рушившие все на своем пути, вонзавшиеся в тело Нанги и Николаса, разбивавшие все, что было им дорого. С упавшим сердцем Нанги понимал, что он не может сделать абсолютно ничего, чтобы помешать этому. И все же он должен попытаться.

— Что сделал Линнер-сан, чтобы заслужить такую несправедливость? Лично подвергаясь риску, он боролся много раз против врагов Японии, как в Соединенных Штатах, так и в России.

— Мы знаем это, — заявил Ушида. — В министерстве есть люди, которые боролись и пытались спасти его в память о его отце и его прошлых заслугах. Но в конечном счете настоящее должно перевешивать прошлое. Таково наше решение.

Страх сковал Нанги целиком. У него возникло предчувствие, что теперь они подошли к самой сути, к действительной причине того, почему Ушида вызвал его таким унижительным способом.

— Настоящее! Что вы имеете в виду?

— Мы говорим теперь о проекте „Ти“, секретной программе, которая является детищем ума Линнера-сан. Она завершена и действует, Нанги-сан, без вашего ведома. Части изделия изготовлены и собраны на сайгонских предприятиях, принадлежащих „Сато“, и ваш человек Винсент Тинь совершенно спокойно сбывает продукцию вот уже несколько месяцев тем, кто больше за нее заплатит.

Нанги почувствовал, как у него замерло сердце. Дайдзин знал о прототипе „Ти“.

— Я ничего не знаю об этом, — сказал он.

— К сожалению, это еще не все, — холодно продолжил Дайдзин. — Технология „Ти“ оказалась использованной в

новом поколении ракет, управляемых компьютером, предназначенных для Ирака, Сирии и Афганистана. Благодаря технологии „Ти“ эти новые виды оружия, которые продает ваша компания, способны думать, перехитрить любую самую сложную увертку даже наиболее быстрой цели.

Нанги открыл рот, но не произнес ни слова. Это были самые плохие новости, какие он мог только услышать. Логика рассуждений Ушида была устрашающей.

— Проект „Ти“ осуществлялся под руководством Линнера, этот факт широко освещался средствами массовой информации. Теперь вы видите, что, жертвуя Линнером, передавая его Бэйну и комиссии, которую он возглавляет, мы добьемся чрезвычайно важного психологического успеха, и это также окажет благоприятное воздействие на наши общественные отношения. Линнер, если отвлечься от всего сказанного, является прекрасным козлом отпущения, и мы используем его до конца, пока он не исчезнет совсем, пока его не сожрут сенатор Бэйн и его очень неприятная комиссия.

Харли Гаунт держал в руке пистолет тридцать восьмого калибра и вспоминал, как отец брал его с собой на охоту. Прохладный осенний уик-энд, запах дыма от сжигаемых в костре листьев, тихий шелест леса на холмах Виргинии, россыпи золотых, оранжевых и желтых пятен на деревьях и под ногами, сладковатый аромат, исходящий от пружинящего покрова земли, который, как сказал однажды отец, является следствием процесса гниения.

Манни Манхайм, толстый, лысеющий человек со щеками, покрытыми двухдневной порослью, в брюках, которые спускались так низко, что чуть не открывали верхнюю часть его зада, спросил:

— Ты знаешь, как обращаться с этой штукой, Харли? Я никогда раньше не видел тебя с оружием. Не хотел бы видеть, как ты нажимаешь на спусковой крючок и разбиваешь вдребезги палец на своей ноге или же другую штуку, несколько более важную для тебя.

Гаунт улыбнулся, оглядывая ломбард Манни. Здесь мало что изменилось с тех пор, когда он впервые пришел сюда со своей матерью. К тому времени спиртное стало для нее такой необходимостью, что она распродала бесценные для нее вещи: платиновое ожерелье с брилли-

антами от Тиффани, которое подарил ей отец Гаунта на десятую годовщину их свадьбы, фамильную брошь с сапфирами, доставшуюся ей после смерти ее матери, и даже свое обручальное кольцо.

Когда мать Гаунта начала много пить, она потеряла работу. Чувствуя себя униженной, она стала закладывать ценные вещи, лишь бы никто из родственников не узнал о ее позоре.

Прошло уже очень много лет с тех пор, как Гаунт повстречался с Манни, застенчивым, скромным юношей, который помогал своему отцу в его закладной лавке. Они стали если не совсем друзьями, то, во всяком случае, чем-то большим, чем просто знакомыми. Им доставляло удовольствие помогать друг другу в трудные времена. Манни следил за тем, чтобы ни одна из вещей, которые оставила в залог мать Гаунта, не была продана. Годы спустя Манни обратился за помощью к Гаунту, рассказав ему, что уголовники угрожают его отцу. Гаунт переговорил с парой своих друзей в ФБР, и с тех пор никто не беспокоил больше отца Манни.

Глаза Манни часто и близоруко моргали в скудном свете лавки.

— Пистолет в прекрасном состоянии, — сказал он, — я чистил его сам. — Он засмеялся, поправляя очки, которые соскальзывали с его не раз перебитого носа. — Это мастерство необходимо приобрести, занимаясь моей профессией.

— Не беспокойся, — заявил Гаунт, тщательно заправляя патроны в пистолет. — Я знаю, как пользоваться этой штукой.

Нос Манни задергался.

— Только, ради Христа, не попади в какую-нибудь заварушку. Ладно? Обещай мне.

— Обещаю. — Гаунт спрятал пистолет во внутренний карман пиджака. — Вероятно, я никогда и не выстрелю из него. Это только для того, чтобы поугадать, правда.

Манни фыркнул, вышел из-за застекленного прилавка, распахнул металлическую решетчатую дверь и провел Гаунта к передней двери с обеспокоенными мухами треснутой стеклянной панелью, укрепленной железной сеткой.

— Теперь, раз уж мы встретились, давай пообедаем вместе.

— Конечно, Манни. Я этого очень хочу.

Они вышли в сумерки, опустившиеся на Вашингтон.

Ночь Гаунт провел в мотеле в Бетеде, просматривая фотографии, которые дала ему Рената, и обдумывая, каким образом лучше представить эти компрометирующие документы Уильяму Джастису Лиллехаммеру. Он потратил целый день, рассматривая все возможные осматрительные варианты, и отбрасывал их один за другим, пока наконец не решил, как он должен поступить. Позднее, в тот же день, он вышел из мотеля, чтобы сделать необходимые приготовления. Последней его остановкой был ломбард Манни.

„Они называют себя Рыцарями, — сказала ему Рената во время ночной прогулки около Вьетнамского мемориала. — Кто они или под чьей защитой они действуют, я не могу сказать. Сомневаюсь, что даже президент смог бы это сделать. Они имеют очень большое влияние, очень глубокие карманы, хотя у меня нет данных о том, кто их финансирует. Они были очень активны во время войны во Вьетнаме и, вероятно, задолго до этого“.

„Какова их цель?“ — спросил Гаунт.

„Переделать мир на свой лад, — ответила тогда Рената. — Постепенно привести к власти своих людей и удержать их там, потом заменять, когда придет время, на других, симпатизирующих их целям. В основном они консервативны, занимают протекционистские позиции, враждебно настроены против иностранцев, до крайности праведны. Они верят в то, что они делают, хотя принадлежат к миру тех, кто не считается со всеми существующими законами.“

Кто-то однажды мне говорил, что разум начинает наносить вред, когда он приобретает больше знаний, чем может выдержать его честность. Думаю, что это можно отнести и к Сети. Они действовали так долго в своих незаконных лабиринтах власти, что уже не могут отличать правое от неправого, справедливость от несправедливости“.

Гаунт удивительно быстро выбрался из обветшалого района Вашингтона, где находился ломбард Манни, и подошел к тщательно обихоженной излучине Дюпон Сёркл с особняками в викторианском стиле, с черными чугунными воротами. Дождь, прошедший в предыдущую ночь, вымыл улицы и тротуары. Это еще больше усилило различия между обветшалыми трущобами и аристокра-

тическими домами этого района. Сосуществование жестокого и бесформенного распада в одних местах с шикарными кварталами, патрулируемыми полицейскими, где, как правило, жизнь протекала спокойно, было вызывающим удивление фактом жизни города.

Гаунт пошел вдоль авеню Нью-Хэмпшир до улицы „М“, повернул налево и направился к мосту, ведущему в Джорджтаун.

Лиллехаммер жил в большом доме, построенном Андреа Палладио в классическом римском стиле, из которого были видны Думбартон Окс и, несколько выше, — военноморская обсерватория США, а также дом вице-президента.

Эта короткая часть улицы „S“, последней перед обширным парком, была похожа на дорогу небольшого городка, пригорода, за которым открывалась пышная панорама сельской местности. Здесь не было ни одной машины, никакого движения пешеходов в это время дня, когда наступала темнота, а воздух становился довольно прохладным.

Медленно проезжая на взятой напрокат машине мимо дома Лиллехаммера, Гаунт увидел, что там горит свет, отражающийся на стоявшем на гранитной дорожке американском автомобиле типа „стейшн-вагон“. Он припарковал свою машину на углу и пешком вернулся обратно.

Четырехэтажный дом из белого камня стоял на некотором расстоянии в глубь от улицы. Подъезд с крытой галереей и фасад, обрамленный колоннами, придавали ему более массивный и величественный вид, чем это было на самом деле. По обе стороны поднимались выше крыши стройные груши Брандфорд, которые как бы охраняли, как стражи, вход, создавали некую театральность.

Подъездная дорога, образуя полукружье, резко поднималась вверх. Сладковатый запах земли в вечернем воздухе вновь напомнил Гаунту о тех, давно ушедших в прошлое, охотничьих прогулках с отцом. Он поднялся по ступеням, постучал в резную деревянную дверь, покрытую блестящей черной краской.

Прошло порядочное время, прежде чем дверь открылась и перед Гаунтом предстал высокий худой человек с красными щеками, темными бровями и пронизывающими голубыми глазами, которые холодно, но с любопытством оценивали Гаунта. На нем были темно-синие шерстяные брюки и белая рубашка с пуговицами на кончиках воротника и с закатанными выше локтей рукавами.

— Да?

— Уильям Лиллехаммер?

Он кивнул головой.

— Чем могу служить?

Гаунт представился. По его виду было ясно, что Лиллехаммер прошел суровую военную подготовку. Поэтому Гаунт изменил характер своей речи и стал говорить точными, отрывистыми фразами.

— Надеюсь, у вас найдется свободная минута? Я проделал длинный путь, чтобы поговорить с вами о вендетте сенатора Рэнса Бэйна и его комиссии по отношению к компании „Томкин индастриз“ и Николасу Линнеру, в частности.

Брови Лиллехаммера слегка поднялись вверх.

— Оставим в стороне мотивы Бэйна. Каким образом, по-вашему, я могу быть полезным сенатским слушаниям? Я не имею никакого отношения к законодательным органам.

— Да... но вы должны, — проговорил Гаунт, стараясь успокоиться и с этой целью ухватив правой рукой рукоятку пистолета, засунутого за поясной ремень его брюк. — Вы — Рыцарь, не правда ли?

В последовавшей тишине Гаунту казалось, что он слышит шелест верхушек грушевых деревьев Брадфорд, отдаленный шум движения машин по Висконсин-авеню.

— Простите? — Лиллехаммер моргнул, как если бы Гаунт направил ему в лицо сноп яркого света.

— Думаю, вы понимаете меня, — заявил Гаунт, крепче сжимая рукоятку пистолета.

Светлые голубые глаза хозяина дома, как рентгеновские лучи, прощупывали лицо Гаунта.

— Да, в самом деле, — отрывисто произнес Лиллехаммер. Он улыбнулся, отступил назад к входу. — Не войдете ли в дом?

В его лице не было заметно никакой напряженности, никакого беспокойства. Он провел Гаунта мимо изогнутой лестницы в колониальном стиле из полированного клена в покрытый ковром зал с развешенными по стенам фотографиями сцен охоты на лис и конных состязаний.

Рената говорила ему, что Лиллехаммер жил один. Гаунт действительно не заметил даже намека на женское присутствие в оформлении комнат. Мебель была массивной, сделанной из кожи, замши, металла. Некоторые

предметы были покрыты толстой хлопчатобумажной материей с яркими рисунками, выполненными в импрессионистской манере и напоминающими шкуры животных.

Кабинет, в который его провел хозяин, выходил окнами в маленький ухоженный садик с хвойными деревьями, находившийся позади дома. Это была комната с высоким потолком, стенами, облицованными широкими панелями темно-зеленого цвета, между которыми располагались декоративные деревянные полуколонны, окрашенные в цвет густых сливок. Потолок имел форму неглубокого купола с резным орнаментом по краям.

Лиллехаммер прошел мимо пары больших кожаных диванов к зеркальному бару.

— Хотите выпить?

— Не отказался бы от пива, — сказал Гаунт.

Лиллехаммер наклонился, достал из невысокого холодильника под стойкой бара бутылку с янтарным напитком, снял с нее колпачок и осторожно вылил содержимое в фирменный пльзеньский стакан. Затем налил себе виски с содовой в громадный старомодный сосуд.

Вернувшись к месту, где стоял Гаунт, он передал ему пиво, зашел за инкрустированный позолотой секретер и уселся на стул с высокой спинкой.

Гаунт взглянул на ближайший стул. Это было довольно неудобное на вид сооружение с откидывающейся спинкой, сделанное из бронзы и переплетенных кожаных полос цвета меда. Он решил остаться стоять.

Комната была теплой и уютной, с коврами, мягким светом от нескольких бра с медными колпачками. В целом создавалась домашняя, полузабытая атмосфера старинного дома.

Лиллехаммер поставил стакан на столик секретера и обратился к Гаунту, как добрый дядюшка.

— Мой дорогой друг, вы должны рассказать мне, каким образом, черт побери, вы добрались до этого названия — „Рыцарь“.

Гаунт колебался, раздумывая, согласиться ли ему на определенный Лиллехаммером метод защиты — этой весьма любопытной техники, когда меняются местами допрашиваемый и тот, кто допрашивает, или же сразу грубо впепить ему в горло. Было ясно, что это в решающей степени зависит от личных качеств Лиллехаммера.

Гаунт отставил в сторону свой стакан.

— Давайте бросим ко всем чертям эту игру, хорошо?

Вы — Рыцарь. Как я узнал об этом, не имеет никакого значения в данной ситуации.

— Конечно же, имеет, — решительно возразил Лиллехаммер. — В течение своей довольно пестрой карьеры я приобрел изрядное число врагов. С каждым такое случается в этом городе, раньше или позже. И если один из моих врагов наговорил вам какие-то небылицы, я очень хотел бы знать, кто он, чтобы иметь возможность поставить все на свои места. — Он широко расставил руки. — Вы не будете упираться и дадите мне шанс опровергнуть это обвинение, не правда ли?

Гаунт увидел слишком поздно, как сверкнул металл в левой руке Лиллехаммера. Правой рукой он стал вытаскивать оружие из-за пояса, но в это время пуля из маленького пистолета двадцать пятого калибра поразила его в лоб. Ощущение было, как если бы женщина ударила его по лицу. Гаунт заморгал, не в силах вспомнить, почему его рука ухватила за рукоятку пистолета.

Гаунт смотрел в блестящие голубые глаза, безразличные, почти невозмутимые. Лиллехаммер стоял в позе героя, которая напоминала бронзовую статую доблестных солдат Вьетнамского мемориала. Гаунт знал, что видел это недавно, был там с кем-то. С кем? Шел дождь, холодный дождь и сейчас на его лице.

Его внимание привлек несильный взрыв. Голова опрокинулась назад. Он поскользнулся и упал на одно колено, как будто почва под ногами оказалась внезапно ненадежной. Холодный дождь. Может быть, это лед на земле?

Где-то внутри головы за глазом появилось пульсирование. Он больше ничего не чувствовал, лишь небольшую головную боль, скорее, головокружение. Но видеть больше не мог. Это было странно. Его отец никогда не взял бы его на охоту в темноте. Слишком опасно. Отец всегда говорил ему, насколько опасным может быть огнестрельное оружие, как необходимо всегда очень осторожно обращаться с ним. Даже когда ты уверен, что оно незаряжено, особенно тогда, говорил он, потому что именно в этом случае человек бывает неосторожным.

„Где я? — думал Гаунт. — В лесу ночью. Где отец?“ Он пытался крикнуть, но изо рта не вылетело ни звука. Прогремел резкий выстрел в упор. Гаунт упал навзничь. В его носу смешалось зловоние бездымного пороха с бесподобным сладковатым ароматом земли в лесу осенью,

когда она отдает последние свои богатства перед тем, как ударят первые зимние морозы и погрузят в сою все: оленя и перепелку, кедр и лиственницу, клены и...

Банг!

— Бог милостивый, я должен был иметь шанс защитить себя от обвинений, — промолвил Лиллехаммер, склонившись над распростертым телом Гаунта, где пиво и кровь смешивались друг с другом. — Что же, таков американский обычай.

Монмартр. Холм Мучеников. Приходская церковь Сен-Пьер-де-Монмартр, несколько севернее Плас ди Тетр, где когда-то был театр на открытом воздухе, где играли самые известные артисты Парижа. Теперь это местечко заполнено делягами, для которых вид автобуса с туристами все равно что мед для медведя.

Снаружи церковь Сен-Пьер не привлекала внимания, казалась незначительной по сравнению с ее близким соседом — известным собором Сакре-Кёр. Но Николас знал, что на самом деле все обстоит не так. Церковь была построена на руинах прекрасного римского храма седьмого века. Вначале здесь обосновался женский монастырь бенедиктинок. Из-за пожаров она подвергалась неоднократным перестройкам. Затем монахини переселились на другое место, ниже по холму, что позволило прихожанам совершать службы в оставленной церкви.

Николас заметил кого-то в тени, отбрасываемой церковью, и, когда этот человек повернул голову, он узнал Оками. Он не знал, следил ли кто за Оками, и если да, то сколько их было. Настоятельная необходимость встретиться с Оками взяла верх над чувством осторожности.

Николас стал подбираться к Оками, прячась за группой немцев, спорящих за право быть первым, кого нарисовал бы уличный художник. Затем, в последнюю минуту, когда он был уже совсем близко от фасада церкви, он перестал прятаться и устремился к Оками. Он достиг его за три длинных прыжка и обхватил руками.

— Оками-сан...

Лицо Оками исказила гримаса, его тело изогнулось с неожиданной силой. Он высвободился из объятий Николаса и побежал в направлении Плас ди Тетр, где его мгновенно поглотил поток туристов и суетливых начинающих художников, которые неустанно пытались сбыть

туристам свой сомнительный товар. Какой-то веселый нигериец пытался всучить Николасу трехметровый шар в форме сосиски, на котором всюду розовой краской было написано „Я люблю Париж“. Николас бежал, не оставаясь.

Он посмотрел на место выше на холме, на котором по договоренности должна была быть Челеста. Она стояла там и показывала рукой направление, куда побежал Оками.

Николас обернулся и увидел Оками, продирающегося через толпу. Он ринулся за ним, проталкиваясь через поток японцев и немцев, проскочил ряд туристских автобусов. Оками исчез за углом, повернул на улицу Кортот. Николас последовал за ним, заметил, как тот еще раз завернул за угол и побежал прямо на более широкую улицу де Соль. Подбежав туда, Николас увидел, что это была улица-лестница со множеством ступенек, разделенных на ряд пролетов, спускающихся вниз от самой верхушки холма.

Оками быстро бежал по ступенькам вниз. Николас преследовал его. Между пролетами ступенек были широкие площадки, а по обе стороны улицы стояли приземистые жилые здания из белого камня, спускавшиеся до широкой улицы Юленкурт, где находились заполненные людьми магазины, двигались потоки автомобилей и где была станция метро. Николас понимал, что он должен настичь Оками до того, как он исчезнет в этом городском лесу, где не останется никаких следов.

Топот ботинок двух человек, бегущих по каменным ступенькам, отражался от фасадов зданий, поднял в воздух тучу голубей, оторвав их от дневной трапезы.

Николас открыл свой глаз таньцзян и услышал тихие удары по мембране *кокоро*, которые приводили в движение мысли, превращали психический импульс в реальность.

Он полетел вниз, устремив глаза на исчезающую внизу фигуру. Одновременно его глаз таньцзян осматривал более широкое пространство вокруг, пытаясь обнаружить западню, которая, как он все время чувствовал, дожидалась его.

Как это случалось неоднократно и раньше, после того как он увидел его впервые, образ Мессулете в Венеции, нагибающегося, чтобы поднять свою шляпу, возник мысленно наподобие облака, закрывающего солнце. Что-то в

этом образе было необычным? Что-то вызывало беспокойство, что-то было не на своем месте, как если бы это было в кинофильме, а не в действительности.

Николас коснулся одной из площадок лестницы и полетел дальше через следующий пролет ступенек. Он настигал Оками. Внизу под ними уже была видна улица Коленкурт, медленно ползущие по ней автобусы, плотный поток автомобилей, густой водоворот пешеходов. Там внизу был большой город с лабиринтом улиц, в которых легко было укрыться.

Подобно обезьяне, Оками ловко проскользнул мимо влюбленной парочки, которая прервала свои нежные объятия и с удивлением посмотрела на него.

Если это на самом деле был Оками. Если бы Оками и владел *корексу*, он был слишком стар, чтобы двигаться с такой быстротой и ловкостью.

В этот момент Оками споткнулся. Он был на середине пролета лестницы, как раз под Николасом. Он упал, перевернулся и покатился вниз по ступенькам, кувыряясь через голову.

Николас прибавил скорость, перескочил через площадку и полетел над следующим пролетом. Он приземлился около распростертой фигуры Оками, наклонился, чтобы перевернуть его. Его взгляд привлекло что-то, что окаямляло подбородок Оками.

Он протянул руку и нащупал липкую резиноподобную массу. Под пальцами кожа начала сжиматься совершенно неестественным образом, обнажая край челюсти. Николас понял, что перед ним не человеческая плоть, а совершенно новый вид термопластической резины, изготовленной из силикона и поликарбоната, наподобие того, какой был создан его людьми из группы исследований и разработок для проекта „Ти“.

Внезапно увиденное им соединилось с образом Мессулете, который постоянно преследовал его. Он осознал неестественность того, что, когда Мессулете в Венеции наклонился, чтобы поднять шляпу, *не было никакого прилива крови к его щекам*. Конечно, так и было. Тогда, как и сейчас, он был в маске!

Шок, который испытал Николас, замедлил его реакцию. Инертное тело, до этого лежавшее перед ним, внезапно накатилось на него. Он обнаружил, что его глаза уставились в маску лица Оками. Губы на маске были полуоткрыты, в центре пространства образовывалось маленькое „о“.

Своим открытым глазом танцзян Николас чувствовал, что должно произойти, видел эту уловку, понимал, что это западня, ощутил, как захлопываются ее челюсти, и начал действовать.

Трах!

Но было слишком поздно. Не оставалось даже мгновения. Когда его мускулы напряглись, чтобы дать отпор, маленькая стрелка уже была прямо у цели. Она вонзилась ему в шею. Николас тут же почувствовал, как у него сжимается горло. Он нанес ответный удар, но часть его существа уже отчаянно боролась с беспорядочным включением его автономной нервной системы, и у него оставалось очень мало сил.

Фигура снова накатилась на него, сбивая его с ног. Николас стал падать лицом вперед. Он пытался остановить свое падение, но его ноги и руки перестали подчиняться поступающим из мозгового центра командам.

По мере того как яд распространялся по его телу, все выходило из строя. Наконец осталась в действии только та часть мозга, которая контролирует биение сердца. Но и она также была вскоре вырвана из-под его власти.

Николас чувствовал, что солнце всей своей тяжестью навалилось на его спину. Его лучи пролетали мимо, вызывая головокружительную смену радужных красок. Затем и они, мерцая, исчезли, и его сознание погасло.

ШЕСТЬ ОБЕЗЬЯН

ТОКИО, ВЕСНА, 1947

— *Omerta* — закон молчания, — произнес Микио Оками. — Если не понимать этого, когда речь идет о сицилийцах, то тогда вообще ничего нельзя понять в них.

Полковник Дэнис Линнер закрыл глаза. Капелька пота медленно стекла по его щеке и с легким *всплеском* упала в дышащую паром воду, в которую были погружены он и Оками.

— Странно слышать от японца о древнем сицилийском законе.

Оками не спеша вдохнул ароматный пар, поднимающийся от воды. Он прекрасно понимал, что полковник хотел сказать якудза *оябун*, но произнес „японец“, так как он не был *итеки*, как предполагал это Оками, когда его сестра настояла на их встрече. Она сходила с ума по этому человеку. Это безрассудно, думал Оками, потому что полковник с Запада, еще более безрассудно, потому что он женат, и уже совсем глупо, так как он счастлив со своей женой.

— Я начал изучать сицилийские семьи уже порядочное время тому назад. — Оками чувствовал, как его пот выходил на поверхность воды с ритмично поднимающимися из глубины бассейна пузырьками горячего пара. — Логика очень простая: эти люди нашли возможность пересекать международные границы по своему усмотрению. Нам нужно научиться, по крайней мере, тому же, если мы хотим выжить в новом мире, который построят вместе Япония и Америка. Якудза всегда была строго национальной организацией. Как и вся страна, в которой мы живем, мы не знали остального мира.

— *Omeria* и *киокиаку*, — сказал полковник задумчиво, как если бы он был один. — Некоторые полагают, что мистическое кредо чести якудза, которому следовали воры в законе, правившие уголовным миром, пришло от *киокиаку*, местных героев, как, например, пожарных, которые назначались Токугава Шогунате для поддержания порядка в семнадцатом столетии. По мере того как общество в целом становилось все более коррумпированным, то же происходило и с *киокиаку*, пока они сами не оказались втянутыми в теневой мир игорных домов и проституции.

„Неудивительно, — думал полковник, — что мафия заинтересовала Оками“.

— Я говорю об *omeria*, потому что это необходимо, — обратился к нему Оками. — Потому что я чувствую, что существует опасность для моего мира, и я обязан предпринять что-либо в этой связи.

Полковник был высоким мужчиной с привлекательной и внушительной внешностью, с пронзательными голубыми глазами. Он слегка пошевелился в горячей воде. Мягкие всплески в других бассейнах *фуро* создавали как бы ритмичный фон для их разговора.

— Есть другие... более пожилые, чем вы, люди, которые могли бы взять на себя эту задачу.

Вновь Оками поразили слова полковника. Он использовал японское слово, означавшее „более пожилые“, когда хотел сказать „более могущественные“. Его сестра была права — он знал японские обычаи почти как японец.

— В любом другом обществе это могло бы быть правильным, — согласился Оками. — Но якудза — это закрытая книга. Более старые люди страдают артритом мышления. Они видят прошлое, как будущее. В то время как я вижу будущее, как настоящее. — Он поднял руку и быстро почесался. — Я полагаю, что вы и я похожи друг на друга в этом отношении, Линнер-сан.

Полковник открыл глаза, слегка наклонил голову к Оками.

— Очень любезно с вашей стороны говорить так, Оками-сан.

Оками улыбнулся про себя. „Любезно“, когда на самом деле он имел в виду „мудро“.

— Но мы похожи и в другом отношении. Мы оба люди чести. По своему опыту я знаю, что это качество является

редким среди представителей Запада, и его надо высоко ценить.

— Слово и дело, Оками-сан.

— Совершенно верно.

„Итак, он знает“, — подумал Оками, чувствуя, как быстрее забилось его сердце. В Японии слова почти ничего не значат. Имеют значение только дела, и больше ничего.

— Я понимаю, что вы должны были чувствовать, когда Кисоко настаивала на нашей встрече, — полковник помолчал, чтобы придать своим словам больший эффект, — особенно, принимая во внимание мое положение в оккупационной штаб-квартире.

— Вы пользуетесь расположением Дугласа Макарура.

— Особенно если учесть, какие чувства ко мне испытывает ваша сестра.

Оками с трудом удержался от смеха. Как ему нравилась манера, в которой этот человек вел разговор! Его приводило также в изумление, что он испытывал большое удовольствие, находясь в компании полковника. Два месяца назад даже мысль об этом привела бы его в плохое настроение. Он был рад, что обладает способностью смиряться с переменами как в себе самом, так и в других.

— У вас были все основания возненавидеть меня тотчас, как только увидели, — сказал полковник. — И, наверное, так оно и было. Бог свидетель, я не мог винить вас за это.

Оками промолчал. Подобно опытному игроку в шахматы, он обдумывал, какие следующие шаги может сделать полковник.

— Но теперь мы достигли определенного взаимопонимания. Мы знаем, что каждый из нас хочет получить от другого, и поэтому мы научились уважать друг друга. Ты мне, я тебе, Оками-сан. Это движущая сила любых удачных и долговременных отношений.

— Между якудза и военными Соединенных Штатов. Вы не находите, что в этом альянсе есть что-то ироническое?

Легкая улыбка проскользнула по загорелому лицу полковника.

— Послушайте, Оками-сан, я считаю, что человеческая раса обладает неограниченной способностью справ-

дивать ужасные события, невообразимые действия, безправственные союзы. Человеку нужно лишь определить для себя предельную черту, за которую он не может переступить никогда, и он не должен даже пытаться сделать это.

Оками пристально смотрел в сияющие голубые глаза.

— Что касается меня, — сказал он, — я связан кодом чести, не менее строгим, чем *бушидо*, код самурая. Все, что не противоречит этому коду, допустимо.

Полковник рассмеялся.

— Вы говорите прямо как сицилиец.

Наконец Оками разрешил себе улыбнуться.

— Итак, мы возвращаемся к делу Джона Леонарда, известного так же, как Джонни Леонфорте.

— И, по-видимому, к вашему любимому *omerta*, — полковник поднял палец. — Этот человек — Леонфорте — занимается торговлей любым, какой только можно представить себе, контрабандным товаром: не только тем, который принадлежит армии США, но и русским оружием, лекарствами, различными наркотиками. Проблема в том, что ни один человек из его команды, с которым мы имели дело, не хочет говорить.

Оками кивнул.

— Даже якудза *кобун*. Он пользовался услугами пехотных солдат, недовольных нашим сотрудничеством с оккупантами, для хранения и рассылки своего контрабандного товара. Непостижимо, но и они не хотели выдать его. Но у меня есть одно имя — Леон Ваксман. Его имя — это все, что мне известно о нем. Я не смог узнать ничего больше. Очевидно, он находится под покровительством.

— Леонфорте?

Оками пожал плечами. Полковник вздохнул, закрыл глаза.

— Кому-то, — сказал он, — надо поговорить с Джонни Леонфорте.

Говоря по правде, во всей этой ситуации Оками больше всего беспокоил тот факт, что уличные якудза продают свои клятвы, отдавая себя под власть *итехи*, варвара, чужестранца. Какой удивительной силой должен был обладать Леонфорте, чтобы подчинить своей воле членов японского уголовного мира?

Это был главный вопрос, который беспокоил Оками, когда он шел на встречу с капитаном военной полиции американской армии. Конечно, полковник был слишком известной фигурой, чтобы сделать что-то большее, чем нанести Леонфорте официальный визит. Оба они пришли к заключению, что это скорее создало бы новые проблемы, чем помогло решить уже имеющиеся. Кроме того, в альянсе между Оками и полковником очень важным было то, что никто вообще не мог бы и предположить его существование. Столкнув Леонфорте с другим уголовным типом, можно было добиться от него такой информации, какую он, даже под угрозой смерти, не разгласил бы человеку, занимающему положение полковника.

Капитан Джонатан Леонард проводил большую часть свободного времени в маленькой, забитой вещами квартирке женщины, с которой он делил и кровать. Ее звали Фэйс Сохилл. У нее была тонкая талия и умные глаза. Она обладала ногами натурщицы и знала, как демонстрировать их. Числясь медсестрой в армии США, она не ходила на дежурства, а присматривала за генералом, у которого была хроническая язва желудка и который домогался ее с усердием религиозного фанатика.

Зная сицилийцев как, возможно, никто другой, Оками сомневался, что Леонфорте посвящал любовницу в свои деловые операции. Но, с другой стороны, он проделывал свои фантастические операции из ее квартиры, так что где-то должны были сойтись бизнес и удовольствие.

Все это пронеслось в мыслях Оками, когда он стоял перед открытой дверью в загроможденную квартиру Фэйс Сохилл. Она отправлялась к своему генералу и нагнулась к Леонфорте, чтобы поцеловать его на прощание. Когда она проходила мимо, Оками почувствовал исходящий от нее запах сандалового дерева. Одарив его широкой улыбкой, открывшей ряд белых зубов, Фэйс застучала каблучками по лестнице.

— Микко Оками?

— Хай, — Оками слегка поклонился, отметив боковым зрением, что Леонфорте не ответил на поклон. Он уже привык к такому обращению победителей. Вся личная злоба испарилась из него после войны, которую он ненавидел и против которой он боролся. И в конце концов, он вступил в армию потому, что был патриотом и любил свою страну, даже когда она принимала недальновидные решения. Но он не совершил военных преступлений и

был теперь вдвойне рад, что Кисоко представила его полковнику. У него были неоплаченные долги, и Дэнис Линнер предоставлял ему возможность урегулировать их.

— Войдите, — бросил Леонфорте. — Это — Винсент Альба. — Он махнул рукой в сторону человека с суровой внешностью, темными близко поставленными глазами грабителя, коротко стриженными волосами и большими волосатыми руками. На Леонфорте был мундир военной полиции, а Альба был одет в гражданский хорошо пошитый и дорогой костюм из шелка и легкой шерсти.

— Располагайтесь как дома, закиньте куда-нибудь вверх свои ноги.

Леонфорте был высокого роста, худощавый, приятной наружности, с темноватой кожей человека из средиземноморского района, с жесткими черными волосами, подстриженными коротко, как это принято у военных. Оками представил себе, как эти волосы выглядели бы, будь они длиннее, с завитками надо лбом и сзади на шее, как у римского сенатора.

Пока Оками усаживался на край двухместного изогнутого в виде буквы „S“ кресла, Леонфорте подошел к прислоненному к стене маленькому столику с откидывающейся крышкой.

— Что вы думаете об анисовой водке? Или, может быть, „Самбукка“? Я достал свежих кофейных зерен, чтобы добавить в стакан.

Он обернулся к Оками.

— Вы знакомы с такой итальянской привычкой пить „Самбукку“? Нет? Тогда вы должны попробовать.

Оками принял стакан с прозрачной жидкостью, в которой плавали два темных зерна. Он заметил, что Альба оставался неподвижным. Ему не было предложено, и он не спросил никакого напитка. Фактически Леонфорте обращался с ним так, как если бы его вообще не существовало.

— „Самбукка“ ждет, — сказал Леонфорте, прислонив свой стакан к стакану Оками. Одним глотком он ополовинил овою порцию.

— Что вы скажете? Хорош, а? Лучше, чем саке, разве не так?

Оками не поправился вкусу напитка, но он преодолел себя и допил стакан. Он ухитрился даже изобразить улыбку.

— Превосходный напиток, — произнес он. — Могу я попросить еще одну порцию?

Когда Леонфорте наполнял его стакан, Оками окинул взглядом комнату. Все горизонтальные поверхности были заполнены книгами, в большинстве своем медицинскими, но, как он заметил, были и тома по международному праву и экономике, а также подборка книг по философии от Ницше до Канта и Сократа. „Неужели все это читала Фэйс Сохилл?“ — подумал он.

Леонфорте передал ему стакан и развалился в громадном кресле, закинув одну ногу на другую.

— Что я могу сделать для вас? Должен вам признаться, я не удивился, когда вы позвонили. Вы, ребята, всегда просите чего-нибудь. — Он подмигнул. — Я часто закрывал глаза, когда ваши группы мошенников обкрадывали народ. Пока я получаю свой кусок, какое мне дело до ваших делишек?

Он поставил стакан на старый сундук, который использовался как кофейный столик.

— Что на этот раз? Игорные дела? Притон проституток? Или, может быть, вы хотите моего покровительства, с тем чтобы вы могли расправиться с конкурирующим семейством? Теперь подобных дерьмовых делишек больше, чем я могу сосчитать. — Он рассмеялся. — Сказать по правде, мне это очень нравится. Вы, ребята, делите свои территории, убивая друг друга. Тем самым расчищаете место для меня.

— Понимаю ваше удовольствие, — заявил Оками. — Это прямо как у вас там дома, не правда ли, мистер Леонфорте?

Леонфорте не мог пропустить подобный выпад. Хотя, если бы Оками не наблюдал за ним, он даже не заметил бы, как дернулся левый глаз Леонфорте.

— Почему вы меня так называли?

— Вы думаете, что я пришел сюда, не выполнив своего домашнего задания?

— Существуют разного вида домашние задания. — Он впервые бросил взгляд на Винсента Альбу, который стоял неподвижно, как устрашающие дедовские напольные часы около картины с изображением сражения римлян.

— Я полагаю, что мне стоит остерегаться людей, которые тратят свое время на то, чтобы копать под меня. Они могут быть опасными.

Он снова взял в руку стакан, и Оками понял, даже не

глядя прямо на Альбу, что тот незаметно сменил свою позу.

— Я отвечаю на угрозу быстро и инстинктивно, вы понимаете, о чем я говорю, Оками? Я не бью баклуши. Таким образом, я могу не беспокоиться, что мне придется выковыривать пулю из своих кишков.

— Вы высказались очень ясно, — сказал ему Оками. Он демонстративно допил „Самбукку“. — Это действительно вкусно.

— Рад, что вы достойно оцениваете итальянские вещи, — сухо произнес Леонфорте. — А теперь скажите, какого дьявола вы хотите от меня?

— Хорошо. — Оками поставил свой стакан. — Я предлагаю вам сделку. У меня есть хорошая идея относительно товара, которым вы торгуете. — Он поднял руку. — Пожалуйста, не утруждайте себя отрицанием этого. Мои люди представляют собой великолепную сеть для распространения товара. Они знают все ходы и выходы в Токио. Я знаю, где ваши товары могут быть проданы по самым высоким ценам, и места, куда не стоит даже соваться, чтобы не терять времени зря. Короче говоря, мы могли бы составить прекрасную компанию.

Леонфорте грубо рассмеялся.

— Ты слышал это, Винни? Он хочет, чтобы я отдал часть своего бизнеса какому-то чумазому сопляку. — Он подскочил с такой силой, что затряслись стаканы на сундуке. — Черт тебя побери, что ты воображаешь о себе, косоглазый, как ты смел прийти сюда, пить мою „Самбукку“ и затем требовать долю в моем бизнесе? Если бы я был дома, в Штатах, я отхлестал бы тебя по щекам, но, поскольку я в чужой стране, я должен проявить сдержанность, не так ли, Винни? О да! — Леонфорте указал на дверь. — Катись к черту отсюда и считай, что тебе здорово повезло.

— Это Винсент Альба его охранник, — сказал Оками. — В этом нет никакого сомнения.

— Оба они, кажется, составляют хорошую пару, — заметил полковник и, засунув трубку в кожаный кисет, набил ее табаком. Его пальцы любовно обхватили неровную поверхность головки трубки — она была своего рода его талисманом. Однажды она даже спасла жизнь его и его команды в Сингапуре. Это было в начале 1945 года.

Так как он искал ее по карманам, он задержал людей при продвижении на открытое место, которое через мгновение стало объектом вражеской бомбардировки.

— Учитывая эпитеты, которые он использовал, у меня нет сомнений в том, что ему необходим охранник.

Они сидели в тесной задней комнатке ночного бара недалеко от района Гинза. Это было вполне законное заведение и поэтому безопасное место для их встреч. Однако они это делали только по ночам и входили и выходили исключительно через служебный вход, ведущий на мрачную, безлюдную улицу. Их обслуживал сам хозяин. Полковник спас его заведение после того, как в нем был захвачен известный делец черного рынка, и военная полиция угрожала закрыть его. Полковник, который всегда глядел в будущее, посчитал, что этот бар может быть безопасным местом для его тайных операций. Таковым он для него и стал.

— Мне необходимо как-то противодействовать тому, что он набирает себе людей из рядов якудза, — заявил Оками. — Тот факт, что он почти физически выбросил меня из квартиры, когда я предложил ему сделку, вызывает у меня подозрение.

— В самом деле, — ответил полковник. — Он, конечно, не глуп. Я бы сказал, что создается впечатление, будто он уже заключил сделку.

Оками долго смотрел на полковника, не произнося ни слова. До них доносились звуки стукающихся друг о друга стаканов, приглушенные голоса и однажды взрыв пьяного хохота. Вошел хозяин и молча заменил их пустые пивные кружки на полные.

Наконец Оками произнес:

— Если это так, то для нас обоих создается серьезная проблема. Для вас это означает, что Леонфорте почти неприкасаемый. Для меня — что мой мир внезапно выходит из-под моего контроля. Леонфорте заключил сделку с каким-то другим *оябун*, и я должен был бы уже знать об этом. Я, конечно, не имею в виду, что какой-то босс якудза обдeldывает секретные делишки с иностранцами.

— Подобно вам?

Замечание полковника было не упреком, а лишь напоминанием, что ничья власть не бывает абсолютной, даже если она таковой и кажется по мере ее возрастания.

Полковник слегка повернулся к Оками, в свете лампы на его лице появилось и тут же исчезло некое подобие улыбки.

— Что-то произошло, Оками-сан. Где-то мы затронули чей-то нерв.

— Что вы имеете в виду?

— Меня сегодня вызывали к Виллоугби.

Генерал-майор Чарльз Виллоугби, как и сам полковник, был одним из наиболее влиятельных помощников Макартура. Он возглавлял также „G-2“*, спецслужбу оккупационной армии, и являлся своего рода постоянной занозой в боку полковника.

— Я получил там подобие нагоняя, — произнес полковник.

Оками не отрывал глаз от его лица. Казалось, полковник спокоен и несколько задумчив. Оками посчитал это хорошим признаком.

— Скорее всего, люди Виллоугби пронюхали о специальном расследовании, которое я провожу. Слава Богу, что он еще не имеет понятия о вашем участии.

— Я был исключительно осторожен, — заверил Оками.

Последние три месяца он и полковник занимались расследованием причин, по которым некоторые высокопоставленные офицеры в бывшей императорской армии и военно-морском флоте не предстали перед трибуналами, рассматривавшими военные преступления. Оками сам указал полковнику на этих офицеров как лиц, чья власть и чрезмерное усердие привели к тому, что они совершили преднамеренные зверства, за которые должны теперь понести самое суровое наказание.

Полковник представил список имен этих офицеров в офис адъютанта генерала вместе с документацией, собранной для него Оками, но до сегодняшнего дня не получил удовлетворительного ответа на свои неоднократные запросы о том, что было предпринято по этому поводу. Ясно, что кто-то их заблокировал.

— Виллоугби высказал вслух свое удивление, что я при всей загруженности работой нахожу время гоняться, как он выразился, за диким гусем. Вы знаете, что значит это выражение? Бесплезный поиск. Если вам надосла ваша служба, — сказал он мне, — я с радостью напишу вам рекомендательное письмо для любой другой работы, которая будет соответствовать вашим требованиям.

* „G-2“ — второй отдел американского общевойскового штаба, ведающий военной разведкой и контрразведкой.

Голубые глаза полковника излучали холод.

— Я заметил, как осторожен он был. Он даже не упомянул ни разу о существовании моего расследования или об интересе, который он мог бы лично иметь к этому делу.

Полковник выбил остывший пепел из трубки и стал набивать ее снова табаком.

— Я начал раздумывать, каким образом я ухитрился наступить на ногу Виллоугби, когда занимался вашими военными преступниками. — Он зажег спичку. — Конечно, нужен очень сильный человек, чтобы снять форму с этих офицеров в офисе адъютанта генерала и прогнать их оттуда. — Полковник засунул трубку в рот и начал втягивать в себя ароматный дым табака. Когда трубка разгорелась так, как ему хотелось, он продолжил. — После разговора с генералом я собрал копии документов с доказательствами, которые вы мне предоставили, и послал их ему с нарочным. Я приказал нарочному удостоверить в том, чтобы Виллоугби сам лично расписался в получении этого запечатанного пакета. Теперь я имею его подпись.

— Виллоугби ничего не станет делать с этой информацией, — заявил Оками.

— Тогда у меня будет ответ на мой вопрос. Я буду знать, что он взял этих людей под свою опеку по какой-то известной ему одному причине, связанной с вопросами безопасности. Необязательно здесь должно быть что-либо дурное. Возможно, они имеют важные тайные связи с нашей разведкой, которые Макартур не хочет раскрывать в ходе открытого процесса в трибунале.

— Правосудие должно свершиться. — Лицо Оками окаменело. — Я добьюсь отмщения, Линнер-сан. Это существенная часть нашего альянса.

— Я полностью понимаю вас, — ответил полковник.

Но позднее в тот же вечер, когда Оками пробирался через разрушенный войной Токио, у него возникли сомнения. „Может быть, полковник и генерал сделаны из одного и того же материала. Оба они с Запада и, в конце концов, кто может доверять людям с Запада? — Оками покачал головой. — Это опасный путь“. Он понимал, что частично он продолжает мыслить как другие *оябун*.

Иногда, как это было и сейчас, Оками чувствовал себя как настоящий психиатр. Сердцем он знал, что следует делать. Теперь это совершенно новый мир — тихоокеанская война была тому причиной. Если война и научила

его чему-либо, так это пониманию того, что Япония не может больше полагаться только на себя в предстоящие десятилетия. Она сделала ложный шаг в этой войне, разрушила страну и razорила свой народ, и все это из-за изоляционизма, которого она придерживалась. Он считал, что поражение Японии явилось результатом непонимания ею Запада, особенно американцев. „Мы недооценили их силу, не учли их гибкость и неправильно поняли их решимость. Мы не можем позволить себе поступить снова подобным же образом“.

Собственное стремление к процветанию его бизнеса и в будущие десятилетия толкнуло Оками на создание альянса с полковником. Ему на самом деле нравился этот человек. И это чувство было для него странным, потому что он, как и большинство его соплеменников-японцев в настоящее время, чувствовал глубокое отчуждение от других стран мира за пределами Азии.

Для него, японца, было странным обнаружить у полковника понимание синтоизма, дзэна, конфуцианства и целой когорты воинствующих метафизиков, что вместе составляло подлинную суть Японии. „Удивительно“, — думал он, задумчиво глядя на ореол над ночным Токио.

Он доверял полковнику безоговорочно. Но его расстраивало, что полковник был готов искать оправдание Виллоуби. Честно говоря, Оками, в его положении, было легче чувствовать заговор, чем полковнику. По своему горькому опыту Оками знал, что хозяин последним узнает о непорядках в собственном доме.

Оками достиг совершеннолетия пять лет назад. В то время его отца предал собственный брат, продавший другой семье прибыльную территорию в центре делового района Токио, которая принадлежала семейству Оками и которой помогала та семья. Отец был убит членами этой соперничавшей семьи, когда он лежал один в своей кровати. Его жена в тот день поехала навестить больную мать, жившую вблизи Хиросимы. Как рассказывал потом дядя Оками, эти люди проникли в дом, обойдя охранников, и вонзили свои мечи в живот отца Оками.

На похоронах Оками стоял между матерью и дядей, не чувствуя ничего, кроме охватившей его печали. Через две недели, выпивая вместе с подружкой в ночном баре, он услышал пьяный разговор большой группы молодых якудза *кобун*. Двое из них оказались теми, кто зарезал его отца. К удовольствию остальных, они хвастались

тем, как им удалось незаметно проникнуть в дом и покинуть его.

На следующее утро Оками взял отцовский *катана*, спрятал его под длинным плащом. Затем отправился к месту работы своего дяди, попросил пропустить его. Минут через пятнадцать или около того его провели к нему. Дядя, вообразивший о себе Бог знает что из-за вероломно полученных денег и кратковременной власти, широко заулыбался, представляя племянника головорезам якудза, которые окружали его. Он всегда любил пышность и упивался своим положением. Его духовный мир был весь в феодальном прошлом, когда выдающиеся воины правили страной и командовали менее удачливыми смертными.

Согласно обычаям, Оками поклонился стоявшим людям. Его дядя сидел за массивным деревянным столом. Он протянул племяннику правую руку ладонью вверх. Когда Оками распрямился, дядя спросил его о причине прихода.

Оками быстро шагнул к нему. Плащ не был застегнут и распахнулся. Оками прыгнул на стол, выхватил меч своего отца. Прежде чем пораженные охранники смогли среагировать, он поднял *катана* вверх и из всех сил ударил вниз с наклоном, отрубив голову дяди напроочь.

Фонтан крови забил из шеи, залил двух из приходивших в себя стражников. Обезглавленное тело судорожно подергивалось. Голова лежала на окровавленном столе, в широко открытых глазах было недоумение, на лице застыло насмешливое выражение, как на хорошо сделанной маске.

Оками ударил торцом рукоятки меча в нос одного стражника, затем повернулся, и острый край *катана* врезался в плечо другого. Его пистолет упал на пол, а сам стражник, взыв от боли, тоже свалился на пол, пытаясь безуспешно остановить льющуюся кровь.

Оставались еще двое. Они выхватили свои мечи. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы воспользоваться пистолетом, — человек, который сделал это, потерял бы свое лицо. Убив бесчестно, Оками не мог бы больше считаться якудза. Изгнанный сразу же из этой странной, крепко связанной банды так называемых посторонних, то есть людей, не являющихся членами семьи, ему некуда было бы податься. Он потерял бы единственный мир, который его принимал.

Оками сделал обманное движение вправо, а сам бросился налево, соскочив со стола. В полете он расставил широко ноги, нанес мечом удар вправо, где стоял третий стражник, рассек ему грудь, распоров не только кожу, но и мышцы. Из безжизненной руки стражника вывалился его *катана*.

Когда Оками опустился на пол, он почувствовал на мгновение онемелость в теле. Он быстро повернулся к четвертому охраннику. Его пронзила острая боль, и он понял, что ранен. Он преодолел чувство боли, отразил второй удар охранника и, ударив ботинком по его коленке, использовал паузу, чтобы пробиться через его защиту. Он оглушил его, ударив рукояткой меча в правое ухо, и сделал выпад. Кончик его меча вошел и вышел из тела противника. Четвертый стражник свалился на пол лицом вперед.

Так Микио Оками стал *оябун* клана Оками. Прежде чем покинуть помещение, Оками нашел в себе силы поднять за мокрые волосы отрубленную голову своего дяди, которая затем в течение шести недель висела на кожаном ремне во дворе дома Оками. Каждый, кого он вызывал в то время — старшие его клана, а также *оябун* других семейств в Токио, были вынуждены проходить мимо этой головы, чтобы встретиться с ним.

Последним, кого вызвал Оками, был *оябун* Сейдзо Ямаучи. Это был человек с бычьими плечами, длинным, постоянно недовольным лицом и видом праведника. Он постоянно осуждал новых рекрутов в рядах якудза за утрату ими традиционных ценностей. Он был также отличным ростовщиком, который прижимал стариков на своей территории, вынужденных все чаще обращаться к нему за помощью по мере того, как призрак войны распространялся по стране и уходили в армию их сыновья. Те два *кобун*, чье хвастовство подслушал Оками в баре, принадлежали к клану Ямаучи.

Когда Сейдзо Ямаучи проходил по двору, он долго и пристально вглядывался в сморщившуюся, покрывшуюся коростой голову дяди Оками. Он осуждающе качал головой, как если бы видел дело рук какого-то анархиста.

— Отвратительное время, — обратился он к Оками, когда были исполнены ритуальные приветствия.

— Полностью согласен с вами, — ответил Оками, наклонившись над хибачи, чтобы приготовить чай для

гостя. Он чувствовал, что старик напрягся, как при перепаде давления в быстро спускающемся лифте, и сделал все возможное, чтобы успокоиться самому. Предстоял долгий разговор, и его могли поджидать неприятные сюрпризы.

Никто из них не произнес больше ни слова, пока не были положены на дно чашек нарезанные листья, налита сверху горячая вода, вынута мешалочка, сбившая на чашках бледно-зеленую пену. Оками подождал, когда Ямаучи поднесет чашку к губам, и только тогда он взял свой чай. Ямаучи кивнул, довольный манерами более молодого, чем он, человека.

— Вот почему я позвал вас на эту встречу, — сказал Оками самым приятным голосом. — Теперь, когда с предателем клана Оками покончено, я хотел бы установить альянс с Ямаучи. — Он приготовил новые порции чая для себя и гостя. — Время сейчас, действительно, отвратительное. Приближается война. Я чувствую ее так же, как старик чувствует приближение дождя — своими костями. Теперь, как никогда раньше, нам необходимо держаться вместе, отбросить наши территориальные распри, забыть про месть. За выживание, Ямаучи-сан.

Он поставил свою чашку.

— И есть еще одна причина, если вы позволите говорить откровенно.

Старый человек кивнул головой, несколько успокоившись.

— Я еще молод. Песомненно, как говорят некоторые, я еще не созрел, чтобы стать *оябун* такого большого семейства, как мое. Но я просто поступаю в соответствии с обстоятельствами, так что, вероятно, меня можно простить за внезапное... повышение в ранге. Однако я отдаю себе отчет в ненадежности своего положения и, обдумав это, пришел к выводу, что в моих интересах было бы иметь ментора, человека более пожилого и более мудрого, к кому бы я мог обращаться за ценными советами и консультацией. За такой расход времени и усилий я готов поделиться богатством семьи Оками. Как вам показалась эта моя идея, Ямаучи-сан?

Ямаучи сделал вид, что обдумывает предложение. Но Оками чувствовал, что настроение у него стало приподнятым, как если бы вдруг из-за облаков на небе выглянуло солнышко.

Выдержав паузу, Ямаучи сказал:

— Ваше предложение заслуживает внимания. Оно показывает мне, что вопреки опрометчивости молодых, которую осуждают некоторые *оябуи*, вы обладаете мудростью, которой не хватает другим в вашем клане. — Он кивнул головой. — Я принимаю ваше предложение!

— Замечательно, — откликнулся Оками. — И чтобы поставить печать на наше соглашение, я прошу только, чтобы вы нашли виновников убийства моего отца и передали их смерти своей собственной рукой.

Ямаучи долго молчал. Он не двигался, не дотрагивался до оставшегося в его чашке остывавшего чая. Затем медленно произнес:

— Хватит чая. Пожалуйста, принесите бутылку коньяка „Наполеон“, чтобы мы могли в интимной обстановке отпраздновать этот исторический союз семейства Ямаучи и семейства Оками.

* * *

Спустя три дня Оками встретился с Митсуба Ямаучи в задней комнате ночного бара, который служил полковнику местом тайных встреч. Митсуба был одним из главварей семейства Сейдзо и одним из его двух главных помощников. Он приходился ему племянником.

Митсуба был насторожен, как был бы и сам Оками на его месте. Это был худой человек, почти без бедер, с длинными ногами, как у паука. У него была нервная привычка поглаживать подбородок большим пальцем. Лицо его было плоским, как доска, на нем резко выступал рот с толстыми губами, которые он складывал в добродушную улыбку, одинаковую как для друзей, так и для врагов.

После традиционных приветствий Митсуба расстегнул пиджак и спокойно уселся по другую от Оками сторону маленького стола. Когда он это делал, Оками заметил за поясом его брюк рукоятку пистолета тридцать восьмого калибра. В главной комнате бара слонялась пара стражников Митсуба, готовых к немедленным действиям, как охотничьи собаки, которым дали понюхать запах дичи. Оками преднамеренно был один.

Минут тридцать собеседники пили хорошее шотландское виски, приобретенное хозяином на черном рынке, и обменивались любезностями. До них доносились приглушенные звуки из передней комнаты бара. По радио исполняли веселенькую американскую популярную песен-

ку, несколько подвыпивших людей фальшиво подпевали. Наконец Оками спросил:

— Как вы относитесь к предполагаемому слиянию моей и вашей семей?

— У вас любопытная манера говорить о том, что стало уже фактом.

Оками склонил голову с мудрым, но несколько опечаленным видом.

— Я тоже считал, что это так. До сегодняшнего дня, когда мне принесли вот это.

Он встал, прошел в конец комнаты и включил шестнадцатимиллиметровый кинопроектор.

— Я попрошу вас просмотреть этот фильм до конца, Митсуба-сан, а затем высказать свое мнение.

На экране уже появилось изображение, когда Оками проскользнул обратно на свое место. Краем глаза он наблюдал за реакцией Митсуба на то, что содержалось на крупнозернистых, но совершенно четких, сделанных профессионально, черно-белых снимках. На экране была картина того, как Сейдзо Ямаучи убивает двух членов своего клана. Это были солдаты, убившие отца Оками.

Захватывающий дыхание фильм кончился. Оками на секунду оставил Митсуба, чтобы выключить проектор. Он наполнил виски оба стакана.

— Где... — Митсуба остановился, чтобы прочистить горло. Прежде чем продолжать, он проглотил половину виски. — Где вы достали этот материал?

— От одного из моих источников информации в Токио. Это была известная „полиция умов“, могущественная настолько, что ее боялись даже якудза.

— Получается, что у полиции уже имеются эти свидетельства против Сейдзо-сан?

Оками отметил, что он не использовал слов „мой дядя“. Он не сказал ни слова, желая посмотреть, в каком направлении подскочит Митсуба от укола в ягодицу.

— Это вызовет хаос в наших рядах, — произнес Митсуба почти про себя. — Когда уйдет Сейдзо-сан... — Он уставился на Оками. — Могу я признаться вам кое в чем, Оками-сан? Некоторое время назад я разочаровался в долгосрочных планах Сейдзо-сан... Фактически я был решительно против некоторых решений, которые он принял недавно.

Он смотрел прямо в глаза Оками, и оба они понимали, что Митсуба имел в виду директиву убить отца Оками.

— Я ценю ваши слова, — сказал Оками. — Возможно, удастся еще спасти кое-что от союза между нашими семьями.

Он поднялся, дав понять, что разговор окончен.

Через час тот же сценарий был разыгран с Катуодо Кодзо, хрупким чванливым человеком, который был вторым главным помощником Сейдзо. У Кодзо был твердый, вспыльчивый характер, что делало многих его врагами, но еще больше у него было почитателей, которых привлекал его ясный, логически мыслящий ум. В отличие от Митсуба, он пришел один.

Он спокойно и безмолвно просмотрел весь фильм, прослушал без комментариев слова Оками. Когда тот замолчал, он сказал:

— Вы знаете, эти два парня, которых пристрелил Сейдзо-сан, и убили вашего отца.

— Они были орудиями убийства, это правда, — отреагировал Оками. — Но рука Сейдзо-сан наводила на цель это оружие.

Кодзо обдумывал некоторое время его слова.

— Я не думаю, что Сейдзо-сан стал бы делать это, если бы таким не было одно из условий соглашения.

— Старые долги должны быть оплачены, — сказал Оками, — прежде чем могут быть установлены новые связи.

Кодзо сложил пальцы рук в пирамидку и напряженно смотрел на них.

— Кажется, Сейдзо-сан серьезно просчитался. — Он сделал легкое движение. — Я не могу говорить за Митсуба, но, что касается меня, то я полагаю, что для семейства Ямаучи лучше будет, если оно пойдет своим путем, параллельным семье Оками.

„Хорошо сказано“, — подумал Оками.

— В семействе Ямаучи в ближайшие недели следует ожидать немалой суматохи, — обратился он к Кодзо. — Там есть люди, которые совершенно не приемлют вашей философии. Эта суматоха может перекинуться и на другие семейства. Могут даже появиться разговоры среди *оябун* о необходимости вмешаться таким путем, который был бы им выгоден. Так что я не думаю, что это лучший путь для семейства Ямаучи. И он может, без сомнения, оказаться опасным для любого, кто захочет занять господствующее положение.

Оками нагнул и наполнил стаканы.

— Семья Ямаучи сбилась со своего пути. Мне хотелось бы, чтобы она вернула стабильность, которой обладала раньше. Нынешнее ее положение, я полагаю, представляет опасность не только для семьи Оками, но для всех других семейств. Можете не сомневаться, я сделаю все, что в моей власти, чтобы эта стабильность была восстановлена и сохранена.

Оками видел, что Кодзо точно понял, что он ему предлагает. Он поднял свой стакан, как это делают люди с Запада, чтобы произнести тост.

— За стабильность, — сказал он, слегка улыбнувшись.

Через неделю полиция, получив анонимное сообщение, обнаружила тела Сейдзо Ямаучи и его племянника Митсуба в гостиной резиденции Митсуба. По положению тел, характеру ран в обоих телах становилось ясно, что два якудза поссорились и дело дошло до применения ими смертельного оружия друг против друга. И если и имелись одна или две детали, которые не соответствовали этому заключению, полиция сочла за лучшее не замечать их. В конце концов главным было то, что стало на два якудза меньше и о них уже не надо было беспокоиться. Может быть, они все перережут друг друга, и тогда исполнится мечта полицейских.

В последующие недели были найдены еще несколько тел солдат и старшин семейства Ямаучи. Теперь Катсуодо Кодзо избавился от врагов и укрепил свою власть. Как и предсказывал Оками, масштабы кровопролития вызвали беспокойство среди *оябун* и они стали поговаривать о том, чтобы совместно вмешаться и навести порядок в семействе Ямаучи. Верный своему слову, Оками сохранил мир с Кодзо, удержав от каких-либо действий других *оябун*, пока Кодзо не установил там свой контроль.

В результате не только выросло влияние Кодзо в уголовном мире, но окрепли и позиции самого Оками. Теперь на него стали во все большей степени смотреть как на пророка, который может провести семейства через трудные времена.

Это было началом возвышения Оками до положения Кайсё, мистического Командира, *оябун* всех *оябун*.

У генерала Виллоугби был адъютант, которым заинтересовались люди Оками. Это произошло по той причине, что тот увлекался молодыми мужчинами, а криминальный мир, в который он должен был войти, чтобы удовлетворять свои похотливые желания, находился на территории, где господствовало семейство Оками.

Адъютанта звали Жак Донноуг. Это был молодой человек довольно привлекательной наружности, с песочного цвета волосами, высоким лбом, зелеными глазами и тонкими губами. На работе он был полон энергии, а во время его ночных походов, по сведениям из источников Оками, дело обстояло совсем по-другому.

Оками ехал по улицам ночного Токио, когда ему пришла в голову мысль, что он может использовать Донноуга. Он велел шоферу изменить направление и двинулся в район Синдзюку, где заведений по торговле водой, как красочно называют публичные дома японцы, развелось, как грибов в лесу.

Хозяйка „Железных ворот“ провела его внутрь дома, кланяясь так часто и так низко, что у нее должна была пойти кругом голова. Это была маленькая женщина в черном с оранжевым кимоно. Ее волосы были аккуратно уложены в стиле старой гейши. Громадные черепаховые булавки не давали волосам рассыпаться. Ее лицо, несмотря на морщины, было элегантно напоминающим о времени, когда она была прекрасной и желанной.

Как бы между прочим она сказала Оками, что Жак Донноуг действительно „вспахивает ароматное поле“, и указала на комнату в задней части верхнего этажа. Оками находил странным, что американцы строго запрещают сексуальные связи между мужчинами. В Японии это была признанная форма отношений в течение столетий.

Хозяйка заметила, что Донноуг настаивал именно на этой комнате, но она не могла понять почему. Обойдя по периметру здание, Оками разгадал загадку. Окно места встреч Донноуга выходило в угловую темную улочку, где было легко затеряться в случае полицейской проверки или какой-либо другой опасности.

Оками вернулся в „Железные ворота“ и уже собирался подняться по лестнице, когда заметил входившую в дверь армейскую медсестру Фэйс Сохилл. Он видел ее, когда ходил на встречу с Джоном Леонфорте.

Он быстро отступил в темную часть зала, ведущую к

кухне. Женщина направилась прямо к лестнице и поднялась по ней. Было странно видеть ее здесь, и еще более странным казалось то, что она, очевидно, хорошо знала это заведение.

Оками подошел к хозяйке и спросил, знает ли она что-либо об этой американской женщине.

— Она приходит сюда время от времени, — ответила женщина, вспоминая. — Пожалуй, в один из трех или четырех дней, когда приходит Донноуг. Она никогда не появляется здесь, когда его не бывает. Что она там делает с двумя мужчинами, я не имею понятия. — Она передернула плечами. — Я сказала Донноугу в первый раз, когда это случилось, что ожидаю получить от него большую сумму. Он заплатил, ничего не спрашивая.

Зантересовавшись, Оками тихо поднялся по лестнице вслед за Фэйс Сохилл.

В конце коридора он остановился, обдумывая следующий шаг. Инстинктивно он приложил ухо к двери, которая в подобных заведениях бывает достаточно тонкой.

— Вы уверены, что это безопасно? — донесся до него через дверь голос Сохилл.

— Я говорил вам, — раздался мужской голос, несомненно принадлежавший Донноугу, — он не говорит по-английски.

— От всего этого у меня мурашки по телу.

— От чего? — холодно спросил Донноуг. — Секса между мужчинами или беготни за Альбой?

— Вы ужасно легкомысленны для человека, играющего в такие опасные игры, — заявила Сохилл. — Если Виллоугби узнает, что вы делаете...

— Он не узнает. Маленький фашист слишком занят тренировкой мозгов своих японских полковников. Он хочет сделать из них шпионов. — Он слегка кашлянул. — Полагаю, что это тяжелая работа, если вы полноценный военный преступник.

— Этим людям место за решеткой, — заметила Сохилл. — Мне известны те зверства, за которые они должны нести ответственность.

— Это знает и Виллоугби, могу заверить вас. Однако он спокойно спит по ночам. Но это потому, что у него на уме коммунисты. Его план состоит в том, чтобы использовать этих японских офицеров как ядро нового военного генерального штаба перевооруженной Японии. „Советы, — любит он повторять, — всего на расстоянии плевка отсюда“.

Оками чувствовал, как кровь приливает к его внутреннему уху. Его сердце стучало, а во рту стало сухо. С чем он столкнулся? Он был прав относительно Виллоугби. Но почему Сохилл бежит, как выразился Донноуг, между ним и Альбой? И почему Альба, а не его босс Джонни Леонфорте?

— Я опаздываю, — сказала Сохилл. — Давайте мне это.

Ее голос стал внезапно громче, и Оками сообразил, что она сейчас откроет дверь.

— Вот, пожалуйста, — прозвучал голос Донноуга. — Последний дурак из пятнадцати в группе Виллоугби. Это будет праздничный день для Альбы.

Оками услышал шорох, отпрянул от двери, повернулся и быстро пошел обратно по коридору. Когда он спустился по лестнице, то услышал, как открылась дверь и по коридору застучали высокие каблучки.

Оками уселся на покрытую лаком черную скамью и стал дожидаться, когда Фэйс спустится вниз.

— Мисс Сохилл, — обратился он к ней, вставая и улыбаясь, когда она сошла с последней ступеньки.

Она обернулась. Ее холодные темно-синие глаза оценивающе смотрели на него, как если бы он был заинтересовавшей ее дамской сумочкой в витрине магазина.

— Вы — Микио Оками. Я помню вас.

— Совершенно верно. Могли бы мы выпить чего-нибудь?

— Боюсь, что об этом не может быть и речи, — заявила, нахмурившись, Фэйс. Она крепче прижала коричневый конверт, который держала под мышкой. — Я уже опаздываю. Джонатан не любит, чтобы его заставляли ждать.

— Вы хотите сказать Винсент Альба?

В первый раз на лице Фэйс мелькнуло удивление.

— Ну хорошо, в этом случае, я думаю, сумею уделить вам минуту-другую.

Оками провел ее в *ахасосин*, ниже по той же улице. Красная лампа заведения весело покачивалась в темноте. Внутри стоял шум и было так накурено, что они не могли видеть даже конца длинной, узкой комнаты. В полумраке Оками протолкался к бару, заказал две порции шотландского виски, даже не поинтересовавшись у Фэйс, чего она хотела бы выпить, и отвел ее в незанятую кабину в задней части помещения.

— Вы и Альба занимаетесь кое-какими незаконными делишками, — заявил Оками, как только они уселись.

— Пропшу прощения?

— Может быть, вы спите за спиной Джонни?

Фэйс рассмеялась.

— Да. И, может быть, луна сделана из зеленого сыра. — Она снова засмеялась. — Этот парень — человекообразная обезьяна.

— Вы работали на человекообразную обезьяну?

Фэйс повернула к Оками голову. Ее темно-синие глаза имели необыкновенную способность меняться в зависимости от обстановки. Сейчас в них просматривалась полупрозрачность табачного дыма. Она улыбалась.

— Вы или ясновидящий или хорошо умеете подслушивать.

— Что есть у него, чего нет у Джонни?

— У Альбы? Он абсолютно лоялен. И он знает, как выполнять приказы.

Фэйс взяла стакан и выпила немного виски.

— Джонни рассеян, вспыльчив. Его планы покорить меня не всегда соответствуют реальности.

— Так что Винсент Альба является его пастырем.

Она согласно кивнула головой.

— Можно сказать и так.

Оками несколько минут изучал эту женщину. Она была удивительно красива, с овальным лицом, бледная, с кошачьими глазами и полными губами, сложенными бантиком. Она напоминала ему одну интересную гейшу, с которой он однажды встречался. Кроме того, она умела вести разговор, что было особенно интригующим.

— На кого работает Альба?

— Сейчас вам лучше не знать этого, — заявила Фэйс таким серьезным тоном, что это заставило Оками задуматься.

— Лучше будет, если я задам эти вопросы майору Донноугу.

Надо отдать ей должное — Фэйс при этих словах Оками даже не моргнула.

— Я замечаю кое-что новое в нашем разговоре, — сказала она, подняв брови. — Должна я предположить, что у Винсента и у меня появился новый партнер?

— Это так просто?

Она передернула плечами.

— Когда в Риме... — Она заметила его удивленный вид и добавила: — Это ваша страна, так что мы находимся в менее удобном положении, чем вы. Кроме того, если вы намекаете Донноугу, мы все полетим в трубу. Мое решение простое. Две трети барыша лучше, чем ничего.

Минуту он раздумывал.

— Что делает Альба с информацией о группе военных преступников Виллоугби?

— Ничего, насколько мне известно. Он просто передает ее обратно в Соединенные Штаты.

— И вы оба не имеете даже представления, как она используется?

— Нет.

Оками решил, что таким путем он ничего не достигнет.

— А что, если я приставлю пистолет к голове Винсента Альбы и задам ему эти же вопросы?

Фэйс фыркнула, и ее глаза потемнели.

— Боже милостивый, вы, глупцы, все одинаковы, не так ли? Все должно решаться оружием.

Оками почувствовал, как его уколола прозвучавшая в ее голосе нотка презрения. Он протянул руку.

— Дайте мне посмотреть, что Донноуг передал вам.

Фэйс взглянула на него с любопытством, как если бы она видела его впервые.

— Я вижу, вы не даете мне никакого выбора.

Оками быстро просмотрел доклады разведки, которые скопировал Донноуг. Виллоугби не терял времени зря. Генерал-лейтенант Арисю, бывший шеф военной разведки генерального штаба, и ряд его офицеров были уже включены в историческую секцию „G-2“ и снабжали Виллоугби свежей информацией о движении советских войск на Дальнем Востоке, а также давали оценку другой разведывательной информации. Полковник Такуширо Хаттори, который был ранее начальником первой секции генштаба специальной оперативной дивизии, теперь руководил демобилизацией японских военных. Это было ужасно в двух отношениях. Военному преступнику было поручено вылавливать других военных преступников. А если план Виллоугби в отношении переворота в Японии станет реальностью, Хаттори будет возглавлять орган по ремобилизации армии.

Это позор, подумал Оками. Он должен был собраться с силами, чтобы остановить охватившую его от гнева

дрожь. Из этих людей, которые появлялись сейчас перед его глазами, как хористки в танцевальном зале, сделали своего рода знаменитостей, вместо того чтобы приговорить их за содеянное ими к семи мучениям ада.

— Вы, кажется, несколько взволнованы, мистер Оками. Пожалуй, я скажу еще по порции виски.

Оками, преодолевая личную враждебность к тому, что он узнал, стал думать о более широких последствиях этих бумаг, а именно, как они будут использованы начальником Винсента Альбы в Штатах. Кем бы он ни был, несомненно, он является *саро* мафии. Почему его должно интересовать, что люди из армии США привлекают военных преступников в свои спецслужбы?

Принесли виски, и Оками выпил свою порцию залпом. Ему было теперь безразлично, что подумает о нем Фэйс Сохилл. Содержимое бумаг Донноуга отодвигало ее на второй план. Она была, несмотря на красоту и ум, только женщиной, роль которой в этой игре он уже знал. Это была маленькая роль, как и у Джонни Леонфорте. Как назвал ее Донноуг? Скороходом? Его и полковника интересовало, поддерживает ли кто-либо Леонфорте, и теперь он знал ответ — таинственный *саро* Винсента Альбы в Штатах.

— Скажите мне, мисс Сохилл, какова ваша роль во всем этом? Мафия — это чисто мужская игра.

— А вы, мистер Оками, знаете все о мужских играх, не так ли? — Она при этом так ласково улыбнулась ему, как если бы он был ее любовником. Прежде чем продолжить, она опустила глаза и помолчала. — Дело в том, что у меня беспокойная душа. Я — хорошая американка. Я прибыла сюда, чтобы исполнить мои обязанности перед своей страной, используя все мои возможности.

— И просто случилось так, что вы попали в плохую компанию, — скептически заметил Оками.

— Я полюбила не того человека. — Ее лицо выражало печаль и сожаление. — Признаю, что было глупо влюбиться в Джонни из-за его энергии маньяка, его сумасшедших мечтаний.

Она сначала подняла, а потом резко опустила руку себе на колени.

— Почему так произошло? Может быть, это последствие войны или же виноват этот город — Токно, такой чужой и странный, и разоренный. Я... устала от всего.

Лицо ее вновь озарила такая же обезоруживающая улыбка.

— Вы знаете, я любопытна, как кошка. Даже Винсент и Джонни не смогли долго скрывать от меня свои дела. Винсент, когда узнал об этом, хотел меня выбросить, но... — Ее улыбка стала еще шире. — Я обвиняла Джонни своими бедрами, и он разрешил мне остаться. Так что я оказалась втянутой в это подобно дереву, захваченному ураганным штормом.

Оками не знал, верить ему или нет. Затем понял, что это не имеет абсолютно никакого значения. Важна была только информация, украденная у Виллоуби.

Он поднялся, все еще держа бумаги в руке.

— Я сниму копию. Верну их вам завтра утром.

Фэйс была в отчаянии.

— Винсента хватит удар.

— Пускай, — заявил Оками. — Ему следует начать привыкать к новому партнеру.

— Этот доклад бесценен, — сказал Оками. — Это — оружие, которое мне нужно для того, чтобы отомстить.

Полковник изучал данные ему Оками бумаги, когда оба они прогуливались в парке „Уено“. Полковник делал вид, что не замечает у Оками бутылку виски, к которой он время от времени прикладывался. Оками не ложился спать этой ночью. Он был пьян, он пил, начиная с того момента, когда покинул Фэйс Сохилл. Его приподнятое настроение росло с каждым шагом, который он делал, так как теперь он видел, как расправиться с теми, кого он больше всего ненавидел.

Было раннее утро. С реки Сумида все еще поднимался, завихряясь, туман. Фарфоровое голубое небо проглядывало через остатки ночного сумрака наподобие птенца малиновки, выглядывающего из своей скорлупы. Внизу вишневые деревья йосино были усыпаны шапками розовых цветов, таких бледных, что они казались почти белыми.

Воздух был насыщен ароматом, который всегда вызывал у Оками воспоминания детства. В те дни он видел отца очень мало, но каждую весну отец брал Оками и его брата в парк „Уено“, чтобы полюбоваться цветением вишен. Сладковатый эфирный аромат напоминал ему, как он держался за руку отца. Она была жесткой, сухой и придавала чувство уверенности. Он был счастлив, когда высокая фигура отца нависала над ним.

„Посмотри на цветы вишни у тебя над головой, — вспоминал он слова отца, которые тот произносил шепотом, почти с благоговением. — Они распускаются очень быстро, а затем в самый пик своей красоты падают на землю и умирают. Вот почему мы все так их любим. Все люди подобны этим цветам. Их красота в нас самих, мы с ними одно целое. *Шидзен* — „природа“ — это слово пришло из Китая, потому что у нас нет такого слова. Зачем оно нам нужно? Разве человек и природа не одно и то же?“

Через несколько лет, когда Оками позвали в дом отца в ночь его убийства, Оками стоял на коленях около кровати и дожидался прибытия матери. Он не позволил никому из людей отца войти в спальню, хотя и не мог запретить им двигаться по дому и по прилегающей территории, чтобы охранять его. Потом он расправится в одиночку с каждым, кто проявил нерадивость при исполнении своих обязанностей по отношению к отцу. Но в тот момент он склонил голову и, взяв холодную руку отца в свои руки, чувствовал, хотя и было другое время года, тот нежный, сладковатый запах, исходящий от цветов вишни в разгар их краткой лучезарной жизни.

Теперь, снова шагая по парку „Уено“, Оками глубоко вдыхал в себя волшебный аромат, полный воспоминаний. Он взглянул на полковника, который снова и снова прочитывал документ, почти не делая каких-либо замечаний.

— Если вы направитесь с этими материалами прямо к Макартуру... — обратился к нему Оками.

Полковник строго посмотрел на него.

— С чего вы взяли, что он еще незнаком с планами Виллоутби?

У Оками не было готового ответа на такой вопрос.

— Здесь, среди вишневых деревьев, — мягко сказал полковник, — мы должны не спеша, спокойно посмотреть на всю эту картину.

Он сделал несколько глубоких вздохов, и Оками снова подумал, что понимает, почему ему так нравится этот человек с Запада.

— Я знаю, на что способны эти люди, — продолжал полковник тем же спокойным тоном. — Я знаю, что они отдали приказ уничтожить вашего брата.

— Он был пацифистом, — сказал Оками приглушенным голосом. — Он был храбрым, а не я. Он открыто

высказывал то, что я чувствовал своим сердцем, но никогда не говорил вслух.

— Вероятно, он также был несколько глуп, — заметил полковник. — В то время нельзя было высказывать то, что думаешь, если это противоречило мнению большинства.

— Нет, нет, разве вы не понимаете, что он был прав для себя самого. Он был героем. — Горечь в голосе Оками была как яд, всыпанный в кубок вина. — А наградили меня. Это была шутка, конечно, потому что все, что я сделал, я сделал со страха за свою собственную жизнь. Мой капитан выстрелил бы мне в спину, если бы я не исполнил приказа. Я должен был рискнуть. — Вероятно потому, что он был пьян, он добавил: — Вы не собираетесь спросить у меня, *почему* я должен был рискнуть и получить пулю в спину?

Полковник остановился, взял пустую бутылку из руки Оками.

— Я знаю почему. Из-за славы. *Если только мы могли бы упасть, как цветы вишни весной — такие чистые и светлые!*

Когда полковник декламировал стихи, которые написал пилот-камикадзе перед смертельным полетом, Оками заплакал. Он был пьян, рядом с другом, так что это было позволительно и даже желательно. Внутренняя напряженность от сдерживания в себе эмоций периодически требует выхода.

— Генерал Макартур не может, вероятно, одобрять то, что задумывает делать Виллоуби, — сказал Оками, вытирая глаза. Холодный, освежающий ветер зыветривал из него хмель, несмотря на все его усилия не трезветь. — Перевооружение Японии сейчас было бы дипломатической неудачей для вашей страны и экономической катастрофой для моей. Если Япония не найдет пути для создания новой экономической базы, основанной на товарах мирного времени, не будет будущего для всех нас.

— Согласен, — заметил полковник. — И также, я полагаю, согласен с этим и Макартур.

Он спрятал руки за спину и стал ритмично ими пошлепывать одна о другую.

— Но мы еще не знаем, куда идет эта информация и кто может сейчас иметь к ней доступ. Кто является сейчас нашим врагом, Оками-сан? Я не знаю его, а вы? У

меня растет подозрение, что враг может быть могущественным и имя ему — легион.

— У нас нет времени для размышлений. — В своем состоянии он словно выплюнул последние слова. — Вы должны пойти к Макарту...

Полковник покачал головой.

— Нет, послушайте меня, мой друг. Мы должны разрушить план, задуманный Виллоутби, но нам следует быть осторожными. Макарту претит даже малейший намек на раскол между его людьми. У него свои проблемы с президентом и союзниками, и он очень осторожно относится ко всему, что могло бы вызвать отрицательную реакцию общественности. Нам нужно узнать, что на уме у тех, кто выступает против нас. Скажите, Окаминсан, могли бы вы вытащить свой *катана*, если бы были глухим, немым и слепым?

— Да, если я буду должен сделать это, — ответил глухо Окамин. Он продолжал находиться в возбужденном состоянии из-за остатков алкоголя в организме и из-за жажды отмщения.

Полковник помолчал, повернулся к Окамин. Они стояли под старой вишней. Окруженные ее воздушными, ароматными ветвями, они были похожи на богов на вершине горы Фудзи, рассуждающих о судьбе смертных под ними.

— Вы не похожи на человека, способного пойти на самоубийство. Я знаю вас достаточно хорошо, — резко сказал полковник. Он вновь покачал головой.

— Нам известно, что Альба и его *саро* в Штатах вторгаются сюда, и не только в американский черный рынок, но также и в ряды вашей собственной якудза. Мафия и якудза в одной постели — пугающая перспектива. Это и есть наша главная проблема. Замысел Виллоутби — только часть более широкой картины, которую нужно четко представить, прежде чем мы будем знать, по какому пути нам пойти.

— Полагаю, что настало время, чтобы я нанес визит Альбе.

— Нет. Думаю, что это было бы ошибкой. И, кроме того, мы еще не знаем, кто наш друг и кто враг.

Они продолжили прогулку. Солнце грело их плечи. Утренний свежий ветерок прекратился. Полковник был вынужден помолчать, пока они проходили мимо пары вооруженных солдат. К ним подбежал ребенок. Его руки были полны цветков вишни, которые он собрал на траве.

Он подбросил их вверх, и бледно-розовые лепестки разлетелись как снежинки. Ребенок побежал, и его радостный смех разнесся по парку.

— Самое благоразумное сейчас — встретиться с Джонни Леонфорте, — продолжал полковник, когда они остались одни. — По тому, что вам удалось узнать, он, кажется, является слабым звеном в этой цепи. Если это так, его легче всего сломать.

— Может понадобится применить силу.

Лицо полковника было серьезным.

— Оками-сан, жизненно важно знать, с какого рода ситуацией мы столкнулись. Будущее вашей страны и, вероятно, моей находится в подвешенном состоянии.

Оками выбирал место и время с большой тщательностью. Он потратил три дня, следя неотступно за Джонни Леонфорте, с тем чтобы узнать его распорядок дня. Наконец он решил перехватить его, когда он отправится на квартиру Фэйс Сохилл.

Оками узнал, что, как правило, Леонфорте оставлял вечера свободными, так как это было время, когда он проворачивал большинство своих прибыльных сделок. Оками следил из тени с противоположной стороны улицы, как Леонфорте подъехал в служебном „джипе“.

Сжав плоскую рукоятку своего *вакидзаси*, длинного, слегка изогнутого ножа, который был плотно прижат к животу, Оками быстро пересек улицу.

— Джонни! — позвал он, приблизившись к нему.

Леонфорте повернул голову так быстро, что Оками мог услышать хруст его шейных позвонков.

Глаза Леонфорте сузились.

— Вы! Я сказал вам...

Оками выбросил вперед правую руку и нанес Леонфорте сильный удар в солнечное сплетение, где сходятся под мускулами основные нервные каналы.

— А... а... а!

Звуки, издаваемые Леонфорте, напоминали мычание человека, которому в рот вставляют кляп. Он начал наклоняться вперед, но ухватился одной рукой за заднее сиденье, а другой нащупывал свой офицерский пистолет сорок пятого калибра. Оками спокойно протянул руку и крепко сжал известное ему место на руке Джонни около плеча. Вся правая сторона Леонфорте сразу онемела.

Оками вытащил его из „джипа“, проволоч в узкую, продуваемую ветром улочку на сторону, где был расположен жилой дом, в котором находилась квартира Сохилл. Прислонив его к мрачной железобетонной стене, он пару раз ударил по перекосившемуся лицу Леонфорте, пока его глаза не приняли осмысленного выражения.

— Я сожалею, что дело дошло до этого, — сказал Оками, нанеся ему коленкой сильный удар в пах.

У Леонфорте началась сильная рвота. Оками ловко отступил в сторону, чтобы его не испачкало. Потом он чуть оттащил и Джонни в глубь улочки, подальше от грязи.

— Я хочу знать, что происходит.

— Пошел к черту!

Оками ударил с такой силой по его голове, что услышал треск черепной кости. Леонфорте застонал, затряс головой. В уголках его глаз стояли слезы.

— Я убью тебя за это, — процедил сквозь окровавленные зубы Леонфорте.

— Я вижу, тебе не терпится получить такой шанс, — сказал Оками. Он сунул пистолет Леонфорте в его руку, а сам отступил назад, схватившись за рукоятку своего *вакидзаси*. — Вот твой шанс.

Несмотря на перенесенные побои, Леонфорте действовал быстро. Дуло его пистолета поднялось как в тумане, а пальцы нажимали на спусковой крючок. Но Оками уже вступил внутрь периметра своей обороны, а отточенный кончик клинка прокалывал кожу на горле Леонфорте.

— Ну, давай, — прошептал Оками. — Дави на крючок.

Леонфорте тяжело посмотрел на Оками, как если бы только что очнулся от сна.

— Что... — он с трудом сглотнул. — Что ты хочешь?

— Скажи мне, что намерен делать Винсент Альба.

Леонфорте заморгал.

— Винни? Что ты имеешь в виду? Он — паршивый охранник.

— Хм... хм. Он здесь затем, чтобы контролировать тебя.

— Ты спятил со своего дерьмового ума, босс.

Но Оками было ясно, что Леонфорте все тщательно обдумывает, прежде чем сказать. Он может быть горячим и неконтролируемым, но он — неглупый человек.

— Тогда Жак Донноуг тоже сумасшедший, потому что это я услышал от него.

— Мадонна! — вскричал Леонфорте. Он начал смеяться. Тело его затряслось, из глаз полились слезы. Он выплевывал кровь, но, очевидно, не замечал этого. Он пытался отдышаться, однако мешала боль от побоев. Смех становился все сильнее. Он все нарастал и наконец перешел в истерику.

Если Фэйс Сохилл и была удивлена, увидев Оками, по выражению ее лица этого сказать было нельзя.

— Мистер Оками, входите, пожалуйста, — заулыбалась она, открывая дверь в свою квартиру.

Оками перешагнул через порог, захлопнул за собой дверь. Фэйс Сохилл все еще была в форме. Оками посмотрел на две шпалы майора на ее погонах, удивился, что у нее такое высокое воинское звание. Все в ней было удивительно.

— Хотите выпить? — спросила Фэйс, направляясь к столу с откидывающейся крышкой.

— У меня сегодня был ужасный день.

Когда она принялась готовить напитки, Оками заметил, какие сильные и ловкие были у нее пальцы.

— В шесть утра начала кровоточить язва у генерала, думаю, что тут дело в амебе. Его внутренности в гадком состоянии.

Фэйс передала Оками стакан с шотландским виски, чокнулась и отпила глоток. Она сбросила ботинки и забралась в двойное изогнутое кресло, поджав ноги.

Он знал о ее сексуальной притягательности и умении использовать этот дар природы. Он собрался и задал ей вопрос:

— Где ваш босс? Где Альба?

Фэйс спокойно посмотрела на него.

— Вышел.

— Я подожду, — заметил Оками, отставляя стакан. Холод льда был ему неприятен. — Я повстречал внизу Джонни. Он выглядел не совсем здорово.

Фэйс выпрямилась.

— Что вы сделали?

Заметил ли он признаки страха в ее прекрасных глазах?

— Я сделал то, что должен был сделать. Кроме того, Джонни очень хотелось подраться.

Фэйс встала, через его плечо посмотрела на дверь.

— Я надеюсь, что Христос помог вам убить его, потому что, если в нем осталась хоть капелька жизни...

В этот момент дверь резко отворилась, и Джонни Леонфорте, обливаясь кровью и потом, вломился в комнату с пистолетом в руке.

— Оками, ублюдок, я убью тебя к чертовой матери!

Оками позволил своему телу поступать в соответствии с глубоко сидящим в человеке инстинктом самосохранения. Следуя сути боевой тренировки, состоящей в том, чтобы не дожидаться приказаний своего ума, он бросился головой вперед за кресло, с которого встала Фэйс, внимание которой в это время было сосредоточено на Леонфорте.

— Джонни!..

— Заткнись! — закричал Леонфорте. — Что вы двое делаете вместе? Устраиваете против меня заговор, как ты уже сделала с вонючим шпионом Альбой? Или занимаетесь интимным делом?

— Не глупи.

Этого не надо было говорить.

— В любом случае, это за мой счет! — Он выплевывал слова, брызгая слюной, как сумасшедший. — Уйди с пути, Фэйс, или я всажу пулю и в тебя!

Она пыталась его успокоить, но было слишком поздно.

— Джонни, взгляни здраво... Между Оками и мной ничего не происходит. Если ты только успокоишься...

— Я успокоюсь, — оскалился Леонфорте, нажимая на спусковой крючок, — когда ад покроется льдом! — Последовали выстрелы — один! два! три! Пули полетели через спинку кресла, как раз когда Оками потянул Фэйс вниз. Одна из них попала в ее левое бедро.

— Ох! — вылетело сквозь ее зубы, сжатые от боли и шока.

Перебравшись через нее, Оками прополз всю длину кресла и быстро выглянул из-за своего искусственного укрытия. Леонфорте стоял, расставив ноги, с руками, вытянутыми перед ним, в классической позе стрелка из пистолета. Он снова выстрелил. Пуля рикошетом прошла так близко от левого уха Оками, что он почувствовал в нем боль.

— Я знаю, где вы находитесь, мерзавцы, и я выбью из вас все мозги.

Оками не сомневался, что Леонфорте сдержит свою

угрозу. Он никогда не думал о смерти, но сейчас смотрел ей прямо в лицо. Его не особенно тревожило то, что он видел. Он чувствовал, что кровь бьется в его венах, а сильные мышцы сердца сжимаются и разжимаются. Его жизнь находилась в ладони его руки. Он не собирался отступать и решил, что если выберется отсюда живым, то никогда не позволит себе попасть снова в положение слабого. „Готов или нет, но я пошел!“ — решил он.

Оками собрался с силами, чтобы начать действовать, потому что дальнейшее пребывание за прикрытием кресла означало неминуемую смерть.

В это мгновение он услышал громкие злые голоса. Затем послышался звук выстрела, но пуля не прошла через спинку кресла.

Оками решил выглянуть еще раз и увидел, к своему удивлению, как Леонфорте ударил рукояткой пистолета по окровавленной голове Винсента Альбы. Он уже всадил две пули в Альбу и теперь пытался свалить его на могучие колени ударами пистолета по голове.

Выскочив из укрытия, Оками обогнул кресло и бросился к месту, где стоял Леонфорте. Как и догадывался Оками, Леонфорте боковым зрением заметил его движение. Но в болезненном состоянии он реагировал на все замедленно. Когда он понял, что кто-то движется, то решил, что Оками бросится прямо на него. Поэтому он дважды выстрелил в этом направлении.

Это дало возможность Оками подобраться с другой стороны и накинуться на Леонфорте. Он заметил, что Леонфорте направил на него пистолет, и понял, что у него есть только один шанс. Его *важидзаси* находился в горизонтальном положении. Нож Оками полеснул по лицу Леонфорте и врезался в его грудь в тот момент, когда он произвел свой третий выстрел. Оками почувствовал, как нож натолкнулся на ребра и прорезал между ними.

Леонфорте запнулся, его глаза широко открылись. Он попытался что-то произнести, вероятно, последнее ругательство, но глаза закатились, а ноги потеряли устойчивость. Он качался над быкообразной фигурой своей последней жертвы. Рука Леонфорте скользнула по окровавленному лицу Альба, как по льду. Затем он рухнул назад на столик с напитками, разбросав бутылки во всех направлениях.

Холодная вязкость ликера сливалась с тошнотворной сладковатостью смерти.

Оками, испачканный кровью, с ножом в руке, стоял, уставившись на Леонфорте. Он пытался вызвать в себе чувство сожаления, но так и не смог.

Через минуту он повернулся и пошел обратно, туда, где лежала Фэйс, наполовину закрытая перевернутым креслом, на котором она раньше сидела. Оками отложил свой *вахидзаси*, снял с нее опрокинутое кресло.

— Много крови?

Она имела в виду кровь, которую потеряла сама. Оками направился в кухню, нашел тонкое полотенце, вернулся и, встав на колени, крепко завязал ее бедро несколько выше раны.

— Недостаточно, — сказал он, имея в виду, что недостаточно для того, чтобы умереть.

— Я не чувствую своей ноги.

— Так и должно быть.

Фэйс взглянула на него.

— Я не знаю. Это не моя область. — Она попыталась засмеяться. — Я прошла через всю войну и никогда не видела ни одной раны.

— Интересная война, — заметил Оками.

— Джонни?

— Мертв. Но раньше он убил Альбу.

— О боже! — прошептала она. Ее глаза закрылись, а губы зашевелились. — Дайте мне подумать. — Ее глаза внезапно открылись и показались ему такими же красными, как и кровь, разлитая по всей комнате.

Она облизала губы.

— Есть местечко, куда я хочу, чтобы вы меня отвезли.

— Я знаю, где находится армейский госпиталь.

— Нет, не туда. — Она подождала немного, но, когда он не ответил, добавила: — Я не знаю, могу ли я вам доверять.

— Но я не думаю, что у вас есть выбор. Мы оба должны исчезнуть отсюда, прежде чем здесь появятся полицейские или военные.

Оками спрятал нож за пояс брюк, взял Фэйс на руки. К его удивлению, она была очень легкой.

Она показала ему боковой выход, ведущий на улочку, где он повстречал Леонфорте. Это было весьма кстати, потому что из темноты, скрывавшей их, они увидели мигающие красные и синие огни полицейских машин и «джипов» военной полиции.

Оками повернулся, пробежал до дальнего конца улоч-

ки, выбежал на более широкую улицу, повернул налево. Добравшись до своей машины, открыл дверцу, засунул туда Фэйс, пытаясь не замечать гримасы от причиняемой ей боли. Сел за руль, завел мотор, и они уехали.

Фэйс сказала ему, чтобы он ехал на запад, в сторону, где вдоль реки Сумида выстроились склады. Это был убогий район, запущенный, опустошенный войной. Где-то там Токио отстраивался заново, но здесь еще нетронутыми оставались довоенные постройки, гниющие около сонных вод реки.

Слабым от боли и шока голосом она указывала ему направление. Узкая улица уперлась в реку. Оками удивился, обнаружив между двумя длинными складскими зданиями частное жилое помещение.

— Остановитесь, — прошептала Фэйс, указав на место около этого домика. — А теперь оставьте меня здесь.

Оками сидел, не выключая мотора. Он посмотрел из окна машины на домик, затем снова на Фэйс. Она сползла с заднего сиденья, ее глаза были почти закрыты.

— Вы потеряли много крови, мисс Сохилл. Если я не помогу вам войти в дом, вам это самой не удастся сделать.

— Вы оказали хорошую помощь, сделав повязку. — Она попыталась сесть, но вновь прислонилась к двери. Ее рука нащупывала ручку.

Оками вышел, открыл дверцу с ее стороны, мягко поднял ее и извлек из машины.

— Вас не должны здесь видеть, — зашептала Фэйс. Ее голова склонилась на его плечо, и он слышал, как часто и шумно она дышит. Оками знал, что ее необходимо внести в дом немедленно.

— Это опасно...

Оками донес ее до входной двери, сильно постучал в дверь ногой, в результате раздался грохот, как от ударов по металлическому барабану. Он понял, что она сделана из металла, вероятно, из стали. Дверь быстро открылась, вызвав у Оками обоснованное предположение, что за ними наблюдали через приподнятую занавеску. Его встретила хрупкая японка не старше восемнадцати лет.

Она небрежно поклонилась, затем сказала:

— Сюда, пожалуйста.

Мапера, в которой это было произнесено, была характерна для врачей или медицинских сестер.

Она провела его по длинному коридору, облицованному панелями из вишневого дерева. Они вошли в помещение, которое выглядело как ярко освещенная операционная комната скромных размеров. Доктор уже был в перчатках и ждал. Он сказал, чтобы Оками положил Фэйс на стол и ушел.

— Анако покажет, где вы можете подождать, — обратился к нему хирург, начав предварительное обследование Фэйс. — Я выйду к вам, как только смогу.

Молодая женщина по имени Анако ввела его в соседнюю комнату, которая была обставлена, как библиотека. Вдоль стен располагались полки с книгами. Из середины сводчатого потолка с пятиметровой высоты спускалась хрустальная люстра. Пол покрывал персидский ковер, выполненный в тонах драгоценных камней. Удобная кожаная мебель: два больших дивана и кресла. Между диванами стоял кофейный столик из бронзы и стекла. На нем расположились небольшие часы. В одном углу комнаты находился французский секретер. На нем не было никаких предметов, а поверхность была отполирована до блеска. Оками бывал в музеях, где было больше пыли, чем здесь.

Заинтересовавшись, он подошел к книжным полкам. Он удивился, увидев, что почти все книги были на японском языке. Исключение составляла секция по истории войн, с томами на английском и французском языках. Было много книг по истории и садоводству. Все же основное внимание при составлении библиотеки было уделено философским текстам, настолько мало известным, что даже Оками, который благодаря полученному им обучению боевым искусствам имел хорошие познания в этой области, никогда не читал их.

Он взял один из этих томов, сел в кресло и стал читать. Освещение исходило от люстры и нескольких ламп с зелеными абажурами, поставленных в разных местах комнаты. Толстые занавеси плотно закрывали высокие окна. А когда Оками поднял одну из них, оказалось, что за ними только белая стена, а окон не было совсем.

Вспомнив предупреждение Фэйс Сохилл относительно опасности, ожидающей его здесь, он внезапно почув-

ствовал беспокойство. Оставив книгу на кресле, он подошел к двери и открыл ее. В прихожей царил полумрак и было так тихо, что он мог слышать тиканье часов в библиотеке за своей спиной.

В конце коридора было три комнаты. В двух из них Оками уже побывал: в операционной и в библиотеке. Он подошел к третьей двери, приложил ухо, но ничего не услышал.

Взявшись за ручку, повернул ее и толкнул от себя. Он оказался в маленькой комнатке. Она была совершенно безликой, похожей на комнату ожидания у частного врача: белые стены, серый с коротким ворсом ковер, пара гравюр на металле по стенам с изображением парусных судов начала века. Один стол, три стула и все.

Оками приблизился к стулу, стоявшему около стола, на спинку которого был наброшен окровавленный форменный пиджак Фэйс Сохилл. Отсюда он увидел еще одну дверь, которая, как он догадался, вела прямо в операционную.

Он наклонился над стулом и осторожно осмотрел ее форму. Он не нашел ничего, кроме темно-серой ручки во внутреннем кармане пиджака и короткого списка вещей, которые надо было купить. Записка лежала в том же кармане.

Когда Оками осторожно клал список на прежнее место, ему показалось, в ручке есть что-то необычное. Она была толще, чем обычный инструмент для письма, и, рассмотрев ее более тщательно, он заметил, что ручка была сделана из неизвестного ему материала.

Оками вытащил ее из кармана и стал поворачивать снова и снова, внимательно изучая. Он нажал на кнопку в торце, и кончик выскочил наружу. Затем он заметил, что на зажиме, которым ручка закреплялась в кармане, было несколько кнопочек, а сам зажим был необычно большого размера.

Он нажал на первую кнопочку и услышал едва различимое попискивание. Приложил ручку к уху. Что-то происходило в ней. Он нажал на вторую кнопку, и снова услышал писк. Третья кнопка остановила попискивание, и он начал понимать, что все это значит. С растущим чувством возбуждения он нажал на четвертую кнопку и услышал голос Фэйс Сохилл. Оказывается, ручка одновременно была миниатюрным магнитофоном.

„Доклад из Токио. 17 апреля. Мы нашли крупные залежи информации. Донноуг оказался превосходным источником, смотри прилагаемую микропленку. К сожалению, я попала в довольно сложную переделку. Якудза *оябун* по имени Микио Оками знает больше чем нужно о нашей операции. Я предложила ему партнерство, что в данный момент является лучшим из плохого набора возможных вариантов“.

Затем была небольшая пауза, и ее голос зазвучал снова.

„Я сказала ему, что Винсент находится здесь, чтобы контролировать Джонни. Он, однако, не знает, что Винсент находится здесь, чтобы контролировать также и меня. Но этого не знал даже Джонни. Хотя Джонни в действительности вообще мало что знает, не так ли? Но так вы и хотели, потому что в конечном счете Джонни интересовал только сам Джонни“.

Снова небольшая пауза.

„Оками считает, что здесь ведет дела Винсент, что довольно смешно, но, конечно, полезно с нашей точки зрения. Я не думаю, что Оками известно, с кем мы здесь имеем дело, что утешительно. Но он ловок и упорен... и я думаю, он должен иметь какую-то поддержку от американцев, что вызывает тревогу. Мне надо выведать у него все, но таким путем, чтобы он считал, что это он получает информацию от меня. Это не так просто, но, не беспокойтесь, я сумею справиться“.

Дальше запись обрывалась, но для Оками услышанного было более чем достаточно. Как глупо недооценил он Фэйс Сохилл. Она была женщиной, и он видел ее только в этом свете. Поэтому он сразу же и сбросил ее со счетов. Он не сделает больше такой ошибки.

Оками прокрутил запись обратно и положил ручку на прежнее место. Тихо вышел из комнаты, пересек коридор и вернулся в библиотеку.

Он сел на старое место. Раскрытую книгу, выбранную раньше, он положил себе на колени. Первой мыслью было уничтожить Фэйс Сохилл, но потом он понял, что такие поспешные действия были бы глупостью.

Если план Виллоутби будет осуществлен, то всем им придется плохо, особенно Японии, которой крайне необходима передышка, чтобы вновь поднять свою экономику и вытащить себя из руин поражения.

Даже полковник окажется беспомощным в обстановке

судного дня, которую готовится создать Виллоугби. Перевооружение Японии менее всего нужно сейчас стране, которая должна залечить раны и позаботиться о своем будущем. Превращение Японии в заслон против коммунистов на Тихом океане на десятилетия поставило бы эту страну под контроль США, что совершенно неприемлемо.

С глубоким чувством беспокойства Оками понял, что полковник был прав. Сейчас появилась уникальная возможность, какая предоставляется раз в жизни. Что бы ни сказала Фэйс своему пока еще неизвестному боссу, она собирается сделать Оками партнером в сделках здесь, на черном рынке. Теперь он знал, что ей нужно от него, и он подготовится к этому. Он понимал, что должен во что бы то ни стало защитить от нее полковника, потому что ее хозяин, несомненно, будет считать его врагом и сделает все, чтобы уничтожить его.

Для этого необходимо или попытаться перехитрить Фэйс, или — ужасная мысль — попытаться установить с ней своего рода перемирие. Оками понимал, что ее босс имеет возможность остановить исполнение плана перевооружения Японии и возвращения военных преступников вновь на занимавшиеся ими ранее посты, разработанного Виллоугби.

Кроме того, Оками был известен способ, которым Фэйс отправляет свои донесения. Он чувствовал инстинктивно, что это его самый сильный козырь. Потому что рано или поздно, но он или полковник смогут проследить за тем, как эти магнитофонные записи и микрофильмы попадают из Токио к месту своего назначения в Соединенных Штатах, и тогда наконец они будут знать, кто их враг.

В этот момент дверь в библиотеку открылась, и вошел доктор.

— С ней будет все в порядке. Хотя, вероятно, останется легкое прихрамывание, так как поврежден нерв. — Он улыбнулся. — Пройдемте, пожалуйста, со мной. Она очень хочет видеть вас.

Фэйс Сохилл лежала на столе, как мертвая. Оками, глядя на нее, подумал, что она выглядит очень бледной. Она открыла глаза, и он был поражен, что они были такими же темными, как и у него.

— Вы все еще здесь?

— Пока мое пребывание здесь прошло без происшествий.

Она облизала пересохшие губы, и, не дожидаясь просьбы, он налил воды, просунул ей в рот соломинку, поднял ее голову и стал смотреть, как она пьет.

Кончив пить, Фэйс поблагодарила его.

— Вы видели здесь кого-нибудь? — спросила она с некоторым беспокойством. Ее голос был хриплым и все еще слабым.

— Только хирурга... и, конечно, Анако. Я был один в библиотеке.

Фэйс кивнула. Лицо стало более спокойным. Она посмотрела прямо в глаза Оками.

— Я готова вам гарантировать союз, на который не соглашался Джонни.

Некоторое время Оками смотрел на нее изучающе.

— Почему же мне так повезло?

— Лучше иметь вас партнером, чем врагом. — Она слегка улыбнулась. — Кроме того, вы мне здорово помогли, избавившись от Джонни. Винсент говорил мне, что он становится совсем неуправляемым. — Фэйс снова облизала губы. — Он презирал женщин.

— Я буду более хорошим партнером. Я их только недооцениваю.

Фэйс попыталась засмеяться.

— На этот раз все действительно так? — спросил Оками. — Вы помните, вы сказали в „Железных воротах“, что я ваш партнер, но мы оба знали, что вы не это имели в виду.

— На этот раз я действительно это имею в виду. — Ее рука искала его руку. — Итак, что вы скажете? Договорились? Мы можем быть очень полезны друг другу. Мне нужна максимальная помощь, которую я могу получить здесь, после того как не стало Винсента. Кто знает, когда еще придет его замена, и во всяком случае, до того времени вы будете пользоваться контактами Винсента.

Некоторое время он делал вид, что обдумывает это. Наконец сказал:

— Вы знаете историю про шесть обезьян?

— Вряд ли.

Оками не обратил внимания на ее удивление.

— Однажды жил старый человек. Он был очень мудрый, и за время его долгой жизни к нему за советом приходило много людей. И что было самым интересным, это то, что почти каждый задавал ему один и тот же вопрос: „Как мне понять себя?“

На это старый человек давал один и тот же ответ. Он приносил странную клетку, сделанную из бамбука. Она имела продолговатую форму, и в ней было шесть окон. В клетке сидела обезьяна. „Выберите окно, — говорил он посетителю, — и позовите обезьяну. Внимательно следите за ее поведением. Это будет отражением вашего внутреннего я“.

Некоторое время было слышно лишь дыхание Фэйс.

— Я должна понять это?

Он пожал плечами.

— Да и нет. Это — загадка дзэн. Она означает, что она сама по себе является путем для размышления и медитации.

Фэйс подняла кверху лицо и задумалась.

— Мне кажется, я догадалась, — сказала она. — Обезьяна по-разному реагирует на отношение и тон голоса.

— Думаю, что это так.

Она посмотрела на него.

— Какой из шести обезьян являетесь вы?

— Это вы сами должны определить, — ответил Оками с легкой улыбкой.

Он сжал ее руку в своей. Она была теплой и сухой и почему-то напомнила ему о его отце.

— А тем временем, моя дорогая мисс Сохилл, мы должны скрепить наш пакт чашкой зеленого чая.

— Вы не пожалеете о вашем решении, — темные глаза улыбнулись ему, — партнер.

КНИГА 3: БЕСКОНЕЧНАЯ ПРАВДА

*Осенний ветер:
для меня не существует богов;
не существует никаких Будд.*

МАСАОКА ШИКИ

ТОКИО / ВАШИНГТОН

Наохиро Ушида, Дайдзин ММТП, слышал, что некоторые зовут Томоо Кодзо сумасшедшим *оябун*. О нем рассказывали много разных историй. По одной из них весь его половой член был разукрашен *ирицуми*, искусно сделанной татуировкой, которую все якудза имеют на разных частях своего тела. *Ирицуми* делается, как это было столетиями, с помощью заостренных бамбуковых палочек и разноцветных чернил. Как говорят, при этом бывает сильная боль.

Устремив взгляд на лицо Кодзо, Ушида сказал:

— С того самого момента, когда вы решили по своему усмотрению устроить слежку за женой Николаса Линнера, вы толкнули нас на очень опасный путь.

Кодзо глубоко затянулся сигаретой. Его маленькие черные глазки бегали по лицу Ушида.

— Это был прекрасный ход. Линнер исчез в тумане... по приказу Оками. Должны ли мы что-либо предпринимать, чтобы отыскать его след?

— А что в отношении Нанги?

Кодзо покачал головой.

— Жена Линнера всегда была его связующим звеном. И поверьте мне, как только Оками вошел в его жизнь, Линнер перестал доверять Тандзану Нанги. Не мог же Линнер, со своей откровенной ненавистью к якудза, сказать Нанги, что собирается стать лакеем Кайсё?

Ушида закурил сигарету и присоединился к неугомонному Кодзо, делающему круг за кругом вокруг бассейна с кой.

— Вам, возможно, удалось провести других *оябун*

узкого совета, но не меня. Я думаю, что вы затеяли эту атаку на Оками только для того, чтобы получить возможность самому выступить против Линнера.

Для Ушида нападение часто бывало более приятным, чем размышление. Кроме того, если Кодзо действительно был ненормальным, возможно, таким путем его можно было бы спровоцировать на раскрытие личных мотивов его решения о смещении Кайсё.

— Я ведь прав, не так ли? Это просто своего рода странный вызов, от которого вы не могли удержаться.

— Какая чепуха! — Кодзо закружился вокруг бассейна, как хищник в клетке. — Вы знаете не хуже меня, в какие опасности вовлекал нас Оками. Мы постоянно попадали в разные переделки. Для Кайсё больше нет места. Власть, которую он приобрел, слишком опасна, когда она сосредоточена в руках одного человека. Проще говоря, Кайсё был заменен Годайсю. Наша система распространяется по всему миру и будет работать гораздо эффективнее и под большим контролем, чем она это делает под руководством одного человека. — Он выпустил струйку дыма вверх. — Все аргументы Оками против Годайсю разлетелись теперь, как цветы вишни под дождем. Оками предвидел, что ему не удастся остаться Кайсё, и планировал оставить свой след в истории. Я уверен, потому что так же сделал бы и я сам.

— Но без такого близкого знания мафии, как у Оками, Годайсю никогда не смог бы появиться. Это он, а не вы и не я, является его действительным отцом.

Кодзо пожал плечами.

— Тем более жаль, что он пошел против нас. *Карма*. Он сам избрал свой путь, никто его туда не толкал.

— Вы постарались изо всех сил.

Кодзо передернул плечами.

— Я был самым доверенным союзником Оками, каждый знает это. Но когда он стал отклоняться от общего пути, я это заметил, стал присматриваться, и оказалось, что я был прав. В конце я боролся с ним руками и зубами, а почему бы и нет? Он не верил в Годайсю. Он предал Годайсю, предал нашу веру в него как Кайсё. Он заключил самостоятельную сделку с Домиником Гольдони, а нам осталось собирать разбитые осколки.

— И он и я были всегда на высоте, имея дело с американцами. Но я должен признать, что он понимал их лучше, чем я.

— Это скоро изменится, — заявил самоуверенно Кодзо. — Я усиленно работаю над тем, чтобы понять *итеки*.

— Вы просто не можете устоять перед ними. Ваша решимость уничтожить Линнера бессмысленна, — заявил Ушида. — Хуже того, она просто опасна.

— Не бессмысленна, — возразил Кодзо. — Я предпринял свои действия на основе кое-какой удивительной информации. Линнер — это Нишики, тайный посредник, который снабжал секретной информацией Доминика Гольдони и Оками.

— Нелепо, — продолжал настаивать Ушида. — Строгий моральный кодекс Линнера...

— История Японии учит нас, что публичная поддержка правого — самый надежный способ скрыть коррупцию, разве нет? — Он улыбнулся. — Подумайте об этом как следует, Ушида-сан. Линнер умен и обладает такой обширной информацией, что сможет уничтожить нас всех.

— Но это только часть задуманного вами, не так ли? — сказал Ушида со злостью.

— Дайдзин, вам не удастся вытянуть из меня признание. — Он покачал головой. — Послушайте. Если мы отправимся за Оками сейчас, мы сразу убьем двух зайцев. Мы согласны с тем, что дни Кайсё сочтены. Доведя эту информацию до него, мы загоним его в угол. Он должен будет вспомнить полковника, давшего обещание, что к нему на помощь придет его сын. Линнер не подведет своего отца, и нам останется только выбрать время и место для нашей встречи. Я уверен, что единственный путь для нас убрать Линнера — это выбрать место убийства. Это даст нам преимущество, как учил нас Сюнь-Цзы*.

— Нас? Вы имеете в виду *нас*. — Ушида долго смотрел на него. — Я был прав все время. Вы *охотитесь* за Николасом Линнером.

Кодзо рассмеялся.

— Дайдзин, я работаю лучше, чем вы думаете. Я почти поймал его.

— Я обратил внимание, что вы позволяете себе активность, несколько выходящую за пределы программы.

* Древнекитайский философ (II в. до н.э.) — представитель раннего конфуцианства.

Червонная Королева потянулся, снимая напряженность, возникшую между лопатками. Он хрустнул пальцами рук, не снимая перчаток.

— Вы тратите деньги правительства Соединенных Штатов Америки, которые оно не может позволить себе расходовать зря. Скажите мне, зачем.

— Вы знаете зачем, — ответил Лиллехаммер. — Доминик Гольдони был убит у нас под носом. — И когда за его словами последовало молчание Червонной Королевы, он был вынужден добавить без какой-либо нужды в этом: — Внутри самой ФПЗС, храни ее Христос.

— Гольдони действовал — не так ли следует понимать? — внутри ФПЗС. Чего же вы ожидали?

Лиллехаммер смотрел, как Червонная Королева расправлялся с остатками громадного бутерброда с двойной порцией бекона и сыра, а также с горой жареного в масле картофеля. Почему они всегда должны есть в подобных забегах?

— Я надеюсь, мы не позволим, чтобы убийца ушел безнаказанным, кем бы он ни был.

Было неразумно вести этот разговор среди какофонии, создаваемой подростками, обслуживающим персоналом и людьми, убивающими здесь свое время в ожидании, когда будет пора делать новые ставки у брокера, находящегося по другую сторону дороги.

Червонная Королева отставил в сторону бумажную тарелку. Он не был в шутливом настроении.

— Я хочу еще кока-колы. — Он резко встал и пошел через зал ресторана с красной и желтой пластиковой мебелью. На нем были сделанный в Англии костюм из твида и жилет из оленьей кожи. Его галстук с фривольным и кричащим рисунком был, однако, явно американским.

Когда он вернулся с громадным бумажным стаканом в руке, он сказал:

— Не играйте со мной в дурака. Я долго и внимательно смотрел те фотографии Гольдони. Я знаю, что До Дук убил Гольдони. И я знаю, как сильно вам хочется засунуть его „орешки“ в мясорубку. — Червонная Королева высосал из зубов остатки еды. — Но я отдаю вам прямой приказ: перестать и прекратить!

Лиллехаммер сидел очень спокойно. Он раздумывал, наступил ли момент, когда надо было отделяться, так как

гранит, частью которого он был долгие годы, теперь раскололся на две части.

— Мне нужна убедительная причина, — сказал он тихо.

Червонная Королева нахмурился.

— Как вы думаете? Ваять ли мне еще стакан мороженого с фруктами и содовой?

— Здесь? Мороженое здесь имеет привкус пластика, впрочем, как и в других местах.

— Действительно? Я никогда не задумывался об этом. — Он пожал плечами и похлопал себя по животу. — Ну что ж. Полагаю, все, что осталось, это дать на чай человеку, который убирает со столов, в признание того, что наш стол был чистым. — Он достал немного мелочи и положил ее на пластиковый стол. Когда они поднимались, он произнес мягко: — Ваш личный гнев не поможет нам теперь. Если он не приведет нас к деньгам, я убью вас. Хочу, чтобы вы дали мне слово забыть До Дука и заняться текущими делами. Знает Бог, их у нас достаточно.

Лиллехаммер повернул голову и посмотрел на маленького мальчика с лицом, вымазанным мороженым.

— Даю слово, я оставляю До Дука в покое. Это устраивает вас?

— Я хочу, чтобы вы проследили за Дэвисом Манчем. Бэйн сказал мне, что его прокурора видели с этим Харли Гаунтом незадолго до того, как Гаунт появился в вашем доме. Бэйн, может быть, параноик, но он не дурак.

Червонная Королева потрепал маленького мальчика по голове, когда они проходили мимо него. На улице он наклонился к Лиллехаммеру в характерной позе доброго дяди.

— Сумасшествие порождает думы о мести, — заявил он. — Вам полезно запомнить это.

Манни Манхайм пристально смотрел на толстый, набитый бумагами коричневый конверт, когда зазвучал звонок входной двери. Он повернулся, торопливо засунул конверт на полку рядом с обрезом, который он держал заряженным в постоянной готовности. Через отверстие в металлической сетке он видел, как через переднюю дверь вошел высокий человек. На нем было темное шерстяное пальто из твида с поднятым воротником.

Вошедший не посмотрел сразу на Манни, а стал не спеша рассматривать крупные вещи, оставленные под залог в ломбарде и развешанные по стенам или лежащие на пыльном деревянном полу: блестящие электрические гитары, полный набор классических чемоданов фирмы „Льюис Виттон“, зеленый с серебром велосипед для езды по горным дорогам, пара китайских бледно-зеленых ваз, сверкающий черный с кремовым „Харли Дэвидсон Софтейл“, на котором была табличка, указывающая, что мотоцикл подарен Джонни Кашем какому-то Ферди Франсизу.

Человек не торопился, так что у Манни было достаточно времени, чтобы оценить его. Чем больше он смотрел на него, тем сильнее возрастало беспокойство. Фактически он пребывал все время в нервном состоянии с тех пор, как Харли Гаунт пришел во второй раз и оставил у него этот толстый коричневый конверт с указанием, что он должен будет делать, если Гаунт с ним не свяжется в течение двадцати четырех часов.

Это было два дня тому назад, и Манни должен был предположить, что с его другом что-то случилось. Он не хотел думать о том, что могло произойти с Гаунтом, но, когда он ложился вечером спать, он перебирал в голове все возможные варианты.

Человек, вошедший в ломбард Манни, имел широкие плечи, громадные, пугающего вида кулаки. Когда он поворачивался в разные стороны, рассматривая каждый предмет, Манни уже издали заметил шрамы на его лице, неоднократно перебитый нос, умные глаза, которые замечали каждую царапинку или дефект на рассматриваемом им предмете.

Легкий пот выступил на лбу и верхней губе Манни, неловко переступавшего с ноги на ногу. Капельки пота скатывались также по спине, заставив его почесать под правой лопаткой.

„Боже, чем занимался Харли, что его могли убить?“ — думал Манни. В нем боролись любопытство и ужас. Сколько раз он брался за этот конверт после того, как прошли двадцать четыре часа? Невозможно сосчитать. Однажды любопытство взяло верх над здравым смыслом, и он решил открыть его. Но в последний момент его подвело мужество.

Но сегодня он изучал со всей скрупулезностью каждого, кто входил в ломбард, так как проснулся утром с

мыслью о страшной возможности того, что за Харли следили и кто-то теперь знает, что он дал конверт Манни.

Посетитель поднял, затем опустил плечи, ощупывая руками чемоданы Льюиса Виттона. Он бросил быстрый взгляд на входную дверь, затем снова на клетку, в которой стоял как вкопанный Манни. Толстые, загрубевшие пальцы приподняли бак для подогрева воды, такой большой, что в нем мог бы уместиться человек, если бы поджал ноги. Человек открыл его, поднял крышку и стал усердно рассматривать его изнутри, что крайне беспокоило Манни.

Первой мыслью Манни было сжечь конверт, избавиться от доказательства того, что здесь был Гаунт, избежать ответственности, которую возложил на него его друг, даже не спросив его согласия. Но он не смог даже зажечь спичку. Вероятно, он был большим моральным трусом, чем предполагал. Видя теперь, как посетитель поставил на место бак и направился к мотоциклу, стоявшему ближе к сетчатой клетке, Манни подумал, что сделал большую ошибку.

Однако как мог он отказать своему единственному настоящему другу? Его отношения с Гаунтом, хотя и не были регулярными, много значили для него. Они были такими друзьями, которые после долгой разлуки могли начать разговор, как если бы они прервали его только вчера. Люди такого сорта редко встречаются в жизни, особенно в жизни Манни, в которой почти никогда не было ничего значительного.

Человек в твидовом пальто прокашлялся, что заставило Манни подпрыгнуть. Его правая рука инстинктивно потянулась за обрезом, который он держал под стойкой рядом с собой. Его пальцы обхватили спусковой крючок.

— Что угодно? — спросил Манни писклявым голосом, который не понравился ему самому.

— Ничего, — проговорил посетитель, взглянув в его сторону. — Только... сколько вы хотите вот за это?

— Двенадцать тысяч, — ответил Манни. — Это классический...

— „Софтейл“, — закончил за него человек. — Да, я знаю. — Он засунул руки в карманы пальто и повернулся, глядя на Манни. — Вы всегда остаетесь внутри этой клетки?

Манни пришел в ужас. Конечно, этого человека не интересует Харли и никогда не интересовал. Он находит-

ся здесь, чтобы забрать конверт, который оставил Гаунт, и заодно убить Манни.

— Вы слышали, что я спросил?

Манни, трясаясь всем телом, пытался отлепить язык от пёба.

— Улбг! — это было все, что он смог произнести.

— Что?

— У меня были... некоторые, вы знаете, неприятности в последние годы, — Манни запнулся. — Так что я...

Человек сделал шаг в его сторону.

— Вы прячете пистолет там, у себя?

— Не подходите ближе! — закричал Манни, пытаясь безрезультатно втянуть обратно в рот вытекающую из него слюну.

Человек устоял на направленный на него обрез.

— Вы собираетесь воспользоваться им, если я предложу вам десять с половиной наличными за „софтейл“?

— А?.. — Манни заморгал и начал усиленно глотать слюну.

— Мне нужен мотоцикл, — повторил человек, вынимая руки из карманов и широко расставляя их. В одной руке была толстая пачка денег. — Вы собираетесь продать его мне или вы хотите застрелить меня?

Манни чувствовал, как душа уходит в пятки. Он ничего не соображал. Его ум был замкнут на мысли, что все кончено.

— Послушайте, приятель. Я понимаю, что у вас были неприятности, но послушайте меня, хорошо? Я просто хочу купить этот чертов „софтейл“.

Манни вытер лицо дрожащей рукой. „Иисус Христос, — думал он, — я не привык к такой жизни. Я вижу привидения, выходящие из стен. Еще немного этой дряни со шпагой и плащом — и обеспечен сердечный приступ или нервный припадок“. Он отложил в сторону обреза. У него свело мышцы спазмами, ему пришлось ухватиться обеими руками за прилавок, чтобы не свалиться на пол. Сильно давал знать о себе мочевой пузырь.

Посетитель помахал деньгами над головой.

— А что, если вы выйдете сюда с ключами и мы быстро совершим эту сделку, раз-два-три?

Манни отомкнул дверь в клетке и вышел.

— У вас есть права?

— Конечно.

Человек свободной рукой потянулся к себе за спину.

В этот момент Манни почувствовал, что он мертвец. Такое состояние бывает во сне, когда вокруг происходят важные события, а вы только глядите и не имеете сил вмешаться. Мысли Манни были как бы заторможены какой-то хронической болезнью. „Зачем я покинул клетку? — удивлялся он. — Почему я отложил обрез? Почему не прислушался к своим инстинктам?“

Манни безвольно смотрел, как человек вытащил бумажник, положил пачку денег на сиденье мотоцикла, вынул свои водительские права, протянул их Манни.

Какой-то момент Манни стоял неподвижно. Его сердце стучало в груди, как вышедший из-под контроля мотор, и ему было трудно дышать.

— В чем дело? — спросил человек. — Вы не хотите заключить сделку? В эти дни много людей приходят сюда и предлагают десять с половиной тысяч наличными за „софтейл“?

Как деревянный, Манни протянул руку и взял права. Каким-то образом они провалились между его пальцами, и он, как во сне, нагнулся и поднял их. Затем он стал читать их, автоматически, как зомби. Он с трудом слышал, что говорил ему человек. На правах было имя Мак Дивайн. Манни взял деньги, не пересчитывая, так как Дивайн тщательно считал их перед этим.

— Здорово! Мой сосед наложит в штаны, когда увидит этого красавца на моей дорожке, — заявил Дивайн, ухмыляясь. — Он искал такой последние три года.

После того как он удалился, ведя мотоцикл, как если бы это был его собственный сын, Манни прислонился к двери, тяжело дыша. Он весь взмок от пота. Затем быстро вернулся в свою клетку, надел пальто и положил толстый конверт во внутренний карман. Выйдя на улицу, запер дверь, опустил железные жалюзи, замкнул их замком. Было только три часа дня, но он решил кончить работу в этот день.

На гнущихся, как резина, ногах он отправился в банк, вложил всю дневную выручку, включая деньги, полученные от мистера Дивайна, в отверстие для ночных вкладов. Затем отправился делать то, что он должен был сделать этим утром, — выполнять поручение Гаунта.

Звон колокола отражался где-то глубоко в нем, подобно дребезжащему голосу, который твердит что-то в

ранний утренний час, когда сознание притуплено грустным оцепенением после взрыва яростных безрассудных эмоций.

Звон продолжался, как биение сердца или проповедь, как неразличимый словесный текст, как полет воробьев после захода солнца.

Если он был жив, то не представлял, в каком состоянии он находится. Его мысли, все еще хаотичные, как расплавленная магма Вселенной, казалось, существовали сами по себе, вне границ мозга или тела, были как бы острием светового луча, неуверенно мерцающего в космической ночи.

Никакое прошлое, никакое настоящее не присутствовало в этих мыслях, и это отсутствие содержания делало логику неуловимой, как мечта. Не было ни дыхания, ни циркуляции крови, ни желания двигаться. Как могло существовать движение без мозга или тела? А лишь оно могло дать мысли плотность и содержание.

Звучание колокола продолжалось. Это не было звуком, так как у него сейчас не было ушей, чтобы услышать его. Это был пульс, не имеющий тона голоса, не принадлежащий ни человеку, ни машине, свидетельствующий о том, что где-то в безмерном пространстве суть всего существует в самом деле.

Свет, тень на душе. Так что он все же существовал. Он находился в доме из металла. Казалось, что это было где-то под землей, громадное конусообразное пространство, наполненное сапфировым светом и резкими отзвуками работающих механизмов. Он вдохнул в себя запах металла, горячий и аморфный, прохладный и маслянистый. Во всяком случае, он дышал.

Его глаза, пытающиеся вновь научиться концентрировать взгляд, видели, как на различных автоматических машинах делаются руки, ноги, ступни и кисти, торсы, гидравлические пальцы и инфракрасные глаза. Перед его все еще затуманенным взором медленно создавались прекрасные существа. Это было подобно тому, как если бы он наблюдал начальное Создание, будучи где-то между сознанием Бога и горном Вулкана.

Или, может быть, это была просто фабрика по производству роботов. При помощи дедукции он наконец смог сделать разумное предположение относительно того, где он сейчас находится. Он не был мертв, он был в Токио. Каким дьявольским способом Мессулете доставил его сюда?

Никаких других людей, только точные движения металлических цилиндров через тень и свет. Пчелоподобное гудение механизмов, биение сердец десятков тысяч освобожденных от тела душ, радостное оперное пение жизни существ из стали, титана, сверхплотного пластика, кремниевых кусочков и световодных проводов.

Он втянул в себя воздух, наслаждаясь испытанным при этом чувством, как еще одним доказательством, что он в самом деле жив. Воздух здесь пропускаясь через три фильтра кондиционера и был чище, чем где-либо за городом. Но тем не менее он был пропитан вонью машин. Казалось, что в нем содержится много статической энергии, как в облаках, наполненных нарастающей грозой, а вдали лучезарный зигзаг молнии царапал лапой воздух, как беспокойный зверь.

Внезапно сильнейший приступ головокружения затмил плотину света и звука, и мир превратился в острие неопределенного серого цвета. Его веки закрылись.

Резкая боль вернула сознание.

— Проснитесь! Вы и так спали слишком долго!

Голос казался удивительно знакомым.

Он открыл глаза. Дрожь побежала по его спине, когда он увидел, что над ним склонилось его собственное лицо. Его собственные губы изогнулись в улыбке, его собственные глаза сузились от удовольствия.

— Добро пожаловать в новую жизнь. — Его собственный голос донесся к его ушам, как при галлюцинации. — Она будет короткой. Но я обещаю вам, что она будет полна сюрпризов.

Николас умер.

МОНТОК / ВАШИНГТОН / ТОКИО

Кроукер смотрел на Маргариту, намыливавшуюся под душем. Через занавеску ему был виден только ее расплывчатый силуэт, однако он не мог оторвать от нее глаз. Они находились в довольно старом мотеле в Монтоке, вместе в одной комнате, потому что она настояла на этом, заявив, что не хочет оставаться на ночь в одиночестве. Чего она больше боялась: неизбежного возвращения Роберта или своего мужа?

Как только Маргарита ушла в ванную, Кроукер осмотрел местность из окна. Асфальт с масляными пятнами, несколько припаркованных автомобилей там, где в летнее время было бы море лакированного металла и хрома. Через дорогу — странного вида забегаловка, какие существуют только в восточной части страны, с наклеенной красно-желтой пластиковой вывеской „ЦЫПЛЯТА И ДАРЫ МОРЯ“. Она работала допоздна и была освещена холодными флуоресцентными лампами. Имелся также плакат „Бад Лайт“. Его неоновые лампы бросали яркие краски в темноту.

Эта иллюминация помогла ему заметить парня плотной наружности, с мягким овальным лицом, вышедшего из магазина с картонной коробкой в руке, в которой были две чашки с кофе и бутерброды. Другая, свободная рука болталась сбоку, как его учили, с тем чтобы можно было быстро выхватить оружие или сделать что-то еще, что может понадобиться на его пути.

Кроукер проследил, как он забрался в черный „форд таурус“, припаркованный почти напротив забегаловки. Загорелся на мгновение свет в машине, и Кроукер успел заметить там второго парня.

Он был совершенно уверен, что это были люди Тони де Камилло. Он этому не удивился. Их с Маргаритой не трудно было обнаружить, особенно для человека, имеющего возможности Тони Д. В конце концов они пользовались „лексусом“ Маргариты, не сменив даже номерных знаков. В этих условиях, Кроукер это понимал, было совершенно невозможно сохранить надолго в секрете место их пребывания.

Кроукер перестал размышлять о „таурусе“ и его плечистых пассажирах, когда Маргарита приоткрыла дверь в ванную комнату. Там и так было слишком жарко и не было возможности отрегулировать термостат, а дополнительное тепло и пар от душа сделали пребывание в ванной просто невыносимым.

Запахи плесени и морского прибоя плавали, как пыль в воздухе. Парни в машине не предпринимали никаких шагов до приезда Тони Д. А он приехал только утром. Кроукер думал, как ему вести себя при их неизбежной встрече, чтобы никто не пострадал.

Он смотрел на двигающуюся за занавеской фигуру Маргариты и понимал, что ему надо заняться сейчас другими делами. Ему, как он чувствовал, нужно еще приспособиться к новой реальности, которая состояла в том, что это она, а не Тони Д., была наследницей владения Доминика Гольдони, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она держала в своих руках власть теневого мира Гольдони, в котором губернаторы, начальники полиции, судьи, конгрессмены... делают все, что она прикажет.

Он теперь видел, как Гольдони пережитрил их всех — фэбзэровцев и их врагов. Он предоставлял важную информацию в ФПЗС, да, он выдавал тех, кто был около него, под его началом, для того чтобы там поверили, что он помогает им разрушить его империю. Но он не давал фэбзэровцам никаких фактов о себе или о том, как он управляет своим владением. Его не прельстила спокойная жизнь, которую они создали для него в корпусе морской пехоты. Что же касается его врагов из семейства Леонфорте, то их внимание было направлено на Тони Д., который являлся ложной мишенью.

Если быть откровенным, а он считал, что сегодня как раз то время, когда надо быть предельно правдивым, Кроукер одновременно был напуган и восторгался умом

Маргариты. Он никогда не встречал никого, похожего на нее, более того, даже никогда не представлял себе, что могут существовать подобные ей люди. Несомненно, общение с ней произвело на него глубокое впечатление от близкого столкновения с третьей силой. Маргарита была так далека и непостижима для его образа жизни, как если бы она была неземным существом.

Она вышла из ванной, завернувшись в полотенце. Казалось, для нее не существовало никаких запретов.

— *Вы знаете мою душу,* — сказала она, когда раздевалась перед ним, прежде чем пойти в ванную. — *Почему я должна скрывать от вас свое тело?* — Тогда она засмеялась. — *Тони настаивал, чтобы мы исключали свет, когда занимались любовью.*

Пожалуй, этот ублюдок Тони Д. был только практичен, подумал Кроузер, не осмеливаясь смотреть на работу его жестоких рук: рубцы и черные кровоподтеки в различных местах по всему ее телу.

Глядя теперь на силуэт в ванной комнате, Кроузер подумал, что мог бы любить эту женщину так, как не любил ни Гельду, ни Аликс. Но тут же стал сомневаться в своих чувствах. Мужчине очень легко в начале связи спутать любовь с похотью, убедить себя, что он чувствует что-то в своем сердце, когда на самом деле возбуждение происходит чуточку ниже.

Говорят, что мужчины ищут красоту в своих подругах, а женщины — силу в партнерах. Как много мужчин встречал Кроузер во время службы в отделении по расследованию убийств, которые были запуганы женщинами, имеющими силу? Как правило, срабатывал почти инстинктивный рефлекторный механизм. Интересно, что сам он никогда не испытывал ничего подобного. Действительная сила в женщине была такой редкостью, таким бесценным даром. Он считал, что она вызывала сексуальное желание. Этим также можно было объяснить нахлынувшее на него чувство.

Ночь и Маргарита.

— Почему вы так смотрите на меня? — Ее глаза, светящиеся в насыщенном паром излучении, исходящем от лампы в ванной, казались такими невинными, лишенными хитрости и уверток, что на мгновение Кроузер почти поверил, что их сегодняшнего разговора никогда не было, что она просто домашняя хозяйка, избитая мужем, прекрасная, желанная, одинокая, которой нужны

кров и защита. Все бы было тогда так просто, и все его проблемы репились без этих теневых и светлых сторон гораздо более сложной реальности.

Он откашлялся и прошел мимо нее в ванную комнату.

— Мне нужно принять душ, — глухо произнес он.

Маргарита потянулась, обвила его руками. Он почувствовал нежный запах мыла и свежeweымытой кожи.

— Слишком рано, — сказала она, — принимать душ.

Она подняла плечо, и полотенце соскользнуло с ее тела. Он почувствовал через рубашку, что она еще влажная.

— Вы пахнете, как зверь, — прошептала она, нагибая вниз его голову.

Ее губы раскрылись под его губами, мягкие и чувственные. Ее маленький язык скользнул по его зубам. Он думал, что должен сказать „нет“, оттолкнуть ее от себя сейчас же, в эту самую минуту, когда все еще было возможно, но вместо этого он заключил ее в свои объятия.

Она издала гортанный стон, ее ноги поднялись, обхватили его и сомкнулись над его ягодицами. Кровать оказалась далеко, да она и не понадобилась. Ее груди прижались к нему, от нее волнами исходило тепло.

Их губы разомкнулись на мгновение, и он произнес:

— Тони...

— Я не хочу Тони, — выдохнула Маргарита. Ее руки были заняты его ремнем. — Я хочу тебя.

Он сохранил ясность ума, достаточную, чтобы понять, что он должен быть нежен с ней, какой бы страстной она ни стала. Он понимал важность этого, так как его чутье подсказывало ему, что Роберт был близок с ней. Роберт, который изуродовал и убил ее брата, кто вернул ей ее собственную жизнь.

Она толкнула своими пятками его брюки, и они сползли на пол, дернула за пуговицы его рубашки. Держать ее было тяжело.

Кроукер оторвал ее от себя, опустил на пол, нагнулся на коленях над ней. Несколько долгих секунд он вглядывался в ее огромные, влажные, незащитные глаза, в которых можно было прочесть стремление к нему, ее потребность в Роберте, ее восторг от пребывания на пороге ее империи. Все это сливалось в один постоянно меняющийся узор, такой сложный и многообразный, что он сразу же почувствовал, что тонет в нем, абстрактное

не становилось предметным. Он хотел бы затеряться в громком пульсе своей крови, заполнившей нижнюю половину тела.

Кроукер наклонил голову к ее груди. Свет, падавший из ванной, освещал выпуклые части ее тела, оставляя в таинственной тени мягкие изгибы и завлекающие извилины. От нее исходил специфический аромат. Он вдыхал его как фимиам, облизывал ее твердые, темные соски, проводил языком вокруг пупка, скользнул губами в центр легкого изгиба ее живота.

Маргарита испустила глубокий стон, сжала его голову с обеих сторон, пропустила пальцы через его волосы, ласкала их, в то время как в нее вошел его язык. Бессознательно она вздернула вверх ноги, ее бедра широко раскрылись. Он слышал ее прерывистое дыхание, и это разжигало его еще больше. В комнате были только эти звуки, ритмичные, глубоко эротические, похожие на всхлипывания, вырывавшиеся из самой глубины ее существа.

— О боже, о боже, о боже! — звучало в темноте. Ее голова качалась вперед и назад, мускулы ее напряглись, ее промежность поднималась к его губам и языку. Затем, продолжая подергиваться, она обвилась ногами вокруг его тела, стараясь прижать его ближе к себе, забрать в себя все больше и больше его, и тогда...

Наступили спазмы такой силы, что вся нижняя часть ее тела изогнулась над полом, как арка. Ее половой орган раскрылся, как цветок, ее пот смешался с другими более интимными выделениями. Затем наступила реакция — тяжелое дыхание, неровное, заглушаемое рукой, которой она прикрывала лицо.

Кроукер стоял на коленях, он слышал, как она пошевелилась. Маргарита встала на колени перед ним. Ее тяжелые груди были столь прелестны, что он потянулся и обхватил их своими ладонями. Она прикрыла рукой его биомеханическую руку, прижалась губами к его губам, затем слизала с его лица капельки своей же жидкости.

Ее голова опустилась, ее рот ласкал его соски. Она опускалась все ниже и ниже, покусывая, щекоча, пока его не поглотила целиком невероятная влажная теплота.

Почти мгновенно он отодвинул ее от себя так нежно, как только сумел. Зная, о чем свидетельствуют ее кровоподтеки, он не мог видеть ее, смиренно склонившуюся над ним. Он хотел другого и для нее, и для себя.

Он лег на спину, привлек ее к себе и вскоре почувствовал, как его вновь захватила волна тепла. Она выгнула спину так, что ее груди поднялись вверх, села на него верхом. В этом непривычном положении вначале было неудобно, но экстаз постепенно нарастал.

Чувство от ощущения, когда Маргарита была на нем, а он в ней, было непередаваемым. Он держал в руках ее груди, глядя прямо ей в лицо. В колеблющемся свете она казалась одновременно бóльшей и меньшей, чем была при полном солнечном освещении, полной таинственности от множества секретов, которые она так бдительно хранила в себе.

Маргарита резко выдохнула воздух, отвела его руки от своих грудей и прижалась к нему всем телом. Ее бедра поднимались и опускались. Ее пальцы переплелись с пальцами из поликарбоната, графита и титана.

Ее глаза были широко раскрыты, лицо Маргариты почти прижималось к его лицу. Он провел языком по ее щеке, и она прошептала с благоговением:

— Я иду снова. Я не могу... Это...

Она закрыла глаза, ее пальцы ласкали его шею. Из глубины ее горла вылетали слабые звуки.

— Пожалуйста, — задыхалась она, — пожалуйста.

Он не мог сдерживать себя, да и не хотел этого больше. Он весь отдался наслаждению. Его ягодичы напряглись, вся его сила собралась в одной точке, затем обрушилась, как горный поток через пороги.

Они забрались в кровать, уснули в липком изнеможении в объятиях друг друга.

Когда они открыли глаза, серый дневной свет цвета старой устричной ракушки заполнял комнату.

— Мой детектив. — Маргарита улыбнулась и нежно его поцеловала. Они медленно освободились друг от друга, как бы не желая разрушать ту ауру, которая, подобно ночной тени, защищала их от превратностей и суровых испытаний реальной жизни.

Когда они принимали вместе душ, Маргарита сказала:

— Я говорю себе, что прошлая ночь была как загул, утоление голода и была неизбежной после всех бед, свалившихся на меня, и из чувства благодарности к тебе.

— И ты этому веришь?

— Нет, — сказала она, смывая мыло со своего тела. — Но я хотела бы верить. Это сделало бы будущее более простым.

Она хотела выйти из-под душа, но он обнял ее, повернул лицом к себе. Его настоящая рука закрыла большое черно-синее пятно на ее бедре. Она схватила его биомеханическую руку и прижала ее к своей груди.

У них не было другой одежды, кроме той, в которой они приехали. Пуговицы рубашки Кроукера рассыпались по полу как подтверждение того, что страсти прошлой ночи не были сном.

— В городе должно быть какое-либо заведение, где мы могли бы купить джинсы и рубашки, — заметила Маргарита.

Кроукер смотрел, как она надевает белье.

— Ты никогда не вернешься домой, правда?

Она посмотрела на него.

— Как я могу? Старой Маргариты больше нет.

— По-моему, проблема в том, что Тони не знает этого, и ты никогда не сможешь убедить его, что это правда.

— Не беспокойся о Тони, — ответила Маргарита, надевая туфли.

— Я не думаю, что у кого-либо из нас сейчас был выбор. Пара его молодчиков провела эту ночь по другую сторону дороги.

Маргарита пересекла комнату и выглянула в окно.

— Черный „таурус“ слева от заведения „Цыплята и дары моря“.

— Да, — заметила она, — рядом с ним теперь появился „линкольн таун кар“. — Она повернулась к нему: — Пойдем, если ты готов.

На улице им в спину подул прохладный мокрый бриз со стороны моря. Он шевелил еще мокрые волосы на голове Маргариты. Когда они переходили пустынную улицу, открылись передние дверцы „тауруса“ и из него вышли те двое, которых видел Кроукер прошлым вечером. С удовольствием он отметил, что их одежда была так же измята, как и его, и что они и наполовину не были так спокойны, как он сам.

Тот, который купил кофе и бутерброды, подошел к „линкольну“, открыл заднюю дверцу. Оттуда выпрыгнул Тони де Камилло. Он встал, слегка расставив ноги, и стал поправлять манжеты своей рубашки. Его глаза следили, как Маргарита и Кроукер направились в его сторону.

Кроукер испытывал странное, почти сверхъестественное чувство, как будто он оказался в центре перестрелки двух враждующих сторон на Дальнем Западе,

завершавшей дикую и грубую историю, полную ненависти и мести.

Когда они наполовину перешли дорогу, двое парней двинулись им навстречу, но Тони Д. повернулся и тихо сказал что-то. Они остановились, уставившись на Кроукера. Их руки свободно висели по бокам. Он чувствовал, что они проклинаят его за длинную, утомительную ночь.

Маргарита повернулась к Кроукеру и, повторяя действия мужа, сказала:

— Оставайся здесь. Дай мне самой все урегулировать с Тони.

Маргарита понимала, что ею руководила не столько храбрость, сколько внутреннее ощущение здравого смысла. Тони нашел ее. Ей было совершенно ясно, что самое худшее в этой ситуации — это позволить им встретиться всем вместе: Тони с его парнями и ей с Кроукером. Тогда ситуация определялась бы в мужском стиле: за сильной ссорой почти неизбежно последовало бы насилие. Она не могла позволить этого.

— Детка, — сказал Тони. Его темные глаза переместились с лица Маргариты на Кроукера. — Ты провела ночь с этим типом?

— Какое тебе дело?

— Иисус Христос! Потому что ты моя поганая жена, вот какое дело.

Он не сказал „потому что мы женаты“. Это многое объясняло в характере их отношений.

— Тогда смотри на меня, — резко заявила Маргарита, — а не на него.

Его глаза переметнулись на нее.

— Есть проблемы, которые необходимо решить.

— Мы их решим.

— Ты ушла от меня. Ты спрятала ребенка.

— Франсиу! — Она вышла из себя, кричала так, что ее слышали Кроукер и головорезы Тони. — Нашу дочь зовут Франсиной!

— Да, да. — Его губы сжались. — Я найду, куда ты ее спрятала. Думаешь, не смогу?

Маргариту удивили происшедшие в ней перемены. Его обычные запугивания лишь укрепляли ее решимость.

— О, я не сомневаюсь в этом. Но к тому времени найду для нее другое место. И я буду делать так снова и снова. — Она покачала головой. — Неважно, что ты думаешь

теперь, Тони, но ты ее никогда не получишь. И знаешь, чем упорнее ты будешь пытаться заполучить ее, тем больше она будет ненавидеть тебя, и тогда для тебя все будет потеряно.

На какое-то время наступила тишина. Она слышала его дыхание и думала о том, как высоко подскочило его кровяное давление. До нее донесся звук какого-то движения за спиной. Она обернулась и увидела, что Кроузер переминается с ноги на ногу прямо за ней.

Тони наклонился вперед, так что его лицо было совсем близко от нее. Он не был побрит и вылил на себя слишком много одеколона. Она была довольна, что получила доказательства спешки, в которой он примчался сюда.

Когда он заговорил снова, его тон был ниже, более примирительный. Это был нежный Тони.

— Ты знаешь, что поступаешь глупо, детка. Не понимаю, зачем ты делаешь меня смешным в глазах этих ребят. Должен сказать, что после недавних событий и слухов о том, что Леонфорте начинают предпринимать какие-то шаги, твоя мораль начала как бы катиться по наклонной. Ты мне нужна дома, детка. Ты принадлежишь моей стороне.

— Единственным лицом, которое действует здесь, являешься ты, Тони. Красивый Тони, чуткий Тони. Ты расстрелял свои патроны, с тобой покончено. Я поняла это, но мне этого недостаточно. Настало время, чтобы и ты осознал реальную действительность.

Он украдкой смотрел на нее, не зная, как поступить с этим странным существом.

— Брось пороть чепуху, — заявил он с угрозой. — В конечном счете ты же не хочешь иметь во мне врага.

— О Тони, я не хочу, чтобы мы были врагами. Но мы никогда не сможем вернуться к тому, что было раньше.

— Это единственное, чего я хочу, и я переверну небо и землю, чтобы добиться своего.

Теперь он напоминал обидевшегося ребенка.

— Я не собираюсь разводиться с тобой, не беспокойся. По крайней мере, сейчас. Существует одна непреодолимая причина не оставлять тебя — мы нужны друг другу. Доминик рассчитывал на то, чтобы ты служил для меня маской. Без твоего мужского фасада я не могу эффективно продолжать дело Доминика. Без меня у тебя не будет контактов Дома. Самое большее через шесть месяцев наша семья откажется от тебя, и ты станешь парней.

— Черта с два!

Она не сказала ни слова, понимая, что нужно время, чтобы он переварил эту правду, нашел путь, как спасти свое лицо.

— Ах, черт, — заявил он наконец. — Действительно, я всегда имел неприятности с некоторыми ветвями семьи: Инфантес, Делларкос. Я привык преодолевать внутренние распри в корпорации, чтобы спасти зад клиента. Это игра в совершенно другой мяч. Эти дерьмовые куски сала...

Они оба рассмеялись, впервые за очень длительное время.

— Да, — согласилась Маргарита, — этих вонючих кусков сала может оказаться целая пригоршня и даже больше, если они выйдут из подчинения.

— Может быть, мы нужны друг другу. — Его глаза выражали беспокойство. — Ты сейчас едешь домой?

— Нет. У меня еще есть дела.

— С ним? — Тони повернулся в сторону Кроукера.

— В том числе.

— Ладно, детка. Я его проверил, полностью сканировал. Твой друг не является фэбзэровцем.

— Я знаю. Он рассказал мне. Он бывший полицейский, работал в Отделении по расследованию убийств в полицейском департаменте Нью-Йорка. Его даже до сих пор помнят в этом городе.

— Великий боже, детка, надеюсь, ты знаешь, что делаешь?

Маргарита чувствовала, как бьется ее сердце.

— Я тоже надеюсь.

— Это тип, от каких всегда предостерегал меня твой брат...

Он протянул руку, хотел коснуться ее, затем, по-видимому, раздумал. Его руки бессильно повисли.

— Я хочу, чтобы ты была осторожна с этим человеком.

— Не беспокойся.

— Как мне сдержать себя? Даже мысль о том, что ты имеешь дело с этим представителем закона, заставляет чесаться мои руки. Ты знаешь, что я имею в виду. Помнишь, когда я узнал, что „Уорнер Бразерс“ собирается обмануть Эдди Ментора на семизначном контракте. Я спас для Эдди более миллиона, но здесь... — Он покачал головой. — Я не знаю.

— Я могу постоять за себя.

— Да. Ты это ясно дала понять.

Маргарита хотела сказать „спасибо“, но для этого время еще не настало, слишком много обид он нанес ей. С некоторой болью она поняла, что, к сожалению, для него такое время может никогда не наступить.

— Относительно семейств. У Инфантес есть сын, Джон, который крутится вокруг Кейт, младшей дочери Делларкос. Они любят друг друга. Поговори с ними. Устрой их свадьбу.

— Пресвятая мадонна! Два *caros* убьют друг друга... если они вначале не убьют меня.

— Свадьба — это самый наилучший выход для всех. Ты увидишь... любовь детей зарубцует раны. За какие-нибудь шесть недель обе семьи станут лучшими друзьями. — Маргарита взглянула на него. — Так бы поступил Дом.

Она была готова повернуться и уйти, когда он спросил:

— Так что же насчет ребенка?

Она смотрела на него очень долго, потом сказала:

— Оставь ее, Тони. Франси больна. Она больна булимией, и мы, ты и я, сделали ее такой. Наши отношения развивались не в вакууме. Наша маленькая психодрама имела громадные последствия для Франси. Она страдает от ожогов радиации, излучавшейся нашим поведением. Я совершенно уверена, что ей необходим отдых от нас обоих.

— Ну что ж. — Он опустил голову. — Дерьмо.

Маргарита кивнула.

— Это, пожалуй, правильно отражает ситуацию.

Кроукер смотрел, как она уходила от мужа. Она не обернулась, но Тони Д. смотрел ей вслед до тех пор, пока она не присоединилась к Кроукеру, затем повернулся на каблуках, резко что-то скомандовал парням и забрался в темный комфорт „линкольна“. Заработали моторы, и они уехали.

Кроукер откашлялся.

— Как все прошло?

— Прошло. Это все, что я могу сказать.

Маргарита выглядела уставшей, лишенной той бравады, которая придавала ей уверенность, когда она шла навстречу Тони.

— Давай позавтракаем, — обратилась она к Кроукеру, увлекая его вниз по улице. — К тому времени, когда мы закончим, откроется магазин Уайта.

Он кивнул, не сказав ни слова. Глядя на нее, он думал о том, какое воздействие оказал на нее Тони. Ему вспомнился страшный момент, когда они вместе рассмеялись, это было так нелепо. Его смущало, что он так хотел узнать причину проявившейся между ними близости. Он жаждал спросить ее, но знал, что не сможет сделать этого, а ее молчание в продолжение всего завтрака подсказывало ему, что она не собирается ничего говорить сама.

Они прибыли в Вашингтон четырехчасовым дневным рейсом. Лиллехаммер, как и обещал, встретил их на аэродроме. Он выглядел как огурчик, как если бы прибыл сюда прямо из клуба здоровья. Одет он был щегольски, в черный как уголь костюм и белоснежную хрустящую сорочку. На его галстук красовался глаз быка.

— Хорошо слетали? — спросил он, разглядывая Маргариту пронизательными голубыми глазами.

— Интересная пара деньков, — ответил Кроукер. — Это — Маргарита Гольдони де Камилло.

— Очень приятно, — Лиллехаммер представился ей. — Ужасно то, что сотворили с вашим братом.

— Я понимаю, — ответила Маргарита. — Пятно на вашем послужном списке.

— Не совсем так. — Лиллехаммер принял вызов. — Все в правительстве, кто знал Доминика, просто обожали его. За то, что он сделал, взял удар на себя, назвал имена, исправил ошибки своей жизни. Все это требовало настоящего мужества, и я, как бывший солдат, лично уважал его.

Это была интересная речь, даже хорошая, думал Кроукер. Но он не верил, чтобы она обманула Маргариту.

— Благодарю вас, — скромно произнесла она.

Покончив с любезностями, Лиллехаммер провел их через запруженный людьми зал, вывел на улицу, где их дожидался большой седан с правительственными номерами и с работающим двигателем. По глубокому, хриловатому звучанию мотора и характерному хлопку закрываемых дверей Кроукер понял, что машина бронирована.

— Думаю, я понимаю, насколько тяжело вам было согласиться на эту встречу, миссис де Камилло, — произнес Лиллехаммер, по-видимому, искренне. — Но мои

коллеги считают, что только вы одна можете помочь нам найти человека, который убил вашего брата, и, поверьте мне, мы очень хотим сделать это.

— Почему?

— Извините? — Лиллехаммер поежился.

— Я спрашиваю „почему“, мистер Лиллехаммер? — Маргарита прямо посмотрела на него. — Почему это так важно, чтобы вы нашли убийцу Доминика? Может быть, это просто вопрос гордости, своего рода — как лучше выразить это? — альтруизм по отношению к человеку, которым вы восхищаетесь и которого вы уважаете, но в то же время которого вы распинаете?

Кроукер собрал все силы, чтобы сохранить улыбку на лице, но Лиллехаммер покраснел.

— О боже, извините меня, мадам, — проговорил он, стараясь всеми силами сохранить спокойствие, — но ваш брат контролировал все строительство, производство и упаковку мяса, частные службы санитарии, игорные дома, проституцию и Бог знает, что еще, на Восточном побережье. Мэр Нью-Йорка не мог, извините, воспользоваться туалетом, не получив согласия от Доминика Гольдони. Так что я действительно не верю, что говорить о его праведности было бы уместно в данном случае. Рискуя обидеть вас, должен сказать, что ваш брат умер за свои грехи, — мы не имеем к этому никакого отношения.

Кроукер ничего не сказал, он видел, как Маргарита прикусила губу, а затем закрыла лицо рукой.

Автомобиль остановился, и они вышли. Они были в Вашингтоне, но, где точно, Кроукер не имел никакого представления. Лиллехаммер провел их в боковой вход монументального здания из гранита и песчаника, которых в городе было так много, что это, как ни странно, придавало унылость этим величественным, грандиозным сооружениям.

Он показал свой пластиковый пропуск, ваял у охранника в форме временные пропуска для своих гостей. Никто другой не сопровождал их до лифта, который поднял их из огромного, выложенного мрамором вала в безликую комнату, освещенную флуоресцентной лампой. Откуда-то доносился шум, напоминавший шуршание жуков, грызущих дерево, а также стук пальцев операторов по клавишам компьютеров, но никто не было видно.

В комнате кубической формы находились металлический стол с горсткой карандашей и линованными блокно-

тами, шесть стульев с прямыми спинками, холодильник, охлаждающий воду для питья, и маленькое окно, выходящее в закопченную, темную шахту, ограниченную противоположной глухой стеной.

— Превосходно, — обратилась Маргарита к Кроукеру, а не к Лиллехаммеру. — Прямо как в тюрьме.

Подойдя к столу, она обнаружила на нем множество черно-белых фотографий сцены убийства Доминика Гольдони и его любовницы Жинни Моррис.

— Не особенно приятное зрелище, не так ли? — сказал Лиллехаммер. — Но я должен изучать их и думать, пока не заболят глаза.

„Боже!“ — подумал Кроукер, понимая замысел Лиллехаммера. Он хотел дать Маргарите еще одну встряску, показав ей эти фотографии здесь и рассчитывая, что, может быть, это и заставит ее изменить свое отношение к сотрудничеству с ними.

Казалось, что Маргарита ничего не слышала. Она смотрела на снимки, а ее руки машинально перебирали фотографии одну за другой. Кроукер заметил, что она взяла одну, на которой была Жинни Моррис. Этой фотографии она не видела раньше. В центре снимка был таинственный узор из порезов, выполненный в виде лестницы, который был прикрыт сверху окровавленным пером белой сороки. Маргарита стояла неподвижно так долго, что Лиллехаммер забеспокоился.

Он подошел к холодильнику, наполнил водой бумажный стаканчик, поставил его на стол около нее.

— Пожалуй, будет удобнее, если мы сядем, — предложил он. Когда они сели, Лиллехаммер достал блокнот и карандаш. Потом продолжил: — Мой коллега вкратце ввел меня в суть событий, происшедших перед самым убийством, но я хотел бы услышать подробности непосредственно от вас. — Он вытащил карманный кассетный магнитофон. — У вас нет возражений, если я запишу ваше заявление?

Маргарита покачала головой.

— Вы можете сказать это в микрофон?

Она сделала это. Затем начала рассказывать о своей встрече с человеком, которого знала под именем Роберт. Ее речь была очень сжатой и сухой. В голосе не чувствовалось глубокого волнения, как это было, когда она рассказывала о происшедшем Кроукеру. Ее голос и движения сейчас казались ему неестественными, монотонны-

ми, как если бы она была где-то далеко отсюда. Лиллехаммер, захваченный странными событиями перед убийством, очевидно, не заметил ничего неладного. Но он не знал Маргариту, как знал ее теперь Кроукер.

Когда она закончила, Лиллехаммер взглянул на пометки, сделанные в блокноте, и задал ряд вопросов. Маргарита ответила все в том же тоне.

Удовлетворившись полученными ответами, Лиллехаммер снова обратился к ней.

— Я собираюсь сейчас попросить вас сделать нечто чрезвычайно трудное. По всей вероятности, это будет также довольно опасно. Но то немногое, что нам удалось собрать самим, и то, что рассказали вы, приводит меня к убеждению, так же как и моего коллегу, что единственный путь захватить этого чрезвычайно умного убийцу — это использовать вас как приманку.

— Подождите минутку, — вмешался Кроукер, пока Маргарита не успела дать ответ. — Я никогда не давал согласия на такую безумную идею.

— Хм! — Лиллехаммер решил не оставлять без внимания этот выпад. — Но во время телефонного разговора у меня создалось впечатление, что вы поддерживаете этот план. — Он постучал пальцами по магнитофону, стоявшему около его локтя. — Я записал тот разговор. Должен я его воспроизвести для леди?

— Что бы я ни имел в виду тогда, сейчас не имеет никакого значения. Ставить невинного человека в положение, которое может нанести ему вред, для меня совершенно неприемлемо.

Лиллехаммер насмешливо посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что никогда не использовали этот прием, работая в нью-йоркской полиции?

Кроукер рискнул взглянуть в сторону Маргариты. Ее глаза были опущены. Она вглядывалась в фотографии кровавой резни, которые Лиллехаммер выложил на ее обозрение, на вызывающие ужас останки ее брата и его любовницы.

Кроукер мог представить себе, какая борьба чувств происходит в Маргарите, — отвращение от того, на что был способен Роберт; и в то же время влечение к нему в ее новой жизни. Он ей не завидовал.

— Я не могу утверждать, что никогда не использовал людей в качестве приманки, — сказал Кроукер после длительной паузы. — Но я всегда испытывал при этом беспокойство и всегда сам был их охранником.

— Думаю, мне следует пояснить леди, — заметил Лиллехаммер. — Охранник — это профессионал, который охраняет приманку, следит за тем, чтобы ей не был нанесен какой-либо вред, когда капкан с добычей захлопнется.

Маргарита, очевидно, была все еще не в состоянии полностью понять его слова.

Лиллехаммер посмотрел на Кроукера.

— Вы согласны, что такая стратегия дает высокий процент успеха?

— Когда обстоятельства бывают достаточно сложными, — ответил Кроукер неохотно. — Когда мы прижаты к стене.

Ему было безразлично, в какое положение ставит его Лиллехаммер.

Лиллехаммер развел руками:

— Тогда в чем же дело?

— Смертельный риск, — раздраженно произнес Кроукер. — Вот о чем мы говорим.

— Перестаньте!

Голос Маргариты, громкий и пронзительный, заставил их обоих замолчать в изумлении.

— Замолчите, вы, оба! — Она переводила взгляд с одного на другого. — Вы говорите обо мне, как если бы меня здесь не было, как если бы я была товаром, выставленным на торг. — Она резко встала. — Мне необходим свежий воздух, Лью.

— Я понимаю, — сказал Кроукер. Он и Лиллехаммер встали. — Не следовало поднимать вопроса о том, чтобы вовлекать вас.

— Нет. Мистер Лиллехаммер высказал хорошую мысль.

Кроукер был поражен.

— Вы говорите всерьез?..

— Я могу сделать это. Вы знаете, я уверена в том, что Роберт не причинит мне вреда. Но если это и случится, это будет мое решение, не ваше и не фэбзэровцев.

— Довольно разумно, — поддержал Лиллехаммер. — Это все, о чем я могу попросить вас. — Он кивнул головой Кроукеру и открыл перед ними дверь. Он улыбался. Шрамы в уголках его рта резко выделялись, как надписи на заборе.

— Спасибо, миссис де Камилло, за вашу выдержку.

Уже в дверях она обернулась, ласково улыбнулась ему.

— Кстати, мистер Лиллехаммер, вы говорили неправду вначале. Вы и другие, подобные вам, имеете прямое отношение к смерти моего брата. Если бы не было полицейских-расистов, никогда не было бы нужды в Доминике Гольдони; если бы не существовали полицейские, страстно желающие, чтобы их купили, Доминик Гольдони никогда бы не процветал; если бы не было полицейских, стремящихся создать для себя известность, имя, он никогда бы не погиб таким образом.

Когда зазвенел будильник в ухе Нанги, он еще крепко спал. Он открыл глаза в ночной темноте и заворочался, нащупывая свою трость. Он уснул в мягком кресле в своей гостиной. Когда он встал, стопка бумаг, которые Нанги читал, рассыпалась по ковру у его ног. Он нагнулся, преодолевая боль в ноге. Факты и цифры об „Авалон Лтд“ были собраны в аккуратные колонки, графики и бухгалтерские отчеты. С первого взгляда все эти материалы ничего не значили.

Однако, чтобы их собрать, пришлось много побегать, оказать множество услуг. „Авалон Лтд“, как частная компания, не была обязана давать отчет о своей деятельности.

Нанги собрал бумаги и, опираясь на голову дракона своей трости, поднялся. Он отложил в сторону бумаги, вошел в прихожую, снял твидовое пальто.

Сев в машину, он включил обогреватель и смотрел, как ледяная корочка медленно исчезает с переднего стекла. Он не стал беспокоить своего водителя. Звук в его ухе изменил тон, и Нанги выехал с дорожки, ведущей к дому. Тон звучания снова стал другим, и он набрал скорость, руководствуясь миниатюрным приемным устройством, вставленным в ухо.

Не вся полученная им информация совершенно бесполезна, размышлял он, поворачивая на один из широких бульваров Токио, где кипела ночная жизнь. Если „Авалон Лтд“ и проделывала большую работу, тем не менее она не получала никакой прибыли. Какого рода бизнес мог бы долго выдержать при таком финансовом балансе? Только если это была дутая корпорация, созданная глав-

ным образом для перекачки капиталов из одного источника в другой.

Розовый и серебристый свет от неоновых фонарей плескался о борта машины, как бы лакировал лица пешеходов, в основном туристов, которые всматривались в витрины магазинов, заполненные разными футуристическими электронными изделиями и антикварными кимоно, стараясь почерпнуть как можно большую информацию об этой бестолковой столице в самое короткое время. Разве могли они позволить себе сон?

Нанги продолжал размышления во время всего своего долгого пути. Исходя из предположения, что „Авалон Лтд“ не является тем, за что она себя выдает, самым неотложным вопросом остановился не тот, что представляет собой эта компания, а тот, почему его навели на нее. Тайнственный человек, который назвался братом Винсента Тиня, когда пришел забирать его труп, заявил, что „Авалон Лтд“ это его компания. Зачем? Почему было не назвать какую-либо совершенно фиктивную корпорацию, поиски которой неизбежно завели бы в тупик? Так, без сомнения, сделал бы сам Нанги на месте этого человека. Почему тот не поступил подобным образом?

Лица молоденьких манекенщиц и популярных звезд с платиновыми волосами, высокие здания, оживленная торговля безалкогольными напитками и косметикой. Реальность расчленилась на части и собиралась вновь, но уже в совершенно другом порядке.

Звучание в его ухе снова изменило тональность, и Нанги свернул с бульвара в цепочку улиц, которые становились все уже и уже, темнее и беднее. По краям дороги валялись отбросы. Рыжие псы с выступающими под кожей ребрами рыскали в зловещей темноте в поисках чего-либо съестного.

Кто-то хотел, чтобы Нанги связал „Авалон Лтд“ со смертью Тиня и направил свои поиски в определенном направлении. Было это правильное направление или же ложное, предназначенное для того, чтобы скрыть истинные обстоятельства убийства Тиня?

Нанги чувствовал через опущенное стекло запах реки Сумида, смесь соли и разложения, — запах, присущий району, давно прошедшему через свои лучшие времена. Безликие бетонные дома, заброшенные и взорванные за одну неделю, уступали место складам со стенами без окон, напоминающим угрюмых рептилий, спящих под

рогатым месяцем. Причудливые машины строительных компаний прижимались к земле, как уродливые звери, в своих временных пристанищах, сделанных из металлических балок и перекрытий.

Слишком много вопросов остается без ответов, думал Нанги, а у него только один путь к этой загадке и тот, в лучшем случае, неопределенный. Сигнал в его ушной раковине превратился почти в вопль. Он затормозил и медленно пополз. Еще задолго до этого он выключил фары и обходился уличным освещением, кроме того, ему помогало ориентироваться зарево, которое разливалось над всем городом.

Через промежуток между зданиями он видел Сумиду. Лунный свет серебрил ее волнистую поверхность, танцевал на бурунах, отходивших от проплывавшей баржи, как струны на *кото*.

Затем, по мере его движения, эта мерцающая картина исчезла в темноте и воня разлагающихся отбросов. Сигнал в ухе стал похожим на глухой крик. Он остановил машину. Дальше в этом же блоке домов он увидел, как отключили свет в старом автомобиле. Он был припаркован перед зданием, которое, как ни странно, оказалось частным домом, втиснутым между двумя огромными складами.

Нанги продолжал сидеть тихо, скрытый темнотой. Из припаркованной машины вышла Сэйко. Она быстро вбежала по ступенькам и торопливо постучала в дверь, которую почти тут же открыла старая женщина, одетая в традиционное кимоно. Ее черные волосы были аккуратно зачесаны вверх и заколоты длинными булавками. Бросив быстрый осторожный взгляд вокруг, Сэйко переступила порог и закрыла за собой дверь.

Нанги вытащил из уха миниатюрный приемник, открыл резную голову дракона на своей трости и опустил его в пустое отверстие. Другая часть аппарата — передатчик — была спрятана в филигранной серебряной коробочки для таблеток, которую Нанги дал Сэйко в машине при возвращении в контору после похорон Джастины.

Почему он стал относиться к Сэйко с подозрением? Было бы не по-христиански сомневаться в ее мотивах только потому, что она пробыла так долго во Вьетнаме, имела пылкие отношения с одним вьетнамским делягой. Это было бы равносильно тому, как если бы Нанги уступил японскому предубеждению против других, так называемых „меньших“ азиатских культур, которые японцы

в былые времена стремились подчинить себе. Этот вид предубежденности глубоко сидит в психике японцев. Как сторонники, так и критики рассматривали это предубеждение как результат различий в культурном развитии. Нанги же полагал, что оно скорее вызывается условиями островной страны с бедными естественными ресурсами, когда жители ее для своего существования должны зависеть от других стран азиатского континента и, следовательно, могут оказаться в их власти.

Нанги было больно от сознания, что у него могли появиться нехристианские мысли, хотя он и понимал, что осознание этих ошибок лишь подтверждало его гуманность.

На всякий случай он навел справки о бывшем любовнике Сэйко и наткнулся на некоторые весьма интригующие сведения. Например, этот человек подозревался в том, что он провернул крайне сложную операцию на Ханг Сенг, гонконгской бирже, которая дала его клиентам десятки миллионов долларов, а ему самому значительный процент прибыли. При дальнейшем расследовании выяснилось, что эти его клиенты оказались подставными лицами акционерных обществ, которые, как знал Нанги по своим собственным контактам, принадлежат якудза. В другом случае этот вьетнамец разорил клиентов в ряде японских министерств в результате быстрого и необъяснимого падения акций компаний, владеющих недвижимостью.

Сэйко могла совершенно ничего не знать о том, что планировал и готовил ее любовник. Но была ли она в таком же неведении относительно того, что собой представлял этот человек? По своему опыту он знал, что женщины гораздо лучше разбираются в характере людей, чем предполагают мужчины. Даже учитывая, что она в то время была ослеплена любовью, Нанги не мог считать всерьез, что такая, явно сверхчеловечья, женщина оказалась глухой, немой и слепой.

Ради Николаса он был готов отбросить свои сомнения, но в глубине своего сознания он понимал, что дал ей своего рода испытательный срок, в конце которого может быть вынужден принять необходимые меры. Установка передатчика была возможностью проверить его подозрения. Он вынужден был бы отбросить в сторону свое недоверие, если бы она не переступила дозволенных границ. Работа, которую она выполняла для компании, была бес-

спорно первоклассной, а ее опыт во Вьетнаме, особенно в Сайгоне, оказался бесценным.

Но затем она стала липнуть к Николасу. Возможно, она просто не могла удержаться. Сэйко была, как заметил Нанги, очень сексуальной молодой женщиной. Но непорочность в отношении Джастины и самого Николаса в этом плане говорила о наличии в ней определенных темных сторон. Последующие события вызвали еще большие подозрения. Николас был для нее ключом в „Сато интернэшнл“. Создание филиала во Вьетнаме было полностью его идеей, и она знала это.

Глядя через призму настоящего в прошлое, Нанги мог оценить, насколько проникательной была эта женщина. Она чувствовала неполадки в семье Николаса и совершенно преднамеренно играла на этом.

А когда Николаса не стало, как легко она вошла в жизнь Нанги. Он был далек от того, чтобы ненавидеть ее. Наоборот, он чувствовал, что испытывает восхищение ею. Слишком редко попадаются такие экстраординарные, макиавеллиевского типа умы, как у Сэйко. Вопрос заключался в том, что ему делать с ней сейчас, когда она стояла разоблаченной перед ним. Прогнать ее или прижать ее к своей груди как змею.

— Не лги мне, Лью, — обратилась Маргарита к Кроу-керу. — Не говори мне, что не думал о возможности использовать меня, чтобы завлечь в ловушку Роберта, после того как я рассказала тебе обо всем.

— Думать о чем-то настолько рискованном и действовать таким образом — совершенно разные вещи.

Она кивнула головой.

— Верно. Но риск — это твой капитал в деле, не так ли?

Не было смысла отрицать это, и он не сказал ни слова. Они сидели за столиком в „Террацца“, итальянском ресторане на Кинг-стрит в Старом городе в районе Александрия. Принадлежавший правительству автомобиль доставил их в ближайшую гостиницу, где Лиллехаммер снял для них комнаты. Шофер сказал, что он будет находиться в их распоряжении в течение всего времени их пребывания в Вашингтоне. Но Маргарите, по вполне понятным причинам, не понравилась такая перспектива, и Кроукер отпустил его. Маргарите хотелось итальянской

пищи, и консьерж гостиницы порекомендовал „Терраццу“. Они взяли такси до Александрии.

Кроукер, сидя напротив нее за маленьким столиком, улыбался.

— Что смешного?

— Не знаю, — ответил он, отламывая кусочек хлеба с хрустящей корочкой. — Я вспомнил удовольствие, которое получил от заключительной части твоего разговора с Лиллехаммером.

— Прежде чем я смогу как-то связать себя, дав обещание отдать свою жизнь в твои руки, я должна знать, на чьей стороне ты находишься. На его?

Подошел официант, чтобы принять заказ, и Кроукер посмотрел на лежавшее около него меню. Но Маргарита махнула рукой официанту, чтобы тот отошел. Она не хотела, чтобы что-либо отвлекало ее сейчас.

— Лью, тебе следует все хорошо обдумать.

— Я работаю на него. Он надеется, что я смогу завершить это дело.

Взгляд Маргариты не давал ему возможности уйти от прямого ответа на ее вопрос.

— Позволь мне сказать тебе кое-что. Фэбзэровцы позволили Дому управлять его организацией через Тони, оставаясь в ФПЭС. Это было частью договоренности: получил — уходи. — Ее брови вздернулись вверх. — Ты меня слушаешь? Хорошо. Эти фэбзэровцы более коррумпированы, более продажны, чем любой из муниципальных стражей закона, с которыми имел дело Дом. Вот почему эти подонки ближе к власти, настоящей власти. Вот что представляет собой этот город.

— Есть и более приятные стороны.

— Люди, подобные Лиллехаммеру, другие, Лью. В их руках достаточно власти, чтобы выкинуть любой грязный трюк. Ты уже видел частицу того, на что он способен, но я сомневаюсь, что ты понимаешь, каков уровень его психологической игры. Та его тюремная комната! Я знаю, что он привел нас туда, чтобы вывести меня из себя, чтобы показать мне, в чьих руках находится власть. Дом предупреждал меня о людях, которые проводят хитрые психологические опыты, а теперь я предупреждаю тебя.

— Я не сомневаюсь, что твой брат был совершенно прав, — заверил ее Кроукер. Он был удивлен тем влиянием, которое все еще оказывает на их жизни мертвец.

Он начинал лучше относиться к покойному Доминику Гольдони, сожалел, что у него никогда не было возможности встретиться с ним.

— Я знаю кое-что о Лиллехаммере, — продолжал Кроуер. — Он попал в плен во Вьетнаме. Ты видела шрамы вокруг его рта? Он мне рассказывал о том, как он получил их. Его пытали. Кто знает, как долго они оказывали на него давление и каковы были обстоятельства его освобождения. — Он покачал головой. — Мне кажется, что таким людям потом очень нелегко в жизни. Ломается что-то в них самих. Возможно, не в такой степени, как добивается противник, — Лиллехаммер утверждает, что он не дал им того, что они хотели, — но под давлением, которое на них оказывается, они делаются другими. Люди, которых я знал и которые попадали в подобные обстоятельства, казалось, теряли какую-то базовую способность выносить правильные суждения.

Кроуер отломил еще кусочек хлеба, но, почувствовав, что у него пропал аппетит, не знал, что ему делать с ним. Он смял его своей искусственной рукой в какую-то фигушку.

— Может быть, будет упрощением говорить, что заключенный превращается в соучастника, но это правда. Жертва неумышленно попадает в ловушку, начиная защищаться, когда идет осада на ее психику; все, что не соответствует выдуманной реальности, которую он создал себе в то время, предстает в искаженном виде. В результате он и его мучители становятся союзниками, так как они выдвигают на первый план эту выдуманную реальность.

— Совершенно ясно, что ему очень нужно найти Роберта, — сказала Маргарита. — Роберт вышел на Дома через меня, но каким образом Роберт узнал, что Дом должен позвонить мне, и знал точное время этого звонка?

— Лиллехаммер говорил мне, что он не может доверять своим собственным людям, и он подозревал, что в случае убийства Доминика имела место утечка информации где-то в системе ФБР. — Кроуер зажмурился. — Но после того единственного случая Лиллехаммер никогда не упоминал о предполагаемой утечке информации. — Он открыл глаза. — Что, если он знает Роберта?

Маргарита сразу отрицательно качала головой.

— Если бы он знал Роберта, он, несомненно, отправился бы за ним сам. Он знал бы привычки Роберта, где ему

нравится проводить время, с кем он встречается. Лиллехаммеру ничего бы не стоило найти его.

— Но если он не виделся с Робертом длительное время? Скорее всего, с самого Вьетнама.

— Что?

— Ты говорила мне, что у Роберта восточная внешность не японца или китайца, а какая-то смесь рас, красноватая кожа, почти как у полинезийца. Такое описание очень подходит к вьетнамцу. — Кроукер кивнул головой. — Да, — медленно проговорил он. — Это было бы в некотором роде неожиданным поворотом. — Он постучал пальцами по столу. — Кто истязал Лиллехаммера, вьетконговцы? Допустим. Мог Роберт быть одним из них? Если так, то Лиллехаммер, будучи сам хорошим солдатом, знал бы, какому риску он подвергнет себя, если сам отправится за Робертом. Если Роберт заметил его хотя бы одним глазом, он зарылся бы так глубоко, что Лиллехаммер никогда не нашел бы его. Но Роберт не знает меня. Бывший полицейский, детектив по расследованию убийств, пользующийся доверием фэбээровцев, — я являюсь прекрасной кандидатурой для этой работы.

Чувствовалось, что Маргарита сдерживает себя изо всех сил.

— Мне не нравится этот человек, Лиллехаммер.

Кроукер чувствовал, как от нее волнами распространяется напряжение.

— И не только сам Лиллехаммер?

— Да. Я имею в виду также то, что я увидела в той его тюремной комнате. — Она передернула плечами. — Ты не показывал мне фотографий Жинни. Так что это было неожиданно.

— Я не считал, что их нужно было тебе показывать.

Она кивнула.

— Я понимаю. Но теперь, когда я увидела их, я знаю, что здесь, в Вашингтоне, есть один человек, которого мы должны видеть. Человек, который может объяснить, почему Роберт нанес Жинни такие раны. — Она посмотрела на Кроукера холодным взглядом. — Лью, смерть Жинни была частью старинного ритуала. Я многого не знаю о нем, но есть человек, который знает. Я думаю, после встречи с этим человеком мы будем так близки к Роберту, что почувствуем его дыхание на своих лицах.

Дэвис Манч, специальный следователь Пентагона, предоставленный временно в распоряжение Комиссии сенатора Рэнса Бэйна, выглядел совсем не таким, каким описал его Гаунт Манни Манхайму.

— *Если я не приду в течение двадцати четырех часов,* — сказал Гаунт Манни вечером, когда он вернулся в ломбард и собирался отправиться в дом Лиллехаммера, — *я хочу, чтобы ты отнес этот конверт человеку по имени Дэвис Манч. Он должен будет доставить его Николасу Ликнеру в моей компании в Токио.*

— *Проклятие,* — заявил тогда Манни, уже беспокоясь за своего друга, — *я могу сделать это для тебя, Харли... допуская, что это надо сделать, в чем, однако, я совсем не уверен.*

— *Послушай, Манни,* — настаивал Гаунт, — *Манч — это спецслужба, следователь Пентагона по особым делам. Он знает, что надо будет делать. Я не могу рисковать, посялав эти материалы по почте, или допустить, чтобы конверт был открыт кем-то другим, а не Николаем. Если это не удастся сделать, пусть его откроет Тандзан Ханги. Обещай мне, что не сделаешь никакой глупости. Ты доставишь конверт прямо в руки Манча. Он найдет способ — через официального курьера — переправить его в Токио.*

Что бы с тобой ни случилось.

Обещай мне, Манни.

Манни обещал. Вот почему он оказался здесь среди ночи, на мокрых от дождя улицах Вашингтона, скрывая свое лицо от вспыхивающих красных огней на крышах полудюжины полицейских машин, заблокировавших район.

Послышался быстро приближающийся рев sireны. Манни видел из тени, в которой он стоял, как „скорую помощь“ пропустили через барьер из полицейских машин, как, скрипя тормозами, она остановилась около тела человека.

Было очень много крови. Манни дрожал, несмотря на то что был в толстом двубортном коротком пальто. „Христос, милостивый, во что замешан Харли?“ — подумал он.

Он звонил Дэвису Манчу домой по телефону, который оставил ему Гаунт. Того не оказалось на месте, и он продиктовал послание на записывающий аппарат. „Может быть, ему не следовало этого делать, может быть, теле-

фон Манча прослушивается? Но кем? Манч из спецслужбы, следовательно из Пентагона. Кто будет подслушивать таких персон, черт возьми?" Манни покачал головой, наблюдая за работой медиков „скорой помощи“. Даже с такого расстояния он мог сказать, что их присутствие в данном случае бесполезно. Манч был мертв, его голову прострелили из мощного оружия. Манни закрыл глаза.

Когда Манни набрал номер телефона Манча, он услышал текст, записанный на магнитофон. Гаунт предупреждал Манни, чтобы тот не оставлял своего телефона, даже если будет говорить с самим Манчем. Оставляя сообщение для Манча, Манни решил воспользоваться автоматом в баре, который находился под его квартирой. Он пообедал там и затем, заказывая порцию за порцией пиво, дождался, когда зазвонит сигнал вызова в автомате.

— Упомяни боксера по кличке Золотые Перчатки, — учил его Гаунт. — Он будет знать, о ком ты говоришь.

Гаунт был прав. После обеда Манч перезвонил ему. Не было названо никаких имен ни одной из сторон. Манч согласился встретиться с Манни около главного здания ФБР на Девятой улице, на месте, где раньше был „Лоун Стар Биф Хаус“. Фэбзровцы получили это место, представлявшее собой бар на открытом воздухе, еще в 70-е годы после его конфискации у особо предприимчивого члена департамента по вопросам транспорта, который приобрел его, как они заявили, за счет нечестно добытых средств, присвоенных им у своих служащих.

„Какая пуля могла заставить всю заднюю часть головы взорваться как арбуз, брошенный на землю?“ Эта мысль вертелась в голове Манни, когда он смотрел, как медики вынули мешок для трупа, а группа агентов в гражданской одежде фотографировала Манча во всех возможных ракурсах. Двое из них встали на колени, несмотря на дождь, чтобы сделать снимки крупным планом. Манни почувствовал, что содержимое его желудка поднимается в горло, он стал усиленно глотать, вдыхать в себя сырой воздух, дождь, все, что угодно, лишь бы не допустить рвоты. Он вновь закрыл глаза, но не мог избавиться от картины того, как мозги Манча разлетелись на расстояние в десять и больше футов. Манни был еще на другой стороне улицы, в тени, когда удар пули отбросил Манча к фасаду здания.

Чего он ждал? Оказалось, того, чтобы смерть миновала его. На пути от бара до места встречи горело здание, и

такси с трудом пребиралось через поток машин, заблокированные улицы, забытые машинами объездные пути. В конце концов Мэнни выскочил на машины и бежал остаток дороги. Все равно он опоздал на пятнадцать минут.

Агенты, покончив с фотографированием, подписали какие-то бумаги у медиков, и вскоре труп Манча был помещен в блестящий мешок. „Там безопаснее, — пронеслась мысль в голове у Мэнни, — чем этой ночью на улице“.

Пожар по дороге опас ему жизнь. Он повернулся и пошел. После того как увезли Манча, делать ему здесь было нечего. Или это не так? Под своим пальто он крепче прижал к груди находившийся там конверт.

Дома Мэнни стал спешно собирать в сумку необходимые ему на ночь вещи. Из-под досок пола в спальне он взял пачку сотенных банкнот. „Что я еще забыл? Свой паспорт!“ Он стал лихорадочно его искать. Прошло пятнадцать минут, прежде чем он, обливаясь потом, наткнулся на него во внутреннем кармане дешевой виниловой сумки — сувенира туристической компании, оформлявшей его поездку в Израиль в прошлом году. Мэнни засунул в сумку предметы первой необходимости и вышел из дома. После того, что произошло с Дэвисом Манчем, он не был спокоен ни у себя в квартире, ни, говоря по правде, вообще в Вашингтоне.

Ночь в вашингтонском международном аэропорту, где он коротал время, вглядываясь в свое отображение в затемненных витринах закрытых магазинчиков, торгующих безделушками и сувенирами, несколько успокоила его перенапряженные нервы, но не до конца.

Маргарита и Кроукер прибыли ровно в полночь. Дом, скорее особняк в георгианском стиле, располагался, как пышно оперенная ворона, на гребне холма с изумрудной зеленью, одного из многих в этой местности. Опустив стекло, Кроукер жадно вдыхал в себя густые запахи лошадей и сена. Это был Потомак, штат Мэриленд, центр охотничьих угодий.

Он наклонился вперед, вытащил бумажку в пятьдесят долларов и передал ее водителю такси.

— Подождите нас, — сказал он.

— Да, сэр. Никаких проблем.

Он сложил руки на груди, откинулся на сиденье и вскоре уже крепко спал.

Кроукер заметил на подъездной дорожке к дому шесть или семь стоявших автомобилей: „ягуары“, „роллс-ройсы“, большие седаны „БМВ“. Шоферов не было видно, их не оставили на произвол судьбы в этот осенний холод.

— Чей это дом? — спросил он.

Маргарита продолжала смотреть в безоблачное ночное небо. Рогатый месяц, бледный, как сливочное масло, плыл по небосводу, подобно призрачному кораблю или катафалку. Она вздрогнула, но не двигалась. Мучительные думы овладевали ею каждый раз, когда она возвращалась сюда.

— Маргарита?

— Ш-ш-ш, — прошептала она. — Не говори, не двигайся. Я должна подумать, что произойдет дальше. Вероятно, это неизбежно так же, как движение одной секунды за другой. Но в данный момент дай мне помечтать, что мы одни вдвоем в этой ночи.

Ее запах смешивался с запахом лошади. К своему удивлению, Кроукер легко представил себе, как она вытаскивает свою ногу в сапоге из стремени, спрыгивает с гладкого кожаного седла, расточая вокруг мускусный запах лошадиных мышц, пропитавший ее ягодицы и ноги. Ему показалось, что он слышит в ночи тихие, призрачные звуки: хруст кожи, позвякивание металла, мягкое всхрапывание лошади.

Он моргнул, и все пропало, до него доносились лишь звуки тяжелого, ритмичного дыхания таксиста, спокойного гудения кондиционера в машине.

— Я часто ездила здесь верхом, — прошептала Маргарита, — когда была моложе.

Он взглянул на нее. Она была сосредоточена, как шахматист в эндшпиле. Кроукер не понимал, чем были вызваны эти галлюцинации, позволившие заглянуть в другое время, в другой мир.

Маргарита наклонилась вперед, привалилась к двери, как бы от усталости или покоряясь чему-то ужасному, потом взялась за ручку, открыла дверцу и вышла из машины. Кроукер последовал за ней, прислушиваясь к похрустыванию под ее каблуками гравия, белого, как молоко под лунным светом.

Особняк был построен из розовато-коричневого кирпича. Окна аккуратно обрамляли ставни цвета густых сливок. Внушительный парадный вход был увенчан веероо-

бразным окном с цветными стеклами, которому было не менее ста лет. Опускающаяся вниз подъездная дорога была обсажена подрезанными вишневыми деревьями, а ближе к главному зданию поднимались до верхушки крыши копьевидная магнолия и болиголовы с ветвями, похожими на месяц. По обе стороны каменных ступенек, поднимающихся до самого входа, были устроены клумбы с однолетними цветами. Сейчас они были голыми, с черной землей, смешанной с компостом цвета соломы. Пронизывающий ветерок продувал между рядами темно-зеленых карликовых кипарисов Хиноки, поднимавшихся вместе с ними, когда они шагали вверх по ступенькам.

Пока они шли, Кроукер внимательно осматривался по сторонам. Он был осторожен с тех пор, как они покинули ресторан в Александрии. Он помнил, что консьерж в гостинице рекомендовал этот ресторан и поэтому знал, куда они направлялись. Маргарита, очевидно, по той же причине настояла на том, чтобы они прошли пешком некоторое расстояние от ресторана и не садились в первое попавшееся такси. Направления, которые она указывала шоферу, были сложными, запутанными и окольными. Она не хотела, чтобы кто-либо знал, куда они поехали.

Перед резной деревянной дверью Маргарита обернулась к нему и сказала:

— Я хочу, чтобы ты понял кое-что, Лью. Я здесь ни за что не отвечаю, ни за что. Это место является большим, чем частная собственность.

Он уставился на нее, стараясь понять это странное превращение, которое произошло с ней с того момента, когда она увидела фотографии Жинни Моррис, разложенные на скромном правительственном столе Лиллехаммера.

Она нежно дотронулась до его запястья, попыталась улыбнуться, затем стукнула по двери бронзовым молоточком. Через мгновение дверь открылась и перед ними предстала красивая женщина, одетая в черные шерстяные брюки, шелковую блузу кремового цвета и вышитую испанскую черную куртку до пояса. Этот наряд, который не выглядел бы устаревшим на показе моделей в то время, когда эта женщина была на четверть моложе своего теперешнего возраста, подчеркивал ее стройную фигуру с длинной талией.

— Маргарита! Слава Богу, ты приехала!

Металлический оттенок голоса женщины напоминал работающий на улице мотор такси. Кроукер посмотрел на

нее более внимательно. Морщины покрывали ее лицо. Они были в уголках глаз и рта, над всей верхней губой. Он видел, что годы оставили свой след, может быть, не такой заметный, как у многих других женщин, из-за незатухающей искры в ее лазурных глазах, но все же очевидный.

По улыбке, игравшей на губах женщины, Кроукер понял, что это опасная женщина. Он почувствовал запах, как после выстрела из пистолета, вспомнив страх и нежелание, с которым принимала Маргарита решение возвратиться сюда.

— Входи, дорогая, — пригласила женщина, закрывая за ними дверь. Она обняла Маргариту, поцеловала ее в обе щеки, как это принято в Европе. — Я так рада видеть тебя. Кажется, ничто не осталось прежним после смерти Дома. Несмотря на все мои усилия, даже обращение к сенатору из Миннесоты, которому я сделала раньше кучу одолжений, я сталкивалась с глухой стеной в попытках узнать, что же случилось с Домом.

— Я думаю, мы сможем помочь друг другу в этом отношении, — сухо промолвила Маргарита.

— Дорогая, это самые хорошие новости за последние недели, — сказала Рената. — Уверена, что ты знаешь, что говоришь. Дом всегда был очень высокого мнения о тебе.

Она нахмурилась, и Кроукер заметил, что на ее лице появляются новые морщины, как слова, написанные невидимыми чернилами и проявляющиеся под воздействием инфракрасной лампы.

— Но, моя дорогая, ты приехала с незнакомцем. А где Тони?

Маргарита повернулась к Кроукеру, и он отчетливо увидел борьбу в ее глазах. Боль и полузаместная душевная мука свивались друг с другом как темные краски, загрязняющие лучшую работу художника.

— Лью Кроукер, — обратилась она к нему. — Я хочу представить вас моей мате Ренате Лоти.

Рената любезно улыбнулась, протянула на удивление твердую руку, которая крепко сжала руку Кроукера.

— Пожалуйста, проходите. Моя дочь необычайно добра. За свою жизнь меня знали под разными именами. Ренатой Лоти меня называют в Вашингтоне, и я довольна этим именем. Но в прошлом я была известна как Фэйс Гольдони. Вам знакомо это имя, не так ли, мистер Кроукер?

„Это мать Доминика Гольдони, — подумал Кроукер, придя в изумление. — Бог милостивый!“

Она не предложила им снять верхнюю одежду, а медленно повернулась и повела по длинной, выложенной панелями из грушевого дерева прихожей. Кроузер заметил, что она немного прихрамывала. Рената ничего не сказала об этом, и он видел по тому, как она шла, что не считает это прихрамывание недостатком. Наоборот, она приспособилась к нему так, что ее походка выглядела как просто свойственная ей. Они прошли мимо двойной двери, за которой слышались сдержанные звуки оживленного разговора.

— Главное задание сегодня полно гостей, — заметила Рената. — Зная мою дочь, я уверена, что нам не помешает некоторое уединение.

Они вошли в наполненную сладкими запахами буфетную, затем прошли через огромную, отделанную кафелем и нержавеющей сталью кухню, благоухающую свежим палфеем, оливковым маслом и красным вином. Молодой шеф-повар в белом фартуке и белом колпаке почти не обратил на них внимания, занимаясь грушевым тортом.

Рената сняла с деревянного крючка подбитый мехом черный виниловый макинтош, накинула его себе на плечи. Задняя дверь вывела их в небольшой садик с подстриженной травой и крытой галереей из дерева и кирпича с левой стороны, мимо которой и повела их Рената. Толстая глициния и высокие виноградные лозы защищали их от прохладного ветра ясной ноябрьской ночи.

К дрожжевым ароматам из кухни вскоре добавились резкие, пьянящие испарения лошадей, запах сена и навоза. Рената протянула руку, зажгла свет, открыла широкую дверь в конюшню.

Лошади всхрапывали и перебирали ногами. Кроузер вспомнил посетившее его видение в автомобиле. Оно было как подглядывание в память Маргариты.

Огромные влажные коричневые глаза лошадей смотрели на них с тревогой и недоверием. Затем послышалось тихое ржание в нескольких местах, поскольку лошади уже привыкли к новым запахам.

Кроузер внимательно осмотрел помещение, как он это делал всегда, подмечая отдельные детали.

— Странно, — сказал он, — здесь имеется оружие.

Рената посмотрела на револьвер в старой, поцарапанной кожаной кобуре, который висел на дальней стене.

— Это кольт, — подтвердила она. — Я соержу его в отличном состоянии. Купила его, когда построила эти конюшни. Всего в двух милях отсюда я видела лошадь со

сломанной ногой, которая мучилась более часа, пока кто-то пытался найти пистолет, чтобы гуманным способом избавить животное от страданий. Когда я решила, что буду ездить на лошадях, я поклялась, что никогда не позволю ни одной из моих лошадей страдать таким образом.

Некоторое время Кроузер изучал Ренату, запрятав в запасник своей памяти информацию, которую она только что сообщила ему с присущей женщинам элегантностью.

— Откровенно говоря, вы поставили меня в тупик, — сказал он.

— О-о!

— У меня было впечатление... думаю, что и у фэбзэровцев также, что Фэйс Гольдони умерла некоторое время тому назад. Я видел сам косерокою свидетельства о смерти в делах семейства Гольдони.

— Я несколько в этом не сомневаюсь. Я действительно умерла несколько лет назад. По крайней мере, Фэйс Гольдони умерла. Затем родилась Рената Лоти и появилась здесь, вблизи Капитолийского холма, где смогла хорошо устроиться. — Она наклонилась к стойлу лошади и стала разминать кусок корма своими ловкими пальцами. У нее было тело, которое, по-видимому, никогда не страдало от артрита. — Конечно, принимать различные имена — это для меня не ново. Я служила в армии США во время второй мировой войны под именем Фэйс Сохилл.

Кроузер покачал головой.

— Допустим, что все правда, но зачем вы мне это рассказываете? Даже фэбзэровцы, с которыми я работаю, не знают, кто вы на самом деле. Зачем рисковать, рассказывая мне?

— Во-первых, вы — не фэбзэровец. Во-вторых, я знаю, кто вы. — Взгляд ее пронизательных голубых глаз переместился с Кроузера на Маргариту. — В-третьих, моя дочь привезла вас сюда. — Она издала странный гортанный звук, который заставил лошадей наострить уши. — Она никогда не делала этого даже по отношению к своему мужу.

По-видимому, Маргарите это все порядком надоело. Она вытащила толстый сложенный лист бумаги. Когда она передавала его Ренате, Кроузер заметил, что это была фотография.

Взяв ее в руки, Рената настороженно посмотрела в глаза своей падчерицы.

— Жинни Моррис, — проговорила сухим голосом Мар-

гарита. — Ее тело было найдено в том же доме, где и тело Дома. На ее лбу был вырезан месяц в вертикальном положении.

— Бог мой, — вздохнула Рената Лоти. — Неудивительно, что вы пришли.

Она уже не опиралась беспечно на стойло лошади, а сжимала сложенную фотографию так сильно, что у нее побелели пальцы.

— Полагаю, вы знаете, кто такая Жинни Моррис? — спросил Кроукер, предполагая, каков будет ответ, но все же желая получить подтверждение.

— Я не думаю, что у моего сына были какие-либо секреты от меня, — заявила Рената. Чувствовалось, что ей было тяжело от того, что приходилось разделять трудности другой жизни. — Во всех отношениях он был исключительно мужчиной. — Ее глаза заморгали, глядя на Кроукера. — Какое бы обратное мнение вы уже ни составили о нем, Дом был человеком, для которого слово „верность“ должно было соответствовать делам при любых обстоятельствах. Что же касается его сексуальных грешков, то он просто не мог удержаться. — Она криво усмехнулась. — Кто из нас может?

Кроукер, наблюдая за ней так, как учили его делать при изучении подозреваемых лиц, почувствовал, как по спине пробежал холодок, как если бы она знала, что он и Маргарита занимались любовью.

— Есть еще кое-что, — продолжила Маргарита тихо. — Кроме этого вырезанного на ней знака.

Рената развернула фото и стала внимательно рассматривать малоприятную картину женского торса, рассеченного семью горизонтальными полосами с равными промежутками. В самый нижний, седьмой по счету разрез было вставлено перо редко встречающейся белой сороки.

— Что-либо на этой фотографии выглядит знакомым вам? — поинтересовался Кроукер.

Рената не отрывала взгляда от снимка. Кроукер пытался прочесть что-либо на ее лице, но его выражение никак не изменилось. Напряженность атмосферы нарастала. Лошади мотали головами, возможно, они чувствовали приближение грозы.

— Лестница души, — наконец произнесла Рената.

— Извините? — переспросил Кроукер, наклонившись к ней.

— Это часть ритуала людей, известных под именем Мессулете. Эти психочародей более древние, чем даже

китайская цивилизация. Некоторые считают, что они цикладяны, морские скитальцы, ведущие свой род от титанов, другие...

Рената передернула плечами и указала на фотографию.

— Вы видите, здесь семь надразов. В учении Мессулете существует поверье, что человеческая душа должна пройти через семь ступеней в жизни и после нее. Священник Мессулете часто делает такую Лестницу души, например, у очень больших людей, нанося семь надразов на торсе больного, с тем чтобы помочь душе продолжить свое путешествие.

Она облизнула губы — единственный признак того, что Рената все же взволнована.

— Во времена чрезвычайных трудностей, например, при засухе, когда, как считают, нарушается космический порядок, таким же образом приносится в жертву какое-нибудь животное, с тем чтобы восстановить нарушенный баланс.

— Так это своего рода ритуал? Какой? Вуду?

Губы Ренаты сложились в сардоническую улыбку.

— Это Нго-май-ут, — решительно заявила она. — Эта фраза в забытом китайском диалекте означает дословно „неполная луна“. Но, конечно, здесь выражение имеет другое значение. Оно почти синоним с другим словом — „джим“, которым называется сабля с двумя острыми сторонами. Джим — это символ священника Мессулете: вертикальный полумесяц, темный с синим.

Слушая с возрастающим интересом, Кроукер спросил:

— Каким образом вам удалось узнать об этих людях? Рената пожала плечами.

— Когда живешь в Венеции, мистер Кроукер, когда существуешь так долго в подвешенном состоянии между морем и землей, в лагуне, полной мрака и тайнства, поневоле начнешь искать начала всего. Особенно когда ты не рожден в Венеции и тебе напоминают об этом каждый день в течение всей твоей жизни.

Она не смотрела на Маргариту, но у Кроукера было чувство, что ее ответ предназначался падчерице.

— Можно сказать, что по своей природе я стяжательница, собирательница знаний. — Ее глаза потемнели. — Я изучала эти мифы о началах всего также и через моего бывшего мужа, отца Маргариты. Он был венецианцем. В нем, в матери Маргариты и в ней самой текла кровь цикладянцев. По крайней мере, так они утверждают. —

Она пожала плечами, ухитрившись каким-то образом придать скрытое значение даже этому трудно определяемому жесту. — Я могу сказать, что представители многих древних культур претендовали на то, что они являются основателями Венеции, даже остатки троянцев, бежавших от гнева братьев Менелая и Агамемнона и их ахейской армады.

Как он ни был заинтригован рассказом Ренаты, Кроузер следил уголком глаза за Маргаритой. Он заметил, что во время разговора Маргарита все больше и больше прятала свое лицо в тень. Было похоже, что между этими двумя женщинами давно существует психологический конфликт, как это случается, когда сила одного характера сталкивается с подобной же силой другого. Не из-за этого ли Маргарите было трудно вернуться сюда?

— Я не думаю, что вы слышали о них, — продолжала Рената, — но в горной местности Северного Вьетнама и Южного Китая живут горные племена, называемые общим словом „нунги“. Эти нунги практикуют и нго-май-ут, как и Мессулете. Они не являются охотниками за головами или каннибалами, как таковыми. Но, по их убеждению, суть души находится в несломанных костях как человека, так и животных, и из этой сути соответствующими ритуалами и молитвами может быть воссоздана вновь трансцендентальная просвещенность — энергия и мудрость.

Мастерство Ренаты-рассказчика делало правдоподобной самую фантастическую историю. Кроузер даже на мгновение не допускал мысли, что она могла бы поведать все эти удивительные сведения многим.

— Священники нунги верят, что нго-май-ут — это единственно правильный путь к нирване. Другие видели в их учении древний путь к власти, которым можно воспользоваться и в современном мире.

Рената повернула голову в сторону. Кроузеру представилось, что она смотрит через стены конюшни на другое место, в другое время.

— Подобно этому человеку, который убил Доминика и Жинни?

Рената кивнула головой.

— Я был бы признателен, если бы вы сообщили мне некоторые подробности. Например, какое значение имеет перо белой сороки?

— Я вижу, вы провели некоторые изыскания. — Она передвинулась, почувствовав внезапно неудобство своего

положения. Жеребец около нее переступил ногами и за- ржал, как бы почувствовав своим примитивным умом присутствие ала. — Должна ли я рассказать вам о пере? Думаю, что поскольку я уже начала, то следует и закон- чить эту историю. — Она повернула голову в сторону Кроукера, и он почувствовал жар в ее глазах.

„О чем думает Маргарита? — беспокоился Кроукер, глядя, как тени, похожие на паутину, скользят по ее щекам. — Она должна была знать. Она привела меня сюда. Она знала все еще тогда, когда увидела семь парал- лельных ран, перо белой сороки. *„Вероятно, это неиз- бежно так же, как движение одной секунды за дру- гой“*, — прошептала она, когда они входили в дом.

— В иго-май-ут, — сказала Рената, — белая сорока занимает особое место. Вы должны понять, что во всех культурах мира полет — один из самых больших элемен- тов власти шаманов. Птица — это символ... не только полета... но и перевоплощения человека в Бога.

Кроукер некоторое время раздумывал над этими сло- вами. Его общение с Николасом подготовило его к тому, чтобы верить в фантастическое. По собственному опыту он знал, что другие редко бывают внимательны и часто неправильно понимают реальность, существующую за фа- садом обычного. Кроме того, он сам мог ощущать, подобно тому как моряк интуитивно чувствует течения в море, слияние потоков в крайне беспокойную ауру на месте убийства. Эта странная форма двойного видения, подоб- ная той, которую связывают с мигренью, приходила к нему, когда то, что раньше было необъяснимым, внезапно приобретало форму и значение.

— Какое отношение это перевоплощение имеет к Жин- ни Моррис? — спросил он.

— Никакого, — ответила Рената. — Это... как бы луч- ше выразить... подпись.

— Подпись?

— Да. — Рената кивнула. — Белая сорока имеет отно- шение к убийце, а не к приносимой жертве.

Кроукер сделал шаг вперед, его сердце сильно стучало в груди.

— Вы хотите сказать, что это перо может указать на убийцу?

— Совершенно верно. Известно, что священники нунги при их посвящении выбирают в качестве своего знака или талисмана близкое им животное.

Она отвернулась, прикусив губу мелкими белыми зу- бами.

— Если вы знаете, кто убил вашего сына, вы должны назвать его мне.

Рената провела пальцами по лбу, как бы смахивая с него прядь волос.

— Для нунги белая сорока — это птица исключительной силы. Через нее Бог разговаривает со священниками. Она священна. Тот, кто пользуется ее перьями...

На них накатила тишина, липкая и таящая в себе опасность, подобно новой асфальтовой дороге.

Кроукер начал что-то говорить, но, взглянув на Маргариту, тут же осекся. Она молчала, ее глаза были полужакрыты, как от яркого потока света, грозящего ослепить ее.

Рената глубоко вздохнула, как бы собираясь с силами.

— Как я уже сказала, белая сорока — птица исключительной силы, но выбор ее в качестве талисмана при посвящении заканчивался почти всегда катастрофически. Потому что она привлекает разрушительную силу богов. — Ноздри Ренаты расширились на мгновение, как бы вдыхая новый запах. — В истории нунги те, кто стремился через эту птицу услышать голос Бога, сходили...

— С ума? — закончил за нее Кроукер.

На губах Ренаты вновь появилась эта странная, похожая на полумесяц улыбка.

— Нет, результатом перевоплощения было не сумасшествие, а нечто гораздо худшее.

Рената повернулась так, чтобы жеребец мог видеть ее, а не только чувствовать ее запах, положила руку на его загривок и стала ритмично его поглаживать.

— Что может быть хуже сумасшествия? — удивленно проговорил Кроукер.

— Послушайте меня. В этом есть логика, — сказала Рената, продолжая ласкать животное. Казалось, что, поглаживая загривок лошади, она пыталась обрести спокойствие и избавиться от дурных предчувствий и страха. — С тех, кто выражает желание стать божественным, медленно сдирают с живых кожу, слой за слоем, избавляют их от всего присущего человеческому существу: способности чувствовать душевное волнение, подвергаться воздействию окружающего мира. Постепенно они переходят в мир теней, откуда они сами могут оказывать воздействие на окружающий мир, но бессильны сделать что-либо, чтобы этот мир затрагивал их каким-либо образом. Они похожи на ходячих мертвецов. — Она хмуро посмотрела на Кроукера. — Таким образом рождаются зомби,

вампиры и прочие неумершие мертвецы, которым люди дали разные имена.

Глаза Ренаты были похожи на цветные драгоценные камни, через которые, подумал Кроуер, можно было бы бросить взгляд на опасную игру теней другого мира.

— Тот, кто совершил эти убийства, — сказала Рената, — непростой человек. — Она помедлила минутку. — Его нельзя отыскать обычными методами.

— Мне надо не только отыскать его. Я должен остановить его.

— Это может оказаться невозможным.

— Для меня это неприемлемо.

Сардоническая улыбка появилась на губах Ренаты.

— Вы не встречались с этим человеком. Вы, и Маргарита, и я, мы живем за счет мяса животных и зерен, произрастающих из земли. Этот человек — другой, уверяю вас. Он получает средства к существованию из более эфемерных источников.

— Но он смертен?

Рената не сразу ответила ему.

— Если вы пошлете пулю в его мозг или вонзите нож в его сердце, он умрет. В этом смысле, да, он смертен. Но он Мессулете, и, если вы не убьете его сразу, вы окажетесь перед лицом смертельной опасности.

— Вы хотите сказать, что, даже будучи раненым, он сможет действовать лучше, чем могу сделать это я?

— Я хочу, чтобы вы запомнили, что я рассказывала вам про белую сороку и ее силы. — Рената опустила взгляд на фотографию с Лестницей души. Затем вскинула голову: — Вы не кажетесь скептиком.

Кроуер покачал головой:

— Я не скептик. — Подумав о Николасе, он добавил: — У меня есть друг, который имеет подобного рода контроль над своим телом.

Теперь он чувствовал, что Рената изучает его с повышенным интересом. Она перестала поглаживать коня.

— Как зовут этого человека? — спросил Кроуер.

— У него много имен. Давайте подумаем. В этой стране он назывался Дональдом Траком и Робертом Асуко.

„Роберт“, — подумал Кроуер, взглянув на Маргариту. Но ее голова была опущена, скрыта в тени.

Рената переменила позу.

— Его мать, вьетнамка, звала его До Дук. Он взял себе японскую фамилию Фудзиру, когда бежал из Сайгона, убив своего хозяина, француза, торговавшего оружием,

который в какой-то мере и вырастил его. Один Бог знает его настоящую фамилию. Его отец неизвестен. Может быть, это просто прихотливая фантазия До Дука — считать, что его отец был японцем.

Кроукеру понадобилось некоторое время, чтобы переварить всю эту информацию.

— Как вам удалось так много узнать об этом человеке?

— Он был другом Мишеля Леонфорте во Вьетнаме. Они оба, вместе с человеком по имени Рок, попали в довольно грязную историю там. — Рената подняла руку. — Пожалуйста, не спрашивайте, откуда я знаю так много о семействе Леонфорте. Это частная информация.

— Но вы сказали, что знаете, кто я, и что Маргарита доверяет мне настолько, чтобы привести сюда...

Рената кивнула головой.

— Совершенно верно, мистер Кроукер. Но, с другой стороны, вы докладываете Уильяму Лиллехаммеру.

— И что же?

Рената потерла руки одна о другую, чтобы очистить их от прилипших соринки. Поглядела на него изучающим взглядом.

— Я не решила, насколько я должна доверять вам.

— Не хотите ли вы сказать, что у Лиллехаммера имеется своя программа, в которую я не посвящен?

— Зачем мне это? Вы, вероятно, уже знаете.

— Я только подозреваю, что не одно и то же, — заявил Кроукер. Он пожал плечами. — В любом случае, какие бы ни были действительные цели Лиллехаммера, я углубился в это дело настолько, что не отоюду от него. У меня есть теперь Маргарита, о которой я должен думать.

— Маргарита — замужняя женщина, — резко бросила Рената.

— Вы забыли сказать „счастливая“.

Рената даже не моргнула.

— Правда? Я не сказала?

Причина происшедшего здесь своего рода странного столкновения характеров оставалась вне понимания Кроукера. „Какую роль разыгрывает сейчас эта старая женщина, помимо роли защищающей матери?“

Кроукер интуитивно чувствовал, что ему следует быть осторожным, иначе это бесценное интервью будет преждевременно прекращено.

— Ей нужен Тони Д., — сказал он. — Я не помешаю ей делать то, что она должна.

Теперь Рената моргнула, и Кроукер понял, что выиграл важное очко.

— Почему бы нам не пойти в дом? — предложила Рената.

Бледная луна висела в чистом небе. Ветер набрал силу, но они были защищены от него кустарниками, растущими около галереи. Сверху спускался, как покрывало из серебряных кружев, таинственный лунный свет. Они остановились, почти прижимаясь друг к другу.

— Судьбу Маргариты окончательно решила смерть моего сына, — заявила Рената. — До Дук убил его, и это было, несомненно, сделано по приказу Чезаре Леонфорте. Есть причина, почему Чезаре выбрал До Дука. Он не просто хотел смерти Доминика, он хотел узнать, что было на уме у Доминика.

Маргарита повернулась к лунному свету, и Кроукер увидел, что она беззвучно плачет. Ее страдание пронзило его до самого сердца.

— Вы хотите сказать, что Доминика пытали, прежде чем убить?

Рената медленно склонила голову, не спуская глаз с Маргариты.

— В этом мало сомнения. Вопрос в том, насколько удалось моему сыну выстоять перед До Дуком.

— Вы знаете этого человека лучше, чем мы, вы...

— Что бы ни хотел Роберт выведать у Дома, он это получил, можете быть уверены. — Эти слова, казалось, непроизвольно вырвались из уст Маргариты.

Рената побелела. Кроукер видел, что она удерживается на ногах, собрав все силы. Наконец она сумела успокоиться настолько, чтобы сказать:

— Ты встречалась с ним?

— Да.

Кроукеру показалось странным, что Маргарита не стала ничего уточнять, а Рената ничего больше не спрашивала. Прошло много времени, в течение которого было слышно, лишь как лошади переступали ногами в стойлах. Казалось, никто не был в состоянии двигаться или даже дышать. Наконец Рената повернула голову к Кроукеру.

— Если это так, тогда мы должны допустить самое худшее. Мистер Кроукер, вы должны отправиться в Токио как можно скорее.

— Почему? Почему так срочно? — Он переводил взгляд с загадочного лица одной женщины на закрытое лицо другой. — Источник информации Доминика находится в Токио?

Рената безжизненно склонила голову.

Вновь он подумал о Николасе, что делал очень часто с тех пор, как увидел свидетельства жуткого ритуала, совершенного при убийстве Доминика Гольдони. Конечно, Николас смог бы помочь ему теперь, когда он отправится в Токио. Его сердце взволнованно забилося при мысли, что он снова увидит своего друга.

— Видимо, нужно сообщить все это Лиллехаммеру.

— Думаю, что это было бы очень неразумно, — резко заявила Рената. — Вряд ли он обладает свойственными вам открытостью и разумностью.

— Верно, но в любом случае мне понадобятся паспорт, деньги и содействие. Без поддержки Лиллехаммера в такой чужой стране, как Япония, я очень скоро буду плавать мертвым в море.

— Я предоставлю вам все, что нужно, — сказала Рената так поспешно, что Кроузер тотчас же понял, насколько критическим для нее было бы изменение его статуса. — Дополнительно я могу защитить вас от него.

— От кого? До Дука? С тем, что вы уже дали мне, я думаю, что сумею позаботиться о себе сам.

Рената покачала головой.

— Я говорила о Уилле Лиллехаммере.

Она достала из-под куртки свернутый экземпляр последнего номера газеты „Вашингтон пост“ и передала ему. „РУКОВОДИТЕЛЬ КОМПЬЮТЕРНОГО ГИГАНТА НАЙДЕН ЗАСТРЕЛЕННЫМ“ — гласил заголовок. А сразу под заголовком был помещен портрет Харли Гаунта, человека номер один Николаса в Штатах. Согласно высокопоставленному государственному источнику, не названному в статье, которую Кроузер читал со все растущим беспокойством, Гаунт, Николас и сама компания „Сато-Томкин“ должны были предстать перед Комиссией сенатора Рэнса Бэйна. Согласно статье, Гаунт решил сотрудничать с Комиссией. Очевидно, убийство главного свидетеля выпустило весь пар из расследования. Николас Линнер получил вызов из Токио, чтобы дать ответы на серьезные, но пока еще неопубликованные обвинения в неправильных действиях, но он отказался подчиниться. Теперь Гаунт, человек, предположительно знающий изнутри о всех делах „Сато-Томкин“ и готовый выдать всю информацию Комиссии, был мертв. Заключение, которое сделали также неназванные высокопоставленные государственные источники, было ясным. Линнер, занимавший какую-то синекуру в Японии, подозревается в том, что он отдал приказ заткнуть рот Гаунту.

Кроукер посмотрел на Ренату. В ее глазах блеснул отраженный лунный свет. Что мог он прочесть в них? Скрытый намек на удовлетворенность, отсутствие прощения?

Рената глубоко вздохнула и сказала:

— Вечером накануне того дня, когда он был убит, мистер Гаунт приходил ко мне. Я дала ему некоторую информацию об одном человеке — доказательства, свидетельствующие о его преступных действиях. Этим человеком был Уилл Лиллехаммер. Но я... — Впервые она заколебалась. — Я никогда не думала, что результатом будет смерть Гаунта.

— У вас были эти инкриминирующие доказательства и вы не воспользовались ими? Почему?

— Я думала, что помогаю мистеру Гаунту. Он был в отчаянии, и я... казалось, что это было лекарством для него.

Последовала небольшая пауза, во время которой Кроукер изучал ее, как врач рассматривает кардиограмму своего пациента.

— Скажите, пожалуйста, зачем приходил к вам Гаунт?

— Меня рекомендовали ему, — заявила Рената. — Вы знаете, как это делается в этом городе. Ваши контакты — это все, и да поможет вам Господь, если вы глупы или достаточно наивны, чтобы принять их за своих друзей. Я сказала мистеру Гаунту, что Лиллехаммер тайно работает на Комиссию сенатора Бэйна. Казалось, что это та самая ниточка, которую искал мистер Гаунт. Я вооружила его...

— Если вы хотели вооружить его, то вы должны были бы дать ему гаубицу. — Он посмотрел на нее, как на кобру, только что высунувшуюся из корзины заклинателя змей. — С вашим арсеналом вы должны были бы сами пойти против Уилла Лиллехаммера.

— Если бы мне нужно было охотиться только за Лиллехаммером, уверяю вас, я бы это сделала. Но моя неприязнь гораздо глубже.

— Итак, вы использовали Гаунта, чтобы...

— Замолчите! — Маргарита встала между ними, не дав Ренате возможности ответить. Она пристально смотрела на Кроукера. — Я привела тебя сюда не для того, чтобы вы бросались друг на друга. — И совершенно тихо, так что ее слышал только Кроукер, добавила: — У всех у нас есть свои личные мотивы, Лью, не так ли? — Ее янтарные глаза блеснули в игривых лунных лучах. — Послушай

меня, — выдохнула она. — Даже детективы не защищены от эмоций.

— Вы поступите правильно, если послушаете ее, — заявила Рената. — Она освещена мудростью ее предков. — Она улыбнулась почти застенчиво. Кроулеру представилось, что он видит ее сейчас такой, какой она, очевидно, была в двадцать лет.

Рената встала с его руки и сказала так тихо, что даже шум деревьев казался более громким.

— Последний секрет, оставленный мне моим сыном, это имя человека, который был его силой, его точнейшим источником информации. — Она наклонилась ближе к нему и прошептала ему на ухо: — Даже Маргарита этого не знает. Я обещала Доминику, что никогда не повторю того, что он сообщит мне по секрету. Но события нынешних дней заставляют меня назвать его имя, чтобы спасти его жизнь. Нишики — это Микио Оками, Кайсё, глава всех *оабун* японской якудза.

Когда До Дук натянул на голову маску из силиконо-поликарбоната, он ощутил, будто его тело и кровь, кожа и кости были соединены с лицом, состоящим из дыма и мечты. Одним словом, он чувствовал себя в безопасности.

„Я хочу, — сказал он про себя, — чувствовать“.

Способность чувствовать — это то, что шаман нунги Ао отнял у него во время длинной и трудной церемонии посвящения в горах Вьетнама. В то время молодой До Дук не отдавал себе отчета в этом. Но даже если бы он и знал, разве стал бы он возражать, видя в перспективе тот блестящий новый мир, который Ао предлагал ему? Это тогда не имело значения. Такой вопрос, в основном метафизический по своей сути, никогда бы не возник в голове юного До Дука.

Способность чувствовать — именно это он пытался так усердно вобрать в себя из своих жертв, самыми последними из которых были покойная Жинни Моррис и Маргарита Гольдони де Камилло. Но даже он должен был признать в своих лихорадочных воспоминаниях, что Маргарита была необычным существом. Он не смог убить ее, не смог, потому что не хотел делать этого. Впервые До Дук понял тогда суть правды природы, хотя в тот момент он понял это только для данного, совершенно отличного от всех других случая и лишь в той ее части, которая касалась Маргариты. Этой сутью было — убить другое человеческое существо означает уменьшить каким-то таинственным образом сущность своей собственной души.

Часто, после того как он отпустил ее, он чувствовал ее рядом с собой — ее мягкую кожу, опьяняющий аромат

тела под мышками, обратные стороны ее колен, коралловые складки между ног. Вначале он сумел убедить себя, что эта связь существует из-за того, что он взял у нее тайно, без ее ведома и прячет у себя внутри, как устрица, удерживающая внутри себя растущую жемчужину. Но это чувство включало в себя и страх, увертливый, как уж, плавающий чуть-чуть ниже уровня сознания.

Он не боялся ни диких зверей, ни черной магии, но растущее понимание его связи с Маргаритой, несомненно, пугало его. Во-первых, он уже не был одинок во Вселенной, во-вторых, его мысли о ней были зачастую такой силы, что он забывал обо всем остальном. Эти реальные аспекты действительности были совершенно чужды ему, были такими же абсурдными и ужасающими, как для других волшебство, которым он владел.

Он поднял руки, чтобы сделать последние мелкие уточнения для полной подгонки маски. Клейкий состав собственного производства сливал полимеры с его кожей так, что он мог коснуться кожи маски и чувствовать, что трогает свою кожу. Так и должно было быть. Какой смысл в маске, если она изменяет тебя?

Он высунул язык, посмотрелся в зеркало. Он облизал губы, свои или маски? Во всяком случае, губы Николаса Линнера. Он добудет информацию, которую хотят получить от Линнера его хозяева, и тогда он сможет делать все, что захочет, со своим пленником. Какая удача, что он повстречал адепта Тау-тау! Как только До Дук обнаружил действительную натуру Линнера, он весь задрожал внутри от мысли, что сможет пробить брешь в неизвестность, вступить на путь, которого избегал даже старый Ао.

До Дук вызовет свой талисман, священную белую сороку, и с ее помощью откроет запретные Шестые ворота. Он отбросит свою собственную обреченную душу и возьмет душу Линнера, высосав ее из него и оставив лишь высохшую оболочку с лицом До Дука.

Таким образом он сможет уничтожить свою собственную историю.

Но его мысли о триумфе были недолговечны, так как призрачное присутствие Маргариты вновь даю о себе знать. Он упал на колени.

— О, Будда, помоги мне, — прошептал он губами, которые не были его собственными. Что ему делать? Вся его сила, его волшебство были бессильны изгнать память о ней. Но это было больше чем память, он был повержен какой-то машиной неизвестной ему конструкции.

Его потребность в ней выходила за пределы вожделения или желания. Одно это ставило его в тупик и приводило в ярость. Вместо устрашающего чувства рухнувшей обособленности появилось еще более ужасное — растущее интуитивное ощущение, что без нее он больше не сможет вдыхать воздух в свои легкие.

Наступило время, когда надо было уйти от зеркала. Он встал на ноги, собрал всю свою энергию, чтобы уничтожить радужную химеру Маргариты, навивающуюся вокруг его души. На одеревеневших ногах он подошел к металлической клетке, которую соорудил внутри фабрики роботов.

Как только он отомкнул дверь и вошел внутрь, его ум наполнился импульсами, исходящими от дремлющего мозга Николаса Линнера.

До Дук включил галогенные прожекторы и, направив их на лицо Николаса, резко ударил его по щеке, потом по другой. „Нет ничего удивительного в том, что он дремал и просыпался“, — подумал До Дук. Количества яда, которое он впрыснул ему в Париже, было бы достаточно, чтобы свалить стадо буйволов. Но, учитывая силу мозга Николаса, у него не было выбора. В этом случае большая доза лекарства лучше, чем меньшая.

Он дотронулся кончиками пальцев до лба и щек Николаса, проверяя, насколько плотно подошла маска. Действительно, было просто удивительно, что сегодня могут сделать компьютеры. Серия фотографий превращается в голографическое изображение, затем трехмерный портрет сводится к сложной формуле нулей и единиц, которая вводится в компьютер, превращается из формулы в практически реальную копию оригинала и затем формируется в маску, выходящую из мозга компьютера так, как, думал До Дук, Афина появилась, полностью сформировавшись, из головы Зевса.

Подгонка маски была превосходной, связующее вещество сделало все, что было необходимо. На коже были поры, луковки волос, пятна, родимые отметки, все детали. Осязание и плотность ткани были как естественные, даже близкий человек не сомневался бы в том, что это кожа. Пока верхний слой не поврежден, можно плавать в этой маске, принимать душ или заниматься любовью. Не будет чувствоваться никакой разницы.

Глаза Николаса заморгали и открылись, начали концентрироваться на предметах. До Дук повернул зеркало

таким образом, чтобы его пленник мог видеть собственное лицо.

Как только темные глаза Николаса остановились на нем, До Дук почувствовал приступ головокружения. Он вцепился пальцами в бицепс пленника, чтобы удержаться и не упасть на колени. Своими поздрами он почувствовал Маргариту. Она представилась ему лосадью, в шкуру которой он зарылся своим лицом. Поглощенный ее видением, он заскрипел зубами и, обрвав, как учил его Ао, всю свою умственную силу, привязал ее навязчивый образ к дереву в лесу его разума. Если бы кто-то вонзил нож в его грудь в этот момент, он почувствовал бы меньшую боль, чем испытывал сейчас. Он ощущал себя существом, которое смотрится в зеркало только для того, чтобы обнаружить, что оно стало просто гниющим трупом.

С лицом Николаса, голосом Николаса, в котором слышались ужас и страдание, он сказал:

— Теперь, когда ты понял, что жив, настало время, чтобы ты увидел, кем ты стал. — Он отодвинулся на полшага влево, чтобы открыть изображение Николаса в силиконополикарбонатовой маске, изготовленной компьютером.

Он чувствовал, как спазмы охватили все тело Николаса, как если бы он приложил к его мопонке оголенный электрический провод. Спазм мускулов под его руками успокоил его.

Он низко наклонил голову, так чтобы Николас мог видеть его.

— Смотри, кем ты стал. — Шепот До Дука прозвучал как пронзительный крик ястреба с верхушки дерева. — Можешь ты поверить этому? Да, поверь. Ты — это я, а я — это ты.

Он вдыхал, как духи, запах пота, выступавшего на коже Николаса, чувствовал, как потеют и его собственные ладони. Прислонив ухо к теплой грудной клетке своей жертвы, он слышал трепетание его сердца, подобное бинению об острое стекло дикой птицы, попавшей в западню. Этот звук наполнил его теплом до самых костей, как лучи весеннего солнца после долгой холодной зимы.

Потом Николас снова исчез, и До Дук остался один с роботами, с образом Маргариты, настолько близким к нему, что это казалось ему невозможным.

Николас вспомнил историю, которую рассказала мать, когда он был еще очень маленьким. О молодом фермере, встретившем и полюбившем женщину своей мечты, де-

вупку неземной красоты, сироту из соседней деревни. Они помыслились и жили весело и дружно, пока она не подхватила простуду и, несмотря на отчаянные попытки фермера помочь ей, умерла. Он похоронил ее сам под вишневым деревом, чьи голые ветки царапали затянутое тучами небо.

Фермер, потрясенный овалившимся на него горем, был уверен, что умрет без ее любви. Наступила темнота, и, несмотря на мольбу и просьбы своих друзей и родственников, он остался около ошеломляющей могилы своей жены. Он не мог заставить себя покинуть ее. Горькие слезы текли из его глаз все долгие часы этой темной ночи.

Затем, в тот жемчужный час перед рассветом, когда весь мир состоит из тумана и тишины, он услышал легкое шуршание на опушке леса. Через мгновение он увидел выходящую из влажных теней прекрасную красную лисицу.

Лиса была такая хрупкая, такая таинственная и величавая, с шерстью, покрытой туманом и инеем, что на мгновение фермер забыл о своем горе и перестал плакать. Неземная красота лисицы тут же напомнила ему так болезненно о его умершей жене, что он снова залился слезами.

Лиса села, скрестив свои передние лапы, как это делают люди, и, глядя прямо в глаза фермера, спросила, почему он плачет.

Фермер, с детства слышавший истории о волшебстве лисиц в этом крае, объяснил ей.

— Ты говоришь о своей жене, как если бы она была сама любовь, — сказала лиса.

— Так оно и было, — ответил фермер со вздохом. — Любовь умерла вместе с ней, а без любви я, конечно, не смогу жить.

— Любовь везде, вокруг тебя, — заверила его лиса, но фермер только качал в отчаянии головой.

— Но не для меня.

— Тогда тебе нужна твоя жена, чтобы ты мог узнать все, что можно узнать о любви.

— Но это невозможно.

Лисица подняла одну из передних лап как бы для какого-то страшного благословения.

— Теперь спи, — сказала лиса. — Скоро придет рассвет, и вместе с ним придет и твоя жена.

По настоянию лисицы фермер положил голову на руки, будучи уверен, что ему не уснуть. Но, к его удивле-

нию, как только он закрыл глаза, он погрузился в глубокий сон без сновидений.

Он проснулся, когда солнце нового дня ударило в его глаза, пробившись через ветки вишневого дерева, под которым было захоронено тело жены.

Фермер поморгал, быстро сел, сердце сильно забилося в его груди. Он был один, лисица ушла. Почудилось ли ему появление лисицы, фантастический диалог, который он вел с ней? Возможно, подумал он, поднимаясь на ноги и стряхивая листья и веточки с рубашки и брюк.

Затем он почувствовал ее, не рядом с собой, а в своем мозгу. Его любимая жена была жива! Ему не почудилось существование лисицы. Она приходила и свершила чудо.

Он чувствовал, как дух его жены движется в его сознании, и он наполнился радостью, предвкушая такую близость, какую он не мог даже представить себе, когда оба они были плотью и кровью. „Какая замечательная жизнь предстает, когда их любовь обоснуется в нем и никогда больше не потеряется!“

Но не прошло и месяца, как семья фермера обнаружила его мертвым, лежащим на могиле жены. Его бескровные руки сжимали охотничий нож, который он воткнул себе в живот. Было странно, что земля на могиле была сильно повреждена глубокими, бешеными ударами ножа. Местная полиция не могла понять причину этого. Они все же решили, что, очевидно, фермер пытался добраться до трупа своей жены в последние минуты перед тем, как он покончил с собой. Они также пришли к выводу, что фермер сошел с ума от нечисти, и похоронили его около его любимой жены, прежде чем отправиться по своим неотложным делам.

В последующие месяцы родственники посещали могилы раз в неделю, оставляли маленькие дары и молились. В остальное время место оставалось покинутым. Только в ночь полнолуния из заснеженной тени леса появлялась лисица с серьезной и хитрой мордочкой, которая клала около могил мемориальные дощечки.

И, вероятно, только одна лисица и знала правду — что фермер узнал про любовь больше, чем он когда-либо хотел знать. Любить кого-либо — это совсем не то же, что позволить любимому человеку путешествовать через твои мысли и память подобно ночному призраку. Жить в одном доме — это совсем не то же, что жить вместе в разуме, где нет никаких секретов, никаких передышек и где никогда не бывает тишины, потому что там всегда двое.

Только тишина и глухие звуки собираемых роботов, те же самые монотонные удары, скрипы и гул ночью и днем в отупляющем повторении окружали теперь До Дука.

Почему ему вспомнилась сейчас эта странная история? Как она напугала его, когда он был ребенком! Каждую ночь он пытался уснуть, но не мог, представляя себе, что, когда он заснет, кто-то, кого он любил, тайно заберется в его мозг как демон. Придя в отчаяние, он в конце концов залезал в кровать француза, не обращая внимания, спал ли француз один или с женщиной-компаньонкой. Француз позволял ему прижаться к себе и почувствовать себя в безопасности. Он никогда не сказал об этом никому ни слова.

„Почему я не забираюсь к своей матери? — спрашивал себя До Дук в таинственном свечении фабрики по производству роботов. — Почему я шел к французу?“ Он посмотрел на свое собственное лицо, слившееся с лицом Николаса, прежде чем смог задать себе следующий и последний вопрос. *„Почему я убил человека, который предложил мне...“*

Он отвернулся от своей жертвы и, слепо хватаясь за брусья клетки, прижался лбом к металлу, пока яркие искры от боли не взорвались у его глаз.

Мог ли он произнести это, хотя бы про себя? Не доказывает ли история о жене фермера предельную опасность подобного опыта? Не доказывают ли это также все тяжелые, кровавые уроки, которые он получил, когда подрастал?

Любовь это смерть.

Да. Но он любил Маргариту.

Вот, он сказал это и теперь, конечно, он проклят.

Он застонал помимо своего желания.

За ним, вне железной клетки, формировались тела, гладкие от масла; испытывались и прикреплялись в гнездах с помощью шарикоподшипников руки и ноги. Инфракрасные глаза устремляли свой взор в бесконечность, за пределы времени и пространства, в другую реальность, не имеющую ни боли, ни ужаса. Ни любви.

Николас, будь проклята его душа, был без сознания, совершенно не зная об ужасе, испытываемом До Дуком, о его чувстве беспомощности перед обликом Маргариты в его сознании. Подобно жене фермера, ее суть отказывалась уходить, несмотря на расстояние и проходящее время. Она держалась цепкими когтями внутри него, пробираясь через трясину его прошлого, вглядываясь в его грехи, все еще любя его.

Он не мог вынести этого.

Он откинул голову назад, надал грубый, нечленораздельный крик, полный боли и отчаяния. Вне клетки стальные слуги рождались через точные, отсчитанные по часам интервалы.

Затем он ухватил плечи Николаса, стал трясти его, чтобы разбудить. Когда из этого ничего не вышло, он наклонился вперед и со злобой впился зубами в руку Николаса. Тот пошевелился, его глаза открылись. Сапфировый свет свился в дугу и замерцал.

До Дук сказал:

— Проснись! Время умирать!

— Этот сукин сын Манч! — произнес Лиллехаммер.

— Оставьте свой гнев для тех, кто может почувствовать его.

Лиллехаммеру с трудом удалось сдержать дрожь. Кондиционер работал на полную мощность, и было холодно, как в арктической тундре. Для Лиллехаммера, привыкшего к жаре и влажности Юго-Восточной Азии, было трудно во время этой беседы удерживать от посинения свои губы.

Червоная Королева откинулся на крутящемся рабочем кресле, вытащил манжеты полосатой оранжевой с голубым сорочки фирмы „Турбулл энд Ассер“ так, чтобы они выглядывали на полдюйма из рукавов его кашемирового блейзера.

— Я давно не нажимал на спусковой крючок большого ружья. Скажите, какое вы испытываете при этом чувство?

Можно было видеть, как маленькие облачка пара выходили из их ртов. Их отражения появлялись в таком количестве поверхностей из нержавеющей стали, что Лиллехаммер представил, что он находится в холодной комнате морга.

— Как будто вы находитесь на небе.

Червоная Королева улыбнулся.

— Я поспорию сам с собой, что вы именно так и скажете.

Стол из нержавеющей стали, такие же стулья и лампы, плинтусы из нержавеющей стали вдоль стен, покрытых блестящим, белым как лед лаком, который действовал на нервы Лиллехаммера. Может быть, Червоной

Королевой было специально задумано вгрызаться в него медленно, подобно тому как рак разъедает тело. Он теперь спал не более часа за один прием. Громадное напряжение, которое он испытывал от того, что проводил операцию, прямо запрещенную его вышестоящим начальником, давило на него.

— Надо было подождать.

— Что? — наклонился вперед Лиллехаммер.

Червоная Королева прямо посмотрел в его лицо.

— Если бы вы подождали, вы смогли бы уложить их обоих.

— Если бы я ждал, я бы не достал Манча. Он торопился. Еще тридцать секунд, и он бы исчез. И вы знаете, таких парней, как Манч, как только они уходят в подполье, с большим трудом удастся вытащить оттуда. Сейчас я по крайней мере уверен, что он нейтрализован.

— Я не люблю незаконченных дел, а теперь у нас есть одно такое. И что, черт возьми, делали эти двое, которых вы застали в прошлую полночь у Ренаты Лоти?

— Сколько хвостов следовало за ними?

Червоная Королева рассмеялся.

— Только один, которого выбрали вы сами. Но он докладывает мне так же, как и вам. — Он снова засмеялся. — Это не означает, что я вдруг перестал доверять вам, но я должен полностью понять, каким образом... создание вроде До Дука Фудану может вывести вас из себя.

— Если вы прочтаете, что я потерял свою профессиональную беспристрастность...

— Еще нет, — резко проговорил Червоная Королева. — Вы держали свою марку в течение всего вашего пребывания во Вьетнаме. Но это было до зоопарка, не так ли? — Его холодные глаза блестели. — Вы должны повергнуть этого человека, До Дука, Уилл. Прислушайтесь к моему совету. Теперь, когда вы почти приблизились к нему, не проявляйте излишней поспешности. Я не хочу, чтобы мне пришлось опускаться в наш морг и помещать вас в мешок с молиной.

— Да, сэр.

— Я хочу, чтобы вы заглянули к Ренате Лоти и выяснили, чем занимались с ней наши люди.

— Мне надо действовать осторожно. У Лоти много влиятельных друзей на Капитолийском холме.

— Верно. Но она не является другом Рэнса Бэйна, так что ей пришлось несколько укоротить свои рога в последнее время. Однако, я должен признать, что, будучи жен-

щиной, она чертовски ловко посредничала среди опытных сенаторов. Благодаря ей многие тупиковые дела заканчивались принятием компромиссных законов, которые заставляли всех заинтересованных сдаться как серебряный доллар. — Червонная Королева поднял руку, опустил ее на стол из нержавеющей стали и стал постукивать по нему пальцами. — Примените немного дипломатии или еще чего-нибудь. Но будьте осторожны, она ловкая, как сам дьявол.

Лиллехаммер кивнул.

— Относительно Дэвиса Манча. Главный свидетель Комиссии Гаунт найден мертвым, а теперь и Манч заставил сенатора Бэйна взвиться как ракета. Это может быть очень опасным на данной стадии. Если он устроит один из своих запатентованных публичных спектаклей, то это будет выглядеть, как если бы бык наложил по всему нашему лучшему ковру. Может быть, мне следует...

— Оставьте Рэнса мне, — холодно заявил Червонная Королева. — Я всегда давал ему козыри против кого-либо. Я его выбрал, купил его выборы, установил для него связи, создал влияние, сделал так, что хорошие, бывалые ребята на Капитолийском холме приняли его в свои ряды, и только тогда я напустил его на них, как бешеную собаку. Теперь они уже не знают, что им делать: вилять хвостом или мочиться, когда он входит в комнату. — Он покачал головой. — Рэнс Бэйн — это моя крестура, так что оставьте его только мне. Дряни дрянь, а, Уилл?

— Но Бэйн может стать неуправляемым орудием. Почему бы мне не вышвырнуть его через окно?

Червонная Королева холодно посмотрел на него.

— Иногда, Уилл, я действительно думаю, что единственное, что делает вас счастливым, — это зона военных действий. — Он постучал пальцем по носу. — Не беспокойтесь. Рэнс Бэйн не нуждается в услугах вашего серебряного курка. Я сделал его из страха, предубеждений и невежества. При помощи этих атрибутов он достиг власти, и с их помощью он полетит вниз. Обещаю это вам. Но только тогда, когда он перестанет быть полезным нам. — На его лице появилось отвращение. — Мы не пожертвуем ни одной пешкой раньше времени, а?

Он смеялся над своей шуткой, когда Лиллехаммер покинул комнату.

Около опечатанной, защищенной от электронного прослушивания комнаты сидела Веспер в одном из многочисленных недавно купленных зимних костюмов. Этот был

наимоднейшим экземпляром от Армани, изготовленным из шерсти цвета красного вина с белыми полосками. Лиллехаммер считал, что она должна быть самой хорошо одетой работающей женщиной в Вашингтоне и что этот дар красиво одеваться был у нее врожденный. Хотя она занималась расписанием всех поездок, приобретением личного оружия, распределением средств, производством фальшивых документов для Сети, даже знала, где находится каждый Рыцарь в любой данный момент дня или ночи, Лиллехаммер был готов биться об заклад на годовую зарплату, что она не имела никакого понятия, что же в действительности здесь происходит. Откуда она могла знать? Червонная Королева был таким фанатиком в вопросах секретности, что не сказал бы даже своей заднице, что ей пора в сортир.

Лиллехаммер некоторое время восхищался длинными стройными ногами Веспер, когда она сидела за наборной клавиатурой компьютера, вычисляя сумму его бонусов* в бюрократическом лабиринте цифр, отражающихся на ее экране пульсирующими зелеными точками. Свое довольно странное имя она получила от отца, как однажды сказала ему она сама, который был большим поклонником Иана Флеминга. Веспер было имя первой любви Джеймса Бонда.

Васильковые глаза Веспер холодно смотрели на Лиллехаммера в то время, когда ее длинные пальцы с коралловыми ногтями танцевали по клавишам. Ее густые светлые волосы спускались по одной щеке персикового цвета. После ледящей оголенности кабинета Червонной Королевы было приятно находиться в ее комнате, выкрашенной в мягкие цвета американского запада. Более того, здесь была температура, достаточная, чтобы выжили млекопитающие.

Веспер нажала указательным пальцем на клавишу „Вход“ и сказала, слегка нахмурившись:

— О, черт! Я не могу снять деньги со счетов, так как данные, введенные в компьютер, не содержат последних сведений. Черт побери эту устаревшую систему. Если бы мы были подключены к аппаратуре проекта „Хайв“, я могла бы выдать ваши бонусы тут же.

Бонус выплачивался за операции, которые позволяли осуществлять незаконные сделки со спиртными напитками, сюда же поступали дополнительные деньги, получае-

*Дополнительное вознаграждение, премия.

мые Сетью за удачные устранения неугодных людей. Червонная Королева, занимая высокоморальные позиции, тем не менее защищал эту довольно корыстную практику, считая, что плата за риск является проверенным временем обычаем во многих отраслях. Почему же не в этой? Кроме того, это давало уверенность, что каждый Рыцарь будет всегда готов и в лучшей форме.

— Не беспокойтесь. Я подожду.

— Кстати, кажется, у него снова начинается приступ.

Лиллехаммер, переключая свои внутренние скорости, стал прислушиваться более внимательно.

— Сегодня утром в том кабинете паранойя была очень сильной. Он говорил по телефону с кем-то, кто назвался Лоти.

— Рената Лоти? — переспросил Лиллехаммер, удивляясь, что Червонная Королева даже не упомянул об этом. Антенна подозрения вытянулась вверх.

— Да, это имя. Я вам скажу, был далеко не дружественный разговор.

Это был не первый случай, когда Веспер делала намеки на то, что происходило во внутреннем кабинете. Они являлись для него золотыми песчинками, которые помогали зарабатывать уважение его загадочного босса.

— Фактически разговор превратился в сплошной крик. Я не знаю, о чем шла речь, но слышала имя Дуглас Муни и слово „шантаж“. Тогда он и вышел из себя.

Лиллехаммер думал, что потеряет сознание. „Рената Лоти знала о нем и о Доуге? Спаси Христос!“ Бессознательно он прислонил руку к своей щеке, почувствовал быстрый прилив крови к голове и тут же отдернул ее, как если бы обжегся о собственную кожу. „Но откуда она могла знать? Он был так бдителен в отношении безопасности, даже несмотря на постоянные жалобы Доуга, что его тщательно разработанные приготовления разрушают чувство самостоятельности у их сообщников и тем самым снижают их эффективность. Подозрения в гомосексуализме достаточно для дискредитации сыщика, что же касается случаев нарушения требований безопасности, то им нет числа. Были также дела, которые проворачивали вместе он и Доуг. Кто поймет или одобрит такое поведение, кроме преступников? Как все это случилось?“

И тогда он подумал с гневом: *„Грязному ублюдку Доугу все это надоело, и он донес на меня!“*

— В любом случае, — продолжала болтать Веспер, —

мне совершенно ясно, что он хочет что-то предпринять в отношении нее.

— Я не знаю. — Инстинкт самосохранения боролся в нем с благоразумием. — Резонанс от падения может быть слишком сильным. У нее друзья на высоких местах.

— Правда? Интересно. Какие же слова произнес он, когда она бросила телефонную трубку? „Где-то эту женщину ожидает несчастный случай“.

Лиллехаммер почувствовал внезапно нехватку воздуха.

— Как обстоят дела с моими деньгами по бонусам? — спросил он с невинным видом.

Веспер бросила взгляд на экран компьютера и одарила его ослепительной улыбкой.

— Наконец-то! Счета вошли в систему. Ваши чеки уже печатаются.

Через некоторое время чеки вышли из прореза в ее аппарате. Веспер ласково улыбнулась ему и передала чеки.

Лиллехаммер вышел в тихий, ничем не примечательный коридор за углом громадного и причудливого комплекса кабинетов.

Нанги подошел к частному зданию, разместившемуся между двумя огромными складами. Этот район около Сумиды выглядел совсем по-другому при дневном свете. На месте, где ночью безостановочно бредили облезлые, устрашающего вида собаки, теперь играли смеющиеся дети. Непрерывающаяся суматоха и шум деловой жизни, вероятно, скрывали или по крайней мере смягчали ужасающую бедность этого района.

Он постучал в дверь, ее открыла молодая женщина, коренастая, просто одетая, с густой гривой черных волос, которые она завila в модном, но непривлекательном стиле.

— Да? — спросила она, разглядывая его из-за толстой двери.

Нанги поклонился, передал ей визитную карточку, одну из дюжины различных карточек, которые он периодически заказывал на разные имена и профессии. Такие набег инкогнито стали за многие годы неотъемлемой частью его жизни. Он обнаружил, что очень часто можно получить ценную информацию, спрятавшись за маску другой, анонимной личности.

„Это действительно удивительно, — думал Нанги, дожидаясь ответа от молодой женщины. — То, что люди никогда не скажут Тандзану Нанги, председателю крупного *кэйрэцу*, они готовы доверить торговцу продуктами, механику или слесарю, любому, кто, по их мнению, стоит ниже них на общественной лестнице“.

Сегодня утром он выступал как Сейдзо Абе, представитель министерства по жилищному строительству, якобы делающий **обход** зданий этого района, которым больше двадцати лет. Это была очень правдоподобная версия, дававшая ему почти мгновенный доступ в дом.

Его провели в маленькое овальное фойе с центральной лестницей и хрустальной люстрой. Преобладающими цветами были ярко-коричневый и густой желтый. Полосатая мраморная копсоль поддерживала чашу с букетом свежих цветов, выращенных в это время года в оранжерее. Молодая женщина взяла его ботинки и провела в прихожую, стены которой были выложены панелями из вишневого дерева. С правой стороны было открыто несколько небольших дверей. Дальше Нанги увидел библиотеку с книжными полками от пола до потолка, хрустальной люстрой, уменьшенным вариантом люстры в фойе.

Молодая женщина жестом предложила ему войти. На полу лежал вытертый персидский ковер. С правой стороны стояла пара стульев, обшитых материей, с высокими спинками. Напротив них разместилась обитая бархатом софа. Вдоль противоположной стены располагался стеклянный шкаф, в который был помещен замечательный манекен с доспехами самурая начала XVII века. Рядом находился французский секретер, и каждый, кто садился на стул за столом секретера, мог видеть беспрепятственно этого самурая.

Оставшись один, Нанги огляделся вокруг. Это, без сомнения, была комната организованного, эрудированного ученого, который продумывал роль каждого элемента в жизни.

— Я вижу по вашей карточке, что вы изменили свою профессию.

Нанги вздрогнул, услышав мягкий женский голос, звучавший слева от него. Он повернулся.

— Простите?

— И не к лучшему, я могла бы добавить.

Он наклонился вперед, его лоб покрылся морщинами от напряжения мысли. Он знал этот голос, но был уверен, что не слышал его довольно долгое время.

— Итак, чего вы ждете? — продолжал женский голос. — Я приготовлю чай.

Нанги прохромал к стульям с высокими спинками. Когда он обогнул их, то заметил, что на том стуле, который был ближе к нему, сидела маленькая, аристократически выглядевшая женщина с бледной, просвечивающей кожей, плоскими скулами и черными жгучими продолговатыми глазами. Только потому, что он знал ее, он мог определить, что ей только что перевалило за семьдесят.

— Кисоко! — воскликнул он, не в силах скрыть удивления. — Я мог представить любого, но не вас, на этом месте.

— Я обнаружила, что часто реальный мир может быть удивительно похож на изображенный в „Алисе в Стране чудес“! — Послышался шелест тяжелой шелковой парчи, когда она сделала движение рукой и широкий рукав кимоно скользнул по ее фарфоровой коже. На груди и верхних частях рукавов кимоно художник рассыпал розовые, белые и коралловые цветы вишни, сорванные синим ветром.

Кисоко сохранила все очарование, которым она обладала много лет тому назад. Нанги был снова пронзен с ног до головы вспыхнувшим в нем желанием, как это было, когда он впервые увидел ее десятки лет назад. Как он хотел бы узнать ее в великолепии ее юности. Рот с полными губами бантиком, таивший скрытые обещания, простодушные глаза, в которых затаился огонь, точность и сдержанность движений, говорящие явно об изяществе и уме, — все это оставалось таким же, как он помнил. Но конечная привлекательность ее слегка асимметричного лица была в ее едва уловимом намеке на терпимость, снисхождение и благословение.

Часто Нанги, ворочаясь с боку на бок в лучах утреннего света, падающего на него через прозрачные занавески, представлял ее себе в виде католической монашки. Эта его тайная фантазия прошедших лет была для него запретной, но невыразимо прекрасной.

— Кисоко, — сказал он теперь, его голова все еще была полна воспоминаний, — я слышал, что пропал Микио Оками. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Пламенные черные глаза взглянули на него.

— У меня нет никаких сведений о брате, — ответила она сухо. — Сейчас, если ты подождешь, я приготовлю чай.

Он сел на стул слева от нее и зачарованно смотрел, как она готовила зеленый чай. Когда они выпили по первой чашке, Кисоко произнесла:

— Я не знаю, жив мой брат или нет, известно только то, что его враги выступили против него. Что произойдет дальше, я не могу сказать.

Она отставила свою чашку, положила указательный палец на визитную карточку, которую дала ей молодая женщина, и подвинула ее к нему через полированный стол черного дерева.

Не снимая с нее пальца, она обратилась к Нанги.

— Ты пришел под другим именем. Скажи мне, Нангисан, что я должна думать об этом?

— Я не знал, чей это дом, Кисоко. Ты знаешь мои приемы. Мое собственное имя слишком хорошо известно, и мне бывает в некоторых случаях трудно добиться правды.

Кисоко молча смотрела на него некоторое время. Нанги слышал тяжелый ход бронзовых с позолотой часов, скрип деревянных балок над их головами. Но с улицы через стены библиотеки не проникал ни один звук. Остальной мир как бы не существовал. Только здесь, между ними, продолжалась жизнь.

— И какую правду ты ожидал найти здесь под именем Сейдзо Абе?

С тех пор, как Нанги узнал Кисоко, он все время спрашивал себя, почему Сэйко приходит в дом сестры Микио Оками. Возможно, он ошибался, подозревая Сэйко, возможно, ее связь с вьетнамцем сомнительной репутации была случайным следствием предательства Винсента Тиня и последовавшего убийства. Во всяком случае, учитывая их общее прошлое, он не мог подозревать Кисоко в двуличии.

— Я пришел сюда сегодня, беспокоясь о своей служавшей Сэйко Ито, — сказал он наконец. — Должен признаться, к своему стыду, что я следил за ней вчера вечером. Она беспокойна и, возможно, попала в беду. Я хотел только помочь ей, если смогу.

— Не посвящая ее в это?

— Боюсь, что она неправильно прореагирует, если я это сделаю.

— Понятно. — Палец Кисоко продолжал постукивать по визитной карточке, как если бы она имела вес и значение. Нанги видел, что в ее голове происходит борьба.

— Кисоко, я должен заверить тебя, что мое беспокойство о Сэйко самое искреннее.

Кисоко кивнула.

— Она стала важным лицом в моем учреждении. Сейчас возникла возможность послать ее в Сайгон, чтобы она руководила моими делами там. Ты понимаешь, почему я должен быть совершенно уверен, что могу положиться на нее.

Кисоко рассмеялась.

— С моей точки зрения, это прекрасная новость, Нанги-сан. — Она вздохнула. — Она приходит сюда, потому что полагает, что помогает мне, и это так и есть. А я также помогаю ей. Она талантлива, у нее доброе сердце, Нанги-сан, но я боюсь, что часто ее сердце подводит ее.

— Так что ты взяла ее под свое крыло?

Где-то в доме зазвонил телефон. Кисоко не шевельнулась, и через мгновение телефон перестал звонить.

— Неофициально, — заявила Кисоко. — Сэйко не потерпела иного. — Она пожала плечами. — Полагаю, что она привыкла к своему одиночеству, к тому, чтобы ее жизнь была скрыта от других. — Она грустно улыбнулась. — В этом отношении она мало чем отличается от всех нас, *не так ли*, Нанги-сан? — Кисоко покачала головой. — Лучшее, что я могу сделать, это достичь с ней соглашения: она сообщает мне стратегию инвестиций, а я даю ей любую эмоциональную поддержку, которую она готова принять. — Кисоко одарила его легкой, умоляющей улыбкой. — Видишь ли, у нее нет семьи. Ей не к кому обратиться, кроме меня. — Она пожала плечами. — Я полагаю, что это честная и полезная сделка. — Она вскинула голову. — Успокоила я тебя?

Нанги кивнул.

— Правда оказалась совсем иной, чем я ожидал. Честно говоря, я успокоился.

— Хорошо. Я думаю, Сэйко расцветет, осознав свою ответственность. Сайгон — это прекрасно для нее.

— Тогда вопрос решен.

Двери в библиотеку открылись. Повернувшись, Нанги увидел широкоплечего мужчину в инвалидной коляске. Его мускулистые грудь, плечи и руки были обтянуты спортивной рубашкой. Он посмотрел на Нанги мягкими коричневыми глазами. Было что-то невысказанное, пожалуй, печальное в его длинном, красивом лице, выдававшем склонность к размышлениям и самоанализу.

— Звонят тебе, — сказал он Кисоко глубоким, хорошо поставленным голосом.

Кисоко обратилась к Нанги:

— Тандзан Нанги, познакомьтесь с моим сыном Кеном.

Кен изучал взглядом трость Нанги, как если бы она была написанным предложением, которое следовало разобирать по частям. Внезапно он наклонил голову.

— Сын? — вздернул голову Нанги. — Я никогда не знал, что у тебя есть сын.

Кисоко улыбнулась, и ему показалось, что он слышит, как лед тает в холодильнике на кухне.

— Кен не был со мной, когда мы... знали друг друга. Он был в школе. Я не видела причины говорить о нем.

„Конечно, она права. Он имел дело с ней, а не с ее сестрой“.

Она поднялась, зашуршав кимоно, погладила его по руке.

— Я должна ответить на этот звонок. Это недолго.

Нанги и Кен остались вдвоем. Они осторожно разглядывали друг друга, как борцы сумо перед схваткой. Нанги, соблюдая приличие, не смотрел на безжизненные ноги Кена, делал все возможное, чтобы на его лице не появилось чувство жалости.

— Прошло много времени с тех пор, как ваша мать и я видели друг друга.

— Я знаю.

Нанги сделал вид, что осматривается кругом.

— Это прекрасный дом.

— Мать унаследовала его.

Кен сказал это со вспышкой гнева, что озадачило Нанги.

— Ей повезло тогда, — добавил он.

— Вы так думаете?

Нанги, чувствуя неудобство от того, что они находились далеко друг от друга, встал и прихрамывая прошел через ковер к месту, где сидел с холодным выражением лица Кен.

— Я просто имел в виду... — проговорил Нанги.

Что-то изменилось в лице Кена. Он с удивлением смотрел на Нанги, как если бы тот изменил цвет своей кожи или оказался женщиной. Глядя, как Нанги опирается на свою трость, он сказал:

— Мать никогда не говорила мне. Сильно болит?

— Иногда. А обычно вполне терпимо.

Кен, казалось, размышлял над его словами некоторое время.

— Вы знаете, я часто думал о вас. Да, это правда. Я всегда считал, что ненавижу вас, и, удивительно, что сейчас, когда я повстречал вас, я не в состоянии вызвать в себе эту ненависть.

— Я ценю это, — заявил Нанги. — Я, возможно, причинил боль вашей матери, но я никогда не переставал любить ее.

— Вероятно, это так, — сказал Кен. — Вы были вторым человеком, по которому она сходила с ума и который причинил ей боль. Может быть, ни один из вас не хотел этого. — Он пожал плечами, его мускулы покрылись дрожью. — *Карма, не так ли*, Нанги-сан? Моя мать вызывает у мужчин вполне определенные чувства. Они не могут ничего поделать с этим, так же как и она сама. — Он закрыл глаза. — Она все еще так красива. — Глаза открылись. — Я хочу показать вам кое-что.

Нанги кивнул, они покинули библиотеку, миновали заднюю лестницу. Кен открыл узкую современную дверь, выглядевшую не на месте в этом доме. Вошли в небольшую кабину лифта, и Кен нажал кнопку с цифрой „3“.

Лифт остановился, Кен открыл дверцу, проводил Нанги через покрытую ковром прихожую, оклеенную обоями с рисунком больших, с голову ребенка, пионов, соединяющихся друг с другом причудливыми колючими лозами. В прихожей пахло сталью и маслом.

Кен открыл другую дверь и въехал внутрь. Следуя за ним, Нанги обнаружил себя в *додзо*, гимнастическом зале для тренировок в боевом искусстве. Это была комната без окон, свет падал из отверстия в середине высокого потолка. Вдоль всех четырех стен, от пола с татами до высоты бедер человека среднего роста, была выстроена самая удивительная коллекция холодного оружия, какую когда-либо приходилось видеть Нанги. Здесь было все, от длинного *дай-катана*, традиционного оружия самураев, до серии сабель нормального размера — *катана*, *вакидзаси*, длинные ножи, применявшиеся наряду с другими видами оружия для свершения *сеппуку*, ритуального самоубийства, античные железные боевые веера с вмонтированными по краям лезвиями, отточенными до остроты бритвы, *манрикигусари* — оружие, состоящее из шипов и цепи, всякого вида *шурикен* — маленькие заостренные стрелы, часто используемые *ниндзя*.

Кен приблизился к краю татами.

— Я думаю, вы оцените коллекцию. Это начало семнадцатого века.

Нанги, понимая, что коляску нельзя вкатить на татами, собирался сказать Кену, что его не интересует оружие. Но он подозревал, что Кен примет это как ужасный удар по его самолюбию.

Кен каким-то образом изогнул тело, не двигая ногами.

Нанги смотрел одновременно с восхищением и ужасом, как Кен вытянул себя из коляски и поместил свои безжизненные ноги на татами. Он попола странным образом, используя мощные плечи и руки. Нанги прихрамывая двинулся за ним.

Кен добрался до стены, где находилась серия *катана*, подвешенных в ножнах из лакированной кожи, с ручками, отделанными серебром. Его глубокие коричневые глаза рассматривали коллекцию. Затем он снял один меч и медленно, любовно вытащил лезвие из ножен. Сталь была так отточена, что края казались невидимыми и заструились, когда Кен стал им двигать. Создавалось впечатление, что это не твердый предмет, а река света, горячая от нетерпения, как если бы это был *коан дзэн*.

— Интересно, — проговорил он. — Когда я был полноценным человеком, я никогда не задумывался об оружии. И только потом, позднее, оно приобрело для меня какое-то значение.

Полный благоговения, он поместил меч обратно в ножны и передал его Нанги, который осмотрел его так тщательно, как это делают хранители музеев.

Кен, явно довольный его внимательностью, произнес:

— Я знал, что вы оцените искусство оружейного мастера. Эти древние мастера были частично художниками, частично философами дзэн.

Его глаза следили за тем, как поток света переливался через лезвие, подобно туману по замерзшему озеру. Он поднял меч острием вверх, и свет устремился вниз, к ручке.

— *Катана* — это символ художника и картины, высокого и низкого в человеке, любви и желания, независимых от привычки и памяти. — Он рассек мечом воздух, как если бы разрубал тело. — Это — путь изменить прошлое физической волей настоящего.

Улыбка Кена, такая нежная и прекрасная, делала его похожим не на сорокалетнего мужчину, а на маленького мальчика. Он вроде бы наконец успокоился.

— В этом доме кажется, что время стоит на месте, — сказал он и взял *катана* из рук Нанги движением, которое напоминало обрядовое. Но, обхватив руками *катана*, он нахмурился, как если бы вспомнил недавний дурной сон.

— Нанги-сан, — обратился он, поднимая голову, — вы пришли из-за Сэйко Ито?

— Да, это так.

Кен кивнул.

— Я беспокоюсь за нее. Она своенравная женщина со склонностью, как мне кажется, к самоуничтожению.

Нанги, переводя взгляд с *катана* на красивое лицо Кена, спросил:

— Почему вы так говорите?

— Вы знаете, она считает себя виновной в смерти ее брата.

— Я ничего не знаю об этом.

— Это ужасный секрет, который она носит в себе. Он был умственно отсталым и жил вместе с ней. Однажды она оставила его без присмотра в ванной, а сама занималась любовью со своим парнем, который только что вернулся после трехмесячного пребывания во Вьетнаме. Ее брат поскользнулся, ушел под воду и утонул.

Нанги необъяснимо почему стало жарко, как если бы позор Сэйко стал каким-то образом его собственным.

— Это произошло шесть лет тому назад. И я думаю, что с тех пор она не осталась прежней.

— Как, по-вашему, она изменилась?

Кен пожал плечами.

— Во многих отношениях. Например, она начала путаться с опасными людьми.

— Что вы подразумеваете под „опасными“?

— Людей, которые не хороши для нее. Людей, которые сделают что угодно, совершат любое преступление, чтобы получить деньги.

Нанги застыл, слыша, как кровь течет по его венам.

— Это происходит и в настоящее время?

Кен печально склонил голову.

— Не предаю ли я ее, рассказывая вам все это?

— Скорее, вы спасаете ее. Можете вы назвать какие-либо имена?

Темно-коричневые глаза Кена уставились на лицо Нанги.

— Она упоминала одного мужчину. Что-то вроде Масамото...

— Масамото Гоэи? — уточнил Нанги. Его сердце почти перестало биться.

Кен щелкнул пальцами.

— Да, так его имя. Вы знаете его?

Гоэи были директором группы, работавшей по контракту для компании проекта „Ти“ над клоном с нейронной сетью. Как специалист-теоретик он должен был бы уже полностью проанализировать этот клон. А Нанги все еще ожидал от него окончательного доклада. Теперь стала очевидной причина, по которой Гоэи откладывал это со дня на день.

У Нанги заболели глаза. Он чувствовал, что приближается приступ страшной головной боли. Громадным усилием он взял себя в руки.

— Скажите, Кен, ваша мать знает что-либо о... знакомых Сэйко?

Кен иронически улыбнулся.

— Вы знаете мать. Она принимает лишь то, что хочет принять. А что касается остального... — Он передернул плечами. — Это для нее не существует вовсе.

Нанги кивнул. Да, эта характеристика полностью отвечает характеру Кисоко.

— Мне лучше спуститься в библиотеку. Думаю, что она удивляется, куда я пропал.

Он посмотрел на Кена с жалостью, несмотря на свое решение глубоко захоронить в себе это чувство.

— Спасибо за информацию, — сказал он ему. — Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь Сэйко.

Кен кивнул, не проронив ни слова. Он смотрел на *катана*, который лежал поперек его ног. Возможно, он уже забыл, что Нанги все еще был здесь.

Нанги покинул его погруженным в мечты среди массы бесполезного оружия.

Вернувшись в библиотеку, Кисоко ждала его покорно, как жена.

— Кен уважает тебя. Он редко допускает кого-либо посмотреть его *dodo*. Это его личная комната. Даже я очень редко бываю там.

— Мне жаль его.

— О! — Она быстро отвернулась от него, стала переставлять чашки с уже холодным чаем. — Он хорошо адаптировался к своей неполноценности. Ты лучше всех можешь оценить его мужество.

— Да. — Он немного помолчал, но у нее, видимо, не было сил продолжать. Ему внезапно стало жаль ее. Как и Сэйко, ее сбили с пути, требуя стать тем, чем она не могла быть. Она, вероятно, хотела бы иметь физически полноценного ребенка, даже если бы он был эмоционально ущербен. В сердце человека всегда живет надежда на перемену к лучшему.

Кисоко стояла очень близко к нему и шептала:

— Я скучала по тебе. Мое сердце хочет... — Она посмотрела в сторону, потом продолжила. — Но я не должна снова унижаться. Достаточно прошлых страданий.

— Кисоко...

Она подняла руку, как бы отталкивая его, но, когда его

пальцы обхватили ее плечи, он почувствовал, как она прикинула к нему, не давая ему возможности оттолкнуть ее. Она хотела выйти замуж, а этого он не мог ей дать. Она стремилась к замужеству всем своим сердцем, но для него это было невозможно. Он принадлежал к тому редкому типу людей, которые предпочитают суровую тишину и полный покой одиночества. Его жизнь была достаточно сложной и без того, чтобы в нее на постоянной основе вошла женщина.

Но бывали моменты, как, например, сейчас, когда он глубоко сожалел, что избрал себе такой путь в жизни.

— Если я причинил тебе боль, то, поверь мне, я причинил боль и самому себе.

Она тихо плакала, слезы медленно стекали с уголков ее глаз.

— Почему я должна оплакивать тебя? — прошептала она. Она замотала головой. — Нет не тебя и не себя, а любовь. Только любовь.

Однажды в юности ей нанесли серьезную травму. Это он знал по отрывкам их разговоров после того, как они занимались любовью, по некоторым интимным ситуациям. У него не было сомнения, что эта травма навсегда оставила в ней глубокую рану.

Нанги подумал, что она ведет себя чрезвычайно смело, пытаясь снова пробудить любовь, после того как уже один раз они потерпели фиаско и с тех пор прошло так много лет. То, что он тогда нанес ей удар в самое уязвимое место, было непростительно. Но он слишком любил ее, чтобы не сказать правду сразу, когда понял ее. Стремясь уменьшить боль, которую он ей причинял, он стал с ней холоден, что лишь усилило ее несчастье. В то время он считал, что быстрый разрыв является самым лучшим выходом. Только позднее Нанги стал сожалеть о своем решении, когда она перестала с ним разговаривать, а на людях отворачивалась в сторону.

— Ах, Кисоко, как я люблю тебя, — сказал он, прижимаясь щекой к ее щеке. — Но как быстро эта любовь превратится в горечь и чувство обиды, если мы поженимся. Я не могу допустить, чтобы решения принимались за меня кем-либо еще.

Она подняла руку и стала пальцами ласкать его затылок.

— Как одиноко, должно быть, тебе в жизни. — Прижавшись еще теснее, она добавила: — Нам обоим.

— Если бы я уступил тебе, даже то, что у нас когда-то было, было бы разрушено. Сейчас, по крайней мере, у нас остались воспоминания.

Она закрыла глаза.

— Я хотела услышать это от тебя много лет тому назад.

— Да. — Это было все, что он смог сказать.

Она опустила руки, оттолкнулась от него, как бы желая показать, что может стоять самостоятельно. Она вытерла слезы пальцами.

— Не странно ли, каким слепым делается человек, когда плачет.

Кисоко молча провела его обратно в прихожую вишневого дерева. Его беспокоила сохраняющаяся напряженность между ними. Захваченный эмоциональным вихрем, он раздумывал, находится ли он в безопасности в защищенной гавани или же его поглотит белая вода.

Нанги снова поразила удивительная тишина дома, защита от внешнего мира, которую создавали его стены. Он задумывался о том, мог ли Оками быть здесь, но надеялся, что его нет. Враги могли ожидать появления здесь Оками, и Нанги не мог избавиться от мысли, что Кисоко находится в опасности. Он успокаивал себя тем, что она всегда была в стороне от мира, в котором жил и действовал ее брат, и не видел основательных причин, почему бы теперь их отношения стали другими.

Постепенно он начал чувствовать внутри себя боль, как если бы где-то порвалась мышца или лопнуло сухожилие. Эта боль, почти, но не совсем физическая, вызвала в нем желание выпить горячего, обжигающего чая, съесть палочками немного клейкого риса, почитать легкий журнал, чтобы отвлечь свой мозг от неприятных впечатлений визита.

— Мое любопытство свело нас снова вместе, — сказал он, когда они вернулись в фойе. — Я считаю, что это не случайно.

Кисоко повернула к нему свое задумчивое лицо.

— Ты живешь все еще в том же доме?

— Да.

— Я помню сад позади дома. Ты еще находишь удовольствие в подрезании своего клена шишигашира?

— Боюсь, что это моя постоянная страсть. — Ее сверкающие глаза поймали его взгляд.

— Здесь есть один клен, который я посадила пять лет тому назад. Он отчаянно нуждается в твоём внимании.

— Извините, но его здесь нет.

— Где он тогда?

— Извините, пожалуйста, кто, вы сказали, звонит?

— Кроукер. Лью Кроукер. Звонит из Соединенных Штатов и спрашивает Николаса Линнера.

Тишина. Затем формальный голос, с металлическим призвуком от электроники и расстояния, произнес:

— Можете вы оставить послание для Линнера-сан?

— Мне нужно поговорить с ним сейчас, черт побери! Это важно!

— Я могу принять ваше послание, пожалуйста.

Кроукер прижал кончики пальцев ко лбу. Он дал себе обещание, что не будет выходить из себя. Но эти проклятые японцы и их символическая формалистика может взбесить любого, кто хочет сделать что-либо сразу.

— Мне нужно, — проговорил он медленно и отчетливо, — поговорить с кем-либо, кто может помочь мне.

— Минутку, пожалуйста.

Он разглядывал экземпляр вчерашней „Вашингтон пост“, который нашел перед дверью, с фотографией Харли Гаунта на первой странице. Покойный Харли Гаунт. Бедный подонок. Кроукер никогда не встречался с этим человеком, но вспоминал о той нежности, с которой отзывался о нем Николас.

Он посмотрел на свои часы. Какое сейчас там время? Начало четвертого пополудни.

— Да? Мистер Кроукер, могу ли я помочь вам?

— Я искренне надеюсь на это, — заявил Кроукер. — Я друг Николаса Линнера. Можете вы сказать мне, где он? Мне надо поговорить с ним. Это срочно.

— Боюсь, что это невозможно.

— А кто вы?

— Меня зовут Сэйко Ито. Я — помощница Линнера-сан.

— И вы не можете соединить меня с ним? Вы знаете, кто я?

— Да, мистер Кроукер, я знаю. — Наступила пауза. — Дело в том, что никто не знает, где он находится в данный момент. Мы все очень обеспокоены.

Кроукер промолвил с легким вздохом:

— Боже! А что Нанги? Могу я поговорить с Тандзаном Нанги?

— Боюсь, что Нанги-сан проводит заседание. Он отдал строгий приказ, чтобы его не беспокоили. Могу я узнать номер вашего телефона, чтобы...

— Не беспокойтесь, — отпарировал Кроукер. Он взглянул вверх. Маргарита стояла у гостиничного окна, ее тело покрывали полосы тени от жалюзи и проникающего через

них уличного света натриевых фонарей. Комната была наполнена расширяющимися пучками света, подобными лунным дорожкам на воде. — Передайте, пожалуйста, для Нанги следующее послание. Скажите ему, что Лью Кроузер находится на пути в Токио. Я буду завтра в четыре часа дня и хотел бы встретиться с ним, как только смогу выбраться из Нарита. Вы меня поняли?

— Простите?

Кроузер помассировал лоб.

— Просто скажите ему, хорошо?

— Да. Я передам Нанги-сан это сообщение, как только заседание...

Но Кроузер уже повесил трубку. Он поднялся, подошел к Маргарите. От его прикосновения она вадрогнула.

— Я чувствую его, — сказала она пронзительным шепотом, — как если бы он был вместе с нами в комнате. — Она повернула к нему голову, так что свет уличных фонарей отразился в ее глазах. — Нет, нет! Обними меня. Крепче. Я не знаю, холодно мне или жарко. — Она положила голову ему на плечо. — Он внутри меня, Лью, и есть только один путь от него избавиться.

Проехало такси, шурша шинами. Парочка завернула за угол; пожививаясь, они быстро спрятались от ветра в подъезде гостиницы под ними. Полицейская машина медленно проехала мимо. Ее красные огни ярко вспыхивали, но sireны были выключены. Частицы пыли, висевшие в воздухе, вспыхивали ярко-красным светом, затем исчезали.

— Я должна снова увидеться с ним.

Из решеток на тротуаре поднимались платаны, их подрезанные ветви были голые, как гвозди. Они навевали воспоминания о давно прошедшем лете. Он смотрел на них со страхом, ожидая того, что она намеревалась ему сказать.

— Я собираюсь согласиться с планом Лиллехаммера. Я сама предложу ему. Мы станем приманкой и охранником, ты и я.

Кроузер почувствовал, как слегка задрожали его руки.

— Я хотел бы, чтобы ты передумала.

— О, Лью, что это даст? То, что произошло, уже нельзя изменить. Какой бы ни была связь между Робертом и мной, она не может быть разрушена никаким другим способом.

— Он будет знать, что ты придешь, — сказал он. — Фэйс также так считает. Я не могу представить себе, что произойдет, когда он снова увидит тебя.

— Ты убьешь его.

— Я должен захватить его.

Он чувствовал, как она качала головой.

— Нет, ты убьешь его. Или он убьет тебя. — Она повернулась в его руках и посмотрела на него. — Существуют только эти две возможности.

Он пристально смотрел на нее, пытаясь прочесть ее мысли.

— Жизнь намного сложнее.

— Не эта. Не его!

Он принял это ее суждение так же, как принял ее странное сочетание любви и ненависти к До Дуку.

— Во всяком случае, мы завтра будем в Японии и посмотрим.

Тишина и слабое гудение в отопительной системе го-стиницы. Что-то, возможно только рама от порыва ветра, стукнуло по стеклу окна. Он почувствовал, как Маргарита насторожилась, быстро взглянула через его плечо и вздохнула. „С облегчением или с разочарованием?“ — подумал он.

— Скажи мне, почему ты принял помощь моей мачехи?

— Разве ты не этого хотела от меня?

— Да. Но мне важно знать, почему ты это сделал.

Под окном потрескивали и закручивались флаги, эти атрибуты влияния и власти, ищущие чего-то необъяснимого в ночи.

— Если ты ждешь разумного ответа, боюсь, что у меня его нет. Все, что я могу тебе сказать сейчас, это то, что я не верю никому. Я все время подсознательно чувствовал, что Лиллехаммер лжет мне или, в лучшем случае, не говорит всего об этом деле. Как ты уже знаешь, я не поверил даже на минуту, что ему кто-то нужен со стороны, помимо людей из его официальных учреждений, для проведения испытаний. Такой человек — и без людей, которым он мог бы доверять и которых мог срочно вызвать в случае необходимости? Нет, это невероятно!

— А ты верил моей мачехе?

— Я верю тому, что она сказала мне.

— Я предполагаю, что дальше следует „но“.

Он улыбнулся в темноте.

— Я не удивился бы, узнав, что у нее есть свои собственные планы.

— Зачем вообще идти за До Дуком? Почему просто не взять и не уйти, забыв про него, Лиллехаммера и мою мачеху?

Ее глаза изучали его, и ему казалось, что они — не глаза замужней женщины. Тот, кто овладел бы ее сердцем, был бы счастливейшим человеком.

— Существует так много разных причин, что я не знаю, с чего начать. Я принял предложение Лиллехаммера, зная, что оно не является тем, за что он мне его выдает. Но, как он и предполагал, мне надоело ездить на челночном судне от острова Марко. Я запил и стал ленив. Мне была необходима смена обстановки. — Он слышал ее дыхание, похожее на дыхание зверя в джунглях. — Я интересовался Лиллехаммером и убийством Доминика. Не просто фактом, что он был убит, а тем, как это было сделано. Я хотел разрешить все загадки: кто убил твоего брата и почему, кто такой Лиллехаммер и почему ему так необходимо убрать До Дука. Затем, как ты сказала мне, это дело становилось все бóльшим и бóльшим, как зыбь на озере. — На мгновение на его голове словно возник терновый венок, но лишь на одно мгновение. Полосы света двигались, как живые, по комнате. Но это были только фары автомобилей, которые время от времени подъезжали и уезжали неизвестно куда, как какие-то шпионы в глубокой темноте. — И затем есть ты. Даже после всего того, что я сказал тебе, я мог бы бросить все и уйти, но ты не можешь этого сделать, и поэтому не могу и я.

— Тогда я права.

Его улыбка расцвела.

— О, иногда при свете голубой луны чувства проникают даже через толстую кожу детективов.

Он почувствовал, как она зашевелилась в его объятиях, устроилась более удобно. Маргарита обхватила его за шею, вздохнула, прислонилась лбом к его груди.

— Я устала, — сказала она. — Я никогда не представляла себе раньше, что власть может опустошить тебя.

— Это скрыто в самой дефиниции. Когда вы были так близки с Домиником, я не думаю, что он разделял возникшее у тебя сейчас чувство.

— Он обладал властью долгое время. Я не знаю, как он это делал.

Кроукер знал, на самом деле она имела в виду, что не знает, как она собирается делать это сама. Может быть, она и не будет. Может быть, это было просто желанием.

— Я, пожалуй, позвоню Лиллехаммеру и скажу ему, что ты согласна, — сказал Кроукер. — Нам не нужно, чтобы он стал что-то подозревать на этой поздней стадии. — Он снял трубку телефона. — Он будет в восторге, я уверен.

Кроукер набрал номер телефона. Вначале была тишина, затем ответил оператор. Он назвал свой код, и она подключила его к линии. Соединение произошло резко, он услышал слабый щелчок, когда включилось противопод-

слушивающее устройство, и через волны электронных джунглей послышался голос Лиллехаммера.

— Нас соединили, — произнес Кроукер в микрофон. — Она согласна действовать по вашему плану.

— Прекрасно. Что вам требуется?

— Документы. Мы отправляемся в Токио.

— Токио?

— Совершенно верно. Он находится там. — Кроукер сообщил номер их рейса. — Просто обеспечьте нам вылет.

— Все, что вам потребуется, я пришлю нарочным прямо в гостиницу в течение трех часов. Полагаю, вы все еще там?

— Хорошо. Нам надо встретиться в аэропорту перед самым вылетом.

— Понятно.

Кроукер повесил трубку и почувствовал, как у него выступил пот. *„Теперь выбор сделан, — подумал он. — Никакого возврата назад“*. Он обернулся и увидел, что из полумрака на него смотрит Маргарита.

— Каким образом он попытается расправиться с нами в конце? — спросила она.

— Надеюсь, что я не дам ему шанса попытаться сделать это.

Кроукер перешел к ней через комнату. Он все еще был под впечатлением телефонного разговора. Он стоял перед ней, она подняла руки и откинула прядь волос с его лба.

— Скажи мне, — обратился он к ней через некоторое время. — Что стоит между тобой и Фэйо?

— Ты о ней ничего не знаешь, — ответила она резко, — поэтому не имеешь права задавать этот вопрос.

— А ты не думаешь, что наши чувства друг к другу дают мне это право?

Маргарита, взглянув на него, хотела что-то сказать, но не стала. Позади нее улица была совершенно пуста, широкая, подметенная ветром, строгая, с расплывчатыми очертаниями зданий, служивших домами для каких-то мифических существ.

Внезапно ее плечи затряслись, и Кроукер подумал, что она плачет. Однако он ошибался — она смеялась.

— Должно быть, Бог играет со мной в шутки за мои грехи, — проговорила она, продолжая смеяться. — Будучи замужем за презренным сицилийцем, который все же необходим мне, связанная долгом продолжать бизнес моего брата, прикрываясь мужской маской моего мужа, я, тем не менее, безнадежно влюблена в бывшего полицейского, работающего на фэбэровцев. — В ее смехе слышался едва уловимый горький оттенок. — Что стало со мной?

Какой ответ мог он дать ей? Какой ответ он хотел бы дать?

Жизнь полна непредвиденными возможностями и поворотами к худшему, но он хотел бы, чтобы этот момент был особенным — чтобы их выбор был безоблачно ясным, а шанс, который они решили использовать, выигрышным. Но как мог он быть в этом уверен? Ответ был прост — другого пути не было.

Ее руки напряжились, она потянула его за шею, пока их губы не слились. Ее губы были солоноватыми, и он понял, что она все же тихо плакала в темноте, как это было в конюшье Фэйс.

— Ты хочешь знать, что стоит между мной и мсёй мачехой? — прошептала Маргарета, отпрянув от него. — Хорошо, я скажу тебе. Я подозреваю ее. В чем? В том, что она сделала то, что в ее глазах было чисто деловым решением. Когда мой отец не смог больше заниматься своим бизнесом, когда он стал обузой, она убила его.

Кроуер чувствовал сильное биение ее сердца, как если бы это было это собственное сердце. Он смотрел без слов на нее некоторое время.

„Убила“ — в этой ситуации слово казалось неприличным, хотя в своей работе он применял его так часто, что совсем привык к нему.

— Убила?

— Да.

— У тебя есть доказательства?

Она улыбнулась сквозь слезы.

— Мой детектив, всегда и везде.

— Я не мог сдержаться. Так уж я вижу мир.

— Когда-нибудь я очень захочу, чтобы ты лучше узнал мою мачеху.

В ее голосе слышалась отстраненность, и Кроуер понял, что она сказала это просто, чтобы подтвердить, что слышала его слова.

— Тогда я уверен, я сделаю это.

Держа ее в своих руках, он не мог даже представить себе, что когда-либо может покинуть ее. Но эта фантазия, как это ни горько, не могла стать реальностью.

Ее густые волосы щекотали его щеку.

— Прижми меня крепче.

Он сильно притянул ее к себе. Его ноздри заполнились ее запахами и ее дыханием. Автомобили снаружи пронеслись один за другим, один, два, три. Затем улица снова погрузилась в полную тишину.

По железнодорожным рельсам бегали мыши.

Нанги лежал, думая, в плотной темноте.

„Сэйко и Гоэи.

Предательство дома и за рубежом. О Боже, он и Николас обречены“.

Мыши побежали снова. Он стал думать о звуках, которые проникали через тонкую стенку капсулы, стараясь разобраться в них. Они напоминали ему о шуме, который он слышал в детстве и который создавали мыши, бегавшие по рельсам около их дома. Эти звуки в темноте казались такими же необъяснимыми, как и те, что он слышал два первых раза. Они были похожи на статические разряды в старом радиоприемнике, стуки и визги машины, ведущих какой-то невнятный разговор друг с другом.

Он потратил часы, следуя за Сэйко по всему Токио, прежде чем пришел к выводу, что она и Гоэи слишком умны и опытны, чтобы встречаться лицом к лицу.

Тогда он переключился на наблюдение за самим Гоэи. В сумерках, окончив свою дневную работу, Гоэи пришел сюда в Накагин Капсул Тауэр в неоновых джунглях Гинзы. Здание состояло из отдельных модулей-капсул площадью восемь на тринадцать футов каждая, так что их можно было перевозить на грузовике. Конфигурация здания постоянно менялась, по мере того как приезжали или уезжали жильцы и приходилось или увеличивать или сокращать общую жилую площадь.

Для того чтобы отвлечься от мысли о том, как много могла выдать врагам Сэйко, Нанги в тысячный раз стал просматривать материалы, которые доставил ему сегодня утром американец Манни Манхайм. Но мысли о Манхайме

принесли с собой новую волну скорби по поводу смерти Харли Гаунта. Гаунт был первоклассным управляющим, ловким и справедливым. Он понял, чем занимаются Николас и Нанги, и полностью отдался этому таинственному бизнесу производства и обновления будущего. Его будет очень сильно не хватать.

Разоблачений, содержащихся в материалах Гаунта, было несметное количество. Наибольшее беспокойство вызывало то, что правительство США, а это означало ненавистную Комиссию сенатора Рэнса Бэйна, вытащило так называемый клон „Ти“ с черного рынка в Азии и сделало заключение, что в этой машине использована технология „Хайв“, являющаяся собственностью „Хайротек инкорпорейтед“. Это вместе с копиями закодированных факсов из токийской конторы „Сато“ в Сайгоне означало, что у них есть конкретные доказательства, связывающие, по крайней мере в их воображении, „Сато-Томкин“ с кражей технологии „Хайв“. Поскольку „Хайв“ представляет собой основу компьютера, избранного американским правительством для использования во всех своих отделениях, даже сверхсекретных, эта кража могла рассматриваться как измена родине.

Теперь все стало ясным. Технология „Хайв“, которую Николас стремился приобрести, была исключительной собственностью американской компании „Хайротек“, и с нею Николас вел переговоры о покупке.

Неудивительно, что американское правительство заморозило эту сделку. Американцам нужна была кровь „Сато интернэшнл“, и они направили удар на ее уязвимое место — „Сато-Томкин“, американское ответвление *кэйрзцу*. Однако Николас, Нанги и „Сато интернэшнл“ не совершали ничего незаконного. Все было подстроено этим ублюдком Винсентом Тинем, которому Нанги никогда не доверял.

Конечно, Тинь не мог действовать в одиночку. Кто-то в главном штабе вступил с ним в сговор, чтобы выкрасть вырвавшуюся вперед технологию компьютера с нейронной сетью „Ти“. Тинь использовал свой опыт, знания, контакты и, что было самым дерзким, капитал и научно-производственные возможности „Сато“, для того чтобы была изготовлена одна из модификаций компьютера „Ти“.

Кто-то, занимающий высокий пост в проекте „Ти“, помог ему. Естественно, американцы взяли под подозрение Николаса. Он возглавлял „Ти“. И для многих из них он стал предателем с момента, когда он объединил „Томкин индастриз“ с „Сато интернэшнл“. И затем, что еще больше ухудшило его положение, он бросил нью-йоркскую контору „Сато-Томкин“ и перебрался в Токио.

Теперь Нанги сожалел о своей близорукости, когда он настаивал на пребывании Николаса в Токио, чтобы познакомить японских лидеров корпорации с тем, как действуют американский бизнес и правительство и как надо успешно вести дела с их американскими контрагентами. Николас, как всегда хорошо предвидевший будущее, хотел вернуться в Штаты, чтобы убедить в правоте его предложения о совместной работе „Джапэн“ и „Корпоративной Америки“.

Но, если верить Гаунту, некоторые люди в правительстве имели свои планы. Они были известны как Рыцари, и их активность уже проявлялась определенное время. Человеком, которого навестил Гаунт и который, совершенно очевидно, убил его, был Уильям Джастис Лиллехаммер.

Это имя было удивительно знакомо Нанги. Где он слышал его раньше? Называл ли его Оками? И по какому поводу? Он „покопался“ в памяти, но не мог припомнить содержание разговора. Восьмимиллиметровая видеокассета, которую Гаунт приложил к присланному материалу, лежала на груди Нанги. Он уже просмотрел ее, но теперь хотел изучить кадр за кадром.

Доносившиеся звуки были похожи на вспышки энергии, отделявшейся от темноты, а в промежутках между ними царил глухая тишина покинутых людьми на ночь кабинетов. Нанги поправил слуховой аппарат в своей ушной раковине. Бессознательно он положил руку на больную ногу, стал ее растирать, чтобы улучшилось кровообращение и появилось ощущение тепла. Воздух был насыщен запахами пластика и резиновой пыли заброшенных машин. Он зажал нос, чтобы не чихнуть.

Какая ирония, думал Нанги. Николас, герой, стал объектом страха в Японии и оскорблений в Америке. Где бы была сегодня „Сато интернэшнл“ без него? Уж конечно, не на пороге новой технологии компьютеров и телекоммуникации, которая сделает *кэйрэцу* одной из трех главных корпораций Японии в девяностые годы. Если она выживет. Угрозы, исходившие от министра Ушида, и сведения, полученные от Харли Гаунта, вызывали у Нанги серьезные сомнения в том, что компании удастся выжить.

Конечно, положение может измениться, если он обнаружит того, кто несет ответственность за утечку технологии „Ти“. Стоявший за всем этим Винсент Тинь был убит, без сомнения, одним из его многочисленных врагов. К счастью, Нанги нашел первоклассного частного детектива, нанял его и немедленно направил в Сайгон, чтобы выяснить, насколько глубоко был замешан в этом деле Тинь и

кто убил его. Весь сайгонский комплекс „Сато“ был временно оставлен, пока он искал замену Тиню. Как он и сказал Кисею, самой логичной кандидатурой для замены из служащих компании была Сэйко.

Но Сэйко работала на Тиня и изо всех сил старалась разрушить *кэйрэцу*.

Электронная тарабарщина проникала сквозь стенки капсулы через определенные промежутки времени и не казалась беспорядочной. Часть мозга Нанги работала над этой проблемой. Он начал делать быстрые математические выкладки и не спускал глаз со светящегося циферблата своего ручного хронометра. Что напоминали ему эти организованные электронные вспышки? Он напряг свою память. „Правильно. Это напоминает телеметрию. Или закодированные факсы, посылаемые в эфир“.

Он положил ладонь руки на тонкую, как яичная скорлупа, стену и подумал: *„Если я ударю по ней кулаком, то, без сомнения, пробью насквозь“*.

Кто был в капсуле по другую сторону стены? Не Гоэи. Он оставался только несколько минут, затем ушел. Ровно через семь минут после того, как он покинул здание, мыши стали бегать по рельсам.

Нанги освободил ухо от слухового устройства, откатился от стены. Он с трудом поднялся и, не обращая внимания на боль в ноге, выбрался, прихрамывая, из модуля. Он осторожно поставил запор в такое положение, чтобы, когда он захлопнет за собой дверь, кабинет вновь оказался закрытым.

Нанги спустился вниз по узкому коридору, освещенному единственной флуоресцентной лампой. Остановившись около двери кабинета, в который входил Гоэи, надел перчатки.

Он чувствовал размеренное биение сердца, учатившийся пульс. Глубоко вдохнув несколько раз, чтобы успокоиться, он просунул тонкий металлический стержень с заостренным концом в замок, находившийся в центре стальной дверной ручки, стал прощупывать его и определил внутренние контуры замка. Его другая рука, державшая ручку двери, почувствовала, что сопротивление исчезло.

Дверь немного открылась, и в густой тишине коридора стала отчетливо видна телевизионная камера наблюдения или еще что-то в этом роде. Нанги бесшумно проскользнул в капсулу, закрыл за собой дверь, чтобы свет не проникал в коридор.

Как оказалось, у него не было оснований для беспокойства. Кабинет был пуст. Фактически это был даже не кабинет, а свободное пространство, в котором находились только аппарат факса и телефон. Оба имели самостоятельную подводку, то есть не были арендованы на время.

Опираясь на трость, Нанги наклонился над факсом, взял листы бумаги из аппарата. Повернув их к свету черной металлической лампы, он увидел, что на них ничего нет. Только когда он поднес их ближе к свету, он заметил искорки от металлической нити, запрессованной в виде замысловатого рисунка в листы бумаги.

Код!

Он сложил листы, положил их к себе в карман и устоялся в полутьме на аппарат факса.

Мыши кончили бегать по рельсам.

Передача прекратилась.

Звон колокольчика слышался теперь здесь, в похожей на муравейник фабрике по производству роботов. Электрические голубые дуги разливались внутри цемента, по компонентам из нержавеющей стали, по покрытым медью поверхностям. Это был холодный огонь, который разрывал пелену бессознательности.

Но Николас не открывал глаз. Он глубоко и медленно дышал, как если бы его мозг был все еще в глубоком сне.

Он слушал звон колокольчика, далекий, как в другой Вселенной, среди хаоса, который ждал его за тонкой, как лист бумаги, перегородкой его сомкнутых век. Он держался за этот глубокий, ритмичный звук, как тонущий человек цепляется за любой плавающий обломок, чтобы удержаться на поверхности и не опуститься опять в безграничную тишину бездны. Это не было сознательно принятым решением. Оно пришло на примитивном уровне, где-то внутри его сути, при отсутствии мышления, как этому учили его при тренировках. Инстинкт сохранился даже на грани смерти. Только он и больше ничего.

Продолжался звон несуществующего колокольчика.

Если он сконцентрируется на чем-либо еще, боль захлестнет его полностью, ввергнет в бездну отчаяния. Его лицо медленно и мучительно впрессовывалось в тело, которое чувствовало, будто длинные иглы, блестящие жидким огнем или черным ядом, внедряются в плоть. Они входили все глубже и глубже, в самую сердцевину его болевых центров.

Они не были настоящими, эти длинные кожи, эти стальные шипы. Они шли от разума Мессулете, вызывая Ксира — темную сторону Тау-тау. Никогда раньше Николас так не стремился к *корёку*, ее сверкающей силе, дороге к Сюкэн, владению, где спокойно сочетаются Аксхара и Ксира. Было ясно, что эта темная сторона разрушила разум Мессулете.

Но несмотря на усиливающуюся боль, Николас расценивал свое положение с некоторой иронией, ибо стало ясно, что то, чего Мессулете ожидает от Николаса, он не может дать ему, даже если он полностью потерял волю к сопротивлению. Связь между Оками и доном американской мафии Домиником Гольдони осуществлял секретный посредник с кодовым именем Нишкики, который снабжал их информацией и инкриминирующими доказательствами в отношении как друзей, так и врагов. Каким-то образом Мессулете стал подозревать, что Николас и был Нишкики.

Он бы засмеялся, если бы вокруг него всюду не была смерть. Не физическая, нет, это не входило в планы Мессулете, а своего рода психологическое разрушение. Удар за ударом по нервным сцепляющим узлам мозга, и тот превращается в студень. Замена лица была лишь самым первым разрушающим залпом. Затем Мессулете из своего сознания запускал в него горящие иглы, в то время как психика Николаса оставалась в шоковом состоянии, не осознавая себя, не узнавая места, где он находится. Она была приколота, как мотылек к бумаге, к мраку и не имела возможности добраться до Аксхара, до защиты *кокоро*, этого сердца всей Вселенной. Разум Николаса был нем, парализован, отрезан от всякой возможности найти путь к освобождению. Так и было запланировано Мессулете.

За исключением звона колокольчика, который резко отражался в частицах его мозга, не было ничего, кроме паутины, искрящейся беспредельной болью.

Если бы не было этого звона, равномерного и постоянного, его разум уже погас бы. Сознание было только в звуке, который он мог определить, и, будучи на самом краю бездны, не поддающейся воображению, он отчаянно цеплялся за него.

Он знал, что представляет собой этот звон. Наконец он смог собрать достаточно энергии, чтобы соединить одну мысль с другой, как если бы он был маленьким ребенком, который только учится процессу мышления и соединения мысли с действием. Пелена от шена и паралича была еще достаточно прочной, но под ней он ухитрился сделать чуть заметное движение.

Перед опасностью блокировки его психики Николас открыл свой глаз таньцзян, увидел свет звона колокольчика, ясный, прозрачно-зеленый, как холмы Нара весной, и почувствовал, что она недалеко от него.

Челеста.

Челеста с нетронутой силой ее разума. Это был план, который они разработали еще в Париже, когда Николас почувствовал опасность ловушки. Она пыталась отговорить его, преисла не идти прямо в центр западни. Но у него не было выбора. Разве мог он отступить от клятвы своему отцу, от своих обязательств по отношению к Оками? Другой человек, душу которого разъял бы страх, возможно, и отказался бы от себя, повернулся и убежал. Но Николай был не таким. Он не мог повернуть назад, а мог только идти вперед через огонь, который, несомненно, ожидал его.

„Но я не пойду невооруженным, — сказал он Челесте, прежде чем они отправились на Монмартр. — Вы будете моим секретным оружием“.

Она посмотрела тогда на него насмешливо, затем понимание озарило ее лицо и на нем появилось выражение возрастающего страха.

„Нет, — сказала она, — вы не можете так думать. Мой разум ненадтренирован. Ради Бога, я боюсь“.

И Николас, открыв свой глаз таньцзян, обнял ее своим психическим полем, мгновенно успокоил и показал ей дорогу — путь Аксхара, при помощи которого она сможет установить с ним психическую связь и поддерживать ее.

„Но не будет ли Мессулете чувствовать эту связь?“

„Нет, — заявил он. — Я держу с вами связь через Аксхара. Он узнает только то, что будет исходить от меня... об Аксхара и моих усилиях остановить его. Вы с вашим ненадтренированным умом потеряетесь в психической маске моей защиты“.

Существовала одна опасность, о которой он не стал говорить ей, — если по какой-либо причине она потеряет психическую связь, которую он сейчас устанавливал. Он не знал, хватит ли у нее самообладания восстановить ее. Для того чтобы сделать это, ей пришлось бы столкнуться со страхом за себя, погрузиться в этот страх, пройти через него и, выйдя с другой стороны, увидеть своим разумом, как снова найти его психику.

Вот что означал этот звон в его сознании, единственное звено к здравому смыслу в этом вихре ловушки Мессулете.

Челеста.

Она была здесь, где-то в этом сумасшедшем мире магии и роботов, где лица срываются и прилепляются вновь, как оберточная бумага к куску мяса.

Он снова пошевелился, истощив этим свои силы, но убедившись в наличии связи между ними, психической нити, которая могла бы спасти его.

Он оказался неподготовленным к мощному удару психической энергии, которая ввергла его опять в состояние паралича. Он оказался, как муха в янтаре, посаженным в клетку и в фигуральном смысле избитым и окровавленным до неузнаваемости. На нем было лицо До Дука, а его инквизитор, наклонившись над ним, положил большие пальцы своих рук на его глаза и сначала мягко, затем все сильнее давил ими в то время, как монотонное пение возбуждало мембрану *кохоро*, а заклинания превращали в действительную физическую сущность то, что за мгновение до этого было только частью прозрачного метафизического мира, окружающего реальность, как ее понимает большинство людей.

Нажимая с силой на глазные яблоки Николаса, До Дук открыл другую дверь в Шестых воротах к *кохоро*. Эти ворота оставались закрытыми столетиями. Открывать их было запрещено даже тем, кто пришел за Мессулете и узнал их темные и трагические секреты. Это были Шестые ворота, единственные, которые были опечатаны чарами и магическими формулами и которые не пытался раскрыть даже Заратустра.

Но Заратустра также не решился избрать в качестве своего талисмана белую сороку, посланницу богов, предвестницу их конечной гибели. И именно белую сороку призвал теперь До Дук, произнеся слова, которые он вытянул из сознания Ао после того, как этот шаман нунги отказался сообщить их ему. Что означали предостережения старика по сравнению с силой, которую он освобождал, призывая белую сороку.

Таким образом запретные Шестые ворота были раскрыты, и До Дук кунался в губительном сиянии ужасной асимметрии, которая распространялась за ними. Он сделал один шаг и услышал звук, издаваемый белой сорокой, так ясно, как если бы был снова в бескрайних просторах гор, в своем доме среди нунги.

Он не мог понять, где находится и что лежит перед ним, пока белая сорока, вцепившаяся мощными когтями в его плечо, не произнесла ему на ухо. Тогда он понял.

Он видел асимметрию такой, какой она была, — другой реальностью, распространяющейся далеко за пределы ме-

тафизического юкона, в котором находится физический мир. И вот теперь он использовал ее как небесный меч, вокзав его в разум своей жертвы.

Николас, получив внезапный мощный удар психической энергии, интуитивно почувствовал последствия его. Он ошибся. Замена лиц была произведена не только ради нанесения шокового удара. Цель в голове Мессулете была более ужасной.

Давление на глаза стало таким сильным, что его приемники болевых ощущений переполнились, захлопнулись, и все лицо онемело. Затем его прожало гибельное сияние, и он понял, что должно произойти.

Мессулете нужно было не только его лицо, но и вся его суть, которую он намеревался высосать из него путем слияния психического и метафизического. Этот процесс и происходил сейчас.

И он исчезнет, как клубок дыма, оставив лишь мертвую оболочку, в которой нашедшие ее признают самого Мессулете. Теперь, когда сияние полилось внутрь через пальцы Мессулете, продолжавшие сильно нажимать на его глаза, Николас призвал последние остатки энергии и, открыв глаз таньцзян, начал наматывать блестящую нить, нить жизни, которую протягивала ему Челеста, отдающая психическую энергию, которая была ему так необходима.

И вдруг он остановился в ужасе и отчаянии. Звон колокольчика, чистый прозрачный зеленый свет исчезли.

— Последние инструкции.

— Этот человек — Роберт, — заявил Лиллехаммер. — Вы его найдете и доставите мне.

— Из Японии? А как в отношении соблюдения формальностей?

— *He существует* никаких формальностей, когда дело идет о моих людях.

В комнате стоял неприятный запах застоявшегося сигаретного дыма и страха, словно в комнате для допросов. Но это было маленькое кубической формы складское помещение воздушной компании в вашингтонском международном аэропорту, где находился Лиллехаммер.

— Итак, я доставлю его назад, сюда, — повторил Кроуер, чтобы не было никакой ошибки.

— Верно. — Лиллехаммер бросил на него косой взгляд. — Нарочный доставил вам все, что нужно?

— Служебные удостоверения, паспорта, деньги в

юанях и долларах, билеты, заказ на номер в токийской гостинице. Все.

— А что в отношении оружия?

„Солдат — всегда солдат“, — подумал Кроуер.

— Я сумею постоять за себя. — Он поднял свою руку из титана и поликарбоната, сжав вместе иглообразные ногти.

— Годится.

— Думаю, что да.

Кроуер повернулся, чтобы уйти. Затем резко обернулся, как если бы внезапно к нему пришла новая мысль.

— Еще одна вещь. Почему вы мне не сказали, что знали, кто убил Доминика Гольдони?

Лиллехаммер, всегда сохранявший хладнокровие, не изменил себе и на этот раз.

— Откуда вы узнали? — спокойно спросил он.

Воздух в камере действительно был отвратительный. Может быть, вышла из строя вентиляция, подумал Кроуер.

— Это неважно. — Он приблизился к Лиллехаммеру. — Вы думаете, что я растерял все свои контакты?

— Все это вас совершенно не касается. Я не знаю, какая муха вас укусила.

Кроуер еще на шаг приблизился к собеседнику.

— Скажите мне, это До Дук сделал с вами? Превратил ваше лицо в маску? Ведь в этом все дело, не так ли?

— Пожалуй, хватит об этом, — резко оборвал его Лиллехаммер. — Заткнитесь и делайте свою работу. Не дурите со мной.

— Я вас не боюсь.

— Тогда вы глупец.

— Не глупец. Просто достаточно подготовлен. — Он ухмыльнулся, глядя на Лиллехаммера. — Вы когда-нибудь слышали о том, как ходят задом наперед? Нет? Мы так делали нередко в нью-йоркской полиции, иначе рискуешь получить нож в спину. Не от тех, кого вы преследуете или в свое время отправили в отставку, а от сотрудников министерства внутренних дел: захудалого окружного капитана, лейтенанта, сгорающего от нетерпения подняться по служебной лестнице, районных прокуроров, которым надо поточить свои политические топоры, от любого, с кем или для кого вы работаете. Конечно, мы заботились о своей безопасности. И мы никогда не забывали о тех *страшно* неприятных способах, которыми приходится предохранять себя от удара ножом в спину.

Лиллехаммер поднял обе руки.

— Давайте оставим эту скользкую тему, хорошо? — Он

взглянул в сторону. — А, черт! Хорошо, слушайте. Мне необходимо, чтобы вы нашли этого ублюдка. Я не лгал вам. Да, я знаю его... по Вьетнаму. Он был одним из трех человек, которые посадили меня в клетку, издевались надо мной, сделали *это*. — Он провел по губам указательным пальцем. — Одним из этих подонков был сумасшедший парень по имени Мишель Леонфорте. Он ушел к аборигенам в Лаосе. Меня послали из своего подразделения доставить его обратно, но я был захвачен. Леонфорте командовал группой нунги — членов вьетнамского горного племени. Потом он привлек к себе еще двоих: свихнутого парня по имени Рок и его приятеля До Дука.

Лиллехаммер, возбужденный болезненными воспоминаниями, ходил взад-вперед по комнатке.

— Надо мной работал Рок, а другие смотрели, задавали вопросы, на которые я не отвечал. — Он отвел глаза от лица Кроукера. — Вы знаете эти их приемы. — Он передернул плечами. — Во всяком случае, в тот день помощь не появилась. Не было никого, кто спас бы меня. Они аккуратно порезали меня, завернули во что-то и доставили обратно к моим людям, как предупреждение. Проклятое предупреждение. — Лиллехаммер с трудом выдохнул воздух. — Это было давно, но я никогда не забуду пережитого. — Он постукивал ногами по полу, как если бы ему было холодно. — Потом это убийство Доминика. Мне достаточно было только взглянуть, чтобы понять, чьих рук это дело. Подонка До Дука, которого нанял брат Мишеля Леонфорте — Чезаре, соперник Гольдони.

— Что в действительности лежит за вендеттой между семействами Гольдони и Леонфорте?

— Если бы я знал, я бы вмешался. *Omerita*, вы меня поняли? В любом случае выбор неизбежно останавливался на До Дуке. Его связь с семейством Леонфорте идет с войны во Вьетнаме. — Лиллехаммер перестал бегать, остановился перед Кроукером. — Этот чертов синий полумесяц, который До Дук вырезал на девушке, — отличительная татуировка всех нунги Леонфорте. Теперь я чувствую, что есть второе лицо, но я его еще не обнаружил. Для этого и нужны мне вы. Я знаю, До Дук на мило не поднимет меня к себе. Он почует меня, это так же верно, как то, что мы оба стоим здесь. Он — полузверь.

— Почему вы не рассказали мне всего этого с самого начала?

— Потому что это мое личное дело. Вы бы согласились сотрудничать тогда?

— Я могу быть вашим Исмаилом, а До Дук — вашим

белым китом, — улыбнулся Кроукер. — Нет, тогда я бы не согласился.

— Вот видите! Я не мог рисковать!

Кроукер подождал немного.

— Это все?

— Да, поганое дело. — Лиллехаммер взглянул на свои часы, затем открыл дверь. — Теперь вам придется поспешить, чтобы успеть на свой рейс.

Свечение падало вниз, как вуаль с неба. Словно наблюдаешь, как тебя едят живым. Каждый мускул в теле Николаса испытывал боль и страх. Маска с другой стороны времени опускалась на него. Через мгновение она начнет разрезать на части его существо, как мясо на окровавленном столе мясника.

Как безумный, он искал Челесту — блестящую нить, с помощью которой он мог бы вытащить себя из-под оседающей на него смерти, подобной радиоактивному дождю, проникающему через кожу, плоть, кости, разъедающему его всего, начиная с внутренностей.

„Где она? Что произошло?“ Психическая связь была порвана, и случилась та единственная неполадка, которой он боялся. Она теперь не сможет восстановить связь с ним. Он знал, что погибнет без ее помощи.

Свечение, проникая в него все глубже, вызывало асимметрическую пульсацию, которая нарушала естественные ритмы его тела. Отвратительный чужой ритм делался все сильнее, и одновременно слабел его собственный. Через мгновение в нем не останется ни мысли, ни души, ни жизни.

Затем давление прекратилось.

Он чувствовал, как от него освобождаются его глазные впадины. Свечение стало бледнеть. В этот момент его глаз танцзаян открылся. Освобожденный от паралича, который захватил его, он засветился прямо в хохоро, бил по мембране, вызывая энергию, которая была мыслью и теперь станет действием.

Николас открыл затуманенные глаза, увидел растянутое в гримасе лицо. Тело Мессулете выгнулось назад, руками он схватил горло. Он был прижат к брускам клетки. Николас увидел отблеск стальной проволоки вокруг его шеи, глубоко врезавшейся в его горло.

Он поднялся со своего стула, как только что возвращенный к жизни мертвец. Его руки и ноги двигались бы-

стрыми, спазматическими толчками, его тело дрожало, когда он попытался восстановить координацию между мозгом и мускулами. Нервные узлы его мозга все еще были в огне, но остальная часть тела не испытывала боли. Психическая связь с Мессулете была разорвана.

Человек с его лицом издал крик. Его руки оторвались от мертвой петли на шее и стали слепо метаться по прутьям решетки, захватывая волосы и тело Челесты.

Она закричала.

Челеста!

Мгновенно Николас оценил случившееся. Чувствуя, что может произойти, Мессулете взял инициативу в свои руки. Предпринятый им физический акт нападения на Челесту заставил ее ненатренированный разум порвать психическую связь с Николасом.

Мессулете держал ее голову в своих руках и бил ее лбом о стальные прутья клетки. Челеста пошатнулась назад, ослабив натяжение блестевшей петли на шее Мессулете. Он освободился, стянул с себя окровавленную петлю и отбросил ее в сторону.

Челеста была на полу за клеткой. Была она в сознании или?..

Николас чувствовал себя так, как если бы пробирался через воду. Его мысли двигались так медленно, что каждая его попытка связать одну мысль с другой вызывала острую вспышку боли.

Вокруг него струились ветер и жар, как от пылающего очага. Его отбросило назад, сбило с ног, повалило на стул, на котором он сидел раньше. Стул развалился на части. Головой он ударился о прутья дальней стенки клетки и перестал слышать.

Полная неподвижность.

Подожел человек с его лицом.

Затем начался звон колокольчика, глубоко в нем самом, и зеленый прозрачный свет стал распространяться над ним.

Николас открыл свой глаз таньцзян.

Он связался с *кохоро* и начал произносить основную молитву Аксхара, которой его научил Кансацу, его Таутау *сенсей*, его непримиримый враг.

Но жар стал снова подниматься, в носу появился запах белой горячей окалины, волосы зашевелились на коже. Звон, полупрозрачный свет, связывающие его с Челестой, его секретное оружие, затихали под натиском Мессулете.

Аксхара, все, чему научил Кансацу, оказалось бесполезным. Человек с его лицом дважды прошелся по клетке, затем поставил его на ноги.

И тогда Николаса осенило. Он не последовал точно за основной молитвой, отказался от уроков Аксхара, которые так прилежно изучал, и вместо этого стал слушать только звон внутреннего колокольчика.

Избавившись от иголок, которыми был приколот, окутанный свечением, исходящим из его глаза таньцзян, он вырвался из него и нанес быстрый удар *атеми*, который легко парировал Мессулете. Николас стукнул внешней стороной руки по правому бедру Мессулете. Тот, в свою очередь, чрезвычайно быстрым движением нанес скользящий удар по плечу Николаса, потом еще один.

На этот раз Николас наклонился так низко, что одно его колено оказалось на полу. Быстро развернувшись, он перехватил удар мозолистым ребром левой руки и, поднимаясь, вывернул вытянутую руку Мессулете таким образом, чтобы сломать кости.

Мессулете действовал с поразительной быстротой. Он изогнулся всем корпусом, чтобы устранить неестественное положение руки, и в то же время нанес со злобой удар в районе почек Николаса.

Николас, находясь в правом углу, направил стремительный бросок ногой в пах Мессулете. Оба удара произошли почти одновременно, и противники свалились на пол. Николас перевернулся и, сжав кулак, послал короткий *теан чуан* в лоб Мессулете.

Голова Николаса откинулась назад, и он был захвачен в замок мощными ногами Мессулете. Упершись коленками в его живот, он пытался освободиться, но получил еще один удар в челюсть.

Николас повалился назад, а Мессулете, стоя на одном колене, уперся другой ногой в его подмышку, схватил его руку и стал выкручивать ее. Николас почувствовал, что напряжения сухожилий уже невозможно вынести. Его левая рука стала шарить по полу. Схватив ножку сломанного стула, ударил по голове Мессулете.

Тот закачался, отпустил Николаса, который тут же поднялся и нанес ему еще один сокрушительный удар ногой. Понимая, что в его распоряжении всего секунды, чтобы убить противника, прежде чем восстановится его превосходящая техника, Николас навалился на Мессулете. Он использовал ребро своей руки, чтобы в *атеми* раздробить его носовые перегородки и вогнать их прямо в мозг. Для нанесения такого удара требовалось собрать всю волю, когда организм чувствует, что находится в смертельной опасности, чтобы решимость была бесповоротной.

ибо после такого удара не будет пути назад, так как единственный возможный результат — смерть.

Николас был уверен, что другого выбора нет и что без этого окончательного удара его риск будет неоправдан.

Но удар так и не был нанесен. Ребро его ладони оставилось приблизительно в сантиметре от цели и повисло в воздухе. Мускулы кисти и затем всей руки свели спазмы, как если бы он стукнулся о монолитную стену из каменного угля.

Николас, не раздумывая, продолжал оказывать сопротивление Мессулете всем корпусом, в то время как его левая нога наносила удары, как под воздействием тока. Носок ботинка Николаса попал противнику прямо в копчик, где находится нервный узел всей нижней половины тела.

Мессулете упал, и, в то время как его внимание рассеивалось, онемевшая сила его психики поднималась. Николас ударил ребром ладони между глаз Мессулете, где находится важный нервный узел сознания. Николас чувствовал, что психика врага улетучивается и он на грани потери сознания. Однако могучий разум Мессулете извивался, пытаясь вырваться из временного паралича и зная, что у него есть лишь мгновения для принятия решения.

Он оторвал ключ от пояса, прыгнул к двери и отомкнул ее.

Туча иголок обрушилась на мозг Николаса, когда Мессулете, с удивительной быстротой восстановив силы, стал хлестать его своей психикой, пытаясь помешать ему покинуть клетку. Николас споткнулся, упал на одно колено и очутился почти на коленях Челесты. Она обхватила его за талию, и вместе они с трудом выбрались из клетки. Челеста в ужасе обернулась, но Мессулете все еще лежал на полу. „Николас убил его?“ Она поспешно повела его прочь.

Вдруг Николас упал, уронив и Челесту. Она закричала. На ее ладонях была кровь от царапин, полученных при падении. Она чувствовала, что по ее нервам бил жар от ярких электрических разрядов, проходящих по цементному полу, — волны, стелющийся туман, имеющий форму и суть, смертельный ритм Мессулете, преследующего их.

С трудом Челеста сумела поставить Николаса на ноги и поволокла дальше. Она продолжала чувствовать, что *не-что* находится так близко от ее сознания, что опалает его, как яркий язык пламени. Ужас охватил ее, но она продолжала пробираться через железобетонный улей фабрики роботов с вертящимися голубыми дугами молний, запахами горячего металла и расплавленного пластика. При-

сутствие в ее разуме чего-то постороннего все нарастало, наполняло свинцом руки и ноги, по мере того как они с трудом продвигались между рядами голов из нержавеющей стали, вставленных в еще неоконченные каркасы нечеловеческих плеч. Глаза с инфракрасными линзами смотрели, не моргая, как их тени падали на них и исчезали. Они продолжали идти в холодном каменном мешке, где машины создавали другие машины, где чудо творения, невероятное несколько десятилетий тому назад, происходило каждую минуту дня и ночи.

— Вниз! — Прозвучавший голос озадачил ее. — Опускайтесь вниз!

Николасу пришлось нанести быстрый удар по обратной стороне ее колен, чтобы она мгновенно опустилась. Она чувствовала его тело, распростертое над ней, и страшный жар, который прошел как сконцентрированный луч по ее ногам, там, где они оказались незакрытыми.

Послышался треск, как удар грома. Она застонала. Пол сотрясался. Николас подтянул ее и поставил на ноги. Она с удивлением разглядывала яйцевидное углубление в стене, как бы пробитое ударом гигантского кулака.

Николас провел ее за угол стены, и свет померк. Они были в коридоре, впереди были видны створки двери из нержавеющей стали. Разбежавшись, он ударил по ним изо всех сил плечом, и створки открылись.

Они очутились в широком служебном проходе. Не задумываясь, они побежали как можно быстрее вверх по наклонному коридору, миновали еще одни металлические двери и вышли на погрузочную платформу, где не было никого и ничего, кроме большого грузовика.

Николас открыл дверцу кабины грузовика, проскользнул за руль. Затем поискал ключи под ковриком под ногами и за козырьком от солнца. Не найдя их там, он использовал отвертку, которую подобрал на полу, чтобы вскрыть рулевую колонку.

Наблюдая, как он трудится над проводкой, Челеста почувствовала тошноту. Было жутко видеть лицо Мессулете, зная, что она связана с ним, поскольку под ним находится разум Николаса. Она думала, что лишится сознания, когда в первый раз увидела смотрящие на нее глаза того лица, которое она привыкла бояться больше всего.

— Николас!

Она толкнула его, и он охнул. Его лоб показался из-за рулевого колеса, а пальцы продолжали работу над проводами.

Челеста посмотрела вверх, дрожа. Где-то на окраине ее

мозга все еще было это страшное ощущение, что какой-то зверь бесстыдно лезет в ее самые сокровенные мысли. Она чувствовала приближение жара, быстро поднимающегося к ним по служебному проходу. Она закричала без слов. Ее ужас спас ее от тошноты.

Машина заработала. Николас опустился на сиденье почти без сил.

— Челеста, вам придется вести машину.

— Но я никогда...

— Забирайтесь за руль.

Он соскочил, подсадил ее, и она, усевшись, стала нащупывать ногами педали.

Челеста нажала на педаль газа, металлические двери распахнулись с такой силой, что одна их половина даже соскочила с петель. Она включила заднюю скорость. Скрипя шинами, грузовик отошел от загрузочной платформы. Челеста развернулась, не обращая внимания на то, что остается позади.

Затем она включила первую скорость, нажала на газ, переключила на вторую скорость слишком поспешно, так что шестерни коробки передач закрипели, протестуя. Набрала скорость, и они оказались на дороге.

— Не по той стороне! — закричал Николас. — Передвигайтесь налево!

Гудок машины прозвучал так близко, что Челеста подпрыгнула. Небольшой грузовик двигался в обратном направлении. Челеста с трудом увернулась от него, послышался скрежет металла о металл, посыпалась краска, раздался грохот, похожий на землетрясение. Два грузовика столкнулись бортами вначале один, а потом и второй раз.

Грузовик взревел, как раненый зверь, и они стремительно двинулись прочь, подальше от этого убийственного места.

ТОКИО / ВАШИНГТОН

Сгорбленные, развратные фигуры, подобные Левиафану и Дьяволу, двигались как зернистые силуэты, пока не попали в свет яркой лампы фотографа.

Нанги затаил дыхание, когда до него дошел смысл того, что эти два человека делали друг с другом. Нанги, принадлежа к культуре, где не существовало традиционного западного запрета на гомосексуализм, был тем не менее шокирован. Не тем, что он видел вместе двух голых мужчин, а тем, что они вытворяли друг с другом.

Итак, старший, более высокий, был Уильям Джастис Лиллехаммер. Другой был молодой блондин, энергичный, сосредоточенный, как артист школы Станиславского, с удивительно гибким телом. Казалось, он был рожден с этой безрассудной непринужденностью.

Нанги наклонился вперед и, направив пульт управления на видеомагнитофон, перемотал пленку немного назад. Он уже просматривал несколько раз восьмимиллиметровую пленку, которую принес ему от покойного Харли Гаунта Манни Манхайм. А теперь он делал заметки.

Зазвонил телефон.

— *Moshi.*

— Нанги-сан, мне удалось найти, где находится телефон, номер которого вы мне дали.

Это был Джисаку Шиндо, нанятый Нанги частный детектив. Он говорил о номере телефона с тайного факса, который Нанги обнаружил в капсуле-кабинете, арендованном Масамото Гоэи и Сэйко в Гинзе.

— Он здесь, в Сайгоне, в служебном здании прямо через дорогу от вашего комплекса контор.

— Кому он принадлежит?

— Компании, которой, как оказалось, вообще нет в действительности.

Нанги слышал, как его агент перелистывает страницы своей записной книжки.

— Кажется, ваш человек, Винсент Тинь, платил за его аренду каждый месяц.

Некоторое время Нанги сидел с закрытыми глазами.

— Нанги-сан? Есть еще кое-что.

— Я слушаю.

— Так вот. Приятель моего приятеля работает у следователя, так что я имел возможность посмотреть на заключение о вскрытии трупа Тиня. Он был обожжен серной кислотой, как вам и сказал Ван Кьет. Но из его тела вытащили двадцать пять пуль.

— Двадцать пять?

— Верно. Судя по калибру пуль и характеру ран, я бы сказал, что он оказался перед каким-то крупным пулеметом. Думаю, что это военное оружие, но я еще продолжаю расследование.

„Помилуй, Христос“, — подумал Нанги.

— Есть еще одно обстоятельство. Приятель моего приятеля был на дежурстве, когда подобрали тело. Он утверждает, что убитый мужчина японец. Он также клянется, что тот был якудза.

У Нанги закружилась голова.

— Откуда он мог узнать это?

— Мизинец левой руки того человека не имел верхней фаланги.

Якудза часто обрезают мизинец таким образом, чтобы доказать свою верность *оябун*, искупить вину за содеянный грех или подчеркнуть свое подчиненное положение.

— Хорошая работа.

— Спасибо, сэр. Я использовал свои контакты и сумел договориться о встрече с инспектором Ван Кьетом завтра утром, чтобы выяснить, какого рода тактика лучше всего сработает в отношении этих людей. Они все слишком коррумпированы.

— Я верю, что вам это удастся. Держите меня в курсе.

— Как всегда.

Нанги повесил трубку и сел опять на кушетку в своем кабинете. В доме было очень тихо, что он очень любил. Но теперь вдруг ему захотелось звуков... радио, передающего музыку рок, или голоса какой-либо женщины. Он снова оказался у тех же ворот, мысли о Кисоко клубились вокруг него, как туман.

Но теперь для нее не было времени. Завтра здесь будет Лью Кроукер с новостями, один Бог знает какими. А до этого, понимал Нанги, ему еще предстоит многое сделать.

Продолжая размышлять над тем, что Шиндо рассказывал ему, Нанги снова стал смотреть некоторые сцены на видео пленке в замедленном движении. На этот раз, однако, он не обращал внимания на основной сюжет, где два тела так странно спаривались друг с другом. Он вглядывался в правый верхний угол изображения, где его глаз уловил едва заметное движение.

Он смотрел, как оно появлялось и исчезало, снова возвращалось, подобно тени от пламени на стене. Он нажал кнопку увеличения кадра. Тут же изображение вошло в фокус, исчезли смазанности и неясности — последствия того, что съемки делались при слабом освещении.

И Нанги убедился, что перед ним человеческое лицо.

Лицо было слегка повернуто от объектива видеокамеры. Человек спокойно наблюдал за сексуальной акробатикой, как если бы это была партия тенниса.

Нанги нажал на кнопку, останавливающую пленку, и долго вглядывался в это лицо. Оно частично было в тени, но, удивительно, затемненные части помогли определить и опознать черты лица.

Странно, что он узнал его.

И это было толчком, в котором нуждалась его память, чтобы выплыли на передний план слова Оками о Уильяме Джастисе Лиллехаммере.

Нанги смог вспомнить весь разговор, как если бы он происходил вчера, а не два года тому назад. Оками был в Токио в один из его несчастных визитов сюда. Нанги помнил и место — „Мейджи Шпрайн“. Это было весной, когда исчезали унылые краски зимы и воздух был насыщен ароматом распускающихся цветов.

„Я на краю громадной пропасти, — сказал ему Оками. — Я должен принять решение, продолжать ли мне жить, как и раньше до сих пор, или же сделать большой прыжок в неизвестное“.

„Вам нужна помощь, Оками-сан?“

„Нет-нет“. Вспоминая сейчас об этом, он нашел странным, что теперь возбужденность Оками кажется гораздо более важной, чем тогда. *„Я не хочу, чтобы вы были замешаны каким-либо образом в материальном плане. Но я хочу получить ваш совет“.*

„Все, что я смогу сделать“, — ответил Нанги.

„Существует человек, на деловые отношения с которым меня толкают люди из моего узкого совета, и есть многое, касающееся этого человека, что беспокоит меня. Но даже несмотря на то, что у меня есть дурное предчувствие, я должен вступить на этот путь. Я знаю, что это неверный путь, Нанги-сан, но я должен сделать эту попытку, чтобы умиротворить других оябун, чтобы сохранить мир между кланами. Я не точу, чтобы на моей совести была полномасштабная война“.

Оками помолчал, наблюдая, как невдалеке дети играли или мечтали, лежа на траве. „Кто знает, что было у него в мыслях в это время? Возможно, он думал, как думал и Нанги, о той ужасной плате, которую человек должен нести за то, что он стал взрослым“.

„Этот человек, которого зовут Лиллезаммер, работает на лицо, которое, я думаю, известно вам. Вот почему я считал, что мы должны встретиться“.

Они пошли дальше, оставив позади играющих детей. Навстречу попадались прогуливающиеся влюбленные парочки. Их пальцы сплетались, их глаза видели только друг друга, и солнце благословляло их.

„Леон Ваксман“.

„Да, я знаю его, — сказал Нанги, — мы встретились здесь, в Токио, через несколько лет после начала оккупации. Вероятно, это было в сорок седьмом или сорок восьмом. Во всяком случае, я увидел его в госпитале. В то время я работал в министерстве по строительству, а госпиталь подвергся некоторым разрушениям. Меня послали с группой инженеров посмотреть, что необходимо было там сделать“.

„Ваксман был американцем, но он лечился в японском госпитале?“

„Совершенно верно, — подтвердил Нанги. — Госпиталь специализировался на нейрохирургии. Его раны были очень значительные, и, думаю, что ему необходимо было сделать ряд операций“.

„Каким человеком он был, по вашему мнению?“

„Станным, — заявил Нанги. — Казалось, что в нем уживаются два совершенно различных человека. Один — хитрый и расторопный, а другой — ужасно подозрительный и угрюмый. Сестры, с которыми я говорил, рассказывали, что его часто преследовали почные кошмары и он весь обливался потом и что они обычно начинали давать ему успокаивающие средства сразу же после ужина“.

„А после того как он вышел из госпиталя, вы встречались с ним?“

„Да. Ему нужны были контакты в Токио. Кроме того, он фактически помог мне продвинуться по службе в ММТП“.

„Как это ему удалось?“

Вместе с солнцем исчезли и влюбленные. Теперь собседники оказались в районе, где господствовали панки с остриженными клипьями розовыми и зелеными волосами, в кожаных куртках, громадных темных очках, с черными хромированными мотоциклами „Кавасаки“. Они насмеялись над пешеходами, ревели моторы их машин. Гремел тяжелый рок.

„По-видимому, у него уже были кое-какие контакты, — продолжал Нанги. — В армии он служил в отделе по связи с общественностью, так что часто встречался с сотрудниками министерства, особенно министерства торговли и промышленности, которое впоследствии стало называться ММТП. Ему очень нужны были контакты в деловых кругах, так что мы оказывали друг другу помощь. Помню, я был поражен тем, насколько хорошо он понимает японский образ жизни“.

„Так он хотел стать бизнесменом?“

„Очевидно“.

„Теперь он занимается совершенно другим делом, — заметил Оками. — Он возглавляет теневую структуру, которая глубоко законспирирована в Американской федеральной администрации“.

Они дошли до района парка, где велись восстановительные работы. Теперь и панки остались позади и, по крайней мере на некоторое время, они были одни. К железному забору были прислонены деревья с бледными почками, с корнями, обернутыми мешковиной и перевязанными бечевками. Они ожидали посадки.

„Я могу понять, — сказал Нанги, — каким образом он оказался замешанным в таком деле. Ваксман всегда поражал меня тем, что видел какой-то смысл в теневых структурах. Кроме того, хотя он и обладал сноровкой в бизнесе, у меня складывалось впечатление, что заниматься бизнесом ему скучно, так как это слишком просто. „Все равно что стрелять по рыбине в бочке“, — однажды признался он мне“.

„Структура Ваксмана так законспирирована,

что даже американский конгресс никогда не слышал о ней“, — заявил Оками.

„Может быть, это хорошо, а может быть, и плохо“, — заметил Нанги.

„Есть еще кое-что, — добавил Оками. Он заложил руки за спину и нахмурился, погружившись в воспоминания. — Ваксман поднялся на верхнюю ступеньку в не очень сплоченной группировке людей, которая называет себя Сетью“.

„Сеть? Никогда не слышал о ней“.

„Неудивительно, поскольку фактически никто о ней не знает, — отметил Оками. — Эти люди стремятся к власти и контролю над политикой правительства в политической и экономической областях. Мы говорим сейчас о чрезвычайно опасном человеке“.

Оками замолчал, остановился, повернувшись к Нанги, и тот понял, что они подошли к самому решительному моменту.

„Ваксман — конец этого моего особого пути, — произнес Оками. — Если он окажется незаслуживающим доверия, боюсь, что мне придется совершить свой большой прыжок в неизвестное. У меня есть собственный план, который я осуществляю, несмотря на грозящую мне страшную опасность. Извините, Нанги-сан, что вовлекаю вас в это мое критическое решение, но у меня нет больше никого, кому бы я мог доверять“.

„Я знаю, что Ваксман очень ловок, — сказал Нанги в тот последний раз, когда он видел Мякио Оками. Это было за семь месяцев до того, как он внезапно исчез. — Вероятно, он слишком ловок и это не принесет ему добра“.

„Что вы имеете в виду?“

„Только то, что его ум делает неугомонной его душу. А лично я никогда не мог полностью доверять неугомонным душам“.

Теперь, смотря на неподвижный увеличенный кадр восьмимиллиметрового видеоснимка, Нанги знал, что он смотрит на лицо человека, которого не видел так много лет, наблюдающего с холодной беспристрастностью сексуальное представление с участием одного из своих агентов — человека по имени Леон Ваксман.

Томоо Кодзо прикрыл рукой рот, словно без этого жеста он оповестил бы весь мир о своей ненависти к Нико-

ласу Линнеру. Кодзо стоял голым перед большим, во весь его рост, зеркалом и смотрел на движения своего тела. *Ирицуми* изображала утрату, месть и смерть, которые, по мнению Кодзо, составляли три краеугольных камня чести.

Утрата, месть и смерть — это то, что сейчас интересовало Кодзо. Он смотрел на птицу-феникс, которая обхватила своими крыльями его половой орган. Свиная голова птицы была вытатуирована на его головке. Когда орган увеличивался, росла и птица, расправляя в возбуждении свои странные крылья.

Утрата, месть и смерть определяли не только честь, но и отношения Кодзо с Николасом Линнером. Они никогда не встречались. Вероятно, Николас даже и не знал о существовании Кодзо. Но Кодзо хорошо знал Николаса.

Вопреки той лжи, которую он наговорил министру Ушида, Кодзо специально направил белую „тойоту“ на Джастину Линнер и ее любовника. Да, Кодзо было известно, кто он, в тот самый момент, когда он только что приземлился в Нарите, задолго до того, когда узнали об этом Ушида и другие *оябун* узкого совета Кайсё. А из-за этого погибла жена Николаса Линнера.

Утрата.

Катсуодо Кодзо, отец Томоо, однажды сыграл определенную роль в возвышении Микио Оками, но Оками пережил его. Конечно, у Оками был полковник.

Кодзо было до смерти противно обожествление полковника Линнера. Даже многие *оябун* уважали его за те усилия, которые он предпринимал в защиту их кланов в первые годы оккупации. У Кодзо не было сомнений в том, что полковник по своему образу мышления был больше японец, чем западник. По его мнению, это и делало полковника таким опасным. Это и убило Катсуодо Кодзо.

Кодзо считал, что полковник Линнер сам убил его отца, труп которого без единой царапины нашли в реке Сумида. Катсуодо не умел плавать, и полковник знал об этом. В один жаркий солнечный полдень, когда пот выступает на коже подобно каплям дождя на ветках деревьев, они говорили об этом.

Через неделю сине-белый труп Катсуодо был выловлен в Сумиде, и Кодзо потерял своего отца.

Незаменимая утрата.

Только позднее, через несколько лет, Кодзо начал расследовать этот ужасный инцидент. Почти с самого начала

Катсуодо и Оками ссорились по поводу политики якудза. Оками был за сотрудничество с американцами, особенно с тех пор, как оккупационные силы стали часто обращаться за помощью к якудза для улаживания беспорядков, провоцируемых коммунистическими элементами. Выглядело лучше, когда головы японских рабочих разбивались японскими гангстерами, а не американскими военными. Но Катсуодо неистово протестовал против любого сотрудничества с американцами. Он презирал саму мысль о том, чтобы американцы использовали их для какой-либо цели, даже для устранения коммунистов с японской земли.

Расхождения между этими двумя *олюбун* в конце концов выросли в открытую борьбу, которая продолжалась до тех пор, пока труп Катсуодо не был обнаружен плавающим в водах Сумида. Так как на трупе не оказалось никаких следов насилия, нельзя было обвинять кого-либо, нельзя было и мстить. Оками и полковник использовали свое влияние. Порядок был восстановлен.

Но Томоо Кодзо уже не мог вернуться к прошлой жизни, и он ничего не забыл. По чисто японской традиции он выбрал Оками в качестве своего наставника, учился под его руководством, стал его верным и лояльным другом, укреплял свою власть по мере того, как рос ранг Оками. И когда Оками стал Кайсё, Кодзо был его самой стойкой и громогласной поддержкой. Он стоял рядом с Оками на церемонии его вступления в должность, ненавидя его и его дружбу с полковником Линнером. Одновременно он продолжал скрытно расследовать обстоятельства, связанные со смертью Катсуодо.

Полковник умер, прежде чем Кодзо смог осуществить свою месть. Оставался его сын. Но сын был *киндзя*, могущественный сам по себе. Даже *олюбун* боялись его. Кроме того, сохранилась память о полковнике, почтение к нему, против чего Кодзо не в силах был бороться. Так что он выжидал, терпеливо, как паук, вновь и вновь восстанавливая свою хрупкую паутину, которую часто разрывали ветер, дождь и мороз.

Месть.

Кодзо отвернулся от зеркала, стал не спеша одеваться. Пора было встречаться с До Дуком.

Пора вспомнить о чести и отмерить время смерти.

Николас, бледный как пепел, лежал на опавших листьях клена, как на кровати, охваченной огнем.

Челеста наклонилась над ним:

— Дом... ваш дом. Всего в ста ярдах отсюда за деревьями.

Его глаза, затуманенные болью, смотрели на нее, как на незнакомку. Сердце Челесты пропустило один удар. Что Мессулете сделал с ним? Почему она так долго ждала, ничего не предпринимая? Она знала почему. Ужас охватил ее с того самого момента, когда Николас установил психическую связь между ними. Такого ужаса она не испытывала за свою жизнь. Все время в ее сознании проскакивало это смутное понимание, что за пределами мира, который она могла видеть глазами, слушать ушами, находится другой, более эфемерный, мир, с которым ее собственный разум пересекается в моменты чрезвычайного напряжения или в сновидениях. Тот факт, что она сейчас так непосредственно связана с этим другим миром, обнажил ее нервы. Но вот к чему привел ее этот ужас!

— Ох, Николас!

Она наклонилась над ним и нежно прижала свои губы к его губам. Ей показалось, что она услышала его стон, и Челеста отшатнулась, испугавшись, что причинила ему каким-то образом боль.

Они находились около каменного бассейна, наполненного водой, которая, казалось, выходила, пузырясь, из земли. Тут же имелся один выбитый в камне японский *кандзи* и поперек его верхней части лежал бамбуковый черпак.

Николас пронзительным шепотом попросил дать ему напиток. Она зачерпнула холодной чистой воды и, подняв его голову, поднесла черпак к его губам.

Некоторое время он медленно и шумно пил воду, закрыв глаза. Казалось, что вода возвращает его в этот мир. Упершись ладонями в ковер из листьев, он сел.

— Дом, — произнес он. — Разве я посылал вас сюда?

— Вы не помните?

— Нет.

Она приклонила руку к его щеке.

— Николас, как сильно вы пострадали?

— Я не знаю. — Он посмотрел вокруг себя. — Это здесь Джастина и я похоронили нашу дочь, совсем крошку, такую маленькую и беленькую. У нее не было никаких шансов на жизнь.

Он опустил голову. Челеста обняла его и стала нежно покачивать, а он тихо всхлипывал.

— Все хорошо, — успокаивала она его. — Это было давно. Практически в другой жизни.

Челеста закрыла на мгновение глаза, но ее губы прошептали:

— Николас, я боюсь. — Они взглянули друг на друга. — Я думаю, что в конце Мессулете все понял. Ему стало известно о моем присутствии и о том, что я помогла вам.

Так оно и было на самом деле. Несмотря на растекающуюся по всему телу боль и испытанный им шок, Николас понимал, что он больше не сможет защитить ее. Он использовал ее, и теперь они оба должны заплатить за это. Это была отчаянная игра — просунуть свою голову между челюстей западни, поставленной Мессулете, но в какой-то степени риск оправдал себя. Из допроса он понял, что Мессулете не имел доступа к Оками. Иначе он бы знал, что Николас не является Нишики, связным между Оками и Домиником Гольдони. А это означало, что Оками жив и, по всей вероятности, где-то скрывается.

— Николас.

Он посмотрел в глаза Челесты и внезапно почувствовал, как ее духовная сущность выбирается из своей скорлупы и опутывает его теплом и светом. Она положила на него свои руки, вначале робко, затем более крепко. С физическим контактом ее сила потекла в него быстрее, ее свет озарил скрытые в тени глубины.

— У вас руки... сознание... исцелителя, — проговорил он через потрескавшиеся губы.

Автоматически он начал беззвучное пение Аксхара. Затем резко остановился.

— Что это? — спросила Челеста. Она почувствовала в нем перемену. — Это все так ново для меня. Я сделала что-либо не так?

Он покачал головой.

— Нет, это я. Меня научил части Тау-тау—Аксхара один человек. Я верил ему много лет, но оказалось, что он — мой враг. Он познал их обе — Аксхара и ее темного двойника Ксира. Но он не обладал *корёку*, путем Сьюкэн, защитой интеграции, а без них темная сторона развратила его, как она сделала это и с Мессулете.

Николас жестом попросил еще воды. Челеста поднесла черпак к его губам. Он пил молча. Свежий запах листьев и жирной земли пропитывал воздух. Птицы порхали в ветвях, нежно перекликаясь друг с другом. Здесь, вдали от извивающейся дороги, не было слышно звуков проезжающих по ней машин.

Челеста не хотела даже думать о том кошмаре, когда ей пришлось управлять грузовиком, ехать по автостраде, затем по опасным, извилистым дорогам, мимо знаков, которых она не понимала, включать и выключать скорости, а рядом с ней находился съехавший наполовину с сиденья Николас.

— Этот человек, мой *сенсей*, научил меня всему, что я знаю о Тау-тау, — продолжал Николас, утолив жажду. — Видя, насколько это неэффективно в борьбе с Мессулете, я начал задумываться. Затем, когда я был в клетке, в состоянии между сознанием и бессознанием, мой блуждающий разум вновь вызвал в памяти этого человека... и я *увидел его, Челеста*, увидел, как он обманывает меня. Он учил меня только тем вещам, которые он хотел, чтобы я знал.

Что-то зашевелилось в кустах за группой голых карликовых деревьев гинкго, и они оба обернулись в ту сторону. Оказалось, что это был маленький зверек, ищущий упавшие орехи.

Николас прислонился спиной к каменному бассейну, как если бы он получал силу от контакта с ним.

— Этот человек был чрезвычайно умен, — начал он вновь через некоторое время. — Я принимал его учение за чистую монету, даже после того как разоблачил его. Мне теперь странно, что я был таким наивным. — Он взглянул на нее. — Челеста, я думаю, что то, чему он учил, не было просто Аксхара. Я теперь считаю, что это была неполная комбинация Аксхара и Ксира. Что, если эта темная сторона Тау-тау начала изменять и меня?

Челеста убрала его темные мокрые волосы со лба, нежно поцеловала его.

— Я уверена, что вы ошибаетесь. Последствия того, что вы были в той клетке с Мессулете, нельзя просто отбросить или легко стряхнуть с себя.

Он знал, она предполагала, что шок от медикаментов и допросов сделал его склонным к параноидальным заблуждениям. Но она ошибалась. Он не мог избавиться от угнетающего чувства, что Кансацу каким-то образом совершил против него диверсию. Он вспомнил, как Кансацу говорил, что он, Николас, приходил к нему в горы на Ходака много раз, хотя на самом деле Николас хорошо знал, что это было лишь однажды.

„Время, — говорил Кансацу, — сродни океану. И там, и здесь есть приливы и отливы, течения, водовороты, которые в некоторых точках пересекаются, со-

здавая такой взрыв событий, которые, повторяясь, как волны на воде, расходятся в стороны, пока не разбиваются о скалистый берег“.

Николас, который только начал двигаться вне времени, понимал теперь это лучше, чем тогда. Если Кансацу способен был переживать вновь определенные моменты во времени, он мог легко предвидеть свою смерть от рук Николаса, и поскольку он понимал неизбежность этого, считал это *кармой*, он предусмотрел свою месть, заложив в голову Николаса своего рода психическую бомбу с часовым механизмом. Перед Николасом теперь стояла проблема избавления от этой бомбы.

Имелся один путь, но он был настолько опасным, так напичкан ловушками, что он не знал, стоит ли ему решиться на него. Однако Николас сомневался, что у него есть какой-либо выбор.

В этот момент птицы перестали петь. Николас и Челеста, посмотрев друг на друга, поняли, что он идет за ними. Мессулете.

— Мертва?

— Боюсь, что да. Это — трагедия. Автомобильная авария.

— Господи Иисусе! Джастина мертва.

Лью Кроукер уставился на Тандзана Нанги. Он выглядел старше. Его лицо было более морщинистым, более уставшим, чем то, которое помнил Кроукер.

— Николас знает об этом?

Нанги покачал головой.

— Как вы слышали, некоторое время с ним невозможно было связаться.

Кроукер сел. Маргарита положила руку ему на плечо. Во время полета он рассказал ей все про Николаса и Джастину. У них были затуманенные глаза, но они устали не слишком сильно. Они поделили между собой таблетку снотворного, которую Маргарита обнаружила на дне своей косметички, и крепко проспали шесть часов.

Кроукер и Маргарита находились в гостиной дома Николаса на окраине Токио. Потолок большой комнаты перекрещивали массивные кедровые балки, через громадные окна с толстыми стеклами лились потоки света поздней осени. В центре татами, к которому с пола вели вниз две

ступеньки, находились диваны с тяжелыми подушками и громоздкие стулья. Вдоль стен были выставлены предметы западного искусства и ярко раскрашенные рулоны материи из Франции и Италии. Весь дом был пропитан запахами проолифенного дерева, соломы и розмарина.

Нанги полагал, что их приход сюда был логичен. Когда Сэйко передала ему сообщение, он был в негодовании, что она не прервала его заседание. Но потом гнев его быстро улетучился, и он предался размышлению. Сэйко передала ему сообщение Кроукера устно. Расспросив ее о тоне разговора и об отношении к происшедшему Кроукера, он получил достаточно материала, чтобы осознать срочность своего приезда.

С учетом его собственного положения в настоящее время и положения „Сато интернэшнл“ он не хотел, чтобы кто-либо знал о присутствии Кроукера в Токио. Поэтому нельзя было использовать ни офис, ни его собственную резиденцию. Не хотел он также рисковать, назначив встречу в публичном месте, как, к примеру, в зале гостиницы.

После смерти Джастины дом Николаса оставался пустым. В него заходила только уборщица. У Нанги были ключи, а отдаленное расположение дома делало это место идеальным для беседы. Он взял свою машину, встретил на аэродроме Кроукера и его спутницу и сам привез их прямо сюда.

До этого он избавился от присутствия Сэйко. Она была единственным человеком в офисе, который знал о прибытии Кроукера, и Нанги не хотел, чтобы она была поблизости, когда будет проходить встреча.

Он отправил ее во Вьетнам, чтобы она временно взяла на себя руководство отделением „Сато“ в Сайгоне. Он назвал ей Джисаку Шиндо, но сказал, что этот частный детектив является якобы консультантом по вопросам производства, которого наняли для того, чтобы он оказал помощь в установлении связей нового заморского отделения со штаб-квартирой. Он поручил ей оказать Шиндо возможную помощь.

Сама идея предоставления Сэйко такой свободы была риском, но Нанги привык рисковать. Он позвонил Шиндо и сообщил о ее прибытии и о подозрении, что она работает против компании. Он знал — это все, что он мог сейчас сделать. У Нанги не было достоверных доказательств ее измены, только слухи, и он не считал возможным предпринимать что-либо преждевременно. Кроме того, она

была менее важной фигурой, чем люди, которым она предоставляла информацию. Если, конечно, она была виновной. Возможно, ее чувство свободы в Сайгоне приведет к саморазоблачению. Если так, то Шиндо зафиксирует документально ее падение.

Что касается Гоэи, руководителя проекта „Ти“, дело обстояло иначе. Он разоблачил себя этим своим закодированным факсом, и, хотя люди Нанги все еще занимаются его расшифровкой, у Нанги не было сомнений в виновности Гоэи. При любых обстоятельствах Нанги предпочитал бы не давать ему особой воли и установить за ним круглосуточное наблюдение. Но у него не было таких возможностей. Он знал, что передача Гоэи властям по крайней мере ослабит обвинения, которые выдвигает сенатор Бэйн против Николаса и „Сато-Томкин“, а при удаче полностью разрушит заведенное против них дело, потому что это Гоэи, а не Николас передал технологию проекта „Ти“ Винсенту Тиню в Сайгоне. И потому, что Гоэи может теперь быть прямо связан с Тинем, который проявил себя как ренегат, готовый, желающий и способный предать „Сато-Томкин“, будет также реабилитирована и *кэйрэцу*. Итак, он арестовал Гоэи и отправил Сэйко с новым поручением.

Она казалась взволнованной, но также и почувствовавшей облегчение, что вызвало у Нанги удивление. Он отправил ее утром в Сайгон с чемоданчиком с самыми необходимыми вещами на пару дней, пообещав послать остальные ее вещи как можно скорее. Она не протестовала, понимая лучше, чем многие, ту срочность, которую создала смерть Винсента Тиня. Все сомнения, которые пока еще имелись у него в отношении своих действий, улетучились после прибытия Кроукера и последующего его рассказа о событиях, имевших место в Соединенных Штатах.

Нанги внимательно слушал рассказ Кроукера о том, как Лиллехаммер привлек его к расследованию убийства Доминика Гольдони, о его растущих подозрениях, что Лиллехаммер является не тем, кем он хочет казаться, и что у Лиллехаммера есть свои собственные причины для преследования вьетнамского убийцы До Дука Фудзиру. Кроукер был удивлен, узнав, что Нанги уже знал о смерти Харли Гаунта и ее последствиях. Он, в свою очередь, удивил Нанги, рассказав ему о взаимоотношениях Маргариты с ее мачехой Ренатой Лоти, с ее братом Домиником и о том, что Доминик оставил за ней все управление его империей.

Услышав о подозрениях Маргариты, что война между семьями Леонфорте и Гольдони выходит далеко за рамки обычной кровной вражды между мафиозными семьями, Нанги повернулся к Маргарите и спросил:

— Вы сказали Кроукеру, что ваш брат открыл для вас доступ к секретной информации, которую он имел о высокопоставленных официальных лицах в правительстве и органах, следящих за исполнением законов. Откуда шла эта информация?

— От секретного источника. Его имя Нишики.

Маргарита внезапно забеспокоилась, поднялась и стала напряженно ходить взад-вперед по татами.

— Позволял ли вам ваш брат когда-либо видаться с этим Нишики?

— Нет. Я... Мне казалось, что Дом сам никогда не встречался с ним. Это был только голос. Но моя мачеха знает, кто это. Она послала нас сюда, чтобы мы защитили его от До Дука.

— Так и сказал мне Кроукер-сан. — Нанги проницательно посмотрел на Маргариту Гольдони де Камилло, раздумывая, можно ли ей доверять. Он доверял Лью Кроукеру, ближайшему западному другу Николаса, но это все, что он мог позволить себе без проверки. — Назвала вам ваша мачеха его имя?

— Да. Мы должны встретиться с человеком по имени Микио Оками.

Некоторое время Нанги стоял неподвижно.

— Оками — глава всех *оэбун* якудза, — сказал он наконец. — Но его враги уже выступили против него. Он исчез. И вы полагаете, что он сам и есть Нишики, источник информации Доминика Гольдони?

— Фэйс, кажется, уверена в этом, — подтвердила Маргарита. — Но что, если он уже мертв?

— Эта мысль и мне приходила в голову, — ответил Нанги, — пока я не начал сводить воедино разные данные. Что касается обвинений против Николаса и „Сато-Томкин“, то я обнаружил предателей в этой компании. Один из них, Винсент Тинь, был убит на прошлой неделе в Сайгоне. Кажется, он занимался всеми незаконными делами, какие только можно представить. Но кто убил его? Сайгонская полиция не выяснила ничего. Но что любопытно, выдачи его тела потребовал человек, представившийся братом Тиня. Однако у Тиня не было родственников. Этот человек заявил, что работает в компании „Авалон Лтд“. Я произвел проверку. Хотя в „Авалон Лтд“

отрицают, что им знаком этот человек, сама компания является весьма странной и похожа на учреждение, занимающееся переброской валюты через международные границы. Теперь я узнал, что человек, который приходил за телом Тиня, японец и якудза. Становится ясным, что меня специально навели на „Авалон Лтд“.

— Все эти факты, — продолжал Нанги, — заставляют сделать вывод, что Микио Оками жив и где-то скрывается, что он тайно посылает наводящие сведения о своих врагах тем, кто мог бы помочь ему. Видите ли, члены узкого совета Оками заставляли его против его воли вступить в союз с человеком по имени Леон Ваксман, человеком, которого я знал в Токио много лет назад и который впоследствии стал крупным политическим игроком в кулуарах Вашингтона. Я думаю, что Оками забунтовался. Я сказал ему, что я считаю Ваксмана не заслуживающим доверия. Оками тайно отошел от Годайсю и стал организовывать другой союз, который он скрытно готовил годами... союз с вашим братом, миссис Гольдони. Доминик был убит из-за этого альянса, а Оками пришлось уйти в подполье.

— Но он в безопасности? — спросила Маргарита.

Нанги взглянул на нее.

— Против него ополчились такие силы, что я не знаю, как долго он сможет протянуть.

ВАШИНГТОН / ТОКИО

Когда Фэйс Гольдони открыла дверь, Лиллехаммер улыбнулся и сказал:

— Уилл Лиллехаммер, миссис Лоти. Очень приятно наконец встретиться с вами. Могу я войти?

Фэйс уставилась на дуло пистолета, которое было направлено ей в сердце:

— Да, конечно.

Когда они проходили через большое фойе в прихожую, он заметил:

— В доме больше никого нет, миссис Лоти. Я проверил.

— Не сомневаюсь, что вы это сделали.

Лиллехаммер подтолкнул ее пистолетом.

— В кухню, затем через черный ход.

Она понимала и без его пояснений, что они направляются в конюшню. Фэйс знала, что у него на уме. В какой-то степени она удивлялась, что этот момент не наступил еще раньше. Только недавно, когда любовный партнер Лиллехаммера Дуглас Мун продал ей видеопленку и она просмотрела ее, она признала в человеке, наблюдающем за ними, Джонни Леонфорте. Он, конечно, выглядел совсем другим по прошествии столь длительного времени. Но она узнала сразу же человека, с которым была в интимных отношениях много лет тому назад. Ей казалось, что это было не так давно. В те дни во время оккупации в Токио создавалась основа всех последующих событий. Те дни были как бы врезаны в ее память лазерным лучом.

Как давно узнал Джонни, кем она была? Она не жила в тени, как должен был жить он, хотя и сделала искусную пластическую операцию в Лос-Анджелесе. Джонни, очевидно, узнал ее.

Джонни жив!

Вначале это показалось ей невероятным. Но ведь она сама осталась в живых, несмотря ни на что. Почему бы не выжить и ему? И, кроме того, у него было преимущество от рождения — он был мужчиной.

— Откройте дверь!

Она открыла. Едкий запах лошадей, навоза и силоса ударил в нос. Животные, всхрапывая, повернули головы в их сторону.

— Не беспокойтесь, — заявил Лиллехаммер. — Я не собираюсь стрелять в вас. Возникнет слишком много вопросов. — Она остановилась у стойла. — Вас убьет копытами одна из них. — Он жестом показал на лошадей.

Фэйс почувствовала, что за ее спиной находится сбруя. Она немного отодвинулась от перегородки.

— Этому никто не поверит, — сказала она. — Я слишком хорошая наездница.

Левой рукой Фэйс схватила за кожу и сталь сбруи.

— Они вынуждены будут поверить этому, — произнес Лиллехаммер, приближаясь к ней и к лошадям, — потому что таким будет заключение следователя. Не будет никаких сомнений. — Он улыбнулся. — Поверьте мне. Я мастер таких дел.

— Зачем вы делаете это?

Она не ждала ответа, ей хотелось только, чтобы он чувствовал свою власть над ней.

— Вот крупный жеребец. — Он ткнул в его направление пистолетом. — Откройте дверь стойла.

Этого и дожидалась Фэйс. Она открыла дверь стойла правой рукой, а левой сняла сбрую с крюка и бросила ее поворотом кисти. Эффект был, как от удара хлыстом. Толстая кожа и сталь сбруи ударили сбоку по лицу и шее Лиллехаммера. Потекла кровь.

Он взревел, зашатался и ударил ногой, попав в бедро Фэйс. Она вскрикнула, упала на одно колено. Напуганные лошади столпились у краев своих стойл, заржали. Их глаза были широко раскрыты, ноздри раздувались, вдыхая в себя ее страх и боль.

— Сука! — заорал Лиллехаммер, освобождаясь от сбруи и бросаясь на нее. Он оказался как раз напротив открытой двери стойла, и Фэйс ударила плечом по его коленям со всей силой, какую только могла собрать. Лиллехаммер потерял равновесие и упал назад в стойло с паникующим жеребцом.

Он ударился о бок жеребца с такой силой, что лошадь попятилась и поднялась на дыбы. Жеребец, явно напуган-

ный до смерти, опустил копыта прямо на Лиллехаммера, который начал подниматься на ноги. Он врезался в стенку стойла. Раздавшийся треск и беспорядок еще больше напугали жеребца, он стал бить передними копытами по напавшему на него человеку.

Фэйс поднялась на ноги. Чувствовался запах крови.

— О, мистер Доминик, — обратилась она к лошади. — Бедный, бедный напуганный ребенок.

Жеребец, продолжавший свирепо вращать глазами, уловил знакомый тон голоса. Он повернул свою большую голову, его левый глаз уставился на нее. Она продолжала успокаивать его ласковыми словами. Наконец он встал на все ноги, храпя и помахивая головой. Как и она, он не обращал внимания на запах крови.

Фэйс подошла к открытой двери стойла и стала гладить жеребца по голове, чуть повыше носа. Она положила ему в рот кусочек сахара и прижалась к его шее. Ее ласки успокоили жеребца. Только тогда она посмотрела влево и увидела у стены стойла красную бесформенную тушу, бывшую когда-то Уильямом Джастисом Лиллехаммером.

— Ах, мистер Доминик, — прошептала она, целуя жеребца и прижимаясь к нему. — Теперь все в порядке.

— Боюсь, что вы поспешили с этим утверждением.

Она обернулась, узнав этот голос, и увидела человека из любительского видеофильма Муна. Сейчас он был страшен и гораздо меньше походил на Джонни Леонфорте, которого она знала, чем это было на видеопленке. Как это ни странно, ей пришла в голову мысль, что если бы он сидел рядом с ней в ресторане или в опере, она вряд ли узнала его, конечно, если бы ей не пришлось смотреть на него, когда гасили свет, и в полумраке ей не представился снова человек, которого она когда-то знала, как это было, когда она смотрела видеофильм — наполовину по изображению и наполовину по памяти.

— Хелло, Джонни, — сказала она. — Прошло много времени с тех пор, как я видела тебя в последний раз.

— Да, много воды утекло для нас обоих. Это было не самое лучшее время.

— По крайней мере, для одного из нас.

Джонни Леонфорте пытался улыбнуться, но одна сторона его лица, видимо, была парализована, и получилась не улыбка, а гримаса.

— Твой друг Оками хорошо поработал ножом, но убить меня не так-то просто.

Он слегка пошевелился, увидев движение жеребца.

— На самом деле, Фэйс, я был бы очень признателен,

если бы ты потихоньку вышла из стойла. Будучи очевидцем взаимопонимания, которое ты имеешь с этими созданиями, я думаю, что Уилл совершил ошибку, полагая, что сможет справиться с тобой и с ними. — Он продолжал продвигаться. — Кроме того, мы ведь не хотим, чтобы ты завладела оружием Уилла, не так ли?

Фэйс, которая уже подумывала об этом, заметила:

— Мистер Доминик все еще в возбужденном состоянии. Будет лучше, если я останусь здесь с ним.

Джонни вытащил „магнум“.

— Куда я должен послать пулю, Фэйс, несколько ниже правого уха лошади? — Он прицелился.

Фэйс оторвалась от жеребца и вышла из стойла.

— Хорошо. Что теперь?

— Закрой дверь в стойло. Нам не должны мешать.

Она сделала, как он сказал, и пошла вдоль конюшни подальше от жеребца.

— Что ты делаешь?

— Я не хочу никаких ошибок. Не хочу, чтобы ты вдруг решил застрелить мистера Доминика.

Джонни состроил гримасу.

— Назван в честь вашего не очень дорогого покойного сына, а, Фэйс? Большой особняк, конюшня, лошади, денег и власти больше, чем можно использовать. Боже, какую жизнь ты ведешь!

Она молча смотрела на него.

— *Это моя жизнь, которую ты прожигаешь, сукина королева!* — Свиристость, которая звучала в его крике, заставила ее вздрогнуть. Она видела гнев и зависть, которые копились в нем все эти годы, мечущиеся сейчас в его глазах, как стая прожорливых акул.

— Ты все забрала у меня! Ты и этот япошка, сукин сын Оками. Вы все это подстроили! Поганая Гольдони, прикрывшаяся именем Сохилл. И я купился на это. Ты бросилась своим телом на меня и я взял его!

— Что, больно сознавать, что в конечном счете ты только мужик, такой же, как и все остальные, которых я знала? Я раздвигала свои ноги, целовала тебя, и все, чего бы я ни хотела, приходило так же просто, как при словах „Сезам, откройся“!

— Я убью тебя к чертовой матери!

— *Теперь* я слышу Джонни Леонфорте, которого я знала, — проговорила она, пятясь вдоль конюшни. — А не Червонную Королеву, который управлял всеми самыми могущественными умами Вашингтона. Скажи, сколькими президентами тебе удалось манипулировать? Вообрази

только! Сицилийский головорез вроде тебя, артист! — Она засмеялась. — Почему ты ненавидишь меня, Джонни? Я оказала тебе самую большую услугу в твоей жизни. Ты был рожден для работы за кулисами. Помнишь, как тебе было скучно заниматься будничной работой? Ты даже говорил, чтобы я взяла на себя всю бухгалтерию. Помнишь?

— Ты отняла у меня *жизнь*, Фэйс! Посмотри на мое лицо. Когда-то я был красивым. Я вынужден был сменить свое имя, сделать такое количество операций, что потерял им счет. А какая боль! И затем я должен был прятаться, да, за кулисами, но без дома, без семьи, без того, чтобы мной восхищалось высшее общество, — без всего, к чему я стремился всю свою жизнь. Ты взяла все это себе!

Лицо Джонни было красным от возбуждения. Ей вдруг представилось, как все его корыстные побуждения пробираются по его коже, подобно червям. Он направился к ней, его плечи сгорбились, как бы защищаясь от слов, которые она бросала в него, как ножи.

Фэйс снова засмеялась, но в ее тоне появились жесткие нотки.

— Ничего не изменилось, Джонни. Я все еще веду твою бухгалтерию!

— Нет! Ты, и Оками, и Доминик намеревались вытолкнуть меня из бизнеса!

— У тебя появились плохие друзья, Джонни, когда ты решил играть на двух сценах. Для фэбээровцев ты был Червонной Королевой, глубоко законспирированным правительственным агентом, героем своей страны. А тайно ты руководил Сетью к своей выгоде, сам подбирал людей из мафии и через своего племянника Чезаре продвигал их на руководящие посты в Семье, пока они не становились донами, признательными ему и тебе. Ты был *герой и негодяй* в одном лице.

Она была теперь около задней стены конюшни. Она подвинулась влево так, что своим телом загородила от его взгляда то, что висело на стене.

— А теперь ты делаешь то же самое с Годайсю. Ты связываешь Сеть с Годайсю, чтобы подорвать фэбээровцев, обойти их законы и расширить свою структуру в мировом бизнесе. Только на этот раз ты остался без союзников. Парням из Годайсю ты до лампочки. Ты думаешь, что вы с Чезаре останетесь их партнерами? Жаль, но я должна разочаровать тебя. Они использовали тебя, ты и Чезаре были своего рода пропуском, чтобы они могли войти во все закрытые районы Америки.

Фэйс ощутила спиной кожаный предмет, висевший на стене, и успокоилась.

— Подумай об этом. Мафия и правительство в альянсе. Такая комбинация привлекательна для японских якудза. — Она продвинула свою правую руку, нащупала кожу пальцами. — Но после того как Годайсю хорошо обоснуется здесь, что, по-твоему, они сделают с тобой и Чезаре?

— Я обезопасил себя, — заверил Джонни. — Эту информацию передал мне влиятельный засекреченный источник. — Он помолчал немного, потом продолжил. — А почему бы мне не поделиться ею с тобой. Что это может дать тебе? Ты скоро умрешь. — Он пытался улыбнуться, а Фэйс почувствовала, как мурашки побежали по ее спине. — Мой источник закодирован под именем Нишики. Его сведения позволили мне подняться в ранге, стать главой Сети.

— Идиот, — заявила Фэйс. — Нишики — это Микио Оками. Он передавал тебе только такую информацию, которую хотели он сам и Доминик, чтобы ты имел.

— Нет! Этого не может быть! Ты врешь, сука!

Он поднял „магнум“, но рука Фэйс уже вытащила из кобуры старый кольт, который она держала на случай, если какая-либо лошадь сломает ногу.

Она уловила запах масла, почувствовала, как ее ладонь крепко сжимает деревянную ручку револьвера. Она подняла оружие и стала стрелять: раз, два. Вонь бездымного пороха ударила ей в нос, револьвер подпрыгивал в ее руке.

Позднее она вспомнит удивленное выражение на лице Джонни Леонфорте, его рот в форме буквы „о“, как у маленького мальчика. Он стал заваливаться назад между отступавшими, перебирающими копытами лошадьми, упал на колени. Фэйс, сохраняя полное спокойствие, выстрелила ему в лицо, и он опрокинулся назад на покрытый соломой дощатый пол.

— В конечном счете убить не так уж и трудно, — проговорила она, стоя над ним.

„То, что вы очень талантливы, — сказал однажды Кансацу, — еще не означает, что вы способны полностью постичь свой талант“.

Насколько сильна была его ирония, Николас не мог понять до сих пор.

Настоящее время, которое, вероятно, повторялось сно-

ва и снова, как волны на озере, расходящиеся все дальше и дальше и затрагивающие все, что попадалось им на пути. Настоящее время — такое же неизбежное, как очередной вдох.

Что сказала ему в аэропорту Сэйко, когда он улетал в Венецию? В ее глазах можно было увидеть что-то, близкое к панике. *„Вы будете другим — настолько другим, что никто не узнает вас“*. Да. Это и происходит в настоящее время.

Челеста, с учащенно бьющимся сердцем от сознания приближения Мессулете, держала его за руку, но он не осознавал этого. Все его чувства были направлены лишь на то, чтобы совершить этот большой поворот в его вере. Он должен отказаться от всего, чему учил его Кансацу. Он должен будет теперь верить не в то, что ему внушали, не в тех, кто учил его, с хорошей или плохой целью, а в свой собственный внутренний талант.

Он применил *харагей*, чтобы сконцентрироваться, чтобы свести свое дыхание, свой пульс почти к нулю. Все краски сошли с его лица, но Челеста не произнесла ни звука, хотя ее сердце пропустило еще один удар. Он предупредил ее заранее.

Кровь и энергия заполнили *хара*, центр внутренней энергии в самом теле, когда он вернул себя к тому моменту в клетке, когда он и Мессулете были связаны физически и психически, когда Мессулете, призвав на помощь священную белую сороку, открыл Шестые ворота.

Тогда Николас впитал в себя ту магическую формулу, и теперь с помощью *харагей* он вспомнил ее и произнес эти странные слоги, как это сделал тогда Мессулете на фабрике по производству роботов. Ворота раскрылись, и Николас, освобожденный полностью от Тау-тау, вошел в запретные Шестые ворота.

— Бог милостивый! Он здесь!

— Маргарита!

Но она уже бежала по прихожей, открыла переднюю дверь и исчезла за ней. Кроузер, застигнутый врасплох, с запозданием побегал за ней.

Он увидел через стоявшие деревья примерно на расстоянии ста ярдов другую женщину, которая поднималась как бы прямо из земли и смотрела на бегущую к ней Маргариту. Догоняя Маргариту, он рассмотрел эту женщину. Жесткие рыжие волосы, овальное лицо с красивы-

ми смелыми чертами. Инстинктивно он понял, кем она должна быть.

— Челеста!

Он услышал голос Маргариты. Через мгновенные сестры обнимали друг друга.

Кроуер несколько не сомневался в том, что рыжеволосая Челеста должна быть той самой сестрой, которую упоминала Маргарита. Когда он подошел к ним, они все еще в слезах прижимались друг к другу.

— Лью, — сказала Маргарита, — моя сестра Челеста была с твоим другом Николасом.

— Ник! Где он?

Он увидел отчаяние в ее глазах. Она вытирала слезы со щек.

— Ник и До Дук...

— Куда идти?

— Лью, — попросила Маргарита. — Я должна пойти с тобой.

— Нет! — вскричала Челеста. — Ты не знаешь, что представляет собой Мессулете, что он сделал с Ником.

— Ты не знаешь, что он сделал со мной, — тихо ответила Маргарита. — Челеста, он убил Дома.

— О боже! — Вопль был тихим, но от него зашевелились волосы на затылке Кроуера.

Челеста обняла сестру.

— Тем более, ты должна остаться.

Но Маргарита покачала головой.

— Он не причинит мне вреда. Есть нечто, что необходимо сделать. — Она твердо всмотрелась в красивое лицо сестры. — Ты понимаешь, о чем я говорю.

Кроуер заметил едва уловимое изменение света и вздрогнул. Он увидел, как Челеста кивнула. Затем она сказала:

— Ты должна... Оба человека в масках. Это дело рук До Дука. Он сам с лицом Николаса, а у Николаса его лицо. Я думаю, что каким-то странным образом До Дук хочет стать Николасом.

— Пошли, — позвал Кроуер Маргариту. Челеста указала направление, куда отправились двое мужчин. Затем Кроуер обратился к Челесте:

— В доме Ника есть человек по имени Тандзан Нанги. Это — друг. Вы можете доверить ему свою жизнь. Оставайтесь с ним.

Челеста неопределенно кивнула головой, наблюдая, как они направились к оголенным гинкго и углубились дальше.

Сколько грехов совершил он за свою жизнь? Он не мог этого сказать. Или же сбился со счета, или же не мог определить, что является грехом. Но в одном он был уверен.

Он убил Ао. Причиной был один секрет, который Ао, при всей своей мудрости, не стал доверять ученикам, а именно магическая формула, которая открывает Шестые ворота. Ао, который приютил бездомного напуганного мальчика, принял его, когда другие старейшины нунги, вероятно, поступили бы иначе. Ао, который обучил его, ввел его в волшебство Мессулете, который познакомил его с могуществом веков.

„Вероятно, — думал До Дук, пробираясь через лес в погоне за Николасом, — он знал, что совершит грех таким исключительным, неоправданным путем. Как еще можно объяснить, что он избрал своим талисманом священную белую сороку? Было ли у Ао в тот момент предчувствие того, что произойдет?“ До Дук вспомнил его удивленное лицо, когда он узнал, что его ученик избрал белую сороку. Вероятно, Ао чувствовал в воздухе свою смерть, возможно, это прошептала ему на ухо белая сорока.

Ао, который любил его, стал теперь прахом.

До Дук вытянул из глубин дремлющего сознания Ао то, что ему было больше всего нужно. Затем отнес бесчувственное тело к реке, закрыл его глаза и спустил вниз головой в воду. Больше ничего не оставалось. Он нарушил все запреты нунги. Он проник в разум их главного шамана и этим приговорил себя к смерти. Он должен был убить Ао.

И в тот момент, когда дух Ао покидал его старое тело, на плечо До Дука опустилась белая сорока и заговорила с ним в первый раз.

Он пошевелил труп Ао в мутной воде, и тут же что-то задвигалось на противоположном берегу, — два крокодила соскользнули в реку и поплыли прямо к нему.

Они ухватили зубами труп почти одновременно, отрывая от костей большие куски плоти. Вода закипела и изменила цвет. Она стала вязкой. Когда чудовища пожирали труп, До Дук сделал то, что приказала ему белая сорока, — он присоединился к крокодилам.

Небо было безоблачным, он это помнил. И была также сладость в воздухе, какую, очевидно, чувствует только что родившийся ребенок, в самый первый раз вдыхая в легкие воздух.

Теперь, вбегая на небольшой покрытый травой холм, он почувствовал тяжесть на своем плече и услышал, что

белая сорока снова говорит с ним, указывая шепотом дорогу, по которой пошел Николас.

Он перебежал через холм, увидел спуск к озеру. На другом его конце пара журавлей, чувствуя, по-видимому, опасность, оторвалась от зеркальной поверхности озера и поднялась в небо.

В этот момент ноздри До Дука раздулись, и он повернул обратно в недоумении. Он почувствовал присутствие Маргариты. Не ее тела, а ее души, которая приближалась к его душе.

Он притаился, как загнанный зверь. Словно окровавленный нож мясника терзал его дух, разрывавшийся глубоким отчаянием и любовью.

Он увидел, как она прошла мимо гинкго, заметила его и стала приближаться к нему спокойной, уверенной, пугающей его походкой.

— Маргарита, — прошептал он. Он задрожал, когда она подошла ближе.

— Я хочу, — говорил он, — я хочу...

— Я знаю, чего вы хотите, — сказала Маргарита. Она была так прекрасна в обрамлении высоких белых деревьев. Лучи заходящего солнца отражались в ее глазах. — Я всегда знала.

— Вы только одна.

Его дыхание было прерывистым. Ему очень хотелось сорвать маску, чтобы она могла видеть его настоящее лицо. Но это не имело никакого значения. Он был нагим перед ней, как и все то время по дороге в Миннесоту, когда он желал, чтобы никогда не кончались проведенные с ней дни и ночи.

Она увидела его, всего сразу, и не отступила назад, не отвернулась. Она ясно видела сквозь обманывающую маску. И было удивительно, что его суть, которая когда-то, до всех смертей, заклинаний и его греха была До Дуком, не сжалась под ее взглядом.

— В тот самый момент, когда я увидел вас, я понял, что это мой конец, — продолжал он. — Я увидел вас, и где-то глубоко внутри себя я уже знал, что не смогу больше быть тем, кем стал, потратив на это всю свою жизнь. — Он чувствовал, что начинает терять контроль над собой. Он боролся с эмоциями, которые были такими плотными, что он их чувствовал, как если бы вдыхал в себя воду. — Я научился убивать с легкостью, но мысль причинить вам вред невыносима. Я скорее разрушу самого себя.

— Я знаю. Мы находимся внутри друг друга.

Он нерешительно придвигался к ней. Внутри него про-

исходила борьба между тем, что было раньше, и тем новым, только что появившимся, еще неоформившимся, робким.

— Вначале я думал, что хочу, чтобы вы боялись меня, как боятся все остальные. Но, будучи сильной женщиной, вы не испугались. Вы нанесли мне поражение, покончили со мной, свалили меня, проникнув через мою броню, и теперь они все окружили меня, эти преследующие гонимые псы, которые разорвут меня на части.

— Этого не случится. — Она протянула ему руку. — Теперь все кончено. Я могу защитить, спасти вас. Если вы пойдете с...

Но в промелькнувшем озарении До Дук понял, что больше никогда не испытает то невыразимое чувство, которое только что испытал. И он напал на нее, как змея, но получил сбоку удар чем-то очень тяжелым. Он застонал, а Маргарита дико вскрикнула.

— Нет! Подождите! Я могу...

Он рухнул на землю, глаза и нос залепила грязь. Он покатился, тяжесть попеременно давила и отпускала его. Близость Маргариты ослепляла До Дука. Он хотел позвать ее, коснуться ее, сказать ей... Все вещи, кроме нее, перестали иметь для него какое-либо значение. Он был как олень, попавший в лучи фар быстро идущего автомобиля, случайно оказавшийся не там, где ему следовало быть.

Хотя, пожалуй, нет. Это не было случайно. Это был момент, когда он должен выбирать между жизнью и смертью. Но как он мог сделать выбор? Жизнь — это отчаянная борьба за то, чтобы не поддаваться этим лишенным прав эмоциям, которые, как он знал, разрушат его, а смерть для Мессулете была невообразимой.

Он закричал, когда что-то острое как игла вонзилось в его тело, и, посмотрев вниз, он увидел механическую руку, соединенные вместе пальцы из какого-то сплава, снабженные стальными ногтями. Он вырвался и стал наносить ногой удары — один, другой. Услышал как бы тяжелое мычание, массивное тело опустилось вниз, и он нанес удар локтем „под ложечку“, потом отодвинулся и, укрепившись устойчивее на ногах, обратился внутрь себя. Его сознание продолжало искать Маргариту.

Но, как он уже знал, этот момент ушел навсегда.

Человек с его лицом появился как бы ниоткуда. Он нанес ему удар по шее рядом с сонной артерией. Инстинктивно До Дук ответил ударом в солнечное сплетение противника.

Оба человека тут же полетели в воду. В этой части

озера берег был крутой, сначала шла неглубокая полоса шириной около двух футов. Затем дно резко опускалось вниз, и сразу начиналась глубина.

Николас, наполовину парализованный ударом До Дука, ухватил его голову. Он знал, что ему нужно нанести смертельный удар, но вода мешала им обоим, замедляя их движение и делая неэффективным традиционный прием *атеми*.

Николас сильнее сжал голову противника и стал давить ладонью одной руки на место, где сходились основные нервные окончания. Другой рукой ткнул в его верхнюю губу и нос.

Вцепившись друг в друга, вспенивая ногами воду, они кружились, углубляясь все дальше в пучину озера. Темнота и свет чередовались с воздухом и водой, пока они не оказались в мире полумрака между воздухом и землей, окруженные водяной пылью, холодом и сгущающейся темнотой.

До Дук, испытывая головокружение от давления на его лицо, ударил снова по солнечному сплетению Николааса, обхватил его, когда они перевернулись, и нырнул под серебряную поверхность озера.

Они боролись друг с другом, боролись за каждый глоток воздуха, но ужасная усталость и холодная вода делали свое дело.

Они работали ногами, но не могли больше удерживаться на плаву. Оба опустились в холодную неестественную ночь, обхватив друг друга. Казалось, они куда-то движутся, но куда? Этого До Дук определить не мог. Он сосредоточил все свое внимание на захвате противника, на давлении, которое он оказывал на его дыхательное горло.

Он чувствовал, как руки Николааса царапали его тело, возможно, чувствовал некоторую боль, но он сконцентрировал силу своей психики на то, чтобы заблокировать все, кроме необходимости продолжать нажим на дыхательное горло Николааса.

Он чувствовал, как усиливается давление на его уши по мере их погружения, но он не мог обращать на это внимания. Его мозг был наполнен красной кровью, волшебной силой Мессулете и единственной мыслью, что ему необходимо подняться из этого мрака, чтобы пойти к Маргарите, которая ждет его на ближайшем берегу.

Николас понимал, что тонет. В действительности они тонули оба, но он сомневался в том, что Мессулете даже

догадывался об этом. Он чувствовал, что его разум сжимается как темная звезда, плотная, с неестественной силой притяжения и смертельным излучением.

Он завлек Мессулете сюда на озеро вполне сознательно, так как знал, что лежит в его глубине, то, что он забросил туда много лет тому назад, когда он и Джастина еще только встретились, полные любви и надежд.

Туманно, как через пелену сна, его травмированный ум восстановил картину того, как сломался Мессулете на фабрике по производству роботов. Он слышал его всхлипывания, подобные эхо, почти видел образ женщины, которая, как доисторический зверь, плавала в его мыслях. И вот опять возник этот образ, на этот раз сильнее, как если бы изображение приобрело осязаемые формы. Он мог впервые почувствовать все спутанные и сжатые эмоции, свернувшиеся в сознании Мессулете как клубок кобр.

Николас был готов использовать силу, которую он нашел за Шестыми воротами, он был полностью способен взорвать Мессулете огненным шаром психической энергии. Психические эмоции сошлись вместе, и он чувствовал их все, как горящие обломки от крушения.

Это заставило его заколебаться, сострадание вытеснило его стремление к отмщению. И теперь он платил за это свое колебание. Он тонул.

Он обратился внутрь себя, открыл глаз таньцзян, вступил в Шестые ворота, надеясь собрать силы для того, чтобы оторваться от своего противника и уничтожить его. Но он обнаружил, что сама суть Мессулете уже находится там, за воротами, в том же самом месте, и все, что они могли сделать, — это заблокировать доступ друг другу.

Патовое положение.

Они погружались все глубже. Во время одного из их медленных вращений Николас заметил расплывчатые очертания тени на дне озера. Он просил Бога, чтобы его расчет был верен, так как это был единственный шанс остаться живым, не дать воде захлестнуть нос и горло, а затем и легкие. Тогда дыхание прекратится, и он будет мертв.

И вот он — этот шанс.

Освещенный бледным светом, торчал, как призрачный палец Бога, конец самурайского *дай-катана*, который дал ему полковник. Он имел название *Исс-хогай* — „Для жизни“.

Глаза Николаса стали закатываться вверх, на периферии его видения начинала мерцать темнота. Он взмахнул ногами, направив движение в сторону длинного острого

лезвия меча, который он забросил в озеро, думая, что он никогда больше не понадобится. Тяжелая рукоятка ударилась в дно озера и погрузилась в мягкий ил, а лезвие поднималось вверх под некоторым углом ко дну озера.

До Дук, чувствуя слабость Николаса, сжал его еще крепче, и теперь Николас не верил, что ему хватит сил продвинуться на последние шесть футов до конца лезвия. Его руки потянулись вверх, вцепились в лицо До Дука — его лицо. Концы пальцев нащупывали и нашли края маски. Он запустил свои ногти в места приклеивания маски. Ему удалось немного поднять ее, разорвать сцепление. Вода озера намочила клейкий состав, и он отодрал еще часть маски от лица Мессулете.

Николас потянул ее, и резина соскользнула на ноздри и рот Мессулете, закрыла его глаза. Мессулете попытался сопротивляться, но Николас тут же сделал ногами резкое движение, напоминающее движение ножниц. Они завертелись, и в какой-то момент Николас очутился в опасной близости от конца лезвия. Затем они перевернулись еще раз, и спина Мессулете оказалась прямо над острием меча.

Николас вновь заработал ногами, направив движение вниз, ко дну озера. Он видел и чувствовал — это произошло. На лице Мессулете не появилось никакого выражения, так как оно было скрыто нелепо сдвинутой маской, но конец длинного меча *дай-катана* вышел через его грудную клетку, проткнув его насквозь.

Мессулете забил ногами, мускулы их сводили спазмы. Облака туманной крови поднимались кверху подобно воздушным змеям под летним ветерком.

Николас нажал на тело Мессулете, лезвие увеличивалось как бы само по себе, готовое кромсать тело и кости. Он почувствовал, что его горло освободилось от чужих рук, и, ощущая головокружение от недостатка кислорода, немедленно попытался рвануться к поверхности озера. Но он не сдвинулся с места.

Поглядев вниз, он увидел, что рука Мессулете крепко сжала его левую ногу чуть повыше ступни. Он попытался достать до захвата, но ему удалось только дотянуться пальцами до Мессулете. Он понял, что ему не удастся освободить ногу.

Николас висел в воде, без сил, уставившись в перекошенное лицо человека с синей татуировкой полумесяца на внутренней стороне мощной кисти. В его затухающей памяти проносились отрывки воспоминаний о своем противнике.

«...Река в джунглях, солнечные лучи, пробивающиеся

через трехслойные заросли джунглей, жара и черный леопард, произносящий таинственные обещания и заклинания... старик с лицом, потрепанным временем и магией, и сине-белое вздутие смерти... крокодилы, лениво шевелящие своими хвостами под жарким солнцем, с челюстями, распянутыми для принятия пищи... вкус человеческих мозгов... белая сорока, кричащая в триумфе, когда она поднималась, сияя, к медному солнцу..."

Николас висел, медленно умирая вместе с Мессулете, чей разлагающийся мозг посылал жаркие мысли, как пузыри, поднимающиеся на крышу водяной могилы.

"...Магические формулы земли и воздуха... и красивая темноволосая, с янтарными глазами женщина... Маргарита, я хочу сказать тебе... замечательная в своей ужасной красоте... сказать тебе, что я... как Цирцея... что я... более могуч даже, чем Джим, Синий Полумесяц, все древние ритуалы Мессулете... я не могу коснуться тебя... это все, что осталось мне... в это одно мгновение... что я люблю..."

Николас был один в полной тишине и безмолвии глубины.

Казалось, что время остановилось. Даже сердцебиение, кажется, мерцает и замедляется. Кровь превращается в лед. А затем через почти смертельный мрак он почувствовал движение воды около своей холодной щеки. Его голова медленно, устало повернулась. Он видел очертания фигуры, возникающей из мрака, человека, который приближался к нему. Его щеки были надуты, так как он держал воздух в своих легких.

Воздух!

Он сморгнул. Это был Кроукер, плывший быстро и умело, разрезая воду. Его рука была вытянута, как бы в приветствии, биомеханическая рука из нержавеющей стали, титана и поликарбоната, замена той руки, которую он потерял, помогая Николасу. Николай никогда не простил себе, что стал причиной увечья своего друга, хотя сам Кроукер простил его. И теперь Кроукер здесь, и снова предлагает ему эту руку. Николай стремился взять ее в свою в знак дружбы, готовности, наконец, простить себя.

Словно в тумане, он смотрел, как рука Кроукера отогнула один за другим пальцы Мессулете, сломала суставы, разомкнула смертельный захват.

Кроукер обхватил Николаса и, сильно работая ногами, поднялся через становившиеся все более светлыми слои полумрака, из ледяной ночи, из могилы, на поверхность в последние лучи света уходящего дня.

ЭПИЛОГ: ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НОВОГО ГОДА

*Ах! Быть
Ребенком...
В первый день нового года!*
ИССА

ТОКИО

Рев моторов ударил по барабанным перепонкам людей, когда „Джамбо-747“ оторвался от земли, оставив за собой пепельного цвета облако, которое прилепилось к воздуху, как бинт к ране. Сквозь него солнце выглядело раздувшимся и приобретшим цвет запекшейся крови.

— Я хочу сказать тебе кое-что, — обратилась Маргарита к Кроукеру, устремив на него взгляд своих янтарных глаз. — Если я тебя больше не увижу, я высохну и умру.

— Может быть, ты действительно сирена, как это считал До Дук? — Кроукер улыбнулся, чтобы смягчить свои слова, но она отвернулась от него.

— Я чувствовала, когда он умер, — прошептала она. — Я чувствовала, что он зовет меня.

— Зачем он это делал, Маргарита? Убил Дома, всех других?

— Думаю, что это — все, что он умел. Для него жизнь была смерть. И ничего не было другого. Он просто старался выжить.

— Бедный ублюдок.

— Интересно, — сказала она, повысив голос, так как еще один „Джамбо“ с ревом помчался по взлетной полосе. — Что бы он сделал, если бы ты и Николас позволили ему захватить меня?

— Кто знает? Но я догадываюсь, что даже он сам не хотел знать этого. Он сделал этот шаг, чтобы спровоцировать нас, потому что у него не было другого выхода. Он говорил, что гончие псы напали на его след, и он был прав.

Маргарита повернулась к Кроукеру, и он видел по ее

глазам, что она хотела, чтобы тема До Дука больше не затрагивалась.

— Я действительно думаю так, как говорила раньше.

— Я знаю, что это так, — подтвердил Кроузер. — Но я также знаю, куда ты отправишься теперь — обратно к Тони Д. — Он помолчал немного, как бы не желая продолжать. — Я бы помог, если бы ты рассказала мне о процедуре установления контакта с Нишики.

Маргарита покачала головой.

— Это было единственное наследие Дома, увековечившее всю его власть. Я не буду подвергать его риску... даже для тебя. — Она горестно улыбнулась. — Бизнес, — проговорила она, обхватив его лицо своими руками. Она крепко поцеловала его в губы, и он надолго задержал поцелуй, чувствуя на губах ее слезы.

— Скорее возвращайся домой, — сказала она, наконец оторвавшись от него. — Франси начнет уже скучать по тебе. — Она поставила на весы свою сумку. — Ты проводишь меня до ворот?

Он взглянул на нее.

— Я прошел так далеко, как только мог, Маргарита. Это дальше, чем я когда-либо предполагал.

Она кивнула и повернулась к выходу. Через мгновение она посмотрела на него через плечо.

— Когда ты будешь дома?

— Когда с этим будет закончено. Когда я смогу.

— А потом?

— Все зависит от судьбы, не правда ли?

Маргарита, казалось, на какой-то миг растерялась, затем улыбнулась.

— На данный момент, по крайней мере, я полагаю, что так оно и есть.

— Мне не надо было бросать его, — сказал Николас. — Это было проявлением высокомерия, как бы уда-
ром по лицу моего отца.

За ним, на стене гостиной, висел во временных кожаных ножнах *Исс-тогай*, громадный *дай-катана*. Новые ножны были изготовлены в традиционной манере с гла-
зурью и серебряным тиснением из выделанной кожи ска-
та девятидесятилетним человеком, которого Николас давно знал.

— Он здесь на месте, — заметил Кроузер.

На некоторое время воцарилось молчание. Он перевел взгляд с длинного меча на пару каркасов, которые изготовил сам Николас для размещения на них двух масок До Дука. Вначале казалось нелепым, что Николас хочет держать у себя эти отвратительные напоминания о человеке, который почти убил его. Но он согласился с Маргаритой, что никогда в жизни не существовало ничего четко определенного, зло, так же как и добро, имело много различных масок.

Наконец Кроукер спросил:

— Ходил ли ты на могилу?

Николас понимал, что он имел в виду могилу Джастины.

— Нет еще, — ответил он. — Должно пройти какое-то время, прежде чем я смогу смириться с ее смертью. Я не хочу ходить туда, пока этого не произойдет, пока не будет своего рода мир между нами. — Он сложил руки вместе. — Здесь все еще есть часть ее духа, которая не нашла покоя. Я чувствую ее каждое утро, когда просыпаюсь на рассвете, перед тем как сделать зарядку. Я думаю, что ей необходимо покинуть это место, Лью.

Кроукер понимающе кивнул головой.

— Не спеши, Ник, — проговорил он и глубоко вздохнул. — По крайней мере сенатор Бэйн не представляет больше из себя силу, с которой следовало бы считаться. Когда умер Червонная Королева, его силовая база рассыпалась. Для Фэйс Гольдони не составило большого труда привлечь тех, кто раньше боялся его, к стану его врагов, поносящих его.

— Но Годайсю все еще действует, — заметил Николас. — У меня предчувствие, что пока нам не удалось проникнуть дальше поверхности. Где Оками? Что случилось с ним? Нанги уверен, что он жив. Конечно, угроза для его жизни еще остается. И имеется несколько трудных вопросов, на которые он должен ответить.

На улице земля была покрыта снегом. Завтра будет первый день нового года, время замены старого на новое, когда все может случиться.

— Что я хотел бы узнать, — сказал Кроукер, — так это чего добивались Оками и Доминик Гольдони.

— Для этого нам надо углубиться достаточно далеко в этот лабиринт.

— Если мы только сможем это сделать.

— Я начну с Тэцуо Акинага, Акира Тёса и Томоо

Кодзо, трех *олюбун* в узком совете Кайсё. Один из них несет ответственность за подготовку его устранения. И кроме того, существует „Авалон Лтд“. Они поставляют любые военные материалы. Сравнительно легко купить китайское или русское оружие, но они имеют также доступ к американским реактивным истребителям „F-15“.

— Ваксман, Червонная Королева, был способен обеспечить этот доступ, — заявил Кроукер.

Николас кивнул.

— Справедливо. Надеюсь только, что это мог сделать лишь он один.

Кроукер налил себе кофе из термоса.

— Почему, по-твоему, Доминик назвал До Дуку твое имя, как подлинного Нишики?

Николас пожал плечами.

— Кто может знать? Может быть, Оками хотел, чтобы Доминик считал меня Нишики на случай той катастрофы, которая и произошла на самом деле. Оками знал, что только я смогу остановить До Дука.

Николас посмотрел через окно на глубокий снег. Зимняя тишина распространялась по окрестностям подобно туману, как туман затмевает звезды.

— В данный момент меня больше всего беспокоит словесный код „Факел 315“, который я обнаружил в кассетах „Авалон“ в Париже.

— Я думаю над этим все время с тех пор, как ты упомянул о нем, — заявил Кроукер. — Держу пари, что ферма — это какое-то экспериментальное оружие, на которое они пытаются наложить руки. Если это так, то я совершенно уверен, что это наше оружие. Я проверю это.

Николас некоторое время молчал.

— Я согласен, что это вполне возможно, — сказал он потом. — Но существует и другая возможность, которую мы не вправе игнорировать. — Он задумчиво постучал кончиками пальцев. — Что, если „три-пятнадцать“ не является числом, а означает конечный срок? То есть два с половиной месяца от сегодняшнего дня. Мартовские иды. — Николас разочарованно покачал головой. — Если бы здесь был Оками. Я чувствую, что он смог бы объяснить нам, что означает „Факел 315“.

— Нанги, кажется, считает, что Оками пытается подсказать, что мы должны делать.

— Верно. „Авалон Лтд“. Затем этот международный торговец оружием Тимоти Делакура, о котором упоми-

нал Харли Гаунт в материалах, доставленных Манни Манхаймом. Согласно Харли, Делакруа утверждал, что „Сато“ была одним из его поставщиков. Это значит, что этим поставщиком был покойный Винсент Тинь.

Мужчины посмотрели друг на друга. Им не нужно было никаких слов, но вновь всплыли воспоминания.

— Ты посадил Маргариту на самолет? — спросил Николас.

— Вчера поздним вечером.

Он взглянул на Кроукера.

— Ты уверен, что сделал правильный выбор?

— Ничуть. — Кроукер улыбнулся ему, но тут же почувствовал фальшь и погасил улыбку. — Я не могу позволить ей уйти из моей жизни, Ник, но что еще я могу сделать? Я — полицейский, слава Богу. Я всегда стоял на стороне закона.

— А ты уверен, что она на другой стороне?

Кроукер с удивлением посмотрел на своего друга.

— О чем ты говоришь?

— Это же черт знает какая женщина, Лью!

— Она грозный мафиозо, приятель.

Николас, скрестив перед собой руки, мягко заметил:

— Микио Оками — Кайсё всех якудза. Месяц тому назад я с радостью выдал бы его, если бы у меня было хоть полшанса. А сегодня я не могу быть так же уверен. — Он перевел взгляд с заснеженного ландшафта за окном на мрачное лицо своего друга. — Позволь задать тебе один вопрос, Лью. Является ли Маргарита аморальным человеком?

— Я... — Кроукер остановился, не зная, что сказать. „В каком сумрачном месте скрывается правда?“

— Мы все носим маски, — продолжал Николас, — чтобы скрыть то, что всего важнее для нас.

Вновь наступила тишина, и два друга услышали приглушенный хруст шагов на улице. Николас слегка пошевелился и спросил:

— Ты знаешь, что тебе надо будет делать?

— Да. Нанги и Фэйс Гольдони уверены, что Оками и есть Нишики. Маргарита собирается узнать, как связаться с ним. Даже не прямой путь, который он установил с Домиником Гольдони, будет лучше, чем то, что имеем мы сейчас, то есть ничего.

Кроукер помешал кофе в керамической кружке.

— А что, если они ошибаются? Что, если Оками не является Нишики?

— Мы все равно должны попытаться найти Оками. Готов ты к этому?

Кроукер рассматривал свою биомеханическую руку, как если бы он никогда не видел ее раньше. Он понимал, что ему предлагают делать: следить за Маргаритой длительное время, с тем чтобы он смог выяснить всю тщательно разработанную цепочку до самого источника — Нишки.

— Я люблю ее, Ник. Но мы оба знаем правила. Мы знаем, кто мы и какие дороги мы избрали. — Он посмотрел в темные глаза своего друга. — Это все, что имеет каждый из нас.

Передняя дверь открылась, затем тихо закрылась. Кроукер встал и пошел на кухню.

— Ужин через час?

— Хорошо, — сказал Николас, беря свою утепленную куртку. — Не затрудняй себя уборкой. Сашико придет завтра рано утром.

Челеста дожидалась его в прихожей. Она молча смотрела, как он надел сапоги, затем взяла его за руку, и они вышли на сумеречную улицу.

Везде лежали синие тени. Внизу, под кедром, облепленным снегом, были видны кроличьи следы, яркий клочок шерсти. Следы убегали в ближайший подлесок.

Они прошли через группу призрачных мелкокорслых гинкго, поднялись на небольшой холм, затем спустились к озеру. Оно почти полностью покрылось льдом, местами напоминающим цветные стекла.

— Весной, — сказал Николас, — я собираюсь понырять в озеро.

— Ты боишься, что его там не окажется?

— Нет. Но его душа нуждается в компании. У нее не было этого при жизни.

Челеста сжала его руку.

— Этот человек был хладнокровным убийцей. Я не могу понять твоего отношения к нему... или отношения к нему моей сестры.

— Я не смогу объяснить тебе этого.

— Не может и она. Как и ты.

Они повернули обратно, поднялись на вершину холма. Отсюда был виден противоположный берег озера. Домики теснились друг к другу, как бы в поисках тепла. Лаяла собака, а мужчины усердно трудились, подрезая деревья так, чтобы они выглядели как узловатые шары.

Японцы, как узнала это Челеста за короткое пребывание здесь, не любят оставлять что-либо на произвол судьбы.

— А что относительно *кореху*, Освещенной Энергии? — спросила Челеста. — Ты все еще считаешь, что это так важно?

— Я собираюсь спросить это у Оками, когда увижу его, — ответил Николас. — Но, да, я считаю, что это еще более важно сейчас, чем когда-либо. — Он думал о том даре, который он нашел за Шестыми воротами. Вероятно, поэтому он и чувствовал себя так близко к До Дуку. До Дук дал Николасу и Маргарите очень ценную вещь, которая изменила их жизни. Сила, лежащая за Шестыми воротами, все еще в основном оставалась тайной. Что будет дальше, Николас не мог пока сказать. Было ясно только, что, как и предсказывала Сэйко, он уже не был больше таким, каким был раньше.

Он оторвался от своих мыслей и посмотрел на Челесту.

— Ты не останешься со своей сестрой?

— Мы — два разных типа Гольдони. Мне нужно найти Оками, чтобы успокоиться. — Порыв ветра с озера взлохматил ее волосы, когда она покачала головой. — Кроме того, я никогда не смогла бы жить в Америке. Я бы скучала по воде и свету... величию Венеции, ее истории. Теперь зимой все ее прекрасные краски теряют блеск из-за облаков и дождя, пока не наступит волшебный момент в конце дня, когда поток солнечных лучей прорвется через облака и превратит *piazze* в византийское золото. — Ее взор был устремлен вдаль. — Скоро наступит время карнавала и вновь появятся маски.

Они молча медленно направлялись к дому. Через некоторое время Челеста сказала:

— Я знаю, что ты сердисься на меня.

— Правда?

— Да. Ты считаешь, что мне следовало сказать тебе с самого начала, что я Гольдони. Но дело в том, Николас, что я сомневалась, станешь ли ты доверять мне, если узнаешь об этом. Оками знал твой характер, и он предупредил меня, чтобы я скрыла от тебя свое настоящее имя.

Они остановились около подъезда, чтобы отряхнуть снег с сапог. Николас открыл переднюю дверь, и они оставили там свою обувь.

— Пожалуйста, не сердись на меня, — попросила она. — Это причиняет мне такую боль!

Тени и ночи. Лунный свет, рассекаемый на части бамбуковыми занавесями, падал на Николаса, лежащего на своем футоне. Он мог бы спать уже несколько часов, но его тело подвело его, бросая то в жар, то в холод — оно желало женщину, которая была в соседней спальне.

Он знал, что может встать, пойти и лечь рядом с ней. Он также знал, что она хочет этого, что они оба хотят, но он чувствовал себя парализованным. Образ Джастины преследовал его. Он знал — не потому, что кто-то сказал ему, а потому, что он просто *чувствовал* это, — она умерла, так как его там не было, чтобы защитить ее. И если они разошлись в последние годы, если их любовь не выжила, то это также из-за него... из-за него и из-за Японии.

Он услышал легкий звук, когда *шодзи* — экран из рисовой бумаги, загораживающий его спальню, медленно отодвинулся. Он заметил тень, почувствовал легкие бесшумные шаги в своей комнате. Она избегала полосок лунного света и держалась в глубокой тени по углам комнаты.

Фигура стояла неподвижно какое-то время, наблюдая за ним. Затем, как призрак, сбросила с себя кимоно и с легким вздохом проскользнула под покрывало его футона. Он почувствовал запах Челесты, такой же возбуждающий, каким он помнил его по Венеции и Парижу. Что бы ни произошло потом, он знал, что будет всегда помнить ее в тот первый насыщенный электричеством момент, в *schola cantorum* церкви Сан-Белизарио, полную загадки и власти, столь характерных для Венеции.

— Я не смогу быть ею.

— Я и не хочу, чтобы ты была ею, — сказал Николас.

— Это действительно так?

— Взгляни в мою душу.

— Я не хочу этого, никогда. — Это была одна из черт, которые он любил в ней. — Я вижу только тебя, когда я гляжу на тебя.

Она вздохнула снова, но на этот раз потому, что он сжал ее в своих объятиях. Его губы нашли ее губы. Он почувствовал, как они дрожат, когда Челеста раскрыла их. Они слились в страстном поцелуе. Их тела как бы были специально созданы друг для друга.

Николас встал на заре. Ему не хотелось оставлять Челесту, но его тело и ум требовали разминки. Был первый день нового года. Продолжал идти снег, тихо и густо, скрывая под собой все, кроме высоких деревьев, стоявших недалеко от дома.

Николас предался медитации, чувствуя себя более умиротворенным, чем когда-либо с момента, когда Нанги сообщил ему о смерти Джастины. Он глубоко дышал: вдох-выдох, вдох-выдох. *Прана*. Он знал, что она не возражает против присутствия здесь Челесты, что она приветствовала бы эту привязанность, если бы была еще жива. Где бы была она в этом случае? Что сделало бы ее счастливой? Вдох-выдох. Это самое печальное, думал он, что он не помнил о всех тех вещах, которые делали ее счастливой.

Краем уха он слышал, как *шодзи* был поставлен на место, но не обратил на это внимания. Сашико приходила рано по праздничным дням, делала свое дело и уходила в полдень к своей семье.

Открылся шкаф, и она достала свои принадлежности для уборки. Один, два маленьких шага маленькой женщины.

Николас быстро изогнулся вверх и влево, услышав вдруг внутренний голос, схватил ее, перевернул и повалил вниз. Она упала на спину, парик соскочил с головы, кимоно раскрылось, зло сверкнуло лезвие *вакидзаси*. Он узнал его мгновенно. Это был Томоо Кодзо, фотографии которого показывала ему Челеста в Венеции.

Николас был в невыгодном положении, сидя, скрестив ноги. А Кодзо внезапно вошел в оборонительную позицию. Конец его длинного ножа был на расстоянии всего нескольких дюймов от горла Николааса, и по устремленным на него полным ненависти глазам *оябун* он понимал, что у него нет выбора.

Николас нанес концами своих пальцев убийственный удар под грудину Кодзо, прорвал кожу, плоть и внутренности и врезался в горячее, бьющееся сердце.

Он смотрел в лицо Томоо Кодзо, когда жизнь покидала его, одновременно внимательно прислушиваясь ко всем посторонним звукам в доме. Потом он вновь стал искать в своем сознании тот голос, но понял, что Джастина, если это была она, говорила с ним в последний раз.

Он потерял бдительность. Но он знал, что не надолго. И так, это уже началось. Узкий совет Кайсё двинулся против него. Но он жив. И где-то был Микио Оками, цель его поиска, который дергал за ниточки в этом еще пока неизвестном танце теней.

Николас дышал: вдох-выдох, вдох-выдох, чувствуя, как избыток адреналина булькает в его венах, выходя наружу.

Еще раз он был так близок к смерти, что мог ощущать ее специфический привкус во рту. Вымазанный кровью другого человека, он вступил в снежную тишину, склонил свою голову, приветствуя молитвой первый день нового года.

Ластбейдер Эрик
Л 26 Кайсё. — Роман. — Пер. с англ. Л.Н.Алио-
ва, В.Н.Клавдина. — М.: Изд-во „Новости“,
1994. — 592 с.
(Серия „Мировой бестселлер“)
Книга издана в суперобложке

ISBN 5-7020-0809-X

Выполняя волю отца, герой книги Николас Линнер приходит на помощь главарю японской мафии Микено Оками и оказывается вовлеченным в опасные интриги. Приключения и романтика, восточная экзотика и секс — все это в изобилии в романе Эрика Ластбейдера.

Л 4700000000 Без объявл.
067(02)—94

ББК 84.7 (7 США)

Эрик Ластбейдер
КАПСЕ

Серия „Мировой бестселлер“

Заведующий редакцией Л.Д.Соболев

Редактор Е.И.Бонч-Бруевич

Младший редактор Н.В.Потатужева

Художественный редактор А.И.Хисиминдинов

Корректор Л.П.Агафонова

Технический редактор Н.М.Блогина

Технологи В.И.Руденко, В.Ф.Егорова

ИБ № 10883

ЛР № 040676 от 28 февраля 1994 г.

Подписано в печать 28.02.94.

Формат издания 84х108/32. Гарнитура Антиква.

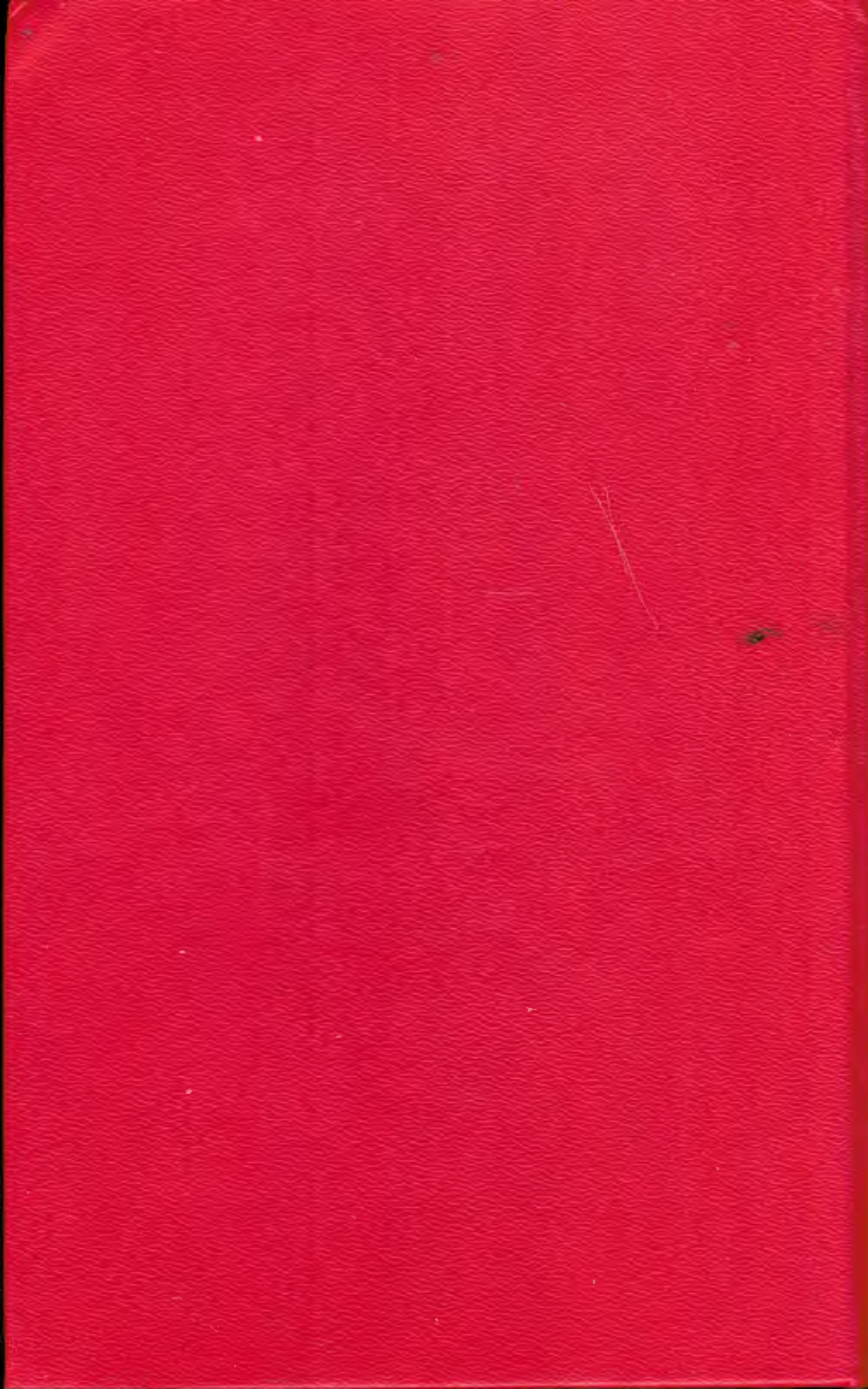
Усл. печ. л. 31,08. Уч.-изд. л. 31,6.

Тираж 50 000 экз. Заказ № 5185. Изд. № 9160.

АО „Издательство «Новости»“
107082, Москва, ул. Б.Почтовая, 7.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

По вопросам полиграфического брака обращаться на Книжную фабрику № 1
г. Электросталь Московской области.

ЭРИК ЛАСТБЕЙДЕР

Эрик Ластбейдер — признанный мастер „крутого“ американского детектива — родился и вырос в Нью-Йорке. После окончания в 1969 году Колумбийского университета он перепробовал множество профессий — от школьного учителя до журналиста, пишущего о звездах

американского рона. Однако наиболее полно Эрик Ластбейдер раскрылся как писатель. Его романы, среди которых наиболее известны „Черное сердце“ и „Черный клинок“, мгновенно стали бестселлерами и снискали своему автору мировое признание.

КАЙСЁ

Зверское убийство в одной из гостиниц маленького американского городка главаря мафии положило начало кровавой разборке между двумя сильнейшими мафиозными кланами. В эту борьбу оказывается вовлеченным главным героем книги бизнесмен Николас Линнер. Его жизнь меняется коренным образом, когда он становится приближенным Микио Оками — Кайсё (босса всех боссов) японской мафии. Когда-то Оками спас отца Николаса от смерти, и тот завещал сыну по первой просьбе прийти на помощь его спасителю.

Выполняя задания своего патрона, Николас попадает то в лабиринты венецианских каналов, то на парижские улицы, то в коридоры власти в Токио. Роман „Кайсё“ — боевик, сочетающий жесткую борьбу, интриги и секс.

Издательство „Новости“ продолжает публикацию серии „Мировой бестселлер“, в которую войдут лучшие и наиболее читаемые сегодня в мире книги. Вам представится уникальная возможность познакомиться с произведениями и авторами, прочно занявшими свое место в современной мировой литературе и впервые издающимися на русском языке.

Исключительное право публикации книг, выходящих в серии „Мировой бестселлер“, принадлежит Издательству „Новости“. Выпуск произведений серии без разрешения Издательства считается противоправным и преследуется по закону.